РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

1 (35)

Январь—Февраль—Март

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2012

Здесь и далее ширина набора должна быть 135 мм, то есть линейки сверху в колонтитуле должны быть 135 мм

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов,* д.п.н. *О. В. Гневэк,*
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков,* д.п.н. *З. М. Уметбаев,* д.филол.н. *С. Г. Шулежкова,*
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2012
© Магнитогорский государственный университет, 2012
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2012

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

История Древней Греции и Рима. Эллинизм

© 2012

Н. В. Ефремов

КАРИЯ МЕЖДУ ПЕРДИККОЙ И АНТИГОНОМ
(Некоторые примечания к истории западной Малой Азии в ранний период диадохов, 321–317 г. до н.э.)

Рассматриваемый в статье период истории Карии связан с временем сатрапа Асандра. Переняв в 323 г. сатрапию, он по традиции карийских династов объединил в своих руках все рычаги светского и религиозного правления. Примкнув к Антигону, Асандр способствовал его высадке в Азии и поддерживал наступление против Евмена, прикрывая фронт против Алкеты. Этим временем датируются афинские почести для него (IG II2 450) за то, что он «*пришёл на помощь полису, предоставив афинянам свои корабли и послал солдат в трудные времена*». Эти события связаны с операциями зимы 322/321 г. до н. э. в помощь афинским клерухам против возвращающихся самосцев. Последовавшая после смерти Пердикки осенью 321 г. до н. э. атака его сторонников против Книда, Кавна и родосцев была направлена против сатрапии Асандра с целью объединения усилий Евмена, Алкеты и Аттала в западной Малой Азии. В поражении Аттала важная роль принадлежала Родосу, который, капитулировав перед Пердиккой вскоре после 323 г. до н. э. в это время поменял стороны и поддержал сатрапа Карии. Следующий и последний этап борьбы Асандра против пердикканцев связан с его поражением и кратковременной утратой власти над восточными регионами сатрапии. При косвенной поддержке Антигона, разгромившего Евмена и вынудившего пердикканцев к отступлению в Писидию, позиции Асандра в Карии были восстановлены.

Ключевые слова: Антигон, Асандр, диадохи, Кария, Пердикка, Родос, сатрапия.

Прежде чем перейти к указанной в заглавии теме, необходимо кратко остановиться на некоторых вопросах предшествующего ей периода, ибо без этого останутся непонятными события, освещаемые ниже, и прежде всего связь между ними. Многократно обсуждавшимся и до сих пор окончательно не решённым остаётся вопрос о статусе малоазийских греков в составе владений Александра Великого. Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, отмечу, что, на мой взгляд, нет серьёзных оснований утверждать, что с покорением западной части Анатолии эллинские полисы автоматически стали членами Коринфской лиги. Имеющиеся на сегодняшний день данные свидетельствуют скорее о том, что вопрос о их статусе

Ефремов Николай Васильевич — PhD., доцент Университета им. Эрнста Морица Арндта, (г. Грайфсвальд). E-mail: nikolai.jefremow@gmx.de

регулировался во-первых, прокламированной Александром политикой свободы греков, а во-вторых, индивидуальной позицией конкретного полиса в войне. Вероятно, что с отдельными из них были заключены договоры, регулировавшие их отношение непосредственно с наследником Ахеменидов[1].

1. После Александра

После смерти Александра положение азиатских греков реально не изменилось. На состоявшемся в 323 г. до н. э. в Вавилоне конгрессе должна была быть определена дальнейшая судьба империи (Arr. Succ. 1. 5–8; Dexipp. 8.1–8; Diod. XVIII. 3.1–5; Curt. X. 10.1–4; Iust. XIII. 4.9–24; Oros. III 24.; Metz. 121)[2]. Полководцы захватили вместе с Александром персидское царство, и отныне также на них должно было распространиться право χώρα δορίκτητος — «*страны, взятой копьём*» (Diod. XVIII. 39.5)[3]. Очевидно, исключение было сделано для малоазийских греков, так что они в качестве σύμμαχοι подчинялись либо непосредственно царю, либо регенту империи, покуда царь не достиг совершеннолетия, а не отдельным сатрапам (Arr. Anab. I. 18.1; Diod. XVII. 24.1)[4]. Хотя *de iure* они были свободны (ἐλεύθεροι), *de facto* это была так называемая союзная свобода. То есть пользуясь автономией во внутренних делах, они оставались составной частью царства без самостоятельной внешней политики и обязанностью платежей в качестве союзников[5]. С другой стороны, полисы вообще не были упомянуты в особой статье договора, что может свидетельствовать либо в пользу того, что их более не рассматривали в качестве особой инстанции, либо — что положения времени правления Александра остались без изменений. Как раз в пользу последнего тезиса могут быть привлечены «*декларации свободы эллинов*» времени диадохов, где каждый из «*наследников*», равняясь на Александра, стремился подтвердить существовавший до него порядок вещей (Diod. XVIII. 55. 2; 56; 64. 3; XIX. 61. 3–4; XIX. 75.6; 105.1; Plut. Phoc. 32.1; Iust. XV. 1.3)[6]. Именно в Вавилоне, когда речь зашла о разделе наследия Александра и каждый из них стремился получить свою долю в дележе, вопрос о полисах само собой отступил на второй план, подчинившись интересам глобальной политики.

Из прилегавших или граничивших с побережьем Эгеиды территорий на западе Малой Азии за Антигоном Монофталмом были подтверждены Ликия, Памфилия и Великая Фригия (Curt. X. 2; App. Syr. 53.1; Diod. XVIII 3.1; Arr. Succ. 1.6;

---

[1] Bickermann 1934, 360; Ehrenberg 1938, 12 ff., 33; Lenschau 1940, 221; Rosen 1968, 194; Seibert 1972, 85–90; Müller 1973, 25; Seager 1981, 107; Will 1986, 55; Hammond, Walbank 1988, 75. По мнению Маринович (1986, 48–53; 1993, 156) греки Азии стали добровольными союзниками Александра и поэтому не было юридической регламентации отношений, а следовательно и договоров с отдельными городами.

[2] Beloch 1926. IV. 1, 65; IV. 2, 308 ff., Niese 1893, 192ff.; Schamermeyr 1925, 435, 461; 1970, 141ff.; Ensslin 1925, 293ff.; Schwahn 1930, 211ff.; Miltner 1933, 39ff.; Schur 1934, 129ff.; Rosen 1967, 41; Schober 1981, 3 ff.; Seibert J. 1983, 84ff.; Klinkott 2000, 17; Schäfer 2002, 53.

[3] Schachermeyr 1970, 181, 185, 200. О термине: Instinski 1949, 3ff.; Mehl 1980/81, 172 ff.

[4] OGIS, nr. 4:8; 223; Diod. XVIII. 18, 6; 25, 6; 29, 1; 52. 3; Engelmann, Merkelbach 1972, nr. 32; Gaebler 1892, 14; Bier 1923, 7, 9; Pistorius 1913, 82; Baumbach 1911, 61; Berve 1926, 286f.; Bengtson 1937, 34; Rosen 1968, 194, 198; Klose 1972, 17.

[5] Gaebler 1892, 16; Baumbach 1911, 61; Badian 1966, 51.

[6] OGIS Nr. 5; 6; Rosen 1968, 194; Mehl 1986, 121.

Dexipp. 8)[7]. Сатрапом Лидии был определён Менандр (Arr. Succ. 1. 6; Dexipp. 8. 2; Diod. XVIII. 3. 1; Curt. X. 10.2; Iust. XIII 4.15)[8], Карии — Асандр (Diod. XVIII 3.1; Arr. Succ. 1.6; Dexipp. 8.2; Iust. XIII 4.15; Metz. 117.4)[9]. Примечательно, что в то время как, например, Менандр был подтверждён на своём посту в качестве сатрапа Лидии, ни Ада, ни Филоксен, управлявшие ранее Карией[10], не фигурируют более в списках наследников, окончательно исчезнув с политической арены. Неизвестно, чем была обусловлена замена в Карии. Ады определённо уже не было в живых[11]. Этот факт подтверждается, правда, лишь соображениями общего порядка — как, например, её преклонным возрастом, но едва ли вероятно, чтобы Александр стал устранять усыновившую его карийскую властительницу. Что касается сатрапа Карии Филоксена, то Херман Бенгтсон отождествлял его с Филоксеном — финансовым чиновником (ὁ ἐπὶ θαλάττῃ πραγμάτων᾽ Αλεξάνδρου στρατηγός) и наместником побережья (τὰ ἐπὶ τάδε τοῦ Ταύρου ἐκλέγειν), который последовательно занимал эти должности[12]. Вальдемар Хеккель, напротив, считает, что чрезвычайное командование Филоксена в качестве «*финансового директора областей за Тавром*» и одновременно «*надзирателя за Западным* побережьем» (Arr. Anab. III. 6.4; Plut. Alex. 22.1; Polyaen. VI. 49; Paus. II. 33. 4)[13] закончилось со смертью Александра Великого, а он сам либо также скончался до конгресса в Вавилоне, либо вернулся назад в Македонию[14]. С другой стороны, известно, что некий Филоксен привёл войска из Карии к Александру в Вавилон (Arr. Anab. VII 23.1; 24.1). И если принять его идентичность с упоминаемым Псевдо–Аристотелем сатрапом Карии (Ps.-Arist. Oec. II. 31 (1351b–1352a)), то можно, согласившись с мнением Х. Бенгтсона, предположить, что чрезвычайные полномочия Филоксена закончились ещё до смерти Александра и в связи со смертью Ады он перенял, вероятно, в «*дежуреном порядке*» обязанности сатрапа Карии[15], кои завершились с его уходом в Вавилон. Почему он не был подтверждён в «*своей*» сатрапии, неизвестно.

[7] Simonetti Agostoinetti 1993, 46; Errington 1970, 69; Köhler 1898, 825; Heckel 1988, 16, §117; Briant 1973, 45ff., 132; Anson 1988, 471–477. Фригия была его владением ещё до смерти Александра, Billows (1990, 46, 205) считает, что это могло произойти уже в 330 г.

[8] О Менандре см.: Berve 1926, 255, nr. 501; Heckel 1992, 339, nr. 6.1; Billows 1990, 402, nr. 71.

[9] Beloch 1926, 241f.; Niese 1892, 197; Robert 1983, 100; Merkelbach 1954, 220ff.; Heckel 1988, 92 и 108. App. 2. Часть источников называет Кассандра: Curt. X. 10. 2; Iust. XIII. 4.15; Arr. Succ. 1.6; Leo. (Pfister). 104ff. [33], но см. эмендацию*:* Seibert 1983, 115.

[10] Herrmann 1965, 29ff.; Schmitt 1964, 159f.; Bosworth 1980, 279, 281; Heckel 2009, 220, nr. 2; Ефремов 2009, 156–162.

[11] Она умерла не позднее 323 г. до н. э., т.к. затем в Карии фигурировал сатрап Филоксен. Heckel 2009, 3, nr. 1.

[12] Bengtson 1937, 141, 144; Bosworth 1980, 280–282. Неопределённо Heckel 2009, 220, nr. 1.

[13] Berve 1926, 389 f., nr. 793; Bengtson 1937, 140 f., 143; Badian 1966, 55; Heckel 2009, 220, nr. 1.

[14] Heckel 2009, 220, nr. 1.

[15] Berve (1926, 390, nr. 794) и Heckel (2009, 220, nr. 2) также считают сатрапа Карии Филоксена одним лицом со стратегом, приведшим войска в Вавилон, но отрицают его идентичность с «*финансовым директором*», ибо тот являлся известной персоной и Арриан не мог назвать его τὶς Μακεδών. Они отождествляют этого Филоксена с сатрапом Киликии при Пердикке и после Трипарадиса. См.: Arr. Succ. 24.2;34; Iust. XIII. 6.16; Diod. XVIII. 39.6. Но не стоит забывать, что труд Арриана дошёл до нас в выдержках Фотия, для которого Филоксен и был «*неким македонянином*». Bosworth 1980, 279, 281, помещал поле деятельности Филоксена в Карию, Ликию и Фригию *which were more easily accessible from Caria than from the respective satrapal centres*. Филоксен был сатрапом *de facto*, как Клеомен в Египте.

Идентификация сатрапа Карии Асандра также долгое время оспаривалась. По мнению Б. Низе, он был двоюродным братом Пармениона и сыном Филоты (Arr. Anab. I. 17.7)[16]. Однако Асандр, сын Агафона из Пидны, командовавший цитаделью в Вавилоне в 330/329 г. до н. э. (Diod. XVII. 64.4), также имел одноименного брата, и в случае с карийским сатрапом речь идёт именно о нём[17]. Причины того, почему выбор пал на Асандра, ничем не отличившегося на военном поприще и никак не связанного с Карией, неизвестны. Можно лишь предполагать, что какую-то роль сыграло определённое лобби в Вавилоне и Асандр был назначен *ad hoc*. Во всяком случае он не был сторонником Пердикки. Одна надпись из Стратоникеи сообщает, что посланники посетили Асандра в Миласе, где, очевидно, находилась его резиденция[18]. Для перенесения центра в Миласу могли играть роль несколько причин: во-первых, Галикарнас, подвергнувшийся осаде и разрушениям в период военной кампании Александра, являлся в это время второстепенным городом и, очевидно, вместе с другими греческими полисами на побережье был изъят из юрисдикции сатрапа, во-вторых, Миласа была в глазах карийцев древней столицей и одновременно религиозным центром страны, что могло способствовать легитимации владычества Асандра как исконно карийского. Можно предположить, что он перенял Карию в границах сатрапии Ады после 334 г. до н. э. Так, по словам Арриана (Anab. I. 17.7), другой Асандр, сын Филоты был сатрапом Λυδίας καὶ τῆς ἄλλης τῆς Σπιθριδάτου ἀρχῆς. При этом ионийские города остались свободными, а территория между ними относилась к βασιλικὴ χώρᾳ. Аналогичным образом из сатрапии Асандра были исключены прибрежные греческие полисы, включая Кавн, а также бывшие ранее под карийским контролем Ликия, возможно, Памфилия и острова Хиос, Родос и Кос[20]. Первые две области были переданы Неарху (Arr. Anab. I. 24.4; III 6.6; Iust. XIII. 4.15)[21], а затем вместе с Великой Фригией — Антигону[22]. Причина этого мероприятия не совсем ясна. Едва ли изъятие Ликии из карийской сатрапии призвано было возвратить утраченную после поражения «*восстания сатрапов*» свободу ликийцев[23] и укрепить национальный элемент, ибо одно иноземное господство сменилось на другое, а подчи-

[16] Berve 1926, 87, nr. 165; Niese 1892, 197, с Anm. 3; Beloch 1925, Bd. III. 1, 127 Anm. 4; Baumbach 1911, 63f. Anm. 2; Meyer 1925, 9; Berve 1926, 87, № 164. Но возможно, он был его родственник. См.: Kaerst 1896, 1515. Errington (1970, 70) видел в нём *nephew of Parmenio*.

[17] Arr. Succ. 9.37; 41; 25.1; Dexipp. 8.2; Diod. XVIII. 3.1; XIX 3.1; 39. 6; XIX. 62.2; 5; 75.1–2; Curt. X. 10.2; Iust. XIII 4.15; Syll.^{3}, nr. 320: 2–3, 12–13; Kaerst 1896, 1515f.; Berve 1926, 87, nr. 164; Heckel 1977, 410–412; 1988, 64; 2009, 57; Bosworth 1980, 130; Simonetti Agostinetti 1993, 47; Billows 1995, 91.

[18] I. Stratonikeia, nr. 501; 503; I. Mylasa, nr. 21:1; SEG XXXIII, nr. 872:2; Robert 1983, 97ff.; Orth 1993, 55.

[19] Julien 1914, 13; Meyer (1925, 9) против Baumbach (1911, 61).

[20] Keen 1998, 172–174; Ефремов 2009, 132 сл.

[21] Heckel 2009, 3, 171ff.

[22] Diod. XVIII. 3.1; 39.6; Curt. X. 10.2; Iust. XIII 4.14; Arr. Succ. 1.6; Dexipp. 8.2. Весной 333 г. до н. э. Антигон был назначен сатрапом Великой Фригии. См. Arr. Anab. I. 29.3. Успешно руководил отражением персидских контратак в Малой Азии после битвы у Исса. Curt. IV. 1.35; Anson 1988, 471–477. Ликию и Памфилию он мог перенять после отзыва Неарха в 331 г. до н. э. Ср.: Arr. Anab. IV. 7.2; Curt. VII 10.12. Юстин (XIII. 4.15) говорит, что Неарх был подтверждён в качестве сатрапа Ликии и Памфилии, но это ошибка, основывающаяся на его прежней должности. См.: Heckel 2009, 32 f., nr. 1.

[23] Например, А. Б. Босворт (Bosworth 1988, 230) относил это за счёт непопулярности гекатомнидского владычества в Ликии.

нение карийским сатрапам сменилось на господство Антигона в его трехчастной сатрапии с центром во Фригии. Скорее думается, что таким образом был награждён верный соратник македонского царя, а одновременно обезопасены внутренние коммуникации в Анатолии после разгрома персидского контрнаступления следом за сражением у Исса. Труднее обстоит вопрос с островами. Они были под контролем Гекатомнидов со времени правления Мавзола, что едва ли изменилось при его преемниках, за исключение Хиоса. Вероятно, что наряду со стремлением консолидации национальных единиц, Александр стремился обособить островных греков от владений сатрапов на континенте, о чём будет сказано ниже.

Против предложенной здесь интерпретации на первый взгляд, свидетельствует Диодор, который пишет об Асандре: ἰσχύοντα καὶ πόλεις ἔχοντα τεταγμένας ὑφ᾽ ἑαυτὸν οὐκ ὀλίγας (Diod. XIX. 62.1; 68.5; 75.4)[24]. Однако имеются все основания полагать, что в этом сообщении нашло отражение несколько более позднее положение дел, когда Асандр самовольно расширил границы своих владений, заняв гарнизонами греческие полисы. Именно этот факт использовал Антигон в качестве предлога для развязывания войны против него, когда несколькими годами позже требовал от него τὰς δ᾽ Ἑλληνίδας πόλεις αὐτονόμους ἀφήσειν (Diod. XVIII. 52; XIX 68.4)[25]. Следует учитывать, что права сатрапов при Александре были существенно ограничены. Сравнительно со своими «*коллегами*» в царстве Ахеменидов они были скорее чиновниками на службе царя[26]. Характерной особенностью династической власти в Карии в классический период было соединение административных, политических и сакральных функций. Наряду с должностью сатрапа, династ являлся одновременно председателем Карийского союза и наследственным жрецом[27]. Очевидно, что эти ипостаси перешли и на нового сатрапа Карии. Власть Асандра воспринималась как абсолютная, что выразил Диодор причастием κυριεύων (XIX. 75.1)[28].

В это время в Карии официальные документы датировались годами правления Асандра. После имени царя Филиппа Арридея с датой его правления следует знакомое дополнение᾽ Ασάδρου σατραπεύντος, написанное в сюжете продолжения документов предшественников[29]. Таким образом подчёркивалась преемственность традиции. Этим Кария отличается от подавляющего большинства регионов античного мира, ибо датировки именем Арридея известны кроме того лишь в Египте и Вавилоне, в первом случае наряду с упоминанием сатрапа Птолемея Лага[30]. Первое, что бросается в глаза, — это хронологическое и географическое распределение этих эпиграфических памятников. Все они датируются от перво-

[24] I. Milet, nr. 122 II:100; I.Didyma. nr. 123; StV, III, 38, nr. 425.

[25] Simpson (1959, 392); Descat (1998, 188, 190) различает между владениями Асандра и полисами в Карии — «*свободными союзниками диадохов*», что едва ли обосновано.

[26] Berve 1926, 275–283.

[27] Ефремов 2009, 134 сл.

[28] В почётном декрете для Асандра из Афин (IG II^2 nr. 450; Syll.^{3} nr. 320; SEG XXV, nr. 75:15f.) говорится о «*его территории*» (χώρα|ν τὴν ἑαυτοῦ), что находит параллель с проксенией кносцев 357 г.: Crampa 1972, 39f., № 40; Hornblower 1982, 366, M7; ὁπόσης Μαύσωλλος ἄρχει. Иштван Хан рассматривал в ограниченном смысле «*насколько ими распоряжается Мавзол*», а если ἄρχει понимать территориально, тогда «*в пределах владений Мавзола*» (Hahn 1978, 15f.). Но уже в ATL так именуются территории карийских властителей. См.: Bean, Cook 1955, 147.

[29] Например, Syll.^{3} nr. 311; I.Stratonikeia, nr. 501; Ефремов 2009, 181 сл., № 3; 2010 passim.

[30] Ефремов 2009, 128 сл., прим. 1, 179–183.

го до шестого года правления Арридея (323–218 гг.) и происходят из внутренних районов Карии. Сделать какие-либо однозначные выводы в отношении греческих полисов побережья не представляется возможным, ибо, несмотря на довольно обильный эпиграфический материал оттуда, эллинистические надписи представлены слабо, а документы начального периода отсутствуют практически напрочь. Вместе с тем есть основания полагать, что подобная ситуация едва ли случайна и положение в полисах существенно отличалось от остальной Карии, что и нашло своё отражение в эпиграфике. Однако и полисы не были полностью ограждены от вмешательства сатрапа. Пример такой интервенции даёт надпись о синойкизме Латма и Пидасы[31], что означало политическое и территориальное объединение двух общин. Среди прочего в ней постановляется создать новую филу в добавок «*к уже существующим и назвать её* «*Асандрия*». В это время в Гераклее на Латме употреблялся македонский календарь, который, возможно был введён сатрапом. Есть основания полагать, что инициатива подобного объединения исходила от него самого, именно он «*принудил*» пидасцев к переселению, и если фила Александрия в Илионе (CIG Nr. 3615) не была создана при жизни македонского царя, то случай с Гераклеей является древнейшим примером подобных почестей для эллинистического периода[32]. Прецедент такого рода вмешательства во внутренние дела полисов не единичен. Уже в 321–320 г. до н. э. Асандр, заручившись оракулом, способствовал избранию на пост обладателя неокории культа Артемиды в Амизоне своего протеже, с дарованием ему гражданских прав и прочих привилегий[33].

На Родосе карийские войска засвидетельствованы ещё при Идриэе. Вплоть до Александра остров оставался под властью Гекатомнидов, что можно постулировать и для Коса, который пребывал в руках Оронтобата до 332 г. до н. э. (Demosth. XV. 13; 25)[34]. Хиос же отпал, вероятно, после смерти Идриея, т.к. он позднее известен в качестве члена Коринфской лиги[35]. Окончательно острова были освобождены от «*иностранного господства*» лишь после завершения операций в Эгеиде в 332 г.[36] до н. э. В отношении с островными греками Александр не отошёл от своих принципов. Они базировались либо на положениях *koine eirene*, или же на союзных договорах[37]. Кроме того, в целях оптимальной организации логистики и обороны региона он уже перед войной против спартанского царя Агиса III организовал специальное командование для островов, которое, очевидно, сохранялось и позднее[38]. Особого интереса заслуживает в этой связи положение Родоса. К моменту перехода Александра через Геллеспонт он занимал ярко выраженную

[31] Blümel 1997, 135–142; SEG XLVII, nr. 1563; Habicht 1998, 9–10; Jones 1999, 1–7; BE 1999, 462. Wörrle 2003, 121–143.

[32] Habicht 1998, 10. О традиции избрании владыки в «*почётные*» магистраты города: Heuss 1937, 42.

[33] Robert 1983, 97ff., nr. 2.

[34] Bockisch 1969, 160; Berthold 1984, 32f.; Wiemer 2002, 61; Hornblower 1982, 46, 132ff.; Ruzicka 1988, 142.

[35] Gehrke 1985, 47.

[36] См.: Arr. Anab. II 5, 7; 20. 2; III. 2. 6; Curt. IV. 5, 9; Berthold 1984, 46; Ruzicka 1988, 144.

[37] Hammond, Walbank 1988, 71. После окончания Ламийской войны Антипатр также заключил договоры с отдельными полисами. См.: Rosen 1967a, 100 c Anm. 41.

[38] Ср: Arr. Anab. III. 2.5–7; Plut. De virt. perd. 5. Moralia 531a; Berve 1926, 164.

антимакедонскую позицию[39]. Причиной этому была многолетняя оккупация острова карийскими войсками с поддержкой местной проперсидской олигархии. «*Перелом в настроении*» произошёл лишь в 332 г. до н. э. С поражением персов в Эгеиде остров спешно перешёл на сторону победителя и отослал свою эскадру Александру, осаждавшему Тир[40]. Несмотря на такой шаг, именно с этого времени на Родосе известен македонский гарнизон. По аналогии с положением острова под карийским владычеством его наличие первоначально оправдывалось превентивными мерами, пока в Эгеиде шли военные действия. Однако с их окончанием в 332 г. необходимость этого отпала. Не исключено, что Александр, имея перед глазами пример Хиоса и Митилены, где успехи персидского флота привели к жестокой междоусобной борьбе (Diod. XVII. 7.8; Arr. Anab. I. 11.6; 17.1–12; 18.2; II 1.5; III 2.4; 2.7; Curt. IV 5. 19)[41], стремился предотвратить это на Родосе. Во всяком случае, как сообщает Курций Руф (IV 8.12), афиняне, хиосцы и родосцы послали посольства к Александру с просьбой вывода гарнизона, что он и сделал. Этому факту, правда, противоречит указание Диодора (Diod. XVIII. 8.1), что македонский гарнизон оставался на Родосе ещё к моменту смерти Александра. Несомненно, что наличие чужеземного гарнизона в мирное время *de facto* означало зависимость, но, во-первых, им был занят лишь акрополь города Родоса, в то время как остальная территория острова оставалась неподконтрольной. Во-вторых, против серьёзного ущемления суверенитета говорит то, что там продолжался чекан монеты[42], а также факт того, что политические оппоненты Александра пытались найти укрытие и получить политическое убежище на острове. Этому никак не противоречит, что Филоксен арестовал там бежавшего раба Гарпала и тем более арест и помещение в Сарды родосцев братьев Демарата и Спартона (Paus. II. 33.4; Plut. Phoc. 18.6; Aelian. VH. I. 25)[43]. В первом случае речь шла об откровенной краже, связанной с «*аферой Гарпала*», во втором — о преследовании персидских сторонников[44]. Учитывая высокое положение Демарата несколькими годами спустя, можно полагать, что он был известным аристократом, имевшим существенный вес в родосской политике. Не следует забывать, что, когда речь шла о собственных политических интересах, Александр не останавливался перед нарушением автономии греческих полисов, как это демонстрирует, например, закон о возвращении изгнанников[45], Поэтому, скорее всего, верно предположение, что Александр про-

[39] Gelder 1900, 94 ff.; Hiller von Gaertringen 1935, 775–777.

[40] Об этом см.: Arr. Anab. II. 20.2; III 16.12; Curt. IV. 5 9; 8.12; Iust. XI 1; Oros. III. 17.9; Ael. Arist. XXV (XLIII).4; Gelder 1900, 99 Anm. 1; Badian 1966, 65, n. 53; Hauben 1977, 307.

[41] IG XII 2., nr. 526; OGIS, nr. 8; Lenschau 1940, 201–224; Badian 1966, 41–53; Heisserer 1980, 27–58; Несмотря на возражения Heisserer 1973, 191–204 хиосское письмо Александра датируется 332, а не 334 г. См. Hammond, Walbank 1988, 71.

[42] Ehrenberg 1938, 32.

[43] Fraser 1952, 200, n. 4; Badian 1966, 56; Hauben 1977, 210. О этих двух братьях см.: Berve 1926, 133, nr. 254; 358, nr. 714; Hofstetter 1978, 46, nr. 78; 167, nr. 295; Heckel 2009, 108, nr. 2; 253. Tarn 1968, 473 считал, что Родос сохранил олигархию. Но Александр повсеместно свергал олигархии и замещал их демократиями. Arr. Anab. I. 18.1–2; Berve 1926, 248; Hauben 1977, 308, n. 10. См., об аристократическом устройстве Родоса: O'Neil 1981, 468–473.

[44] Hauben 1977, 310f.

[45] Dinarch. Dem. 82; Hyper. contra Dem. frag. IV. col. 19; Diod. XVII .109.1; 113.3; XVIII. 8.2; Arr. Anab. VII.14.6; Curt. XVI .2.4; Iust. XIII 5.2.; IG XII 2, nr. 6=Tod, nr. 201; Syll.³ nr. 312=Tod, nr. 202; Heisserer 1980, 118ff., 204ff.; Jakoby 1913, 1558; Jaschinski 1981, 55; Rosen 1978, 26f., 31f.; Hammond,

сто сократил гарнизон акрополя[46]. Не случайно, что македонские гарнизоны были оставлены именно на Родосе и Хиосе, на этих двух островах, которые продолжительное время находились под карийским владычеством. В этом они были уравнены с другими континентальными и островными эллинскими общинами, что было результатом существовавшего со времён начала персидского господства в Азии разделение эллинства, подтверждённого Анталкидовым миром; с другой — они попадали под личную юрисдикцию царя[47].

2. Первая война диадохов

Первый период правления Асандра не был долгосрочным. Зимой 322–321 г. до н. э. в Азию на афинских кораблях прибыл Антигон *Одноглазый*, развязав тем самым начало военных действий[48]. Момент для начала операции был выбран как более нельзя удачный. В западной Малой Азии в это время практически не было войск противника, если не считать незначительных заслонов у Геллеспонта и отрядов сатрапов. Силы самого Антигона также были незначительны, насчитывая всего 3000 пехотинцев (Arr. *Succ*. 25.1f.). В этой связи, а также при учёте быстроты его последующего успеха было высказано предположение, что он действовал по договорённости по меньшей мере с сатрапом Карии, ибо в противном случае шансы на успех были бы мизерны[49]. Кроме того, только так можно объяснить, что местом высадки он выбрал Галикарнас[50], а не какой либо иной порт на побережье ближе к Геллеспонту. Совершенно очевидно, что целью Антигона не было немедленное возвращение собственных владений, что доказывают последующие его шаги. Со стороны Асандра переход на сторону Антигона был элементарным предательством. При этом есть все основания полагать, что если и существовала какая-то более ранняя договрённость, то она касалась Асандра и Антигона. Сатрап Лидии Менандр присоединился лишь какое-то время спустя после некоторых колебаний, а уже за ним последовали и ионийские полисы во главе с Эфесом (Arr. Succ. 25.1;3)[51]. Что могло способствовать измене «сатрапов»? Скорее всего, это был чисто политический расчёт. Суровые мероприятия Пердикки, приведшие к «дезертирству» Леонната и Кратера, колебаниям Неоптолема, смещению

Walbank 1988, 80, n.1. Известно, что тот же Филоксен вмешался в беспорядки в Эфесе. См.: Wirth 1972, 97.

[46] Hiller von Gaertringen 1935, 777. Ср.: Hamilton 1969, 86; Fraser 1952, 201. Hauben (1977, 310). подчёркивает, что Александр, вероятно, подозревал Родос в сепаратизме. Tarn 1968, 474 отдавал предпочтение Курцию Руфу и считал, что гарнизон был убран в 331 г. до н. э. одновременно с хиосским, который был выведен, очевидно, после окончания войны на Крите. См.: Hammond, Walbank 1988, 75.

[47] Badian 1966, 50.

[48] Hauben (1977a, 96), Schubert (1914, 158) и Briant (1973, 190, 227) датируют высадку Антигона весной 321 г. до н. э. Об эскадре Антигона см.: Arr. Succ. 25. 1; Hauben 1975, 11–13, nr. 3.

[49] Fontana (1960, 169, n. 6) и Billows (1990, 63), говорят также и о Менандре. По мнению Schäfer (2002, 73) перед своим бегством в Европу Антигон до последнего момента оставался во Фригии и уже в это время достиг соглашения с Асандром и Менандром, бывшими в течении ряда лет его соседями. Против какой либо договорённости Briant 1973, 208, n. 3.

[50] У Арриана (1–3) о переправе Антигона Pooc (Flavii Arriani quae extant omnia. Scripta minora et fragmenta. Roos II, 1968) дополнил: ἔπλευσεν ἐς᾽ Αλικαρνασσόν вместо ἐς᾽ Εφεσον. Ср.: Hauben 1977a, 92; Schäfer 2002, 72.

[51] Schubert 1914, 159; Briant 1973, 207; Hauben 1977a, 92.

сатрапов Киликии и Вавилонии (Arr. Succ. 24.2)[52], постепенная передача браздов правления в Малой Азии своему верному стороннику Евмену наряду с масштабной подготовкой похода в Египет не могли не напугать их. В числе первых примкнув к антипердикканской коалиции, они надеялись на подержку в борьбе против Евмена и соответствующее вознаграждение[53]. Они не обманулись в своих ожиданиях, и в рамках соглашения в Трипарадисе, где распределялись владения пердикканцев и погибших наместников, только эти два сатрапа и Антигон сохранили старые территории, а назначенный Пердиккой в Киликию Филоксен подтверждён в должности в награду за своё предательство (Arr. Succ. 24. 4; Diod. XVIII. 39.5)[54]. На измену ионийских полисов могло повлиять их недовольство финансовыми поборами Пердикки для подготовки египетского похода и организации обороны Анатолии[55]. Кроме того, определённые симпатии могла вызвать роль Антигона в период кампании Александра в Ионии в последующем отражении контратак персов после битвы у Исса[56].

В отличии от Менандра, Асандр не поспешил на поддержку Антигона, оставшись в своей сатрапии. По всей вероятности, это был стратегический замысел. В то время как сатрап Лидии вёл военные действия непосредственно против Евмена, который к моменту высадки Антигона находился в его владениях в Сардах (Arr. Succ. 25.2ff)[57], Асандр должен был обезопасить тылы от возможных атак из Фригии. Обусловлено это было опасностью со стороны брата Пердикки Алкеты, начавшего военные действия против Фригии из Писидии[58], которые, очевидно, увенчались успехом, ибо позднее там без проблем оперировал Евмен.

Афинские корабли, переправившие Антигона в Азию, были на период его сухопутных операций наверняка оставлены в Галикарнасе и, возможно, подчинены Асандру. В этой связи заслуживает особого внимания известный афинский декрет с почестями для карийского сатрапа, где он чествуется за то, что «*пришёл на помощь полису, предоставив афинянам свои корабли, и послал солдат в трудные времена*»[59]. Обычно этот документ датируют февралём 313 г.[60] до н. э., связывая с операциями Кассандра на Лемносе (Diod. XIX. 68. 3). Иная точка зрения

---

[52] Huss 2001, 112 f.

[53] Briant 1973, 134 f.; Rosen 1968, 196; Schäfer 2002, 78.

[54] Heckel (1988, 64) и Bauer (1914, 38) не учитывает Асандра, см. Austin 1984, 45ff. О датировке Трипарадиса, *late summer or autumn* 320: Errington 1970, 76; 1977, 487: *summer*; Gullath, Schober 1986, 332 ff. (осень, вероятно, октябрь). За 321 г. до н. э. выступали Beloch 1925, 90; Rosen 1967, 62; Briant 1973, 216–226; Hauben 1977a, 86, 112, n. 139; Mehl 1986, 34; Bosworth 1992, 71–78; 1992a, 55–81; Dreyer 1999, 39. Anm. 5; Klinkott 2000, 68f. Неопределённо Шофман 1984, 70.

[55] Ср. приказ Антипатра полисам в 321 г.: χρήματα εἰς τὸμ πόλεμον εἰσφέρην. IG XII 2. Nr. 645; OGIS Nr. 4; Bringmann, von Steuben 1995, 10 ff., nr. 223 [E]. Кроме того см. о платежах: OGIS 5:43–45. После смерти Пердикки Евмен также вымогал деньги и «*грабил*» эолийские полисы: Iust. XIV. 1.6

[56] Anson 1988, 471–477; Priene, nr. 2 = Syll.^{3} nr. 278; Briant 1973, 43–40; Billows 1990, 197.

[57] Hauben 1977a, 93, 95, 99. Briant 1973, 202 относит миссию Евмена к периоду после переправы Антипатра и Кратера. Vezin 1907, 41 считал, что высадке Антигона предшествовали его операции на Кипре. Далее Engel 1972, 215–219 полагал, что совет в Писидии предшествовал событиям в Сардах, когда уже была известна измена Асандра, но не предательство Менандра.

[58] Schäfer 2002, 75.

[59] IG II^2 nr. 450; Syll.^{3} nr. 320; SEG XXV, nr. 75:19: τάς τε ναῦς τᾶς ἰδία|ς καὶ τοῦς στρατιώτας παρ|[έχετα]ι᾽ Αθ[η]ν[αί]οις εἰς τὰς χ|[ρείας.....]ρ; Kotsidu 2000, 91–93, nr. 41 [E].

[60] Osborne 1981, 109 ff., d 42; 1982, 113–115. Ср. O'Sullivan 1997, 107; Lambert 1999,119 f.

представлена в статье Л. О'Салливэна[61]. По принятой им хронологии, почести для Асандра датируются временем, последовавшим за атаками Антигона в Малой Азии в конце 314 г. до н. э., когда начавшаяся зима остановила его наступление в Карии. В рассматриваемой афинской надписи он различает два декрета. В первом из них (А) нашёл отражение визит Асандра в Афины, во втором (Б) — причины почестей. Так как Асандр был в Афинах в начале 313 г. до н. э., то почести для него не могли быть связаны с событиями вокруг Лемноса. Поэтому следует найти иное объяснение. Ответ на вопрос, по его мнению, дают две фрагментарные надписи из Самоса[62], в которых речь идёт об отражении вражеских атак на город. По реконструкции Л. О'Салливэна, события развивались следующим образом. После изгнания клерухов[63] афиняне предприняли в 320-е гг. до н. э. неудачную попытку вернуть Самос. В 314/3 г. до н. э. остров был занят Антигонидами. Афиняне в это время не были в состоянии послать корабли, ибо лишились большей части своего флота у Лемноса. Тогда Асандр вдохновил их на новую попытку, предоставив корабли и войска. Поэтому вероятно, что именно карийско-афинские атаки на Самос ускорили отправление из Финикии флота Медея (Diod. XIX. 69.2–3), задействованного затем у Милета (XIX. 75. 4). Предложенная реконструкция не лишена остроумия, но при всём этом весьма спекулятивна. Поэтому её следует рассматривать лишь в качестве одной из возможных версий почестей для Асандра в Афинах[64]. Более вероятен, на мой взгляд, иной вариант событий. После знаменитого указа Александра о возвращении изгнанников стал вопрос и о судьбе афинской клерухии на Самосе. Решение об этом было передано Пердикке, который склонился в пользу самосских изгнанников (Diod. XVIII. 18.5; Diog. Laert. X. 1). В конце 322 г. до н. э. аттические суда засвидетельствованы у берегов Малой Азии, что, очевидно, было связано с проблемой Самоса[65]. Наиболее вероятной датой поддержки со стороны Асандра, на мой взгляд, могла быть зима 322/21 г. до н. э., когда афинские корабли доставили войска Антигона в Азию, очевидно, соединившись с другими афинскими кораблями там[66]. Также несомненно, что именно афинские корабли составили ядро флота Антипатра и Кратера в период первой войны диадохов[67]. В конфронтации между диадохами афиняне, очевидно, увидели шанс для аннулирования решения Пердикки, а оказав содействие Анти-

[61] O'Sullivan 1997, 107–116.

[62] Habicht 1959, 182 ff., nr. 18f.

[63] Habicht 1959, 156ff.; Rosen 1978, 25ff.

[64] Маловероятно предположение Р. Билловса (Billows 1990, 116, 119, n. 48. Ср.: Errington 1977, 498 с n. 63), что действия Асандра были "*some sort of military aid to the city-perhaps against pirates*". Датируя это место в источнике более поздним временем года, он отмечает: *We can only guess at the purpose for which Asandros gave aid to Athens*, но одновременно предполагает, что посещения Асандра имели целью заполучить поддержку Деметрия Фалерского и/или Дионисия, коменданта Мунихия на переговорах с Кассандром. Однако очень сомнительно, чтобы он мог послать свои войска из Афин, т.к. сам находился в сложной ситуации (Diod. XIX. 8. 3). Кроме того, Афины были *de facto* городом Кассандра, и вмешательство Асандра последовало в рамках симмахии с ним.

[65] Briant 1973, 159, n. 1; Hauben 1977a, 91, 120.

[66] Frei, Marek 1997, 1 ff. Эту дату исключал К. Хабихт (Habicht 1959, 185), отмечая, что афинские меры в отношении Самоса носили ограниченный характер, и датировал в этой связи надпись временем 321–306. Ср.: Descat 1998, 188; Lambert 1999, 119.

[67] Hauben 1977a, 91. Известно, что в правление Ликурга в 326/25 гг. флот афинян имел в своём составе 413 кораблей. См.: Diod. XVIII. 15.8; Lang 1968, 244–254; Hauben 1976, 89, 101 ff.; Ashton 1979, 37–242; Rosen 1977, 27; Bosworth 2003, 14.

гону, могли расчитывать на ревизию проблемы клерухов на Самосе. Поддержка Асандра в этом вопросе также не явилась чем-то неожиданным. Приняв сторону антипердикканской коалиции, он руководствовался принципом нанесения вреда своему противнику где только можно. При этом флот мог быть предоставлен по его приказу греческими полисами Кария. На подобное нарушение их автономии в военное время могли просто закрыть глаза[68].

Высадка Антигона явилась полной неожиданностью как для Евмена, так и для Пердикки. На последовавших за ней советах в Писидии, где находилась в это время армия Пердикки, а затем в Киликии[69] был принят целый ряд контрмер по защите Малой Азии. Евмену была передана Кария, к которой после измены Менандра присоединили также Лидию (Iust. XIII. 6.14)[70]. Таким образом, вместе с «*провинцией Антигона*», включавшей Ликию, Памфилию и Великую Фригию, а также ставшей «*вакантной*» сатрапией Леонната Геллеспонтинской Фригией его синекура включала отныне всю Малую Азию за Тавром. Эти решения были логическим ответом на высадку Антигона и дезертирство сатрапов, а также были призваны послужить превентивной мерой в случае возможной атаки из Европы[71]. Дальнейшие шаги по укреплению позиций против коалиции были предприняты в Киликии. Наряду с заменой сатрапов Киликии и Вавилонии была организована морская экспедиции на Кипр, где подняли восстание некоторые местные царьки (Arr. Succ. 9.30)[72], а также облечён дополнительными обязанностями в соответствии с изменившейся обстановкой Евмен. В целях объединения командования ему в качестве στρατηγὸς αὐτοκράτωρ τῶν ἐν᾽Αρμενίᾳ καὶ Καππαδοκίᾳ δυνάμεων были подчинены Алкета и Неоптолем с войсками в Писидии и Армении. Кроме того, он был облачён обязанностью στρατηγὸς αὐτοκράτωρ τῆς ᾽Ασίας (Diod. XVIII. 29.1)[73].

Схоже описывает новую должность Евмена Корнелий Непот (Nep. Eum. 3,2): *Praefecerat hunc Perdiccas ei parti Asiae, quae inter Taurum montem iacet atque Hellespontum, et illum unum opposuerat Europaeis adversariis*. Во всяком случае, источники различают два направления обязанностей Евмена: командующего находящимися в это время в Каппадокии и Армении царскими (!) войсками и генерал-губернатора с особыми полномочиями, обусловленными отражением военной угрозы, для областей за Тавром, т.е. всей Малой Азии[74]. Совершенно очевидно,

[68] Многочисленные декларации свободы греков эпохи эллинизма являются не только свидетельством живучести политики Александра, но и указанием на то, что права эти постоянно нарушались и каждая новая декларация призвана была исправить это положение.

[69] О последовательности событий см.: Hauben 1977a, 99. Ср.: Schubert 1914, 156.

[70] Engel 1972, 218 f.; Hauben 1977a, 99, n. 72, 101 f. Briant 1973, 198 считал, что это произошло в Киликии, и принимал чтение Юстина (Iust. XIII 6, 18): *Lycia*, против чего категорически выступил *Hauben H*. Ebd. P. 99, n. 72 f. Уже во время своего бегства во внутренние регионы Малой Азии Евмен сообщил Пердикке о высадке Антигона и ситуации в Карии и Лидии (Arr. Succ. 25.8; Briant 1973, 199, n. 7; Hauben 1976, 101).

[71] Ср.: Briant 1973, 199; Hauben 1977a, 110.

[72] OGIS, nr. 4 = IG XII 2, nr. 645; Briant 1973, 208, n. 6, 215 no. 9; Hauben 1977a, 110–115; Billows 1990, 66 f.; Höbl 1994, 16; Huss 2001, 112.

[73] Ср.: Plut. Eum. 5.1); Iust. XIII. 6.14: *Eumeni praeter provincias, quas acceperat, Paphlagonia et {Caria} et {Lycia} et Phrygia adicuntur* с коррект. Vezin 1907, 39: *Cappadociam et Paphlagoniam, Caria et Lydia*; Niese 1893, 218; Schubert 1914, 159ff.; Meyer 1925, 15; Bengtson 1937, 119ff., 171ff.; Briant 1973, 198–201, 216; Hauben 1977a, 100, 107, 109; Bosworth 1978, 233; Heckel 1992, 173.

[74] Bengtson 1937, 96; Rosen 1967, 60.

что после конференции «*победителей*» в Трипарадисе аналогичные обязанности были возложены на Антигона. Будучи облечён там задачей борьбы против Евмена, он получил должность: στρατηγὸς τῆς βασιλικῆς δυνάμεως, причем ему также были оставлены его сатрапии Фригия и Ликия (Diod. XVIII. 39.6; Arr. *Succ*. 1.37; Iust. XIII. 8.10; XIV. 1.1; App. Syr. 53)[75]. Перед тем как осенью 321 г. до н. э. Антипатр покинул Азию, он сделал Антигона её губернатором: στρατηγὸς τῆς Ἀσίας (Diod. XVIII. 40.1; 50.1), практически уравняв со своим положением в Европе[76]. Таким образом в руках Антигона была сконцентрирована власть над всей Малой Азией, как прежде у Евмена.

Для ведения войны на море по приказу Пердикки были образованы три оперативные эскадры: Клита для операций в Эгеиде, Аттала — для поддержки похода в Египет, Сосигена с Родоса — для подавления восстания на Кипре[77]. Интересен географический состав флота. Так, корабли Сосегена были вызваны из Финикии, в Киликии набирались транспорты[78] и, вероятно, эскадра Аттала, эгейская эскадра была составлена из кораблей малоазийских полисов[79]. Нетрудно догадаться, что карийские корабли не могли быть задействоаны по причине нелояльности Асандра.

Отправившись в Сарды, Евмен усердно принялся за организацию обороны, отослав своих агентов в Ликию, Писидию и соседние территории с целью вербовки наёмников (Diod. XVIII 61.4). Кария не названа в этом списке, хотя карийские наёмники известны, например, в Афинах вскоре после 323 г. до н. э.[80] Не исключено, что Кария была в числе «*прочих территорий*», но с другой стороны она оставалась в руках Асандра. Во всяком случае, нет никаких известий о занятии её войсками Евмена. Несмотря на смещение Асандра *de iure*, он оставался *de facto* в своей сатрапии, а у «*стратега Азии*» и без него хватало забот по организации отпора Антипатру и Кратеру, которые успели высадиться в Азии. На какое-то время именно это спасло мятежных сатрапов. Антигон же в это время был уже на Кипре (Arr. Succ. 9.30).

3. После Пердикки

Убийство Пердикки[81] застало его зятя Аттала в Пелузии (Diod. XVIII 37.3). После вотации македонской армии, приговорившей Евмена и прочих сторонников Пердикки к смерти[82], Аттал отправился в Тир, где комендант крепости передал ему 800 талентов. Именно в Тир начали стекаться лица, оставшиеся верными

[75] Heckel 2009, 32, nr. 1.

[76] Bengtson 1937, 97, 100. App. Syr. 52 называет его: ἐπίσκοπος τῆς ὅλης Ἀσίας. Ср. ответную меру Полисперхонта / Олимпии с назначением Евмена στρατηγὸς αὐτοκράτωρ τῆς Ἀσίας после узурпазии власти Антигоном. Diod. XVIII. 58. 1; Plut. Eum. 1–2; Rosen 1967, 70.

[77] Iust. XIII 6.16: *Clito cura classis traditur*; Briant 1973, P. 212–215; Hauben 1977a, 87 f., 103 f., 105, 108. Об этих адмиралах см.: Hauben 1975, 19–24, nr. 7, 43–51, nr. 18, 91–93, nr. 32.

[78] Так считает Briant 1973, 215.

[79] Hauben 1977a, 105.

[80] IG ^{2} nr. 1956: 98–103; Diog. Laert. II. 12; IV 399; Polyaen. V. 17.

[81] Пердикку убили между 21.05. и 19.06. 321 г. до н. э. См.: Hauben 1977a, 87; Mehl 1986, 27; Wiemer 2002, 69.

[82] Arr. Succ. 9.30; Diod. XVIII. 37.1. В этой связи вызывает особое удивление, что одним из вождей партиии противников Антипатра в Трипарадисе являлся Аттал (Arr. Succ. 1. 33; 39).

Пердикке (Diod. XVIII 37.3f.). Это были не только морские соединения. Аттал собрал внушительную по тому времени силу в 10000 пехотинцев и 800 всадников (Arr. *Succ*. 9.39; Plut. *Eum*. 8.4)[83]. К нему примкнул также сатрап Вавилонии Доким, бежавший из своей сатрапии в период конгресса в Трипарадисе[84]. Численность кораблей флота неизвестна, равно как и вообще число судов, принявших участие в египетской кампании Пердикки. Ханс Хаубен делает интересное сопоставление с походом Антигона против Египта в 306 г. до н. э. Его «*средиземноморский*» флот состоял в это время из 100 транспортных и 150 военных судов (Diod. XX. 73.2)[85]. При этом, если в 306 г. до н. э. флот Птолемея I практически полностью был уничтожен непогодой еще предыдущей весной, то в 321 г. до н. э. он был «*полон сил*»[86], что соответственно требовало и больших затрат на борьбу с ним. Кроме эскадры Аттала, флот пердикканцев, очевидно, включал, уцелевшие после поражения у Кипра корабли Сосигена[87]. В юго-западной части Анатолии, в Ликии или Карии эти войска объединились с частями, оставленными Пердиккой для охраны малоазийских сатрапий. У Арриана/Фотия (*Succ*. 9.39) сохранилась запись о провалившемся летом-осенью 321 г. до н. э. наступлении пердикканцев: «*как Аттал со своими сторонниками совершил нападение на Книд, Кавн и родосцев, но был мужественно отражён родосцами, которыми предводительствовал наварх Демарат*»[88]. Если аористное причастие ἐπιχειρήσαντες, производное от глагола ἐπιχειρεῖν, довольно нейтрально и обычно означает «*нападать*», то медиальный инфинитив аорист ἐπιθέσθαι -, связанный с ἐπιτίθημι-, означает «*налагать руку*» в смысле «*захватывать*», а вся фраза ἐπιθέσθαι Κνίδῳ καὶ Καύνῳ καὶ Ῥοδίοις ἐπιχειρήσαντες, с двукратным употреблением приставки ἐπί в многосложных словах, переводится «*напавшие с целью овладеть Книдом, Кавном и родосцами*»[89]. Распространено мнение, что этой акцией пердикканцы стремились прервать торговлю в Эгеиде, захвать базы для флота или перерезать коммуникации с востока на запад либо заполучить стратегически важные гавани, а заодно создать плацдармы для дальнейших операций в Малой Азии[90]. Но почему нападению подверглись именно эти порты, а не, например, полисы на Геллеспонте, если бы целью атак был контроль над коммуникациями между Европой и Азией или стремления отрезать армию Антипатра от Македонии, не говоря уже

Не исключено, что это был омоним. См.: Berve 1926, 95, nr. 184. Bosworth 1992, 77 допускал, что он интервенировал письменно, что, однако, противоречит сообщению Арриана. См.: Wiemer 2002, 69.

[83] О Алкете и Аттале см.: Hauben 1975, 19f., № 7; Heckel 1992, 171 ff.; Simonetti Agostotinetti 1993, 87 f.

[84] Göteb. palim. f. 73r1: 30; Plut. Eum. 8.3; Dreyer 1999, 45–48; Bosworth 1992a, 61.

[85] Hauben 1975/76, 267–71; Hauben 1977a, 105.

[86] Hauben 1977a, 105.

[87] OGIS, nr. 4 = IG XII 2, nr. 645:15; Hauben 1977a, 110. Сосиген, очевидно, остался с Евменом, и только в 318 г. его флот стал добычей Антигона (Polyaen. IV. 6. 9). Позднее он известен среди гетейров Деметрия Полиоркета (Plut. Dem. 49. 7); Berve 1926, 369, nr. 737; Heckel 2009, 253.

[88] καὶ ὡς Ἀτταλὸς καὶ οἱ σὺν αὐτῷ, ἐπιθέσθαι Κνίδῳ καὶ Καύνῳ καὶ Ῥοδίοις ἐπιχειρήσαντες, ὑπὸ Ῥοδίων καρτερῶς ἀπεκρούσθησαν, Δημαράτου ναυαρχοῦντος αὐτοῖς: *Arr.* Ebd.; Simonetti Agostinetti 1993, 88 с датировкой Hauben 1975, 19; Hauben 1977a, 317; Heckel 1992, 181f.; Berthold 1984, 60. Весной датируют Bosworth 1992a, 55 ff.; Wiemer 2002, 69.

[89] Смысл фразы довольно туманен, и неисключено, что в экзерпированном отрывке Арриана изначально стояло примерно: καὶ τῇ χώρᾳ τῇ (*vel* περαίᾳ) τῶν Ῥοδίων.

[90] Vezin 1907, 56; Hauben 1977a, 318; 1977, 317.; Wiemer 2002, 70.

о том, что удар не был нанесён в Европе, что вполне было возможно, учитывая тот факт, что пердикканцы обладали сильным флотом? Нет никаких указаний на то, что была атакована, например, Памфилия, также обладавшае удобными гаванями. Кроме того, ещё большие перспективы открылись бы в случае покорения киликийского побережья — богатого корабельным лесом, обладавшего солидными резервами искусных моряков, а кроме всего прочего имевшего важнейшее стратегическое значение (Herod. III. 90.2; Diod. XIX. 58.4). Совершенно очевидно, что причины были иного рода.

Находящийся на перекрёстке путей в карийско-ликийском приграничье Кавн, очевидно, являлся в гекатомнидский период резиденцией карийских правителей Ликии[91]. Книд-Триопий, по всей вероятности, будучи где-то ок. середины IV в. перенесён из региона «*Старого Книда*»[92], ещё не успел обустроиться и укрепиться. В любом случае выбор этих полисов и Карии как таковой в качестве целей для нападения не был случаен. Но почему Книд и Кавн защищали родосцы, а не сатрап Карии Асандр? Какова была его позиция и его возможности в это время? Если Асандр несколько месяцев спустя активно боролся с пердикканцами в одиночку, возглавив поход против них, то как объяснить его пассивность в момент атаки карийского побережья? Значило ли это, что нападению подверглась сатрапия Асандра? Как всё это сочеталось со свободой полисов? Чуствовал ли себя сатрап в ответе за находящихся на его территории автономных союзников? Как понять, что пердикканцы атаковали Кавн, Книд и родосцев? Последовали ли эти атаки одновременно или поочерёдно «*на удачу*»? Если в упомянутой выше афинской надписи в его честь упоминается его помощь кораблями, то это вовсе не означает, что он имел их несколько месяцев спустя. Учитывая тот факт, что часть афинских кораблей была переброшена к Кипру, можно принять, что имевшиеся в распоряжении сатрапов и Асандра в том числе суда были привлечены Антипатром к походу на Египет. Это полностью соответствовало обычным в то время практикам[93]. Таким образом был «*оголён*» участок фронта в Малой Азии, ибо основные силы флота коалиции находились в Египте и у Кипра (Arr. Succ. 9.30). То есть обладая сухопутными силами, Асандр в это время был лишён флота, а Кария беззащитна перед любыми атаками с моря.

Другой вопрос: чем было обусловлено внезапное вмешательство Родоса? Если положение бывших островных владений карийских сатрапов при Александре и не вызывает особых вопросов, то не всегда ясно, как сложилась их судьба после смерти царя. Так как Арриан говорит о родосцах, а не о Родосе, то можно предположить, что имеются в виду материковые владение острова, его Перея[94], хотя и сам остров был вожделённой целью. Владения Родоса на книдском Херсонесе — его «*интегрированная Перея*» известны уже в IV в. до н. э. и, возможно, возникли до синойкизма[95]. Именно они были важной составной частью хозяй-

[91] Hatzopoulos 1982, 62.

[92] Müller 1997, 305 ff. (с литературой).

[93] Например, Syll.[3] nr. 283; Heisserer 1980, 79–83), а кроме того принципы комплектования флотов Александра, Антипатра и Клита. Briant 1973, 207; Hauben 1976, 80, 83, 87, 89 f., 104; Hauben 1977a, 88.

[94] Frei, Marek 1997, 71. Против этого Wiemer 2002, 69 с Anm. 35, отмечая, что владения Родоса в это время не выходили за Херсонес. Ср.: Ebd., 182.

[95] Gelder 1900, 191 f.; Fraser, Bean 1954, 52 f., 55, 94–102; Gabrielsen 2002, 69, 182.

ственного структуры родосского государства, одновременно являлись слабым звеном в его обороне. Любые политические перетурбации в соседних Ликии и Карии автоматически отражались на Родосе через его Перею. Это факт, к сожалению, не всегда учитывается исследователями в достаточной мере[96]. Кроме прочего, сообщение Ариана является свидетельством в пользу антипердикканской ориентации названных центров. Судьба Книда и Кавна неизвестна, хотя необязательно, что они были взяты с ходу, а длительная их осада едва ли была возможна в тех обстоятельствах. Наступлению на море против названных городов, возможно, сопутствовали сухопутные операции. Для атак на Родос более всего подходила гавань в Лориме[97]. Примечательно, что родосцы выступили здесь в качестве апологетов свободы карийских полисов Кавна и Книда. Возможно, что они были в союзе[98]. Если Книд издревле связывали с Родосом не только нити родства, членство в дорийском Гексаполисе, религиозные и политические узы с совместной колонизацией в Западном Средиземноморье[99], то с Кавном этот вопрос неоднозначен. Известно, что в период архаики Родос проводил колонизационную деятельность в соседней Ликии[100], но для Карии подобные его усилия не засвидетельствованы. Можно, конечно, предположить, что после персидского разгрома полиса ок. 494 г. до н.э. (Herod. I. 176) он заселялся представителями разных центров и, возможно, также Родоса, что могло послужить основанием для последующих претензий на обладание этим полисом.

Если верить нашим источникам, то Ламийская война в Греции и восстание греческих колонистов в Верхних сатрапиях не остались безнаказанными, в то время как упоминаемый с ними в одной цепочке в ряду «*беспорядков*», разразившихся после смерти Александра из-за изгнания македонского гарнизона, Родос по непонятным причинам избежал этой участи. Думается, что здесь требуются некоторые уточнения. Дело в том, что первыми мероприятиями Пердикки в качестве хилиарха как раз и явились штрафные санкции в отношении восставших областей. Кроме вышеупомянутых, сюда следует отнести поход против Ариарата в Каппадокию и против Ларанды и Исавры в Писидию, а также морскую экспедицию против восставших властителей Кипра[101]. По окончании карательной экспедиции на юг Анатолии и назначении новых сатрапов в Киликии, Пердикка не без основания считал выполненными задачи подавления местного сепаратизма в Малой Азии, чтобы приступить к борьбе против Птолемея. Конфронтация с Антипатром стала очевидной лишь после несколько проблематичной брачной аферы хилиарха. К тому времени избежали его наказания лишь Леоннат и Антигон, первый— отступив в Европу и погибнув там, второй — бежав ко двору

[96] Неизвестно, когда точно начала складываться т.н. «*подчинённая Перея*». Начало этому могло быть положено в 301–287/86 гг. См.: Fraser, Bean 1954, 98–102; Hauben 1977, 314.

[97] Diod. XIV. 83; XX 82; Liv. XXXVII .17.8; XLV 10.4; Polyb. XXXI. 26 (25).3; Held 1999, 159–196

[98] Wiemer 2002, 69.

[99] Herod. I. 144; Thuk. III. 88. 2; Strab. VI. 2.10 (275); Paus. X. 11.1;3; Dion. Hal. IV. 25; Gelder 1900, 64.

[100] Treuber 1887, 89 f.

[101] Восстание в «Верхних сатрапиях»: Diod. XVIII. 7.1–3; 16; 22; 23.4; Dexipp. 8.6; Iust. XIII. 4.23; Trog. Prol. 13; Каппадокия: Arr. Succ. 1.11; Iust. XIII. 6. 1–3; Plut. Eum. 3.4–14; App. Mithr. 8; Nep. Eum. 2.2; Hieronym. FGrHist 154.4; Diod. XVIII. 16.2; Писидия: Diod. XVIII. 22.1–8; Iust. XIII. 6.1 ff.; Восстание на Кипре: Arr. Succ. 9.30; OGIS, nr. 4 = IG XII 2, nr. 645.

Антипатра и Кратера (Diod. XVIII. 14.4; 23.3; Plut. Eum. 3.3)[102]. Таким образом, Родос оставался единственным регионом, избежавшим карательных санкций. Такая ситуация могла стать возможной по гео-политическим соображениям, ибо Родос находясь географически в Азии — т.е., являясь территорией Пердикки, политически относился к Европе, подчиняясь Антипатру. Однако этот факт далеко не бесспорен. Например, вопроса о статусе Самоса, находившегося в тех же условиях, что и Родос, был передан Пердикке[103]. Если принять, что изгнанный с Родоса гарнизон был «*унаследован*» от Александра Пердиккой, то этот факт может объяснить пассивность Антипатра, но не Пердикки в отношении острова. Независимо от того, как атаку пердикканцев представляют сохранившиеся источники, нападение на Родос могло быть преподнесено как своего рода «*наведение конституционного порядка*». Остров, изгнавший сразу после смерти Александра македонский гарнизон, рассматривался *de facto* как мятежная территория, заслужившая наказание. И если по итогам Ламийской войны европейские греки «*получили по заслугам*», то на Родос могло просто не хватить времени. Не относясь ни к одной из сатрапий и не приняв участие в выступлении европейских сатрапов, Родос на какой-то период «*до лучших времён*» отошёл на второй план. Неизвестно, как было преподнесено изгнание македонского гарнизона. Уже при Александре родосцы неоднократно обращались с просьбой о его выводе (Curt. IV. 5.9). Атаки пердикканцев в Малой Азии на владения сатрапов-предателей и сепаратистов вроде Родоса окрашивало их усилия в несколько иной цвет, придавая им черту законности. Не может подлежать сомнению, что не все македоняне и малоазиаты безапелляционно приняли устранение Пердикки и новый порядок вещей, что подтверждает, например, случай с Кретополем. Во всяком случае, у оставшихся в живых пердикканцев были основания предполагать это. Вместе с тем «*сценарий*» событий был, очевидно, иным. С конца 323 г. до н. э. и до египетского похода весной 321 г. до н. э. у Пердикки было достаточно времени, чтобы разобраться с любыми проявлениями мятежа и непокорности. Необходимые для этого силы также были. Поздним летом — осенью 322 г. до н. э., когда отношения Пердикки с Антипатром и Кратером не могли желать лучшего, в Азию с 240 кораблями, собранными там в начале года, вернулся Клит[104]. У Антипатра имелось 110 кораблей, набранных Александром в Азии и отправленных для эскорта денег в Македонию. Эти суда также вернулись с Клитом в Азию по окончании Ламийской войны, так как в Европе им уже не было применения[105]. Кроме того в конце того же 322 г. до н. э. у берегов Малой Азии засвидетельствованы аттические суда (Diod. XVIII. 23.4)[106]. Поэтому едва ли вероятно, чтобы, не отказав себе в удовольствии наказания незначительных городов в Писидии, Пердикка простил мятежный Родос. Если бы удар Аттала был направлен на Родос, а всё остальное являлось вспомогательными ударами «*родосской*» кампании, то у Арриана, несомненно, был бы указан Родос, а не родосцы. Маловероятно, чтобы пердикканцы двинули свой флот к мятежному Родосу, пытаясь одновременно заручиться поддержкой ряда прибрежных гре-

[102] О дате бегства в ноябре — декабре 322 г.: Briant 1973, 214.

[103] Diod. XVIII. 18.5 f.; Diog. Laert. X. 1; Bengtson 1937, 65, 69–72; Wirth 1967, 313 (*Verwaltungsdiplomatie*).

[104] Briant 1973, 214 f.; Hauben 1977a, 87f.

[105] Hauben 1976, 90, n. 87; 1977a, 88; Briant 1973, 207.

[106] Очевидно в связи с Самосом: Briant 1973, 159, n. 1; Hauben 1977a, 91, 120.

ческих полисов по соседству. Если Родос был в открытом мятеже, то непонятно, зачем было пердикканцам, потерпевшим поражение в Египте, наживать себе новых врагов, нападая на автономные греческие города. Логичнее для них было бы искать контакта по принципу: «*враг моего врага — мой друг*». Едва ли можно говорит о самостоятельной внешней политике Родоса сразу же после 323 г. до н. э.[107]. Думается, что уже до египетского похода Пердикки Родос каким-то образом подчинился хилиарху, возможно, заключив с ним договор[108]. Книд и Кавн как ключевые пункты Карии в период борьбы против Пердикки могли быть в «*целях безопасности*» заняты гарнизонами Асандра. Подобная практика не была чем-то необычным. Тактические соображения превалировали над политической демагогией[109]. В таком случае атаке пердикканцев подверглась только сатрапия Асандра, что подтверждается и дальнейшими событиями в Карии и вокруг неё. Родос, имея за спиной поддержку коалиции, бывшую более существенным фактором, чем родственные чуства к соседям, просто поменял стороны, примкнув к победителям, и выступил в защиту карийских полисов и Асандра, спутав таким образом расчёты пердикканцев на собственную лояльность[110]. Немаловажный вопрос при этом — располагали ли родосцы флотом, способным остановить эскадру пердикканцев[111]. Если бы в *навмахии* каким-то образом принял участие Асандр, то это наверняка было бы упомянуто у Арриана. Вместе с тем не стоит забывать, что мы имеем дело с короткой выдержкой из оригинала, где акценты были расставлены уже патриархом Фотием. Являясь островной державой, Родос, несомненно, имел флот и собственные верфи[112]. Значение флота для Родоса особенно подчёркивает высокое положение наархов. Назначаемые на свою должность в военное время, они исполняли её иногда более года и стояли над законами, самостоятельно заключая договоры, т.к. само выживание республики зависело от флота[113]. В связи с событиями первой войны диадохов обычно рассматривают появление т.н. памфлета с «*завещанием Александра*»[114]. Хотя родосские интерполяции с «*завещанием*» и «*письмом родосцам*» едва ли могли появиться ранее 305 г. до н. э.[115],

[107] Hauben 1977, 315.

[108] Аналогично поступил в Европе Антипатр после Ламийской войны. См.: Rosen 1967a, 100; Anm. 41.

[109] См., например, Diod. XIX. 19.3; 74.1; 75.4; 77.6; 78.2; XX. 19.3; 27.2; 107.3; 111.3; 112.3.; Paus. I. 10.3; Polyaen. VIII. 57; Syll.³ nr. 328; I.Iasos, № 2.

[110] То, что среди наархов Аттала был Сосиген с Родоса, не играет при этом никакой роли.

[111] Численность флота Аттала не поддаётся какой-либо оценке. Briant 1973, 215 считал, что там было много транспортов, что вероятно при учёте собранных им в Тире сил. Кроме того, следует учитывать, что дезертирство в Египте, несомненно, коснулось не только армии, но и флота.

[112] Ср. участие родосской эскадры в осаде Тира в 332 г. до н. э. Arr. Anab. II. 20.2. Немногими годами спустя свои корабли на Родосе строил Антигон. Diod. XVIII. 57.4; XIX. 57.4; 58.5; 62.7; 77.3; Hauben 1977a, 315ff.; Billows 1990, 165, 207. Кроме того для первой половины III в. до н. э. известно строительство доков в Писие в родосской Перее. См.: Debord, Varinlioğlu 2001, 101 ff., nr. 1:1 ff.; Bremen 2003, 13.

[113] Polyb. XXX. 5. 4; Gelder 1900, 250; O'Neil 1981, 469 ff.

[114] Появление его связывают обычно с событиями первой войны диадохов 321 г. до н. э. См.: Ausfeld 1895, 366; 1901, 517 ff.; Merkelbach 1954, 55, 124 ff., 129; Bosworth 1971, 115; Briant 1973, 130; Heckel 1988, 5, 64. III в. до н.э. датирует его Seibert 1984, 259 f.; Samuel 1986, 427 ff.

[115] Ausfeld 1895, 360; Merkelbach 1954, 134, 147; Bosworth 1971, 115; Hauben 1977, 312; Heckel 2009, 12f.

это вовсе не исключает возможности устной передачи легенды в пользу родосцев. Среди отдельных пунктов завещания примечательно, что должен быть выведен гарнизон, обеспечено снабжение зерном из соседних регионов Малой Азии и Египта, определена континентальная Перея, а также передано 300 талентов золота на обустройство города и 40 триер[116]. В то время как «*письмо к родосцам*» должно было подчеркнуть особую связь с Александром Великим[117], претензию на континентальные владения, то «*дар*» значительного количества военных судов, возможно, оправдывал строительную программу флота. Основной же целью памфлета-фальшивки было самосохранение перед лицом всё возрастающей угрозы со стороны диадохов[118].

Фактически Евмен всё ещё оставался «*управителем Азии*», и, вероятно, стремлением пердикканцев выйти на контакт с ним, скоординировав усилия в совместной борьбе, и являлась попытка атаки Карии с моря. Если принять предполагаемую поддержку или по крайней мере нейтралитет со стороны Родоса, то выбранное направление удара было оптимальным. Учитывая враждебность ионийских полисов, атака на Карию давала возможность наиболее быстрого соединения с армией Евмена. Стратег Азии перед началом атак пердикканцев был во фригийских Келенах, откуда занимался вербовкой солдат (Arr. Succ. 25.2). В момент атаки Аттала он уже продвинулся к побережью Эолии (Iust. XIV. 1.6), намереваясь, по всей видимости, двигаясь на юг вдоль побережья навстречу Атталу и Алкете, выступившему из Писидии, взять «*в клещи*» одновременно мятежных сатрапов и полисы[119].

Неизвестно, насколько полным было поражение пердикканцев на море, но флот их в источниках более не упоминается. Не исключено, что набранные в малоазийских полисах суда просто поменяли стороны[120]. С другой стороны, пердикканцы были более успешны на суше, а кроме того, сохранили некоторые опорные пункты на побережье, как, например, Телмесс в Ликии, хотя он мог быть захвачен и позднее в результате сухопутных операций после поражения Асандра (Polyaen. V. 35)[121].

По словам Арриана, Антипатр, уполномоченный вести войну против пердикканцев, сам всё ещё не решался воевать с Евменом и поэтому послал осенью 321 г. до н. э. Асандра против Алкеты и Аттала, поручив ему ведение войны до Писидии

---

[116] Bringmann, von Steuben 1995, 422f. KNr 352 [L]. По Fraser 1952, 203 — это лишь фикция. Ср.: Lehmann 1988, 1–17.

[117] Ср. дары Александра в храм Афины Линдской: Plut. Alex. 32; Blinkenberg 1941, 54, nr. 105:XXXVIII = FGrHist 532:38; Tarn 1968, 474; Bringmann, von Steuben 1995, 231 f. KNr. 194 [E]. Но культ Александра на Родосе (см. Kotsidu 2000, 224–226, nr. 149 [L, E 1–3]) и родосская «*конституция*» никак не относятся к деятельности Александра. В то время как культ теснейшим образом связан с почитанием Птолемеев, «*конституция родосцев*» появилась уже в первой половине IV в. до н.э. См.: Fraser 1952, 206; Hauben 1977, 312. За правдивость родосской части «*завещания*» выступал Berve 1926, 248.

[118] Hauben 1977, 314 f.

[119] Менандр, очевидно, покинул свою сатрапию и бежал, т.к. он позднее известен в окружении Антигона, а Евмен до своего поражения и отступленияв Нору летом 320 г. свободно оперировал в Лидии и Фригии.

[120] По мнению Berthold 1984, 60 Аттал, просто, распустил свой флот, занявшись войной на суше.

[121] О датировке см.: Billows 1990, 408; Keen 1996, 111; Heckel 2009, 173.

включительно (Diod. XVIII. 39.6; Arr. Succ. 9.39; 41)[122]. Речь при этом идёт об экстратерриториальном, чрезвычайном командовании карийского сатрапа, которому, несомненно, для этих целей были подчинены дополнительные войска. Военные действия велись предположительно на территории самой Кария, где после провала атак против Книда, Кавна и родосцев оставались войска пердиканцев. Но скорее последние отступили в Ликию, откуда открывался кратчайший путь на соединение с войсками Алкеты в Писидии, ибо именно оттуда была начата кампания против Асандра (Arr. Succ. 9. 41). Точный ход событий неизвестен. Арриан сообщает только, что Асандр был разбит в результате длительного сражения, очевидно, совместными усилиями Аттала и Алкеты. Если это так, то сражение произошло во внутренней части Кария. Во всяком случае, это поражение означало для Асандра потерю сатрапии. Присутствие Алкеты в Кария надёжно засвидетельствовано ещё для начала 320 г. до н. э., когда к нему туда прибыл свергнутый Птолемеем сатрап Сирии Леомедон (Arr. Succ. 9.39; App. Syr. 52). Следовательно, несмотря на поражение у Родоса пердикканцы смогли удержать по крайней мере часть региона, чему только способствовала победа над Асандром. Нет никаких данных о том, какие части Кария оказались в руках пердикканцев. Скорее всего это были внутренние регионы, примыкавшие к Писидии, бывшей оплотом Алкеты (Diod. XIX. 46.1). Операции Евмена осенью 321 г. до н. э. в Лидии, «*чтобы быть ближе к другим пердикканцам*», также протекали, вероятно, в верхнем течении Меандра (Arr. Succ. 9.41)[123]. Где в это время находился разбитый Асандр неизвестно, хотя не исключено, что он остался в незанятой пердикканцами части своей сатрапии, скорее всего на западе. Источники умалчивают о том, что произошло в это время с прибрежными городами, хотя вовсе необязательно, что они автоматически примкнули к Евмену. Очевидно, что поражение Асандра не имело глубоких последствий. После возвращения Антипатра в Македонию в конце 321 г. до н. э. ведение военных операций было передано Антигону, уже до этого действовавшему в качестве στρατηγὸς αὐτοκράτωρ Азии (Arr. Succ. 9.43; Diod. XVIII. 40.1; 50.1). Должность предоставила ему практически неограниченные права и означала *de iure*, что ему обязан был «*содействовать*» и Асандр. Во всяком случае, политика карийского сатрапа не противоречила деятельности нового стратега. Более того, именно последний стал непосредственным «*виновником*» возвращения Асандра. О мирных отношениях свидетельствует также тот факт, что в то время как Антигон боролся с мятежными сатрапами на севере М. Азии и в Лидии (Diod. XVIII. 51; 52.7; 72.2; Polyaen. IV. 6.8)[124], не были предприняты никакие шаги с целью «*покарать*» Асандра. Но, как показывают последующие события, это была скорее вынужденная мера, вызванная стремлением избегать конфронтации.

Победа Алкеты и Аттала в Кария носила «*местный характер*», и, достигнув главный цели — поражения Асандра, они добровольно отступили в Писидию. Ве-

[122] Niese 1893, 227 f.; Errington 1977, 487. Grimmig 1914, 72 ff., 103 отметил, что у Арриана неверно назван вместо Антигона Антипатр, что принял Billows 1990, 72 ff. Но недавно опубликованный фрагмент Арриана, Dreyer 1999, 16 ff.; Schäfer 2002, 105, 109 показал ошибочность корректуры Гриммига.

[123] Vezin 1907, 59.

[124] Освободившимися таким образом сатрапиями Антигон наделял своих друзей. См.: Diod. XVIII. 50.5.

роятно, что Кария была просто очищена без боя, а «*законный*» сатрап был водворён на своё место усилиями Антигона[125]. Самое позднее уже летом/осенью 320 г. до н. э. мы обнаруживаем пердикканцев в Кретополе в Писидии, где их после победы над Евменом осадил Антигон (Diod. XIX. 41.7; 44.1). Таким образом, если поражение Асандра можно датировать осенью 321 г. до н. э., то самое позднее через год после этого пердикканцы довольствовались лишь своими позициями в Писидии. С последующим за этим поражением сторонников Пердикки у Кретополя и Термесса, отступлением Евмена, смертью Антипатра весной/летом 319 г. до н. э. Антигон сделался господином Малой Азии (Diod. XVIII. 46–47; Polyaen. IV. 6.7)[126]. Единственным сатрапом из «*прежних*», оставшимся в его владениях, был Асандр. Примкнув в 315 г. до н. э. к коалиции против могущественного Антигона, он год спустя также был лишён власти и навсегда исчез с исторической арены (Diod. XIX. 62. 1–2; 5; 68.5; 7; 75.4)[127]. Новый отрезок истории Карии связан уже с Антигонидами.

ЛИТЕРАТУРА

Ефремов Н. В. 2009: Прескрипты некоторых раннеэллинистических надписей Карии. Попытка исторической интерпретации // ВЭ. III, 126–187.

Ефремов Н. В. 2010: Династия Гекатомнидов в современных им греческих надписях // ВЭ. IV, 82–165

Маринович Л. П. 1986: Входили ли малоазийские полисы в Коринфский союз (К состоянию разработки проблемы) // Проблемы античной культуры / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 48–53.

Маринович Л. П. 1993: Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса. М.

Шофман А. С. 1984: Распад империи Александра Македонского. Казань.

Anson E. M. 1988: Antigonus, the Satrap of Phrygia // Historia. 37, 471–477.

Ashton N. G. 1979: How many pentereis // GRBS. 20, 37–242.

Ausfeld A. 1895: Ueber das angebliche Testament Alexanders des Großen // RhM. 50, 357–366.

Ausfeld A. 1901: Das angebliche Testament Alexanders des Großen // RhM. 56, 517–542.

Austin M. 1981: The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest. Cambridge.

Badian E. 1966: Alexander the Great and the Cities of Asia // Ancient Society and Institutions. Studies present. to V. Ehrenberg in his 75th Birthday / E. Badian (ed.). Oxford, 37–68.

Bauer G. 1911: Die Heidelberger Epitome. Diss. Leipzig. Greifswald.

Baumbach A. 1911: Kleinasien unter Alexander dem Großen. Diss. Jena. Weida i. Th.

Bean G. E., Cook J. M. 1955: The Halicarnassus peninsula // BSA. 50, 85–171.

Beloch K. J. 1926: Griechische Geschichte. Bd. IV. 1; 2. Berlin; Leipzig.

Bengtson H. 1937: Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 1. München.

Bengtson H. 1937: Φιλόξενος ὁ Μακέδων. Ein Beitrag zur Verwaltungsgeschichte „Ioniens“ insbesondere im Alexanderreich // Philologus. XCII. N. F. XLVI, 126–156.

Berthold R. M. 1984: Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca.

[125] В отличии от него Менандр не был потверждён в качестве сатрапа Лидии в Трипарадисе на его место был назначен Клит (Diod. XVIII. 39.6). Менандр оставался в окружении Антигона и участвовал в битве с Евменом у Оркинии (Plut. Eum. 9). В 318 г. он был отправлен для сбора войск в Каппадокию (Diod. XVIII. 59. 1–2; Plut. Eum. 9. 8–11) и, очевидно, одновременно в качестве сатрапа.

[126] Engel 1972, 501–507; Briant 1973, 212 ff.; Bosworth 1992a, 59 f.; Billows 1990, 78 f.

[127] Syll.^{3} nr. 322; I.Didyma, № 123; Billows 1990, 116 ff.

Berve H. 1926: Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München.

Bickermann E. 1934: Alexandre le Grand et les villes d'Asie // REG. XL VII, 346–374.

Bier K. 1923: Die politische Stellung der kleinasiatischen Griechen unter den Diadochen. Diss. (maschinenschr.) Jena.

Billows R.A. 1990: Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkley a.o.

Billows R.A. 1995: Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden.

Blinkenberg Chr. 1941: Lindos. Fouilles de l'acropoli. T. 1: Inscriptions. Berlin; Kopenhague.

Blümel W. 1997: Vertrag zwischen Latmos und Pidasa // EA. 29, 135–142.

Bosworth A.B. 1971: The Death of Alexander the Great: Rumour and Propaganda // CQ. 21, 112–136.

Bosworth A.B. 1978: Eumenes, Neoptolemos and PSI XII 1284 // GRBS. 19, 227–237.

Bosworth A.B. A 1980: Historical Commentary on Arrian's History of Alexander the Great I–III. Oxford.

Bosworth A.B. 1988: Conquest and Empire. The reign of Alexander the Great. Cambridge.

Bosworth A.B. 1992: History and artifice in Plutarch's Eumenes // Plutarch and the Historical Tradition / Ph. Stadter (ed.). London; New York, 56–89.

Bosworth A.B. 1992a: Philip III Arrhidaeus and the chronology of the succesors // Chiron. 22, 55–81.

Bosworth B. 2003: Why did Athens lose the Lamian War? // The Macedonians in Athens, 322–229 / O. Palagia, S.V. Tracy (eds.). Oxford, 14–22.

van Bremen R. 2003: Ptolemy at Panamara // EA. 35, 9–14.

Briant P. 1973: Antigone le Borgne. Paris.

Bringmann K., von Steuben H. 1995: Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer. T. I. Berlin.

Crampa J. 1972: The Greek Inscriptions // Labraunda. Swedish Excavations and Researches. Vol. III 1.2 (Nr. 13–133). Stockholm.

Debord P. Varinlioğlu E. (eds.). 2001: Les hautes terres de Carie. Bordeaux.

Descat R. 1998: La carrière d'Eupolemos, stratège macédonien en Asie Mineure // REA. 100, 167–190.

Dreyer B. 1999: Zum ersten Diadochenkrieg. Der Göteborger Arrian-Palimpset (ms Graec 1) // ZPE. 125, 39–60.

Ehrenberg V. 1938: Alexander and the Greeks. Oxford.

Engel R. 1972. Zur Chronologie von Perdikkas' Maßnahmen am Vorabend des ersten Koalitionskrieges 321 v. Chr. // RhM. 115, 215–219.

Engel R. 1972: Die Überlieferung der Schlacht bei Kretopois // Historia. 21, 501–507.

Engelmann H., Merkelbach R. 1972: Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. Bd. I. Bonn.

Ensslin W. 1925: Die Gewalteinteilung im Reichsregiment nach Alexanders Tod // RhM. 74, 293–307.

Errington R.M. 1970: From Babylon to Triparadeisos: 323–320 B.C. // JHS. 90, 49–77.

Errington R.M. 1977: Diodorus Siculus and the Chronology of the early Diadochoi, 320–311 B.C. // Hermes.105, 478–504.

Fontana M.J. 1960: Le lotte per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 313. Palermo.

Fraser P.M. 1952: Alexander and the Rhodian Constitution // PP. 7, 192–206.

Fraser P.M., Bean G.E. 1954: The Rhodian Peraea and Islands. London; Oxford.

Frei P. Marek Ch. 1997: Die karisch- griechische Bilingue von Kaunos. // Kadmos. 36, 1–89.

Gaebler H. 1892: Erythrä. Untersuchungen über die Geschihte und Verfassung der Stadt im Zeitalter des Hellenismus. Diss. Leipzig; Berlin.

Gabrielsen V. 2000: The Rhodian Peraia in the Third and Second *Centuries B. C.* // C&M. 51, 129–183.

Gehrke H.-J. 1985: Stasis. München.

van Gelder H. 1900: Geschichte der alten Rhodier. Den Haag.

Grimmig F. 1914: Arrians Diadochengeschichte. Diss. Halle.

Gullath B., Schober L. 1986: Zur Chronologie der früheren Diadochenzeit: die Jahre 320 bis 315 v. Chr. // H. Kalcyk u.a. (нг.). Studien zur Alten Geschichte. Festschrift S. Lauffer. Roma, 329–379.

Habicht Chr. 1959: Samische Volksbeschlüsse der hellenistischen Zeit // AM. 72, 152–274.

Habicht Chr. 1998: Zum Vertrag zwischen Latmos und Pidasa // EA. 30, 9–10.

Hahn I. 1978: Königsland und königliche Besteuerung im hellenistischen Osten // Klio. 60, 11–34.

Hamilton J. R. 1969: Plutarch Alexander. A Commentary. Oxford.

Hammond N. G.L., Walbank F. W. 1988: A History of Macedonia. Vol. 3. 336–167 B. C. Oxford.

Hatzopoulos M. B. 1982: A Reconsideration of the Pixodarus Affair // Studies in the History of Art, 10: Macedonia and Greece in Late Classical and Early hellenistic Times / B. Barr-Sharrar, E. N. Borza (eds.). Washington, 59–66.

Hauben H. Hauben H. Het vlootbevelhebberschap in de vroege Diadochen tijd (323–301 v. C.): Een prosopographisch en institutioneel onderzoek. Brussels. 1975.

Hauben H. 1975/76: Antigonos' Invasion Plan for his Attack on Egypt in 306 B.C. // Miscellanea J. Vergote. Orientalia Lovaniensia Periodica. 6/7, 267–71

Hauben H. 1976: The Expansion of Macedonian Sea-Power under Alexander the Great // AnS. 7, 79–105.

Hauben H. 1977: Rhodes, Alexander and the Diadochs from 333/2 to 304 B.C. // Historia. 26, 307–339.

Hauben H. 1977a: The First War of the Successors (321 B.C.) // AnS. 8, 85–120.

Heckel W. 1977: Asandros // AJPh. 98, 410–412.

Heckel W. 1988: The Last Days and Testament of Alexander the Great. Stuttgart.

Heckel W. 1992: The Marshals of Alexanders Empire. London; New York.

Heckel W. 2009: Who's Who in the Age of Alexander the Great. London.

Heisserer A. J. 1973: Alexander's Letter to the Chians: a Redating of SIG³ 283 // Historia. 22. 2, 191–204.

Heisserer A. J. 1980: Alexander the Great and the Greeks. The epigraphic Evidence. Norman.

Held W. 1999: Loryma in Karien. // AM. 49, 159–196.

Herrmann P. 1965: Antiochos der Große und Teos // Anadolu. 9, 29–159.

Heuss A. 1937: Stadt und Herrscher des Hellenismus. Leipzig.

Hiller von Gaertringen F. 1935: Rhodos // RE. Suppl. V, 775–777.

Höbl G. 1994: Geschichte des Ptolemäerreiches. Darmstadt.

Hofstetter J.1978: Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander. Berlin.

Hornblower S. 1982: Mausolus. Oxford.

Huss W. 2001: Ägypten in hellenistischer Zeit, 332–30 v. Chr. München.

Instinski H.-U. 1949: Alexander am Hellespont. Würzburg.

Jakoby F. 1913: Hieronymos // RE. VIII, 1558.

Jaschinski S. 1981: Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos. Bonn. *Jones Chr*. 1999: Union of Latmos and Pidasa // EA. 31, 1–7.

Kaerst J. 1896: Asandros. Nr. 3 // RE. II, 1515.

Keen A. G. 1996: Alexander's Invasion of Lycia: its route and Purpose // AHB. X. 3–4, 110–118.

Keen A. G. 1998: Dynastic Lycia. A political History of the Lycians and their relations with the foreign powers c. 545–362 B. C. Leiden.

Klinkott H. 2000: Die Satrapienregister der Alexander und Diadochenzeit. Stuttgart.

Klose P. 1972: Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280–168 v. Chr. München.

Köhler U. 1898: Die Eroberung Asiens durch Alexander den Großen und der korinthische Bund // SB. Berlin. 1, 120–134.

Kotsidu H. 2000: TIMH KAI ΔΟΞΑ. Ehrungen für hellenistische Herrscher im griechischen Mutterland und in Kleinasien unter besonderer Berücksichtigung der archäologischen Denkmäler. Berlin.

Lambert S. D. 1999: IG II^2 450 Athens and Asandros: A Note // ZPE. 126, 129–130.

Lang D. R. A 1968: Reconsideration of IG II^2 1628 // Hesperia. 37, 244–254;

Lehmann G.-A. 1988: Das neue Kölner Historikerfragment (P. Köln. Nr. 247) und die χρονικὴ σύνταξις des Zenon von Rhodos (FGrHist 523) // ZPE. 72, 1–17.

Lenschau T. 1940: Alexander der Große und Chios // Klio. 33, 201–224.

Mehl A. 1980/81: ΔΟΡΙΚΤΗΤΟΣ ΧΩΡΑ. Kritische Bemerkungen zum „Speererwerb" in Politik und Völkerrecht der hellenistischen Epoche // AnS. 11/12, 172–212.

Mehl A. 1986: Seleukos Nikator und sein Reich. I. Teil. Louvain.

Merkelbach R. 1954: Die Quellen des griechischen Alexanderromans. München.

Meyer E. 1925: Die Grenzen der hellenistischen Staaten in Kleinasien. Zürich; Leipzig.

Miltner F. 1933: Die staatsrechtliche Entwicklung des Alexanderreiches // Klio. 26, 39–55.

Müller D. 1997: Topographischer Bildkommentar zu den Historien Herodots. Kleinasien und angrenzende Gebiete mit Südostthrakien und Zypern. Tübingen.

Müller O. 1973: Antigonos Monophthalmos und „das Jahr der Könige". Bonn.

Niese B. 1893: Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha.

O'Neil J. 1981: How Democratic Was Hellenistic Rhodos? // Atnenaeum. 59, 468–473.

Orth W. 1993: Die Diadochenzeit im Spiegel der historischen Geographie. Tübingen.

O'Sullivan L. 1997: Asander, Athens and IG^2 450: A New Interpretation // ZPE.119, 107–116.

Osborne M. J. 1981; 1982: Naturalization in Athens. Vol. I–II. Brussels.

Pistorius H. 1913: Beiträge zur Geschichte von Lesbos im vierten Jahrhundert v. Chr. Bonn.

Robert L. 1983: Amyzon en Carie. Exploration, histoire, monnaies et inscriptions. T. I. Paris.

Rosen K. 1967: Political documents in Hieronymus of Cardia (323–302 B.C.) // AC. 10, 41–94.

*Rosen K.*1967a Die Reichsordnung von Babylon (323 v. Chr.) // AC. 10, 95–110.

Rosen K. 1968: Die Bündnisformen der Diadochen und der Zerfall des Alexanderreiches // AC.1 1, 182–210.

Rosen K. 1978: Der „göttliche" Alexander, Athen und Samos // Historia. 27. 1, 29–39.

Ruzicka S. 1988: War in the Aegean, 333–331 B.C.: A Reconsideration // Phoenix. 42, 131–151.

Samuel A. E. 1986: The Earliest Elements in the Alexander Romance // Historia. 35. 4, 427–437.

Schäfer Ch. 2002: Eumenes von Kardia und der Kampf um die Macht im Alexanderreich. Frankfurt am Main.

Schamermeyr E. 1925: Zu Geschichte und Staatsrecht der früheren Diadochenzeit // Klio. 19, 435–461.

Schamermeyr E. 1970: Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien.

Schmitt H. H. 1964: Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Großen. Wiesbaden.

Schober L. 1981: Untersuchungen zur Geschichte Babyloniens und der Oberen Satrapien von 323–303 v. Chr. Frankfurt am Main; Bern.

Schubert R. 1914: Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. Leipzig.

Schur W. 1934: Das Alexanderreich nach Alexanders Tode // RhM. 83, 129–156.

Schwahn W. 1930: Die Nachfolge Alexanders des Großen I // Klio. 23, 211–238.

Seager R. 1981: The Freedom of the Greeks of Asia // CQ. 31, 141–154.

Seibert J. 1972: Alexander der Große. Darmstadt.

Seibert J. 1983: Das Zeitalter der Diadochen. Darmstadt.

Seibert J. 1984: Das Testament Alexanders, ein Pamphlet aus der Frühzeit der Diadochenkämpfe? // Land, Reich, Stamm und Nation. Festschrift M. Spindler. Bd. 1 / K. Reindel (нrsg.). München, 247–260

Simonetti Agostoinetti A. 1993: Flavio Arriano. Gli eventi dopo Alessandro. Roma.

Simpson R. H. 1959: Antigonos the One-Eyed and the Greeks // Historia. 8. 4, 385–409.

Tarn W. W. 1968: Alexander der Große. Darmstadt. Darmstadt.

Treuber O. 1887: Geschichte der Lykier. Stuttgart.

Vezin A. 1907: Eumenos von Kardia, Diss. Tübingen, Münster.

Wiemer H.-U. 2002: Krieg, Handel und Piraterie. Berlin.

Will W. 1986: Alexander der Große. München.

Wirth G. 1967: Zur Politik des Perdikkas 323 // Helikon.7, 281–322.

Wirth G. 1972: Die συντάξεις von Kleinasien 334 v. Chr. // Chiron. 2, 91–98.

Wörrle M. 2003: Inschriften von Herakleia am Latmos III: Der Synoikismos der Latmioi mit den Pidaseis // Chiron. 33, 121–143.

CARIA BETWEEN PERDICCAS AND ANTIGONUS RULE. COMMENTS ON THE HISTORY OF WESTERN ASIA MINOR IN EARLY DIADOCH PERIOD (321–317 BC)

N. V. Efremov

The article considers the period of Caria history that is connected with the time of satrap Asander. Having assumed power in the satrapy in 323 BC he, by Caria dynasts tradition, combined all secular and religious management levers. Having acceded Antigonus Asander made for his landing in Asia and supported his attack against Eumenes shielding the front from Alketes. Honors bestowed upon him by Athens for his timely assistance to the polis with his ships and soldiers account for this period. These events are connected with military operations in the winter of 322–321 BC to help Athenian cleruchs against returning Samians. The attack of his supporters against Cnidus, Kavnos and Rhodians that followed Perdiccas' death in the autumn of 321 BC was against Asander's satrapy to join efforts of Eumenes, Alketes, and Attalus in western Asia Minor. Rhodos played an important role in Attalus' defeat. He, having surrendered to Perdicca soon after 323 BC, changed sides and supported the satrap of Caria. The next and the last stage of Asander's fight against Perdiccans is associated with his defeat and temporary loss of power over eastern regions of the satrapy. Indirect support of Antigonus who won a clear-cut victory over Eumenes and forced Perdiccans to retreat to Pisidia restored Asander's position in Caria.

Key words: Antigonus, Asander, Diadoch, Caria, Perdiccas, Rhodos, satrapy.

© 2012

Ю. Н. Кузьмин, О. Л. Габелко

ЗАМЕТКИ О МАТРИМОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ АНТИГОНИДОВ в 50–20-е гг. III в. до н.э.

В статье рассматриваются некоторые аспекты матримониальной политики македонских царей Антигона Гоната, Деметрия II и Антигона Досона. В частности, были уточнены вопросы о датировках браков Деметрия с селевкидской принцессой Стратоникой и представительницей эпирского царского дома Фтией; об обстоятельствах его женитьбы на Никее, вдове Александра Коринфского, и ее последующей судьбе; о личности Хрисеиды, жены Антигона Досона и приемной матери Филиппа V, и т.д.

Ключевые слова: Македония, эллинизм, Антигониды, Селевкиды, Деметрий II, Стратоника, Никея, Антигон Гонат, Антиох Теос, Лаодика, Антигон Досон.

В нескольких работах, посвященных бракам македонского царя Деметрия II (239–229 гг.; здесь и далее все даты, относящиеся к античной истории — до н.э.), а также матримониальной политике ряда других эллинистических правителей, опубликованных в 2005–2008 гг., мы выдвинули и обосновали мнение о том, что Стратоника, первая супруга Деметрия, была не *сестрой* Антиоха II Теоса, каковой ее считали Евсевий и Юстин (а вслед за ними — и современные историки), а *дочерью* этого селевкидского монарха[1]. Брак Деметрия, на тот момент еще царевича — наследника Антигона II Гоната, и Стратоники был соотнесен нами с завершением т.н. Второй Сирийской войны (ок. 258–253 гг.).

В связи с изучением матримониальной политики Деметрия II мы, естественно, не могли обойти и давно дискутируемую проблему идентификации матери его сына Филиппа V, предложив, как представляется, новые аргументы в пользу того, что ею должна считаться эпирская царевна Фтия[2].

В 2009–2011 гг. наши коллеги А. Л. Зелинский (Киев) и Н. Ю. Сивкина (Нижний Новгород) опубликовали статьи по изучению брачной стратегии Антигонидов в 250–220-х гг., предложив собственную трактовку некоторых ее эпизодов. Так, А. Л. Зелинский обосновал альтернативную датировку брака Деметрия и Стратоники[3], а Н. Ю. Сивкина высказала оригинальное предположение о личности таинственной «пленницы» Хрисеиды — второй кандидатуры на роль матери Филиппа V[4].

Данная работа отчасти будет посвящена критическому анализу гипотез наших коллег. Также в ней будут уточнены и дополнены некоторые наши прежние выводы.

Кузьмин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ (Московского городского педагогического университета) . E-mail: yurimac@yandex.ru

Габелко Олег Леонидович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского федерального университета. E-mail: gabelko@mail.ru

[1] Габелко, Кузьмин 2005, 52–67; Габелко, Кузьмин 2008, 142–151; ср.: Gabelko, Kuzmin 2012.

[2] Габелко, Кузьмин 2008, 158–162.

[3] Зелинский 2009, 187–193; ср.: Зелинский 2011, 84–89.

[4] Сивкина 2011, 56–70.

1. Деметрий, Стратоника, Никея

Итак, мы связали брак Деметрия и Стратоники с завершением ок. 253 г. Второй Сирийской войны — крупного межгосударственного конфликта в Восточном Средиземноморье, в который были вовлечены как великие эллинистические державы, так и ряд малых государств[5]. Одним из условий мирного договора между Птолемеями и Селевкидами стал брак Антиоха II Теоса и Береники, дочери Птолемея II Филадельфа. Мы допустили, что примерно в это же время о свадьбе своих детей договорились также Теос и Антигон Гонат[6]. При этом мы сделали акцент на том, что отношения Антигонидов и Селевкидов в ходе Второй Сирийской войны или, по крайней мере, на каком-то из ее этапов могли быть достаточно напряженными[7]. Таким образом, совершенно необязательно считать, будто брак Деметрия и Стратоники должен был скрепить союз Антигонидов и Селевкидов, как обычно считается, — наоборот, он мог стать одним из пунктов нормализации отношений двух династий. Браки, ознаменовавшие завершение Второй Сирийской войны, несомненно, можно считать элементом того, что называют «равновесием сил» в отношениях ведущих эллинистических держав.

Однако, по мнению А. Л. Зелинского, в конце 250-х гг. Стратоника, которую он вслед за нами склонен считать именно *дочерью* Антиоха Теоса, была еще слишком юной; к тому же, после брака Антиоха II и Береники, дочери Филадельфа, дети Теоса и его первой супруги Лаодики (она как раз и была матерью Стратоники) потеряли царский статус, став якобы «незаконнорожденными». Все это делало невозможной заинтересованность Антигона Гоната в женитьбе своего наследника на дочери Антиоха Теоса после окончания Второй Сирийской войны[8]. По мнению А. Л. Зелинского, Гонат и Теос устроили брак Деметрия и Стратоники, который должен был скрепить антиптолемеевский альянс двух царств, лишь в первой по-

[5] О Второй Сирийской войне см., например: Grainger 2010, 117–136.

[6] Датировка брака Деметрия и Стратоники временем ок. 255–253 гг. и его привязка ко Второй Сирийской войне уже предлагались в рамках традиционной точки зрения, что Стратоника была сестрой Антиоха Теоса (например: Tarn 1913, 348; Geyer 1931, 320; Seibert 1967, 36, 131; Le Bohec 1993b, 231, 234; Ogden 1999, 179; Carney 2000, 184–185; Grainger 2010, 132–133).

[7] Во время Второй Сирийской войны могла существовать не только общность интересов Гоната и Теоса против Филадельфа, но иметь место и определенные противоречия между Македонией и царством Селевкидов. Видимо, именно в 250-е гг. Антиох II проводил военные операции в юго-восточной Фракии в относительной близости от границ Македонии — Polyaen. IV. 16; Memn. FGrH. 434. Fr. 15; IGBR I.^{2} 388 (впрочем, не вызывает сомнений то, что его действия во Фракии и в районе проливов были связаны в первую очередь с борьбой против Филадельфа за влияние в этом регионе: Avram 2003, 1181–1213). Антигон же, кажется, пытался усилить свое влияние на северо-западе Малой Азии, на что может указывать участие македонского царя в «опекунском совете» наследников Никомеда I Вифинского (Memn. FGrH. 434. Fr. 14.1); при этом в списке опекунов наряду с Антигоном фигурирует и Птолемей Филадельф, что, возможно, свидетельствует об антиселевкидском характере этого объединения (Габелко 2005, 199). См. подробнее: Габелко, Кузьмин 2008, 149–150.

[8] Зелинский 2009, 188-189. По нашим расчетам, Стратонике могло быть около 13 лет (Габелко, Кузьмин 2008, 149); по меркам эллинистических монархов это вполне приемлемый возраст для вступления невесты в брак.

ловине 246 г. — совсем незадолго до смерти Селевкида (имевшей место, судя по всему, в начале лета этого года[9]), после восстановления прав Лаодики и ее детей[10].

А. Л. Зелинский предложил следующую схему развития событий первой половины 246 г.: самое начало года — смерть Птолемея Филадельфа; чуть позднее — отравление по приказу Гоната его мятежного племянника Александра Коринфского и устройство македонским царем кратковременного брака вдовы Александра Никеи со своим наследником Деметрием, результатом чего стало возвращение Коринфа под контроль Антигонидов; в это же время шли тайные переговоры между Гонатом и Теосом, находившимся по этому случаю в Эфесе (где сирийский царь вскоре и умер[11]), о браке Деметрия и Стратоники; еще до смерти Теоса имела место свадьба его дочери и македонского царевича[12].

Однако данная историческая реконструкция вызывает по многим пунктам самые серьезные сомнения — например, в связи с тем, что все эти события, которые, несомненно, должны были сопровождаться достаточно сложными дипломатическими процедурами, состоялись в столь короткий временной отрезок — около полугода.

Возражения вызывает и тезис А. Л. Зелинского о том, что отстранение Лаодики и ее детей от двора в Антиохии могло стать серьезным препятствием для брака Стратоники и Деметрия в конце 250-х гг. (превратив его в «вызывающий мезальянс», по выражению автора[13]). Начнем с того, что Э. Бикерман, рассмотрев брачную политику династии Селевкидов, вообще пришел к недвусмысленному выводу: у сирийских царей «понятие мезальянса отсутствовало»[14]. Имеются ли основания полагать, что оно наличествовало у Антигонидов? Далее, «развод» Антиоха с Лаодикой стал вынужденным для обеих сторон[15] — их брак оказался жертвой большой политики, но интересы бывшей царицы были соблюдены. «Ссылка» Лаодики в Малую Азию носила вполне почетный характер. Не стоит забывать, что расторжение (точнее, изменение статуса — Porphyr. FGrH. 260 Fr. 43) этого брака стало в известной степени «семейным делом», так как Антиох и Лаодика были двоюродными братом и сестрой[16]. В иной ситуации, если бы Лаодика происходила из другой династии, ее «отставка» была бы чревата серьезным дипломатическим конфликтом между царем — отцом или братом «обиженной»

---

[9] Смерть Антиоха II датируется примерно началом лета 246 г. на основе вавилонских клинописных документов: Olmstead 1937, 8; Sachs, Wiseman 1954, 206; Grainger 1997, 14; Boiy 2004, 148.

[10] Зелинский 2009, 192.

[11] Кончина Антиоха Теоса именно в Эфесе фиксируется Евсевием (Chron. I. 251 Schoene). Скорее всего, Антиох отправился в Эфес из Антиохии после смерти в начале 246 г. Птолемея Филадельфа, решив вернуться к своей прежней супруге Лаодике, жившей в Малой Азии. Связывать пребывание Антиоха в Эфесе исключительно с предполагаемой подготовкой заключения брачного союза его дочери с Деметрием (Зелинский 2009, 192 прим. 38) представляется совершенно не обязательным — хотя бы потому, что «его (Антиоха II — *Ю.К., О.Г.*) правление — или, по крайней мере, материалы источников о нем — было связано главным образом с проблемами Малой Азии и Запада» (Grainger 1997, 14).

[12] Зелинский 2009, 191–192.

[13] Зелинский 2009, 188.

[14] Бикерман 1985, 26.

[15] Mileta 2008, 141.

[16] При этом, судя по всему, Антиох действительно любил свою сестру-жену (App. Syr. 65; Porphyr. FGrH. 260 Fr. 43).

бывшей царицы, с одной стороны, и Антиохом Теосом вместе с его новообретенным тестем Птолемеем Филадельфом — с другой. Так, например, в связи с последовавшим позднее разрывом между Деметрием II и Стратоникой Юстин говорит даже о какой-то войне между Антигонидами и Селевкидами (XXXVIII. 1. 4)[17].

По мнению Дж. Грэйнджера, Лаодика вообще не была отвергнута, но две жены Антиоха Теоса просто проживали отдельно — Лаодика в Эфесе, а Береника в Антиохии Сирийской; царь же, как кажется, курсировал между двумя дворами[18]. В период пребывания в Малой Азии Лаодика играла заметную роль в жизни западных областей Селевкидской державы — об этом свидетельствует, например, известная надпись о приобретении ею у Антиоха земельных владений с зависимым населением по фиктивно низкой цене (OGIS 225 = RC 18–20). Что очень важно — стела с копией (одной из пяти) этого документа по приказу Антиоха Теоса должна была быть воздвигнута на Самофракии (OGIS 225 = RC 18, 30), где находилось общеэллинское святилище Великих богов; это также свидетельствует в пользу мнения о сохранении Лаодикой высокого статуса. Отметим сам факт публикации на священном острове не межгосударственного договора или почетного постановления в честь царя, а, скажем так, хозяйственного документа; это указывает на важность фигурирующих в нем субъектов — селевкидского монарха и его первой жены.

Земельные владения были дарованы Лаодике и ее детям и в Вавилонии. Кстати, в одном из вавилонских клинописных документов, относящихся к 248 г., Лаодика упоминается даже как «жена» Теоса[19].

Самое же важное — это то, что дочь Лаодики и Теоса Стратоника, несмотря на драматические внутрисемейные перипетии, оставалась царской дочерью; она была селевкидского происхождения как по отцу, так и по матери, и потому понятие незаконнорожденности, которое вообще должно применяться к эллинистическим царским династиям с очень существенными оговорками, в данном случае явно неуместно. К тому же в это время у Антиоха Теоса просто не было других родственниц, которых можно было бы выдать замуж за македонского царевича для заключения весьма уместного, на наш взгляд, для обеих держав брачно-политического альянса.

А. Л. Зелинский считает, что Македония и держава Селевкидов к окончанию Второй Сирийской войны чувствовали себя «как никогда уверенно» и потому не нуждались во взаимном сближении[20]. Однако мы показали, что взаимоотношения Антигонидов и Селевкидов в это время могли быть не столь безоблачными, как обычно считается (см. прим. 7), да и в целом именно на тот момент отношения между тремя великими державами находились в состоянии довольно неустойчивого равновесия[21]. Военные успехи Антиоха и, возможно, Антигона были в известной мере компенсированы таким несомненным дипломатическим достижением

[17] Вполне вероятно, что в этом случае имеет место обычное для Юстина преувеличение (см.: Габелко, Кузьмин 2008, 145–146, 150–151).

[18] Grainger 1997, 14.

[19] Boiy 2004, 145–146 (то, что Лаодика именуется в 248 г. женой Теоса, вызывало некоторое удивление Т. Бойи, отметившего, что в это время царицей была Береника).

[20] Зелинский 2009, 189.

[21] Ср.: Will 1979, 242–243; наиболее подробно: Grainger 2010, 133-136.

Птолемея Филадельфа, как брак с Антиохом его дочери Береники и признание ее царицей вместо Лаодики (что следует считать уступкой со стороны Селевкида). В такой момент новый брачный альянс между Антигонидами и Селевкидами[22] мог служить определенной стабилизации «равновесия сил» (см. также выше).

С другой стороны, следует детальнее проанализировать точку зрения (среди ее сторонников и А. Л. Зелинский) о том, что сын Гоната Деметрий накануне своей свадьбы с Никеей не состоял в браке[23]. Никея была супругой племянника Антигона Гоната Александра, сына Кратера, который ок. 250–249 гг. поднял мятеж против македонского царя, узурпировав власть в Коринфе. Военным путем Антигон не смог вернуть контроль над стратегически важной областью Истма, причем, судя по информации нескольких афинских надписей, в 248/7 г. война Александра против Антигона и его союзников все еще продолжалась[24]. После смерти Александра (Плутарх передает слух, что он был отравлен по приказу Антигона — Plut. Arat. 17. 2) его владениями — Коринфом и, может быть, Эвбеей — стала управлять Никея. Антигон Гонат в итоге пошел на хитрость, предложив Никее выйти замуж за своего сына и наследника Деметрия, который был младше невесты (Plut. Arat. 17. 2; Polyaen. IV. 6. 1). После предварительных переговоров Никея дала согласие. Из сообщений Плутарха и Полиэна известно, что в Коринфе начались праздничные церемонии, во время которых воины Антигона заняли цитадель Акрокоринфа. Состоялся ли брак Деметрия и Никеи? Вполне может быть, что и нет (см. далее). Захватив Коринф, Антигон достиг своей цели: показательно, что история о свадьбе Деметрия и Никеи фигурирует среди военных хитростей, собранных Полиэном. С другой стороны, брак между Деметрием и Никеей мог быть заключен, но он явно не был долговременным[25]. Однако точно датировать это событие именно весной-летом 246 г., как предлагает А. Л. Зелинский, не представляется возможным: история с Никеей, скорее всего, имела место ок. 245 г., так как уже летом 243 г. Антигониды вновь утратили контроль над Коринфом, который был захвачен Аратом Сикионским и присоединен к Ахейскому союзу.

По мнению некоторых исследователей, фиктивный брак Деметрия с Никеей не угрожал Стратонике, которая оставалась при дворе Антигонидов и могла получить от Гоната некие гарантии сохранения своего положения[26]. Однако совершенно правомерно поставить вопрос и по-иному: могла ли Никея, которая как владычица стратегически важного Коринфа имела особую ценность для Антигонидов, согласиться стать *второй женой*, причем царевича, а не царя (хотя Деметрий, несомненно, и был в это время соправителем Антигона)? Плутарх прямо указывает на то, что Антигон обещал Никее именно «царский брак» (Plut. Arat. 17. 2: …καὶ γλυκείας ἐλπίδας ἐνδιδοὺς γάμων βασιλικῶν) — другое дело, что царь, прикрываясь подобными обещаниями, думал лишь о захвате Коринфа. Объяснить данную ситуацию, тем не менее, вполне возможно — исходя из кажущегося до-

[22] Женитьбе Деметрия II и Стратоники предшествовали более ранние брачные союзы между двумя династиями: браки Стратоники, дочери Деметрия I Полиоркета, с Селевком I, а затем с Антиохом I, и женитьба Антигона Гоната на Филе, дочери Селевка I и Стратоники.

[23] Зелинский 2009, 189–190; ср.: Ehrhardt 1975, 199; Жигунин 1980, 121.

[24] Osborne 2003, 74; Oliver 2007, 132–133, 200–204.

[25] Ср.: Geyer 1936, 222; Walbank 1984, 250; Hammond, Walbank 1988, 305; Carney 2000, 188.

[26] Carney 2000, 189; Габелко, Кузьмин 2008, 153.

пустимым предположения, что у вдовы Александра все-таки наличествовали некоторые основания надеяться стать «настоящей царицей», даже в том случае, если Деметрий уже был женат на Стратонике, и она на тот момент все еще оставалась в Македонии.

Можно отчасти согласиться с мнением С. Ле Боэк и Э. Кэрни о том, что положение Стратоники при дворе Антигонидов могло быть подорвано тем, что она не родила Деметрию II сына[27]. Однако исходя из возраста (Стратонике в середине 240-х гг. было, видимо, всего около 20 лет), ее шансы подарить династии будущего наследника престола оставались по-прежнему вполне реальными. В этом свете лучше обоснованной теперь выглядит даже более радикальная гипотеза: у Деметрия и Стратоники вообще могло не быть детей, а приписываемая некоторыми исследователями селевкидской царевне дочь Апама[28] была рождена Деметрию, видимо, уже эпироткой Фтией, его другой супругой[29]. Поскольку сын Гоната ок. 239 г. все же женился на Фтие, у него должны были иметься серьезные причины идти на неизбежное обострение отношений с Селевкидами, отвергая дочь Антиоха Теоса — сестру царствовавшего тогда Селевка II Каллиника, в чем можно видеть косвенное доказательство того, что Стратоника, похоже, была бесплодной. Если в этом уже не оставалось сомнений после многих лет, прожитых ею в браке, и данный факт был общеизвестным, то в такой ситуации Антигон с Деметрием во время сватовства к Никее получали дополнительные козыри, и последняя имела резоны поверить обещаниям Антигона и выйти замуж за Деметрия, надеясь родить ему сына и стать полноправной царицей. Вероятно, что в середине 240-х гг. Никея была еще не столь стара, как обычно считается — ей могло быть ок. 40 лет, в то время как Деметрию ок. 30[30]. Кстати, может вызвать удивление следующее

[27] Le Bohec 1993b, 233, 234; Carney 2000, 186, 189, 230.

[28] Например, Geyer 1931, 321; Ehrhardt 1975, 204; Le Bohec 1993b, 231; Carney 2000, 187.

[29] Против этого свидетельствует, казалось бы, иранское (= селевкидское) происхождение имени Апама, что, однако, не является решающим аргументом (см.: Габелко, Кузьмин 2008, 161–162). Более того, кажется весьма вероятным, что Деметрий II, практически с самого начала своего правления оказавшийся втянутым в войну против этолийцев и ахейцев, мог стремился восстановить ухудшившиеся после разрыва со Стратоникой отношения с Селевкидами, чья держава в это время переживала серьезнейший кризис из-за конфликта между братьями Селевком II и Антиохом Гиераксом, сделав своеобразный «реверанс» путем наречения своей дочери от Фтии в честь Апамы — родоначальницы династии Селевкидов по женской линии.

[30] Н. Ю. Сивкина считает, что Никея только на несколько лет была старше Деметрия (Сивкина 2011, 68–69 прим. 88). Однако, видимо, возрастной разрыв между ними составлял примерно 10 лет. Плутарх специально акцентирует внимание на том, что Никея была старше Деметрия (Plut. Arat. 17. 2; ср.: Polyaen. IV. 6. 1), который родился ок. середины 270-х гг. (Ehrhardt 1975, 198; Кузьмин 2003, 3). Указание на примерный возраст Никеи следует искать в одном сообщении Ливия, который, рассказывая о событиях на юге Пелопоннеса в 192 г., упоминает старую «квадрирему», которая была захвачена ахейцами за восемьдесят лет до этого, когда на ней плыла из Навпакта в Коринф «супруга Кратера Никея» (Liv. XXXV. 26. 5). Судя по всему, Ливием было пропущено указание на то, что Никея была «супругой Александра, сына Кратера» (Соколов 1897, 128; Porter 1937, 60). Плутарх в биографии Филопемена (14. 5) упоминает, что корабль находился у ахейцев 40 лет, но данная датировка крайне маловероятна, т.к. согласно Ливию, корабль Никеи, когда он был захвачен ахейцами, шел в Коринф (с 243 г. контролировавшийся Ахейским союзом) из Навпакта, города в Озольской Локриде, которая уже долгое время входила в Этолийский союз. В 230-е гг. ахейцы и этолийцы были союзниками в войне против македонского царя Деметрия II. Представляется весьма странным, чтобы корабль, направлявшийся в Коринф из союзного ахейцам государства, был захвачен ими. Так что, «восемьдесят лет» Ливия более вероятны, чем «сорок лет» Плутарха. Если верить Ливию, захват

обстоятельство: если брак Деметрия со Стратоникой не предшествовал истории с Никеей, то получается, что наследник Антигона Гоната не женился примерно до 30 лет[31].

Предлагая «царский брак» Никее, Антигон и Деметрий, вероятно, менее всего думали о Стратонике — особенно, если уже в это время с очевидностью проявилась ее возможная бездетность. Впрочем, Никея так и не стала македонской царицей, а Стратоника, видимо, оставалась в Македонии (не родив детей) еще несколько лет вплоть до брака Деметрия и Фтии, окончательно подорвавшего ее статус[32].

корабля Никеи ахейцами произошел примерно в 272 г., когда Пелопоннес стал ареной последней схватки между Пирром и Антигоном Гонатом. Ахейский союз с момента своего воссоздания в 280 г. был государством, враждебным династии Антигонидов, и вполне может быть, что около 272 г. ахейцы захватили шедший из Навпакта в Коринф корабль, на котором плыла Никея, бывшая, вероятно, невестой сына Кратера Александра. Впрочем, можно допустить, что этот инцидент мог произойти и несколько лет спустя, перед началом или в первые годы Хремонидовой войны (ок. 268–262 гг.), во время которой ахейцы входили в антимакедонскую коалицию (подробнее см. Кузьмин 2006, 90–92). Плавание Никеи в Коринф, судя по всему, было связано с ее браком с Александром. Условно датировав это событие временем ок. 270 г. мы должны прийти к выводу, что Никея могла родиться, видимо, не позднее середины-конца 280-х гг.

[31] А. Л. Зелинский обратил внимание на то, что в одном из вавилонских клинописных документов, относящихся к апрелю 246 г., упоминаются дети Антиоха Теоса, но среди них не было Стратоники (Boiy 2004, 147). Наш коллега обозначил два возможных объяснения (выбрав второе): 1) Стратоника уже была женой Деметрия; 2) в это время Стратоника находилась с отцом на переговорах о ее браке (Зелинский 2009, 190–191). Впрочем, чтение этого документа и интерпретация его содержания далеко неоднозначны (см.: Boiy 2004, 147–148). Но, если отсутствие в нем Стратоники не случайно, то мы склонны принять первый вариант: в это время она находилась в Македонии при дворе Антигонидов.

[32] Если все же допустить, что Стратоника вышла замуж за Деметрия только *после* истории с Никеей, то данный брак должны были устроить Антигон Гонат и Селевк II Каллиник (старший сын и наследник Антиоха Теоса). Оба царя находились в состоянии войны с Птолемеем III Эвергетом (Третья Сирийская война, 246–241 гг.). Вероятно, что именно во время этой войны флот Антигона Гоната ок. 245 г. разбил эскадру Птолемея Эвергета в битве при Андросе (см.: Buraselis 1982, 144–145; Hammond, Walbank 1988, 587–600; Πασχίδης 1998, 253–254, 258). В принципе можно допустить, что Антигониды и Селевкиды официально оформили антиегипетский союз, который мог быть скреплен династическим браком. Свидетельством союза Гоната и Каллиника могут служить македонские тетрадрахмы с изображениями головы Посейдона (аверс) и Аполлона с луком, сидящего на носу боевого корабля (реверс), чеканившиеся от имени «царя Антигона». В настоящее время начало выпуска этих монет с большой долей вероятности относят именно к концу царствования Антигона II Гоната (ок. 245 г.), а не к правлению Антигона III Досона (Hammond, Walbank 1988, 594–595; Πασχίδης 1998, 235–258; Panagopoulou 2001, 233–268). Особый интерес представляет интерпретация изображений на данных тетрадрахмах. Так, Посейдон уже появлялся на монетах царей из дома Антигонидов (чеканка Деметрия I Полиоркета), однако Аполлон был богом, отождествляемым с династией Селевкидов. При этом нельзя не отметить, что изображение Аполлона на данных македонских тетрадрахмах имеет поразительное сходство с изображениями этого бога на монетах первых Селевкидов. В связи с этим появлялись осторожные предположения о том, что данная серия, несущая изображения богов, ассоциировавшихся с обеими царскими династиями, может являться косвенным свидетельством союза между Антигонидами и Селевкидами (ср.: Hammond, Walbank 1988, 595). Впрочем, датировка брака Деметрия и Стратоники временем после 246 г., как было показано выше, маловероятна, а если монеты с Посейдоном и Аполлоном действительно символизируют союз Гоната и Теоса в годы Третьей Сирийской войны, то это может свидетельствовать в пользу того, что история с Никеей не омрачила отношения двух династий и Стратоника пока еще находилась в Македонии.

Итак, на наш взгляд, свадьбу Деметрия и Стратоники, вопреки мнению А. Л. Зелинского, следует датировать все же концом 250-х гг. в связи с завершением Второй Сирийской войны или, возможно, чуть более поздним временем, но ранее истории с Никеей.

2. К датировке брака Деметрия и Фтии

Брак Деметрия и Фтии не может быть датирован временем до 246 г. (смерти Антиоха Теоса), как считают некоторые исследователи[33]. Юстин упоминает, что в связи со свадьбой Деметрия и Фтии предыдущая жена Антигонида уехала из Македонии (ср.: Jos. CAp. I. 206–207) к своему «брату Антиоху» (Just. XVIII. 1. 2–4). Согласно традиционной точке зрения, предшественница Фтии — а ею в данном случае могла быть только Стратоника — отправилась к Антиоху Теосу, который умер в 246 г. (отсюда и помещение брака Деметрия с Фтией до этого времени). Однако согласно нашей концепции, Стратоника была *дочерью* Теоса, и в «брате» следует видеть, скорее всего, Селевка II или его брата и соперника Антиоха Гиеракса[34].

Согласно Юстину, Деметрий женился на Фтии только после смерти ее отца, эпирского царя Александра II (Just. XXVIII. 1. 1–4), датировка кончины которого была предметом долгой дискуссии. Однако сравнительно недавно среди документов о признании асилии храма Асклепия на о. Кос был опубликован декрет Левкады, входившей в царство Александра II, датированный именем этого эпирского царя (год царствования, к сожалению, не сохранился)[35]. Впрочем, известно, что теоры с Коса посетили Балканы летом 243 (или 242) г. (так, время пребывания теоров в Македонии известно благодаря датировке декрета из Амфиполя сорок первым годом царствования Антигона Гоната — ок. 284/83–240/39 гг.). Таким образом, Александр II Эпирский еще был жив в конце 240-х гг., и, соответственно, нет никаких оснований датировать брак его дочери и Деметрия II более ранним временем. Соответственно, Фтия стала супругой Деметрия II где-то в самом начале его царствования в 239 г., родив царю наследника — будущего Филиппа V в 238 г.[36]

3. Мать Филиппа V и новый взгляд на личность Хрисеиды

Обращаясь к данному сюжету, стоит напомнить основные точки зрения на проблему идентификации личности матери Филиппа V, хотя несколькими строками выше мы уже обозначили свой выбор[37].

---

[33] Например: Cabanes 1976, 60–64; Вершинин 1988, 115; Corsten 1992, 201; Le Bohec 1993a, 144; Ogden 1999, 179.

[34] О дальнейшей судьбе Стратоники, ее возвращении на родину, а также проблемах интерпретации сведений о ее мятеже против Селевка II и гибели (Jos. CAp. I. 206–207) см.: Габелко, Кузьмин 2008, 150–151.

[35] Rigsby, Hallof 2001, 342–345; IG XII 4 1. 220V, 64–71.

[36] Walbank 1940, 295–299.

[37] Подробную библиографию см.: Габелко, Кузьмин 2008, 158.

1. Матерью Филиппа была Хрисеида, возможно, являвшаяся наложницей Деметрия II, на которой после смерти царя женился его преемник Антигон III Досон (наиболее подробно данная концепция была обоснована в 1930-х гг. Ч. Эдсоном)[38].

2. Филипп был сыном Деметрия II и эпирской царевны Фтии; после ее смерти или же разрыва с ней Деметрий мог жениться на Хрисеиде, которая, судя по всему, усыновила Филиппа (после смерти Деметрия II на Хрисеиде женился Антигон III Досон)[39].

3. Фтия и Хрисеида — это одна и та же женщина, Χρυσηΐς — лишь прозвище эпирской царевны Фтии (поздняя теория У. Тарна, воспринятая и многими другими антиковедами)[40].

4. Филипп V был сыном Фтии, на которой после смерти Деметрия II женился Досон; позднее его супругой стала Хрисеида, которая никак не была связана ни с Деметрием, ни с Филиппом[41].

В своей статье, посвященной проблеме идентификации матери Филиппа V, Н. Ю. Сивкина, представив основные тенденции в изучении вопроса, воздержалась от четких выводов[42], но предложила оригинальное мнение по поводу личности Хрисеиды, в которой она предложила видеть Никею, бывшую жену Александра Коринфского и, возможно, Деметрия. Важным элементом в гипотезе Н. Ю. Сивкиной является презумпция, что Хрисеида была пленницей, получившей свое имя

[38] Dow, Edson 1937, 162–163. Ср.: Seibert 1967, 38–39; Ogden 1999, 179–182; Carney 2000, 190–192, 230.

[39] Tarn 1924, 17–23; Macurdy 1932, 71; Fine 1934, 99–104.

[40] Tarn 1940, 483–501. Кстати, под влиянием гипотезы У. Тарна о том, что Фтия имела прозвище Хрисеида, Ч. Эдсон отказался от своего мнения, что матерью Филиппа V была Хрисеида (частное письмо Эдсона по этому поводу упомянуто Ф. Уолбанком: Walbank 1940, 9–10 not. 3).

[41] Le Bohec 1984, 34–46.

[42] Н. Ю. Сивкина, хоть и не без оговорок, но, кажется, склоняется к мнению о том, что матерью Филиппа была все же Фтия (Сивкина 2011, 63). Впрочем, не все приводимые ею аргументы в пользу этой точки зрения, разделяемой и нами, могут быть приняты. Так, указание на то, что «если матерью Филиппа была Хрисеида, то в таком случае претензии Филиппа V на родство с Филиппом II и Александром не имели бы под собой никакого основания» (Сивкина 2011, 63) невозможно принять, так как Антигониды активно использовали в своей пропаганде идеологему о родстве с Аргеадами (например: Edson 1934, 214–226). Нельзя согласиться и с мыслью о том, что «брак Досона с Хрисеидой никак не сказывался и на правах Филиппа на македонский трон» (Сивкина 2011, 65). В случае рождения детей у Досона и Хрисеиды, если бы у Антигона появился вполне естественный соблазн передать власть собственным отпрыскам, положение Филиппа V становилось бы довольно шатким, чем и объясняется обязательство Досона не иметь детей от Хрисеиды, о чем упоминает Евсевий (вспомним судьбу Береники и ее сына, убитого по приказу Лаодики уже после того, как статус последней был восстановлен по распоряжению Антиоха II — при том, что сыновья Лаодики Селевк II и Антиох Гиеракс были гораздо старше сына Береники). Странное впечатление производит замечание Н. Ю. Сивкиной том, что, оказывая помощь пострадавшему от землетрясения Родосу, «Хрисеида старалась соответствовать другим царицам» (Сивкина 2011, 67): во-первых, несколько ранее она доказывала, что Хрисеида, даже став женой Досона, царского титула не имела (Сивкина 2011, 64), а во-вторых, «другие царицы» в данном пассаже Полибия вообще не фигурируют. Кстати, то, что Полибий (V. 89. 6–7) назвал Хрисеиду γυνή Досона, отнюдь не означает, что она не носила титул βασίλισσα; в контексте сообщения Полибия была уместна только конструкция со словом γυνή (ни один из упомянутых в этом отрывке монархов, среди которых были и Селевкиды, Птолемеи и Антигониды, не именуется Полибием βασιλεύς, все они названы только по именам). Довольно пространные рассуждения Н. Ю. Сивкиной о том, откуда именно могла происходить Хрисеида, будучи «пленницей» (Сивкина 2011, 67-68), сугубо умозрительны и не проясняют, а, скорее, еще более запутывают вопрос о ее личности.

(прозвище) от Деметрия II в честь гомеровской героини — пленницы Хрисеиды, дочери жреца Хриса.

Самым важным свидетельством в пользу историчности фигуры македонской Хрисеиды следует признать сообщение Полибия, упоминающего ее как жену (γυνή) Антигона Досона[43], который, как известно из других источников, после смерти Деметрия II женился на матери его сына Филиппа V (имя которой при этом не называется) и усыновил мальчика (Plut. Aem. 8. 3; Paus. VII. 7. 4; Iust. XXVIII. 3. 9–10). Женитьба Досона, принадлежавшего к одной из боковых ветвей династии Антигонидов[44], на матери наследника умершего Деметрия II и его усыновление, несомненно, были частью процедуры принятия Досоном царского титула и легитимации его нового статуса[45].

Лишь в позднеантичной и византийской традиции Хрисеида именуется «пленницей» и фигурирует как супруга Деметрия II и мать Филиппа, на которой женился Антигон Досон (Porphyr. ap. Euseb. Chron. I. 237–238 Schoene; Synk. 340 Mosshammer; ср.: Etym. Magn. s.v. Δώσων). Однако представляется, что совершенно не обязательно видеть гомеровские аллюзии в имени *Хрисеида*, которое, стоит отметить, было весьма редким, — особенно в Средней и Северной Греции (LGPN III–IV s.v. Χρυσηΐς, Χρυσίς). Вполне допустимо, что «пленницей» Хрисеиду сделал Евсевий (или же его источник Порфирий), решивший блеснуть эрудицией в «гомеровском вопросе». С другой стороны, может быть, в сообщениях Евсевия (Порфирия) и следующего им Синкелла о том, что Хрисеида, которую

[43] Polyb. V. 89. 6–7 (Антигон Досон и его жена Хрисеида фигурируют среди правителей, оказавших помощь Родосу после землетрясения). Вероятно, источником Полибия в этом случае была родосская историография или, в основе которой лежали официальные эпиграфические документы, зафиксировашие имена людей, помогавших жителям острова (Walbank 1957, 616). Также Полибий был достаточно хорошо осведомлен и о македонском дворе в правления Филиппа V и Персея, в том числе и благодаря знакомству с некоторыми приближенными последнего Антигонида, депортированнными римлянами в Италию в 167 г. (Polyb. XXIX. 8. 10; см. подробнее: Walbank 1957, 33–34; Walbank 1972, 75; Walbank 1979, 378; Tataki 1988, 182; Кузьмин 2011, 127–128). Все это придает особую ценность информации Полибия об имени супруги Досона.

[44] Антигон III Досон был сыном Деметрия Красивого, царствовавшего в Кирене, и внуком Деметрия I Полиоркета.

[45] Н.Ю. Сивкина в своей работе совершенно напрасно повторила мнение Ч. Эдсона и его сторонников о том, что до провозглашения царем Антигон III Досон достаточно долго (около трех лет) был регентом без царского титула (Сивкина 2011, 60–61). Основой этой концепции являются указания ряда античных и византийских авторов о первоначальном статусе Антигона III, как опекуна (ἐπίτροπος, *tutor*) Филиппа V, а также датировка правления Досона Евсевием 12 годами (ιβ΄ — Euseb. Chron. 241–242 Schoene), хотя он, несомненно, правил только девять (с 229 по 221 гг.; в списке фессалийских правителей Евсевий отводит Досону именно девять лет — Euseb. Chron. 243, 247 Schoene). Следует упомянуть, что 12 лет правления Досона упоминает, следуя Евсевию, и Георгий Синкелл, хотя он же следом приводит и версию Диодора о девяти годах (…ιβ΄, κατὰ δὲ τὸν Διόδωρον ἔτη θ΄ — Diod. XXV. 18). Ч. Эдсон допустил, что Евсевий к девяти годам правления Досона в целом приплюсовал три года регентства, отсюда ошибочно получилось 12 лет (Dow, Edson 1937, 172–176). Данная концепция (иногда с некоторыми уточнениями и оговорками) популярна вплоть до настоящего времени (Walbank 1940, 11 not. 4; Bengtson 1944, 387 Anm. 1; Ehrhardt 1975, 10, 142; Бенгтсон 1982, 249; Hammond, Walbank 1988, 344–345; Walbank 1989, 191–192; Errington 1993, 176–177). Однако в свете писем Антигона Досона из Перребии, датированных восьмым и девятым годами его правления (Tziafalias, Helly 2010, 94–95, 104–105), теория о продолжительном регентстве Досона без царского титула должна быть отвергнута. В крайнем случае — период регентства явно был очень непродолжительным (ср.: Le Bohec 1993a, 133) и не сказался на датировке царских документов.

они называют матерью Филиппа V, была «пленницей», вообще следует видеть влияние проримской традиции, т.е. источника, где в целях очерения Филиппа говорилось о низком происхождении его матери[46]. Подобные инвективы были распространенным приемом пропаганды в римско-эллинистическом мире. Показательно, что в пассаже Евсевия, где говорится о происхождении Филиппа V от «одной из пленниц, прозванной Хрисеидой», акцентируется внимание на том, что Филипп «первым воевал с римлянами и [тем самым] оказался причиной бедствий для македонян» (Euseb. Chron. I. 237-238 Schoene).

В статье 2008 г. мы допустили и то, что к изменению статуса эпиротки Фтии при дворе Деметрия II, которая еще в середине 230-х гг. фигурировала в афинских надписях как супруга царя (IG II.^{2} 790, 16–17; 1299, 10–11), могло привести крушение монархии в Эпире (ок. 232 г.) и его сближение с недавними врагами — этолийцами, которые воевали и с Македонией (т.н. «Деметриева война»)[47]. После разрыва с Фтией или ее опалы[48] царь мог жениться на Хрисеиде или же возвысить ее до статуса супруги, если отношения Деметрия с Фтией и Хрисеидой до этого были полигамными. Сын Фтии Филипп мог быть признан новой царицей Хрисеидой, на которой после смерти Деметрия II женился Антигон Досон[49] (примером признания новой царицей детей своей предшественницы может служить Арсиноя II, ставшая матерью κατὰ θέσιν детей Птолемея II Филадельфа и его первой супруги Арсинои I, попавшей в опалу[50]).

Но, в общем, нельзя исключать возможности того, что был прав У. Тарн, отождествивший Фтию и Хрисеиду. В связи с этим можно вспомнить знаменитую царицу Олимпиаду, для которой в разные периоды жизни засвидетельствована, возможно, следующая смена имен: Поликсена, Миртала, Олимпиада и Стратоника[51]. Категорически возражать против этой гипотезы мы не будем, так как она в целом не противоречит нашим построениям.

Так или иначе, попытка Н. Ю. Сивкиной отождествить Хрисеиду и бывшую владычицу Коринфа Никею, несомненно, оригинальна (ее даже можно назвать по-настоящему новым словом в изучении матримониальной политики Деметрия II и Антигона Досона) — однако данная гипотеза вызывает самые серьезные возражения.

Самое главное — Никея, которая никак не могла быть матерью Филиппа V, не имела и не могла иметь никакой «практической» ценности для Досона[52]. Так как он сам был Антигонидом, то для него был важен брак именно с матерью (физи-

[46] Габелко, Кузьмин 2008, 154 прим. 66.

[47] Габелко, Кузьмин 2008, 162.

[48] Некоторые историки считают, что Фтия умерла ок. середины 230-х гг. (например: Seibert 1967, 38; Errington 1993, 174, 288 not. 45). Однако есть основания считать, что Фтия пережила Деметрия (ср.: Dow, Edson 1937, 149; наиболее подробно: Габелко, Кузьмин 2008, 156–157).

[49] В македонской истории имеются примеры браков опекунов, стремившихся упрочить свои позиции и получить царскую власть, с вдовами умерших царей. Можно вспомнить брак Птолемея из Алора и вдовы Аминты III Эвридики в начале 360-х гг., а также женитьбу Птолемея Керавна на Арсиное, вдове Лисимаха в 281 г. (Schol. ad Aeshin. II. 29; Just. XXIV. 2–3).

[50] Schol. ad Theocr. XVII. 128; ср.: OGIS 54–56, 60–61, 65 (в данных надписях Птолемей III Эвергет именуется сыном Птолемея II и Арсинои II, хотя его биологической матерью была Арсиноя I).

[51] Plut. Moral. 401b; Just. IX. 7. 13. См. подробнее: Heckel 1981, 79–86.

[52] Как это отмечает и сама Н. Ю. Сивкина: «Досону не было необходимости вступать в брак (с Хрисеидой — *Ю.К., О.Г.*) для узаконивания своей власти» (Сивкина 2011, 64).

ческой или приемной) наследника Деметрия II, а не с женщиной, которая, если и была супругой умершего царя, то в лучшем случае, видимо, очень недолго.

Хотя Н. Ю. Сивкина полагает, что после окончания «замужества» за Деметрием «Никея-Хрисеида» «должна была остаться при дворе, поскольку другого дома у нее не было»[53], кажется куда более вероятным, что лучшее, на что она могла рассчитывать, — это более или менее почетная ссылка с предоставлением определенного «пансиона», достаточного для безбедного существования — но вряд ли на условиях, сопоставимых, скажем, с теми, которые были обеспечены Лаодике Антиохом Теосом (см. выше).

Здесь будет уместным предложить иную трактовку судьбы Никеи после утраты ею власти в Коринфе. Из сообщения «Суды» о знаменитом халкидском поэте Эвфорионе известно, что он «любил Никею, жену Александра, сына Кратера, царствовавшего на Эвбее, став вследствие этого очень богатым» (Suda s.v. Εὐφορίων). К сожалению, датировка этого периода в жизни поэта затруднительна, т.к. биографические данные об Эвфорионе вообще довольно скудны[54], но будет уместным допустить, что отношения между Никеей и Эвфорионом могли иметь место не при жизни Александра или в период единоличного владычества его вдовы в Коринфе[55], а уже после «брака» Никеи с Деметрием и потери ею Коринфа. В этом случае местом жительства (или «ссылки») Никеи после всех этих событий могла стать именно Халкида на Эвбее — родной город Эвфориона, который контролировался Антигонидами[56]. Если все обстояло именно так, то Никея была достаточно обеспечена Антигонидами и в финансовом плане, имея возможность оказывать поддержку своему любовнику Эвфориону.

Следует добавить также еще ряд дополнительных аргументов против теории о «Никее-Хрисеиде» как о жене Антигона Досона.

1. Вообще нет полной уверенности, что даже на короткое время Никея стала женой Деметрия; источники свидетельствуют лишь о *начале* в Коринфе праздничных церемоний (включавших жертвоприношения, театральные представления и т.д.)[57]. В пользу того, что брак не состоялся, может косвенно свидетельствовать и сообщение «Суды» об Эвфорионе, где Никея именуется лишь женой Александра, сына Кратера, а Деметрий вообще не упоминается[58].

---

[53] Сивкина 2011, 69.

[54] Skutsch 1907, 1174–1176.

[55] Соколов 1879, 411; Tarn 1913, 372; Geyer 1936, 221; Lévêque 1958, 434.

[56] То, что Никея могла быть покровительницей Эвфориона уже после потери Коринфа, допускал еще К. Ю. Белох, который, впрочем, считал, что она жила в Афинах (Beloch 1927, 584–585). Хотя в целом хронология Белоха имеет поддержку (см.: Knoepfler 2001, 295 not 174 — здесь указаны несколько специальных работ, посвященных Эвфориону, авторы которых приняли датировку Белоха), его мнение про жизнь Никеи в Афинах, на наш взгляд, менее вероятно, чем вариант с Халкидой. В последнем случае для «назначения» сюда Никеи появлялась и некая, хотя и довольно эфемерная, «правовая» основа — прежнее господство на Эвбее ее покойного мужа, Александра.

[57] Porter 1937, 61 (филологический анализ лексики Плутарха в пользу мнения о том, что брак Деметрия и Никеи не состоялся).

[58] Упоминаемый в «Суде» отъезд Эвфориона в Сирию ко двору Антиоха III Великого (который начал править в 223 г.) можно попытаться связать со смертью покровительницы халкидского поэта; тем самым мы получаем (разумеется, с определенной долей условности) примерный хронологический маркер для этого события, так как византийский словарь сообщает о сожительстве Никеи и Эвфориона, обогащении поэта и его отъезде в Сирию в едином временном и причинно-следственном

2. В случае брака Досона с Никеей (родившейся самое позднее в конце 280-х гг. — см. прим. 30) она должна была быть примерно на двадцать (!) лет старше «жениха», который родился ок. 263 г.[59] В таком случае, наверно, исключаются и возможные «личные симпатии», которые могли побудить Досона вступить в брак с «Никеей-Хрисеидой»[60].

3. Как уже было отмечено выше, информация поздних авторов о том, что Хрисеида была «пленницей», вызывает определенные сомнения, отчего попытка Н. Ю. Сивкиной непременно сделать Никею «пленницей» Деметрия не представляется убедительной.

В конце можно предложить объяснение того, как могла возникнуть традиция именно о Хрисеиде как о матери Филиппа V, даже в случае того, если она не являлась таковой ни κατὰ φύσιν, ни κατὰ θέσιν[61]. Важно то, что Хрисеида, согласно Полибию, действительно была супругой Досона в какой-то момент после знаменитого землетрясения на Родосе (ок. 228–227 гг.)[62], т.е. в то время, когда Филипп V уже был усыновлен Досоном и позиционировался как его наследник[63].

Антигон Досон, усыновивший Филиппа, родного сына Деметрия II[64], фактически был его вторым отцом. И, что весьма интересно, став царем, Филипп при необходимости упоминал именно Досона, как своего отца (πατήρ)[65], не называя,

контексте (впрочем, есть предположения и о других патронах Эвфориона после Никеи, но до его отъезда к Антиоху; см., например: Lévêque 1958, 435–436).

[59] Антигон Досон родился ок. 263 г. (Euseb. Chron. I. 239–240 Schoene; Le Bohec 1993a, 82). Вообще, получается интересная картина: видимо, только первый супруг Никеи Александр, сын Кратера, был старше нее. Деметрий однозначно был младше Никеи, что специально оговаривает Плутарх (Arat. 17. 2; ср.: Polyaen. IV. 6. 1). Младше Никеи был и Эвфорион (ср.: Plut. Moral. 472d: здесь имеется аллюзия на сожительство Эвфориона с некой «богатой старухой» — ἅμα δὲ πλουσίᾳ γραῖ συγκαθεύδειν ὡς Εὐφορίων — явно Никеей). Деметрий родился ок. середины 270-х гг.; возможно, что Эвфорион был его ровесником (согласно «Суде» он родился, когда «Пирр был разгромлен римлянами»). То, что Плутарх именует, видимо, именно Никею γραῖα во время ее связи с Эвфорионом (Moral. 472d) может быть аргументом в пользу точки зрения, что она имела место позднее утраты Никеей власти в Коринфе в связи с чем Плутарх использует более «нейтральное выражение» для указания на то, что невеста была старше Деметрия (Plut. Arat. 17. 2: …γυναικὶ πρεσβυτέρᾳ).

[60] Сивкина 2011, 64.

[61] По мнению С. Ле Боэк, Антигон Досон после смерти Деметрия II женился на его вдове Фтие, матери Филиппа V, а затем, вслед за ее смертью (или после разрыва с ней), взял в жены Хрисеиду (о статусе которой при македонском дворе французская исследовательница предпочитает не рассуждать), что и породило путаницу в источниках (Le Bohec 1984, 44–46; Le Bohec 1993a, 143–149; Le Bohec 1993b, 231–232). В данной версии вызывает определенные сомнения то, что два брака Антигона Досона должны быть разделены очень небольшим промежутком времени — от смерти Деметрия II в 229 г. до какого-то момента, близкого к землетрясению на Родосе (ок. 228–227 гг.), после которого Антигон и Хрисеида среди прочих правителей оказали помощь жителям острова (Polyb. V. 89. 7). Впрочем, исключать вероятность версии С. Ле Боэк не следует. Интересным представляется то, что Хрисеида в этой акции предстает достаточно самостоятельным лицом, сделавшим дар наряду со своим супругом. Показательно и то, что в списке царей и династов, оказавших помощь Родосу, Полибием упоминается жена только Антигона Досона.

[62] О датировке землетрясения на Родосе и дарений его жителям, сделанных различными эллинистическими царями и династами см.: Walbank 1957, 616. Сейсмическая активность в это время затронула и Балканы; в надписи SEG XXXVIII. 1476d (стк. 93–96) упоминается разрушение в результате землетрясения стен города Китиний в Дориде где-то в начале 220-х гг.

[63] Этот статус Филиппа отражен в посвятительной надписи из Деметриады: Ἐτέαρχος Πύρρου Κρὴς βασιλεῖ Ἀντιγόνω[ι] καὶ Φιλίππωι (Pouilloux, Verdélis 1950, 42–45; SEG XII. 308; ISE II. 106).

[64] Полибий (IV. 2. 5) отмечает, что Филипп V был родным (κατὰ φύσιν) сыном Деметрия II.

[65] Ср.: Le Bohec 1993a, 330.

впрочем, его по имени[66]. Об этом свидетельствует не только Полибий (IV. 24. 7; ср.: IV. 87. 6)[67], но и, что особенно важно, некоторые эпиграфические документы. В первую очередь это надписи из Лабраунды в Карии — царские письма Филиппа V жителям Миласы и стратегу Олимпиху — в которых упоминаются решения «отца» царя (таковым мог быть только Антигон Досон, совершивший ок. 227 г. экспедицию в Карию)[68]. Видимо, именно Досон упоминается без имени, как «отец», и в письме Филиппа V, найденном в Амфиполе (SEG XXVII. 245; XXXIII. 499)[69].

Таким образом, именно ситуация с тем, что даже в официальной македонской традиции Филипп V фигурировал как сын двух отцов, супругой второго из которых — Досона — действительно была Хрисеида, могла привести к тому, что именно эту женщину в достаточно поздних источниках стали называть матерью Филиппа, даже если она ей и не была или же стала таковой лишь κατὰ θέσιν.

ЛИТЕРАТУРА

Бенгтсон Г. 1982: Правители эпохи эллинизма. М.

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Вершинин Л.Р. 1988: Этническое и политическое состояние Эпира в IV–III вв. до н.э. Дис. … канд. ист. наук. М.

Габелко О.Л. 2005: История Вифинского царства. СПб.

Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. 2005: О некоторых загадках династической истории эллинистических держав // SH. 5, 52–67.

Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. 2008: Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 1, 141–164.

Жигунин В.Д. 1980: Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань.

Зелинский А.Л. 2009: К датировке брака будущего Деметрия II со Стратоникой // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 187–193.

Зелинский А.Л. 2011: Возможная датировка брака Деметрия II со Стратоникой // Східний світ. 2, 84–89.

Кузьмин Ю.Н. 2003: Царь Деметрий II Македонский: штрихи к биографии // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 3–15

Кузьмин Ю.Н. 2006: Кратер, брат царя Антигона: биография на фоне эпохи // AMA. 12, 79–94.

Кузьмин Ю.Н. 2011: Macedonia capta: депортация македонской военно-политической элиты в Италию в 167 г. до н.э. // SH. 11, 119–130.

---

[66] В подавляющем большинстве случаев в эпиграфических источниках Филипп V фигурирует именно как «сын Деметрия»; например: EKM I. 17 (Бероя); IG X 2 1. 25 (Фессалоника); IG IV. 427 (Сикион); IG IV.^{2} 590, 1–2 (Эпидавр); SEG XXXVIII. 603, 15 (Дий); Syll.^{3} 573–575 (Делос); Lindos II. 2, 128–129 (Линд); Hatzopoulos 1996b, 48–49. № 27–28 (Пелла); 53. № 34 (Самофракия).

[67] Данное обстоятельство у Полибия было отмечено Н.Ю. Сивкиной (Сивкина 2011, 59).

[68] Цитаты из надписей и комментарий: Le Bohec 1993a, 329–330.

[69] Hatzopoulos 1996a, 404; Piejko 1983, 225–226. Что весьма интересно, надписи, в которых Антигон Досон фигурирует как «отец» Филиппа V, относятся к начальным годам царствования последнего (3-й год в письмах Олимпиху и в Амфиполь), т.е. к тому времени, когда политическое наследие Досона, в том числе и его относительно частные решения (которые и упоминаются в этих документах), были еще весьма актуальны.

Сивкина Н. Ю. 2011: Фтия или Хрисеида: античная традиция о матери Филиппа V // AAe. 3. Проблемы источниковедения античной истории: взгляды на историю и историческая информация в трудах античных авторов / А. В. Махлаюк, Е. А. Молев (ред.). Н. Новгород, 56–70.

Соколов Ф. Ф. 1879: Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского // ЖМНП. Ноябрь, 369–417.

Соколов Ф. Ф. 1897: Александр сын Кратера // ЖМНП. Март, 112–129.

Avram A. 2003: Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphe et la mer Noire // CRAI. 3, 1181-1213.

Beloch K. J. 1927: Griechische Geschichte. 2. Aufl. IV.2. Leipzig.

Bengtson H. 1944: Die Strategie in der hellenistischen Zeit. II. München.

Boiy T. 2004: Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven.

Buraselis K. 1982: Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München.

Cabanes P. 1976: L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine (272–167 av. J.-C.). Paris.

Carney E. D. 2000: Women and Monarchy in Macedonia. Norman, Oklahoma.

Corsten T. 1992: Der Hilferuf des Akarnanischen Bundes an Rom // ZPE. 94, 195–210.

Dow S., Edson Ch. F. 1937: Chryseis: A Study of the Evidence in Regard to the Mother of Philip V // HSCPh. 48, 127–180.

Edson Ch. F. 1934: The Antigonids, Heracles and Beroea // HSCPh. 45, 213–246.

Ehrhardt C. T. H. R. 1975: Studies in the Reigns of Demetrius II and Antigonus Doson. I. Diss. S.U.N.Y. Buffalo.

Errington R. M. 1993: A History of Macedonia. Berkeley; Los Angeles; London.

Fine J. V. A. 1934: The Mother of Philip V of Macedon // CQ. 28, 99–104.

Gabelko O. L., Kuzmin Yu. N. 2012: A Case of Stratonicas: Two Royal Women between Three Hellenistic Dynasties // Seleucid Studies. Festschrift für Getzel Cohen. Stuttgart (в печати).

Geyer F. 1931: Stratonike (9) // RE. III.1 (2. R.), 320–321.

Geyer F. 1936: Nikaia (3) // RE. XVII.1, 221–222.

Grainger J. D. A 1997: Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln.

Grainger J. D. 2010: The Syrian Wars. Leiden; Boston.

Hammond N. G.L., Walbank F. W. 1988: A History of Macedonia. III. Oxford.

Hatzopoulos M. B. 1996a: Macedonian Institutions under the Kings. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens.

Hatzopoulos M. B. 1996b: Macedonian Institutions under the Kings. I. Epigraphic Appendix. Athens.

Heckel W. 1981: Polyxena, the Mother of Alexander the Great // Chiron. 11, 79–86.

Knoepfler D. 2001: Décrets érétriens de proxénie et de citoyennété. Paris.

Le Bohec S. 1984: Phthia, mère de Philippe V: examen critique des sources // REG. 91.1, 34–46.

Le Bohec S. 1993a: Antigone Dôsôn, roi de Macédoine. Nancy.

Le Bohec S. 1993b: Les reines de Macédoine de la mort d'Alexandre à celle de Persée // Cahiers du Centre G. Glotz. 4, 229–245.

Lévêque P. 1958: Euphorion, la reine et les rois // REG. 71, 433–437.

Macurdy G. H. 1932: Hellenistic Queens. Baltimore.

Mileta Chr. 2008: Der König und sein Land. Untersuchungen zur Herrschaft der hellenistischen Monarchen über das königliche Gebiet Kleinasiens und seine Bevölkerung. Berlin.

Ogden D. 1999: Polygamy, Prostitutes, and Death: The Hellenistic Dynasties. Swansea.

Oliver G. I. 2007: War, Food and Politics in Early Hellenistic Athens. Oxford.

Olmstead A. T. 1937: Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology // CPh. 32.1, 1–14.

Osborne M. J. 2003: Shadowland: Athens under Antigonos Gonatas and his Successor // The Macedonians in Athens: 322–229 B. C. Oxford, 67–74.

Panagopoulou K. 2001: The Antigonids: Patterns of Royal Economy // Hellenistic Economies. London; New York, 233–268.

Piejko F. 1983: A Letter of Philip V to Amphipolis // ZPE. 50, 225–226.

Porter W. H. 1937: Plutarch's Life of Aratus. Cork; Dublin.

Pouilloux J., Verdélis N. M. 1950: Deux inscriptions de Démétrias // BCH. 74.1, 33–47.

Rigsby K. J., Hallof K. 2001: Aus der Arbeit der "Inscriptiones Graecae" X. Decrees of Inviolability for Kos // Chiron. 31, 334–345.

Sachs A. J., Wiseman D. J. 1954: A Babylonian King List of the Hellenistic Period // Iraq. 16.2, 202–212.

Seibert J. 1967: Historische Beiträge zu den Dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden.

Skutsch F. 1907: Euphorion (4) // RE. VI.1, 1174–1190.

Tarn W. W. 1913: Antigonos Gonatas. Oxford.

Tarn W. W. 1924: Philip V. and Phthia // CQ. 18.1, 17–23

Tarn W. W. 1940: Phthia-Chryseis // Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson. Cambridge, Mass., 483–501.

Tataki A. B. 1988: Ancient Beroea. Prosopography and Society. Athens.

Tziafalias A., Helly B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn // Studi ellenistici. 24, 71–125.

Walbank F. W. 1940: Philip V of Macedon. Cambridge.

Walbank F. W. 1957: A Historical Commentary on Polybius. I. Oxford.

Walbank F. W. 1972: Polybius. Berkeley.

Walbank F. W. 1979: A Historical Commentary on Polybius. III. Oxford.

Walbank F. W. 1984: Macedonia and Greece // CAH.^{2} VII.1, 221–256.

Walbank F. W. 1989: Antigonus Doson's Attack on Cytinium (REG 101 (1988), 12–53) // ZPE. 76, 184–192.

Will Éd. 1979: Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). I. Nancy.

Πασχίδης Π. 1998: Ποσειδῶνες καὶ Ἀντίγονοι. Παρατηρήσεις στὴ νομισματικὴ μαρτυρία γιὰ τη ναυτικὴ δύναμη τοῦ Ἀντιγόνου Γονατᾶ καὶ τοῦ Ἀντιγόνου Δώσωνα // Ἀρχαιογνωσία. 9 (1995–1996). Ἀθήνα, 235–258.

ANTIGONID MATRIMONIAL POLICY IN THE 250–220-s B.C.

Yu. N. Kuzmin., O. L. Gabelko

The article considers some aspects in the matrimonial politics of Macedonian kings Antigonos II Gonatas, Demetrios II, and Antigonos III Doson. In particular, the authors throw the new light on the next problems: 1) the date of the Demetrios' II marriage to Strationike, the daughter, as the authors suggested, of Seleukid Antiochos II Theos, and possible reasons of their divorce; 2) the date of Demetrios wedlock with Phthia, the Epirot princess and mother of Philip V; 3) the circumstances of Demetrios' matchmaking to Nikaia, the widow of Alexander of Corinth, and her subsequent fate; 4) the personality of Chryseis, the wife of Antigonos III Doson and stepmother of Philip V.

Key words: Macedonia, Hellenism, Antigonids, Seleucids, Demetrios II, Stratonike, Nikaia, Antigonos Gonatas, Antiochos Theos, Laodike, Antigonos Doson.

© 2012

О. А. Власова

САКРАЛЬНАЯ СФЕРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКОГО ПРЕТОРА*

В статье рассматривается вопрос о сакральных аспектах административно-правовой деятельности претора в Риме. В сакральной сфере обязанностей претора выделяются следующие направления: открытие и проведение игр cura ludorum; обеты богам, которые давал претор (провести игры или построить храм); исполнение претором ряда сакральных ритуалов при строительстве обетованного храма; контроль за соблюдением mos maiorum, «обычая предков», за нравственностью, куда входил и «розыск святынь» «sacri conquirendi». В целом сакральная сфера в деятельности претора в Риме включала в себя множество важных аспектов и была направлена на поддержание pax deorum, стабильного функционирования римской общины в рамках традиционной морали и обычаев предков.

Ключевые слова: претор, сакральная сфера, обеты, cura ludorum, sacri conquirendi.

Специфика изучения функционирования магистратуры римского претора как в отечественной, так и в зарубежной историографии заключается в том, что основное внимание исследователей обращается на две важные стороны преторской деятельности: на участие претора в судопроизводстве, его правотворческую деятельность, и, в меньшей степени, на выполнение должностных обязанностей в провинции. Деятельность же претора собственно в Риме, не связанная с судопроизводством, остается недостаточно изученной.

В обширную сферу деятельности претора в Риме входили и некоторые сакральные функции. Их исполнение базировалось на преторском империи. Одними из весьма важных сакральных ритуалов, исполнение которого возлагалось на претора, были открытие и проведение игр — cura ludorum. Эту функцию выполняли и эдилы[1], и преторы. Значимость этого направления преторской деятельность была столь высока, что иногда приходилось назначать специального диктатора, если претор по какой-либо причине не мог провести празднование. Например, одной из возможных причин назначения диктатора в 322 г. до н.э. Ливий называет необходимость, «чтоб на Римских играх было кому подать знак выпускать четверни, так как претор Луций Плавтий как раз тогда слег от тяжелой болезни» (VIII. 40. 2–3)[2].

В 217 г. до н.э., в связи с тем что диктатор Квинт Фабий Максим был занят войной, сенат распорядился, чтобы претор подготовил Великие Игры в честь Юпитера, дал обет построить храм Уму и пообещал «Священную весну», если война будет удачной. С этими сенатскими постановлениями городской претор Марк Эмилий обратился к понтификам и, после решения коллегии, осуществил их. Бо-

Власова Ольга Александровна — младший научный сотрудник Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ. E-mail: solar_@list.ru

* Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а, и в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 на выполнение научно-исследовательских работ.

[1] Об организации игр эдилами см.: Телин 2011, 10–23.

[2] Nec discrepat quin dictator eo anno A. Cornelius fuerit; id ambigitur belline gerendi causa creatus sit an ut esset qui ludis Romanis, quia L. Plautius praetor graui morbo forte implicitus erat, signum mittendis quadrigis daret functusque eo haud sane memorandi imperii ministerio se dictatura abdicaret. О таком диктаторе см.: Сморчков 2009, 59.

лее того, собственно сами Великие Игры проводил претор, хотя Фабий Максим был в Риме (Liv. XXII. 9. 7–10. 10.).

Празднование Аполлоновых игр, как и основание их, связано с претурой. О создании этих игр очень подробно рассказывает Ливий[3]. В 213 г. до н.э. в руки городского претора Марка Эмилия попали книги прорицателя Марция. Написанному в книгах римляне поверили, так как там же предсказывалось, что они потерпят поражение при Каннах. В этих книгах говорилось, как можно изгнать врага: «Надо, думаю, посвятить Аполлону игры; да повторяются они ежегодно, Аполлону приятные. Когда народ на эти игры отчислит часть из казны, и пусть каждый внесет за себя и своих; игры будет устраивать тот претор, который разбирает тяжбы народа и плебеев; децемвиры совершат жертвоприношения по греческому обряду. Если все правильно исполните, в радости всегда пребудете и дела ваши поправятся, ибо расточит врагов ваших тот бог, который в мире содержит ваши поля» (Liv. XXV. 12. 2–10). После того как децемвиры, по решению сената, справились в Сивиллиных книгах «об Аполлоновых играх и богослужении» (Liv. XXV. 12. 11) и доложили сенату, «постановлено было совершать игры в честь Аполлона, а на устройство их выдать претору двенадцать тысяч ассов и двух волов (Liv. XXV. 12. 12). «Претор, собираясь устроить игры в Большом цирке, издал эдикт, чтобы народ во время этих игр делал посильный взнос Аполлону» (Liv. XXV. 12. 14). В 211 г. до н.э. по предложению городского претора Гая Кальпурния сенат постановил справить игры в честь Аполлона и справлять их отныне ежегодно (Liv. XXVI. 23. 3). Однако, видимо, решение сената не всегда исполнялось, так как в 208 г. до н.э. «городскому претору Публию Лицинию Вару велено было предложить народу закон: справлять эти игры во веки веков и в установленный день. Он первый и справил их в третий день до квинктильских нон» (Liv. XXVII. 23. 7). Ливий, впрочем, объясняет такое повторение тем, что до этого Аполлоновы игры «справляли уже все подряд городские преторы, но обет справить их давался на один только год, и дня не назначали», а в 208 г. до н.э. моровое поветрие постигло «и Город и окрестности; смертей, правда, было не так уж много, но болели долго» (Liv. XXVII. 23. 5–6), для избавления от которого и было принято решение о регулярном праздновании Аполлоновых игр. Известно, что и в дальнейшем Аполлоновы игры проводились претором, в том числе и тем, кто совмещал должность городского претора с должностью претора перегринов (Liv. XXXIX. 39. 15). Плиний Старший говорит, как в ходе подготовки игр в честь Аполлона претору передают актеров для выступления (Nat. Hist. XXXV. 99. 4–100. 4)[4].

Игры проводились как за государственный счет, так и оплачивались из личных средств магистрата-организатора. Интересный случай рассказывает в своих «Эпиграммах» Марциал: претору пришлось дать развод жене — та не хотела с ним жить потому, что он был избран претором, и ему пришлось бы тратить на обустройство игр и ее приданое (X. 41). Действительно, организация игр была очень затратным делом, но отказаться от нее было невозможно для магистрата:

[3] Использован перевод М. Е. Сергеенко. Также об организации игр в честь Аполлона говорит Фест (436, 438) и Макробий (Sat. I. 17. 27–29).

[4] Об Аполлоновых и прочих играх см.: Edwards 1993, 71, 98–136; Gage 1955, 284–286; Fowler 1969; Scullard 1982, 159–260.

этого требовал статус высокой должности[5]. Обязанность проводить игры, в том числе и гладиаторские бои, сохранилась за преторами и в период принципата. Более того, в 22 г. н.э. вводится закон об ограничении гладиаторских выступлений в Риме. С этого времени единственными легальными организаторами гладиаторских боев становились лишь преторы и императоры. Преторы должны были рассчитывать при организации только на свои личные средства и проводить игры два раза в год, в декабре и в марте (Dio Cass. LIV. 2).

В сакральной сфере обязанностей претора можно выделить еще одно направление — обеты. Претор мог дать обет построить храм, об этом свидетельствует Ливий и упоминает Макробий.

1. Liv. XXII. 10. 10: обет построить храм Уму был дан претором Титом Отацилием по решению сената, чтобы умилостивить богов в ходе войны с Ганнибалом, поскольку диктатор Квинт Фабий Максим был «целиком занят» войной.

2. Liv. XXII. 33. 7, XXIII. 21. 7: в 218 г. до н.э. претором Луцием Манлием в Галлии при солдатском мятеже был дан обет построить храм Согласию.

3. Liv. XXXI. 21. 12, XXXIV. 53. 7, XXXV. 41. 8: претор Луций Фурий Пурпуреон дал обет построить храм Юпитеру в случае победы над галлами под Кремоной в 202 г. до н.э. [6]

4. Liv. XL. 52. 4: Луций Эмилий Регилл обетовал храм Морским Ларам в морском сражении с царем Антиохом.

5. Liv. XLII. 7. 1: претор Гай Цицерий в решающем сражении на Корсике дал обет построить храм Юноне Монете.

6. Macr. Sat. I. 10. 10.

Для сохранивших свидетельств о праве преторов обетовать храмы характерно, что информация об этом относится к гораздо более позднему периоду, чем появление самой магистратуры преторов. Это объяснимо, если вспомнить, что первоначально, до середины III в. до н.э., до Пунических войн и появления претора перегринов, претор практически всегда оставался в Риме и не участвовал в битвах, на которые и приходятся случаи обетования храмов.

Как магистрат с империем, претор в особых случаях мог дать обет устроить игры. Подобные назначенные претором или консулом игры Макробий называет «чрезвычайными» (Sat. I. 16. 6). В 194 г. до н.э. такой обет в решающий миг сражения дал Публий Корнелий Сципион, сын Гнея Назики. Однако следует отметить, что впоследствии, когда он, уже в должности консула (194 г. до н.э.), потребовал у сената деньги на устройство обещанных игр, сенаторы отказали ему, ссылаясь на то, что он не согласовал свой обет с мнением сената. Сципион провел игры на свои средства, хотя очевидно, что никто бы и не смог согласовать данный на поле боя обет с сенатом в Риме[7].

Кроме обетов на поле боя, которые магистрат в должности претора давал по своему желанию — провести ли игры, построить ли храм, — претор мог давать обеты по велению сената, как, например, претор Гай Атилий Серран в 218/217 гг.

---

[5] Flower 2004, 322–347.

[6] XXXV. 41. 8: aedes duae Iouis eo anno in Capitolio dedicatae sunt; uouerat L. Furius Purpurio praetor Gallico bello unam, alteram consul; dedicauit Q. Marcius Ralla duumuir. О практике обетования магистратами храмов см.: Сморчков 2010, 107–121.

[7] Liv. XXXVI. 36. 1–2. Инцидент свидетельствует о трениях между Сципионами и сенатом.

до н.э., после целой череды тревожных знамений (Liv. XXI. 62. 10). В этом случае явно проявляется стремление позаботиться о сохранении pax deorum, то есть мира с богами, который рассматривался римлянами как основа благополучия и всей общины, и отдельных ее членов[8]. В подобных обетах видно, что претор оказывался, таким образом, «посредником между римской общиной и богами Рима»[9].

В обязанности претора входила и сдача государственных подрядов на строительство храмов. Эти функции, как отмечает А. М. Сморчков, не имели специфического сакрального значения, потому как относились к магистратским обязанностям как таковым, к административному направлению[10]. Однако данная процедура включала в себя сакральный ритуал определения и освящения места для будущего храма. Собственно, и сам этот ритуал обозначался термином locare, «сдавать в аренду»[11].

Итак, претор мог освящать храм (Liv. XXXIV. 53. 4; XXXIV. 53. 4 и др.)[12], то есть обладал правом консекреации или дедикации. В таких случаях его имя увековечивалось на посвятительной надписи. При этом обряде слова магистрату подсказывал понтифик[13].

Претор же по решению сената мог снимать посвящение — в 123 г. до н.э. претор запросил коллегию понтификов о спорном случае, после же удалил алтарь и уничтожил посвятительную надпись, поскольку после дискуссий было решено, что алтарь посвящен неправомерно, с нарушением правил и традиций (Cic. De domo. LIII. 136–137)[14].

Преторы от имени всей римской общины могли приносить жертву в благодарность за победу в войне. Например, в 179 г. до н.э. — в честь победы консула Квинта Фульвия в лигурийских горах (Liv. XL. 53. 4).

В обязанности преторов мог входить и контроль за выполнением храмовыми служителями своих обязанностей. В 203 г. до н.э. после победы римлян над Сифаком, когда в Риме узнали об этом, «толпа, как водится, разразилась ликующими возгласами. Претор тут же распорядился, чтобы храмовые сторожа держали по всему городу храмы открытыми, чтобы народ смог за день обойти их и возблагодарить богов» (Liv. XXX. 17. 5–6). После победы же над Персеем сенат решил: «Пусть к каждому ложу богов доставят дары, такие же, как некогда за победу над Антиохом при консулах Аппии Клавдии и Марке Семпронии; а проследить за этим велел преторам — Квинту Кассию и Манию Ювентию» (Liv. XLV. 16. 7–8). Когда сенат назначал молебствие, дни определялись консулом, в отсутствии других высших магистратов, вероятно, мог делать это претор.

---

[8] Маяк 2002, 29. О pax deorum см. подробнее: Сини 2001, 10–14.

[9] Так называет общинных магистратов (консулов, преторов) Л. Л. Кофанов: Жреческие коллегии в Раннем Риме 2001, 117.

[10] Сморчков 2008, 50–51.

[11] См. подробнее: Сморчков 2004б, 46–55.

[12] ...altera Fauni: aediles eam biennio ante ex multaticio argento faciendam locarant C. Scribonius et Cn. Domitius, qui praetor urbanus eam dedicauit.

[13] Liv. IX. 46.6; Cic. De domo. LII. 133. Подробнее о дедикации см.: Жреческие коллегии в раннем Риме 2001, 118–123; Marquardt 1885, 235, 247, 249.

[14] Речь идет о дедикации алтаря и молельни весталкой Лицинией, что не было согласовано с понтификами, и что сенат счел неправомерным. О дедикации Лицинии см. подробнее: Сморчков 2004а, 182–183.

Сакрально-правовая область деятельности претора в Риме включала, возможно, и контроль за соблюдением mos maiorum, «обычая предков», за нравственностью, куда входил и «розыск святынь», «sacri conquirendi». Известно из свидетельства Ливия, что в 212 г. до н.э. под руководством претора проведены выборы, на которых выбрали комиссию из трех человек для розыска святынь и переписи вкладов (Liv. XXV. 7. 5–6)[15]. Отчет комиссия давала претору.

Достаточно сложно установить, что же входило в понятие «sacri conquirendi». Собственно термин встречается только у Ливия всего один раз, поэтому выяснение его смыслового наполнения затруднено. Предположительно эта деятельность означала, что претор должен был следить за появлением в римском обществе слухов и молвы о различных случаях и вещах загадочного свойства и определять, насколько найденные предметы могут являться сакральными. Пример подобной деятельности претора мы можем наблюдать в описании Ливия. Тит Ливий говорит, что в ходе войны с Ганнибалом, когда «война все тянулась; победы чередовались поражениями — менялось не столько положение дел, сколько души людей. Богобоязненность овладела Городом, но молились главным образом чужеземным богам, будто вдруг то ли боги, то ли люди стали другими. От римских обрядов отрекались не тайком, не в своих четырех стенах, а публично: даже на форуме и в Капитолии толпа женщин молилась и приносила жертвы не по отеческому обычаю. Умы людей оказались в плену у жрецов и прорицателей, число которых увеличивалось от того, что толпы селян, обнищавших, запуганных, забросивших свои поля из-за долгой войны, были согнаны бедствиями в Город, а легкая нажива на людских заблуждениях стала как будто дозволенным ремеслом» (Liv. XXV. 1. 6–8). Эдилы и триумвиры по уголовным делам, в чьей компетенции находился контроль за такими ситуациями, не справились со своими обязанностями. «Зло явно набирало силу, и младшим должностным лицам было его не одолеть. Сенат поручил Марку Эмилию, городскому претору, избавить народ от этих суеверий. Он прочитал на сходке сенатское постановление и издал указ: у кого есть книги предсказаний, молитвословий и подробное описание, как совершать жертвоприношения, пусть принесут к нему все эти книги и записи до апрельских календ; и никто пусть не смеет совершать на общественном и освященном месте жертвоприношения по новому или чужеземному обряду» (Liv. XXV. 1. 9–12). В дальнейшем к Марку Эмилию попадают в ходе «розыска святынь» книги прорицателя Марция, о которых мы говорили ранее.

Интересен в этом отношении случай с книгами Нумы Помпилия, найденными на поле писца Луция Петилия в 181 г. до н.э. «Семь книг было на латинском, и в них говорилось о праве понтификов, а семь — греческими, о науке мудрости того времени». После того как прошли слухи об этих книгах, «городской претор Квинт Петилий сам пожелал их прочесть и забрал их у Луция Петилия... Просмотрев эти книги, он обнаружил, что многое в них подрывает основы богопочитания, и сказал Луцию Петилию, что намерен бросить эти книги в огонь», но не возражает, если тот обратится в суд или к магистратам. Когда дело рассматривалось

[15] Comitia deinde a praetore urbano de senatus sententia plebique scitu sunt habita, quibus creatis sunt quinqueuiri muris turribus reficiendis et triumuiri bini, uni sacris conquirendis donisque persignandis, alteri reficiendis aedibus Fortunae et matris Matutae intra portam Carmentalem et Spei extra portam, quae priore anno incendio consumptae fuerant.

в сенате, «претор сказал, что готов поклясться: читать и сохранять эти книги не следует. Сенат почел такое обещание претора достаточным» (Liv. XL. 29. 3–13)[16]. Здесь претор выступает как инициатор, выполняя, видимо, свои обязанности по сохранению обычаев предков в рамках «розыска святынь».

В обязанности претора, по решению сената, мог входить и контроль за сохранением нравственности, в рамках mos maiorum. Об этом свидетельствует постановление сената о философах и риторах: «об этом деле постановили так: чтобы претор Марк Помпоний обратил внимание и позаботился, если ему покажется это нужным исходя из общественных интересов и его доброй совести, о том, чтобы их (философов и риторов) не было в Риме»[17]. Традиционно влияние приезжих, обычно греческих, философов воспринималось как нечто, могущее смутить умы римской молодежи, и потому претор должен был контролировать этот процесс, руководствуясь своими моральными принципами и, возможно, теми ожиданиями, которые возлагал на него сенат.

Также нам известно, что после скандального дела о вакханалиях за разрешением на отправление обрядов следовало обращаться к претору, который должен был обсудить запрос на заседании сената (Liv. XXXIX. 18. 8–9)[18].

Таким образом, сакрально-правовая сфера деятельности претора в Риме включала в себя множество важных аспектов — от проведения игр и посвящения храмов до контроля за соблюдением mos maiorum — и была направлена на поддержание pax deorum и, в целом, стабильного функционирования римской общины в рамках традиционной морали и обычаев предков.

ЛИТЕРАТУРА

Маяк И. Л. 2002: Senatusconsulta в тексте «Аттических ночей» Авла Геллия // Ius Antiquum. 2 (10), 24–33.

Сини Ф. 2001: Люди и боги в римской религиозно-юридической системе: pax deorum, время богов, жертвоприношения // Ius Antiquum. 1 (8), 8–30.

Сморчков А. М. 2001: Жреческие коллегии в Раннем Риме. М.

Сморчков А. М. 2004: Немагистратские общественные храмы республиканского Рима // ВДИ. 2, 179–188.

Сморчков А. М. 2009: Сакральные аспекты раннереспубликанской диктатуры // ВДИ. 1, 54–74.

Сморчков А. М. 2008: Сакральные полномочия цензорской власти в Римской Республике // ВДИ. 3, 49–63.

Сморчков А. М. 2010: Храмовый обет (votum) в религиозно-политической практике Республиканского Рима // АМА. 14, 107–121.

Сморчков А. М. 2004: Этап locatio (сакральные аспекты) при учреждении общественного храма в республиканском Риме // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова. 6, 46–55.

Телин А. Е. 2011: Cura ludorum римских эдилов // ПИФК. 1, 10–23.

Edwards C. 1993: The Politics of Immorality in Ancient Rome. Cambridge.

Flower H. I. 2004: Spectacle and Political Culture in the Roman Republic // The Cambridge Companion to the Roman Republic. Cambridge, 322–347.

[16] Также эту историю рассказывает Валерий Максим: (I. 1. 12).

[17] Пер. Д. А. Литвинова.

[18] См. также: Senatusconsultum de Bacchanalibus 2000, 229–231.

Fowler W. W. 1969: The Roman Festivals of the Period of the Republic: an Introduction to the Study of the Religion of the Romans. Washington; New York.
Gage J. 1955: Apollon romain. Paris.
Marquardt J. 1885: Römische Staatsverwaltung: 2. Aufl. Bd 3. Leipzig.
Senatusconsultum de Bacchanalibus. 2000: // Ius Antiquum. 2(7), 229–231.
Scullard H. H. 1982: Festivals and Ceremonies at the Roman Republic. London.

SACRAL ACTIVITY OF ROMAN PRAETOR

O. A. Vlasova

The article considers sacral aspects of administrative and legal functions of Roman praetor. Sacral duties of a praetor are as follows: opening and conducting games — *cura ludrum*; vow to conduct games or to build a temple; going through some rituals at sacred temple building site; surveillance of adherence to *mos maiorum* (forefathers traditions), of morals together with sacri conquirendi. On the whole, sacral functions of a Roman praetor was multifaceted and aimed at keeping up pax deorum, stable functioning of Roman community in the context of traditional morals and forefathers traditions.

Key words: praetor, sacral sphere, vows, *cura ludorum, sacri conquirendi*.

© 2012

В. К. Хрусталев

К ВОПРОСУ О СУДЕ НАД ПРОКОНСУЛОМ МАКЕДОНИИ ГАЕМ АНТОНИЕМ ГИБРИДОЙ В 59 г. до н.э.

В статье предпринята попытка рассмотреть ряд спорных моментов, относящихся к судебному процессу над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э., и определить место, занимаемое самим этим процессом в контексте политической борьбы в Римской Республике в данный период. Автор приходит к выводу, что Гай Антоний, по всей вероятности, был осужден на основании lex Cornelia de maiestate, а не законов de repetundis или de vi, как полагают многие исследователи. Автор отмечает также, что главными организаторами данного судебного процесса были триумвиры и он носил ярко выраженный политический характер.

Ключевые слова: Поздняя Римская Республика, quaestiones perpetuae, crimen maiestatis, триумвират.

Судебный процесс над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой[1] в 59 г.[2], как правило, остается за рамками внимания исследователей Поздней Рим-

---

Хрусталёв Вячеслав Константинович — аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. E-mail: vyacheslav-hrust@mail.ru

[1] О прозвище Гая Антония «Hybrida» («полудикий») сообщает только Плиний Старший (Plin. Nat. hist. VIII, 213).

[2] Все даты в настоящей работе — до н.э.

ской Республики[3]. Это неудивительно. 59 г. — год первого консульства Гая Юлия Цезаря, и без того бурный и богатый событиями, а сам Гай Антоний, как верно отмечает Э. Груэн, личность слишком одиозная и непривлекательная, чтобы кто-то мог удивляться его осуждению и изгнанию или горевать о постигшем его несчастье[4]. Тем не менее, Гай Антоний занимал видное положение на политической сцене Республики, и события, связанные с судом над ним, на наш взгляд, заслуживают более детального исследования. Целью настоящей статьи является, во-первых, рассмотреть некоторые спорные моменты, непосредственно относящиеся к судебному процессу Гая Антония в 59 г.; во-вторых, определить место, занимаемое самим этим процессом в водовороте политической борьбы в Римской Республике в этот период.

Нам кажется необходимым вкратце осветить основные вехи политической карьеры этого весьма примечательного персонажа. Гай Антоний был сыном знаменитого Марка Антония Оратора, консула 99 г., убитого в 87 г. по приказу Мария и Цинны (Cic. Fam. V. 5; Ascon. 82 Clark). Точная дата его рождения неизвестна[5]. Во время 1-ой Митридатовой войны Гай Антоний отправился на Восток с армией Суллы. В период своего пребывания в Ахайе в должности префекта конницы он отметился многочисленными грабежами местного населения (Ascon. 84; 88 Clark). Вскоре после смерти Суллы, в 76 г., пострадавшие греки привлекли Гая Антония к суду перед претором Марком Лукуллом. Их представителем на процессе выступил молодой Гай Юлий Цезарь (Ascon. 84 Clark)[6].

Детальное рассмотрение этого дела не входит в задачи настоящей работы[7]. Отметим лишь, что претор Лукулл утвердил требования греков; тогда Антоний отверг судебное решение и обратился за помощью к народным трибунам, дав клятву в том, что не может состязаться с противной стороной в суде на равных началах (Q. Cic. Comm. pet. 8; Ascon. 84 Clark)[8]. Трибуны приняли сторону Антония, и, таким образом, он выиграл процесс.

Однако Гай Антоний все же не смог избежать наказания за свои действия. В 70 г. он был исключен из сената цензорами Луцием Геллием Попликолой и Гнеем Корнелием Лентулом Клодианом. Основанием для подобного шага как раз и послужили обвинения в грабеже союзников и сопротивлении суду, а также огромные долги, из-за которых Антоний вынужден был продать почти все свои поместья (Q. Cic. Comm. pet. 8; Ascon. 84 Clark). Тем не менее, Антоний достаточно быстро смог восстановить свое положение. Возможно, свою роль здесь

[3] Единственной известной нам работой, специально посвященной этому вопросу, является статья Э. Груэна: Gruen 1973, 301–310.

[4] Gruen 1973, 301.

[5] С уверенностью можно сказать только, что Гай Антоний родился не позднее 105 г. — иначе он не смог бы стать консулом в 63 г. в силу возрастных ограничений. Скорее всего, он был даже на несколько лет старше.

[6] Ср.: Plut. Caes., 4. Однако рассказ греческого биографа содержит целый ряд грубых ошибок; он даже называет Антония не Гаем, а Публием. См. по этому поводу: Damon, Mackay 1995, 37–38 n.4.

[7] Практически все исследователи сходятся на том, что данный судебный процесс был не уголовным, а гражданским (Alexander 1990, 71–72; Buckland 1937, 43). Наиболее убедительная, с нашей точки зрения, на настоящий момент полная реконструкция этих событий предложена американскими авторами С. Дэймон и К. Макеем (Damon, Mackay 1995, 37–55).

[8] Подробнее о процедуре, к которой прибегнул Гай Антоний, см.: Greenidge 2004, 266 n.4; Damon, Mackay 1995, 48.

сыграли сулланское прошлое и семейные политические связи и влияние. Вместе с Цицероном Гай Антоний домогается претуры на 66 г. и достигает ее[9]. В 64 г. мы видим Антония уже кандидатом в консулы.

О своем намерении добиваться консульства на 63 г. объявили шесть претендентов: Публий Сульпиций Гальба, Квинт Корнифиций, Гай Лициний Сацердот, Луций Кассий Лонгин, Луций Сергий Катилина, Гай Антоний и Марк Туллий Цицерон, — но реальные шансы на победу были только у трех последних (Q. Cic. Comm. pet. 7–10; Ascon. 82–83 Clark). В этой ситуации Гай Антоний, по-видимому, счел для себя выгодным пойти на заключение соглашения с одним из своих конкурентов, Катилиной, против другого опасного соперника — Цицерона (Ascon. 83 Clark). Асконий сообщает также, что за сговором Антония и Катилины якобы стояли Красс и Цезарь (Ascon. 82 Clark). Это его утверждение, по мнению Р. Льюиса, базируется на не дошедшем до нас труде самого Цицерона «Expositio consiliorum suorum» («Изложение своих замыслов») — политических мемуарах, которые оратор начал писать в 50-е гг., но запретил публиковать до своей смерти; при этом истинность данного сообщения Р. Льюис ставит под сомнение[10]. Для того чтобы обеспечить свое избрание, Катилина и Антоний, по всей видимости, намеревались использовать подкуп избирателей; во всяком случае, принимая во внимание их моральный облик, в этом никто не сомневался, и эти опасения послужили основанием для начала нового витка борьбы против подкупа и попыток еще более ужесточить уголовное законодательство в данной сфере[11]. По итогам выборов консулами стали Марк Туллий Цицерон и Гай Антоний, который на несколько голосов центурий обошел Катилину[12].

Однако, даже добившись желаемой цели, Антоний продолжал испытывать определенные затруднения, связанные с его бурным прошлым. Как мы упоминали ранее, уже в 70 г. у него были большие долги. Избирательные кампании перед выборами в преторы и особенно в консулы также должны были привести к серьезным издержкам. В частности, Цицерон обвиняет Гая Антония в том, что он, домогаясь консульства, в нарушение закона организовал на свои средства гладиаторские игры через подставное лицо (Cic. Tog cand. fr. 12 apud Ascon. 88 Clark). Наиболее простым и быстрым способом улучшить свое материальное положение и расплатиться с долгами было получить после окончания срока консулата в управление какую-нибудь богатую провинцию, и, смеем предположить, Антоний питал на это большие надежды. Однако по жребию ему выпала Цизальпинская Галлия, в то время как его коллеге Цицерону — намного более доходная Македония. В данной ситуации Цицерон предложил Гаю Антонию обменяться провинциями. Этим ловким ходом оратор смог обеспечить себе поддержку коллеги, что в тот период было для него чрезвычайно важно (Cic. Pis. 4–5; Dio XXXVII. 33. 4; Sall. Cat. 26. 4;

[9] Цицерон (Cic. Tog. cand. fr. 5 apud Ascon. 85 Clark) говорит о том, что он в тот период поддерживал кандидатуру Гая Антония, и даже, в свойственной себе манере, заявляет о своем решающем вкладе в успех соискания последнего.

[10] Lewis 2006, 291. См. по этому поводу также Brunt 1957, 193. Э. Клебс, напротив, доверяет сообщению Аскония, хотя и с некоторыми оговорками (Klebs 1894, 2578). О вышеупомянутом сочинении Цицерона подробнее см. в статье: Бугаева 2010, 81–91.

[11] Подробнее см. Gruen 1974, 217–218.

[12] Асконий (Ascon. 94 Clark) связывает данное обстоятельство с именем и репутацией отца Гая Антония.

Plut. Cic. 12). Сам Цицерон управлять провинцией отнюдь не стремился и вскоре отказался от предназначавшейся ему Цизальпинской Галлии, которая досталась таким образом пропретору Квинту Цецилию Метеллу Целеру (Cic. Fam. V. 2. 3–4).

Как известно, 63 г. вошел в историю Рима как год заговора Катилины и блестящего триумфа консула Цицерона, который сыграл решающую роль в его подавлении. При этом Гай Антоний остался в тени замечательных успехов своего коллеги. Более того: прежние связи с Катилиной и плохая репутация подпитывали подозрения в его тайном соучастии в заговоре (Sall. Cat. 21, 3). Это мнение разделяют также отдельные исследователи нового и новейшего времени[13].

Как бы то ни было, с началом открытого мятежа Антонию было предоставлено командование войсками, выдвинутыми против Катилины. По всей видимости, он был не слишком доволен подобным поручением. Антоний действовал нерешительно[14], а в день решающей битвы под Писторией в январе 62 г. сказался больным и передал командование армией своему легату Марку Петрею (Dio XXXVII. 39. 2–4; Sall. Cat. 59. 4). Такое поведение Антония еще более укрепило у многих уверенность в том, что сам он, по крайней мере, сочувствует мятежникам[15]. Тем не менее, он был официально провозглашен победителем Катилины и императором, а его фасции увиты лаврами (Dio XXXVII. 40. 2; Obsequens 61a).

В 62 г., сразу после окончания своих консульских полномочий, Гай Антоний отправился в Македонию в качестве проконсула. Управляя своей провинцией, он снова отметился грабежами и бесчинствами (Cic. Att. I. 12.2). Слухи о его действиях быстро достигли Рима. Уже во второй половине декабря 62 г. Цицерону пришлось выступать в защиту своего бывшего коллеги в сенате (Cic. Fam. V. 6. 3). В начале 61 г. сам Гней Помпей намеревался открыто настаивать на отзыве Антония из провинции; одновременно один из преторов, неизвестный нам по имени, должен был обратиться с предложением об этом к народу (Cic. Att. I. 12. 1). Усугубляло ситуацию и то, что, помимо лихоимства, Гай Антоний «прославился» также своей военной некомпетентностью. В частности, он потерпел тяжелые поражения от соседних племен дарданов и бастарнов, лишился захваченной добычи и знамен (Dio XXXVIII. 10. 1–3; LI. 26. 5; Quintil. Inst. or. IV. 2. 123–124; Liv. Per. 103; Obsequens 61a). В тот момент Гаю Антонию удалось избежать отзыва из провинции,

[13] В этом не сомневается, например, Т. Моммзен (Моммзен 1995, 123). Нам, однако, это предположение кажется невероятным. Гай Антоний уже добился всего, чего желал; ему предстояло выгодное наместничество в Македонии, и с его стороны было бы чрезвычайно глупо участвовать в этой авантюре и рисковать своим достигнутым, причем вполне законным путем, положением. Никаких достоверных данных в пользу участия Антония в заговоре нет — только смутные подозрения и распускаемые его врагами слухи. Поэтому мы склонны согласиться с Э. Груэном, который полагает, что было бы совершенно неверно считать Антония заговорщиком или даже сочувствующим катилинариям (Gruen 1973, 302).

[14] О медлительности Антония, которого его подчиненным постоянно приходилось подталкивать к более активным действиям, см.: Cic. Sest.12.

[15] Мы, однако, можем предложить другое объяснение: Гай Антоний, как кажется, не был сколько-нибудь способным военачальником. Как мы уже упоминали, в свое время он командовал конницей в войске Суллы, но сумел прославиться в 1-ой войне с Митридатом только грабежами мирного населения в Ахайе. Впоследствии, будучи проконсулом в Македонии, Антоний также потерпел несколько позорных поражений от соседних варварских племен (подробнее об этом см. ниже). Возможно поэтому, что он просто не отважился взять на себя командование войском в рещающей битве и переложил ответственность на более опытного и компетентного подчиненного.

но положение его становилось все более угрожающим. Как сообщает Цицерон, в декабре 60 г. его друг Публий Нигидий Фигул, претор 58 г., обещал привлечь к ответственности тех судей, которые не явятся на заседание по делу Антония (Cic. Att. II. 2. 3)[16]. Таким образом, возвращение его ожидалось со дня на день, и, как мы видим, судебный процесс был уже неизбежен. После того как в конце 60 г. или, что более вероятно, в начале 59 г. Гай Антоний прибыл в Рим, он, как и ожидалось, был привлечен к уголовному суду. Точное время проведения данного процесса неизвестно, но, скорее всего, это было начало весны[17].

Политический подтекст в деле Гая Антония несомненен, и именно он, по нашему мнению, сыграл ключевую роль. Безусловно — и с этим не спорит ни один из исследователей, — за обвинением Антония стояли триумвиры[18]. Наиболее ясно проглядывает участие в этом деле Помпея и Цезаря; о каком-либо влиянии Красса четких свидетельств у нас нет. О недружественных по отношению к Антонию действиях Помпея в начале 61 г. мы уже сообщали выше. Что касается Цезаря, то его политический союзник, народный трибун 59 г. Публий Ватиний, проводя закон, расширяющий права подсудимых при отводе судей, намеренно сделал так, чтобы Антоний не смог воспользоваться его преимуществами (Cic. Vat. 27). Кроме того, о закулисном влиянии триумвиров может свидетельствовать также анализ связей тех лиц, которые были в той или иной степени вовлечены в этот процесс.

Из источников нам известны имена троих обвинителей Гая Антония. Первый из них — молодой (на тот момент ему было всего 23 года) Марк Целий Руф (Cic. Cael. 15; 47; 74; 78; Quintil. Inst. or. IV. 2. 123–124; IX. 3. 58; Schol. Bob. 94; 149 Stangl). В действиях Целия мы, безусловно, вправе подозревать в первую очередь личные мотивы. Даровитый юноша, обучавшийся красноречию у Цицерона и Марка Красса, незадолго до этого вернулся из провинции Африка, в которой он находился в свите проконсула Квинта Помпея (Cic. Cael. 73). Обвинение Гая Антония было его первым выступлением в уголовном суде. Дело было достаточно громким, виновность обвиняемого — несомненна, так что для Целия представлялась отличная возможность прославиться и заработать себе репутацию судебного оратора[19]. Из всех трех обвинителей Целий Руф кажется наиболее независимым. Э. Груэн, опираясь на фрагмент Pro Caelio. 9, акцентирует внимание на связях

[16] Сложно сказать, кем являлся в то время Публий Нигидий Фигул и какое отношение он имел к данному делу. Д. Шэклтон Бэйли полагает, что он высказывал эти угрозы, будучи частным лицом — возможно, членом суда или субскриптором. С его точки зрения, Нигидий едва ли мог быть народным трибуном или эдилом непосредственно перед своей претурой; тот факт, что он выступал на сходках, не доказывает, что он являлся магистратом (Shackleton Bailey 1965, 354). Того же мнения придерживаются М. Александер (Alexander 1990, 120 n.6) и Э. Бэдиан (Badian 1959, 83). Т. Броутон считает, что Нигидий был на этом процессе iudex quaestionis (Broughton 1986, Suppl. 147).

[17] Э. Груэн полагает, что он состоялся в марте: Gruen 1973, 305. Такого же мнения придерживаются Л. Ланге (Lange 1871, 284), М. Гельцер (Gelzer 1963, 213) и С. Л. Утченко (Утченко 1976, 103). Однако М. Александер датирует этот процесс серединой апреля: Alexander 1990, 119 n.1.

[18] Crawford 1984, 216; Gruen 1973, 305–306.

[19] Э. Груэн называет еще одну возможную причину, побудившую Целия выступить с обвинением в данном судебном процессе. Одно время Целий был близок к Катилине, а после подавления заговора все друзья последнего находились под подозрением. Обвинив такого одиозного человека, как Гай Антоний, которого тоже обвиняли в сочувствии заговорщикам, Целий мог ответить недоброжелателям и улучшить свою репутацию (Gruen 1973, 305).

между Целием и Крассом и называет Красса «патроном» Целия[20]. Нам, однако, представляется, что эти два человека не были связаны столь близкими отношениями. Целий посещал дом Красса и обучался у него ораторскому искусству, но он также посещал и дом Цицерона, что не помешало ему выступать против своего учителя на процессе Антония. У него в этом деле был свой расчет, который просто совпал в данный момент с планами триумвиров.

Вторым обвинителем был Квинт Фабий Максим (Cic. Vat. 28; Schol. Bob. 149 Stangl). По всей видимости, он также не испытывал к Гаю Антонию личной вражды: Цицерон отмечает, что Фабий Максим на процессе относился к подсудимому наиболее беспристрастно (Cic. Vat. 28). Цезарианские связи Максима несомненны. Цицерон утверждает, что он находился в дружеских отношениях с политическим союзником Цезаря, народным трибуном 59 г. Публием Ватинием (Cic. Vat. 28). Впоследствии в гражданской войне Фабий сражался на стороне Цезаря, и в 45 г. даже достиг консулата[21].

О третьем обвинителе, некоем Канинии Галле, сообщает только Валерий Максим (Val. Max. IV. 2. 6). Нам известны два человека с таким именем, которые жили в данный период времени и теоретически могли выступать на процессе Антония. Первый — это Луций Каниний Галл, народный трибун 56 г., активно продвигавший интересы Помпея в деле египетского царя Птолемея Авлета (Cic. Fam. I. 2. 1; I. 2. 4; I. 4. 1; I. 7. 3; Q. fr. II. 2. 3; II. 4. 5; Plut. Pomp. 49). Этот вариант кажется нам наиболее вероятным[22]. Иной точки зрения придерживается Ф. Мюнцер: он идентифицирует обвинителя Гая Антония с другим Луцием Канинием Галлом — консулом 37 г.[23]. Очевидно, что у Каниния Галла тоже не было личных причин ненавидеть Антония, так как впоследствии он женился на его дочери (Val. Max. IV. 2. 6). По всей видимости, один из этих троих (скорее всего — Марк Целий Руф) был главным обвинителем, а остальные двое поддерживали обвинение, будучи субскрипторами[24].

Итак, вовлеченность триумвиров в дело Антония сомнений не вызывает. В таком случае встает вопрос о мотивах, которыми они руководствовались. Нам представляется, что эти мотивы были в первую очередь политическими, хотя в отношении Цезаря мы можем также говорить и о личной неприязни, которая тянулась еще со времен первого судебного процесса над Антонием в 76 г. (о чем мы уже упоминали выше). Как верно отмечает Э. Груэн, Гай Антоний лично не был опасен для триумвиров. Он не примыкал ни к какой factio, не отличался, как Катон Младший, твердыми моральными принципами; все его действия в преды-

[20] Gruen 1973, 305.

[21] Подробнее о карьере Квинта Фабия Максима см.: Münzer 1909, 1791–1792.

[22] Аргументы см.: Gruen 1973, 305 n.25.

[23] Münzer 1899, 1477.

[24] Gruen 1973, 305 n.21; Klebs 1894, 2581. Особой точки зрения придерживается В. Друманн. Он полагает, что вначале 59 г. против Гая Антония было выдвинуто два обвинения. Первое из них — de repetundis; главным обвинителем был Луций Каниний Галл, субскриптором — Квинт Фабий Максим. Второе обвинение заключалось в участии в заговоре Катилины, и оно было предъявлено Марком Целием Руфом. Цицерон выступал в качестве защитника на первом из этих процессов. В результате Антоний был осужден, и на втором процессе он уже не присутствовал (Drumann-Groebe 1919, 601–602). Эта гипотеза не подкрепляется напрямую сообщениями источников; на данный момент она отвергнута всеми исследователями и может быть признана ошибочной.

дущие годы были направлены исключительно на достижение личной выгоды. Однако Антоний — представитель нобилитета, но человек весьма сомнительной репутации — оказался подходящей жертвой для своеобразной политической демонстрации могущества триумвирата[25]. Кроме того, удар, нанесенный Антонию, был также и ударом по Цицерону. Цицерон, который достиг пика славы после подавления заговора Катилины, через короткий промежуток времени столкнулся с оппозицией своему курсу. Атаки против него начались в конце декабря 63 г., после избрания народным трибуном Квинта Цецилия Метелла Непота, и продолжились в 62 г. (Cic. Fam. V. 1–2; Sest. 11; Pis. 6–7; Ascon. 6 Clark; Plut. Cic. 23; Dio XXXVII. 38. 2; Schol. Bob. 82; 127 Stangl). «Блестящее консульство» противниками оратора характеризовалось как тирания. Особенно яростные нападки вызывала казнь катилинариев без судебного разбирательства, за которую Цицерон нес полную ответственность. В свете этих обстоятельств мы полагаем, что уголовное преследование Гая Антония, официально провозглашенного победителем Катилины, было еще одним косвенным ударом по Цицерону и попыткой пересмотра памятных событий 63 г.

Отношения между бывшими коллегами по консульству никогда не были дружескими. Единственное сохранившееся письмо Цицерона к Гаю Антонию датируется январем 61 г. (Cic. Fam. V. 5). Оратор жалуется на неблагодарность Антония и, как кажется, намекает на нависшую над последним опасность уголовного преследования[26]. Почти одновременно с этим Цицерон пишет Аттику об Антонии: «Дело это такого рода, что я, считаясь с мнением честных людей и народным, не смогу защищать этого человека без ущерба для своей чести, и у меня нет желания к этому, а это самое главное» (Cic. Att. I. 12. 1 — пер. В. О. Горенштейна). Однако политическая целесообразность, как это часто бывало в жизни Цицерона, взяла верх над личными обидами. Для Цицерона процесс над Антонием был прежде всего процессом над победителем Катилины, и возможное осуждение коллеги его обостренное самолюбие воспринимало как осуждение его деятельности в период консулата, которой знаменитый оратор гордился и которую не уставал превозносить в многочисленных речах и литературных произведениях (см., напр.: Cic. Att. I. 19. 10; I. 14. 4).

Одним из наиболее спорных и запутанных во всем этом деле является вопрос о том, по какому закону Гай Антоний был привлечен к суду. Точных указаний на этот счет сохранившиеся свидетельства источников не дают, поэтому исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Характер преступлений Гая Антония и обстоятельства дела делают возможным предъявление обвинения

[25] Gruen 1973, 309–310.

[26] В. Друманн, враждебно настроенный по отношению к Цицерону, не сомневается, что Антоний грабил Македонию с полного согласия своего коллеги и что они заключили между собой договор о разделе полученных денег: это якобы являлось условием, на котором Антонию была уступлена провинция (Drumann-Groebe 1919, 601). Подобные слухи, очевидно, распускались самим Антонием (Cic. Att. I. 12. 2). С нашей точки зрения, ближе к истине Д. Шэклтон Бэйли. Он считает, что Гай Антоний просто обещал Цицерону дать взаймы денег, в которых тот нуждался для покупки дома на Палатине. Приняв эти деньги, Цицерону было бы затруднительно отказаться от защиты Антония в надвигавшемся судебном процессе, но это не означает, что Цицерон взял на себя какие-либо конкретные обязательства (Shackleton Bailey 1965, 297).

на основании следующих законов: 1) lex Cornelia de repetundis; 2) lex Plautia de vi; 3) lex Cornelia de maiestate[27].

Обвинение Гая Антония в вымогательствах (de repetundis) выглядело бы логичным, поскольку то, что он беззастенчиво грабил Македонию, не подлежало сомнению. В пользу этой точки зрения свидетельствует также то, что обвинение в вымогательстве было наиболее распространенным из тех, которые выдвигались против наместников провинций[28].

Однако против этой гипотезы существует ряд серьезных возражений. Несомненно, что Гай Антоний был обвинен перед претором Гнеем Корнелием Лентулом Клодианом. Однако есть веские основания предполагать, что претором de repetundis в 59 г. был Тит Веттий Сабин, который, по-видимому, председательствовал в суде над Луцием Валерием Флакком и в следующем, 58 г., являлся наместником в провинции Африка (Cic. Flac. 85)[29]. Э. Груэн, однако, считает, что претором в 59 г. Тит Веттий не был, а на процессе Флакка он заседал в качестве обычного судьи (iudex). Однако даже если допустить, пишет он, что Веттий все-таки был претором в 59 г., это не означает, будто Лентул Клодиан не мог председательствовать на суде de repetundis: случаи, когда разные люди председательствовали в течение одного года на процессах в одной и той же quaestio perpetua также известны[30]. На эти аргументы мы можем привести свои возражения. Обращаясь к Веттию, Цицерон в фрагменте Pro Flacco, 85 говорит: Tu, T. Vetti, si quae tibi in Africa **venerit** hereditas, usu **amittes**, an tuum nulla avaritia salva dignitate **retinebis**? («А ты, Тит Веттий? Если тебе достанется какое-нибудь наследство в Африке, упустишь ли ты его в силу давности или оставишь за собой, не заслужив упрека в алчности, без ущерба для своего достоинства?» — перевод В. О. Горенштейна).

Как мы видим, Цицерон употребляет здесь будущее время, то есть он говорит не о прошедшем, как полагает Э. Груэн, а о предстоящем Веттию наместничестве в Африке. Таким образом, распределение по жребию провинций уже состоялось, и Веттий должен был отправиться в Африку в следующем, 58 г., скорее всего, в ранге пропретора, так как консулом он абсолютно точно не был. Из этого следует, что

[27] Дж. Кроуфорд (Crawford 1984, 124) добавляет к этому списку также lex Cornelia de peculatu, полагая, что в вину Гаю Антонию могла быть поставлена также утрата военной добычи, которая квалифицировалась как казнокрадство (peculatus).

[28] Gruen E.S. 1973, 308. Мнение Э. Груэна поддерживает также Дж. Кроуфорд (Crawford 1984, 124–125). В качестве дополнительного аргумента она приводит отрывок из речи Цицерона Pro Flacco, 5, в котором оратор проводит параллель между делом Валерия Флакка и делом Антония. Из этого Дж. Кроуфорд делает следующий вывод: так как Флакк был обвинен в вымогательстве, то и Антоний должен был быть осужден за такое же преступление. Мы не можем согласиться с таким умозаключением. В упомянутой речи для Цицерона важно показать сам факт осуждения Антония; из его высказывания ни в коем случае не следует, что Антоний был обвинен в том же преступлении, что и Флакк. Немецкий историк М. Гельцер в статье «Die lex Vatinia de imperio Caesaris» (впервые вышла в журнале «Hermes» в 1923 г.) также пишет об обвинении Антония de repetundis (мы сошлемся на более позднюю перепечатку этой статьи: Gelzer 1963, 213). Однако впоследствии М. Гельцер отказался от такой интерпретации; в более поздней своей работе (Gelzer 1969, 123) он оставляет данный вопрос открытым и пишет о двух возможных основаниях для обвинения: de vi (в пользу чего, по его мнению, свидетельствуют Дион Кассий и Цицерон в речи Pro Caelio, 74) и de maiestate (в пользу этого варианта может говорить отрывок из речи Целия, приводимый Квинтилианом). Из отечественных исследователей версию об обвинении Гая Антония de repetundis (правда, не приводя никаких аргументов) поддерживает С. Л. Утченко: Утченко 1976, 106.

[29] См. по этому поводу: Alexander 1990, 119 n.3; Broughton 1952, 189.

[30] Gruen 1973, 308 n.40.

свою претуру Веттий как раз и отправлял в 59 г. Что касается случаев, когда в одной и той же судебной комиссии в течение года были разные председатели, то они действительно зафиксированы, но только относительно quaestio perpetua de vi[31].

Некоторые авторы возражают против обвинения de repetundis также по другой причине. Известно, что непосредственно председательствовал на процессе Гая Антония не претор, а quaesitor (Cic. Vat. 28); между тем, более ни одного случая, когда бы в quaestio repetundarum председательствовал quaesitor, не зафиксировано[32]. У нас действительно нет достоверных данных о председательстве quaesitor'а в quaestio repetundarum, но все же данный аргумент представляется слишком слабым, чтобы исключительно на его основе делать какие-то выводы. Его убедительно критикует в том числе и Э. Груэн, который сам выступает за версию обвинения de repetundis[33], и в данном вопросе мы склонны с ним согласиться.

Остается проанализировать еще один, последний аргумент сторонников версии обвинения de repetundis. Это свидетельство одного из источников, схолиаста из Боббио, который, комментируя речь Цицерона Pro Flacco, пишет: Gaius scilicet Antonius, collega Ciceronis, M. Caelio Rufo accusante non tantum **pecuniarum repetundarum crimine**, verum etiam ob hanc coniurationem non ita pridem damnatus fuerat («Как известно, Гай Антоний, коллега Цицерона, при обвинителе Марке Целии Руфе, не так давно был осужден не только из-за вымогательств денег, но и из-за участия в этом заговоре [т.е. заговоре Катилины]») (Schol. Bob. 94 Stangl).

Однако мы позволим себе поставить данное сообщение под сомнение. Вполне возможно, что неизвестный поздний автор схолии имел недостаточно полное представление о подробностях дела. Так, например, в этом фрагменте из обвинителей он называет только Марка Целия Руфа, а в другом месте (Schol. Bob. 149 Stangl) добавляет к нему также Квинта Фабия Максима. Во всяком случае, это сообщение не настолько надежно, чтобы принимать версию об обвинении de repetundis, опираясь исключительно на него.

Рядом исследователей принимается поэтому второй вариант — обвинение Гая Антония в участии в заговоре Катилины на основании lex Plautia de vi[34]. Именно этот закон, как отмечает М. Александер, как правило, применялся против бывших катилинариев[35].

Данная версия, однако, при ближайшем рассмотрении также оказывается не очень убедительной. Гай Антоний, несмотря ни на что, был провозглашен сенатом победителем Катилины. Для того чтобы предъявить ему открытое обвинение в участии в заговоре, требовались веские основания, и это означало пересмотр официальной позиции сената. Нам кажется маловероятным, чтобы обвинители Антония и те, кто стоял за ними, решились пойти на такой шаг. Также в этом случае непонятна реакция на осуждение Гая Антония оставшихся в живых катилинариев: в знак своего торжества они устроили пиршество на могиле Катилины, украсив ее цветами (Cic. Flac. 95). Получается, что они таким образом отпразд-

[31] Возможное объяснение этого факта см. в работе: Greenidge 2004, 430–431.

[32] Klebs, 1894, 2581. К нему присоединяется П. Грёбе: Drumann-Groebe 1919, 602 Ann.9.

[33] Gruen 1973, 308 n.38.

[34] Heinze 1925, 211. Э. Клебс также не исключает такой возможности, хотя и считает более вероятным обвинение de maiestate (Klebs 1894, 2581).

[35] Alexander 1990, 119 n.3.

новали осуждение одного из своих бывших товарищей. Можно, конечно, предположить, что сторонники Катилины считали Антония предателем, но, как мы уже отмечали, он лично почти не участвовал в разгроме заговора и предоставлял действовать другим. Кроме того, и Цицерон, который позднее в своих речах не раз возвращался к данному процессу над Гаем Антонием, все время подчеркивал заслуги последнего в подавлении заговора (Cic. Flac. 5; Cael. 74). Кажется, ему затруднительно было бы это делать, если Антоний был официально осужден как заговорщик.

Таким образом, отвергнув оба предыдущих варианта, мы пришли к выводу, что Гай Антоний был обвинен в оскорблении величия римского народа — de maiestate[36]. Известные нам обстоятельства дела дают все основания для предъявления подобного обвинения. Все знали о военных поражениях Антония и потере им знамен; причиной этого позора стали очевидная некомпетентность, трусость и пьянство полководца (Dio XXXVIII. 10. 1–3; Quintil. Inst. or. IV. 2. 123–124). Более того, Дион Кассий сообщает, что поражение от бастарнов Гай Антоний потерпел, когда попытался разорить владения союзных Риму племен в Мезии (Dio XXXVIII. 10. 3). Любого из этих преступлений было вполне достаточно для предъявления обвинения в оскорблении величия римского народа (Dig. 48. 4. 4).

Э. Груэн выдвигает следующий контраргумент: обвинение de maiestate использовалось редко, было двусмысленным и трудно доказуемым[37]. Отчасти мы можем с ним согласиться. Тем не менее, то, что обвинения de maiestate были сравнительно редки, не означает, будто их не было вообще. Доказательств вины Антония в данном конкретном случае было более чем достаточно. Как знать: возможно, обвинители рассчитывали, что красочные картины пьяных оргий Гая Антония перед лицом неприятеля больше повлияют на судей, чем рассказы о грабежах провинциалов, в которых в той или иной степени были замешаны очень многие римские наместники.

Однако — и здесь мы присоединимся к Э. Груэну — вопрос о том, на основании какого закона был привлечен к суду Гай Антоний, все-таки не имел первостепенного значения[38]. Виновность Антония в инкриминируемых ему преступлениях была несомненна; в ней не сомневался даже его защитник. Исходя из этого, кажется, что Цицерон, защищая его, должен был всячески стараться затемнить существо дела и постоянно ссылаться на прошлые заслуги подсудимого перед государством — в первую очередь, конечно же, на его участие в подавлении заговора Катилины. Кроме того, Цицерон не обошел вниманием и политическую подоплеку процесса. Он осмелился затронуть самих триумвиров, в частности, Цезаря, по всей видимости, обвинив именно их в организации суда над Антонием. Как пишет Светоний, Цицерон в своей речи «… оплакивал положение государства» (Suet. Div. Iul. 20. 4). Дион Кассий, как всегда, враждебный к Цицерону, пишет,

[36] Этого мнения придерживается такой исследователь как Д. Шэклтон Бэйли (Shackleton Bailey 1965, 354). М. Александер (Alexander 1990, 119 n.2) и Э. Клебс (Klebs 1894, 2581–2582) колеблются между версиями об обвинении de vi и de maiestate, но отдают предпочтение последней. Р. Остин (Austin 1960, 158–159) полагает, что Гай Антоний был обвинен de maiestate, а совершенные им вымогательства были одним из подпунктов обвинения.

[37] Gruen 1973, 308.

[38] Gruen 1974, 288.

что тот «…позволил себе жестокие нападки на Цезаря, которого он считал виновником этого процесса, и даже зашел так далеко, что оскорбил его» (Dio XXXVIII. 4. 11). Греческий историк, очевидно, преувеличивает дерзость речи Цицерона, но какие-то неосторожные слова все-таки были сказаны. Ответ Цезаря не заставил себя ждать: через три часа после выступления Цицерона его враг Публий Клодий был усыновлен и перешел из патрициев в плебеи, что дало ему возможность добиваться должности народного трибуна (Cic. Dom. 41; Suet. Div. Iul. 20, 4; Dio XXXVIII. 4. 11).

Предполагаемый способ защиты должен был повлиять на тактику обвинителей. Поэтому мы смеем предположить, что Целий Руф и его субскрипторы сознательно сделали акцент не на преступлениях Антония в Македонии[39], а на событиях заговора Катилины, формально не имевших отношения к заявленному обвинению. В интересах обвинителей было попытаться принизить заслуги Антония. С этой целью они и воспользовались слухами о его причастности к заговору, что позволило им очернить Антония в глазах судей. Это, по-видимому, было нетрудно сделать: слишком многое (связи, существовавшие в прошлом между Антонием и Катилиной, его внезапная болезнь накануне битвы под Писторией) подпитывало подозрения. Таким образом, аргументы, на которых Цицерон строил свою защиту, были нейтрализованы. Гай Антоний был осужден. Это позволило Диону Кассию заявить, что «ему [т.е. Антонию — *В.Х.*] было суждено быть найденным невиновным в преступлении, за которое его судили, но быть наказанным за то, в чем он не обвинялся» (Dio XXXVIII. 10. 3).

Цицерон сообщает о том, что ходили разговоры, будто обвинительный приговор Гаю Антонию был вынесен за деньги (Cic. Phil. II. 56). Вполне возможно, что такие слухи действительно имели место; не исключено, что их распускали сторонники Антония, которые старались выставить его невинно пострадавшей стороной. Но мы полагаем, что в данном случае подкуп маловероятен, так как у суда было более чем достаточно оснований для вынесения обвинительного вердикта.

После осуждения Гай Антоний отправился в изгнание на о. Кефалления (Strabo X. 2. 13). Впоследствии он был помилован[40] и получил позволение вернуться в Рим. В 42 г. Гай Антоний вместе с Публием Сульпицием был даже избран цензором (CIL. I. 466; XIV. 2611). После этого упоминания о нем исчезают из источников; по всей видимости, вскоре после 42 г. он и умер.

Цицерон не стал опубликовывать свою речь, произнесенную на суде в защиту Антония. В данном случае он мог руководствоваться несколькими мотивами. Во-первых, отметим, что знаменитый оратор не любил публиковать речи с тех процессов, которые он проигрывал, если у него не было на то веских оснований. Во-вторых, на такое решение могла повлиять политическая подоплека суда над Гаем Антонием и, в частности, вовлеченность в это дело триумвиров, лишний раз задевать которых в тот период было очень опасно, в чем оратор уже имел возможность убедиться на собственном опыте[41].

Подведем итоги. В данной статье мы постарались доказать, что проконсул Македонии Гай Антоний был осужден именно на основании lex Cornelia de ma-

[39] Хотя и о них Целий поведал весьма убедительно и красноречиво — см. Quintil. IV. 2. 123–124.
[40] Очевидно, Цезарем. См. Klebs 1894, 2582.
[41] Такое предположение высказывает Дж. Кроуфорд: Crawford 1984, 126–127.

iestate. Однако ключевую роль в исходе процесса сыграли не преступления, действительно совершенные Антонием в Македонии, а слухи и подозрения в тайном участии подсудимого в заговоре Катилины. Одновременно данный судебный процесс имел важное политическое значение. Не подлежит сомнению, что главными его организаторами и вдохновителями выступили триумвиры или, по крайней мере, двое из них — Гней Помпей и Гай Юлий Цезарь. Э. Груэн вообще считает дело Гая Антония первым примером «сотрудничества» (collaboration) триумвиров в уголовном суде[42]. Выступив в защиту Гая Антония, Цицерон выступил против них — и проиграл. Это имело важные негативные последствия для великого оратора и стало одной из причин его изгнания в следующем, 58 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бугаева Н. В. 2010: Expositio consiliorum suorum: таинственный труд Цицерона // ANTIQVITAS IVVENTAE. Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов, 81–91.

Моммзен Т. 1995: История Рима. Т. 3. СПб.

Утченко С. Л. 1976: Юлий Цезарь. М.

Alexander M. C. 1990: Trials in the late Roman Republic, 149 B. C. to 50 B. C. Phoenix. Suppl. 26. Toronto.

Austin R. G. (transl. and comm.) 1960: Cicero. Pro M. Caelio oratio. Oxford.

Badian E. 1959: Caesar's cursus and the intervals between offices // JRS. 49, 81–89.

Broughton T. R. S. 1952: The magistrates of the Roman Republic. Vol. II. New York.

Broughton T. R. S. 1986: The magistrates of the Roman Republic. Vol. III. Atlanta.

Brunt P. A. 1957: Three passages from Asconius // Classical Review. 7, 193–195.

Buckland W. W. 1937: Civil proceedings against ex-magistrates // JRS. 27, 37–47.

Crawford J. W. 1984: M. Tullius Cicero: the lost and unpublished orations. Hypomnemata: Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben. Heft 80. Göttingen.

Damon C., Mackay C. S. 1995: On the prosecution of C. Antonius in 76 B.C. // Historia. 44, 37–55.

Drumann W.-Groebe P. 1919: Geschicte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. V. Leipzig.

Gelzer M. 1963: Die lex Vatinia de imperio Caesaris / M. Gelzer (ed.). Bd. II. Wiesbaden, 206–228.

Gelzer M. 1969: Cicero. Ein biographischer Versuch. Wiesbaden.

Greenidge A. H. J. 2004: The legal procedure of Cicero's time. Oxford.

Gruen E. S. 1973: The trial of C. Antonius // Latomus. 32, 301–310.

Gruen E. S. 1974: The last generation of the Roman republic. Berkeley.

Heinze R. 1925: Ciceros Rede pro Caelio // Hermes. 60, 193–258.

Klebs E. 1894: Antonius // RE. I, 2582.

Lange L. 1871: Römische Alterthümer. Bd. III. Berlin.

Lewis R. G. (transl. and comm.) 2006: Asconius Pedianus. Commentaries on speeches of Cicero. Oxford.

Münzer F. 1899: Caninius // RE. III, 1477.

Münzer F. 1909: Fabius // RE. VI, 1791–1792.

Shackleton Bailey D. R. (transl. and comm.) 1965: Cicero's letters to Atticus. Vol. I. Cambridge.

[42] Gruen 1974, 288.

GAIUS ANTONIUS HYBRIDA, MACEDONIAN PROCONSUL, ON TRIAL IN 59 BC

V.K. Khrustalev

This is an attempt to consider some controversial aspects concerning the trial of proconsul of Macedonia Gaius Antonius Hybrida in 59 BC and to determine the role of the trial within the framework of political struggle in the Roman Republic of the period. The author makes a conclusion that Gaius Antonius was most likely sentenced by virtue of lex Cornelia de maiestate, but not by virtue of de repetundis or de vi as many scholars suppose. The author also notes that it was a political trial arranged by triumvirs.

Key words: Late Roman Republic, quaestiones perpetuae, crimen maiestatis, triumvirate.

© 2012

Ю. А. Федина

ГАЛАТИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РИМА В I в. до н.э.

В статье рассматриваются взаимоотношения лидеров Поздней римской республики с зависимым от Рима государством Галатией в I в. до н. э. Малая Азия представляла для римлян значительный интерес, поскольку создавала серьезные сложности в организации управления, и это придавало особое значение патроно-клиентским отношениям в контроле за регионом. Римляне были заинтересованы в установлении влияния в малоазийских государствах, особенно в тех, которые играли роль буферных царств, защищающих римские владения от вторжения извне и, таким государством, несомненно, являлась Галатия.

Ключевые слова: Древний Рим, Галатия, клиентела.

Взаимоотношения лидеров Поздней Римской республики с государствами Малой Азии в I в. до н. э., включая Галатию, являются одним из малоизученных аспектов дипломатической истории Древнего Рима Римляне были заинтересованы в установлении своего влияния в тех странах, которые играли роль буферных царств, защищая римские владения от вторжения извне, обеспечивали беспрепятственное перемещение римских легионов, предоставляли союзный контингент, а также исправно вносили подати в римскую казну. Таким буферным государством, несомненно, являлась Галатия.

Первоначально Рим неохотно вмешивался в дела малоазийских государств, но со временем ситуация изменилась, и Малая Азия стала рассматриваться как стратегически важный район. Согласно сообщениям Полибия, в сферу римских интересов Галатия попала во II в. до н.э. Так, в 189 г. до н. э. римляне во главе с Манлием Вольсом помогли пергамскому царю побороть галатов, вторгшихся на территорию царства, а в 167 г. до н. э. галаты направили посольство к римскому сенату, который предоставил им автономию, при условии, что они останутся

Федина Юлия Александровна — ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: lalunya2009@inbox.ru

в собственных поселениях и не будут воевать за пределами своих границ (Polib. Hist. 31. 2)[1].

В начале I в. до н. э. Галатия находилась под влиянием Понта. Известно, что Гай Марий посетил это царство в 99–98 гг. до н.э. Формальным поводом было принесение жертв Матери богов, но, как отмечал Плутарх, Марий подстрекал царей Галатии и Каппадокии выступить против Митридата VI (Plut. Marius. 31). По мнению Р. Салливана, Марий пытался обеспечить себя восточными союзниками, которые могли бы быть полезны не только в войне против Митридата[2]. Напротив, Э. Бэдиан[3] и А. Шервин-Вайт[4] подвергли этот эпизод, описанный только у Плутарха сомнению, поскольку у остальных античных авторов он не упоминается.

В I Митридатовой войне (88–86 гг. до н.э.) галаты поддержали понтийского царя, но после победы Суллы при Херонее в 86 г. до н.э. тот заподозрил их в измене. Это дало ему повод тогда устроить резню приглашенной им галатской знати (около 60 человек). После данного инцидента галатские вожди окончательно перешли на сторону римлян (App. Mitr. 46). Однако некоторые из галатов продолжали оставаться на службе у Митридата отчасти из-за денег, отчасти из-за обещаний того предоставить им в случае победы над Римом значительные территории и титулы[5]. К числу таких личностей относились некий Конакорикс, командующий 4000 войском в Гераклее Понтийской[6], и Битоит — галат, который выполнил последнюю просьбу понтийского царя и умертвил его (App. Mitr.111; Liv. Per. 102).

Римское влияние в Галатии расширяется, и она становится опорным пунктом римлян после того, когда Мурена вторгся на территорию Понтийского царства (App. Mitr. 65) между 84 и 82 гг. до н.э. В III войне против Митридата (74–63 гг. до н.э.) галаты выступили уже союзниками римлян. По сообщениям Плутарха и Аппиана, когда Лукулл вторгся во владения понтийского царя через Вифинию и Галатию в 72 г. до н. э., он терпел недостаток в съестных припасах, так что 30 тысячам галатов было приказано следовать за его войском и нести на плечах по медимну зерна (Plut. Luc. 14; App. Mitr. 78). Кроме вспомогательных частей, галатские тетрархи предоставили Лукуллу также конницу, которая хорошо проявила себя в битвах под Кабирой (Plut.Luc. 28) и Тигранакертой (Plut.Luc. 32). Неудивительно, что встреча Помпея и Лукулла произошла также именно в Галатии (Plut. Pomp. 31). По мнению М. Трёстера, именно Лукуллу принадлежит заслуга в создании патроно-клиентских отношений со многими азиатскими клиентскими княжествами, в том числе и с Галатией[7]. Поскольку некоторые его распоряжения во многом предвосхитили те решения, которые впоследствии принимали Помпей и Цезарь, и у нас нет оснований не согласиться с этой точкой зрения.

Подтверждением расширения патроно-клиентских связей между Римом и Галатией является военно-политическая деятельность Дейотара, тетрарха галатско-

---

1 См. Sherwin-White 1977, 67.
2 Sullivan 1980, 1129.
3 Badian 1964, 56.
4 Sherwin-White 1977, 74.
5 Mitchell 1993/I, 31.
6 Mitchell 1993/I, 31.
7 Tröster 2005, 92.

го племени толистобогов. Тот активно участвовал на стороне римлян в военных походах Лукулла против Митридата; в частности, он успешно отразил нападение понтийского полководца Эвмаха (App. Milhr. 75.326; Liv. per. 94.2; Oros. 6.2.18). Скорее всего, Дейотар как военный союзник римлян оказывал также консультативную помощь Лукуллу при переговорах с Митридатом и Тиграном[8].

В дальнейшем, с назначением Помпея главнокомандующим в войне против Митридата, роль Галатии в проведении римской политики в регионе значительно возрастает. Помпей проводит преобразования, затронувшие и это малоазийское государство (Strab.XII. 5. 2; XII. 3. 13).

Во главе самого большого галатского племени толистобогов Помпей поставил Дейотара[9], тетрархом трокмийского племени же он назначил его зятя Богодиатра. Последний получил от Помпея в управление город Мифридатий, отделив его от Понтийского царства (Strab.12. 5. 2). В источниках, к сожалению, нет сведений о том, кто был назначен главой третьего племени галатов — тектосагов, но известно, что тетрархи этого племени Таркмондарий и Доминилай участвовали в битве при Фарсале 48 г. до н.э. на стороне Помпея (Caes. B. C. III. 3).

За участие в войне против Митридата Дейотар после победы над тем получил в правление восточную половину прежнего Понтийского царства с портовыми городами Фарнакией и Трапезунтом, а также Понтийскую Армению вплоть до колхидской и великоармянской границы (Strab. XII. 3. 13). Расширив свои владения, Дейотар стал одним из сильнейших династов Малой Азии. Не без помощи своего патрона Помпея он получил титул царя, который римский сенат ратифицировал в 59 г. до н.э.[10]. Возможно, за это Дейотар заплатил римскому полководцу крупную сумму. Как известно, Помпею лично должны были и некоторые другие восточные правители (например, каппадокийский царь Ариобарзан III): «<…> шестьсот управителей Помпея начали на него наседать <…> ему теперь выплачивают следующим образом: каждый тридцатый день по тридцать три аттических таланта — и это из налогов; но для покрытия месячного роста этого недостаточно. Однако наш Гней переносит это с мягкостью» (Cic. Att. VI. 1. 3. 14). Вероятнее всего, царь Каппадокии задолжал римскому военачальнику за его помощь в получении либо царского титула, либо римского гражданства.

Вызывает интерес тот факт, что Дейотар поддерживал дружеские отношения с Цицероном, о чем мы можем судить по переписке последнего во время его наместничества в Киликии (51–50 гг. до н.э.). Цицерон неоднократно сообщает о готовности Дейотара помочь ему по первой же просьбе; именно того Цицерон называет самым преданным союзником Рима (Cic. Att. VI. .5. 3). Галаты принимали участие в качестве вспомогательных войск на стороне римлян во время экспедиции Цицерона против племен Амана, и их боевые качества получили достаточно высокую его оценку (Cic. Att. VI. 5. 3). Во время парфянской угрозы Дейотар предоставил Цицерону две тысячи всадников. Сын и племянник Цице-

[8] Trőster 2005, 94.

[9] Точки зрения о том, что именно Помпей назначил Дейотара тетрархом племени толистобогов, придерживается С. Митчелл (Mitchell 1993/I, 33), опирающийся на сообщение Страбона (Strab. XII. 3. 13). М. Трёстер, напротив, считает, что это назначение произвел Лукулл, чьим клиентом являлся Дейотар; Помпей же не стал менять это решение, поскольку посчитал выбор Лукулла весьма удачным. См. Trőster 2005, 102.

[10] Magie 1950, 373.

рона гостили у Дейотара в августе и сентябре 51 г. до н.э. (Cic. Att. V. 17). Также Цицерона с Дейотаром связывали не только дружеские, но и деловые отношения. Возможно, Дейотар мог являться клиентом Цицерона[11]. Известно, что Цицерон в период проконсульства в Киликии вел коммерческие дела через товарищества откупщиков-публиканов и друзей за пределами своей провинции, но, тем не менее, сенатор снискал славу «честного наместника» (Plut. Cic. 36). Цицерон не нуждался в киликийских деньгах: доказательством финансового благополучия именно в этот период жизни Цицерона может служить и тот факт, что к концу своего проконсульства сенатор имел достаточно средств, чтобы справить триумф по возвращению в Рим[12]. Возможно, Дейотар содействовал обогащению своего друга. В пользу того, что их связывали финансовые отношения, говорит и тот факт, что Дейотар по личной просьбе Цицерона содействовал возращению долга, который взял Ариобарзан у Брута (Cic. Att. VI. 1). Последний обладал довольно большим состоянием и часть его пустил в рост, давая большие деньги в долг как зависимым царям Галатии и Каппадокии, так и провинциалам, которым он ссужал деньги вопреки законам. Из писем Цицерона известно, что Брут действовал через посредников — своих друзей Марка Скапция, Публия Матиния, Люция Главцию. Брута не раз обвиняли в жестокости при взыскании долгов и протекционизме[13].

Успешные финансовые сделки укрепляли политический союз римских деятелей и галатского царя. Так Цицерон и Брут выступили на стороне Дейотара во время судебного процесса в 45 г. до н. э. Кастор, внук Дейотара, обвинил того в заговоре против Цезаря во время пребывания последнего в Галатии в 47 г. до н.э. Дейотар удостоился самых лестных отзывов Цицерона и Брута. Но, поскольку обвинения были слишком тяжелыми, Цезарь сохранил за Дейотаром только часть его царства[14] (Plut. Brut. 31).

Другой галатский тетрарх — Богодиатар, в отличие от Дейотара, не заслужил столь лестных отзывов у современников; напротив, Цицерон называет его ненадежным союзником: «Прочие цари и тираны недостаточно надежны и в смысле средств и в смысле настроения» (Cic. Fam. XV. 1. 6). Но Богодиатар, так же как и Дейотар, получил титул царя в 58 г. до н.э., благодаря Публию Клодию. В 56 г. до н.э. Цицерон попытался разоблачить Клодия, который за взятку ратифицировал через сенат назначение Богодиатра царем и поставил его жрецом богини Кибелы в священном галатском городе Пессинунте (Cic. Q. fr. 2.7.2). Несомненно, Клодий брал взятки с Богодиатра, которые тот так и не выплатил полностью[15].

В конце 50-х гг. до н.э. Богодиатр умер, и его области аннексировал Дейотар. Страбон сообщает, что Богодиатр умер в 47 г. до н.э., но эту дату следует подвергнуть сомнению, поскольку наиболее поздний нумизматический материал, относящейся к царствованию Богодиатра, датируется 53 г. до н.э.[16] В этом же году

---

[11] Coşkun 2005, 127.

[12] Абрамзон 2005, 132.

[13] Циркин 2006, 120.

[14] Дейотар потерял Малую Армению, которая была отдана каппадокийскому царю Ариобарзану и области трокмийской тетрархии, преданные в управление Митридату Пергамскому.

[15] Magie 1950, 372–373.

[16] Adcock 1937, 15.

галаты поддержали римлян в парфянском походе (Plut. Luc. 14). Галатская конница принимала участие в битве при Каррах под командованием Публия Красса. Плутарх отмечает мужество галатов: «<…> галлы хватались за вражеские копья и, сходясь вплотную с врагами, стесненными в движениях тяжестью доспехов, сбрасывали их с коней. Многие же из них, подлезая под брюхо неприятельским коням, поражали их в живот. Лошади вздымались на дыбы от боли и умирали, давя и седоков своих, и противников, перемешавшихся друг с другом. Но галлов жестоко мучила непривычная для них жажда и зной. Да и лошадей своих они чуть ли не всех потеряли, когда устремлялись на парфянские копья. Итак, им поневоле пришлось отступить к тяжелой пехоте, ведя с собой Публия, уже изнемогавшего от ран» (Plut. Crass. 25).

Во время противостояния Цезаря и Помпея Дейотар сохранил верность последнему, рассчитывая в случае победы на щедрость патрона и на новые привилегии. Так, в битве при Фарсале галатский царь предоставил Помпею военный контингент — 600 всадников (Caes. B. C. III 3), но после поражения того без колебаний перешел на сторону Цезаря, руководствуясь принципом политической целесообразности.

Цезарь обошелся с Дейотаром сравнительно мягко, понимая необходимость сохранения Галатии под протекторатом Рима, хотя и дал почувствовать, что измена стоит дорого: денежные контрибуции и значительные поставки войск были ценой прощения (Dio Cass. XLII. 46. 1; Cic. Pro Deiotaro 14. 24). Царь не смог полностью выплатить долг Цезарю из-за вторжения в его земли Фарнака (Dio Cass. XLII. 46.1; Cic. Pro Deiotaro. 14. 24). Он был вынужден просить наместника Азии Домиция Кальвина о помощи в освобождении подвластных ему территорий. Римский военачальник начал поход против Фарнака, в котором участвовали легионы, предоставленные Дейотаром[17]. При Никополе римляне потерпели поражение, но уже через год, в 47 г. до н.э., Цезарь разбил Фарнака в битве при Зеле. В этом сражении галатский царь предоставил римлянам свой легион (Caes. Bell. Al. 68)[18], который после присоединения Галатии к Риму в 25 г. до н.э. получил порядковый номер XXII и стал именоваться «легион Дейотара».

Пример патроно-клиентских отношений в период противостояния помпеянцев и цезарианцев дает и деятельность Митридата Пергамского — наиболее влиятельного восточного друга Цезаря. О его происхождении из царского галатского рода и родстве с Дейотаром можно судить по сообщению Страбона и неизвестного автора «Александрийской войны»:

1) «<…> сын Менодота и Адобигины, Менодот происходил из рода галатских тетрархов, а Адобогина была наложницей Митридата» (Strab. XI. 2. 17; XIII. 4. 3).

2) «<…> Митридат получил царское воспитание, так как его взял к себе царь всей Азии, по причине его знатности, еще маленьким мальчиком и несколько лет держал его в своем лагере (Bell. Al. II. 26).

---

[17] Данные источников разнятся относительно численности военного контингента, предоставленного Дейотаром Домицию Кальвину: автор «Александрийской войны» и Дион Кассий сообщают о двух легионах, обученных по римскому образцу (Bell. All. 34), Цицерон — о трех легионах (Cic. Pro Deiotaro. 14. 24).

[18] Голубцова 1951, 61.

3) «Во всяком случае, он сделался другом Божественного Цезаря и достиг таких почестей <…> что его считали достойным имени «Великий» (Strab. XI. 2. 17; XIII. 4. 3).

Грек по происхождению, Митридат пользовался уважением и доверием греческих общин. Он имел достаточный капитал и оказал финансовую поддержку Цезарю в гражданской войне (49–47 гг. до н.э.). Помимо этого, Митридат Пергамский, выполняя клиентские обязательства, успешно провел военную операцию против египетского войска Птоломея. За верность и преданность Риму, долгую и верную службу amicus Цезаря получил территории трокмийского племени галатов в 47 г. до н.э. и трон Боспора, но вскоре после этого погиб. Смертью Митридата Пергамского воспользовался Дейотар и оккупировал территории трокмийского племени. Вскоре Дейотар присоединил к своему царству и территории тектосагов, убив своего зятя и дочь в Горбиунте. Таким образом, Дейотар, устранив политических соперников, стал царем огромных территорий[19].

После смерти Цезаря Дейотар занял сторону республиканцев, помогая старому другу Бруту. В битве при Филиппах в 42 г. до н. э. он выставил пятитысячную конницу под командованием своего секретаря Аминты, но во время сражения галатские части перешли на сторону триумвиров (Dio Cass. XLII. 24. 3; App. BC. IV. 88).

Антоний, одержав победу над республиканцами, не стал посягать на сложившуюся систему управления римским владениями на Востоке. В основном его реорганизация касалась только системы зависимых царств. Он сделал ставку на зависимых царей, возродил и частично создал ряд зависимых от Рима государств, поставив над ними угодных ему династов. Даже ранее свободным полисам Антоний навязал тиранов. Так, в источниках упоминается Адиаториг, сын Домнеклея, тетрарха галатского племени тектосагов, получивший от Антония часть города, занятую гераклеотами. Адиаториг незадолго до битвы при Акции ночью напал на римлян и перебил их, как он потом говорил, с разрешения Антония. После актийской победы Октавиан провел его в качестве пленника в триумфальном шествии и казнил вместе с сыном (Strab. XII. 4. 5).

Антоний, насаждая режимы зависимых правителей, преследовал, прежде всего, свои личные интересы. Во-первых, клиенты-цари были обязаны платить фиксированные платежи со своих территорий. Это избавляло Антония от громоздкой и сложной системы сбора налогов в провинциях. Во-вторых, Антоний утверждал правителей за взятки. Известно, что триумвир получил от Дейотара сумму в 10 млн. сестерциев и обнародовал закон о восстановлении его в правах от имени Цезаря (Cic. Philipp. II. 94–95). В благодарность Дейотар начал чеканить монеты с изображением жены Антония — Фульвии в образе Ники[20]. Около 40 г. до н.э. Дейотар умер, и его владения были переданы его внуку Кастору (Dio Cass. XLII. 48. 33. 5). После смерти Кастора Антоний сделал царем Галатии Аминту, военачальника и поверенного Дейотара. Триумвир распространил власть Аминты на Ликаонию, Писидию, Исаврию, Памфилию и западную Киликию. Когда Август после Актийской битвы принял власть над Востоком, он сохранил за кельтским царем его прежнее положение (App. B. C. V. 75; Vell. Pat. II. 84. 2). Аминта достиг

[19] Моммзен 2002/3, 429.
[20] Mitchell 1993/I, 40.

значительных успехов в борьбе с пиратами: он убил одного из самых опасных вождей Антипатра, властителя Дебры и Ларанды в Южной Ликаонии[21]. В обязанности Аминты как римского вассала входили управление и контроль над горной зоной Киликии. В 25 г. до н э. после смерти Аминты Август не стал назначать на галатский престол нового римского ставленника, а, объявив себя наследником Аминты, преобразовал Галатию в императорскую провинцию[22].

Таким образом, Галатия в I в до н.э. представляла для римлян ценный плацдарм для их внешнеполитических акций. Являясь зависимым от Рима буферным государством, территории Галатии использовались для передвижения римских контингентов в глубь региона. В этом малоазийском царстве римляне не стремились к установлению тотального контроля, поскольку это требовало напряжения сил и не входило в их планы. В первую очередь римлян интересовало, чтобы в русле их политики оставались правящие круги Галатии, для чего наиболее эффективным средством было контролирование процесса перехода власти и общее наблюдение за развитием политической ситуации. Любая несанкционированная передача власти сопровождались ответным ходом с римской стороны, чаще всего заключавшимся в военном вмешательстве с целью устранения неугодных Риму политических фигур. В свою очередь, властители Галатии стремись заручиться поддержкой более сильных римских политических лидеров и извлечь из этой дружбы большую выгоду.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г. 2005: Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II до н.э. — 74 г. н.э.). СПб.

Годкин Д.Я. 2008: Проблема патроната и клиентелы в политической жизни Римской республики в новом издании Кембриджской древней истории (рец. на CAH. Vol. VII/2 (1989); VIII (1989); IX (1994) // ВДИ. 4, 240–248.

Голубцова Е. С. 1951: Северное Причерноморье и Рим (на рубеже нашей эры). М.

Машкин Н. А. 1949: Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М.; Л.

Моммзен Т. 2002: История Рима. Т. 1–5. М.

Циркин Ю. Б. 2006: Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб.

Adcock F. E. 1937: Lesser Armenia and Galatia after Pompey's Settlement of the East // JRS. 27, 12–17.

Badian E. 1964: Studies in Greek and Roman History. Oxford.

Coşkun A. 2005: Amicitiae und politische Ambitionen im Kontext der causa Deiotariana // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / A. Coşkun, H. Heinen, M. Tröster (eds.). Cőttingen, 127–154.

Magie D. 1950: Roman Rule in Asia Minor. Princeton.

Mitchell S. 1993: Anatolia. Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol. 1. Oxford.

Sherwin-White A. N. 1977: Roman Involvement m Anatolia167–88 B.C. // JRS. 67, 62–75.

Sullivan R. D. 1980: The Dynasty of Cappadocia // ANRW. 7.2., 1125–1168.

Tröster M. 2005: Lucullus, His Foreign, and the Shadow of Pompey // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / A. Coşkun, H. Heinen, M. Tröster (eds.). Cőttingen, 91–111.

[21] Моммзен 2002/5, 330.
[22] Машкин 1949, 485.

GALATIA IN ROMAN POLITICS OF THE 1st century BC.

Yu. A. Fedina

The article considers the relations of Late Roman Republic with Galatia, Rome's dependency, in the 1st century BC Asia Minor was of great interest to Rome as it presented serious administration problems, which gave a special prominence to patron-client relations in region control. Romans were interested in extending their influence over Asia Minor countries, especially buffer kingdoms that protected Roman domain from external intrusion. Galatia was undoubtedly such a country.

Key words: Roman Republic, Galatia, clientele.

© 2012

А. Н. Жаровская

АНТИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОХРАНЕНИЯ ПРОДУКТОВ (ПО «КУЛИНАРНОЙ КНИГЕ» АПИЦИЯ)*

В статье анализируются данные «Кулинарной книги» Апиция и рассматриваются основные способы сохранения свежести продуктов. Автор исследует рецепты, описывающие, как римские повара добивались того, чтобы фрукты, ягоды, мясо, морепродукты не портились возможно долгое время. В книге Апиция уделяется внимание способам сохранения свежести не только ингредиентов блюд, но и самих готовых кушаний. В статье делается акцент на доступные римлянам консерванты, в качестве которых выступали вино, соль, приправы. Кулинары Древнего Рима также придавали большое значение температурному режиму, влияющему на сохранность продуктов. Для достижения наилучшего результата тратилось, как правило, большое количество времени, но в целом рецепты хранения продуктов включали доступные большинству римлян ингредиенты.

Ключевые слова: Марк Габий Апиций, кулинарное искусство, кулинарный рецепт, консервация.

Марк Габий Апиций был известным римским гурманом, с именем которого традиция связывает написание кулинарной книги, состоящей из десяти частей и содержащей множество рецептов разнообразных блюд. Благодаря его труду можно составить представление о том, что употребляли в пищу римляне, по крайней мере, начиная с I в. н.э., времени, когда жил Апиций, причастный, так или иначе, к созданию данного сочинения[1]. Апиций был представителем высших кругов общества, многие рецепты его блюд отличались изысканностью, кулинарные

Жаровская Анна Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий документовед Центра Антиковедения ЯрГУ. E-mail: afroloff@mail.ru

* Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ: Госконтракт № 16.740.11.0104, Аналитическая ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы, а также РФФИ, грант № 10–06–00140-а.

шедевры призваны были украшать столы самых шикарных римских застолий. В его книге встречается также немало советов по улучшению качества и сохранности простых продуктов и кушаний. Подробная информация о повседневной еде и угощениях на торжествах известна во многом благодаря Апицию[2].

Об Апиции негативно отзывался Сенека, рассуждая о соотношении наслаждений и добродетелей и осуждая страсть Апиция к еде и роскошествам (Sen. De Vita Beata. XI. 3. 4). Марциал язвительно замечал, что на дорогие кушанья Апиций потратил шестьдесят миллионов сестерциев, а когда осталась лишь небольшая часть его состояния (около десяти миллионов), то покончил с собой, приняв яд (Mart. Ep. III. 22). Таким образом, если судить, опираясь на мнение автора эпиграмм, то получается, что Апиций был психологически зависим от своих гастрономических пристрастий, простая пища его не удовлетворяла.

В исследовательской литературе циркулирует в основном лишь высказывание о том, что имя Апиция уже в древности стало нарицательным для обозначения кутилы, тратящего огромные средства на роскошные угощения[3]. Например, в работе М.Е. Сергеенко об Апиции говорится лишь то, что он был чревоугодником времен императора Тиберия и что ему приписывалось авторство «Кулинарной книги»[4]. Необходимо, между тем, исследование данного сочинения с целью уточнения наших знаний о развитии поварского искусства древних римлян.

При рассмотрении рецептуры блюд нужно учитывать, что для достижения желаемого вкуса кушаний всегда важны не только талант повара, но и свежесть продуктов. Таким образом, кулинарам древности, чтобы создавать вкусные угощения, нужно было заботиться о качестве и свежести ингредиентов, сохранности уже приготовленных блюд. Благодаря некоторым рецептам Апиция можно получить представление о том, на какие ухищрения шли кулинары для достижения этой цели, ведь возможности, которыми они располагали, были весьма скромными. Повара обладали специфическими знаниями, позволявшими дольше сохранять вкус продуктов. Существенная часть первой книги уделена описаниям подобных рецептов.

---

[1] Вопрос об авторстве и датировке источника представляется весьма сложным. А.А. Григорьева, которая впервые в отечественной науке провела специальное исследование «текстов Апициевого корпуса» (такую формулировку филолог-классик использует для данного сочинения), основное внимание уделяет текстологическому анализу памятника (Григорьева 2000). Ученый приводит наиболее распространенные исследовательские точки зрения по вопросу авторства источника. В целом она полагает, что окончательное формирование текста происходило в IV–V в. н.э., в период поздней Римской Империи. Дж. Д. Велинг, обращавшийся к данной теме, отметил, что этот вопрос не менее сложен, чем аналогичная проблема в отношении Илиады и Одиссеи; ученый пишет, что с уверенностью можно сказать лишь то, что «Кулинарная книга» является уникальным источником древности по кулинарному искусству (Vehling 1977, 18). Перевод «Кулинарной книги» на русский язык пока не осуществлен.

[2] Giacosa 1992, 6–8. Книга Апиция использована автором этой монографии, посвященной в целом римской кухне, как основной источник, наряду с трудами Катона и Колумеллы. Исследователь подчеркивает, что сочинение Апиция ценно для изучения не только римского поварского искусства, — в его книге много рецептов греческого происхождения. Это, на наш взгляд, косвенно подтверждается и тем, что в описаниях приготовления блюд присутствуют греческие слова. Например, в рецепте хранения медовых сладостей (I. 14) по-гречески назван один из вспомогательных предметов повара (πηνίον — веретено, челнок).

[3] Гиро 1995, 324; Роббер 2006, 116.

[4] Сергеенко 1964, 394.

На страницах кулинарной книги представлены способы хранения свежих плодов, ягод, грибов. Фрукты были излюбленным лакомством римлян и употреблялись как в свежем, так и в сушеном виде (Macrob. Sat. 3. 19). В книге Апиция объясняется, как сохранить вкус и аромат свежих фруктов. Присутствует рецепт о том, что можно сделать, чтобы гранаты (malum granatum) дольше не портились: их нужно опустить в горячую морскую воду (in aquam marinum), вынуть и просушить[5] (I. 18). Оливки, хранящиеся по такому рецепту, остаются сочными и даже пригодными для отжима масла (I. 27). Апиций рекомендовал добавлять в блюда из чечевицы и каштанов именно свежее оливковое масло (oleum viride — V. 191, 192), то есть им различался вкус масел только что полученных и тех, которые хранились некоторое время. У Горация также присутствует упоминание именно о свежем оливковом масле (oleum dulce — Hor. Serm. 2.4. 64).

Для хранения персиков рекомендовался тот же рецепт, что и для гранатов и оливок. После того как фрукты замачивались в воде и просыхали, их посыпали солью и опрыскивали кислым вином (acetum) (I. 26). Про хранение винограда написано, что плоды остаются свежими, если их держать в речной воде (aqua fluvialis), которая предварительно долгое время кипятилась. Виноград, замоченный в ней, должен был лежать в прохладном и темном месте (I. 17). Для хранения цитрусовых рекомендовалось запечатывать их в сосуд на длительное время. Трюфели же попросту держали в сухих опилках (I. 25).

Как мы можем наблюдать, в книге Апиция приводятся довольно недорогие способы хранения пищи. Однако есть рецепты, которые требовали весьма ценных продуктов, применявшихся в качестве консервантов. Для хранения айвы (malum Cydonium) рекомендовалось использовать следующий способ: плоды необходимо залить молодым вином с медом[6] (I. 19). Вообще Апиций советовал использовать мед как хороший консервант, применяемый при хранении различных фруктов и ягод (яблок, слив, груш, вишни), которые укладывались таким способом, чтобы не прикасались друг к другу. Предполагалось, что мягкие ягоды (плоды тутового дерева) будут пригодными для пищи, если их положить в стеклянный сосуд, выдавить из них сок и на некоторое время залить молодым виноградным вином или соком (I. 19).

В «Кулинарной книге» приведены рецепты, описывающие хранение зелени. Для этих целей советовалось ее собирать молодой (holera electa non satis matura). Поскольку приправа, например, лазерпиций, который употреблялся и как лекарство, была дорогой, Апиций дает совет, как более экономично ее использовать (рецепт «Ut uncia lasaris toto tempore utaris»; I. 13). Предполагалось приправу, которая хранилась в бочонке (doliolum), смешивать с толчеными сосновыми орехами, которые римляне нередко употребляли в пищу (Macrob. Sat. 3. 18. 14). В результате объем лазерпиция увеличивался и его хватало на более длительное время.

---

[5] Использовано издание: Apici Caeli. 1867: De re coquinaria libri decem. Heidelbergae. В примечании к этому рецепту отмечено, что в тексте книги нет конкретных указаний, что использовалась морская вода, однако издатели считают, что речь шла именно о морской воде, которая, скорее всего, и применялась римлянами в подобных ситуациях. P. 33.

[6] В примечании к данному рецепту (в используемом нами издании) отмечено, что в тексте «Кулинарной книги» имелось в виду молодое виноградное вино (mustum). P. 33.

Большое внимание уделялось хранению скоропортящихся продуктов. Устрицы встречались в меню римских гурманов довольно часто. У Макробия присутствует описание меню роскошного обеда римских аристократов. Среди изысканных блюд были и устрицы (Macrob. Sat. 3. 13. 12). Неудивительно, что у Апиция подробно изложен способ хранения морепродуктов. Консервантами служили морская соль и кислое вино (acetum). В рецепте нет конкретизации, какие именно устрицы должны храниться, вареные или сырые. Если сравнить данный рецепт со способом хранения мяса, то с большой долей вероятности можно предположить, что речь шла о сырых устрицах, так как в «Кулинарной книге», как правило, поясняются такие моменты (I. 8). Это косвенно подтверждается и упомянутым пассажем Макробия о том, что устрицы подавались на стол сырыми.

Хранения мяса касаются два рецепта. Один из них («Ut carnes sine sale quovis tempore recentes sint») дает нам основание предполагать, что соль как консервант часто использовалась римлянами, но из-за того, что она искажала вкус мяса, кулинары древности были вынуждены искать другие способы[7]. Свежее мясо (carnes recentes) покрывалось слоем меда и хранилось в подвешенном сосуде. Оговаривалось, что вареное мясо может храниться таким же образом.

В книге Апиция уделялось внимание способам сохранения свежести не только ингредиентов блюд, но и самих готовых кушаний. Есть рецепт, описывающий технологию улучшения вкуса старого бульона (I. 7). Чистый сосуд переворачивался и окуривался с помощью приправ лавра и кипариса, затем в него вливался бульон. Если таким образом не удавалось до конца убрать неприятный привкус, то добавлялся секстарий[8] меда. Вареную свиную и бычью кожу советовали хранить полностью погруженными в рассол, состоящий из горчицы, кислого вина, соли и меда (I. 9).

Блюда из рыбы занимали огромное место в рационе гурманов. Ценилась как речная, так и морская рыба, на ее покупку тратились огромные суммы, римские аристократы гордились своими прудами с ценными породами рыб (Macrob. Sat. 3. 15, 16). Хранить предполагалось жареную рыбу (piscis frictus). В качестве консерванта опять же использовалось кислое вино (I. 11).

Иногда ингредиенты блюд подготавливались заранее, а смешивались непосредственно перед употреблением, чтобы со временем не терялся желаемый вкус. Интересен один из рецептов, описывающих приготовление винного напитка, приправленного медом и специями (Conditum — I. 2). В его состав входили молотый перец (piper tritum), мед и вино; считалось, что этот коктейль придает силы и энергию путникам. Заблаговременно готовились составные части напитка, а при необходимости смешивались. Для того чтобы мед был более жидким, в него рекомендовалось добавить немного вина. Таким образом, несмотря на воздействие температуры и времени, аромат и вкус напитка не искажались.

Понятие «вкус» применительно к продуктам питания, являлось весьма важным для римлян. У Горация присутствует ряд терминов, обозначающих вкус еды[9]. В его цикле сатирических стихотворений, который обычно переводят как «Бе-

[7] В книге Апиция даже есть рецепт, как улучшить вкусовые качества мяса, которое было посыпано солью для лучшей сохранности. Предлагалось его выварить в молоке, а затем в воде (I. 10).

[8] Sextarius [sextus] секстарий = 0,547 литра.

[9] Грошева 2010, 212–221.

седы», присутствуют слова, обозначающие вкус: sapor, gustus, sucus[10]. В книге Апиция мы встречаем названия блюд и способы их приготовления, тогда как сведения о том, в какой очередности и при каких обстоятельствах подавались кушанья, присутствуют у других древних авторов. Список блюд, которые появлялись на столе римской аристократии, составлен давно. Во многом благодаря Марциалу ученым удалось узнать меню обедов[11]. Трапеза начиналась с закуски (gustatio), далее шли кушанья первого стола (mensa prima) и десерт (mensa secunda). Гораций уделял большое внимание описанию вкуса блюд, каким он должен быть, чтобы пища доставляла удовольствие. Среди прочего есть упоминание, как сделать мясо курицы более нежным: надо вымачивать его в фалернском вине, смешанном с водой (Hor. Serm. 2.4. 19–22). Это напоминает рецепт из книги Апиция, где с той же целью рекомендовалось вымачивать мясо в воде и молоке (I. 10).

Из текста книги Апиция следует, что повара придавали большое значение температурному режиму, который влияет на сохранность продуктов. Фрукты рекомендовалось просушивать и хранить в холоде; мясо, помещаемое в место с низкой температурой, советовалось даже подвешивать, вероятно, для лучшей циркуляции воздуха (I. 8). Для сохранности продуктов кулинары помещали их в прохладные и сухие места. В тексте не упоминаются помарни[12] или другие хозяйственные помещения для хранения съестных припасов. Можно лишь предположить, что если «Кулинарная книга» была ориентирована на широкие слои читателей, то у римлян разного достатка были различные условия для хранения продуктов; считалось, вероятно, достаточным оговорить в рецепте то, что блюдо должно храниться в холоде.

Одним из основных консервантов выступало вино, причем недорогое и менее качественное по сравнению с тем, которое непосредственно употребляли богатые римляне. Для лучшей сохранности продуктов использовали или свежее виноградное вино (mustum, sapa), которое было более густым, или кислое (acetum). Более привычное слово «vinum» употребляется в рецептах, которые посвящены приготовлению винных напитков для застолий (I. 1–4, 6). Мед, морскую соль и разного рода приправы также использовались для хранения продуктов. Римляне весьма бережно относились к съестным припасам. Порой для временной консервации использовались довольно сложные методы. Если учитывать суммарное время, требовавшееся для приготовления блюд, то становится очевидным, что процесс консервации ингредиентов для будущих кушаний был зачастую довольно трудоемким и длительным. Кулинары древности понимали, что каким бы удачным ни был рецепт, все-таки качество входящих в него составляющих является важнейшим условием вкуса блюд.

Во многом слава об Апиции как о богаче и гурмане предопределила одностороннее отношение к содержанию его книги. Из рассмотренных нами рецептов следует, что в текстах Апициевого корпуса, наряду описаниями приготовления

[10] Sapor — 1) вкус; 2) тонкое обращение, хороший тон, развитой вкус, такт; 3) лакомство, изысканное блюдо; 4) чувство вкуса, вкусовые ощущения. Gustus — 1) пробование, проба, отведывание; 2). закуска; 3) вкусовое свойство; 4) вкусовое ощущение, вкус. Sucus — 1) жидкость, жидкая часть; 2) напиток, снадобье; 3) вкус, качество.

[11] Сергеенко 1964, 127.

[12] Pomarium–1) фруктовый сад, 2) кладовая для хранения плодов.

дорогих блюд, фиксируются утилитарные и дешевые способы хранения продуктов. Для достижения результата тратилось, как правило, большое количество времени, но в целом способы хранения продуктов включали доступные большинству римлян ингредиенты.

ЛИТЕРАТУРА

Гиро П. 1995: Частная и общественная жизнь римлян. СПб.

Григорьева А.А. 2000: Древнеримская кулинарная лексика: Проблема терминологии (на материале текстов Апициевского корпуса): автореф. дис… канд.филол. наук. М.

Грошева А.В. 2010: О словах, обозначающих вкус, в одной из «Бесед» Горация (Hor. Serm. 2. 4) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Ч. 1. СПб., 212–221.

Робер Ж.-Н. 2006: Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М.

Сергеенко М.Е. 1964: Жизнь древнего Рима. М.; Л.

Apici Caeli. 1867: De re coquinaria libri decem. Heidelbergae.

Giacosa I.G. 1992: A Taste of Ancient Rome. Chicago.

Vehling J.D. 1977: Apicius, Cooking and Dining in Imperial Rome. Chicago.

ANCIENT METHODS OF FOOD PRESERVATION (BASED ON “DE RE COQUINARIA” BY APICIUS)

A.N. Zharovskaya

This article analyzes “De re Coquinaria” by Apicius and examines main ways to preserve foodstuff. The author examines recipes describing what Roman cooks did to keep fruit, berries, meat, and seafood fresh as long as possible. The book of Apicius focuses on ways to preserve the freshness of both ingredients and ready-made dishes. Cooks of Ancient Rome also attached great importance to the temperature regime affecting foodstuff preservation. As a rule, it took a lot of time to achieve best results, but on the whole foodstuff preservation recipes contained ingredients accessible to most Romans.

Key words: Marcus Habius Apicius, art of cookery, culinary recipe, preservation

© 2012

Д. В. Журавлев

ФРАГМЕНТ ШУТОЧНОГО КУБКА С ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

Статья посвящена публикации фрагмента греческого керамического сосуда V в. до н.э. с носиком в виде фаллоса (“dirty trick”), обнаруженного при раскопках поселения Голубицкая 2 на Таманском полуострове. Рассмотрены аналогичные находки, как в Северном Причерноморье, так и за его пределами.

Ключевые слова: классическая археология, Северное Причерноморье, сосуд с фаллическим носиком, древнегреческий симпосий.

Раскопки, проводимые с 2006 г. совместной российско-германской экспедицией на Таманском полуострове, сконцентрированы в основном на памятниках, относящихся к эпохе греческой колонизации в регионе[1]. Тем не менее, среди находок попадаются отдельные экземпляры, связанные с весьма неожиданными темами.

В 2011 г. на поселении Голубицкая 2 был обнаружен фрагмент носика шуточного керамического сосуда в виде фалла со сквозным отверстием (рис. 1–2). Фрагмент был найден на Раскопе 2, кв. 36, шт. 3[2], т.е. еще практически в пахотном слое.

Фрагмент сосуда сделан из красно-коричневой глины (7.5 YR 6/8-5/8)[3] с включениями мелких блесток. Поверхность носика покрыта ангобом серо-белого цвета. Лаковое покрытие отсутствует, лишь у основания видно небольшое пятно, вероятно, лака буро-коричневого цвета. Размеры фрагмента: длина 4,8 см; диаметр 2,0–2,7 см, диаметр отверстия 0,45–1,0 см. Хорошо переданы анатомические особенности фалла, включая головку и крайнюю плоть.

Мне уже неоднократно приходилось писать о том, что тема эротики в греко-римском мире долгое время находилась у нас в стране под негласным запретом. Как известно, в Советском Союзе «секса не было». И лишь в последнее десятиле-

---

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея, член-корреспондент Германского археологического института. E-mail: denzhuravlev@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stieftung).

[1] См. например: Журавлев, Шлотцауер, Кельтербаум 2010, 69-73; с литературой.

[2] ГИМ. Оп. Б-2092, № 205.

[3] Определение цветов глины выполнено по: Munsell Soil Colour Charts. New York. 1992.

тие появился целый ряд исследований на данную тематику[4]. К счастью, никаких ограничений больше нет, и постепенно завеса над интимной стороной жизни обитателей античного Северного Причерноморья приподнимается.

Несмотря на кажущуюся редкость сосудов с носиками в виде фалла, в числе близких параллелей упомянем другую недавнюю таманскую находку похожего

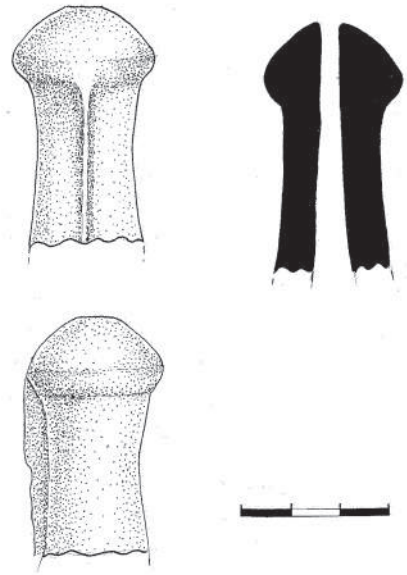


Рис. 1. Носик сосуда в виде фалла. Таманский полуостров, поселение Голубицкая 2. ГИМ. Рис. Е. О. Назаровой.

Рис. 2. Носик сосуда в виде фалла. Таманский полуостров, поселение Голубицкая 2. ГИМ. Фото В. Ложникова.

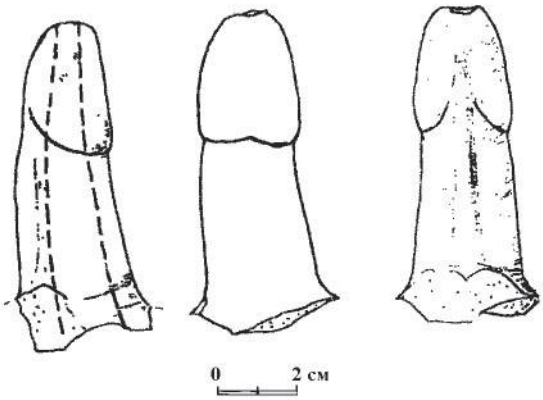


Рис. 3. Носик сосуда в виде фалла. Таманский полуостров, поселение Вышестеблиевская 11. Таманский музейный комплекс. По: Кашаев 2006, рис. 1.

[4] См. библиографию: Журавлев 2004а, 127-149; 2004б, 142-159; 2006. Из последних работ см. также: Кашаев 2006, 176-179; Грицик 2009, 223-227.

фрагмента на поселении Вышестеблиевская 11 (рис. 3)[5]. Этот сосуд, покрытый черным лаком низкого качества, был датирован автором публикации III в. до н.э. или, точнее, его второй четвертью[6]. Среди находок из Северного Причерноморья наиболее интересен сохранившийся практически целиком сосуд из Мирмекия, найденный и впервые опубликованный В. Ф. Гайдукевичем (рис. 4-5)[7], а впоследствии многократно воспроизведенный в других изданиях[8]. Датировка этого сосуда также определяется III в. до н.э.[9] или второй половиной III — рубежом III–II вв. до н.э.[10]

В античном мире известны и другие сосуды, имеющие носик в виде фалла. Среди них — скифос, найденный в Пелле и хранящийся в местном Археологическом музее (рис. 6, *2*)[11]. Кроме того, подобный же экземпляр (рис. 6, *1*) происходит из Халкиды[12]. Ряд сосудов с фаллическими носиками известен из раскопок Делоса[13]. В собрании Берлинских музеев было представлено несколько фрагментов носиков сосудов в виде фалла, утраченных после Второй мировой войны[14]. Рассматривая аналогии мирмекийскому кубку, В. Ф. Гайдукевич воспроизвел в своей публикации канфар из Берлинских музеев, опубликованный еще А. Фуртвенглером[15]. Жидкость в этот канфар, так же как и в мирмекийский кубок, поступала через отверстие в донце, т.е. наполнять его можно было только в перевернутом виде. Большинство этих памятников датируется эллинистическим временем, хотя среди них есть и более ранние.

Как считает В. Ф. Гайдукевич, «основной эффект состоял в том, что для неосведомленного человека, которому предлагался такой «канфар» на пирушке, должно было представляться непонятным, как же он наполняется вином»[16]. Пить из этого сосуда можно было только через носик, что придавало процессу опреде-

---

[5] Кашаев 2006, 176-179.

[6] Кашаев 2006, 178-179.

[7] Гайдукевич 1958, 206-208, рис. 62. Приведу описание мирмекийского сосуда, данное В.Ф.Гайдукевичем: «Кубок закрытый, двуручный, на профилированной ножке. Верхний изгиб ручки имел украшение, которое утрачено, вторая ручка не сохранилась. К нижней части корпуса приделан резко поднимающийся кверху носик, сообщающийся с внутренней полостью кубка; носику придана форма фалла. Ножка кубка изнутри имеет воронкообразную форму. На дне этой «воронки», соответствующей центру дна кубка, имеются три сквозные дырочки. К ним внутри кубка приделана вертикальная трубка, высоко поднимающаяся, но не достигающая верхней части сосуда. Чтобы наполнить вином кубок, надо было его перевернуть и лить вино в воронкообразную полость подставки. Через дырочки и трубку жидкость протекала внутрь, заполняя пространство сосуда. Вытесняемый воздух уходил через носик, затем сосуд переворачивали, ставя его в нормальное положение. Внутренняя трубка не давала жидкости выливаться. Пить надлежало, высасывая вино через носик. Очевидно, это шуточный кубок, применявшийся на пирушках-симпосиях. Наружная поверхность сосуда покрыта черным, коричневатого тона, лаком, часть лака от условий обжига приобрела красный цвет. Сверху и на средней части корпуса разжиженной глиной нанесен растительный орнамент» (Гайдукевич 1958, 206).

[8] Журавлев 2004б, 142-159; Мирмекий 2006, 55, 73, кат. № 22; Винокуров 2007, 323, рис. 210.

[9] Гайдукевич 1958, 206, 208; Мирмекий 2006, 55.

[10] Журавлев 2004б, 145.

[11] Eros Grec 1989, 148, No. 76.

[12] Χωρέμησ 2002, 357-360, Πιν. 180

[13] Χατζηδάκης 2004, πιν. 171-172.

[14] Kästner 2005, 235-233, Inv. 31201, 31202, 31207, 31209.

[15] См.: Гайдукевич 1958, 209, рис. 63.

[16] Гайдукевич 1958, 207.

Рис. 4. Сосуд с носиком в виде фалла. Мирмекий. III в. до н.э. Керченский историко-культурный заповедник. Фото Р. Г. Синенко.

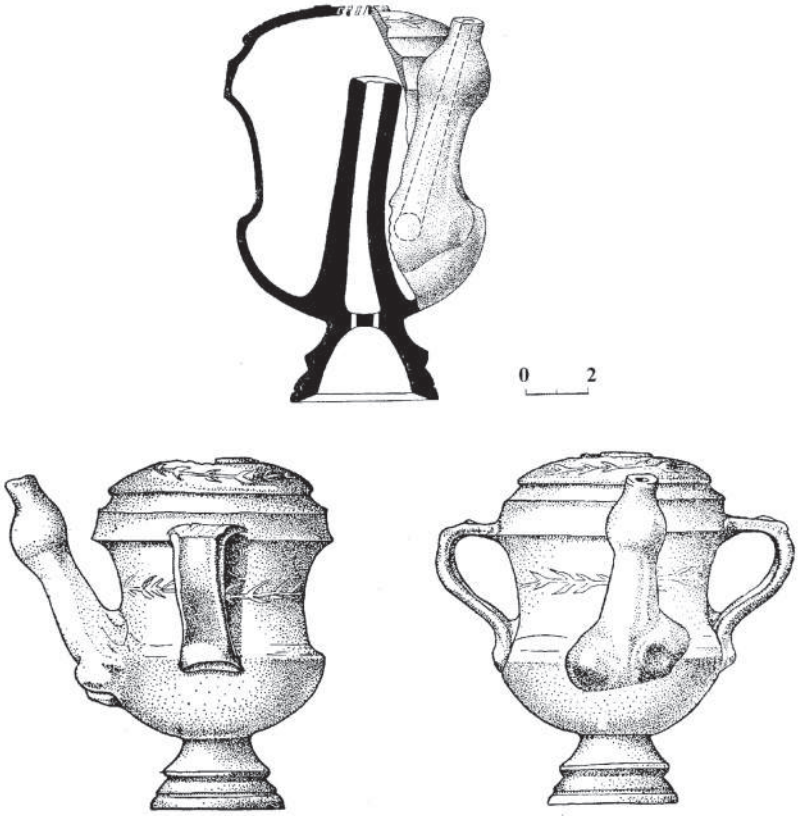


Рис. 5. Сосуд с носиком в виде фалла. Мирмекий. Керченский историко-культурный заповедник (по: Гайдукевич 1958).

ленную пикантность и как нельзя лучше соответствовало атмосфере греческого симпосия.

До нашего времени сохранилось немало античных сосудов различных форм, получивших в современной литературе название сосудов «грязной шутки» (*dirty trick*). Среди них были килики с отверстием в ножке, вино из которых неожиданно проливалось на пьющего, сосуды с двойным дном, канфары, в конструкции которых использовался эффект сообщающихся сосудов, а вино то появлялось, то исчезало[17]. Все эти забавные аксессуары использовались во время симпосиев. Основная цель их использования состояла в том, чтобы повеселить собравшихся на пирушке[18]. Известны шутливые сосуды и в Северном Причерноморье, хотя внимание на них обратили совсем недавно[19].

Рассмотренные выше сосуды относятся к сравнительно редкой группе греческой керамики, где носиком сосуда служил фалл в состоянии эрекции (рис. 6). Появившись в VI в. до н.э. (а их прототипы известны и с микенского времени), такие сосуды имели самые разнообразные формы — канфары, ритоны и т.п. и использовались, в частности, во время симпосиев. Известны изображения близких сосудов и в античной вазописи. Так, на внутренней стороне килика, ранее находившегося в частном собрании в Париже, представлена обнаженная гетера, держащая в руках сосуд с носиком в виде фалла (рис. 8, *1*).

Назначение сосудов с носиком в виде фалла могло быть двояким. С одной стороны, как уже отмечалось выше, они использовались во время симпосиев, с другой, возможно, могли служить воплощением мужской силы божества и применяться в ритуальных целях. В этом контексте упомянем чернофигурные килики, донца которых оформлены в виде мужских гениталий. Подобные сосуды происходят, например, из собраний музея Ашмолеан в Лондоне[20] и Исторического музея в Москве[21]. Помимо подобного, вероятно, шутливого, оформления донца, наружная поверхность этих киликов украшена характерными изображениями магических глаз, что может говорить и об их использовании в качестве апотропеев.

Наглядный пример использования подобного сосуда в жизни иллюстрирует роспись на килике из музея Метрополитен в Нью-Йорке (рис. 8, *2*). На известном сосуде мастера Триптолема (ок. 480 г. до н.э.) из Античного собрания Берлинских музеев среди сосудов, используемых в симпосии, представлен один с носиком в виде фалла (рис. 9)[22].

---

[17] Vickers 1975; 1980; Kilinski II 1986.

[18] В описании пира Тримальхиона у Петрония (LX) сохранилось интересное описание «…я взглядываю на стол, а тут уж стояло блюдо с пирогами; посреди красовался слепленный булочником Приап и держал в широком переднике всякие плоды, гроздья, поддерживая их обычным для себя способом. Мы не без алчности потянулись было к этой роскоши, когда новое театральное действо освежило наше веселие. Все эти пироги, все плоды при малейшем прикосновении брызгали шафраном, так что терпкая влага достигала лица» (перевод А.К. Гаврилова).

[19] Круглов 2004, 103-108.

[20] Про этот сосуд К.Джонс образно пишет: ¨There is probably a combination here of good-luck symbol and humour” (Johnes 1982, 93).

[21] До 1945 г. этот сосуд находился в собрании Берлинских музеев (Журавлев 2006, 96-97, № 106).

[22] Backe-Dahmen, Kästner, Schwarzmaier 2010, 96; см. также другие публикации этой вазы: Boardman 1996, fig. 305; Kästner 2008, 65, Abb. 7.

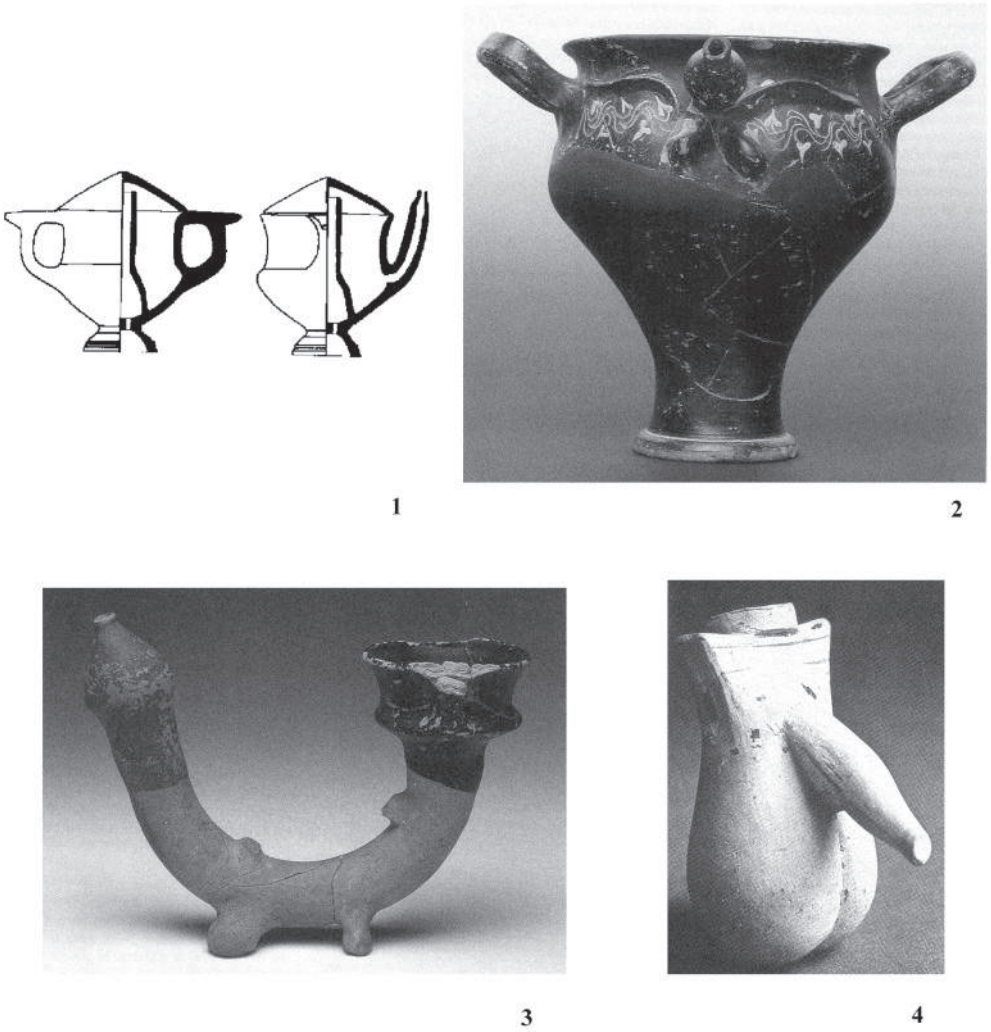


Рис. 6. Сосуды с носиком в виде фалла: 1 — Халкида (по: Χωρέμησ 2002, fig. 180). Конец IV — начало III в. до н.э.; 2–3 — Пелла. Археологический музей (по: Eros Grec… 1989, No. 75-76), конец III в. до н.э.; 4 — Лондон, Британский музей (по: Dierichs 1993, Abb. 80), 575–550 гг. до н.э.

Ранее я считал, что сосуды с носиками в виде фалла производились лишь в единичных экземплярах, исключительно на заказ[23]. С этим утверждением согласился и С. В. Кашаев, усмотревший противоречие в моих словах о редкости подобных сосудов, но о широком использовании сосудов *dirty trick* в практике симпосиев. Он предлагает мне «выбрать что-нибудь одно: либо они широко использовались, либо производились в единичных экземплярах»[24]. Я по-прежнему

[23] Журавлев 2004б, 144.
[24] Кашаев 2006, 178.

уверен в том, что использование шутливых сосудов разнообразной формы было достаточно массовым. Более того, находки последних лет на Таманском полуострове (на сельских поселениях Вышестеблиевская 11 и Голубицкая 2) подтверждают факт, что использование подобных сосудов отнюдь не было прерогативой только городских жителей.

Рис. 7. Килик с ножкой в виде мужских гениталий. ГИМ (до 1945 г. — Государственные музеи Берлина). Последняя треть VI в. до н.э. Фото И. А. Седенькова.

В своей заметке С. В. Кашаев задается вопросом, «богатый селянин приобрел для себя эту диковинку или ее оставил заезжий гость из города»[25]. Разумеется, точного ответа мы не узнаем никогда, но сегодня мы должны говорить о значительно более широком, чем предполагалось ранее, распространении практики использования сосудов с носиком в виде фалла в быту различных категорий населения Боспорского царства. В 2011 г. подобный же носик был найден в Фанагории[26] — вот и еще одна неизвестная ранее находка! Сколько же аналогичных сосудов и их фрагментов хранится в фондах отечественных музеев — неизвестно никому.

То, что подобные сосуды еще неоднократно будут обнаружены как при раскопках северо-причерноморских памятников, так и в музейных хранилищах, сомнений нет никаких. Дело и в желании их публиковать и, конечно же, в правильной атрибуции. Недавно был опубликован комплекс ботроса из Ольвии, в составе которого был найден еще один подобный сосуд (рис. 10)[27]. В. В. Крапивина атрибутировала его так: «Очевидно, к V в. до н.э. относится фрагментарно сохранившийся краснофигурный флакон уплощенной грушевидной формы, с узким горлом и вертикальной ручкой с обратной стороны… Он был сделан из двух половин, шов соединения которых отчетливо прослеживается по внутренней поверхности. Вероятно, на лицевой стороне была изображена личина, от которой сохранилась только часть волос, ее обрамлявших. На боковой стенке флакона небрежно проца-

[25] Кашаев 2006, 177.
[26] Благодарю Ю.Кузьмину (ИА РАН) за предоставленную информацию.
[27] Крапивина 2006, 188-198.

рапано граффито АФРОΔΙΤΗΙ»[28]. Не вызывает никаких сомнений, что перед нами сосуд в форме мужских гениталий; посвящение же его Афродите противоречить такой трактовке не может никак. Из близких сосудов укажем на датированный 575–550 гг. до н.э. коринфский сосуд для масла из Британского музея в Лондоне (рис. 6, *4*)[29].

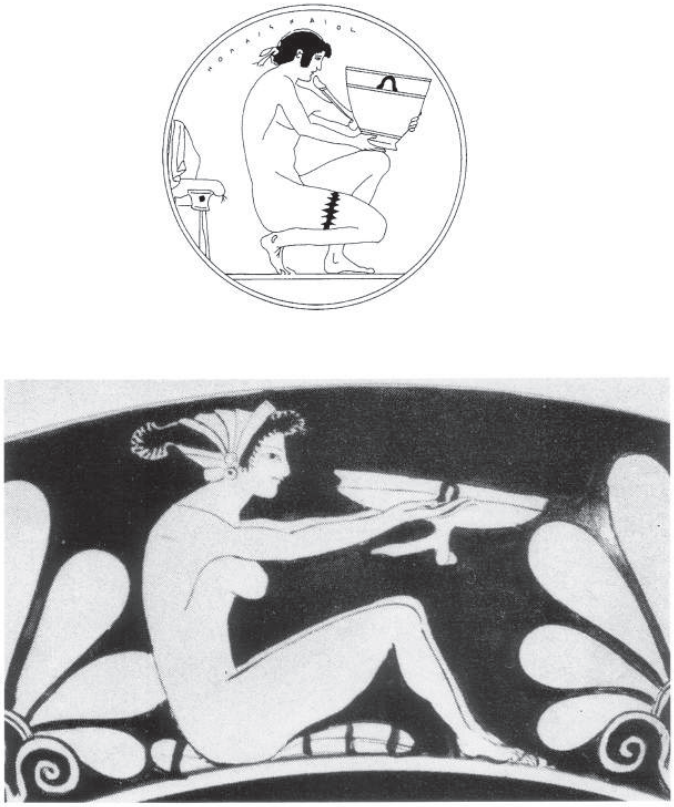


Рис. 8. Гетеры с сосудами: 1 — Париж, частное собрание (по: Dierichs 1997, Abb. 101), около 490 гг. до н.э.; 2 — Нью-Йорк, музей Метрополитен (по: Dierichs 1993, Abb. 102).

Наиболее сложен вопрос о датировке публикуемого фрагмента носика сосуда в виде фалла с поселения Голубицкая 2. Как уже отмечалось выше, этот обломок был найден не в комплексе, а в пахотном слое. Можно лишь указать на то, что на Раскопе 2 в основном встречен материал VI–V вв. до н.э., а более поздние фрагменты редки. Но это обстоятельство, к сожалению, не может помочь нам при датировке. Все аналогии, рассмотренные выше, датируются в основном в пределах III в. до н.э., но они не являются абсолютно полными. По всей видимости, мы должны исходить из общей хронологии этого участка памятника и, таким

[28] Крапивина 2006, 194.
[29] Johns 1982, 93, fig. 74; Dierichs 1993, Abb. 80.

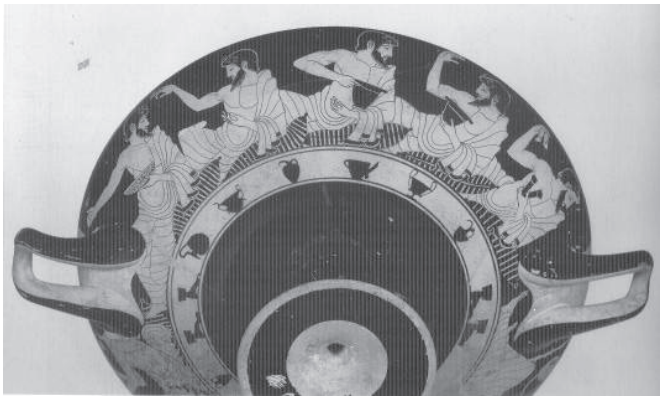


Рис. 9. Изображение симпосия на аттическом краснофигурном килике. В нижнем фризе — сосуды, используемые пирующими, в том числе и сосуд с носиком в виде фалла. Мастер Триптолем, около 480 г. до н.э. (по: Backe-Dahmen, Kästner, Schwarzmaier 2010, 96).

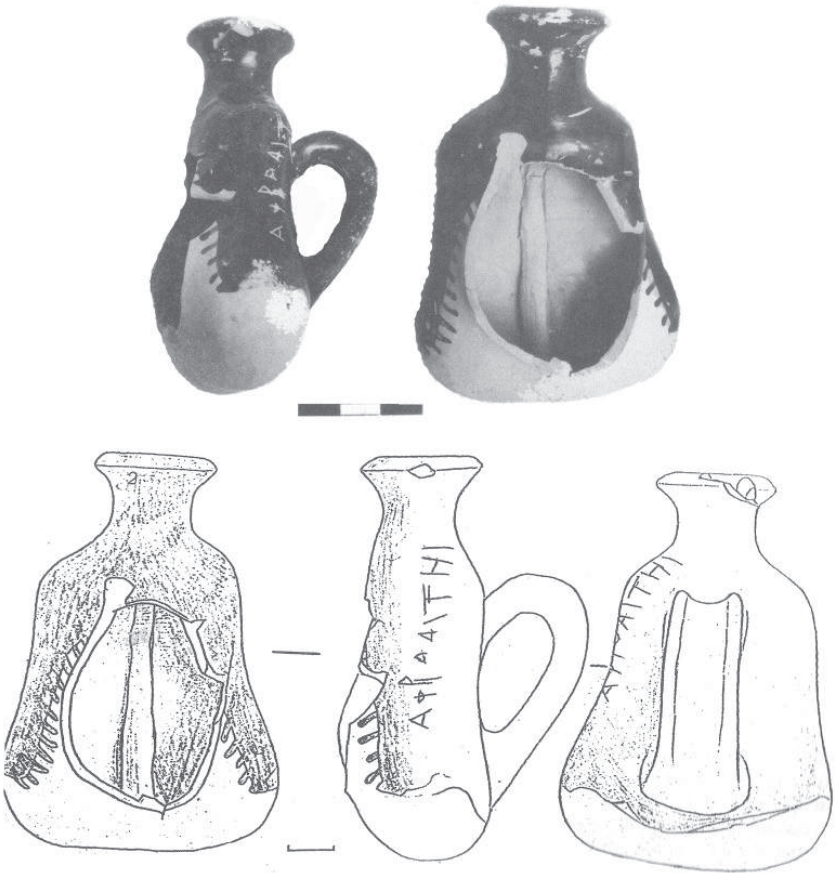


Рис. 10. Краснофигурный сосуд в виде мужских гениталий. Ольвия. V в. до н.э. (по: Крапивина 2006, табл. I, 7; рис. 2).

образом, датировать нашу находку классическим временем (наиболее вероятно — V в. до н.э.). Центр производства сосуда с носиком в виде фалла определить также затруднительно. Исходя из визуальных характеристик глины (в первую очередь — присутствие примеси слюды), можно лишь однозначно говорить о его не боспорском (а, скорее, о малоазийском) происхождении.

ЛИТЕРАТУРА

Винокуров Н. И. 2007: Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья // БИ. Supplementum 3.

Гайдукевич В. Ф. 1958: Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. 85. М.; Л.

Грицик Е. В. 2009: Эллинистическая керамика с рельефными изображениями Symplegma из раскопок Мирмекия // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 223-227.

Журавлев Д. В. 2004а: *Ολισβος* из Пантикапея, или еще раз об интимной жизни в античном Северном Причерноморье // ДБ. 7, 127-149.

Журавлев Д. В. 2004б: Шуточный кубок из Мирмекия // БИ. 5, 142-159.

Журавлев Д. В. (ред.). 2006: Любовь и Эрос в античной культуре. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М.

Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д. 2010: Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н.э. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин (ред.). М.; Киев, 69–73.

Кашаев С. В. 2006: Фигурный носик сосуда из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийсий и варварский мир в период античности и средневековья / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 176-179.

Крапивина В. В. 2006: Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Тр. ГИМ. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной / Д. В. Журавлев (ред.). М., 188-198.

Круглов А. В. 2004: Необычные античные вазы // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников / В. Ю. Зуев (ред.). СПб., 103-108.

Мирмекий 2006: Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб.

Backe-Dahmen A., Kästner U., Schwarzmaier A. 2010: Greek vases. Gods, Heroes and Mortals. Antikensammlung — Staatliche Museen zu Berlin. Tübingen; Berlin; London.

Boardman J. 1996: Athenian Red Figure Vases. The Archaic Period. London.

Dierichs A. 1993: Erotic in der Kunst Griechenlands. Mainz am Rhein.

Eros Grec 1989: Eros Grec. Amour des Dieux et des Hommes. Galeries Nationales du Grand Palais. 6 novembre 1989 — 5 février 1990. Athènes, 5 mars – 5 mai 1990. Athènes.

Johns C. 1982: Sex or Symbol? Erotic Images of Greece and Rome. New York.

Kästner U. [Kästner U.] 2005: Staatliche Museen zu Berlin. Dokumentation der Verluste. Antikensammlung. Bd. V.1. Sculpturen. Vasen. Elfenbein und Knochen. Goldschmuck. Gemmen und Kameen. Berlin.

Kästner U. 2008: Attische Vasen mit Dionysosdarstellungen. Gefäßform und Dekoration // Dionysos. Verwandlung und Ekstase / R.Schlesier, A. Schwarzmaier (hrsg.). Berlin, 55-69.

Kilinski K. II. 1986: Boeotian Trick Vases // AJA. 90/2, 153-158.

Vickers M. 1975: A Dirty Trick Vase // AJA. 79/3, 282.

Vickers M. 1980: Another Dirty Trick Vase // AJA. 84/2, 183-184.

Χωρέμησ Α. Κ. 2002: Ισιοτυπα αγγεία από τα ελληϖιστικά νεκροταφεία της Χαλκίδας // Ε' Επιστημονική Συναντήσε για την Ελλενιστική Κεραμική. Χρονολογικα προβληματα. Κλειστα Ευνολα — Εργαστηρια. Πρακτικα. Αφηνα.

Χατζηδάκης Π. Ι. 2004: Ειδωλιόμορφα σκεύη από τη Δήλο // Επιστημονική Συναντήσε για την Ελλενιστική Κεραμική. Χρονολογικα προβληματα. Κλειστα Συνολα — Εργαστηρια. Βολος. 17–23 Απριλου 2000. Πρακτικα. 367–392.

FUNNY DRINKING VESSEL FRAGMENT FROM TAMAN PENINSULA

D. V. Zhuravlyov

The article presents a fragment of the 5th century BC ceramic Greek drinking vessel with a phallus-shaped spout ("dirty trick"), found in the settlement of Golubitskaya 2 in Taman Peninsula. It also considers similar finds both in and beyond Northern Black Sea Region.

Key words: classical archaeology, Northern Black Sea Region, vessel with a phallus-shaped spout, ancient Greek symposion.

© 2012

А. Н. Букина

КОРИНФСКИЕ КОТИЛЫ ШАБЛОННОГО СТИЛЯ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В Государственном Эрмитаже хранится группа целых и фрагментированных коринфских глиняных чашек-котил с росписью шаблонного стиля из раскопок в Северном Причерноморье. В статье суммируется их типология, датировки (от второй четверти 6 до конца 5 века до н. э.), статистика находок в четырех причерноморских центрах (Березань, Ольвия, Нимфей, Пантикапей), представлены таблицы профилей, охарактеризовано место котил шаблонного стиля в общей системе классификации керамических сосудов древнего Коринфа.

Ключевые слова: коринфская расписная керамика, шаблонный стиль, котила, Березань, Ольвия, Нимфе, Пантикапей.

Котила — греч. «углубление, чашка»[1]; так же называлась мера жидких и сыпучих тел[2]. Применение слова «котила» к чашам, рассматриваемым в нашей статье, соответствует научной традиции, заложенной Т. Панофкой и его «Исследованием подлинных названий греческих ваз»[3]. Следуя Панофке, современные специалисты подбирают греческим вазам квазидревнегреческие названия, кото-

---

Букина Анастасия Геннадьевна — научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, кандидат искусствоведческих наук. E-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru

[1] Поспишил 1890, 531.

[2] Lang, Crosby 1964, 44–47.

[3] Panofka 1829.

рые они, на тех или иных основаниях, выводят из античных письменных источников. Вероятно, что «котила» — один из тех терминов, который употребляется «в общем корректно»[4]. В связи с коринфским гончарным производством котилой называют чашу с широким туловом, сужающимся книзу, прямым краем, округло выпуклыми стенками, двумя горизонтальными петлеобразными ручками, круглыми в сечении, на кольцевом поддоне, край которого отогнут наружу. Эта форма была изобретена в Коринфе[5], и котилы преобладали среди керамических чаш для питья из Коринфа уже начиная с позднего геометрического периода (после ок. 750 — ок. 725/720 гг. до н. э.). Сохранились многочисленные сосуды этой формы с чернолаковым декором и росписью в разном стиле протокоринфского[6] (ок. 725/720 — ок. 620/615 гг. до н. э.) и зрелого коринфского[7] периодов (ок. 620/615 гг. до н. э.).

Чтобы оценить, какое место занимают среди этих памятников котилы именно шаблонного стиля, необходимо кратко охарактеризовать систему производства чаш указанной формы в целом. Поэтому отметим, что с конца VII в. до н. э. это производство в Коринфе носило массовый характер; это было связано с тогдашним широким общесредиземноморским экспортом коринфских керамических сосудов вообще[8]. При этом, как полагал Дж. Бенсон, уже в конце VII в. до н. э. хозяева гончарных мастерских Коринфа столкнулись с растущей конкуренцией со стороны афинских производителей чаш для питья. Они были вынуждены предложить покупателям товар нового стандарта (большей вместимости и с более привлекательным, чем ранее, декором)[9]. Форма котил начала меняться. На смену высоким узким чашам протокоринфского периода, для которых также был характерен выпуклый профиль дна, пришли котилы, в которых можно проследить общую тенденцию к расширению тулова и ко все более горизонтальному дну[10]. Чаши раннего коринфского периода (ок. 620/615 — ок. 595/590 гг. до н. э.) отличаются равномерной выпуклостью стенок и все еще узким поддоном[11]. Потом появились котилы среднего коринфского периода (ок. 595/590 — ок. 570 гг. до н. э.); они стали шире, площадь дна постепенно увеличилась, а стенки понемногу стали спрямляться.

Что касается декора керамических котил, то изделия лучшего качества украшали чернофигурной росписью. В условиях нового массового производства для них, наряду с новой формой, был выработан новая основная схема росписи. Снаружи чаши у края рисовали пояс с язычками, ниже фриз с животными (чаще всего с пантерами и козлами) и густо заполняли фон фриза орнаментом; у дна, как правило, размещали фриз с направленными вверх лучами; дно снизу декорировали концентрическими кольцами, внутри сосуд окрашивали лаком. Изображения в чернофигурном стиле исполняли, нанося на поверхность вазы силуэты фигур и элементы узоров при помощи темной гончарной краски («лака»); изображение

[4] Boardman 1974, 195.
[5] Coldstream 2003 (1977), 168.
[6] Benson 1989; Schaeffer, Ramage, Greenewalt 1997, 8–15.
[7] См. Benson 1983.
[8] Benson 1985.
[9] Benson 1985.
[10] Amyx 1989, 458.
[11] Blegen, Palmer, Young 1964, 105.

дополняли наложенными по лаку земляными красками (прежде всего, красной охрой, т. н. «пурпуром», и красками других оттенков), а также белилами; внутренние контуры гравировали (иногда гравировки заполняли белой краской).

Систематизация коринфских мастеров, которые занялись с конца VII в. до н. э. производством подобных росписей, как полагал тот же Бенсон, позволяет выделить среди них вазописцев наивысшей квалификации (они обращались к росписи котил время от времени), компетентных вазописцев средней руки (они специализировались в росписях котил, и их изделия имеют вполне приемлемое художественное качество) и широкий круг второстепенных мастеров-подражателей (настоящая массовая продукция)[12]. Кроме чернофигурной, в арсенале коринфских вазописцев было еще несколько техник декорирования сосудов вообще и котил в частности. Более того, число сохранившихся коринфских чернофигурных ваз — составлявших, очевидно, сегмент продукции наивысшего качества — уступает числу сосудов, целиком декорированных темным лаком (чернолаковых) или расписанных без гравировки.

Основную современную классификацию коринфских чернолаковых котил предложила Х. Палмер[13]. Из наблюдений, сделанных этим автором, мы можем заимствовать размерную классификацию коринфских керамических котил вообще: полноразмерные (выс. более 8 см), маленькие (выс. 5–8 см) и миниатюрные (менее 5 см в высоту)[14]. Мы будем применять эти термины для характеристики чаш шаблонного стиля. Нужно отметить, что все описанное выше относится, прежде всего, к истории производства и эволюции полноразмерных коринфских котил.

Что касается расписных чаш этой формы, декорированных без гравировки, то на них встречаются фигурные изображения силуэтного стиля[15] и орнаменты линеарного[16] и шаблонного стилей. Такой декор исполняли только кистью, без дальнейшей деталировки резьбой и без нанесения накладных охр и белил. Технически эти типы росписи (как орнаментальные, так и фигурные) продолжают традицию, сложившуюся в вазописи геометрического периода[17]. Примечательно, что среди котил с изображениями животных в силуэтном стиле преобладают маленькие. Возможно, декорирование маленьких (вероятно, более дешевых) чаш естественным образом входило в сферу деятельности вазописцев низшей квалификации, а не мастеров-специалистов в чернофигурной росписи. Это определенно можно отнести также к производству ваз с орнаментальными росписями, в том числе — шаблонного стиля

Термин «шаблонный» (Conventionalizing) ввела А. Ньюхолл (Стилвелл)[18], чтобы обозначить керамику, которую массово стали производить в Коринфе после того, как перестали массово же изготавливать керамику с чернофигурной росписью (в терминологии Ньюхолл «ориентализирующего стиля»); перемена

[12] Benson 1985, 17.
[13] Pemberton 1989, 25–28.
[14] Blegen, Palmer, Young 1964, 105, 123.
[15] Букина 2010а.
[16] Букина 2010б.
[17] О геометрической керамике в Коринфе см. Coldstream 2003 (1977), 167–190.
[18] Русский эквивалент термина был закреплен в работах С. П. Борисковской; см. Борисковская 1966.

в структуре производства произошла ко второй половине VI в. до н. э.[19] Эволюция и употребление термина в более поздних исследованиях недавно прослежены в работе М. Ризер[20]; напомним, что он встречается в работах М. Кемпбел[21], Р. Хоппера и Т. Дж. Данбэбина[22], Э. Пембертон[23], и в настоящее время, в целом, может считаться общепринятым в отношении коринфских расписных ваз, изготовленных позже 550 г. до н. э. («post–550 B. C. Corinthian pottery»[24]).

При переходе к шаблонному стилю было закреплено упрощение техники росписи (без гравировки, при этом красную краску использовали для рисования наряду с темным лаком). Причины такого изменения до конца не ясны, но, возможно, все произошло потому, что после середины VI в. до н. э. в коринфских гончарных мастерских (очевидно, по коммерческим соображениям) перестали «инвестировать в мастеров высшего уровня, обладавших воображением и оригинальностью» и принялись за производство исключительно ваз с орнаментальным декором[25]. Сосуды шаблонного стиля, в самом деле, по преимуществу, украшены не фигурной росписью, а орнаментальной — как с геометрическими, так и с растительными узорами. Тенденция наметилась еще в первой четверти VI в. до н. э., когда коринфяне начали изготавливать сосуды т. н. белого стиля[26]. На них простым орнаментом были украшены те же второстепенные зоны, что и на чернофигурных сосудах (края, венчики, нижние части стенок, крышки). Основные части — середины тулов, плечиков, внутренние части открытых сосудов белого стиля — оставлялись пустыми, «белыми». В шаблонном стиле узоры, происходящие от второстепенных орнаментов более раннего периода, стали основой декора и распространились на всю поверхность вазы. Изделия шаблонного стиля могли быть очень нарядными, но, все же, они значительно уступают в эффектности облика как более ранним коринфским[27], так и афинским чернофигурным вазам VI–IV вв. до н. э.[28] Несмотря на это, сосуды шаблонного стиля составляли одну из статей коринфского ремесленного экспорта повсюду в Средиземноморье[29]. В то же время, из-за скромности своего художественного облика керамика шаблонного стиля долгое время не была в достаточной степени исследована, пока не получила адекватное определение, классификацию и хронологию в работах М. Ризер[30].

Суммированная Ризер типология исключительно актуальна для исследования материалов из раскопок античных центров Северного Причерноморья. В самом деле, в наибольшем количестве в них встречается коринфская расписная керамика, произведенная как раз не раньше срединных десятилетий VI в. до н. э. Описы-

[19] Newhall 1931, 16.
[20] Risser 2001, 2–3.
[21] Campbell 1941.
[22] Dunbabin 1962.
[23] Pemberton 1989.
[24] Risser 2001, 2.
[25] Benson 1985, 18.
[26] О разных подходах к разграничению признаков шаблонного и «белого» стилей коринфской керамики см. Букина 2012.
[27] Payne 1931, 59–60; Weinberg 1943, 83, 85.
[28] Arafat, Morgan 1989, 311–346.
[29] О керамике шаблонного стиля на Западе Средиземноморья см.: Lyons 1996; Risser 2001, 174–175.
[30] Risser 2001 (см. обзор предыдущей литературы там же); Risser 2003, 157–166.

вая систему экспорта подобных изделий, Ризер отметила, что он всегда считался количественно и географически незначительным[31] и что в то же время материалы из раскопок за пределами Коринфа показывают совсем иную картину. При этом исследовательница могла использовать публикации памятников из греческих центров, из Италии и нескольких мест на северо-востоке Средиземноморья (в Северном Причерноморье — не восточнее Истрии). Материалы, позволяющие судить об экспорте коринфской керамики шаблонного стиля в Северное Причерноморье, в настоящее время в сколько-нибудь значительном объеме не опубликованы. До сих пор единственной специальной работой, в которой содержится аналитический обзор эрмитажных материалов (с привлечением некоторых предметов шаблонного стиля из Северного Причерноморья, принадлежащих другим собраниям), является статья С. П. Борисковской[32]. Прямо или опосредованно на ее данных основываются все соответствующие публикации за последние сорок лет[33]. Памятники из некрополя Ольвии были воспроизведены в каталоге В. М. Скудновой, который также редактировала Борисковская[34], и еще ряд ваз и фрагментов были опубликованы другими авторами[35], наиболее полно — материалы из березанской коллекции Государственного Эрмитажа[36].

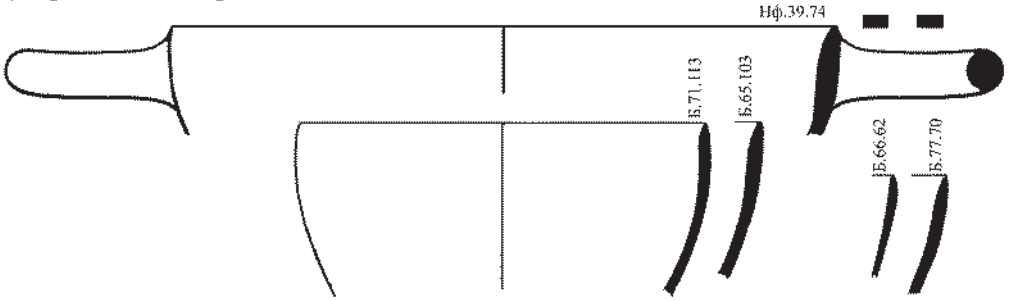


Рис. 1. Котилы «с лотосами».

Из более чем ста семидесяти образцов керамики шаблонного стиля, которые происходят с острова Березань, из Ольвии, Пантикапея, Мирмекия, Нимфея и с Таманик котилы и их фрагменты составляют основную часть — более сотни экспонатов. Среди них представлены все размеры (от миниатюрных до полноразмерных), а также фрагмент с ручкой и частью края очень крупной — т. н. «большой» — котилы. Фрагмент был найден на городище Нимфея (инв. № Нф. 39.74)[37] (рис. 1). Диаметр края этой чаши должен был достигать примерно 24 см (с ручками около 36 см) против 9–11 см (и 13–17 см соответственно), характерных для обычных полноразмерных котил. Чашу такой величины можно было использовать

[31] Benson 1985, 18.
[32] Boriskovskaya 1967, 425–429.
[33] Копейкина 1986, 27–47; Корпусова 1987, 53–57; Bouzek 1990, 38–39.
[34] Скуднова 1988, кат. 7,3; 7,4; 27,1; 32,4; 32,11; 52,4; 56,2; 86,9; 95,1; 95,2; 97,13; 101,5; 110,1; 112,2; 122,2; 142,1; 149,1–2; 155,1; 158,2; 182,11; 188,2; 227,1; 232,3; 243,9; 254,3; 263,1; 265,2.
[35] Шмидт 1952; Худяк 1952, 232 — 282; Скуднова 1956, 128–138; Борисковская 1999, кат. 35; Соловьев 2005, кат. 117–120.
[36] Букина 2010в, 7–141.
[37] Юго-восточная часть, участок В, кв. 11, раскопки М. М. Худяка (полевой № Н. 39.68).

не для питья, а скорее для смешивания вина с водой, наподобие кратера; большие коринфские котилы немногочисленны, но найдены как в Коринфе, так и в Фивах, Айя Ирини, Мегаре Гиблее, Токре. В связи с этой редкой находкой необходимо отметить, что среди причерноморских сосудов и фрагментов шаблонного стиля, хранящихся в Эрмитаже, нимфейские экспонаты составляют почти треть, и как раз среди них наблюдается наибольшее разнообразие форм.

На фрагменте нимфейской большой котилы сохранились части тонких линий, опоясывавших сосуд под ручками, и части язычков во фризе между ручками. Язычки продолжали составлять элемент декора котил шаблонного стиля, созданных в середине VI в. до н. э. Они характерны, прежде всего, для больших котил самого распространенного типа — с лотосовым орнаментом в верхней части тулова и лучами внизу. В целом, большие котилы «с лотосами» датируются от середины до третьей четверти VI в. до н. э.[38] Фрагменты полноразмерных котил «с лотосами» хранятся среди березанских материалов (инв. №№ Б. 71.113[39], Б. 65.103[40], Б. 77.70[41], Б. 66.62[42] (рис. 1). Первые три чаши (в силу особенностей исполнения декоративной схемы) можно датировать второй половиной VI в. до н. э.[43], а четвертую — скорее началом V в. до н. э.[44] Характерно, что к этой последней наиболее близка, очевидно, была поздняя чаша с лотосами, фрагмент которой поступил из раскопок некрополя Ольвии (инв. № Ол. 15362/2)[45].

Остальные котилы с росписью шаблонного стиля из Северного Причерноморья, хранящиеся в Эрмитаже (сто три экспоната), принадлежат к типу «с поясками» (banded)[46]. Среди них есть целые и фрагменты: восемьдесят три миниатюрные, девятнадцать маленьких и одна фрагментированная полноразмерная котила.

Миниатюрные котилы с поясками представляют собой один из самых распространенных типов приношений (в сакральном и погребальном контексте) во всех античных центрах, где встречается коринфская керамика[47]. Подобные сосуды поступали из всех перечисленных раскопок, за исключением таманских. Примечательна статистика относительно самого Коринфа: для погребений (до второй половины V в. до н. э.) миниатюрные котилы чрезвычайно характерны[48], в то время как в сакральном контексте преобладают миниатюрные калафы, фиалы и гидрии[49]. Возможно, что те чашечки, которые происходят из раскопок жилых домов, использовали в обрядах домашних культов[50]. Наконец, с ними могли играть дети,

[38] Risser 2003, 158–160.
[39] Букина 2010в, кат. 116.
[40] Букина 2010в, кат. 117.
[41] Букина 2010в, кат. 118.
[42] Букина 2010в, кат. 119.
[43] Ср. Payne 1931, n. 334; Boardman, Hayes 1973, pl. 7, n.1896; Dunbabin 1962, pl. 114, n. 2668, 2669; Blegen, Palmer, Young 1964, n. 258–1; Ingoglia 1999, cat. 669–678, 772–774.
[44] Ср. Blegen, Palmer, Young, 1964, no 288–1; CVA Fogg and Gallatin, pl. 5,18; CVA Heidelberg 1, taf. 16,6; CVA Varsovie 2, pl. 40,3.
[45] Некрополь, курган Е, из большой ямы на восток от центрального погребения; раскопки Б. В. Фармаковского (Опись 1912 г., № 120Е).
[46] Boardman, Hayes 1966.
[47] Risser 2001, 173–175.
[48] Blegen, Palmer, Young 1964, 105, 123,127.
[49] Pemberton 1989, 64; Kocybala 1999, 87.
[50] Risser 2001, 173–176.

и потому они часто встречаются (как и другие миниатюры) именно в детских погребениях[51]. Помимо известных нам эрмитажных миниатюрных котил с поясками, сейчас опубликованы предметы этого типа из разных боспорских центров[52], в том числе Гермонассы[53], Пантикапея[54], Мирмекия и Тиритаки[55].

Тип миниатюрной котилы с поясками впервые был подробно описан Х. Палмер[56]; в своей работе Палмер учла опыт классификации этих памятников, предпринятый Дж. Бордманом на материалах из раскопок святилища в Токре[57]. М. Ризер, разбирая массив памятников шаблонного стиля из раскопок Коринфа, выполнила систематическое исследование эволюции миниатюрных котил от второй четверти VI в. до н.э. до начала IV в. до н. э. В целом классификация Ризер базируется на том закрепленном ею положении, что форма миниатюрных котил изменялись в целом так же, как и форма полноразмерных[58]. Основываясь на ее работе, мы можем составить классификацию причерноморских памятников этого типа, хранящихся в Эрмитаже, и выделить среди них следующие группы:

1. (рис. 2) Самые ранние котилы (второй — третьей четверти VI в. до н. э.[59]) отличаются широким вместилищем, часто с выпуклыми стенками, а также чуть загнутым внутрь краем и большим диаметром поддона. Фрагменты подобных сосудов поступили в Эрмитаж из раскопок на острове Березань (инв. № Б. 68.35[60]), из Ольвии (инв. №№ Ол. 3059[61]; Ол. 6435[62]; Ол. 14833[63]) и из святилища Деметры в Нимфее (инв. №№ Нф. 41.540[64]; Нф. 46.87[65]; Нф. 46.88[66]). Два из трех нимфейских фрагментов (инв. №№ Нф. 46.87; Нф. 46.88) были найдены в слое пожарища, который, как отмечал М. М. Худяк, непосредственно перекрывал вымостку наиболее раннего нимфейского святилища[67]. Кроме формы, мы должны отметить особенности орнамента по краю этих ранних чашечек. Волнистые язычки, похожие на сигмы, которые можно наблюдать на фрагменте № Ол. 6435, представляют собой наиболее ранний вариант декора между ручками миниатюрных котил; они встречаются на чашечках первой половины 6 в. до н. э.[68] Сигмы могли быть еще на чашечках третьей четверти 6 в. до н. э., но потом они «быстро выпадают из

[51] Dunbabin 1962, 290.

[52] Morgan, Tsetskhladze 2004, 165; см. также перечень современных русскоязычных публикаций Вдовиченко 2008, 56–58, 64, 80–81.

[53] Сидорова 1987, рис. 6г; Финогенова 2006, 337–354.

[54] Сидорова 1992, рис. 19г.

[55] Шмидт 1952, 237, рис. 7,1–4.

[56] Blegen, Palmer, Young 1964, 105, 123.

[57] Boardman, Hayes 1966.

[58] Risser 2001, 173–175.

[59] Risser 2001, 54; ср. также cat., 103–109.

[60] Поселение, раскопки К. С. Горбуновой; полевой № Бер. 68.168. Здесь и далее: все инвентарные сведения, а также сведения из документов о раскопках происходят из документов, хранящихся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа.

[61] Скуднова 1988, кат. 56,2.

[62] Городище (?), раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1906 г., № 1592.

[63] Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1906 г., № 750.

[64] Раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 41.65.

[65] Раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 46.153.

[66] Под фависсой 1941 года, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 46.154.

[67] . Худяк 1946, 8–9.

[68] Blegen, Palmer, Young 1964, 106, 123.

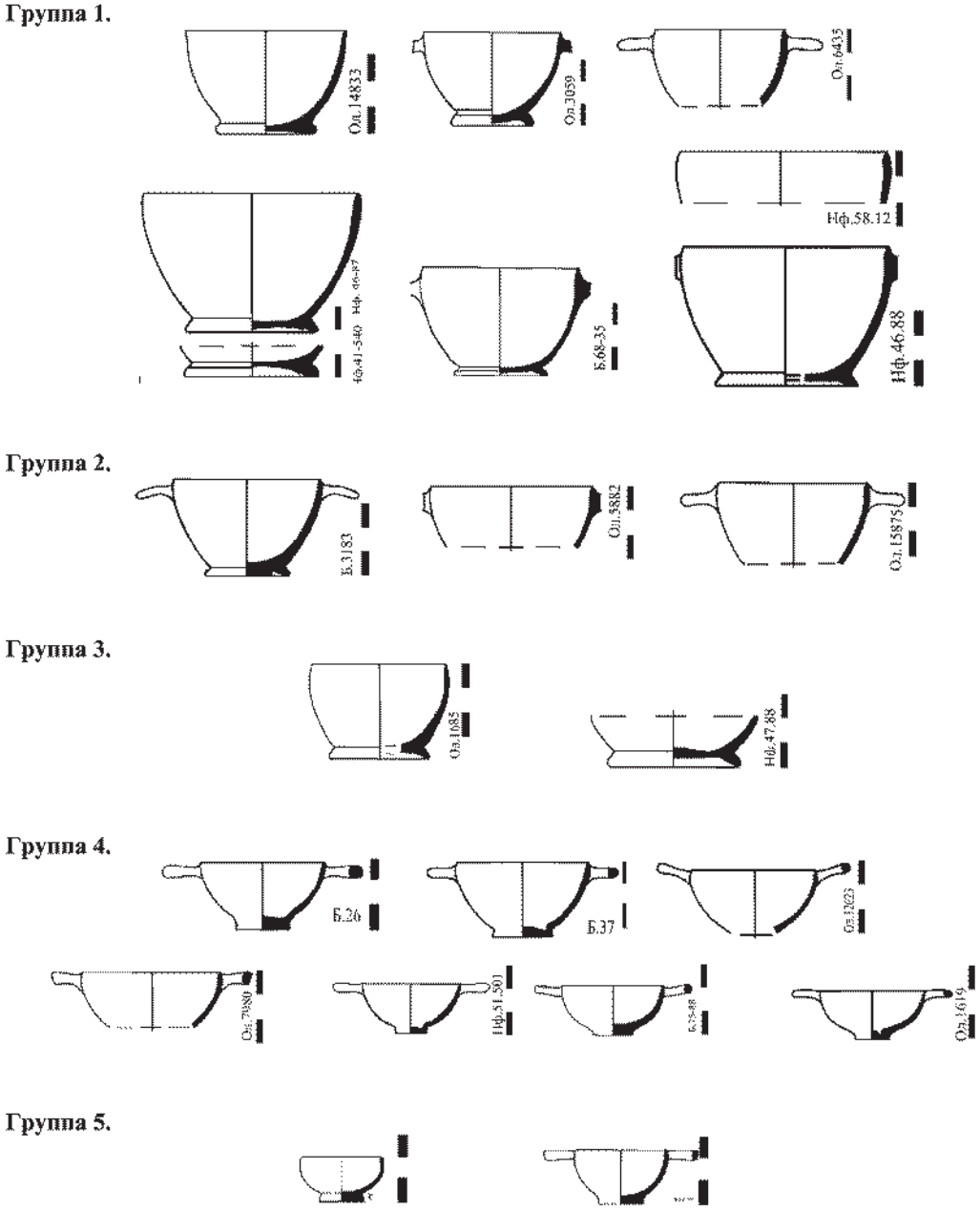


Рис. 2. Котилы с поясками групп 1–5.

репертуара шаблонного стиля»[69]. Зигзаг между ручками (как на № Ол. 3059), по разным оценкам, появился во второй половине VI в. до н. э.[70] или в третьей четверти столетия[71].

2. (рис. 2) У маленьких и миниатюрных котил, которые относят к началу второй половины 6 в. до н. э., тулово имеет несколько более прямой силуэт, и чем датировка ближе к концу столетия, тем прямее очертания стенок[72]. В эту серию мы должны включить памятники из Ольвии (Б. 3183 Инв. № ГР. 13806[73]; инв. № Ол. 5882[74]; Ол. 15875[75]).

3. (рис. 2) Чуть позже — концом третьей или последней четвертью VI в. до н. э. — мы могли бы датировать два сходных образца: из Ольвии (инв. № Ол. 1685[76]) и из нимфейского святилища Деметры (инв. № Нф. 47.88[77]). Нужно отметить, что фрагмент последней чашечки был тоже найден в слое пожарища на вымостке самого раннего святилища[78], как и образец из группы 1.

4. (рис. 2) Дополняют серию миниатюрных котил VI в. до н. э. самые маленькие чашечки с широким туловом (до 3 см высотой), которые Х. Палмер объединила в особый тип (miniature pattern skyphoi); такие чашечки, по ее мнению, производили со среднего коринфского периода (то есть, после 570 г. до н. э.) до последней трети VI в. до н. э. включительно[79]. Дж. Бордман выделил три типа таких наиболее миниатюрных котил с округлыми стенками с язычками на венчике. К первому (miniature kotylai. Type 1) он отнес сосуды с диаметром венчика 5,4–6,0 см[80], ко второму (miniature kotylai. Type 2) — с диаметром венчика 4,0–5,1 см[81]; чашечки обоих типов были найдены в слоях, датируемых от 590 до 520/510 гг. до н. э. М. Ризер подчеркнула, что эти миниатюрные котилы трудно датировать, и можно только утверждать, что в течение VI в. они имели низкий, широкий и выпуклый профиль[82]. У нас есть две чашечки, которые ближе всего к первому типу Бордмана: с Березани (инв. № Б. 37[83]) и из Ольвии (инв. № Ол. 7980[84]). Шестнадцать самых маленьких чашечек и их фрагментов можно сопоставить со вторым типом Бодмана. Это памятники с Березани (инв. №№ Б. 26[85]; Б. 75.88[86]; Б. 82.62[87]), из

69 Risser 2001, 55.
70 Blegen, Palmer, Young 1964, 106.
71 Risser 2001, 55.
72 Risser 2001, 54; ср. также cat. 114, 117.
73 Поступил в 1905 г. из Императорской Археологической Комиссии, куплен в Ольвии в 1903 г.
74 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1905 г., № 1153.
75 Скуднова 1988, кат. 86,9.
76 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Опись 1906 г., № 1194.
77 Раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 47.465.
78 Худяк 1946, 8–9.
79 Blegen, Palmer, Young 1964, 106.
80 Boardman, Hayes 1973, 14, cat. 1911–1921.
81 Boardman, Hayes 1973, 14, cat. 1922–1938.
82 Risser 2001, 68.
83 Букина 2010в, кат. 139.
84 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Опись 1906 г., № 1740.
85 Букина 2010в, кат. 136.
86 Букина 2010в, кат. 140.
87 Букина 2010в, кат. 145.

Ольвии (инв. №№ Ол. 1026[88]; Ол. 1619[89]; Ол. 7978[90]; Ол. 7979[91]; Ол. 7981[92]; Ол. 12623[93]; Ол. 13104[94]; группа из шести аналогичных миниатюр в одном погребении — Ол. 3379–3383, Ол. 3387[95]) и Нимфея (инв. № Нф. 51.501[96]). На одной из этих котил (Ол. 7978) с одной стороны можно отметить двойной ряд точек по краю, который связывают с образцами не позже середины 6 в. до н. э.[97].

5. (рис. 2) Третий тип наименьших котил, выделенный Бордманом (miniature kotylai. Type 3), — это очень маленькие чашечки (дм. венчика 2,9–3,9 см), с очень открытым вместилищем и язычками на венчике, нарисованными с большими промежутками[98]. Котилы третьего типа происходят из слоя, который дат. от 500 г. до первой четв. V в. до н. э. Мы можем рассмотреть в связи с этим три памятника — с острова Березань (инв. №№ Б. 91.47[99]; Б. 84.59[100]) и из Ольвии (Ол. 10956[101]).

6. (рис. 3) Стенки нормальных миниатюрных котил, датируемых концом VI в. до н. э., часто бывают почти прямыми; венчик у них иногда несколько загнут внутрь; в течение первой половины V в. до н. э. эволюция формы состояла в постоянном сужении вместилища[102]. Чашечки, которые в связи с этим можно датировать последней четвертью VI — началом V в. до н. э., как и более ранние образцы, поступили с острова Березань (инв. № Б. 64.128[103]), из Ольвии (инв. №№ Ол. 3926[104]; Ол. 15359[105]; Ол. 17829/2[106]) и из Нимфея (инв. №№ Нф. 41.538[107]; Нф. 51.459[108]). Отметим также еще одну миниатюрную котилу указанного типа и времени — из раскопок Пантикапея (инв. № П. 1903. 14[109]).

7. (рис. 3) Описанная выше тенденция к спрямлению абриса стенок усиливалась с течением V в. до н. э.[110] Поэтому несколько более поздним периодом (возможно, концом VI — первой четвертью V в. до н. э.) мы датируем миниатюрные котилы из раскопок на острове Березань (инв. №№ Б. 75.100[111]; Б. 76.83[112];

---

88 ИАК 13, 266, № 268; Скуднова 1988, кат. 7,3.
89 ИАК 13, 266, № 268; Скуднова 1988, кат. 7,4.
90 Городище (?), раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1908 г., № 3227.
91 Некрополь (?), раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1908 г., № 2368.
92 Городище (?), раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1908 г., № 3085.
93 Некрополь, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1913 г., № 503в.
94 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1908 г., № 3392.
95 Скуднова 1988, кат. 149,1–2.
96 Городище, у южного склона плато, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 51.595.
97 Bentz 1982, 19.
98 Boardman, Hayes 1973, 14, cat. 1939–1940.
99 Букина 2010в, кат. 14.
100 Букина 2010в, кат. 142.
101 Скуднова 1988, кат. 142,1.
102 Risser 2001, 54, cat. 124, 127, 138; ср. также: CVA Gela 2, tav. 25,2; Boardman, Hayes 1973, pl. 7, n. 1942.
103 Букина 2010в, кат. 152.
104 Скуднова 1988, кат. 227,1.
105 Некрополь, курган Е, насыпь, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1912 г., № 63.
106 Скуднова 1988, кат. 155,2.
107 Городище, святилище Деметры, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 41.114.
108 Городище, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 51.30.
109 ИАК 17, 7.
110 Risser 2001, 68.
111 Букина 2010в, кат. 141.
112 Букина 2010в.

Б. 89.66[113]; Б. 33[114]), в Ольвии (инв. № Ол. 5879[115]) и в Нимфее (инв. № Нф. 56.187[116]). Среди этих чашечек есть скифосы (№№ Б. 64.128; Нф. 51.459; Б. 33; Нф. 56.187); как скифосы обычно обозначают те коринфские котилы, у которых внешний профиль поддона имеет выпуклые очертания, а нижний край поддона загнут внутрь. Считается, что такие чаши воспроизводят афинский прототип.

8. (рис. 3) У котил, датируемых первой четвертью V в. до н. э., заметно развитие также более прямого в очертаниях венчика; тулово сужается117. Три подобных экземпляра были найдены на Березани (инв. №№ Б. 76.89118; Б. 77.66119; Б. 91.46120). Еще одна чаша из того же источника (инв. № Б. 85.30121) иллюстрирует наблюдение М. Ризер, которая отметила, что черточки, составляющие зигзаг вдоль края чашечки, в течение первой четверти V в. до н. э. приобрели несколько S-образную форму122.

9. (рис. 3) Кроме того, среди миниатюрных котил первой четверти V в. до н. э. (или немногим позже) можно отметить экземпляры с ножкой особой формы (double-ring foot): внутри основного поддона у них из дна выступает еще одно рельефное кольцо[123]. Такая чашечка была куплена у Ж. Лемме вместе с другими «керченскими древностями» из его коллекции (инв. № Б. 2621[124]). Еще одна, с гораздо более развитым профилем поддона, поступила в Эрмитаж с примечанием «покупка Б. В. Фармаковского», что позволяет предполагать ее причерноморское происхождение (инв. № Б. 7866[125]). Котилы такого рода отличаются более сложным орнаментом (на тулове бывают пальметты, встречается орнаментальный декор дна — как на поле в середине, так и на нижних плоскостях обоих колец). На этом основании исследователи высказывают предположение о существовании особых мастерских, где специализировались на производстве этих сосудов. На котиле Лемме сохранилась часть росписи ярко-красной и черной красками, и это позволяет предположить, что чаша могла быть изготовлена в Мастерской мастоса[126]. Для изделий названной мастерской характерны ярко-красная краска, сходный профиль и размер котилы[127], а также аналогичный ломаный меандр в зоне ручек, исполненный черной краской[128].

10. (рис. 3) Для котил второй четверти V в. до н. э. характерны очень прямые стенки, расходящиеся к прямому (или иногда все еще чуть загнутому внутрь)

---

113 Букина 2010в, кат. 125.
114 Соловьев 2005, кат. 119; Букина 2010в, кат. 129.
115 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1905 г., № 751.
116 Городище, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 56.59.
117 Risser 2001, 54.
118 Букина 2010в, кат. 131.
119 Букина 2010в, кат. 124.
120 Букина 2010в, кат. 126.
121 Букина 2010в, кат. 132.
122 Risser 2001, 55.
123 Risser 2001, cat. 146, 150, 608.
124 Счет от 18 марта 1893 г.; Книга для записывания новых приобретений по Отделению Древностей № II (за 1893–1914 гг.), разворот 10.
125 Книга для записывания новых приобретений по Отделению Древностей № III (за 1915–1919 гг., и до 1957 г.), разворот 179.
126 Risser 2001, 151–152.
127 Risser 2001, cat. 652.
128 Risser 2001, cat. 653.

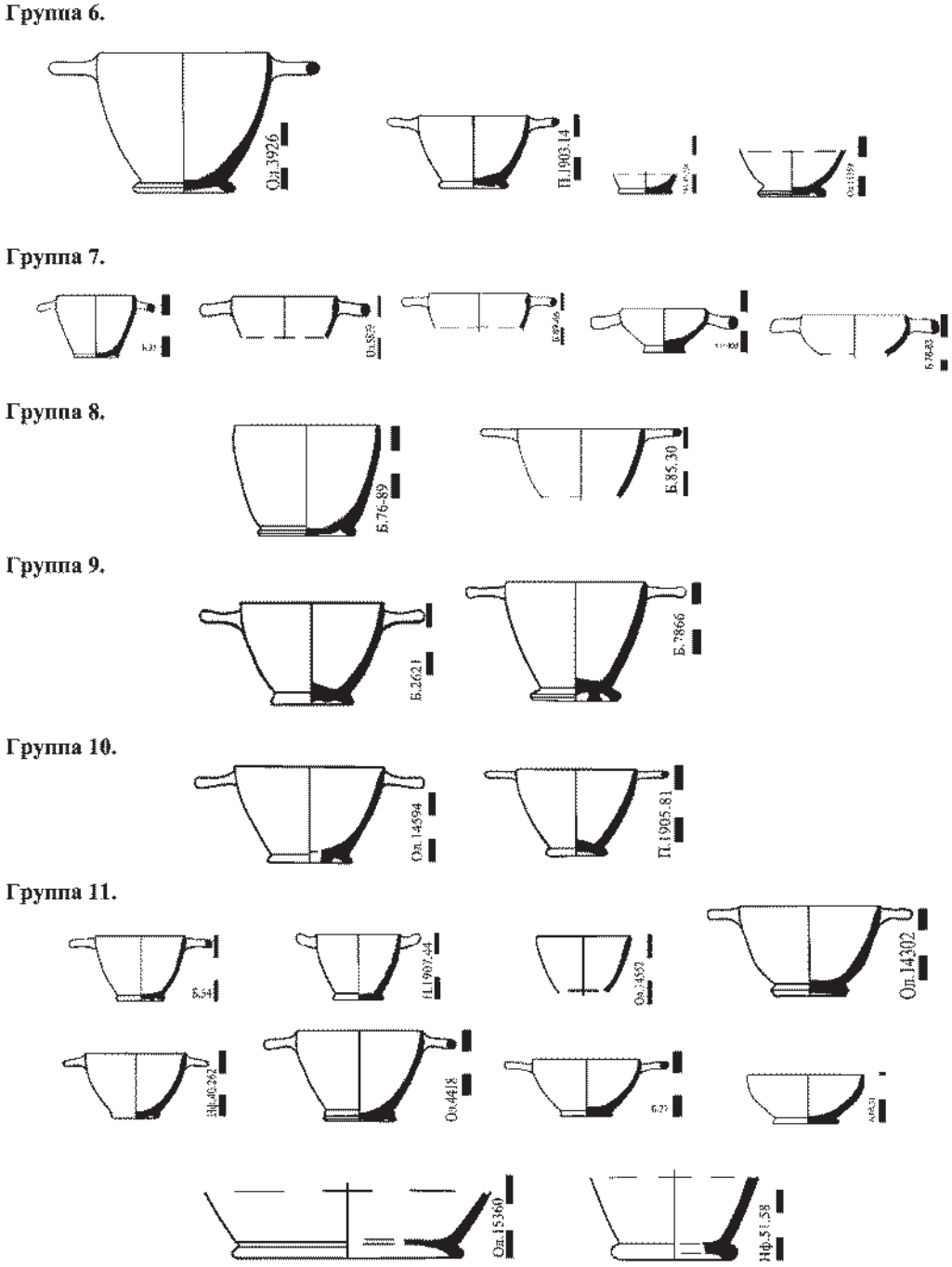


Рис. 3. Котилы с поясками групп 6–11.

венчику[129]. Такие образцы есть среди ольвийских (инв. №№ Ол. 14594[130]; Ол. 3376[131]) и пантикапейских находок (инв. № П. 1905.81[132]).

11. (рис. 3) Рамками первой половины V в. до н. э., очевидно, можно датировать еще группу сосудов из Ольвии (инв. №№ Ол. 1686[133]; Ол. 4418[134]; Ол. 5877[135]; Ол. 14302[136]; Ол.14552[137]; Ол. 15361[138]; Ол. 17702[139]), Березани (инв. №№ Б. 27[140]; Б. 68.31[141]; Б. 68.32[142]), Пантикапея (инв. №№ П. 1907. 44[143]; П. 1907. 56[144]). Фрагменты двух сходных по силуэту котил происходят из раскопок нимфейского святилища Деметры (инв. №№ Нф. 40.261[145]; Нф. 40.262[146]). Оба фрагмента были найдены между стеной самого раннего храма и берегом моря, с которым святилище Деметры граничило с востока[147] — в слое, которым в Нимфее, по мнению М. М. Худяка, были нивелированы самые ранние строительные остатки[148]. Близок по общему силуэту к этим миниатюрным и маленьким котилам единственный полноразмерный экземпляр, фрагменты которого происходят из некрополя Ольвии (инв. № Ол. 15360[149]). Первой половиной V в. до н. э. также можно датировать миниатюрные котилы с очень маленьким поддоном[150], подобные скифосу с острова Березань (инв. № Б. 34[151]).

12. (рис. 4) Дальнейшее развитие формы демонстрирует серия миниатюрных котил второй — третьей четвертей V в. до н. э.[152]. В рамках этой серии можно рассматривать эрмитажный миниатюрный скифос с Березани (инв. № Б. 67.9[153])

---

129 Risser 2001, 54.
130 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1905 г., № 330.
131 Скуднова 1988, кат. 95,2.
132 ИАК 30, 30–31, рис. 18.
133 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1906 г., № 1195.
134 Поступила в 1924 г. из ГАИМК, куплена в Ольвии в 1909 г.
135 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп.1905 г., № 202.
136 Поступила в 1934 г. из ГАИМК с другими ольвийскими материалами, обстоятельства и время находки неизвестны.
137 Городище (?), раскопки Б. В. Фармаковского, Оп. 1908 г. № 3504.
138 Некрополь, курган Е, раскопки Б. В. Фармаковского, Оп.1912 г., № 119Е.
139 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского, Оп. 1904 г., № 163.
140 Соловьев 2005, кат. 117; Букина 2010в, кат. 137.
141 Букина 2010в, кат. 150.
142 Букина 2010в, кат. 122.
143 Отношение Императорской Археологической Комиссии от 14 марта 1908 г. за № 433; приложение — Перечневая опись предметам древности, доставленным из раскопок, произведенных в 1907 г., Керчь, № 30; Рапорт от 30 марта 1907 за № 7, I.
144 ИАК 35, 26, рис. 13; ОАК 1907, 80, рис. 72; Payne 1931, 335.
145 Городище, святилище Деметры, ракушечный слой, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 40.14.
146 Раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 40.15.
147 Худяк 1940, 5–6, 12.
148 Худяк 1939, 11.
149 Некрополь, курган Е, насыпь, раскопки Б. В. Фармаковского. Оп. 1912 г., № 75е.
150 Ср. CVA Philadelphia, pl. 37, 2; Stillwell, Benson 1984, n.1689; Risser 2001, cat. 625.
151 Букина 2010в, кат. 128.
152 Risser 2001, cat. 170, 172; CVA Gela 2, tav. 25,4.
153 Букина 2010в, кат. 120.

и целую группу чашечек из Ольвии (инв. № Ол. 3375[154]; Ол. 3378[155]; Ол. 3679[156]; Ол. 3377[157]; Ол. 4270[158]; Ол. 5886[159]; Ол. 7982[160]). Один ольвийский экземпляр (Ол. 3679) отличается орнаментом между ручками — двойной ряд равнобедренных треугольников, направленных вершинами навстречу друг другу.

13. (рис. 4) Типологически чуть более поздними выглядят чашечки из Ольвии (инв. № Ол. 4251[161]) и Нимфея (Инв. № Нф. 53.6[162]; Нф. 88.153[163]). Возможно, их следует датировать от середины до третьей четверти 5 в. до н.э.[164]

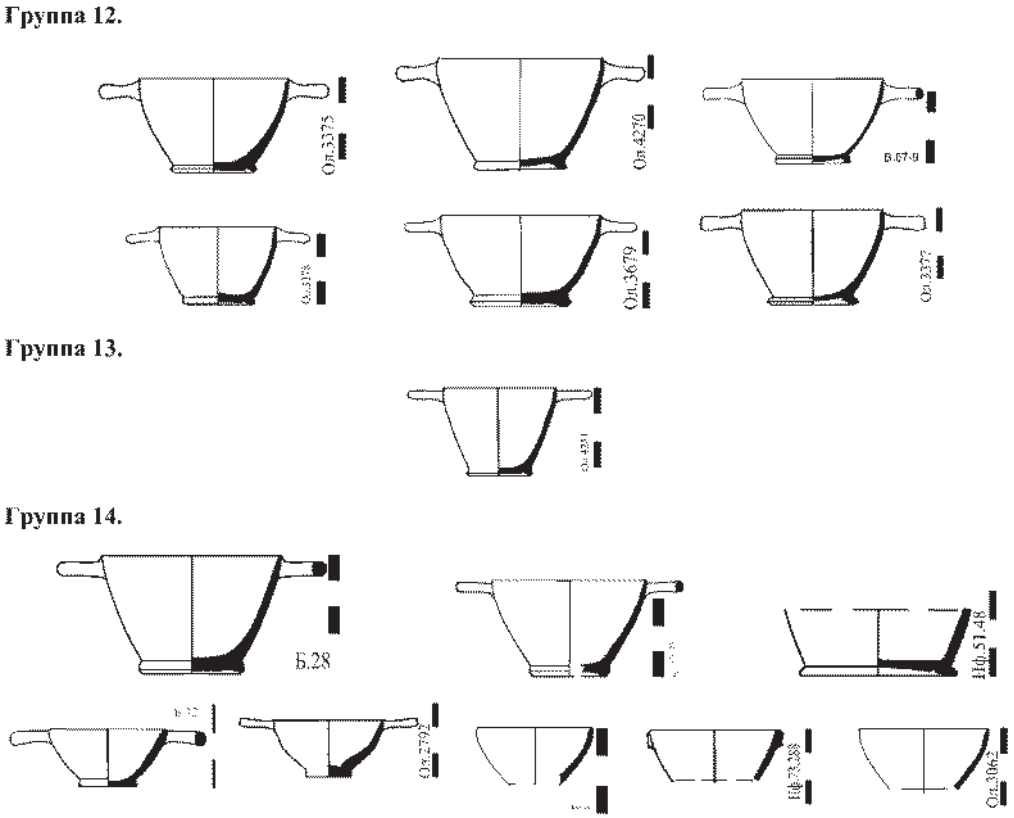


Рис. 4. Котилы с поясками групп 12–14.

154 Скуднова 1988, кат. 95,1.
155 Скуднова 1988, кат. 112,2.
156 Скуднова 1988, кат. 155,1.
157 Скуднова 1988, кат. 110,1.
158 Раскопки Б. В. Фармаковского; Оп. «без года» № 646.
159 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского, Оп. 1905 г., № 833.
160 Городище (?), раскопки Б. В. Фармаковского; Оп. 1908 г., № 3083.
161 Скуднова 1988, кат. 265,2.
162 Городище, у Южного склона плато, «зачистка предматерикового грунта», раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 53.337.
163 Городище, центральная часть плато, раскопки Н. Л. Грач; полевой № Н. 88.439.
164 Ср. Risser 2001, cat. 653; Felsch 1996, cat. 221.

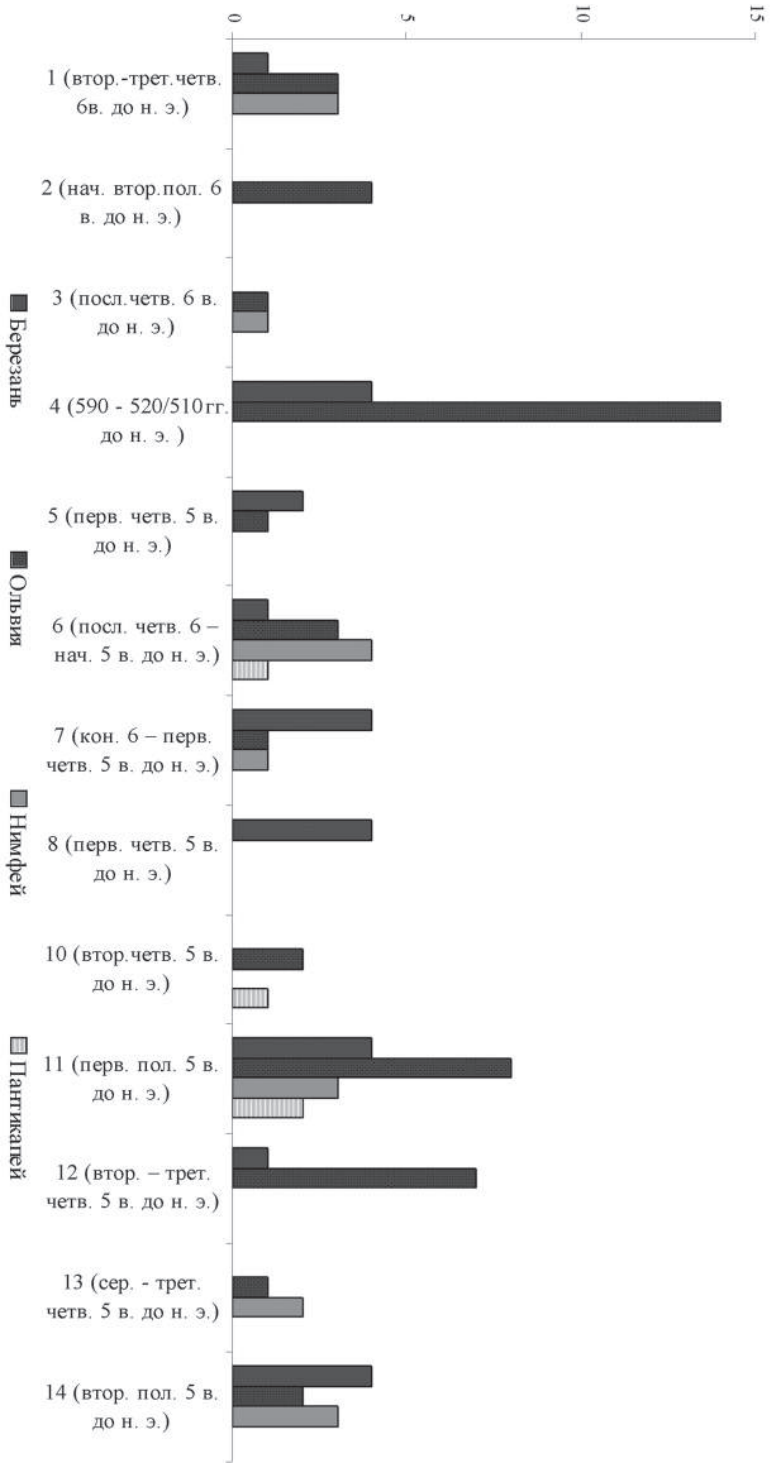


Рис. 5. Типологические группы котил с поясками шаблонного стиля из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа.

14. (рис. 4) После этих переходных форм появились сосуды второй половины пятого столетия. Значительное число чашечек имеет форму скифоса, а стенки расходятся прямо в стороны, создавая воронкообразный силуэт[165]. Это самые поздние миниатюрные котилы шаблонного стиля в эрмитажном собрании. К ним относятся чашечки с Березани (инв. №№ Б. 28[166]; Б. 32[167]; Б. 67.88[168]; Б. 91.48[169]), из Ольвии (инв. № Ол.3062[170]; Ол. 2792[171]) и Нимфея (инв. №№ Нф. 51.48[172]; Нф. 73.288[173]; Нф. 78.11[174]).

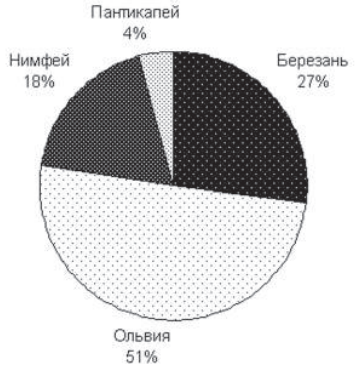


Рис. 6. Соотношение территориальных групп котил с поясками шаблонного стиля из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа.

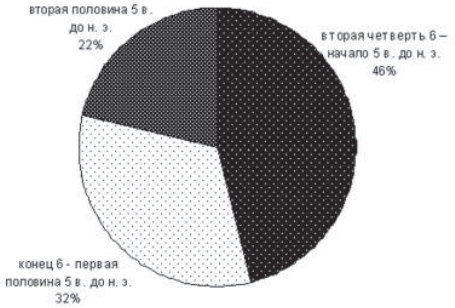


Рис. 7. Соотношение хронологических групп котил с поясками шаблонного стиля из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа.

Выделив описанные четырнадцать групп, отметим, что в рамках этих групп можно датировать девять десятых котил с поясками шаблонного стиля из Северного Причерноморья в собрании Эрмитажа[175] (рис. 5). Предлагаемые типологические таблицы профилей иллюстрируют базовый принцип этих датировок, поскольку он основывается на анализе эволюции формы, а характеристика декора в данном случае представляет собой вспомогательный критерий. Среди датируемых котил численно преобладают памятники из Ольвии и совсем незначительную долю составляют образцы из Пантикапея (рис. 6). Это не в последнюю очередь объясняется тем, что численность коринфской керамики из раскопок Пантикапея в Эрмитаже в целом невелика, и основные относящиеся к ней материалы поступали в коллекцию ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве и других учреждений. Кроме того, мы должны установить, что около половины имеющихся в коллекции Эрми-

165 Risser 2001, 55.
166 Букина 2010в, кат. 130.
167 Соловьев 2005, кат. 120; Букина 2010в, кат. 138
168 Букина 2010в, кат. 121.
169 Букина 2010в, кат. 144.
170 Городище, раскопки Б. В. Фармаковского, Оп. 1910 г., № 1283.
171 Скуднова 1988, кат. 32,4.
172 Городище, святилище Деметры, раскопки М. М. Худяка; полевой № Н. 51.160.
173 Городище, у подножия юго-восточного склона плато, раскопки Н. Л. Грач; полевой № Н. 73.360.
174 Городище, центральная часть плато, раскопки Н. Л. Грач; полевой № Н. 78.93.
175 Остальные не поддаются надежной атрибуции в силу плохой сохранности.

тажа маленьких и миниатюрных котил шаблонного стиля могут быть датированы от второй четверти VI до начала V века и еще треть — не позже первой половины V в. до н. э. (рис. 7) Наконец, необходимо отметить, что котилы шаблонного стиля (всех размеров) и их фрагменты составляют более 20% коринфской расписной керамики, поступивших в Эрмитаж из документированных раскопок в Северном Причерноморье. Доля этих памятников в собрании коринфской керамики в целом не превышает 16 %.

ЛИТЕРАТУРА

Борисковская С. П. 1966: Расписная керамика архаического Коринфа, ее художественное и историческое значение: дисс. … канд. ист. наук. Л.

Борисковская С. П. 1999: Древний город Нимфей. СПб.

Букина А. Г. 2010а: Коринфские вазы с росписью силуэтного стиля (по материалам собрания Государственного Эрмитажа) // Вестник Томского Государственного Университета. 341, 65–71.

Букина А. Г. 2010б: Коринфские вазы с орнаментальными росписями линеарного стиля (по материалам собрания государственного Эрмитажа) // Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского. 3 (1), 351–357.

Букина А. Г. 2010в: Коринфская художественная керамика // Борисфен-Березань. Вып. 2. ТГЭ. Т. 54, 7–141.

Букина А. Г. 2012: Коринфские вазы с орнаментальными росписями белого стиля // РА. 1, 49–56.

Вдовиченко И. И. 2008: Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). Симферополь.

Копейкина Л. В. 1986: Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. 27, 27–47.

Корпусова В. Н. 1987: Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.

Поспишил А. Р. 1890: Греческо-русский словарь. Киев.

Сидорова Н. А. 1987: Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // Культура и искусство Боспора. СГМИИ. 8.

Сидорова Н. А. 1992: Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея. 1965–1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 10, 131–172.

Скуднова В. М. 1956: Комплекс находок из святилища Кабиров в Нимфее // КСИИМК. 63, 128–138.

Скуднова В. М. 1988: Архаический некрополь Ольвии. Л.

Соловьев С. Л. 2005: Борисфен–Березань. Начало античной эпохи с Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань / Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб.

Финогенова С. И. 2006: Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 9, 337–354.

Худяк М. М. 1952: Раскопки святилища Нимфея [1939 — 1950 гг.] // СА. 16, 232–282.

Шмидт Р. В. 1952: Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 25, 236–239.

Amyx D. A. 1989: Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period. Berkeley; Los Angeles.

Arafat K., Morgan C. 1989: Pots and Potters in Athens and Corinth: a review // Oxford Journal of Archaeology. 8, 311–346.

Benson J. L. 1983: Corinthian Kotyle Workshops // Hesperia. 52, 311–326.

Benson J. L. 1985: Mass Production and the Competitive Edge in Corinthian Pottery // Greek Vases in the J. Paul Getty Museum. 2, 17–20.

Benson J. L. 1989: Earlier Corinthian Workshops: a Study of Corinthian Geometric and Proto-corinthian Stylistic Groups. (Allard Pierson Series — Scripta Minora 1). Amsterdam.

Bentz J. L. 1982: Pottery at Corinth from mid-sixth to mid-fifth century B. C. Thesis, Cincinnati

Blegen C. W., Palmer H., Young R. S. 1964: Corinth. Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XIII. The North Cemetery. New Jersey.

Boardman J. 1974: Athenian Black Figure Vases. London.

Boardman J., Hayes J. 1966: Excavations at Tocra, 1963–65: The Archaic Deposits 1. (BSA Supplement 4). London.

Boardman J., Hayes J. 1973: Excavations at Tocra, 1963–65: The Archaic Deposits 2 and Later Deposits. (BSA Supplement 10). London.

Boriskovskaya S. P. 1967: On trade connections between the Greek Cities of the Northern Black See Coast and Corinth in the Archaic Period' // Wissentschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 16, 7/8, 425–429.

Bouzek J. 1990: Studies of Greek Pottery in the Black Sea Area. Prague.

Campbell M. T. 1941: Later Corinthian Pottery. Thesis.

Coldstream J. N. 2003 (1977): Geometric Greece. London.

Dunbabin T. J. et al. 1962: Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology at Athens (1930–1933). Pottery, Ivories, Scarabs and others Objects from the Votive Deposit of Hera Limenia. Oxford.

Ingoglia C. 1999: Kotylai corinzie figurate a Gela. (Quaderni del Corpus Vasorum Antiquorum — Italia 2). Roma.

Felsch R. C. S. 1996: Kalapodi I. Ergebnisse der Ausgrabungen im Heiligtum der Artemis und des Apollon von Hyampolis in der antiken Phokis. Mainz am Rhein.

Kocybala A. 1999: The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports VII. The Corinthian Pottery. Phildelphia.

Lang M., Crosby, M. 1964: The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens X: Weights, Measures and Tokens. Princeton.

Lyons C. L. 1996: Morgantina Studies V: The Archaic Cemeteries. Princeton .

Morgan C., Tsetskhladze G. R. 2004: Attic fine pottery of the Archaic to Hellenistic periods in Phanagoria. Leiden.

Newhall A. 1931: The Corinthian Kerameikos // AJA. 35, 1–30.

Panofka Th. 1829: Recherches sur les veritables noms des vases grecques. Paris.

Payne H. G. G. 1931 : Necrocorinthia. Oxford.

Pemberton E. G. 1989: Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. XVIII. 1: The Sanctuary of Demeter and Kore: the Greek Pottery. Princeton.

Risser M. K. 2001: Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens VII. 5: Corinthian Conventionalizing Pottery. Princeton.

Risser M. K. 2003: Corinthian Archaic and Corinthian Pottery: the Local Style // Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens XX: Corinth, the Centenary, 1896–1996. / Ch. K. Williams II, N. Bukidis (eds.). Princeton, 157–166.

Schaeffer J., Ramage N., Greenewalt H. 1997: Archaeological Exploration of Sardis 10. The Corinthian, Attic, and Laconian Pottery from Sardis. London.

Stillwell A. N., Benson J. L. 1984: Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens, vol. XV, part 1: The Potters' Quarter: The Pottery. Princeton.

Weinberg S. S. 1943: Corinth. Results of Excava-tions conducted by the American School of Classical Studies at Athens VII, 1. The Geometric and Orientalizing Pottery. Cambridge.

KORINTHIAN TEMPLATE COTILAS IN THE STATE HERMITAGE COLLECTION FROM THE NORTHERN BLACK SEA REGION

A. N. Bukina

The State Hermitage has a group of intact and fragmented Korinthian cotila bowls with template decoration from the Northern Black Sea Region settlements. The article sums up the bowls typology, their dating (the mid 6th — 5th centuries BC), gives statistics on finds in four Northern Black Sea Region centers (Berezan, Olbia, Nymphaeumi, Panticapeum), presents profile tables, presents template cotila place in the pottery classification system of ancient Korinthos.

Key words: Korinthos decorated pottery, template style, cotila, Berezan, Olbia, Nimphaeum, Panticapeum

---

© 2012

Ю. М. Могаричев

ЖИТИЯ СВ. ХЕРСОНСКИХ ЕПИСКОПОВ. ВЕРСИЯ ПРОТОГРАФА

В статье предпринята попытка реконструкции первоначальной версии житий святых епископов Херсонских. Автор исследует целый ряд средневековых рукописей и анализирует особенности различных текстов. Он рассматривает деятельность епископов в Херсоне во времена римских императоров Диоклетиана, Константина I и Феодосия I.

Ключевые слова: агиография, епископы Херсонские, Херсонес.

Жития св. епископов Херсонских являются хорошо известным агиографическим и историческим источником. Различные их версии публиковались и анализировались в работах С. Серафимовича[1], В. В. Латышева[2], П. Лаврова[3], И. Франко[4], И. Делейе[5], Ф. Алкена[6], К. Цукермана[7] и других авторов[8].

Могарычев Юрий Миронович — доктор исторических наук, профессор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования. E-mail: mogara@rambler.ru

[1] Серафимович 1868, 120–131.
[2] Латышев 1906; 1907; 1909, 8–24; Латышев, Кекелидзе 1913.
[3] Лавров 1911.
[4] Франко 1903, 145–163.
[5] Delehaye 1902.
[6] Halkin 1984, 253–261.
[7] Цукерман 1994.
[8] См например: Шестаков 1908, 17–56; Харлампович 1908; Голубинский 1907, 263–268; Ростовцев 1914, 503-505; Мещеряков 1978, 128-129; Диатроптов 1986, 129-134; Дагрон 2000, 295; Завад-

Общая канва повествования в различных редакциях во многом сходна. Однако присутствуют и выраженные отличия. Для реконструкции первоначального варианта Житий нами использованы пространные редакции: Рукопись № 376 — **Гр. 376**[9]; Рукопись № 296 — **Гр. 296**[10]; Патмосская рукопись — **ПР**[11]; Супральская рукопись — **С**[12]; Макарьевская минея — **М**[13]; Грузинское Житие — **ГЖ**[14]; Армянское Житие — **АЖ**[15]. Синаксарные варианты: Менологий Василия 11 — **МВ**[16]**;** Синаксарь Константинопольской церкви по Сирмондской рукописи — **S,Sa;**[17] Синаксарь Константинопольской церкви **(**статья пресвитера Иоанна) **—** **D**[18]**;** Синаксарь Константинопольской церкви (статья монаха Кирилла) — **N**[19]**;** Русско-церковнославянский пролог из Макарьевской минеи — **РПМ**[20]; Неоконченное Житие из Макарьевской минеи — **ЖМ**[21]; Статьи из Списка графа Уварова — **СУ**[22]**;** Грузинский синаксарь **— ГС**[23]**.**

Отметим особенности различных текстов. Если исходить из сюжета повествования, то отчетливо выделяются две традиции: «ефериевская» и «капитоновская». Первая утверждает, что шестой из херсонских миссионеров — Еферий был действующим епископом Херсона, он нанес основной удар по местным язычникам, и, соответственно, именно этому святому принадлежит основная заслуга в победе христианства в городе. Капитон же лишь продолжил дело Еферия и «забил последний гвоздь в гроб херсонского язычества». Согласно второй, Еферий умирает на пути в город и основная работа по окончательной христианизации Херсона легла на плечи Капитона. Последняя традиция представлена в Гр. 376, М, С. Остальные пространные и все синаксарные тексты представляют «ефериевская» линию.

Наиболее ранние из сохранившихся текстов — это S и МВ, датирующиеся в пределах конца X — первой четверти XI в. Вероятно, эти синаксарные сокращения сделаны на основе одного или разных, но близких пространных житий «ефериевской» традиции. Переводами с них, вероятно с МВ, являются УС и РПМ.

Сходны между собой N (XI в.) и D (XII в.), хотя они отличаются и размерами, и своими лексическими формами. Скорее всего, что это две редакции одного и того же прототипа, сокращенного по-разному двумя различными редакторами. Вероятнее всего, D явился основой для латинского жития и греческих служебных миней. К последним восходит Гр. 296. На основе общего с N и D текста был сочинен ГС.

ская 2000, 179-184; Зубарь 2004, 613 — 616; Могаричев 2003, 271; Беляев, Каменев, Каменева 2009; Чернышева 2009; Верещагин 2009; Виноградов 2010.

[9] Латышев 1906, 58–62; 1907.

[10] Латышев 1906, 63-65.

[11] Halkin 1984, 253–261.

[12] Северьянов 1904, 532–543.

[13] Латышев 1906, 66–74.

[14] Латышев, Кекелидзе 1913, 9-14.

[15] Саргсян 2010.

[16] Migne Martius VIII, 344; December XXII, 221.

[17] Delehaye 1902, Martius 7, 517–518; December XXII d, 336–338.

[18] Delehaye 1902, Synaxaria Selecta D, Mart 6, 513–516.

[19] Delehaye 1902, Synaxaria Selecta N, Mart 7, 517–518.

[20] Латышев 1906, 74.

[21] Латышев 1906, 75–76.

[22] Лавров 1911, 169.

[23] Джанашвили 1899, 3-7.

С и М — два разных церковнославянских перевода, вероятно XI в., выполненные с двух очень близких, но всё-таки отличных друг от друга то ли списков, то ли редакций одного греческого текста (представлял собой Энкомий), отличающихся от Гр. 376 (литературная обработка греческого энкомия с риторическими украшениями)[24]. Особенностью славянских переводов является точное воспроизведение текста оригинала без серьезного редактирования. Поэтому в них сохранились практически все подробности и названия, которые присутствовали в греческом оригинале. Конечно, славянский переводчик не всегда понимал, что означают те или иные термины, не был знаком с историческими и географическими реалиями отраженными в тексте. Но при этом старался все передать, насколько позволял его переводческий уровень.

ПР — образец агиографиии XIV в., тем не менее, в некоторых деталях он точно передает особенности первоисточника литературной обработки.

АЖ — особая армянская редакция конца XIII — начала XIV вв. греческого Жития, близкого к Житию, ставшего прототипом ГЖ, хоть и дошло до нас в рукописи XVI в., является переводом более раннего варианта восходящего к минологию Иоанна Ксифилина (вторая половина XI в).

1. *День памяти первых херсонских епископов* в различных рукописях представлен следующим образом:

1. Гр. 376 — 7 марта, Евгений, Елпидий и Агафодор погибли 6 декабря;
2. М — 7 марта, Евгений, Елпидий и Агафодор погибли 6 декабря;
3. С — 7 марта, Евгений, Елпидий и Агафодор погибли 6 декабря;
4. РПМ — 7 марта;
5. ПР — 7 марта;
6. ЖМ — 7 марта;
7. ГЖ — 7 марта;
8. Гр. 296 — 7 марта;
9. УС — 7 марта, память Капитона 22 ноября;
10. S — 7 марта, память Капитона 22 декабря (Sa);
11. D — 7 (6 марта), память Капитона 22 декабря;
12. N — 7 (6) марта, память Капитона 22 декабря;
13. ГС — 6 марта.
14. МВ — 8 марта, память Капитона 22 декабря;
15. АЖ — 7 марта, Еферия и Капитона — 20 апреля.

Как видим, пространные редакции относят почитание святых епископов Херсонских к 7 марта, хотя М, С, и Гр. 376 еще говорят о смерти трех геллеспонтских епископов 6 декабря. Две статьи Константинопольского синаксаря говорят о 6 или 7 марта (кроме Капитона), ГС сообщает о 6 марта, а МВ — 8 марта (кроме Капитона). Следовательно, искомой датой можно считать 7 марта. Даты 6 и 8 марта, вероятно, следует объяснять ошибками или погрешностями при подсчете, которые были сделаны составителями указанных текстов.

В МВ и Константинопольском синаксаре под 22 декабря присутствуют отдельные статьи, посвященные Капитону. Дата почитания Капитона — 22 ноября в УС, вероятно, ошибка переводчика текста или составителя синаксаря. АЖ —

[24] Чернышева 2009, 137.

единственный пример, когда сюжеты об Еферии и Капитоне объединили в одну статью и почитали их 20 апреля. Объяснить это можно или особой традицией, существовавшей только в армянской среде, начало которой положили составители АЖ, или наличием у армянского автора не дошедшей до нас особой греческой редакции Житий. Обе версии имеют права на существование, но первая, вероятно, более предпочтительна.

2. *Отправка первых епископов в Херсон.* Все тексты сходятся в том, что инициатором направления христианских проповедников на Северные берега Черного моря был иерусалимский епископ Ермон (Гермон — ПР, Гр. 296, М, С, МВ, РПМ, ЖМ). С и М поясняют, что Ермон был «одним из господних учеников Есналота». Иные версии умалчивают о загадочном Эсналоте. Вряд ли данный персонаж — выдумка славянских переводчиков. Они, как правило, старались переводить дословно, оставляя в тексте даже то, что было им не совсем понятно. Поэтому можно утверждать, что в древнейшей редакции некий Эсналот (или близкое имя) все же присутствовал. В пользу данного предположения свидетельствует и вышеприведенное заключение М. И. Чернышевой, что С и М — это переводы, выполненные с двух очень близких, но всё-таки отличных друг от друга то ли списков, то ли редакций одного греческого текста.

Авторы же сохранившихся греческих рукописей и синаксарных текстов изъяли Эсналота из своих произведений как персонаж неизвестный по иным источникам и, соответственно, им непонятный.

3. *Время прибытия первых епископов в Херсон*. Пространные редакции настаивают, что это произошло в 16-й год правления Диоклетиана. ГЖ, Гр. 296, Синаксари, кроме D, ЖМ и ГС, повторяющих версию пространных Житий, просто указывают на время правления данного императора. По ПР первые епископы-миссионеры оказались в Херсоне когда императором был уже Константин Великий. Таким образом, подавляющее большинство текстов соотносит прибытие Василея в Херсон с периодом правлениия Диоклетиана. Вероятно, в первоначальном варианте также имелось указание и на 16 год царствования. Отсутствие данного свидетельства в ГЖ объясняется отсутствием здесь «рассказа о Василее» вообще, а в большинстве синаксарей — краткостью изложения.

Особняком стоит ПР. Соотнесение здесь прибытия первого посланца Ермона в Херсон с эпохой Константина можно объяснить или ошибкой составителя данного агиографического произведения (напомним, источник датируется XIV в., а его автором был человек далекий от херсонских реалий), или сознательным редактированием образованного византийца (автор ПР несомненно владел словом), который понимал абсурдность представлений, что во времена Диоклетиана иерусалимская церковь могла назначать епископов в Северное Причерноморье (при этом Ермон, действительно епископствовавший в Иерусалиме при Диоклетиане, переносился в другую эпоху). Конечно, можно предполагать, что существовала и «константиновская редакция», которой и пользовался автор ПР. Однако последнее маловероятно. В сюжете об Еферии в ПР сообщается о Константине как только что вступившем на престол «Ибо уже миновала зима эллинской мании и (наступила) тихая весна благочестия, мягкая и спокойная, когда этому апостолическому мужу (Константину) выпал жребий править кормилами ромейской державы». Похожая фраза присутствует и большинстве синаксарей.

4. *Место проповеди Ефрема и Василея.*

Таблица 1.

источник	**Ефрем**	**Василей**
Гр. 376	«в области Турции[25]»	«Херсон Тавроскифской епархии»
М	«в страны Тирикийские (Тюрикийские — Волоколамская минея, Тирийские — Милютинская минея)	«Херсонитский город Тавроскифской страны»
С	«в страны поганые»	«Херсонский город Таврской земли»
АЖ	«Т'урк'астан»	«в город К'ерсон»
МВ	«Туркию»	«Херсон»
РПМ	«к уграм»	«в Корсунь»
УС	«венграм»	«Корсуню»
Гр. 296	— «в страну Тавроскифов: … в Скифию»	«в страну Тавроскифов … в Херсон»
ПР	«в страну Тавроскифов или Херсонитиду … в страну Тавроскифов, смежную Херсону»	«ту самую (страну) Херсона»
S	«в Скифию»	«в Херсон»
D	«в страну Тавроскифов … в Скифию»	«в страну Тавроскифов … в Херсон»
N	«в страну Тавроскифов … в Скифию»	«в страну Тавроскифов … в Херсон»
ЖМ	«в Скифию»	«в Херсон»
ГС	«в страну тавроскифов и Скифию	«в Херсон»

Как видим, в источниках представлены два варианта места проповеди Ефрема — Туркия (в различных написаниях) и Скифия.

Несомненно, что в церковнославянских рукописях подразумевается именно Туркия. «Тирикийские страны» в М скорее всего являются следствием или порчи текста в греческом образце, или незнания славянским переводчиком значения термина «Туркия» (в славянских рукописях X1 в. он не употреблялся). В С непонятный термин был заменен на универсальный — «Поганские (языческие — авт.) страны». Автор РПМ, имевший в качестве образца для перевода МВ и скорее всего знакомый с византийской агиографической (исторической?) литературой, заменил Туркию на известный славянам этноним «Угры», а сербский редактор УС использовал знакомый ему термин «венгры»[26].

Интерпретация страны миссионерской деятельности Ефрема как «Скифия», вероятно, восходит к Синаксарю Константинопольской церкви (все тексты из него говорят только о Скифии). Из этого синаксаря оно попало и в греческие служебные минеи.

Рассматриваемые два варианта интерпретации места миссионерской деятельности Ефрема датируются приблизительно одним хронологическим периодом: Туркия в МВ, а Скифия в S. Поэтому нет оснований говорить об их временных различиях.

[25] Переводы с греческого и церковнославянского выполнены А. К. Шапошниковым, с армянского — Т. Э. Саргсян.

[26] Напомним, что Константин Багрянородный и другие византийские авторы называли венгров именно турками (см. Константин Багрянородный 1989, 284-385).

Скорее всего, речь идет не о двух традициях понимания миссионерской деятельности Ефрема, а об интерпретации византийскими авторами одного и того же понятия. Авторы и переписчики, которые руководствовались историческими реалиями, использовали реально существующие или существовавшие термины. Отсюда Туркия, Венгры, Угры. Авторы, которые основывались на литературной традиции, использовали и термины, господствовавшие там. Как известно, часто в византийской религиозной литературе Северное Причерноморье по аналогии с античным периодом называли Скифией[27]. Например, патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) обозначает Черное море именно как «Скифское»: «Было когда-то Негостеприимным Скифское море. Ибо пожирало — ужасно это услышать — иностранцев, плывущих по нему. Милетцы человеколюбием и кротким поведением смягчили звериный и варварский нрав и превратили его (море) в Гостеприимный»[28]. Патриарх Никифор в своем «Бревиарии» называет одного из чиновников — τῷ ἄρχοντι τῷ τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκυθικοῦ — архонт Скифского Боспора (современный Керченский пролив — авт.)[29].

Таким образом, по нашему мнению, следует согласиться с мнением В. В. Латышева, что в древнейшей версии Житий епископов Херсонских или, по крайней мере, в тексте, послужившем основой для сохранившихся ранних редакций, местом миссионерской деятельности была определена Туркия. А. Ю. Виноградов попытался доказать, что в протографе стояла «Скифия», а «Туркия» появляется в переработанном варианте который представлен «только семьей IM» — Гр. 376, М, С (по нашей классификации). Однако почему-то автор забывает о Туркии в МВ (упоминание об этом синаксаре у А.Ю Виноградова вообще отсутствует), который никак нельзя соотнести с «семьей IM»[30]. Также «Т‘урк‘астан» фигурирует в АЖ, которое также не имеет никакого отношения к «семье IM»[31]. В основе последнего лежало несохранившееся Житие, близкое к ГЖ.

В отношении места проповеди Василея все версии Житий однозначно указывают на Херсон, с пояснением, что это Херсонес Таврический (Тавроскифской страны). Гр. 376 указывает «Херсон Тавроскифской епархии». Как известно, такой епархии никогда не существовало. Not. III или Нотиция Де Боора упоминает епархию Скифия на побережье Понта, которая подчинялась митрополии с центром в Томах[32]. Но здесь совершенно очевидно речь идет о Дунайской Скифии. Напомним, *Not. III* была составлена в IX в. (скорее всего в его второй половине) и представляла собой проект (или его черновой набросок) церковной организации Хазарии[33].

Скорее всего, в первоначальной редакции речь шла не о церковной административно-территориальной структуре — епархии (ἐπαρχίας) а об гражданской — провинции (стране). Возможно, автор XI в., указание на провинцию по ошибке понял как церковную епархию.

[27] Скифы у позднеримских и раннесредневековых авторов - общее обозначение для северопричерноморских варваров (Буданова 2000, 357-359).

[28] Байер 2001, 118.

[29] Чичуров 1980, 155, 163.

[30] Виноградов 2010, 19-21.

[31] Виноградов 2010, 19–21.

[32] Darrouzes 1981, 242.

[33] Иванов 2001, 30–31; Науменко 1999, 12–18; 2003, 136–140.

Упоминание страны Тавроскифов, очевидно, как и Скифии, есть отражение византийской литературной традиции. Тавроскифы или скифотавры – термин, который иногда применялся для обозначения населения позднескифского царства. Его использовали Плиний, Птолемей, Арриан, Юлий Капитолин и некоторые другие позднеантичные авторы [34]. Боспорский правитель Рескупорид III (210/211–226/227 гг.) называл себя царем всего Боспора и тавроскифов[35]. Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках» (ок. 560/561 гг.) сообщает: «Что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу (Эвксинского Понта) за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю Римской державы»[36]. Отметим, ближайшая аналогия «стране (земле) Тавроскифов» житий Херсонских епископов присутствует в другом «крымском» агиографическом произведении – Житии Иоанна Готского[37]; eΟὗτος ὁ ὅσιος πατὴρ ἡμῶν'Ιωάννης,'επίσκοπος ἦν Γοτθίας ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, ὁρμώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκυθῶν γῆς, τῆς ὑπὸ τὴν χώραν τῶν Γότθων (Сей преподобный отец наш Иоанн был епископом Готфии при царях Константине и Льве, происходя из земли Тавро-скифов, что за морем (Понтом), которая подчинена стране Готфов)[38].

5. *Первый этап миссионерской деятельности Василея.*

Таблица 2

Гр. 376	Василей прибыл в Херсон и обратился к гражданам с призывом отказаться от их богов и чтить только единого Бога. В ответ «граждане совсем не сдержались, но тотчас обратились к поруганию и избиению праведника, лая на него подобно псам, и устремились растерзать его». Василей укрылся «в некоей пещере, именуемой Парфеноном, усердно молясь за них Богу».
М	Прибыв в Херсон Василей «начал учить городских мужей, говоря, что нет тех богов, которых вы мните иметь и чтить, но (лишь) кумиры, не могущие вам помочь». «Услышав это от святого мужа, горожане почувствовали досаду и уязвление, не приняв его слов, так как были одержимы (языческой) прелестью. И с тем святой епископ сидел в скорби в пещере, которая была именуема Парфенон».
С	В Херсоне Василей «увидел одержимых эллинскою прелестью, он начал учить городских мужей, говоря, что нет тех богов, которых вы мните, имеете и чтите, но (лишь) кумиры, не могущие вам помочь. … Услышав это от святого мужа, мужи того города ринулись на (него) с укорами и побоями, от которых он покрылся ранами, не послушав его от бесчувственности охватившей их прелести. Затем святой епископ в сокровенном месте сидел, в пещере пребывал, именуемой Девическою».
ПР	Василей прибывает в Херсон и обнаруживает, что его жители «одержимы эллинской манией». Он старается излагать свое учение, но был избит. Видя «что бесполезно противостоять происходящему вокруг злу, вскоре надумал удалиться, рассчитывая немного позволить мании этих (херсонитов) как следует отбушевать … обнаружив некую пещеру внутри города, именуемую тамошними жителями Парфенон, поселился в ней».

[34] См: Храпунов 2005, 263; Сорочан 2005/2, 1346, прим. 505; Буданова 2000, 364.

[35] Шкорпил 1917, 111–112.

[36] Прокопий Кесарийский 1939, 249.

[37] Мы не затрагиваем пласт источников которые тавроскифами называют русских (см., напр., Бибиков 2004.) и соответственно не имеют отношения к нашей теме.

[38] Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007, 8, 11. Источник был составлен, вероятно, в 806–811 гг. и переработан в 843-847 гг. (Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007, 8-26).

АЖ	Излагается кратко: «отправившись, проповедовал Евангелие Христа и претерпел много истязаний и притеснений от идолопоклонников и, выйдя (из города ?), жил в пещере одной горы, что зовется Парт‘енион».
РПМ	«когда проповедал о Х-е, был бит и изгнан из города»
УС	Василей «Был схвачен и бит, и отогнан»
Гр. 296	«И достигнув (мест назначения) (Ефрем и Василей — авт.) благовестили в публичных домах и на торжищах господа нашего И. Х., истинного бога, … Схваченные неверными, были сильно биты, и были очень разодраны тела (их), и из города они ушли».
МВ	«Там возвещая о Христе, он был побит и принужден уйти»
S	«там возвещая о Христе, были забиты до смерти»
D	и провозгласив исправление жизни и перемену веры, был бит и изгнан из города жителями, посчитавшими его провозвестником некоего нового государственного устройства и вредителем отеческих обычаев вместе с верой. И был он, обитая в некоей пещере, именуемой Парфенон,
N	«и провозгласив исправление жизни и перемену веры, был бит и изгнан из города жителями, посчитавшими его провозвестником некоего нового государственного устройства и вредителем отеческих обычаев вместе с верой. И был он, обитая в некоей пещере, именуемой Парфенон».
ЖМ	«достиг города и проповедовал исправление жизни и перемену веры. И вменили ему, как проповеднику некой новой жизни и, купно, растлителю служения первичного язычества, чтобы был бит и изгнан из города. И жил в некотором вертепе (пещере), именуемом Парфенония,
ГС	Василей стал проповедовать учение Христа, был изгнан и поселился в пещере «Парфенона».

Как видим, подробно этот эпизод описан только в четырех пространных редакциях — Гр. 376, ПР, С, М. Сюжет в основном идентичен. Основное расхождение: подвергся ли Василей избиению до укрытия в пещере и где эта пещера находилась — в городе или за пределами городских стен.

С, ПР однозначно указывают, что епископ сначала был избит, а затем скрылся в пещере. М о факте избиения умалчивает. Гр. 376 намекает, что Василею удалось вовремя скрыться. Остальные тексты, хоть и мельком, но настаивают на факте нанесения миссионеру побоев (кроме S, где об этом говорится неопределенно). Таким образом, можно предполагать, что рассказ об избиении Василея до его укрытия в Парфеноне присутствовал в протографе. Отсутствие прямого указания на это в М и Гр. 376 следует относить на счет редакторских особенностей составителей (переводчиков) или более поздних переписчиков[39].

Источники расходятся и по вопросу о месте расположения пещеры Парфенон.

ПР однозначно указывает, что она находилась внутри города. Гр. 376, М, С прямой привязки не дают, но дальнейшее повествование указывает на внутригородское расположение: родители умершего юноши видят сон у его склепа, затем входят в город и сообщают о видении родственникам и там же находят Василея; эллины, пришедшие убивать Василея, нашли его в пещере и волочили по улицам города и только после смерти святого выбросили тело за городские стены.

АЖ, N, D, ЖМ, ГС сообщают, что пещера находилась в горе вне Херсона.

[39] Оба текста дошли до нас не в первоначальных рукописях.

Гр. 296, S, MB, РПМ, УС — Парфенон вообще не упоминают.

Как видим, убежище Василея на территории города локализуют пространные редакции, три из которых относятся к «древним». Ранние синаксарные тексты (S, MB) о пещере умалчивают. И только N (1071 г.) и более поздние варианты «выносят» Парфенон за городские стены. Отсюда следует вывод: в протографе убежище первого херсонского епископа также «помещалось» в пределах города[40]. Хотя в данном случае нельзя исключать и того, что для автора протографа сей момент был непринципиален, и поэтому он точно не указывал место укрытия Василея. Возможно, что впервые Парфенон из города «вынес» (неудачно сократив большой текст) монах Кирилл, автор текста N в Синаксаре Константинопольской церкви. Именно его версия стала образцом для последующих текстов. По крайней мере, к ней очень близок D. А последний, в свою очередь, как уже отмечалось, стал основой для греческих служебных миней и латинских переводов.

Как показал В. В. Латышев, именно сообщение миней, что Василей был изгнан из города и укрылся в пещере, позволило составителям Акта Санкторум утверждать, что Парфенон находилась на м. Парфения, который Страбон помещал в 100 стадиях от города (Strab. VII. 4. 2)[41]. Это положение позднее развил Дмитрий Ростовский[42]. Иногда оно появляется и в работах современных авторов [43].

6. Воскресение отрока.

Данный сюжет передается различными пространными версиями практически идентично: сын одного из правителей города умирает в результате болезни. Его хоронят за пределами города. Там его оплакивают родители. Во сне им является умерший сын и говорит, что языческие боги не смогут его воскресить[44]. Это сможет сделать только чужестранец, которого они оскорбляют и отвергают. Родители рассказывают друг другу видение, возвращаются в город и сообщают об этом родственникам. Потом разыскивают Василея в пещере и просят его воскресить сына. Он отвечает, что воскресить может только христианский бог, но для этого они должны принять христианство. Родители соглашаются войти в лоно новой религии после того, как увидят сына живым. Василей приходит к могиле, совершает обряд крещения (как над живым), и отрок оживает. Родители благодарят епископа и сами крестятся. Отличия имеются только в деталях.

ПР уделяет этому сюжету больше внимания. Здесь дается пояснение, что присутствие родителей в склепе у могилы сына является следствием древнего херсонского закона (обычая). Вернувшись в город, родители рассказали о сне всем согражданам. Искали Василея, убеждали его воскресить юношу и наблюдали за

---

[40] Таким образом, мы присоединяемся к мнению В. В. Латышева, что пещера Парфенон находилась в пределах Херсонесского городища (Латышев 1906, 50-53).

[41] Acta sanctorum 1668, 642.

[42] Латышев 1906, 50-53.

[43] Днепровский 2008. А. Ю. Виноградов оставляет вопрос о местонахождении пещеры открытым, справедливо отмечая, что прямо Парфенон внутри города помещает только ПР (Виноградов 2010, 24-28). Но ведь логика сюжетов других пространных редакций однозначно указывает на нахождение пещеры внутри городских стен. Кроме того, Страбон, на которого ссылается А.Ю Виноградов, кроме сообщений об отправлении культа Девы на мысе Парфения, пишет, что святилище Девы есть и в городе (Strab. VII. 4. 2).

[44] Одновременное видение супругами одного и того же чудесного сна часто встречается в агиографической литературе (Латышев 1906, 49).

чудом все жители города, «ибо любит толпа стекаться туда, где надеется посмотреть нечто новое». После воскрешения мальчика крестилась «вся толпа» которая наблюдала за чудом.

Гр. 376. Отмечает, что Василей пришел к могиле вместе с двумя священниками и родственниками умершего, «неся с собою и потребное для крещения». М указывает, что епископ «прошествовал вместе со святителями, служащими по необходимости, как бы противоположное святому крещению». С сообщает, что «епископ прошествовал вместе с требою святительской службы». АЖ подчеркивает, что родители «приняли крещение со всеми своими родственниками и семьей». М, С настаивают, что после воскрешения родители юноши требовали, чтоб Василей их крестил.

Гр. 296 повествует о «воскрешении отрока» кратко, в целом повторяя известные факты. И указывает, что после этого «уверовали в Х-а бесчисленные толпы».

Из синаксарных текстов рассматриваемый сюжет относительно подробно освещают N, D, ЖМ резюмируя известное по пространным редакциям. Отметим, что здесь повествуя о крещении мертвого мальчика имеется пояснение «как бы по чину крещения».

Таким образом, вероятнее всего, рассказ «воскресение отрока» присутствовал в протографе и в последующих версиях мало трансформировался. Основные выявленные расхождения — сам совершал Василей обряд крещения или с помощниками и кто крестился после совершения чуда.

Две ранние редакции — М и Гр. 376 — упоминают помощников епископа. С об этом умалчивает. Учитывая, что перевод М старше перевода С и автор С сверялся с первым текстом, а также независимость от них Гр. 376, более верным выглядит предположение, что переводчик С упустил этот факт, нежели авторы М и Гр. 376 независимо друг от друга придумали помощников Василея (естественно, что составители синаксарных сокращений на данном факте не концентрировали внимание). Составитель ПР мог выпустить свиту Василея сознательно, так как акцентировал внимание на том, что епископ пришел к могиле юноши в окружении огромной толпы.

Скорее всего, ближе к протографу версия М. Наличие в Херсоне, кроме всеми гонимого и унижаемого епископа, еще двух священников, которых почему-то никто не трогал и о которых ни до того, ни впоследствии не упоминается, выглядит неубедительно. Присутствие же при Василее последователей — помощников, «служивших по необходимости», представляется более достоверным.

Гр. 376, С, М указывают, что после воскресения мальчика христианами стали только его родители. Ранние синаксарные тексты (МВ, S), а так же УС, РПМ, ГС настаивают: в лоно новой религии перешел архонт (отец ребенка — авт.) и многие прочие. Более развернутый N (также АЖ, D, ЖМ) уточняет, что это были родители ребенка «вместе со всеми родными и домашними». ПР утверждает: крестились «вся толпа», Гр. 296 — «уверовали в Х-а бесчисленные толпы». Появления в синаксарях «многих прочих» и «родственников» имеет два объяснения. Или это дань традиции написания такого рода литературных произведений, или упоминание о крещеных родственниках присутствовало в пространном тексте, который являлся основой для синаксарных сокращений. То, что статьи житий херсонских епископов для МВ и Константинопольского синаксаря готовились на основе иной

ранней пространной редакции, чем сохранившиеся, и то, что она (или близкая к ней) была образцом для ПР и ГЖ, сомнений не вызывает Попробуем установить должность отца воскрешенного мальчика.

Таблица 3.

Гр. 376	«πρώτων — один из первых людей»
M	«некий старейшина»
C	«некий старейшина»
ПР	«πρῶτα — первенствующий в том городе»
АЖ	«князь»
РПМ	«князь»
УС	«князь»
Гр. 296	«царек»
MB	«ἄρχοντα — архонт»
S	«ἄρχοντα — архонт»
D	«один из начальствующих и первенцев»
N	«один из начальствующих и первенцев»
ЖМ	«протокнязь и первый в городе»
ГС	«правитель города»

Как видим, ранние тексты дают два варианта определения этой должности: 1. старейшина, что является дословным переводом с πρώτων — первый; 2. архонт. «Князь», «царек» — варианты перевода «архонт». По сохранившимся рукописям сложно определить, какой вариант является первым. Синаксарные тексты, датирующиеся не позднее конца X — начала XI вв., говорят об архонте. С другой стороны, славянские переводы, Гр. 376, **N,** появившиеся в XI в и основанные на четырех разных более ранних рукописях, указывают на «одного из первых», «старейшину», начальствующего». Действительно ли в протографе упоминалась конкретная должность?

В письменных (начиная с Феофана и Никифора), в том числе и сфрагистических источниках, освещающих историю города VIII–X вв., фиксируются должности архонтов и протевонов. Не вдаваясь в дискуссию о том, в какой степени архонты и протевоны являлись имперскими чиновниками, а в какой представителями местного самоуправления и когда эти должности были введены в Херсоне (различные исследователи считают, что это могло произойти уже в VI в.)[45], отметим, что в нашем случае скорее всего подразумевается не конкретная должность, а литературное понимание принадлежности к городской знати. Ближайшая аналогия видится в Житии Иоанна Готского. «Ο δὲ ὅσιος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα μετὰ (ὑπὸ) τοῦ ἰδίου λαοῦ, τοῖς ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ, καὶ παντὶ τῷ λαῷ, πρὸς τὸ μὴ κατακυριοῦσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους». «А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владетелем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участво-

[45] Подробнее см. Сорочан 2005, ч.1, 582- 679, ч.2, 1258-1259; Храпунов 2009, 6-10; Шене 2000; Алексеенко 2002. и др.

вал в восстании. Чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам»[46]. Очевидно, что здесь термин архонт также используется не как обозначение конкретной должности, а указывает на принадлежность к местной элите.

Таким образом, вероятнее всего в протографе житий херсонских епископов отец умершего юноши был определен как один из первых (старейшин), один из знати, один из главных. Это нашло отражение в Гр. 376, М, С. Так же его обозначили авторы статей из Константинопольского синаксаря — монах Кирилл и пресвитер Иоанн. Составители же МВ и S нашли для героя иное, аналогичное по значимости значение — архонт, которое более поздними авторами было понято как князь или царь.

7. Смерть Василея. Этот сюжет, как и предыдущий, в различных версиях отличается только деталями. Общая канва повествования: дьявол, вселившись в язычников, подстрекает их убить Василея. Они находят святого в пещере и, привязав веревкой за ноги, волокут по улице[47], пока он не умирает (7 марта). На этом месте христианами впоследствии был установлен столб с крестом. Убив святого, язычники выбросили тело за пределы города на съедение псам. Но благодаря Богу волк ночью и орел днем охраняли тело святого[48], пока христиане ночью не погребли его за городом. Отметим расхождения.

Таблица 4.

источник	**Убийцы святого**	**Как убивали**	**Название городских ворот**	**Место захоронения**	**Место установки колонны с крестом**
Гр. 376	Эллины	Привязав веревки к ногам, влекли по площади	—	Вне города	На месте смерти
М	Эллины, подстрекаемые иудеями	Связали ноги и волочили по улицам города	Красные ворота	Вне стены на запад города близ той стены	На месте смерти
С	Эллины, подстрекаемые иудеями	Связали и за ноги волочили по новой широкой улице города	Иера	Вне стены на запад города, близ той стены	На месте смерти
ПР	Иудеи приняли решение убить святого и убили вместе с эллинами	Привязав за ноги, выволокли за ворота, избивая дубинками и попирая пятками, побивая камнями	Священные по имени	Толпы верующих предали его земле.	На могиле

[46] Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007, 9, 12.

[47] Влачение связанного за ноги как вид мучения часто встречается в агиографических произведениях (Латышев 1906, 49).

[48] Охрана волками и птицами тел мучеников, брошенных непогребенными, — один из традиционных сюжетов христианской агиографии (Латышев 1906, 49).

АЖ	Идолопоклонники и иудеи	Связали веревкой ноги и поволокли посреди города и избили палками и камнями	—	За стенами города	—
Гр. 296	неверные	По улицам волокли на канатах (вместе с Ефремом), привязав за руки и ноги, пока тела не были разодраны о камни			
ГЖ	—	—	—	Вне города, на запад близ стены	—
РПМ	Неверные	Волочили за ноги, избивая	—	—	—
УС	Неверные	Волочили за ноги на веревках	—	—	—
МВ	Неверные	Волочили за ноги на веревках	—	—	—
S	Неверные	Тащили на веревках за ноги	—	—	—
D	Язычники, движимые иудеями	Волочили по улицам города, привязав веревками за ноги	—	—	—
N	Язычники, движимые иудеями	Волочили по улицам города, привязав веревками за ноги	—	—	—
ЖМ	Иудеи	Волочили по улицам города, привязав веревками за ноги	—	—	—
ГС	Язычники, подстрекаемые иудеями	Волочили по улицам города	—	—	—

Как видим, «ранние» источники называют две версии гонителей Василея: эллины и эллины, подстрекаемые иудеями. Непосредственное участие иудеев в расправе над епископом фиксируется только в поздних рукописях. Как нам представляется, скорее всего, в первоначальном варианте «упор» был сделан на эллинов. По крайней мере, древнейшие тексты — S и МВ — иудеев не упоминают.

Известно две версии названий ворот, через которые выбросили тело Василея: Красные, Иера (Святые) и, как вариант, — Священные. Тексты сохранили два понимания названия, которое было в протографе. Это совершенно разные греческие прилагательные, которые даже при порче текста трудно перепутать. Поэтому, скорее всего, в одном изводе были Святые или Священные ворота (Иера), в другом — Красные (Эритра). Несомненно, они находились в западной части города.

Стоит признать, что погребение Василея в протографе трактовалось как совершенное за пределами города, недалеко от оборонительной стены, к западу от нее.

Ранние рукописи также указывают, что столб с крестом был поставлен именно на месте гибели епископа, а не на его могиле (на этом настаивает ПР).

8. *Рассказ о Евгении, Агафодоре и Елпидии* так же, как и предыдущие, сходен в различных рукописях: один из последователей Василея прибыл в «страны Гелеспонтские», нашел там трех епископов, которые также были отправлены Ермоном — Евгения, Агафодора, Елпидия, и рассказал им о мученической кончине епископа. Они сразу отправляются в Херсон, начинают проповедовать учение Христа и достигают успехов. Дьявол вооружает против них иудеев и эллинов, которые привязали к ногам святых веревки, поволокли несчастных по городу избивая палками и камнями. Затем их тела выбросили из города на съедение псам и птицам. Христиане города их похоронили. Рассмотрим разночтения.

Таблица 5.

Гр. 376	Василей и его спутник были отправлены Ермоном проповедовать одновременно с Евгением, Агафодором, Елпидием и естественно Ефремом. Евгений обозначен как славный, Агафодор — добрый, Елпидий — дивный. Их смерть наступила 6 декабря.
М	Гонец из Херсона не обозначается как отправленный еще Ермоном. Толпа била епископов посохами и камнями. Тела выбросили за ворота на восточной стороне. Похоронили их 6 декабря.
С	Гонец из Херсона не обозначается как отправленный еще Ермоном. Епископов били посохами и жезлами. Тела выкинули за Мертвые ворота на восточной стороне. Похоронили их 6 (7) декабря.
ПР	Ермон узнает о случившемся с Василеем и вместо него послал других, ничем ему не уступающих. Перечисляются они так: Елпидий, Евгений и Агафодор. Кратко, без подробностей, говорится об их кончине от элинистов и иудеев.
АЖ	Соратник Василея отплыл «в другую сторону Эллинского Понта». Три епископа также были отправлены из Иерусалима, но об Ермоне умалчивается. Их избивали «городские идолопоклонники» толстыми палками.
ГЖ	Здесь рассказ более подробный, чем в других вариантах. Приехавший в Геллеспонт херсонит назван тамошним учеником Василея. Показывается особая роль иудеев в преследовании епископов. Более подробно и живописно описаны издевательства над святыми: их били толстыми палками, большими камнями и другими разными орудиями. Тела святых были выброшены из города на восточной стороне
Гр. 296	Некий гегемон, услышав об успехах епископов, приказал захватить. Они были подвергнуты пыткам и побоям, а потом отсекли у них головы.

В остальных текстах сюжет изложен кратко. Отметим так же, что, согласно МВ, S, УС, РПМ, святых убили восставшие эллины. N и D отмечают, что смерть наступила через год после смерти Василея.

Учитывая сказанное об особенностях рукописей, в первоначальном варианте херсонит, отправившийся в «страны Гелеспонтские», скорее всего, значился местным учеником Василея. Такое объяснение выглядит более логичным, нежели версия, что он прибыл в Херсон вместе с Василеем из Иерусалима. Это также согласуется с церковнославянскими текстами: «был (в Херсоне — авт.) со святым мучеником».

Тела мучеников выбросили за пределы города с восточной стороны, возможно через Мертвые ворота (название ворот упоминается в С и поздних Волоколамской и Милютинской минеях).

Как отмечалось, Гр. 376, М и С указывают, что рассматриваемые епископы были убиты 6 декабря. Возможно, как полагает А. Ю. Виноградов, это является отражением первоначальной даты почитания этих святых[49]. Хотя здесь можно видеть и описку редактора данной традиции, вместо 6 марта ошибочно записавшего 6 декабря.

Вероятно, эта и вся информация, которая содержалась в протографе об Елпидии, Евгении и Агафодоре.

9. *Рассказ об Еферии.* Это самый противоречивый рассказ Житий Херсонских епископов. Выделяется две традиции описания деятельности Эферия.

Первая зафиксирована в Гр. 376, М, С: спустя длительное время (прошло немалое время — Гр. 376) из Иерусалима в Херсон был направлен епископ Еферий. Его путешествие совершалось на корабле. Ветром корабль был отброшен на остров Алсос в районе Днепра. Там он заболел и умер. У его могилы христиане поставили большой столб, а впоследствии выросли деревья, «возвещающие издалека гроб его» — С. Расхождения между текстами минимальны. Гр. 376 уточняет, что на надмогильном столбе был установлен крест. М подчеркивает, что на могиле святого выросло одно дубовое дерево. Таким образом, согласно этой традиции, Еферий скончался по дороге к месту служения, не добравшись до своих прихожан.

Совершенно по-иному судьба Еферия описывается в других редакциях: спустя непродолжительное время после мученической смерти Елпидия, Евгения и Агафодора иерусалимский епископ прислал херсонитам Еферия. Епископ прибыл в город и увидел, что местные жители жестокосердны и их трудно привести в лоно христианской религии. Прослышав, что императором Византии стал Константин Великий, епископ отправился в Константинополь и изложил правителю ситуацию в Херсоне. Константин посылает в город военный контингент, который вывел из города всех «безобразников, буянов и поборников идолопоклонства» — ГЖ и вместо них заселил христиан. Еферий отправился в Константинополь, поблагодарил императора и на пути домой ветром был занесен на остров Алсос, прилежащий к реке Днепр, где и умер.

АЖ сообщает ряд новых подробностей: Еферий отправляется к Константину после того, как узнал, что тот принял крещение. Он попросил конницу и вместе с вооруженными людьми вернулся в Херсон. Выселенные из города и рассеянные «в городах скифов» — это те пятьсот мужей (вместе с семьями), которые ранее убили Василея. Вместо изгнанных в город были заселены пятьсот христиан с семьями из Византии. Их поселили в восточной части города. Еферий воздвиг церковь. В Константинополе он попросил у императора церковные сосуды и книги. Опущена подробность о болезни на острове. Добавлено, что его похоронили христиане острова и поставили над могилой столб с крестом, вокруг которого выросли деревья.

ПР излагает сюжет тезисно.

[49] Виноградов 2010, 48-49.

ГЖ опускает сообщение о поездке Еферия в столицу благодарить императора, но это можно понять из последующего изложения. Здесь более подробно повествуется, что на острове епископ задержался из-за шторма, голодал, заболел и умер. Также там объясняется, что епископа можно считать мучеником, так как он страдал за Христа во спасение своей паствы.

Отличие рассказа в Гр. 296 состоит в том, что жители Херсона вообще не захотели общаться с Еферием и даже выбили ему зубы. Корабль святого был отброшен не на остров, а к реке Данаприе. Здесь он встречает вождя, который «предавал мученичеству» христиан, обличил того и мученически закончил свою жизнь.

Синаксарные тексты естественно излагают сюжет кратко, однако и там присутствуют некоторые подробности. МВ и S, РПМ, как и АЖ, упоминают, что Еферий основал церковь и взял у императора «святые предметы».

Несколько по-иному события трактует ГС: по прибытии в столицу Константин Великий дал Еферию право «творить правый суд и удалять от себя всех неверующих». Он исполнил волю императора, снова отправился в Византию, но не успел туда добраться, так как был схвачен врагами Христа и брошен в реку Данапр.

Таким образом, первоначальная версия данной традиции действительно повествовала о поездке епископа в столицу, отправке в Херсон воинского контингента, выселении из города язычников, появлении на месте последних христиан, строительстве церкви, новой поездке Еферия к Константину, получении от него церковной утвари и священных книг и смерти святого на острове Алсос. Не совсем ясно: голод и болезнь на Алсосе — это вставки греческих или грузинских переписчиков или повтор версии протографа. По крайней мере, в иных текстах об этом ничего не сообщается.

Сходство между двумя традициями: имя епископа Еферий (или Антерий), отправка его из Иерусалима, смерть на острове Алсос.

Различия: длительное ли прошло время после кончины предыдущих епископов, успел ли Еферий епископствовать в городе или умер по дороге в него.

Вероятнее всего, учитывая отмеченные сходства и близость между собой других сюжетов, в основе двух традиций лежал один протограф, который впоследствии был переработан. То ли Еферия сознательно «умертвили» по дороге в Херсон, отдавая пальму первенства в деле христианизации херсонитов его преемнику — Капитону, то ли ему специально отвели роль главного христианизатора. Обе версии, как видим, сосуществовали уже в «ранних» известных текстах. Напомним, В. В. Латышев менял свое представление о сюжете с Еферием. Если в первых работах он считал, что наиболее древней является версия, изложенная в церковнославянских рукописях и греческой рукописи № 376, то впоследствии пришел к выводу, что «в первоначальной редакции… эта деятельность была рассказана так же, как теперь читается в груз., но впоследствии, при переписке, часть рассказа была пропущена, и оригиналами для славянских переводов … послужили рукописи, уже искаженные этим пропуском»[50].

Как представляется, к мнению исследователя стоит прислушаться. По крайней мере, если принять эту точку зрения, становится понятно, откуда взялись

[50] Латышев, Кекелидзе 1913, 80.

люди, встретившие Капитона и жившие вне города (см. ниже). Также стоит отметить, что на факте епископства святого в городе настаивают все официальные синаксарные тексты, причем версии МВ и Синаксаря Константинопольской церкви очень близки между собой.

Уточним название острова, на котором скончался святой.

Таблица 6.

Гр. 376	Αλσος Алсос
М	**Ꙗасъ** — Аась-Усп. (Альсъ — Волок., Алсъ — Милютинс.)
С	**алсос** — Алсос
ГЖ	Алсос
АЖ	Аγсон

Иные рукописи о названии острова умалчивают. Скорее всего, он назывался Алсос. Как указывает большинство версий, остров находился в районе Днепра. Гидроним Δανάπριν впервые встречается у Менандра и Иордана и соответственно фиксируется только в середине VI в.[51] Атрибуция реки как Дунай в УС, очевидно, ошибка сербских переводчиков.

Обратим внимание еще на один аспект — кто направил Еферия в Херсон.

Таблица 7.

Гр. 376	«из Иерусалима»
М	«из Иерусалима»
С	«из Иерусалима»
ПР	Ермон
АЖ	Ермон
ГЖ	«иерусалимский епископ»
Гр. 296	«из Иерусалима»
РПМ	«из Иерусалима»
УС	«из Иерусалима»
МВ	«из Иерусалима»
S	«из Иерусалима»
D	«из Иерусалима»
N	«из Иерусалима»
ГС	«иерусалимский патриарх»

Таким образом, все версии сходятся, что Еферий также был посланцем иерусалимского престола. Однако об Ермоне говорят только поздние ПР и АЖ. Очевидно, появление данного персонажа здесь — следствие логики и фантазии авторов этих текстов. Ранние памятники имени иерусалимского предстоятеля не называют. Скорее всего, так же было и в протографе. Его автор не знал имен епископов Святого Города времен Константина и, понимая, что им не мог быть тот же Ермон, соответственно сделал инициатора миссионерской деятельности Еферия анонимным[52].

[51] Виноградов 2010, 62-63.

[52] В. В. Латышев предполагал, что Еферия направил преемник Ермона — Макарий (Латышев 1906, 38). Однако это имя не фиксирует ни одна редакция.

10. *Прибытие в Херсон Капитона*. Сюжет внешне схож в большинстве сохранившихся текстов. Однако имеются и принципиальные разночтения.

Таблица 8.

Источник	**Какой император отправил епископа**	**Когда был отправлен Капитон**	**Кто являлся инициатором присылки епископа**	**Сопровождение епископа**	**Когда прибыл в Херсон**
Гр. 376	Константин	Спустя непродолжительное время, когда императором стал Константин	«верные из жителей Херсона» послали посольство к императору.	Пятьсот воинов во главе с Феоною	В середине дня
М	Константин	После издания распоряжения о прекращении гонений на христиан	«правоверные херсоняне» послали прошение, сообщив царю все чудеса, «что были при святых отцах»	Пятьсот воинов-христиан	полдень
С	Константин	После издания распоряжения о прекращении гонений на христиан	«правоверные херсоняне» послали послов к Константину	Пятьсот воинов-христиан	полдень
ПР	Константин	Когда иерусалимский епископ Гермон узнал о непослушании ему Херсона	Гермон обратился к царю и попросил его «оттуда поставить иерейство этому городу»	Пятьсот стратиотов	полдень
АЖ	Константин	После смерти Еферия	Христиане Херсона написали письмо императору	Не упоминается	—
Гр. 296	Не упоминается	После смерти Еферия	«взяли всесвятого Капитона епископа»	—	—
ГЖ	Константин	Когда император узнал «о всем, бывшем с прежними епископами»	Херсоняне, которые отправили посольство к императору	Пятьсот воинов	—
УС	Феодосий Великий	После смерти Еферия	Был послан императором	—	—
МВ	Феодосий Великий	После кончины Еферия	Был послан императором	—	—
Sa	Феодосий Великий	После кончины Еферия	Был послан императором	—	—
D	Константин	—	херсониты, которые отправили посольство к императору	—	—

Источник	Какой император отправил епископа	Когда был отправлен Капитон	Кто являлся инициатором присылки епископа	Сопровождение епископа	Когда прибыл в Херсон
N	Константин	—	Херсониты, которые отправили посольство к императору	—	—
ГС	Константин	После смерти Еферия	Христиане Херсона написали письмо императору	—	—

Как видим, имеется два варианта времени появления Капитона в Херсоне: правление Константина Великого и Феодосия Великого. С одной стороны, в подавляющем большинстве текстов фигурирует Константин. Но, с другой стороны, Феодосий присутствует в самых ранних из всех известных версий, которые, скорее всего, являются разными сокращениями одной или близких редакций, созданных не позднее второй половины X в. Возможны два объяснения. Или в древнейшем Житии значился Константин, но образованные составители синаксарных текстов, понимая этот нонсенс (Константин, о чем неоднократно упоминалось в историографии, несомненно, не мог отправлять военный контингент для насаждения христианства), «вмонтировали» сюжет в более реальную историческую канву. Или в прототипе действительно Феодосий делегировал Капитона, а последующий редактор посчитал возможным сопоставить победу христианской религии в Херсоне с «более значимым» и ранним императором — Константином. Последнее кажется предпочтительным[53].

Имеются разногласия и по вопросу, каким образом херсониты обратились к императору — написали письмо или отправили посольство. Ранние синаксари об этом умалчивают. Возможно, что версия протографа отражена в М, ГС и АЖ. По крайней мере, логичным выглядит письмо, которое последующие редакторы заменили на более впечатляющее посольство. Напомним, М — древнейший славянский перевод.

11. Чудеса Капитона. Наиболее логично и полно этот сюжет описан в ГЖ: Капитон был с почетом принят горожанами. Но херсониты не пускали в город «эллинствующих» (судя по всему, выселенных Еферием язычников). Капитон взошел на городскую стену и читал проповедь верующим, но чтобы слышали и те, кто находился за пределами города. Он предложил собраться вместе христианам и язычникам. После этого эллинов впустили в Херсон, чтобы те послушали епископа. Выслушав Капитона, язычники потребовали «убедить их, что христианская вера прочнее их веры», а именно совершить что-то сверхъестественное. Епископ спросил, какое они хотят устроить ему испытание. Они ответили, что разожгли печь для «выделки извести» и если епископ сможет войти туда, пробыть полчаса и выйти невредимым, то все сразу станут христианами. Капитон согласился, но потребовал, чтобы в качестве залога язычники отдали прибывшим с ним воинам детей. Последние нужны были для того, что если епископ выполнит просьбу

[53] Аргументацию см.: Цукерман 1994, 545-546; Виноградов 2010, 65-69.

язычников, а они не крестятся, то солдаты бросят в печь детей. Когда дети были переданы воинам, Капитон подошел к «сильно разожженной печи» произнес молитву и вошел в нее. Епископ пробыл в печи, не полчаса, а час и вышел из нее невредимым, неся в руках горящие угли. После этого все, даже самые упрямые, уверовали, а Капитон их крестил. В честь такого события херсониты возле купели, в которой они крестились, построили «великий и прекрасный» храм во имя апостола Петра.

Отличия С и М. Рукописи прямо не сообщают, что за люди жили за стеной, но в целом повторяет версию ГЖ. Присутствует уточнение, что после первой проповеди епископа был заключен мир между двумя партиями и «вошли все люди в город». Общение епископа с горожанами состоялось на следующее утро. С сообщает о двух печах, в которых пережигалась известь, необходимая для строительства языческого алтаря. М констатирует: «Проповедуй нам две огненные печи для изготовления извести для строительства здания вашей церкви». Купель для крещения из гашеной извести построил сам Капитон.

По Гр. 376 христиане почему-то находились вне города, хоть и встретили епископа с «великой радостью». Проповедь была совершена не на стене, а у стены. Вероятно, намек на конфликт между горожанами содержится в словах, что епископ «дал мир народу». Несколько другой акцент расставлен в рассказе о дискуссии с язычниками. Они не простят чуда, а непосредственно указывают Капитону, что если тот хочет убедить их, пусть войдет в одну из двух печей для обжига извести, построенных для строительства языческого храма. Гр. 376 точно не указывает, сколько епископ пробыл в печи, отмечая, что это было «довольное время». Крещальню построил не сам Капитон, а по его повелению. Храм Петра возводит лично епископ.

ПР акцентирует внимание, что «правоверные» и остальные жители города оказали епископу «почетное сопровождение», когда узнали, что он пришел с воинами. Здесь не упоминается об изгнанниках. В целом дальнейшее повествование в русле ГЖ, но менее подробно. Крещение произошло в купели, которую изготовил Капитон из гашенной извести.

Гр. 296 излагает сюжет схематично, без подробностей о двух партиях христиан, о залоге детьми, строительстве купели и храма.

Автор АЖ сообщает о деяниях Капитона тезисно, в рамках ГЖ. Правда, некоторые из подробностей, которые в иных редакциях помещены в рассказ о Капитоне, он перенес в повествование об Еферии. Поэтому читателю непонятно, что это за воины-христиане, которым Капитон потребовал передать детей язычников (по АЖ пятьсот солдат прибыли с предыдущим епископом). Небольшим отличием является дополнение, что после совершенного епископом чуда уверовали не только язычники, но и иудеи. Как отмечалось, по данной версии Капитон скончался 20 апреля.

МВ и Sa, УС предлагают несколько иную последовательность событий: прибыв в Херсон, Капитон стал проповедовать и решил уничтожить идол (храм идола — Sa) Парфения и на его месте воздвигнуть церковь апостола Петра. Именно для этого были сооружены печи. Эллины и иудеи воспротивились. Они предложили святому войти в горящую печь и, если он выйдет невредимым, уверовать и бросить в печь своих детей — МВ (святой заключил с соглашение с эллинами,

что, если выйдет невредимым из печи, пусть бросят в печь своих детей и попросят защиты у языческих богов — Sa). После того как Капитон вышел невредимым, идолопоклонники уничтожили свой храм (и построили на этом месте христианский — Sa).

Близко к Sa излагает события N и D (в последнем рассказ передан более кратко и опущен ряд подробностей). Напомним также, что по MB и Sa события произошли в эпоху Феодосия 1.

Как видим, в ранних синаксарях акценты в рассказе поставлены несколько иначе, чем в большинстве пространных редакций. Если исключить расхождения, которые могли возникнуть при сокращении текста (например, очевидные несуразности: в Sa иудеи защищают «храм идолов… из-за превосходства богов», а MB констатирует, что язычники готовы если совершиться чудо не только уверовать, но и бросить в печь своих детей), остается несколько принципиальных различий: пытался ли действительно Капитон в протографе снести храм Парфения, кто построил печи — Капитон для церкви Петра (что сообщает и M) или местные жители для своего языческого храма. Несмотря на всю стройность версии, что печи предназначались изначально для возведения языческого храма, наиболее ранние тексты настаивают, что они строились для возведения христианской церкви. Очевидно, в первоначальной редакции присутствовало именно это. Последующие же редакторы «перепрофилировали» печи для строительства языческого храма. Древнейший вариант логичнее: язычники изгнаны из города, внутри городских стен проживают христиане, прибывшие с Еферием, поэтому о каком строительстве языческого храма может идти речь? Наоборот, естественно возведение церкви. Возможно, «языческая версия» появилась в момент составления версии о смерти Еферия на пути в Херсон. Соответственно, на момент прибытия Капитона в городе должны господствовать язычники.

Содержался ли в протографе рассказ об уничтожении Капитоном храма идола Парфения? Названия языческого храма не сохранила ни одна из пространных рукописей, в том числе и церковнославянских (последние достаточно полно отразили местную топонимику). Поэтому вряд ли славянские переводчики сознательно исключили эту подробность, а греческие переписчики и последующие редакторы упустили такую «изюминку». О желании епископа разрушить культовое сооружение язычников сообщают только синаксари. Следовательно, изначально источник писал, что Капитон прибыл в Херсон, внутри города обитали христиане, язычники проживали за городскими стенами. Печи предназначались для сооружения церкви. Появление Парфения, вероятно, следствие неудачного сокращения авторами синаксарей пространного текста. Близкое к имени храма название Парфенон (Парфенион) несколько раз фигурирует в житиях, сначала как место укрытия Василея, а затем как какой-то район города. Кроме того, составители синаксарного текста могли быть знакомы с сообщением Страбона: во-первых, в городе есть святилище Девы; во вторых, в 100 стадиях есть мыс Парфения со статуей этого божества (Strab. VII. 4. 2)[54]. Отсюда и появилась версия, что Капитон хотел разрушить идол храма Парфения.

[54] О локализации Парфенона см. Скржинська 2006; Русяєва 2007; Буйских 2008, 171-175.

Очевидно, чудо, совершенное Капитоном, появилось в Житии как аллюзия с библейским сюжетом из Книги пророка Даниила (Дан. 3). Сюжет с огнем, чудесным образом не причиняющим вреда праведникам, часто встречается в агиографии[55]. Ближайшую же аналогию чуду Капитона В. В. Латышев видел в сообщении Продолжателя Феофана (Кн. V). Повествуя о принятии христианства «неодолимым и безбожным народом россов» в период правления Василия I (867–886), вероятно в 874 г.[56], источник сообщает: «Щедрыми раздачами золота, серебра и шелковых одеяний он (император Василий — авт.) склонил к соглашению неодолимый и безбожный народ росов, заключил с ними мирные договоры, убедил приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа, который, явившись в их страну, стал любезен народу таким деянием. Однажды князь этого племени собрал сходку из подданных и воссел впереди со своими старейшинами, кои более других по многолетней привычке были преданы суеверию, и стал рассуждать с ними о христианской и исконной вере. Позвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных божьих деяниях. На это росы тут же ответили: Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках и печи, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим. А он, веря в истину рекшего: Если что попросите во имя мое, то сделаю и Верующий в меня, дела, которые творю я, и он сотворит и больше сих сотворит, когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения душ, сказал им: Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны. И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся к Богу, им возглашаемому. После этих слов поднял иерей глаза и руки к Богу и рек: Прославь имя твое, — Иисус Христос, Бог наш в глазах всего этого племени,—и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим, так что даже кисти запоров книги не попортились и не изменились. Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению»[57].

12. Заключительный период епископства Капитона.

Он сохранился только в пространных версиях и в основном сходен.

По Гр. 376 Капитон докладывает о своих достижениях Константину (не упоминается лично или посланием), который тогда находился на первом Вселенском соборе в Никее (325 г.). Он также попросил императора оставить в Херсоне для постоянного проживания Феону «со всем родом». Горожанами прибывшим была отдана восточная часть города от района Малого Торга до «места, называемого Парфеноном». Как утверждает источник «до сих пор и доселе (места) близкие

[55] Латышев 1906, 49-50.
[56] Бибиков 2004, 59.
[57] Продолжатель Феофана 1992, 142-143.

к храму апостола Петра именуются Феониной стороной». Скончался Капитон в глубокой старости.

В М уточняется, что Капитон сообщил о своих деяниях письмом. Константин же поведал об этом 318 отцам, присутствовавшим на соборе. Византийцы сами отделились, «чтобы заселить восточный город», который и называется «Феониным городом». Малый Торг (Малая Площадь — Волок, Милют) — это улица.

С повторяет версию М. Расхождения: Малый Торг — это квартал; прежде чем выделить для Феоны восточную часть города, херсониты собрались на общий сход.

По ГЖ о чудесах Капитона царю было рассказано подробно, причем, как следует из текста, не самим епископом. Константин сообщает об этом епископам, собравшимся в Никее. О поселении Феоны и его людей было принято решение на общем собрании горожан. Род Феоны впоследствии перемешался с херсонянами. Об обстоятельствах смерти Капитона источник умалчивает.

По ПР Капитон лично присутствовал в Никее и все доложил императору. Других подробностей нет.

Гр. 296, АЖ, синаксарные версии указанные выше детали умалчивают, отмечая, что Капитон сотворил много деяний.

Таким образом, путем сопоставления сведений всех сохранившихся рукописей можно сделать вывод, что в протографе сообщалось следующее: по просьбе епископа в Херсоне были оставлен военный отряд во главе с Феоной[58], а Капитон прожил долгую жизнь. В редакции, автор которой заменил Феодосия на Константина, появилась версия о докладе Капитона императору, присутствовавшему тогда на Первом Вселенском соборе.

Попытаемся реконструировать полную версию протографа, вернее текст, который, как нам представляется, лежит в основе сохранившихся редакций.

В период правления Диоклетиана (возможно, в 16-й год его правления) иерусалимский епископ Ермон, который имел какое-то отношение к некому Эсналоту, делегирует двух епископов для проповеди христианства: Ефрема в Туркию, Василея в Херсон. Василей, начав нести слово Божье в городе и ощутив сопротивление и притеснения (вероятно, был даже избит) язычников, укрывается в некой пещере Парфенон на территории Херсонеса. По просьбе одного из «первых» людей города и его жены, которых умерший сын во сне «направил» к святому, он с помощью обряда крещения воскресил юношу. Присутствовали при этом и некие помощники святого. После совершения чуда родители (а возможно, и другие родственники) также были крещены. Однако против епископа восстали язычники. Они пришли к пещере, нашли там святого, привязали за ноги и, проволочив по улицам города, выбросили тело через Святые ворота, расположенные в западной части города. На месте гибели святого впоследствии был установлен столб с крестом.

Некий ученик Василея отправился в Геллеспонт и нашел там трех миссионеров: Елпидия, Евгения и Агафодора, — которые также были посланцами Иерусалима. Узнав о судьбе Василея, они отправились в Херсон. Здесь их обрекли на мученическую смерть эллины. Несчастных тащили по улицам, избивая палками

[58] А. Ю. Виноградов склонен видеть в Феоне Житий трибуна Флавия Тита, известного по надписи 392–393 гг. (Виноградов 2010, 100 — 107). Однако сходство имен здесь настолько приблизительное, а аргументы автора столь натянуты, что мы позволим оставить данное предположение без внимания.

и камнями. Тела выбросили за пределы города с восточной стороны, возможно через Мертвые ворота.

Спустя непродолжительное время после смерти Елпидия, Евгения и Агафодора иерусалимский престол прислал херсонитам Еферия. Епископ прибыл в город и увидел, что местные жители жестокосердны и их трудно приобщить к христианству. Узнав, что императором стал Константин Великий, Еферий отплыл в Константинополь и доложил правителю ситуацию в Херсоне. Константин направил в город военный контингент, который выселил из города всех язычников и вместо них поселил христиан. Еферий, построив церковь, отправился в Константинополь, поблагодарил императора и на пути домой ветром был занесен на остров Алсос, прилежащий к реке Днепр, где и умер.

Узнав о кончине своего епископа, херсониты обращаются уже к Феодосию I с просьбой прислать им нового предстоятеля. Тот направляет туда Капитона в сопровождении пятисот воинов. Прибыв в город, святой начинает проповедь и для живущих в городе христиан и для обитавших в округе язычников-изгнанников. Он мирит две партии, язычники входят в город, и Капитон пытается склонить их к принятию христианства. Те требуют доказательства превосходства новой религии и предлагают миссионеру войти в печь для обжига извести, которая предназначалась для строительства церкви. Капитон соглашается, но предлагает язычникам отдать в залог их детей. После передачи заложников римским солдатам святой входит в печь и через час выходит невредимый. Затем епископ крестит всех жителей города. По его просьбе император оставляет в городе воинский отряд во главе с Феоной, которым отдается на поселение восточная часть Херсона. Умирает Капитон, прожив долгую жизнь и совершив ряд благих дел.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Н.А. 2002: Архонтия Херсона VIII-IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. IX, 455-500.

Байер У.Ф. 2000: История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург.

Бибиков М.В. 2004: Byzantirossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М.

Беляев С.А., Каменев Г.К, Каменева Н.В. 2009: Методы изучения житий херсонских епископов // Очерки истории христианского Херсонеса / С.А. Беляев (ред.). СПб., 52-69.

Буданова В.П. 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 52-69.

Буйских А.В. 2008: Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь.

Верещагин Е.М. 2009: Древнейшее славяно-русское богослужебное исследование на память священномучеников, епископствовавших в Херсонесе Таврическом // Очерки истории христианского Херсонеса / С.А. Беляев (ред.). СПб., 70-89.

Виноградов А.Ю. 2010: «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.

Голубинский Е.Е. 1907: Херсонские священномученики, память которых 7-го марта // ИОРЯС. XII. 14, 263–272.

Дагрон Ж. 2000: Двуликий Крым // МАИЭТ. VII, 289-301.

Днепровский Н.В. 2008: К вопросу о локализации убежища св. Василия, епископа Херсонесского // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / В.В. Хапаев, М.М. Чореф (ред.) Симферополь. 1, 131-144.

Джанашвили М.Г. 1899: Известия грузинских летописей и историков о Херсонисе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 26, 1-112.

Диатроптов П.А. 1986: Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. н. э. // Античная гражданская община. М., 127–151.

Завадская И.А. 2000: Этапы христианизации Херсонеса // Сходознавство. 9–10, 170–189.

Зубарь В.М. 2004: Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 556-628.

Иванов С.А. 2001: Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов. // Славяне и их соседи. 10, 16-38.

Лавров П. 1911: Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М.

Латышев В.В. 1906: Жития св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗАН. VIII. 3, 1-81.

Латышев В.В. 1907: Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними // ИАК. 23, 108-112.

Латышев В.В. 1909: К Житиям св. епископов Херсонских. Заметки к агиологическим текстам. СПб., 8–24;

Латышев В.В., Кекелидзе К. 1913: Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее // ИАК. 49, 75-88.

Мещеряков В.Ф. 1978: О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 121–134.

Могаричев Ю.М. 2003: Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // ПИФК. XIII, 261-279.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. 2007: Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь.

Науменко В.Е. 1999: Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным Notittiae episcopatuum // Крымский архив. 5, 9-23.

Науменко В.Е. 2003: К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII-IX вв. // АДСВ. 34, 123-145.

Продолжатель Феофана. 1992: Жизнеописания византийских царей. М.

Прокопий Кесарийский. 1939: О постройках // ВДИ. 4, 203-253.

Ростовцев М.И. 1914: Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.

Русяева А.С. 2007: Проблемні питання інтерпретації культу Партенос — Верховної богині Херсонеської держави // БИ. XVI, 82-111.

Саргсян Т.Э. 2010: Армянские Жития святых епископов Херсонеса // Сугдейский сборник / Н.М. Куковальская (ред.). Киев; Судак, 202-224.

Северьянов С. 1904: Супрасльская рукопись. СПб.

Серафимович С. 1868: Херсонские святители // ЗООИД. 7, 120–131.

Скржинська М.В. 2006: Парфенон у Херсонесі Таврійському // Україна в Центрально-Східній Європі / Смолий В.А. (ред.). Київ. 67-85.

Сорочан С.Б. 2005: Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков.

Франко І. 1903: Святий Климент у Корсуні. Легенди про корсунських мучеників // Записки наукового товаривства імені Шевченка. Львів, 145–163.

Харлампович К. 1908: Рец. на: Латышев В. В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // Ученые записки императорского Казанского университета. 1. Январь, 1-24. Казань.

Храпунов И. Н. 2005: Древняя история Крыма. Симферополь.

Храпунов Н. І. 2009: Адміністрація візантійського Херсона (кінець IV-XI ст.): автореф. … канд. іст. наук. Київ.

Цукерман К. 1994: Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. I, 545-561.

Чернышева М. И. 2009: Язык славянской версти «Житий херсонских святых» // Очерки истории христианского Херсонеса / С. А. Беляев (ред.). СПб., 118- 138.

Чичуров И. С. 1980: Византийские исторические сочинения. М.

Шене Ж.-К. 2000: Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. VI, 310-317.

Шестаков С. П. 1908: Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по р. х. // Памятники христианского Херсонеса. М.

Шкорпил В. В. 1917: Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 63, 109-120.

Darrouzes J. 1981: Notitiae episcopatuum eclessiae Constantinopolitanei. Paris.

Acta sanctorum. 1668: Martii. I. Antverpiae.

Delehaye H. 1902: Propylaeum ad acta Sanctorum Novembris. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis synaxariis selectis opera et studio Hippolyti Delehaye. Bruxellis.

Halkin Fr. 1985: La passion des sept évêques de Cherson (Crimée) // Analecta Bollandiana. 102, 253–261.

Migne J. P. (ed.) 1857-1866. Patrologiae Graecae. Vol. 117.

ST. CHERSON BISHOPS HAGIOGRAPHY. PROTOGRAPH VERSION

Yu. M. Mogarichev

This is an attempt to reconstruct the original version of St. Cherson bishops' hagiography. The author investigates a number of medieval manuscripts and analyzes peculiarities of different texts. He studies the activities of Cherson bishops during reigns of Late Roman emperors – Diocletian, Constantine I and Theodosius I.

Key words: hagiography, Cherson bishops, Chersonese.

© 2012

Р. В. Тихонов

МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ И ГРЕЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В КЕРАМИЧЕСКОМ РЕМЕСЛЕ БАКТРИИ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА*

В эпоху эллинизма гончарное ремесло Бактрии вступает в новую стадию своего развития. Это было обусловлено не только распространением греческих новаций (новые типы и морфологические детали посуды, штамповый орнамент, горны с опорным столбом в топочной камере), но и развитием местной гончарной школы (хозяйственная и кухонная посуда, простой орнамент, двухъярусный горн с округлой или овальной топочной камерой).

Ключевые слова: эллинизм, Бактрия, гончарное ремесло, греческие новации, местные традиции.

В эллинистический период гончарное дело Бактрии продолжает свое развитие. Это связано не только с привнесением греческих традиций, но и с усовершенствованием местной ремесленной школы. Обжигательные горны данной эпохи зафиксированы на нескольких памятниках Бактрии. На городище Саксанохур частично раскопан квартал керамистов, где было открыто девять обжигательных горнов с прямой вертикальной тягой. Три из них Х. Мухитдинов отнес к греко-бактрийскому времени[1]. От горнов сохранились лишь топочные камеры округлой или прямоугольной формы, вырубленные в материке и обложенные по периметру сырцовым кирпичем. Они, видимо, имели купольное или сводчатое перекрытие.

Два обжигательных горна открыты в процессе археологических исследований на Дальверзинтепа. Отличительной особенностью одного из них является наличие столба, на который опирается перекрытие топочной камеры[2].

В северо-западной части северного ансамбля гимнасия Ай-Ханум был также обнаружен округлый двухъярусный горн. Его обжигательная камера перекрыта куполом, а топочная камера имела плоское перекрытие на опорном столбе. Жаропроводящие каналы отсутствуют, продухи устроены в перекрытие топки[3].

Тихонов Роман Владимирович — ассистент кафедры всеобщей истории ЕГУ им. И.А. Бунина. E-mail: 478042316789@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00743м «Взаимодействие местных и греческих начал в эллинистической культуре Бактрии (на примере гончарного производства)»

[1] Мухитдинов 1968, 29–33.

[2] Ртвеладзе 1978, 13.

[3] Veuve 1987, 17.

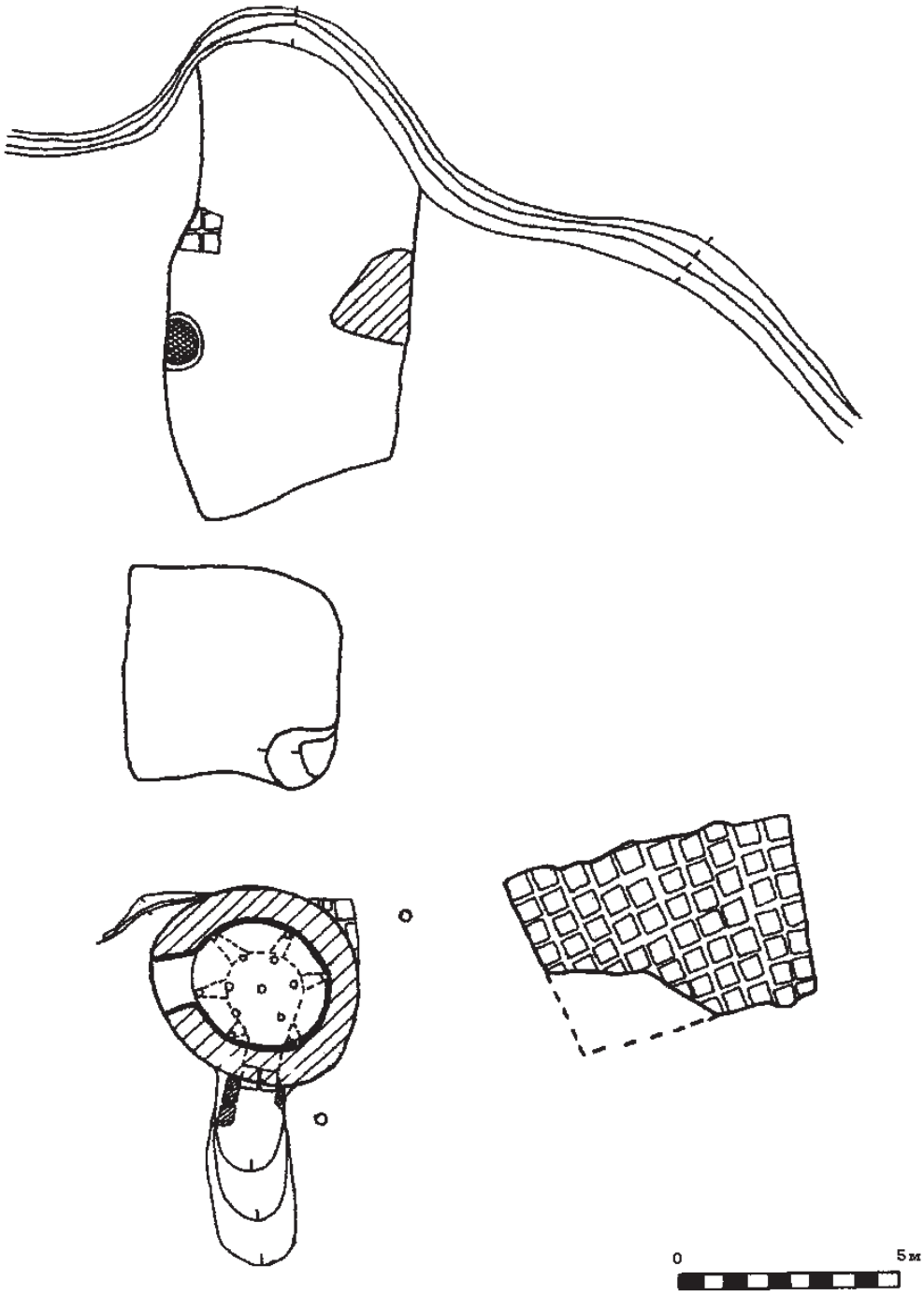


Рис. 1. Бактрийский эллинистический горн первого типа. Кампыртепа.

В пригородной зоне Кампыртепа находятся несколько керамических обжигательных горнов. Первый из них двухъярусный, округлый в плане. Он имел восемь жаропроводящих каналов, расположенных радиально. Перекрытие не сохранилось, однако, по мнению С. Б. Болелова, «есть основания предполагать, что оно было купольным, так как стены обжигательной камеры были загрублены в материк, а жаропроводящие каналы устроены в кирпичной кладке»[4].

На юго-восточном участке цитадели Кампыртепа были изучены открытые дворы с расположенными на их территории обжигательными устройствами. Наиболее полно сохранился горн № 5. Он прямоугольной формы, а его стенки, стоящие непосредственно на полу, сложены из прямоугольного сырцового кирпича соответствующего размера (52–50×38–36×14–12 см.). Гор двухкамерный, одноярусный с боковым ходом горячих газов[5].

Таким образом, на территории Бактрии открыто и изучено более десяти обжигательных горнов эллинистического времени. По своим конструктивным признакам их можно подразделить на три типа.

К первому относится двухъярусный горн с округлой или овальной топочной камерой, углубленной в материк, обложенной по периметру сырцовыми кирпичами, перекрыт ложным куполом или сводом. Жаропроводящие каналы расположены радиально, открываются в камеру обжига одним или двумя продухами, площадь которой всегда больше площади топки (рис. 1).

Второй тип характеризует двухъярусный горн с округлой топочной камерой, плоское перекрытие, которой опирается на столб. Жаропроводящие каналы не прослеживаются, а продухи устроены внутри печи и на прямую связывали камеру обжига с топкой (рис. 2).

Одноярусные прямоугольные обжигательные горны, устроенные на поверхности, составляют третий тип. Прямоугольные в плане топочные и обжигательные камеры были перекрыты единым ложным сводом. Кроме того, они располагались на одной оси и разделялись полукруглой, овальной в сечении перегородкой. Топочное устье и загрузочный люк находились на противоположных торцах печи (рис. 3).

Бактрийские горны первого типа находят широкий круг аналогий. По своей конструкции они близки подобным сооружениям раннежелезного века, открытых на территории Средней Азии. Видимо, прав С. Б. Болелов, полагающий, что «двухъярусный обжигательный горн мог появиться на территории Средней Азии в результате развития более ранних конструкций, например, двухъярусных печей Сапаллитепа. При этом нельзя исключать и определенного влияния керамического производства Маргианы»[6].

Происхождение горнов второго типа, видимо, связано с эллинистической традицией, поскольку подобного вида сооружений в Бактрии предшествующего времени не выявлено. В свою очередь горны с опорным столбом в топочной камере хорошо известны в греческом мире, где они датируются предэллинистическим и эллинистическим временем.

---

[4] Болелов 2001, 15.
[5] Болелов 2011, 56–57.
[6] Болелов 2001, 21.

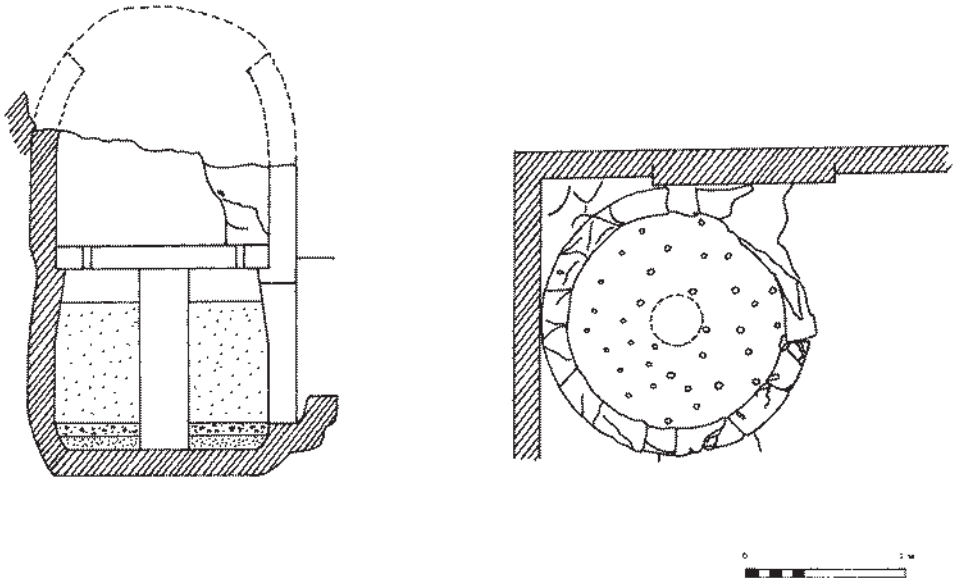


Рис. 2. Бактрийский эллинистический горн второго типа. Ай-Ханум.

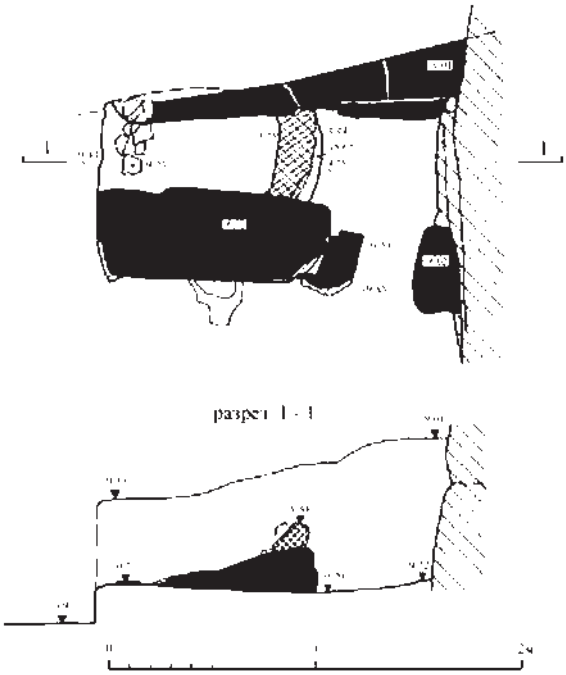


Рис. 3. Бактрийский эллинистический горн третьего типа. Кампыртепа.

Так, например, данные сооружения известны как в Балканской Греции, так и в греческих колониях[7]. В ходе исследований Фанагории еще в 1931 г. была открыта двухъярусная округлая в плане обжигательная печь. В центральной части ее топки расположен квадратный столб, игравший роль подпоры для топочного помещения. Кроме того, фанагорийская печь отличается от подобных сооружений тем, что столб не имеет канала для усиления тяги топочных газов. По мнению В. Ф. Гайдукевича «подобный столб, будучи квадратным и меньшим по своим размерам, чем в керченской, не столь сильно препятствовал движению топочных газов, их распространению по всей топке»[8].

Если в Бактрии опорный столб имел, как правило, округлую форму, то в греческом мире он квадратный или прямоугольный. В свою очередь горны с опорным столбом, расположенным в обжигательной камере, получают свое дальнейшее распространение на территориях римских провинций[9]. Так, например, в Горгиппии были открыты несколько гончарных мастерских, относящихся к различным периодам обживания города. Третья из подобных мастерских характеризует гончарное дело города первых веков н. э. Ее ядром были довольно большие обжигательные печи, прямоугольной формы с опорным столбом в центре и с каменными стенками[10].

Археологические данные позволяют выделить несколько типов гончарного производства Бактрии. Это касается только городов и укрепленных поселений, поскольку в сельской местности пока не обнаружено подобных конструкций.

К первому типу можно отнести действовавшие на протяжении продолжительного времени кварталы керамистов, расположенные в черте города. Так, например, на городище Саксанохур в эллинистический период функционировали три горна, находящиеся рядом друг с другом. Несколько позднее к ним были пристроены еще шесть горнов.

Второй тип характеризуют мастерские, работавшие постоянно, однако в течение определенного промежутка времени. На Дальверзинтепа обжигательный горн функционировал на раннем этапе жизни города. В дальнейшем, по мере расширения города, гончарное производство выносится за пределы его стен.

Сезонные мастерские относятся к третьему типу. Пример данного производства дают материалы Кампыртепа. Здесь, в пригородной зоне, вскрыт обжигательный горн, площадка для сушки посуды, ямы с производственными отходами, а также жилище (землянка) мастера-керамиста.

Домашнее производство составляет четвертый тип. Оно представлено пятью горнами, находящимися в пределах крепостных стен на Кампыртепа. Более того, по мнению С. Б. Болелова, «на территории крепости функционировало домашнее производство, где, возможно, работали гончары — члены соседской общины, удовлетворявшие потребности жителей поселения в глиняной посуде по мере необходимости в течение всего года. Это производство можно считать общинным. Надо полагать, это производство не было столь специализированным. Однако,

[7] Гайдукевич 1934, 68; Drews 1979, 38.
[8] Гайдукевич 1934, 68.
[9] Бобринский 1991, 201–202.
[10] Кругликова 1977, 45.

учитывая размеры обжигательной камеры одноярусных горнов, уверенно можно говорить, что крупные тарные сосуды в этих горнах не обжигались»[11].

Способы формовки керамических сосудов Бактрии эпохи эллинизма были различными. Как правило, столовая посуда изготавливалась на гончарном круге, а хозяйственная, в свою очередь, лепной формовкой. Только лишь тагора, несмотря на достаточно большие размеры, в большинстве своем формовались на круге. Все перечисленные типы посуды обжигались в горнах, которые обнаружены во время раскопок на территории Бактрии.

Хозяйственная посуда, сформованная вручную, также отличается способом лепки и качеством. Так, например, на Душанбинском городище имеются сосуды, изготовленные из двух кусков глины, а по мере готовности соединенные в одну форму, причем место соединения заглажено менее тщательно, что привело к различной толщине стенок одного сосуда[12].

В эллинистическую эпоху применялись керамические формы для изготовления будущих сосудов. Одну из подобных форм нашли Л. М. Сверчков и А. А. Восковский в слоях греко-бактрийского времени на цитадели Кампыртепа[13]. Использование керамических форм не являлось новшеством для Бактрии. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве своем они применялись для изготовления «мегарских чаш». Не исключено, что подобные формы имелись и в гончарном производстве Маргианы. В пользу их применения в Мерве Л. М. Рутковская приводит ряд технических особенностей, которых невозможно достичь при изготовлении сосуда на круге, а именно достаточно хорошую заглаженность внутренней поверхности стенок и отсутствие какой-либо деформации при их толщине не более 2 мм[14].

Под воздействием греческих традиций в Бактрии эллинистического периода значительно увеличивается ассортимент посуды, включающий совершенно не характерные ранее для восточных областей типы[15]. Речь, прежде всего, идет о наличии таких форм, как амфоры, кратеры, фиалы, «мегарские чаши», рыбные блюда, аски, ритоны, арибаллы, алабастры (рис. 4). Ареал их распространения чрезвычайно широк. Однако если одни из них найдены на всех памятниках данного времени (фиалы, рыбные блюда), то другие имели достаточно локальное бытование (аски, арибаллы). Это можно объяснить характером бактрийских поселений. Так, например, как известно, арибаллы использовались для хранения масла, которым натирались спортсмены во время физических упражнений в гимнасиях и палестрах. В сою очередь гимнасий, как непременный атрибут греческого полиса, был обнаружен только лишь на городище Ай-Ханум[16].

Следует отметить, что греческие формы посуды под воздействием местной среды видоизменяются. К примеру, у амфоры дно становится плоским (рис. 4, *1*), что свидетельствует в пользу транспортировки вина и масла по сухопутным торговым путям. Кроме того, известны единичные находки импортных остродонных

[11] Болелов 2011, 71.
[12] Абдуллаев 2005, 155.
[13] Сверчков, Восковский 2006, 25.
[14] Рутковская 1962, 58.
[15] Абдуллаев 2010, 46–62.
[16] Bernard 1976, 293–302.

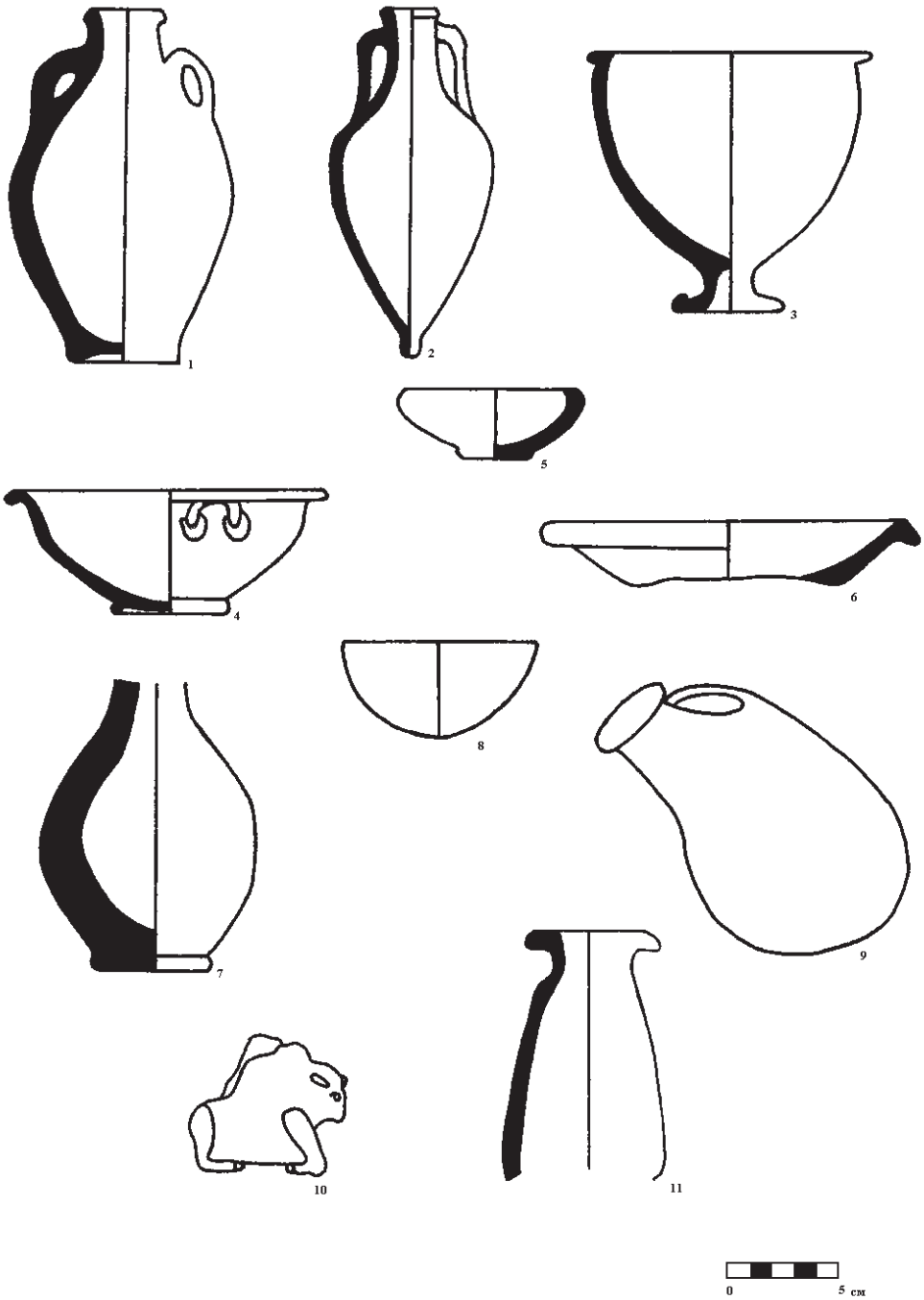


Рис. 4. Греческие типы в эллинистической керамике Бактрии (*1–2* — амфора; *3–4* — кратер; *5* — фиала; *6* — рыбное блюдо; *7* — арибалл; *8* — «мегарская чаша»; *9* — аск; *10* — ритон; *11* — алабастр).

амфор на городище Ай-Ханум (рис. 4, *2*)[17]. Их наличие в керамическом комплексе, видимо, свидетельствует о том, что греки, поселенные в глубинах Азии поддерживали тесные связи с Элладой. Данное предположение подкрепляется также эпиграфическим материалом. Так, например, надписи из теменоса Кинея гласят, что Клеарх скопировал дельфийские максимы мудрецов и воспроизвел их на стеле в Ай-Ханум[18]. В библиотеке города был обнаружен отпечаток философского диалога на папирусе[19].

Наиболее ярко взаимодействие греческих и бактрийских традиций проявилось в появлении цилиндроконических кубков на дисковидном или кольцевом поддоне, где форма сосуда восточная, а поддон демонстрирует эллинское влияние (рис. 5, *1–3*). Данные сосуды впервые встречаются в эпоху греческой оккупации Средней Азии[20]. К тому же у нас нет оснований датировать появление цилиндроконических сосудов на дисковидном или кольцевом поддоне ранее III в. до н. э. Подобное утверждение подтверждается материалами археологических исследований. Данный тип посуды появляется в керамическом комплексе второго этапа Ай-Ханум, наряду с исконно греческими типами[21], отсутствует в нижних культурных слоях Кампыртепа[22], Курганзола[23]. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие данной формы в культурных слоях некоторых эллинистических памятников Бактрии. Яркий тому пример дают материалы Дальверзинтепа и Старого Термеза. По мнению исследователей, немногочисленность сосудов на дисковидном или кольцевом поддоне, свидетельствует о локальном варианте гончарного производства[24].

В пользу греческой принадлежности кольцевого или дисковидного поддона свидетельствуют следующие факты. Во-первых, как было уже отмечено выше, цилиндроконические кубки на кольцевом или дисковидном поддоне появляются впервые не ранее III в. до н. э. Во-вторых, подобный поддон отсутствует в керамике страны ахеменидского периода. Он не отмечен в морфологии посуды таких крупнейших памятников Бактрии, как Кызылтепа[25], Кучуктепа[26], Талашкантепа I[27], хотя имеет место быть в керамическом ремесле Ирана, начиная с раннежелезного века[28]. И в-третьих, кольцевой или дисковидный поддон на различных типах посуды начинает распространяться с VI в. до н. э. в различных регионах ойкумены в связи с греческим влиянием и сохраняется в эпоху римского господства[29].

---

17 Schlumberger, Bernard 1965, 634–635; Bernard 1971, fig. 14; Gardin 1973, 161–162.
18 Кошеленко 1979, 155; Robert 1968, 416–457.
19 Rapin, Hadot, Cavallo 1987, 240–244.
20 Болелов 2004, 124.
21 Лионе 2000, 75.
22 Восковский 2003, 49.
23 Сверчков 2007, 35–49.
24 Некрасова, Пугаченкова 1978, 145; Пидаев 1991, 217.
25 Сагдуллаев, Хакимов 1976, 26–29.
26 Аскаров, Альбаум 1979, 31–47.
27 Заппаров, Ртвеладзе 1976, 21–22; Шайдуллаев 2000, 50–78.
28 Медведская 1977, табл. I–II; Stronach 1978, fig. 107, 1, fig. 108, 8, 13, 15.
29 Леви 1964, 242, 252–254; Парович-Пешикан 1974, 85–86; Анфимов 1986, 125–128; Буйских 2007, 36–41; Буйских, Монахов 2009, 125–135; Егорова 2009, 66; Крапивина 2009, 77; Braidwood 1940, fig. 3; Robinson 1959, pl. 65; Moorel 1968, 57–75; Braemer 1986, 224–241; Alabe 1992, 51–62.

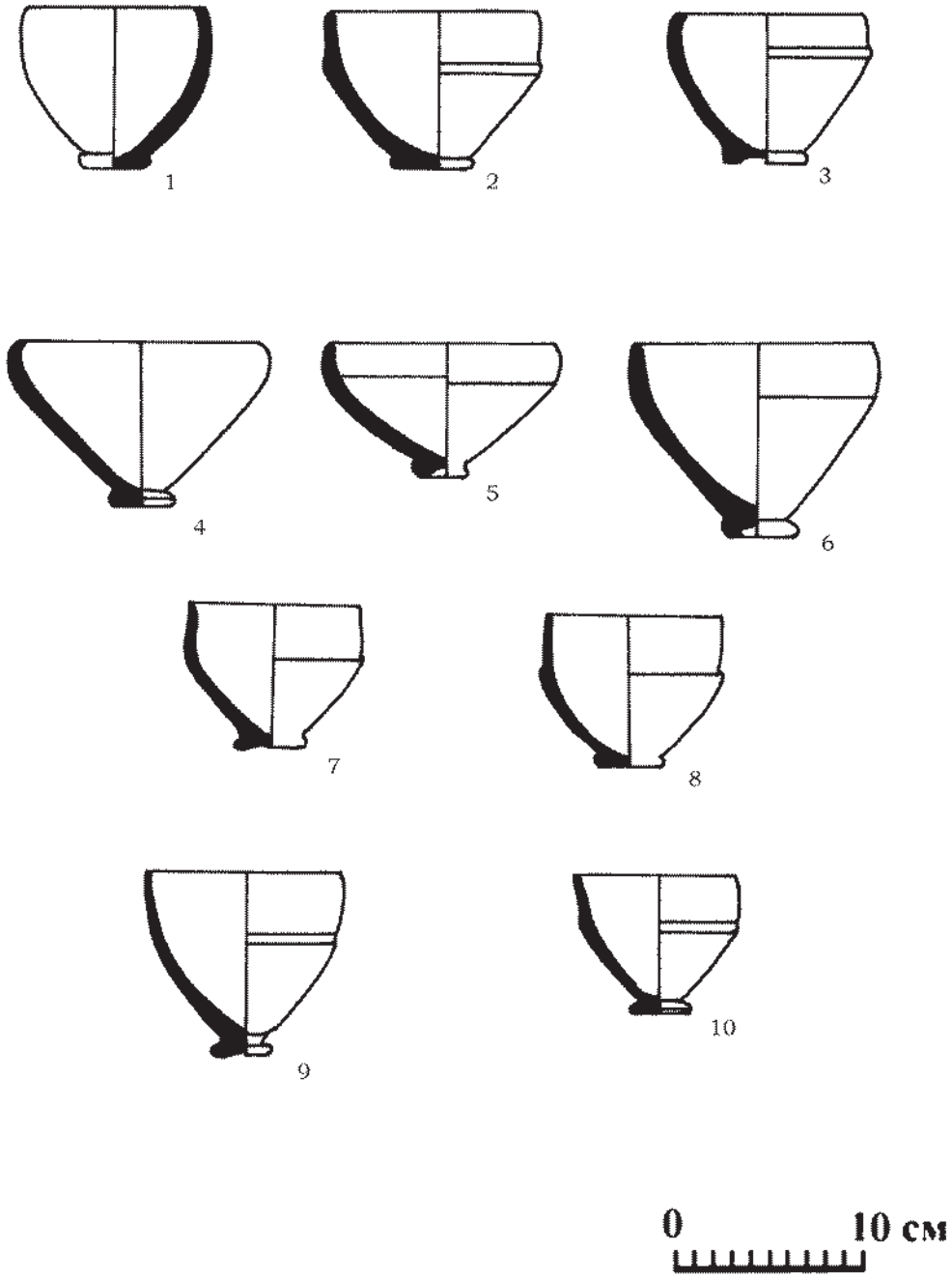


Рис. 5. Цилиндроконические кубки на кольцевом или дисковидном поддоне (*1–3* — Бактрия; *4–6* — Маргиана; *7–8* — Согд; *9–10* — Хорезм).

Бактрийские цилиндроконические кубки на дисковидном или кольцевом поддоне находят широкий круг аналогий в материалах ряда памятников Средней Азии (рис. 5, *4–10*). Подобные сосуды известны в Согде, Хорезме и Маргиане[30].

Греческое влияние затронуло, главным образом, столовую посуду, а увеличившийся ассортимент кухонной и тарной керамики (рис. 6) свидетельствует, видимо, в пользу развития местной гончарной школы[31]. Тем не менее, воздействие на бактрийские традиции греческого гончарства было ощутимым, что не могло не отразиться на дальнейшем его развитии. В кушанскую эпоху неотъемлемой частью керамики Бактрии становятся греческие формы, впервые появившиеся в эллинистический период[32]. Более того, некоторые из них с незначительными морфологическими изменениями не только дожили до наших дней, но и получили широкую популярность (яркий тому пример — фиала).

С греческим влиянием также, видимо, следует связать распространение граффити на сосудах. Этот прием известен для керамических комплексов Ай-Ханум[33] и Кампыртепа[34]. На некоторых из них упоминаются греческие денежные единицы (драхма) и меры жидкостей (хой), что представляет собой важное значение для характеристики экономических отношений в Бактрии.

Несколько иной характер носят надписи на керамике Согда. На Афрасиабе был найден фрагмент цилиндроконического кубка с процарапанной надписью, которая, по мнению Г. В. Шишкиной, означает женское имя в родительном падеже и является примером вотивных надписей, распространенных в греческом мире[35]. На стенках сосудов из Падаятактепа отмечены прочерченные линии разной длины. Среди них встречаются и простые риски, и более сложные рисунки. А. В. Омельченко отметил, что «простые риски могли означать или объем, или принадлежность к какому-нибудь подразделению хозяйства. В свою очередь, более сложные граффити, скорее всего, являлись меткой мастера или были посвятительными»[36].

На керамике древнехорезмийского центра Кой-Крылган-калы имеется достаточно значительная серия знаков. Они были нанесены до обжига острым предметом и помещены на стенках или в придонной части сосуда. По мнению исследователей, они играли роль символов-меток гончаров, а, возможно, и владельцев[37]. Правда, знаковую систему Хорезма следует рассматривать обособленно, поскольку роль эллинистических традиций в данной историко-культурной области Средней Азии была сведена к минимуму.

Ангобное покрытие на сосудах эллинистических памятников Бактрии также эволюционировало. Ангобом, как правило, покрывалась столовая посуда, однако известны случаи ангобного покрытия и на других типах керамики, например, тагора[38]. В эпоху эллинизма цветовая гамма ангобного покрытия несколько расши-

---

30 Шишкина 1974, 38–41; Сулейманов 2000, 164; Болелов 2004, 124; Рутковская 1962, рис. 1, 1–3; Филанович 1974, рис. 10.

31 Тихонов 2011, 53–58.

32 Некрасова, Пугаченкова 1978, 146; Пугаченкова 1979, рис. 93; Пидаев 1989, 46.

33 Рапен 1987, 115.

34 Ртвеладзе 2002, 101–102.

35 Шишкина 1975, 69.

36 Омельченко 2006, 140.

37 Толстов 1967, 226.

38 Абдуллаев 2005, 156.

ряется. Получает достаточно широкое распространение черный ангоб, который, видимо, имитировал лак на античных вазах[39]. Кубкообразные горшки Джигатепа покрыты красным, реже черный ангобом[40]. К греческому влиянию можно отнести появление такого приема, как частичное ангобирование. Он наиболее ярко представлен в гончарном производстве Кобадианского оазиса Таджикистана[41]. В дальнейшем прием частичного покрытия сосудов ангобом становится достаточно популярным, о чем свидетельствуют материалы ряда кушанских бактрийских памятников[42].

Ремесленная серолощенная керамика получила достаточно широкое распространение в Бактрии. Она известна по находкам и в крупных поселениях, где эллинистические традиции были достаточно ощутимы (Ай-Ханум)[43], и в тех, где в основном только лишь керамика демонстрирует иноземные влияния (Тамошотепа)[44]. В незначительном количестве серолощеная посуда представлена в Мерве, что позволило Л. М. Рутковской сделать следующий вывод о причинах её появлении: «В данном случае, по-видимому, надо, скорее всего, говорить об общении людей, а не об обильном ввозе и подражании»[45]. Серолощеная керамика известна также по находкам на Афрасиабе, а ее особенности позволяют говорить о местном производстве[46]. Для Хорезма IV–II вв. до н. э. данная категория посуды не типична[47].

Способы декора эллинистической керамики Бактрии различны. Орнамент наносился на сосуды еще до обжига. Наиболее простой орнаментацией являлись концентрические и волнистые линии, нанесенные острым инструментом по сырой глине[48]. На крупных тарных сосудах, в частности хумах, отмечены пальцевые вмятины и вдавления, которые, судя по всему, продолжают традицию декоративного оформления крупных сосудов предыдущих эпох. Встречаются также сосуды с зооморфными ручками и другими изображениями[49].

Совершенно новым типом орнаментации сосудов является наличие штампового орнамента. Вопрос о времени его появления является дискуссионным в исторической науке и связан с достижениями археологии[50]. В свою очередь, материалы археологических исследований, проведенных на территории Бактрии во второй половине XX — начале XXI в., не дают оснований утверждать о том, что штамповый орнамент применялся повсеместно местными гончарами. Для эл-

---

[39] Rapin, Baud, Grenet, Rakhmanov 2006, 102.

[40] Пидаев 1984, 112.

[41] Сычева 1978, 251.

[42] Вязьмитина 1945, 46–47; Альбаум 1966, 52–53; Пугаченкова 1966, 86–100; Керзум 1985, 200; Болелов 2002, 47.

[43] Gardin 1973, 127–167.

[44] Абдуллаев 1977, 42.

[45] Рутковская 1962, 56.

[46] Шишкина 1975, 68.

[47] Воробьева 1959, 84–117; Болелов 2004, 93–147.

[48] Пидаев 1984, 114; Зеймаль 1985, 176; Абдуллаев 2000, 79; Абдуллаев 2005, 158; Якубов, Довуди, Филимонова 2005, 183; Сверчков, Восковский 2006, 54; Сверчков 2007, 54; Gardin 1973, 168.

[49] Двуреченская 2005, 185–227; Сверчков 2007, рис. 13, 13; Veuve 1987, pl. XVII.

[50] Гиршман 1946, 14; Дьяконов 1950, 166; Дьяконов 1953, 287–288; Альбаум 1960, 16–18; Юркевич 1969, 14–16; Пидаев 1975, 67–70; Сычева 1978, 25; Пугаченкова 1979, 90; Цепова 2001, 102; Gardin 1957, 27; Gardin 1973, 169; Gardin 1985, 450.

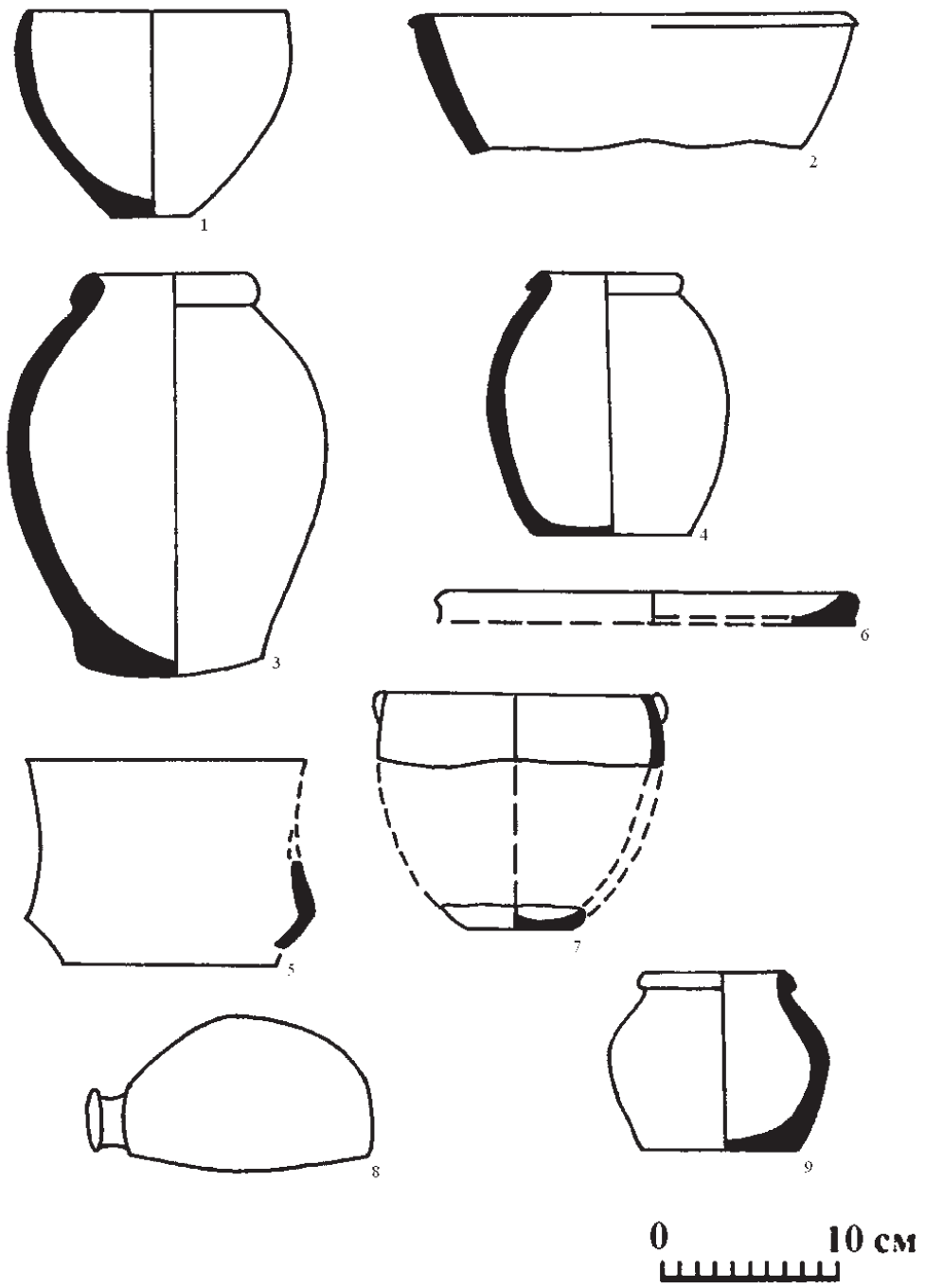


Рис. 6. Местные типы керамики Бактрии эллинистического периода (*1* — кубок; *2* — тагора; *3* — хум; *4* — хумча; *5* — цилиндроконический сосуд; *6* — сковорода; *7* — котел; *8* — фляга; *9* — горшок).

линистической эпохи он характерен для керамического комплекса Ай-Ханум[51], Тепаи Денистон[52] и, возможно, Тахти-Сангин[53].

Вышесказанное свидетельствует в пользу гипотезы Б. А. Литвинского о нескольких зонах эллинизации Бактрии. Исследователь выделяет три подобные зоны. Первая из них включала в себя расселившихся эллинов в полисах и военных колониях, где вся культура была однотипна ай-ханумской. Для второй характерны тесные эллинско-бактрийские этнокультурные и религиозные контакты. А третья зона характеризуется лишь распространением отдельных элементов эллинской культуры[54].

Таким образом, гончарное дело Бактрии эллинистической эпохи, несмотря на всю свою традиционность, подверглось достаточному влиянию со стороны греков. Это отразилось не только на наборе и облике посуды (совершенно новые типы и морфологические детали, штамповый орнамент), но и на процессе организации гончарного ремесла (горны с опорным столбом в топочной камере).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев А. Л. 1977: Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1973 г. // АРТ. 13, 35–46.

Абдуллаев А. Л. 2005: Душанбинское городище в античный период // АРТ. 30, 152–172.

Абдуллаев К. 2000: Аск из Паенкургана. К вопросу о греческих формах в керамике Бактрии // ИМКУ. 29, 78–80.

Абдуллаев К. 2010: Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // ПИФК. 1, 46–61.

Альбаум Л. И. 1960: Балалык-тепе. Ташкент.

Альбаум Л. И. 1966: Городище Дальверзин-тепа // ИМКУ. 7, 47–65.

Анфимов Н. В. 1986: Античное влияние в меотской керамике // Проблемы античной культуры / Г. А. Кошеленко. М., 125–129.

Аскаров А. А., Альбаум Л. И. 1979: Поселение Кучуктепа. Ташкент.

Бобринский А. А. 1991: Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.

Болелов С. Б. 2001: Гончарная мастерская III–II вв до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 15–30.

Болелов С. Б. 2003: Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000–2001 годов) // МТЭ. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 41–66.

Болелов С. Б. 2004: Керамика // Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Б. И. Вайнберг (ред.). М., 93–147.

Болелов С. Б. 2011: Производственный центр эпохи эллинизма на Кампыртепа // МТЭ. Вып. 8 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Елец, 48–79.

Буйских С. Б. 2007: Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI–I вв. до н. э. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / И. В. Тункина (ред.). СПб., 28–44.

Буйский С. Б., Монахов С. Ю. 2009: Керамический комплекс третьей четверти VI в. до н. э. // Норция. Вып. 6 / А. П. Медведев (ред.). Воронеж, 125–145.

Воробьева М. Г. 1959: Керамика Хорезма античного времени // Труды ХАЭЭ. Т. IV. / С. П. Толстов. М., 1959. 45–177.

[51] Gardin 1973, 169, fig. 34.
[52] Денисов 1980, 104.
[53] Дружинина, Худжагелдиев, Ротт 2008, 59, рис. 9, 16; Drujinina, Boroffka 2006 61, fig. 3, 6.
[54] Литвинский 2000, 217.

Восковский А. А. 2003: Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа // Археологические исследования в Узбекистане / Т. Ш. Ширинов (ред.). Ташкент, 48–50.

Вязьмитина М. И. 1945: Керамика Айртама времени кушанов // Термезская комплексная археологическая экспедиция. Т. II. / Баженов Л. В. (ред.). Ташкент, 35–53.

Гайдукевич В. Ф. 1934: Античные керамические обжигательные печи. М.; Л.

Гиршман Р. 1946: Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан) // КСИИМК. 13, 10–16.

Двуреченская Н. Д. 2005: Изучение терракотовой пластики Средней Азии. Древность и раннее средневековье // ПИФК. XV, 142–308.

Денисов Е. П. 1980: Отчет о работах Дангаринского отряда // АРТ. 15, 96–109.

Дружинина А. П., Худжагелдиев Т. У., Ротт Ф. 2008: Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 32, 50–76.

Дьяконов М. М. 1950: Работы Кафирниганского отряда // МИА. 15, 147–186.

Дьяконов М. М. 1953: Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950–1951 гг.) // МИА. 37, 253–293.

Егорова Т. В. 2009: Чернолаковая керамика с памятников Северо-Западного Крыма. М.

Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // Бактрийские древности / В. М. Массон (ред.). Л., 19–24.

Зеймаль Е. В. 1985: Археологические исследования в Шахринау // АРТ. 19, 173–185.

Керзум А. П. 1989: Тахти-Сангин. Керамика алтарно-башенного помещения // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока / Г. А. Кошеленко, С. А. Узянов (ред.). М., 195–208.

Кошеленко Г. А. 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.

Крапивина В. В. 2009: О позднеэллинистической краснолаковой керамики из Ольвии (по материалам участкам НГС) // Старожитності степного Причерномор`я і Криму / В. В. Крапивина (ред.). Запорожье, 76–79.

Кругликова И. Т. 1977: Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М.

Леви Е. П. 1964: Керамический комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры / В. Ф. Гайдукевич (ред.). Л., 225–280.

Лионе Б. 2000: Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханум // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Т. Г. Алпаткина, С. Б. Болелов, О. Н. Иневаткина, Т. К. Мкртычев (ред.). М., 75–80.

Литвинский Б. А. 2000: Бактрийский храм Окса и восточноиранский эллинизм. Проблемы и гипотезы // ВДИ. 2, 213–221.

Медведская И. Н. 1977: Об «иранской» принадлежности серой керамики Ирана раннежелезного века // ВДИ. 2, 93–105.

Мухитдинов Х. 1968: Гончарный квартал городища Саксанохур // Известия АН ТаджССР. 3, 28–35.

Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. 1978: Керамика Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана / Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 143–161.

Омельченко А. В. 2006: Керамические комплексы эллинистического времени из области Кеш (по материалам городища Подаятактепа) // РА. 3, 137–142.

Парович-Пешикан М. 1974: Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.

Пидаев Ш. Р. 1975: О генезисе штамповых орнаментов на керамике античной Бактрианы // ОНУ. 1, 67–71.

Пидаев Ш. Р. 1984: Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции Вып 3 / И. Т. Кругликова (ред.). М., 112–124.

Пидаев Ш. Р. 1989: Эволюция двух форм керамики Древней Бактрии // Краеведение Сурхандарьи / Ш. Р. Пидаев (ред.). Ташкент, 43–51.

Пидаев Ш. Р. 1991: Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1, 210–224.

Пугаченкова Г. А. 1966: Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент.

Пугаченкова Г. А. 1979: Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.

Рапен К. 1987: Эллинистическая сокровищница Ай-Ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье / Г. А. Пугаченкова, А. А. Аскаров (ред.). Ташкент, 108–119.

Ртвеладзе Э. В. 1978: Цитадель Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана / Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 12–21.

Ртвеладзе Э. В. 2002: Надписи и знаки Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101–108.

Рутковская Л. М. 1962: Античная керамика древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XI / М. Е. Массон (ред.). Ашхабад, 93–147.

Сагдуллаев Т., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе // Бактрийские древности / В. М. Массон (ред.). Л., 24–29.

Сверчков Л. М. 2007: Эллинистическая крепость Курганзол. Раскопки 2004 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Л. М. Сверчков (ред.). Ташкент, 31–64.

Сверчков Л. М., Восковский А. А. 2006: Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоёв Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5 / Д. Я. Ильясов (ред.). Ташкент, 21–46.

Сулейманов Р. Х. 2000: Древний Нахшаб. Ташкент; Самарканд.

Сычёва Н. С. 1978: Античные элементы в керамике Северной Бактрии-Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 250–257.

Тихонов Р. В. 2011: Местные типы керамики Бактрии эллинистического времени // ПИФК. 1, 53–61.

Толстов С. П. 1967: Надписи и знаки // Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма / С. П. Толстов (ред.). М., 220–226.

Филанович М. И. 1974: Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ. Т. XV / М. Е. Массон (ред.). Ашхабад, 15–139.

Цепова О. 2001: Керамика со штамповым орнаментом из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101–112.

Шайдуллаев Ш. Б. 2000: Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент.

Шишкина Г. В. 1974: Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III / Я. Г. Гулямов (ред.). Ташкент, 28–51.

Шишкина Г. В. 1975: Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 2, 60–78.

Юркевич Э. А. 1969: Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии: автореф. дис. . . канд. истор. наук. М.

Якубов Ю. Я., Довуди Д. Д., Филимонова Т. Г. 2005: Археологические раскопки в Кулябе в 2004 г. // АРТ. 30, 175–204.

Alabe F. 1992: La ceramiques de Doura-Europos // Syria. 69, 49–63.

Bernard P. 1971: La campagne de fouilles de 1970 Ai Khanoum // CRAI. 2, 385–453.

Bernard P. 1976: Campagne de fouilles a Ai Khanoum // CRAI. 2, 287–322.

Braemer F. 1986: La ceramiques a Engobe route de l`Age du Fer a Bassit // Syria. 63, 221–246.

Braidwood R. J. 1940: Report on two sondages on the coast of Syria, south of Tartous // Syria. 21, 183–226.

Drews G. 1979: Entwiklung der Keramik-Brennofen // APA. 9/10, 33–48.

Drujinina A. P., Boroffka N. R. 2006: First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // BMM. 3, 57–69.

Gardin J.-C. 1957: Ceramiques de Bacrtes. MDAFA. T. XV. P.

Gardin J.-C. 1973: Les ceramiques. Fouilles d`Ai Khanoum // MDAFA. T. XXI / P. Bernard (eds.). Paris, 121–188.

Gardin J.-C. 1985: Les relations entre la Méditerranée et la Bactriane dans l'Antiquité d'après des données céramologiques inédites // De L'Indus aux Balkans. / J. Deshayes (eds.). Paris, 447–460.

Moorel J.-P. 1968: Ceramique a vernis noir du Maroc // Antiquites africaines. 2, 55–76.

Rapin C. A., Baud A., Grenet F., Rakhmanov Sh. A. 2006: Les recherches sur la region des Portes de Fer de Sogdiane: bref etat des questions en 2005 // ИМКУ. 35, 102–112.

Rapin C., Hadot P., Cavallo G. 1987: Les texts litteraires grecs de la Tresorerie d`Ai Khanoum // BCH. 111, 225–266.

Robert L. 1968: De Delphes a Oxus: Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // CRAI. 3, 416–457.

Robinson H. S. 1959: Pottery of the Roman Period. The Athenian Agora. Vol. V. New Jersey.

Schlumberger D., Bernard P. 1965: Ai Khanoum // CRAI. 2, 590–657.

Stronach D. 1978: Pasargadae: a report on the excavations conducted by the British Institute of Persian studies. From 1961 to 1963. Oxford.

Veuve S. 1987: Les gymnase. Arcitecrure, ceramique, rtouvailles. MDAFA. T. XXX. Paris.

LOCAL TRADITIONS AND GREEK NOVATIONS IN BACTRIAN CERAMIC OF THE HELLENISTIC PERIOD

R. V. Tikhonov

Pottery in Bactria entered a new phase during the Hellenistic period. It stemmed from the prevalence of Greek novations (new types and morphological details of tableware, stamped ornaments, kilns with a furnace support column) and the progress of local pottery (household and kitchen utensils, simple ornament, two-tiered kiln with a round or oval furnace).

Key words: Hellenism, Bactria, pottery, Greek novations, local traditions.

© 2012

В. А. Дмитриев

РОГА БАРАНА И КРЫЛЬЯ СОКОЛА: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ СИМВОЛИКЕ В ОФОРМЛЕНИИ ЦАРСКИХ КОРОН САСАНИДОВ

В сасанидском Иране головные уборы (короны) представителей правящей династии украшались рогами дикого барана и крыльями сокола. Это было связано с древнейшими религиозными представлениями иранских народов о фарре — божественной сущности царской власти, славы, победы, — воплощавшемся, прежде всего, в образе барана и сокола. Однако с этими же представителями животного мира ассоциировалось еще одно из наиболее почитаемых зороастрийских божеств — Веретрагна. Сравнительный анализ различных по происхождению и характеру источников позволяет сделать вывод, что в парадной короне Сасанидов в качестве символа фарра и одновременно Веретрагны использовались соколиные крылья, в боевой царской диадеме — рога барана.

Ключевые слова: Сасаниды, зороастризм, фарр, Веретрагна, символ.

Традиция использования в костюме зооатрибутов — различных частей тела или органов животных — уходит своими корнями в глубокую древность и в ту или иную эпоху была присуща всем этносам, населяющим нашу планету. Более того, сам костюм в современном понимании этого слова (т.е. комплекс одежды, прикрывающей тело человека) первоначально и состоял из шкур добытых во время охоты животных. Иными словами, основополагающий фактор, определивший использование в качестве одежды частей животных, имел производственный характер и был связан с охотой как одной из главных отраслей первобытной экономики.

В то же время, в связи с зарождением религиозных представлений, которые на раннем этапе носили тотемический характер, возникает и постепенно выходит на первое место другой побудительный мотив включения в костюм «звериных» элементов — магический, или ритуальный. Вероятно, путем использования во внешнем облике частей тотемного животного человек стремился поддержать сверхъестественную связь между собой и тотемом — священным предком, символом единства данного человеческого коллектива. Хрестоматийным примером, свидетельствующим об особой роли зооатрибутов в религиозных представлениях уже в мустьерскую эпоху, является находка А. П. Окладниковым неандертальского захоронения в пещере Тешик-Таш на территории Узбекистана (1938 г.), в котором, как известно, тело умершего ребенка было окружено несколькими парами рогов горного козла[1].

С появлением древних цивилизаций и формированием развитых религиозных систем тотемизм не исчезает полностью, а (в виде пережитков) проникает в новые религии, становясь неотъемлемым элементом практически всех извест-

Дмитриев Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова. E-mail: demetrius@rambler.ru

[1] Окладников 1967, 25.

ных на сегодняшний день религий, включая мировые. Вместе с пережитками тотемизма сохраняется и традиция использования в костюме частей тела животных.

Не являлось исключением в данном отношении и одно из наиболее могущественных государств Евразии эпохи поздней античности — сасанидский Иран (III–VII вв. н.э.). Будучи наследницей и продолжательницей культуры древних ариев, сасанидская культурная традиция несла в себе элементы древнейших религиозных представлений иранских народов. Это нашло свое отражение в самых разных областях жизни сасанидского Ирана, в том числе — в формировании сасанидского костюма и в частности — головного убора сасанидских царей. Из различных по характеру (письменные, изобразительные) и происхождению (позднеантичные, среднеперсидские) источников известно о том, что короны членов правящей династии Сасанидов украшались частями тела некоторых представителей животного мира.

Рис. 1. Блюдо «Варахран на охоте». Конец IV — начало V вв. Серебро, позолота.

Уникальным в данном отношении, а потому необычайно ценным по своему содержанию письменным свидетельством использования Сасанидами в качестве элемента головного убора одного из таких зооатрибутов — рогов дикого барана — является описание крупнейшим позднеримским писателем-историком Аммианом Марцеллином (ок. 330 — ок. 400) внешнего облика персидского царя Шапура II (309–379). Сведения Аммиана в данном случае — это сообщение очевидца, поскольку он лично наблюдал Шапура во время осады персами римской крепости Амиды на территории Верхней Месопотамии в 359 г., в которой будущий историк принимал участие как один из организаторов обороны. Аммиан Марцеллин пишет: «Восседая на коне и возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди своих полчищ, с украшенной драгоценными камнями золотой бараньей головой вместо диадемы» *(insidens autem equo ante alios celsior ipse praeibat agminibus cunctis, aureum capitis arietini figmentum interstinctum lapillis pro diademate gestans)* (Amm. Marc. XIX. 1. 3)[2].

[2] Ammianus Marcellinus 1871, 142.

Словесное описание головного убора Шапура II в сочинении Аммиана Марцеллина совпадает с некоторыми персидскими изображениями. В частности, на одном из серебряных блюд, хранящихся в Эрмитаже, изображена сцена охоты сасанидского царевича и правителя Кушаншахра[3] (кушаншаха) Варахрана II на кабанов. Царевич восседает на коне, а его голова увенчана короной с прикрепленными к ней рогами барана (рис. 1).

Как элемент царской короны бараньи рога присутствуют и на так называемых кушано-сасанидских монетах[4], чеканившихся в том же Кушаншахре (рис. 2).

Рис. 2. Медная монета с изображением кушаншаха Пероза III (вторая половина IV в. н.э.) (Диаметр 13 мм)[5].

Культ барана, бараньих рогов был известен в Иране и Средней Азии с глубокой древности, сложившись задолго до сасанидской эпохи[6]. Баран, согласно зороастрийским верованиям, символизировал фарр (другие названия: фарн, хварна, хварно, хварра, хварена) — божество царской власти, могущества, победы, удачи, славы (Яшт. XIV. 23)[7]. Согласно официальной сасанидской исторической традиции, нашедшей отражение в среднеперсидском сочинении «Книга деяний Арташира, сына Папака»[8], фарр в образе горного барана сопутствовал первому Сасаниду — Арташиру I (224–242) — в его победе над последним парфянским царем Артабаном V (213–224)[9]. Согласно «Книге деяний Арташира», во время погони за будущим основателем сасанидской династии Артабан поинтересовался у местных жителей, не видели ли они всадников, одним из которых был Арташир. Те ответили положительно и добавили: «Нам показалось, что с одним из тех всадников на коне сидел очень большой и сильный баран». После этого Артабан спросил у одного из придворных священнослужителей (дастура): «Что означает

[3] Кушаншахр — особый пограничный удел сасанидского Ирана на границе со Средней Азией, возникший на завоеванных Сасанидами в III–IV вв. землях бывшего Кушанского царства. Наместниками Кушаншахра являлись сасанидские царевичи, которые носили титул кушаншаха («царя кушан»).

[4] Кушано-сасанидские монеты — монеты, чеканившиеся кушаншахами на территории Кушаншахра. Монеты, выпускавшиеся царскими монетными дворами, обозначаются как сасанидские. Подробнее см.: Луконин 1967, 16–33; Зеймаль 1968, 101–104; Göbl 1968; Göbl 1983, 322–339; Album, Bates, Floor 1993, 14–41.

[5] Mitchener 1978, 1312 fig.

[6] Неразак, Рапопорт 1981, 146; Литвинский 1968, 57, 87–91, 110–111.

[7] См. также: Литвинский 1968, 46–58; Литвинский 2002, 206; Ягодин, Ходжайов 1970, 134–136; Gnoli 1999, 312–319.

[8] Чунакова 1987.

[9] Луконин 1969, 97.

тот баран, который с ними на коне?», — на что дастур ответил: «Фарр Каянидов[10] настиг Арташира, и никак нельзя (его) [Арташира. — В.Д.] схватить. Поэтому не утруждайте себя и всадников, не мучайте и не губите коней, а поищите другое средство против Арташира».

Как считал В. Г. Луконин, именно при Шапуре II в Персии изображения барана как символа царского фарра получают широкое распространение[11] (напомним, что кушано-сасанидские монеты с портретом кушаншахов в «рогатой» короне также датируются второй половиной IV в. н.э. (см. рис. 2)). Видимо, вызвавшая удивление у Аммиана Марцеллина «диадема» Шапура II была ни чем иным, как царским кулахом — особым головным убором персидских царей, выполнявшим роль инвеститурного знака[12]. Таким образом, Аммиан в приведенном выше пассаже сообщает, безусловно, достоверную информацию, поскольку она подкрепляется независимыми персидскими источниками[13].

При этом необходимо заметить, что баран в зороастрийских религиозных представлениях ассоциировался не только с фарром, но и одним из наиболее почитаемых божеств — небесным воином Веретрагной (другие варианты имени — Вэртрагна, Варахран, Бахрам)[14], являясь, согласно так называемому Варахран-Яшту Авесты, одним из его десяти воплощений (Яшт. XIV. 23):

Явился Заратуштре
Восьмой раз так Вэртрагна,
Создание Ахуры:
Бараном горным диким,
Прекрасным, круторогим...[15]

Факт тесной связи фарра и Веретрагны, имя которого, кстати, прочно вошло в сасанидскую царскую антропонимику (на персидском троне в разные эпохи находилось шесть правителей, носивших имя «Варахран») неоднократно отмечался в литературе, и на сегодняшний день существует обоснованное мнение, что оба эти божества довольно тесно соотносятся друг с другом[16]. Изучая зороастрийские тексты, иногда даже трудно развести функции, которыми наделялся, с одной стороны, фарр, а с другой — Веретрагна. Это дало основание выдающемуся французскому лингвисту, исследователю Авесты Э. Бенвенисту прийти к образному, но весьма точному заключению, что фарр — это «знамя богов», которое несет «божественный знаменосец» — Веретрагна[17]. Как будет показано ниже, баран — не единственный персонаж зороастрийской мифологии, объединяющий фарр и Веретрагну.

---

[10] Каяниды (Кеяниды) — легендарная династия древнейших иранских царей, потомков Кей-Кобада (в Авесте — кави Каваты). Понятие «Кей» («кави») в данном случае выступает как титул правителя. Подробнее см.: Пьянков 2001, 334–348; Christensen 1931, 31–35.

[11] Луконин 1969, 97; 1966, 79; 1971, 119; 1977, 209–210.

[12] Луконин 1961, 12.

[13] А. Бивар, однако, выдвинул предположение, что описанный Аммианом как Шапур II правитель на самом деле являлся кушаншахом Варахраном II, поскольку именно он на своих монетах изображался с короной в виде бараньих рогов (см.: Frye 1984, 345).

[14] Gnoli, Jamzadeh 1989, 510.

[15] Рак 1997, 346.

[16] Литвинский 1968, 85–87.

[17] См.: Литвинский 1968, 86–87.

В то же время на монетах сасанидских шаханшахов (т.е. собственно сасанидских монетах) в качестве символизирующего фарр зооатрибута царской короны-кулаха бараньи рога отсутствуют, но зато, начиная с Ормизда II (302–309), в качестве такового часто изображались крылья птицы (рис. 3)[18]. Исходя из древнеиранской мифологии, можно сделать вполне обоснованное предположение, что в данном случае мы имеем дело с изображением крыльев хищной птицы, именуемой в Авесте Варегной (Варагном), под которой чаще всего понимают сокола[19]. Согласно Авесте (Яшт. XIX. 30–38), именно в облике Варегны фарр покинул Йиму — древнейшего правителя ариев, героя древнеиранских эпических сказаний — после того, как тот отступил от праведного пути:

Когда первый раз отвернулось
Хварно от светлого Йимы,
Отлетело Хварно от Йимы
В облике птицы Варагн...[20]

Кроме того, согласно уже упоминавшемуся Варахран-Яшту Авесты (Яшт. XIV. 19–21)[21], из всех птиц именно сокол-Варегна являлся одним из десяти воплощений Веретрагны[22]:

Явился Заратуштре
Седьмой раз так Вэртрагна,
Создание Ахуры:
Летя как птица Варагн,
Терзая жертву снизу,
Дробящей жертву сверху,
Быстрейшей из всех птиц,
Скорейшей из пернатых...[23]

Изображения сокола, соколиные перья или крылья имели в религиозных представлениях персов-зороастрийцев сакральное значение, поскольку обладали фарром[24], а также символизировали Веретрагну (Яшт. XIV. 36):

Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Варагн,
Никто того не может
Сразить, повергнуть в бегство,
Кому даёт удачу,
Кому даёт поддержку
Перо той птицы птиц...[25]

При сравнении данных позднеантичной письменной традиции (сведений Аммиана Марцеллина) и персидской иконографии (изображений на монетах и блюдах) неизбежно возникает вопрос: почему же на монетных изображениях

[18] См.: Frye 1983, 135.
[19] Soudavar 2003, 19, 22–23 etc; См. однако: Рак 1997, 345, прим. 1.
[20] Рак 1997, 404.
[21] Рак 1997, 341–360.
[22] Gnoli, Jamzadeh 1989, 510–513.
[23] Рак 1997, 345.
[24] Soudavar 2003, 19–25.
[25] Рак 1997, 349.

шаханшахов отсутствует элемент, так ярко и живо описанный Аммианом, присутствующий на произведениях сасанидской торевтики и монетах кушаншахов, являвшихся членами правящей династии, — рога барана?

Объяснением, на наш взгляд, является тот факт, что монеты (точнее, надписи и изображения на их поверхности) во все времена являлись частью официальной идеологии, и сасанидский Иран в этом отношении не был исключением. Как отмечал В. Г. Луконин, уже монета первых Сасанидов — Арташира I (224–242) и Шапура I (242–272) — «прокламировала и в Иране, и в Римской империи, и во всех соседних государствах, что сасанидские владыки — “поклоняющиеся Мазде… происходящие от богов”»[26]. В связи с этим изображения царей, выполненные на сасанидских монетах, представляли собой своеобразные парадные портреты, подчиненные определенным канонам, и, судя по всему, элемент короны в виде бараньих рогов выходил за его рамки; украшение же короны крыльями сокола, напротив, соответствовало принятому в персидской царской иконографии канону. Это подтверждается и неоднократно встречающимися изображениям сокола, соколиных крыльев на, пожалуй, самых монументальных памятниках сасанидского официального искусства — царских наскальных рельефах[27].

Рис. 3. Серебряные драхмы с изображениями Ормизда II (302–309) (слева; диаметр оригинала — 28 мм)[28] и Варахрана IV (388–399) (справа; диаметр оригинала — 25 мм)[29].

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что и в сцене, описанной Аммианом, и в сюжете, изображенном на упомянутом выше эрмитажном серебряном блюде, Сасаниды, увенчанные короной с закрепленными на ней рогами барана, предстают в облике воина. Та же черта свойственна и портретам на кушано-

[26] Луконин 1969, 73.
[27] Soudavar 2003, 19–25.
[28] Mitchener 1978, 866v fig.
[29] Mitchener 1978, 934 fig.

сасанидских монетах — чтобы прийти к такому выводу, достаточно вспомнить об особой роли Кушаншахра в Сасанидском государстве. Дело в том, что захваченные Сасанидами западные области Кушанского царства, которые и вошли в состав сасанидского Кушаншахра («царства кушан»), представляли собой фактически буферную пограничную зону, отделявшую собственно Иран от среднеазиатских областей (Турана) и являвшуюся, прежде всего, передовым военным форпостом на пути частых вторжений кочевников во владения Сасанидов. Таким образом, правители Кушаншахра являлись главным образом *военными наместниками и полководцами*, основной задачей которых являлось обеспечение безопасности на восточных и северо-восточных границах Ирана.

Исходя из сказанного и с учетом информации, содержащейся в «Книге деяний Арташира», становится ясным, что фарр в облике барана ассоциировался у персов сасанидской эпохи скорее с воинской доблестью, победами над врагами и военной удачей царя, чем с мудростью правителя. Именно по этой причине бараньи рога как символ «фарра Каянидов» и стали атрибутом *военного обмундирования* Сасанидов, в котором они выступают на страницах сочинения Аммиана Марцеллина (шаханшах Шапур II), изображениях на памятниках персидской торевтики (кушаншах Варахран II) и ряде кушано-сасанидских монет (кушаншах Пероз III), а не их «парадного костюма», нашедшего, в свою очередь, отражение на сасанидских монетах, рельефах и т.д. Кроме того, рассматривая рога барана, закрепленные на царской короне, как символ фарра, нельзя забывать и об отмеченной выше характерной для зороастризма тесной взаимосвязи образов барана и Веретрагны, в связи с чем указанный зооатрибут боевого головного убора царя должен был символизировать не только фарр, но и сакральную связь между правителем-воином и «пробивающим защиту»[30] — божественным витязем, непобедимым Веретрагной (Яшт. XIV. 62),

...Который сокрушает,
Кромсает войск ряды,
Который попирает,
Волнует войск ряды;
Он вдребезги ломает
И режет войск ряды;
Вэртрагна побеждает
Врагов — людей и дэвов,
И ведьм, и колдунов...[31]

ЛИТЕРАТУРА

Зеймаль Е. В. 1968: Кушанская хронология. (Материалы по проблеме). М.

Литвинский Б. А. 1968: Кангюйско-сарматский фарн. (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе.

Литвинский Б. А. 2002: Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. 1 (26) / В. П. Никоноров (ред.). СПб.

[30] Таков буквальный перевод теонима «Веретрагна» с авестийского языка (см.: Рак 1997, 341).
[31] Рак 1997, 356.

Луконин В. Г. 1961: Иран в III–IV вв. (Сложение Сасанидского государства и формирование официального стиля в искусстве). Л.

Луконин В. Г. 1966: Картир и Мани // ВДИ. 3, 65–81.

Луконин В. Г. 1967: Кушано-сасанидские монеты // Эпиграфика Востока. 18, 16–33.

Луконин В. Г. 1969: Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.

Луконин В. Г. 1971: Искусство Древнего Ирана (основные этапы) // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства / Б. Г. Гафуров (ред.). М., 105–121.

Луконин В. Г. 1977: Искусство Древнего Ирана. М.

Неразик Е. Е. 1981: Городище Топрак-Кала. Раскопки 1965–1975 гг. / Ю. А. Рапопорт (ред.). М.

Окладников А. П. 1967: Утро искусства. Л.

Пьянков И. В. 2001: Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук, профессора Б. А. Литвинского (Москва, 14–16 октября 1998 г.) / А. В. Седов (ред.). М., 334–348.

Рак И. В. 1997: Авеста в русских переводах (1861–1996).СПб.

Рак И. В. 1998: Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.; М.

Чунакова О. М. 1987: Книга деяний Ардашира сына Папака / Пер. со среднеперс. О. М. Чунаковой. М.

Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. 1970: Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.

Album S., Bates M. L., Floor W. 1993: Coins and coinage // Encyclopaedia Iranica. / E. Yarshater (ed.). Vol. 6. Costa Mesa, 14 — 41.

Ammianus Marcellinus 1871 : Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / F. Eyssenhardt (ed.). Berolini.

Christensen A. 1931: Les Kayanides. København.

Frye R. N. 1983: The political history of Iran under Sasanians // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / E. Yarshater (ed.). Cambridge; New York, 116 — 180.

Frye R. N. 1984: The History of Ancient Iran. München.

Gnoli G. 1999: Farr(ah) // Encyclopaedia Iranica / E. Yarshater (ed.). Vol. 9. Costa Mesa, 312–319.

Gnoli G., Jamzadeh P. 1989: Bahrām. I. In Old and Middle Iranian Texts // Encyclopaedia Iranica. Vol. 3 / E. Yarshater (ed.). London; New York, 510–513.

Göbl R. 1968: Sasanidische Numismatik. Braunschweig.

Göbl R. 1983: Sasanian coins // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / E. Yarshater (ed.). Cambridge; New York, 322–339.

Mitchener M. 1978: Oriental Coins, the Ancient and Classical World. London.

Soudavar A. 2003: The aura of kings. Legitimacy and divine sanction in Iranian kingship. Costa Mesa.

RAM'S HORNS AND FALCON'S WINGS: RELIGIOUS SYMBOLISM IN SASANIAN KINGS' CROWNS

V.A. Dmitriyev

Headgear (crowns) of ruling dynasty members in Sasanian Iran were decorated with ram's horns and falcon's wings. It was connected with Iranian oldest religious notions of farr (divine entity of king's power, glory, and victory) that was first and foremost embodied in a ram and a falcon. Yet, these animals were associated with most revered Zoroastrian deity — Verethraghna. Comparative analysis of sources differing in origin and character makes it possible to conclude that Sasanian ceremonial crown had falcon's wings as a symbol of both farr and Verethraghna. King's battle diadem had ram's horns.

Key words: Sasanians, Zoroastrism, farr, Verethraghna, symbol.

© 2012

Е. Г. Дэвлет

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ СЕВЕРНЫХ ОЛЕНЕЙ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЧУКОТКИ

Изображения северных оленей составляют большую часть корпуса наскального искусства азиатского заполярья. Это не только самые многочисленные, но и стилистически разнообразные петроглифы, среди которых одиночные фигуры и сложные композиции, чаще всего изображающие промысловые сцены. Новые открытия существенно дополнили существующие представления об образах наскального искусства, сопутствующих фигурам северных оленей в петроглифической традиции Чукотки.

Ключевые слова: первобытный мир, наскальное искусство, петроглифы, Арктика.

В арктической традиции наскального искусства преобладают изображения северных оленей, что определяется природно-географической и хозяйственно-культурной спецификой азиатского севера (рис. 1). Преобладают силуэтные профильные изображения оленей, одиночных и в стаде. Необходимо отметить стилистическое разнообразие и вариативность поз (плывущие, пасущиеся с опущенными головами, отдыхающие олени с подогнутыми ногами, с опущенными копытами и др.). На одной плоскости могут соседствовать разностильные фигуры. Иногда бывает показана только голова и часть спины — так выглядят плывущие или выходящие из воды животные, а также олени в стаде.

На прибрежных скалах р. Пегтымель чаще других повторяется сцена охоты на плывущего оленя с каяка. В большинстве вариантов охотник из одноместной лодки поражает животное гарпуном, реже копьем на длинном древке, подобные сцены могут быть одиночными или включенными в более сложные сюжетные композиции. Часто показан линь гарпуна, натянутый или провисший, человек в небольшом каяке бывает просто обозначен вертикальным штрихом, но есть иные варианты, когда и преследуемое животное реалистично проработано, и человек вместе со снаряжением и транспортным средством представлен более детально. Многие из фигур загарпуненных оленей показаны с задними ногами, опущенными ниже передних, как будто животное плывет по воде. Объект охоты порою непропорционально велик.

Дэвлет Екатерина Георгиевна — доктор исторических наук, ученый секретарь Института археологии РАН. E-mail: eketek@yandex.ru

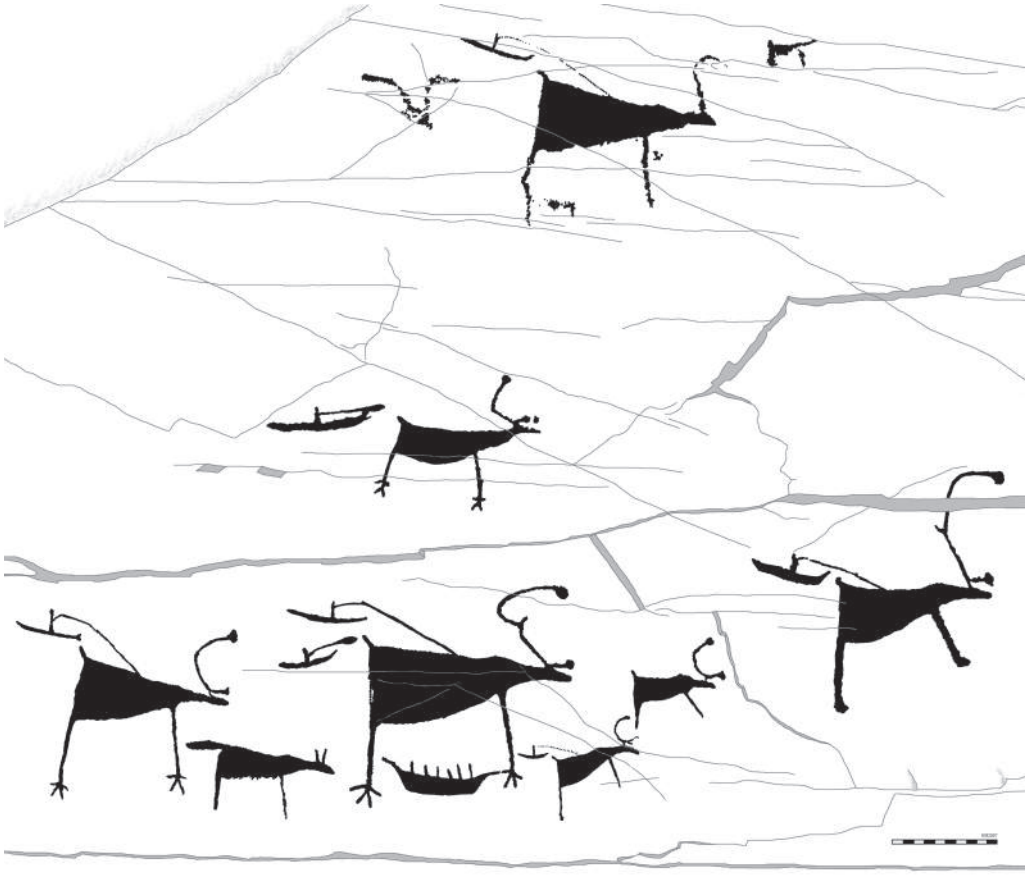


Рис. 1. Петроглифы Кайкуульского обрыва, р. Пегтымель, Чукотка

Этнографические источники свидетельствуют, что около столетия назад дикие олени, жившие постоянно в одних и тех же местах, большими стадами перекочевывали от лесных окраин на тундру. По древнему юкагирскому обычаю охота на суше строго запрещалась, и оленей безжалостно били на переправе, которая ежегодно была в одном и том же месте. Добыча оленей на переправе перестала быть юкагирской прерогативой, и по берегам рек охотники — чукчи, эвены (ламуты), обрусевшие туземцы — группировались в артели по национальностям, устраивая засады несколько ниже переправы. «Когда стадо подойдет к реке, вожак обычно первый начинает переправу. Во время переправы стадо несколько сносится течением вниз. Когда олени достигнут середины реки, охотники бросаются в лодки и стремятся перерезать им путь. Испуганные животные кидаются вверх по течению, но силы их скоро истощаются... Тогда одна или две лодки подходят к стаду, чтобы отрезать отступление, и после этого начинается избиение оленей. Олени сбиваются в кучу и беспомощно плавают посредине реки. Люди в лодках приближаются к стаду и поражают оленей копьями с длинным древком и с маленьким железным наконечником, употребляемым только в этой охоте. Иногда для той же цели служит двухлопастное весло, один конец которого снабжается маленьким

железным копьем. Такое оружие, правда, не слишком длинно, но довольно удобно. Избиение оленей совершается с невероятной быстротой, один человек может убить до сотни животных в час… Некоторые охотники, особенно искусные в гребле, проникают в середину стада и, поместив свою лодку между двумя большими самцами, поражают копьем всех оленей, которых могут достать… Старики, женщины и дети, собираясь ниже по течению реки, перехватывают добычу…»[1]. Большинство изображенных на скалах Чукотки сцен охоты на воде довольно схематичны, но есть и подлинные шедевры. Примером удачной передачи движения может служить динамичная сцена охоты с двух каяков на оленей, другая демонстрирует добычу двух оленей одним охотником. Уникален сюжет транспортировки оленя, перевернутый корпус которого с каяком и гребцом соединяет линь, встречается мотив перевернутого убитого (?) животного.

Фигуры оленей и сцены их добычи могут сопутствовать композициям, связанным с морской охотой, для которых характерен иной тип средств передвижения — изображались крупные байдары, команда которых чаще всего обозначена штрихами (прямыми или чуть загнутыми), реже это более проработанные антропоморфные фигуры. Байдары могут быть снабжены кормовыми веслами. Таким образом, разграничить сцены, связанные с тундрой и с морем, не представляется возможным. Высказывалось соображение, что наличие многоместных лодок в сценах охоты на оленей с каяков находит объяснение в том, что подобные лодки могли использоваться при коллективной охоте, подниматься вверх по течению реки и отсекать путь оленям на переправе, однако сюжетный анализ не подтверждает этого суждения.

Интересной особенностью пегтымельских петроглифов является наличие гравированных линий, которыми словно зачеркнуты, преднамеренно повреждены некоторые изображениями. На одной из таких зацарапанных плоскостей показаны северные олени, попарно обращенные морда к морде. Как изолированно, так и связанными с другими сюжетами, могут быть выполнены сцены преследования оленей волками или собаками.

Уникальное изображение оленя, в центре корпуса которого показан символ в виде круга с точкой в центре, было обнаружено на торце лежащей на берегу р. Пегтымель массивной плиты. У многих северных народов олень особой окраски посвящался богам. Его называли «божий олень», «божество», «посвященный», «небесный олень». Такие образы встречаются в искусстве петроглифов южных регионов Сибири, а вот в Приполярной зоне подобный сюжет прежде зафиксирован не был. Камень, на торцевой грани которого древний мастер выбил данную группу, вероятно, привлекал необычной, напоминающей песочные часы, формой, что могло придавать ему особое значение в глазах создателей петроглифов, делая его своеобразным природным «алтарем»[2].

Изображения северных оленей преимущественно нанесены силуэтом, контур зачастую проработан углубленным желобком. Пикетаж многообразен, на некоторых мастерски выполненных фигурах различается выбивка инструментом перпендикулярно плоскости и удлиненные следы ударов, нанесенные под углом,

[1] Богораз 1991, 71-72.
[2] Дэвлет, Дэвлет 2005, 272-312.

которые порождали имитацию шерсти изображенных животных. На миниатюрах представлен пикетаж металлическим инструментом типа толстой иглы или шила. Немного изображений, выполненных с элементами пришлифовки и гравировкой. На некоторых петроглифах отчетливо прослеживаются процарапанные тонкие линейные наброски контура будущего изображения — так автор делал разметку, которую затем предстояло заполнить выбивкой. Эскизы могут сопутствовать завершенным изображениям.

Стилистический анализ изображений северных оленей и соотносимых с ними петроглифов позволил Н.Н. Дикову[3] выделить пять изобразительных канонов, которым он придал датировку от II тыс. до н.э. Предложенная пятиступенчатая типология («стиль оленьих силуэтов») группировала известный исследователю статистически обработанный массив петроглифов в хронологической последовательности от реалистичных к более схематизированным. Опору в выделении стилей Н.Н. Диков также находил в удаленных аналогиях и представлениях современного ему этапа развития науки о наскальных изображениях, приверженной стадиальным стилистическими тенденциями от реализма к схематизации. Более детальное изучение регионов наскального искусства в значительной мере поколебало представления о линейной тенденции в развитии изобразительных стилей. Преодолением этого противоречия стала концепция Д.Г. Савинова об изобразительных пластах[4]. По формальным признакам типология Н.Н. Дикова корректно расчленяла совокупность данных по избранным исследователям критериям, но о хронологических границах бытования выделенных стилей судить весьма затруднительно. Точкой отсчета для Н.Н. Дикова в построении хронологии петроглифов Пегтымеля стало изображение, трактовавшееся как поворотный гарпун. Изучение плоскости, на изображения которой ссылается исследователь, показало, что расцененный им как изображение стабилизатора гарпуна элемент группы, является фрагментом палимпсеста: линию рогов крупного изображения северного оленя перекрывает силуэт многоместной байдары, с которой, вероятно, ведется преследование кита. Из-за наложения изображений рог оленя практически примыкает к хвосту кита — он и был ошибочно принят за изображение стабилизатора. Новые данные[5] показали уязвимость и некоторых других наблюдений Н.Н. Дикова. Например, в промысловую композицию может быть включена реалистически выполненная фигура оленя, что противоречит представлению о том, что подобные изображения встречаются лишь вне сцен добычи оленей[6]. Двухлопастные весла не обязательно сопровождают фигуры оленей, что диктует канон 5, подразумевающий их обязательное сочетание.

Наскальное искусство является уникальным историческим источником. Изображения, выполненные на камне — наиболее долговечном природном материале, не утрачивая своего природного контекста, становятся постоянными героями в меняющихся от сезона к сезону декорациях. Будучи овеществленным проявлением духовной жизни людей, они доносят до нас и реалии повседневности, биение жизни угадывается в сценах охотничьего промысла, чаяния и стремления

[3] Диков 1971.
[4] Савинов 2008, 73-74.
[5] Дэвлет 2007, 2010.
[6] Диков 1971, 33.

обитателей сурового края оставались относительно стабильными — об этом говорят различающиеся по времени создания сцены охоты, лейтмотивом проходящие сквозь века.

ЛИТЕРАТУРА

Богораз В. Г. 1991: Материальная культура чукчей. М.

Диков Н. Н. 1971: Наскальные изображения древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.

Дэвлет Е. Г. 2007: Петроглифы Пегтымеля: застывший миф // Чукотка в прошлом и настоящем. Наследие народов Российской Федерации / А. М. Тарунов (ред.). М., 258-267.

Дэвлет Е. Г. 2010: Новое в исследовании наскального искусства Северной Евразии // III Северный археологический конгресс: доклады: 8–13 ноября 2010. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 180-208

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. 2005: Мир наскального искусства. М.

Савинов Д. Г. 2008: Изобразительный пласт как форма существования и изучения наскального искусства (по материалам Центральной Азии и Сибири) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 73–74.

REINDEER IMAGES IN CHUKCHI PENINSULA PETROGLYPHS

Ye. G. Devlet

Reindeer images dominate in petroglyphs of Asian area within the Polar circle. These petroglyphs that are both most numerous and stylistically various depict single figures and complex arrangements with prevailing fishing and hunting scenes. New discoveries have significantly added to the notion of petroglyph images that accompany reindeer figures in Chukchi peninsular tradition.

Key words: Prehistory, petroglyph art, petroglyphs, the Arctic.

© 2012

Е. Ю. Гиря, Е. Г. Дэвлет

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕХНИКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СКАЛАХ

В работе рассматриваются возможности трасологического исследования выбитых изображений на скалах. Методика разрабатывалась на материалах пегтымельских петроглифов, на чукотских алевролитах и песчаниках было выполнено и более 50 экспериментов по пикетажу каменными и металлическими орудиями. Наблюдения были дополнены материалами из других ервзийских местонахождений наскального искусства. Для исследования техники выполнения петроглифов был привлечен разнообразный круг источников. Материалы экспериментов могут найти применение и на других памятниках, если слагающие их горные породы близки к пегтымельским по текстуре и механическим свойствам.

Ключевые слова: петроглифы, трасологическое изучение, наскальные изображения.

Традиционно наскальные изображения делятся на выполненные краской — росписи, или живопись (фигуры или знаки нанесенные за счет привнесения на природные скальные выходы или отдельно лежащие камни нового материла — сухого или влажного пигмента, который также может быть смешан с наполнителями) — и петроглифы (любые фигуративные или нефигуративные элементы, выполненные за счет удаления части скальной поверхности выбивкой (пикетажем), гравировкой, выскабливанием, пришлифовкой и др. способами или их сочетанием). В центре исследований, осуществлявшихся с 2006 г. на различных памятниках наскального искусства, оказались петроглифы, нанесенные выбивкой, или пикетажем, поскольку именно этот вид изображений наиболее распространен в большинстве ареалов наскального искусства России. Предпринята попытка их трасологического исследования и поиска критериев, диагностирующих, был ли применен для выполнения изображения каменный или металлический инструмент. Исследование было инициировано вопросами, возникшими при изучении петроглифов Пегтымеля, поскольку сомнения вызывала возможность нанесения многих из них орудиями из камня[1]. С этим местонахождением заполярной Чукотки в настоящее время связан наибольший массив собранной нами информации по технологии пикетажа, наблюдения были дополнены работой с материалами других местонахождений[2], их удалось осуществить в Хакасии, Красноярском и Хабаровском краях, на Кольском полуострове, в Азербайджане[3]. В поле зрения также попали материалы музейных собраний: петроглифы Онежского озера и плитки из кургана Аржан 2 (Государственный Эрмитаж) [Савватеев, 1983; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010], материалы из культурного слоя местонахождений Ла Мадлен, Ложери-От и Ла Блан (музей Лез-Эйзи-де-Тайак, Франция) и др.; они становятся

Гиря Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук., старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. E-mail:^kostionki@narod.ru

Дэвлет Екатерина Георгиевна — доктор исторических наук, профессор, ученый секретарь Института археологии РАН. E-mail: eketek@yandex.ru

[1] Диков 1971; Дэвлет 2007; 2010.

[2] Дэвлет 2010а.

[3] Вяткина 1949; Окладников 1971; Пяткин, Мартынов 1985, Заика, Дроздов, Макулов 2005; Фараджева 2009; Шумкин 2009.

частью эталонной коллекции следов орудий, которыми в древности создавались выбитые изображения на камне[4].

Наскальные изображения Пегтымеля представлены на песчаниках и алевролитах, по-видимому, исключительно петроглифами, следы пигмента нами не обнаружены. Большинство выбито, некоторые фигуры выполнены гравировкой и с элементами пришлифовки (рис. 1–7). Завершенные изображения преимущественно нанесены силуэтом, контур зачастую проработан выбитым углубленным желобком. Пикетаж многообразен по глубине и плотности, на некоторых весьма художественно выполненных фигурах оленей различается выбивка инструментом перпендикулярно скальной поверхности и удлиненные следы ударов, нанесенные под углом, которые порождали имитацию шерсти изображенных животных (рис. 8). Находила применение и пришлифовка, в некоторых случаях контур и часть корпуса животного выбито, а тело слегка затерто (рис. 9). Примеры использования гравировки в сочетании с пикетажем зачастую соотносятся с неоконченными фигурами, хотя техника гравировки представлена и единичными мастерски выполненными изображениями.

На некоторых петроглифах отчетливо прослеживаются процарапанные тонкие линейные наброски контура будущего изображения — так автор делал разметку, которую затем предстояло заполнить выбивкой (рис. 10). Некоторые группы демонстрируют соседство завершенных изображений и набросков. Серия примеров иллюстрирует последовательность выполнения фигуры (чаще всего оленя). Представлены экземпляры с полностью проработанным контуром, который затем начинал заполняться пикетажем, есть и варианты альтернативных последовательностей: выбивка начинается со спины, с ноги или рогов животного, но работа не закончена (рис. 11). Зачастую подобные незавершенные фигуры расположены отдельно. Значительное число набросков, эскизов, незавершенных фигур является интересной особенностью памятника, есть примеры и последующего «уничтожения» образов: изображения перекрыты царапинами (рис. 6).

На многих выбитых фигурах животных визуально прослеживаются тонкие гравированные линии предварительных эскизов. Существенно важна серия миниатюрных изображений (рис. 2, 10), которые выбиты металлическим инструментом типа толстой иглы или шила. Их стиль и сюжеты те же, что и у полноформатных аналогов.

На Кайкуульском обрыве встречаются многофигурные группы, которые могли формироваться и не единовременно: на одной плоскости могут соседствовать

[4] Авторы выражают глубокую признательность за содействие в исследовании ректору Красноярского гос. педагогического университета д.и.н. Н.И. Дроздову, к.и.н. В.И. Макулову (КГПУ), директору Гобустанского национального историко-художественного заповедника к.и.н. М.Н. Фараджевой, А.Р. Ласкину (НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края), к.и.н. А.Н. Мазуркевичу и К.В. Чугунову (Гос. Эрмитаж), к.и.н. В.Я. Шумкину (ИИМК РАН), Администрации Чукотского АО и всем сотрудникам Петроглифической экспедиции ИА РАН, а также нашим французским коллегам J.J. Cleyet-Merle, Conservateur general, Directeur du Musée National de Préhistoire (MNP), Les Eyzies-de-Tayac; A. Morala, Ingénieur d'études, Musée national de Préhistoire, Les Eyzies-de-Tayac; J.M. Geneste, Conservateur général du patrimoine, Directeur du Centre National de Préhistoire, Périgueux; H. Plisson, Chargé de recherche CNRS, PACEA , Université Bordeaux 1, Talence. Исследования осуществлялись при поддержке программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

изображения, выполненные в разной технике, имеющие разные стилистические характеристики и состояние сохранности. Все же в некоторых группах и элементах плоскостей можно предполагать преднамеренное композиционное решение и хорошо сбалансированное сочетание деталей (рис. 1). Примером может служить сцена с отмеченным оленем, представленная на торце крупной плиты в прибрежной зоне. Олень с солярным символом в центре корпуса занимает центральную позицию. В сложных композициях могут быть представлены преднамеренно неполные парциальные изображения — таким приемом, по-видимому, автор стремился передать перспективу: из-за фигур животных, помещенных на переднем плане, видны лишь спины и головы расположенных позади них. Как предварительно задуманные композиции могут быть трактованы многие плоскости с петроглифами. Большинство из сцен носит промысловый характер, но немало и сцен преследования хищниками копытных. Одна из интересных — группа из трех плывущих оленей, которых преследует схематично обозначенный охотник (рис. 1.*3*).

Есть и примеры палимпсестов, перекрывания изображений — при этом для большинства петроглифов продолжительность временных интервалов, разделяющих эпизоды рисования, остаются неизвестными. В отличие от многих местонахождений, где палимпсесты связаны с различными хронологическими этапами, на Пегтымеле палимпсесты могут быть результатом скорейшего «перерисовывания» отдельных деталей уже начертанного.

Для документирования, исследования и сохранения петроглифов была применена технология снятия силиконовых матриц, в результате расширились и возможности изучения особенностей техники нанесения изображений[5]. Например, по силиконовой матрице и по отливке, сделанным с камня IV–69, удалось обнаружить, что представленная на правой его грани фигура крупного оленя изначально выглядела иначе и была более грацильной (рис. 4). По-видимому, что-то не устроило художника в соотношении персонажей, и он увеличил корпус оленя. Несмотря на многочисленные разновременные полевые наблюдения, ни при каком освещении, ни в солнечную, ни в пасмурную погоду не удалось достоверно документировать на правой грани камня наличие под корпусом крупного оленя иные линии. Есть основания надеяться, что использование силиконовых оттисков могло бы расширить наши представления о том, как формировались композиции, не только для данного местонахождения.

Поскольку сюжетные вариации в наскальном искусстве Чукотки весьма ограничены, существенное внимание было уделено изучению техники выполнения изображений и материала орудий, которыми они могли быть нанесены. Ставилась задача применить сложившиеся в российской трасологии методики и подходы[6] к исследованию петроглифов и с этих позиций определить признаки, отличающие пикетаж металлическими и каменными орудиями.

Методика выполнения контактных силиконовых оттисков фрагментов поверхностей со следами пикетажа с предварительной защитой скальной плоскости при помощи разделительного слоя позволила получить материал для последующего анализа следов на макро- и микроуровне. Для изучения искусственно

[5] Кочанович, Дэвлет 2006, 47–50.
[6] Семенов 1957; Семенов Щелинский, 1971, 19–30.

модифицированного выбивкой рельефа фрагмент петроглифа и примыкающей естественной скальной поверхности покрывался апробированным в реставрации смываемым защитным слоем. С участка снимался силиконовый оттиск, защитный слой смывался водой. С силиконового негативного оттиска затем выполнялась гипсовая отливка, точно воспроизводящая позитивный рельеф камня с изображением. Копии следов являются полноценными документами, сохраняющими информацию о характере изучаемой поверхности, об орудиях, которыми были нанесены петроглифы.

Для характеристики микрорельефа использовался метод светового сечения при помощи линейной тени, которую отбрасывает положенный горизонтально на отливку металлический стержень, освещённый с одной стороны под углом в 45°. Линейная тень точно очерчивает пикетированную поверхность. Меняя положение стержня можно получить информацию о любом (поперечном, продольном и т. д.) сечении следов. При необходимости можно получить данные о высоте изучаемого микрорельефа в абсолютных величинах, но на данном этапе мы не задавались этой целью (рис. 12.*1–2*).

При описании техники выполнения изображений использовалась градация по глубине выбивки от исходной поверхности (поверхностный/мелкий, средний, глубокий пикетаж), по форме отдельных лунок различие делалось между округлым, линейным, фигурным пикетажем.

Для описания плотности нанесения пикетажа использовался не численный подсчет отдельных лунок (следов ударов), а их соотношение (сплошной, плотный и разреженный пикетаж). Таким образом, пикетаж характеризуется как:

— сплошной (следы отдельных ударов перекрывают друг друга).

— плотный (расстояние между отдельными следами ударов примерно сопоставимо с диаметром одной лунки);

— разреженный (расстояние между отдельными лунками превышает диаметр следа от одного удара);

Сплошной пикетаж, в котором следы ударов перекрывают друг друга, мало информативен для трасологического анализа, и особое внимание следует обращать на одиночные, выходящие за контур лунки. В этом случае наибольшего внимания заслуживают эскизы и незавершенные изображения. Глубокие и средние по глубине лунки передают очертания формы орудия пикетажа сравнительно точно, в то время как поверхностный пикетаж в этом аспекте менее информативен. Даже если орудие пикетажа достаточно глубоко проникает в камень, оставшийся след чаще всего не является точным негативом его рабочей части. Степень сохранности также воздействует на возможности трасологического анализа. Выветренные изображения зачастую непригодны для достоверного исследования материала орудий, которым они были нанесены.

Было осуществлено свыше 50 экспериментов по пикетажу поверхностей алевролитов и песчаников, слагающих скалы Кайкуульского обрыва, протянувшегося вдоль р. Пегтымель. Были применены орудия из кварца (отбойники и посредники), шлифованного камня (шлифованные каменные тесла в роговых рукоятях – как посредники), бронзы (посредники), железа (посредники). Исследовалась специфика следов от ударов, нанесенных под углом в 90 и 45° (рис. 12.*3*), результаты зафиксированы по той же методике, что и следы выбивки на исторических

петроглифах. Большая часть экспериментов была посвящена моделированию выбивки с использованием орудий из кварца, выходы которого представлены вблизи петроглифов, и железа. Орудия из камня, бронзы и железа показали различную эффективность для выполнения пикетажа. Инструменты из оловянистой (7%) бронзы были признаны наименее производительными – их рабочие участки сминались очень быстро, после 10–20 ударов. Орудия из мягкого железа после нанесения 20–30 ударов также оказались малопригодны. Достаточно продолжительно и эффективно работали лишь кварцевые и железные орудия, а также каменные шлифованные тесла.

Использование кварцевых орудий для выбивки петроглифов неминуемо связано с постоянным и достаточно интенсивным выкрашиванием их рабочих концов — ударная часть весьма динамично изменяется, и остаются разноразмерные следы угловатой в плане формы. Выполнение среднего и глубокого пикетажа со стабильной формой лунок кварцевыми орудиями практически невозможно. Прменение инструментов из закаленного железа на некристаллических породах позволяет производить более 500 лунок, стабильных по очертаниям в плане. Эксперименты также показали, что если в ходе использования инструмент специально не подправлять, все угловатые в сечении рабочие концы металлических орудий по мере развития износа оставляют округлые в плане следы.

На основе собранных наблюдений можно сформулировать основные критерии различия следов выполнения пикетажа кварцевыми и железными орудиями: регулярный по форме и размерам, часто подокруглый в очертаниях отдельных лунок, глубокий при относительно узком входном отверстии пикетаж — результат использования орудий из железа. Нерегулярный по форме и размерам, угловатый в очертаниях отдельных выбоин, с широкими входными отверстиями пикетаж — результат использования кварцевых орудий (рис. 13–14).

Следует отметить, что исследование техники выполнения пегтымельских петроглифов не было ограничено указанными аспектами. Использование каменных орудий для выполнения петроглифов должно было дать значительное количество чешуек и отщепов, которые потенциально могли сохраниться перед плоскостями с изображениями, если они не были перемещены под действием природных сил. С учетом последнего обстоятельства в 2006 г. была выбрана площадка перед вертикальной плоскостью с многочисленными изображениями антропоморфных мухоморов и сценой морской охоты (см. рис. 6). В результате промывки грунта из шурфа размерами 4 м^2 были добыты многочисленные фрагменты кварца, которые при дальнейшем исследовании под микроскопом не выявили следов антропогенного расщепления, что может служить одним из аргументов в пользу того, что орудия из кварца не применялись при выполнении композиции на данной плоскости. Дальнейшее изучение техники пикетажа на пегтымельском материале по описанной выше комплексной методике также свидетельствовало, что эта группа выполнена металлическими инструментами. Совокупность наблюдений, аккумулированных в 2006–2008 гг., позволяет предполагать, что подобную шурфовку с последующим анализом материала промывки целесообразно было бы выполнить вблизи плоскости из скопления I (рис. 7), изображения на которой могли быть нанесены инструментом из камня.

По результатам пегтымельских экспериментов и наблюдений на алевролитах и песчаниках основной диагностирующий признак, отличающий следы ударов, оставленные каменным орудием-посредником, от следов работы орудием из железа, — быстрое изменение рабочей части каменного инструмента, следы от которого динамично трансформируются от подокруглых или подквадратных к вытянутым линейным. Указанное различие было также прослежено при исследовании нижнего яруса петроглифов Шалаболино (рис. 13–15).

Два зооморфных изображения в рассмотренной выборке Шалаболинских петроглифов могут быть определены как нанесенные с помощью каменных орудий (рис. 13–14). Силиконовые оттиски следов пикетажа были сняты с трех участков зооморфного изображения[7] (рис. 13.*1*). Хотя следы ударов, которыми выполнены голова, рога и ноги лося, в плане различаются по форме, на всех участках прослеживается сходная закономерность изменения очертаний следов орудий от подокруглых и подпрямоугольных к вытянутым. Это одна из наиболее характерных черт применения каменного орудия-посредника: подготовленный пикообразный конец орудия по мере использования достаточно быстро выкрашивался, превращаясь, в конечном счете, в долотовидное орудие (*piece esquille*). Подправлял ли древний художник одно орудие несколько раз или по мере износа рабочего края менял инструмент — в данном случае определить невозможно. В экспериментах по моделированию пикетажа кварцевыми отбойниками и посредниками на пегтымельском материале наблюдалось аналогичное изменение формы рабочего края орудия и соответственно сходная динамика изменения формы отдельных следов ударов. На нижнем ярусе Шалаболинской писаницы[8] также представлены многочисленные примеры петроглифов, нанесенных металлическим инструментом с характерными стабильными единообразными по форме следами глубоких ударов с узким входным отверстием (рис. 15).

Существенные различия в износе получают орудия-ударники, примененные с посредником из камня или металла. Четко читаются следы сработанности исключительно на тех ударниках, которыми работали с каменным посредником, — это концентрация выбоин и грубых царапин. При работе с посредниками из металла или каменными инструментами в роговых рукоятях подобные следы не образуются.

В непосредственной близости от пегтымельских петроглифов в 2007 г. была обнаружена галька со следами использования, позволяющими интерпретировать ее как ударник для работы с каменным посредником[9]. Следы износа на ее поверхности полностью соответствуют полученным на экспериментальных образцах, примененных для выполнения пикетажа кварцевыми орудиями (рис. 16). Необходимо обратить внимание исследователей наскального искусства на целесообразность направленного поиска близ плоскостей с петроглифами орудий-ударников, в качестве которых удобны гальки округло-уплощенной и вытянутой форм, поскольку они могли бы служить дополнительными свидетельствами применения орудий из камня или металла.

---

[7] Пяткин, Мартынов 1986, фото 4, табл. 26.12: камень 41.
[8] Заика, Дроздов, Макулов 2005, 152–155.
[9] Гиря, Дэвлет 2008, 12–15.

В отношении петроглифов на р. Пегтымель необходимо отметить, что использование материалов экспериментов с каменными орудиями для сравнения с массивом наскальных изображений показывает, что лишь незначительная часть петроглифов демонстрирует сопоставимые следы выполнения. Это, как правило, — отдельные нефигуративные пятна в композициях, а также некоторые со стилистической точки зрения довольно грубо нанесенные изображения (рис. 7), присутствие которых можно объяснить не столько относительной хронологией, сколько индивидуальной слабой подготовленностью того, кто взялся за создание рисунков, — многие из них так и остались незавершенными. Иначе выглядит основной корпус петроглифов, в значительном большинстве выполненных неглубоким стандартизированным пикетажем, который мог быть получен лишь при работе металлическим инструментом. Следует отметить, что в этом массиве петроглифов различаются несколько изобразительных пластов, синхронность или диахронность которых еще предстоит продемонстрировать.

Таким образом, помимо традиционных наблюдений и описаний, для исследования техники выполнения петроглифов Пегтымеля был привлечен разнообразный круг источников: для выявления орудий и их фрагментов вблизи плоскости с петроглифами выполнена шурфовка с промывкой материала и его последующее трасологическое изучение, разработаны специфические приемы и методы наблюдения, документирования и анализа следов орудий, примененных для выполнения петроглифов. В результате целенаправленных экспериментально-трасологических работ на Кайкуульском обрыве были отработаны приемы создания стабильного косонаправленного освещения, необходимого для достоверного определения контуров и особенностей изображений, расположенных на вертикальных скальных поверхностях, а также следов орудий, которыми они были нанесены[10].

Результаты чукотских экспериментов могут быть использованы для сравнительного наблюдения на местонахождениях других регионов при условии, что слагающие горные породы, на которых выбиты петроглифы, близки по механическим свойствам и текстуре пегтымельским алевролитам и песчаникам.

Поскольку при пикетаже поверхностей кристаллических пород форма отдельных следов ударов зависит не столько от формы рабочего края инструмента, сколько от формы и размеров разрушающихся кристаллов, трасология петроглифов на подобных породах (базальты Амура и Уссури, граниты Онежского озера) требует модификации методики и, прежде всего, новых экспериментов.

[10] Гиря, Дэвлет 2010, 107–118.

Рис. 1 . Петроглифы, выполненные в разнообразной технике (Пегтымель, Чукотка).

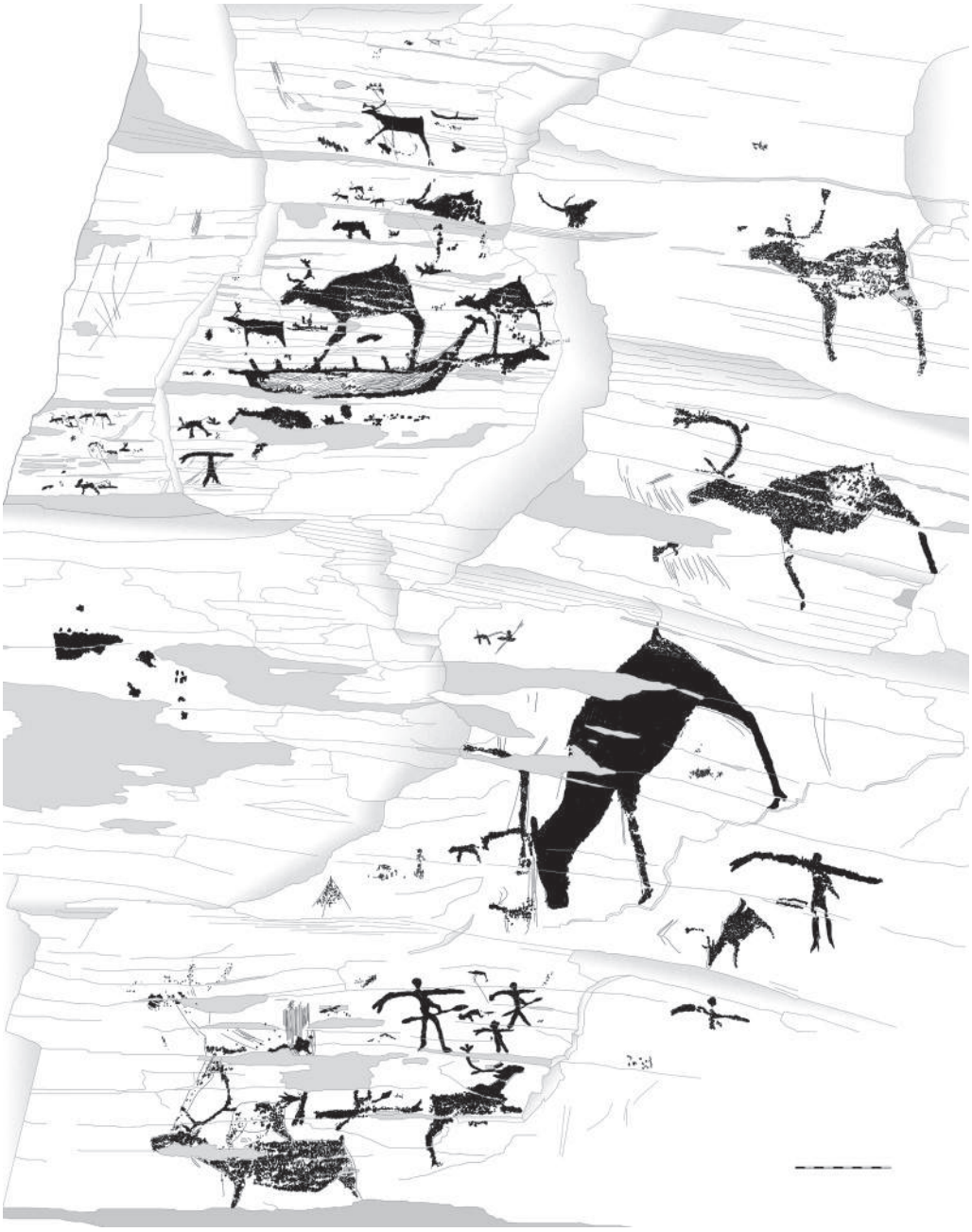


Рис. 2. Одна из центральных плоскостей с петроглифами, нанесенными в разнообразной технике (Пегтымель, Чукотка).

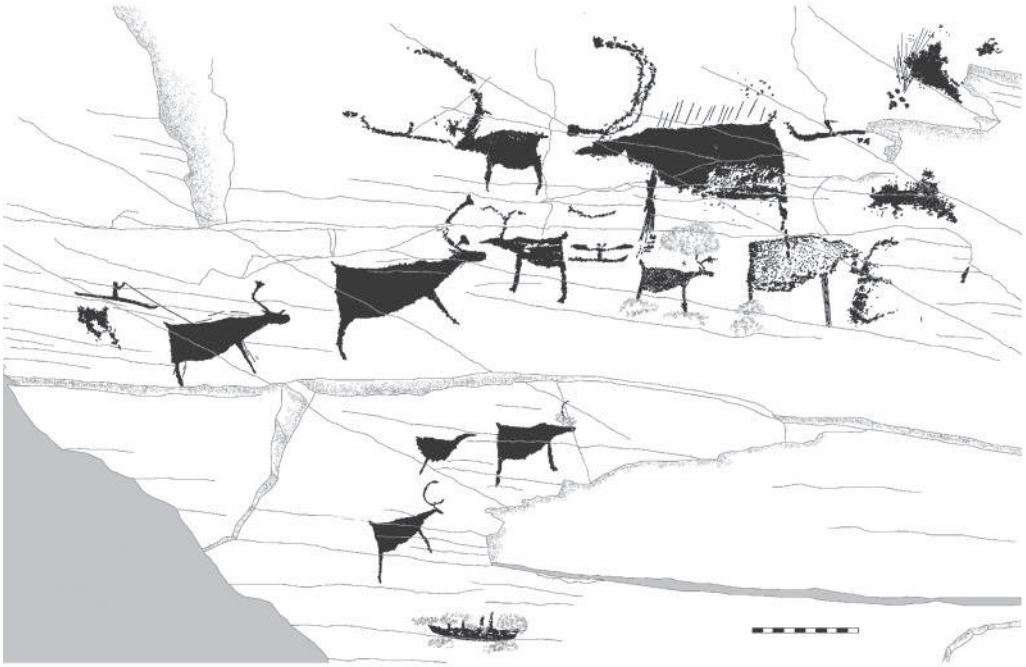


Рис. 3 . Петроглифы, выполненные пикетажем и с элементами пришлифовки (Пегтымель, Чукотка).

Рис. 4 . Камень с изображениями на двух гранях (Пегтымель, Чукотка).

Рис. 5 . Гравированное парциальное изображение (слева) (Пегтымель, Чукотка).

Рис. 6. Примеры «уничтожения» образов: изображения антропоморфных мухоморов, вероятно, выполненных металлическим инструментом, перекрывают царапины (Пегтымель, Чукотка).

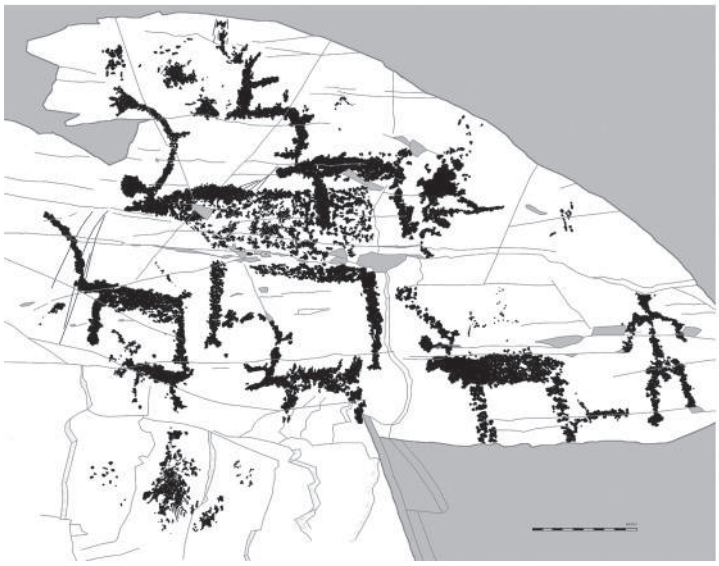


Рис. 7. Плоскость с изображениями, которые могли быть нанесены инструментом из камня (Пегтымель, Чукотка).

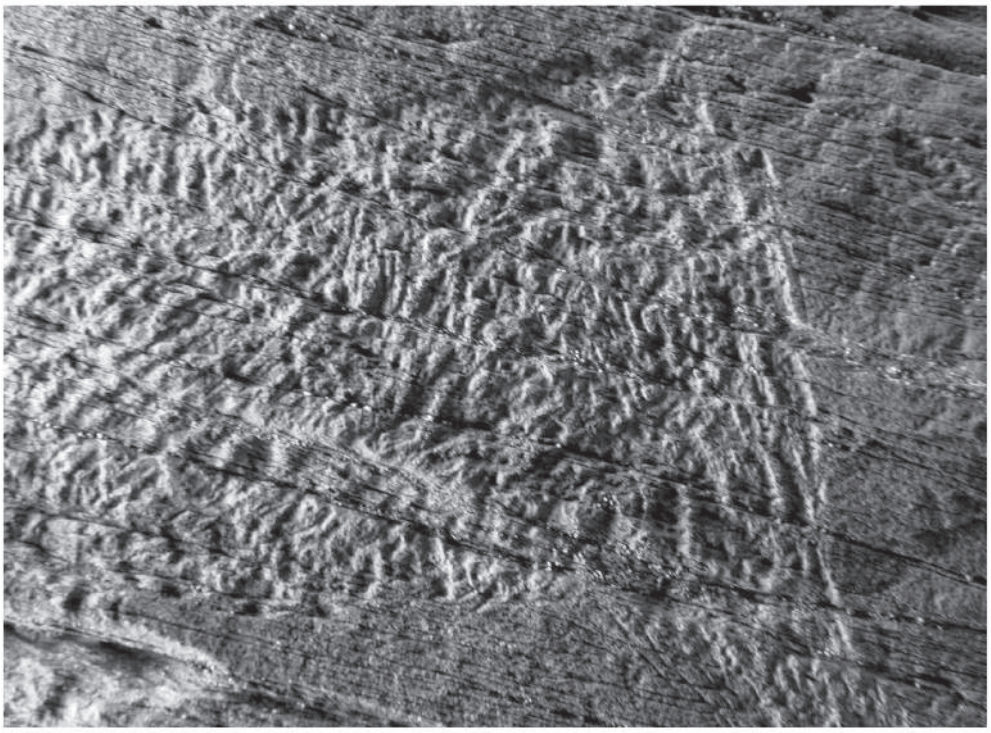


Рис. 8. Скошенный пикетаж и удлиненные следы ударов создают имитацию шерсти изображенных животных (Пегтымель, Чукотка)

Рис. 9. Сочетание пикетажа и пришлифовки в петроглифах (Пегтымель, Чукотка).

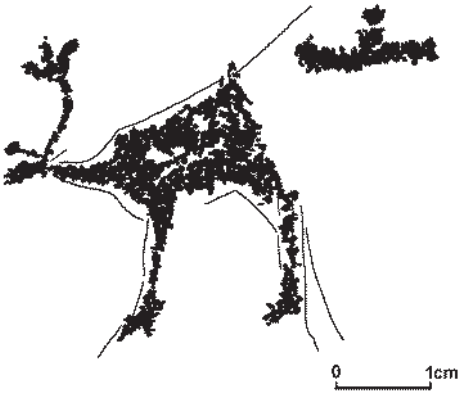


Рис. 10. Выбитая миниатюра с гравированной линией эскиза (Пегтымель, Чукотка)

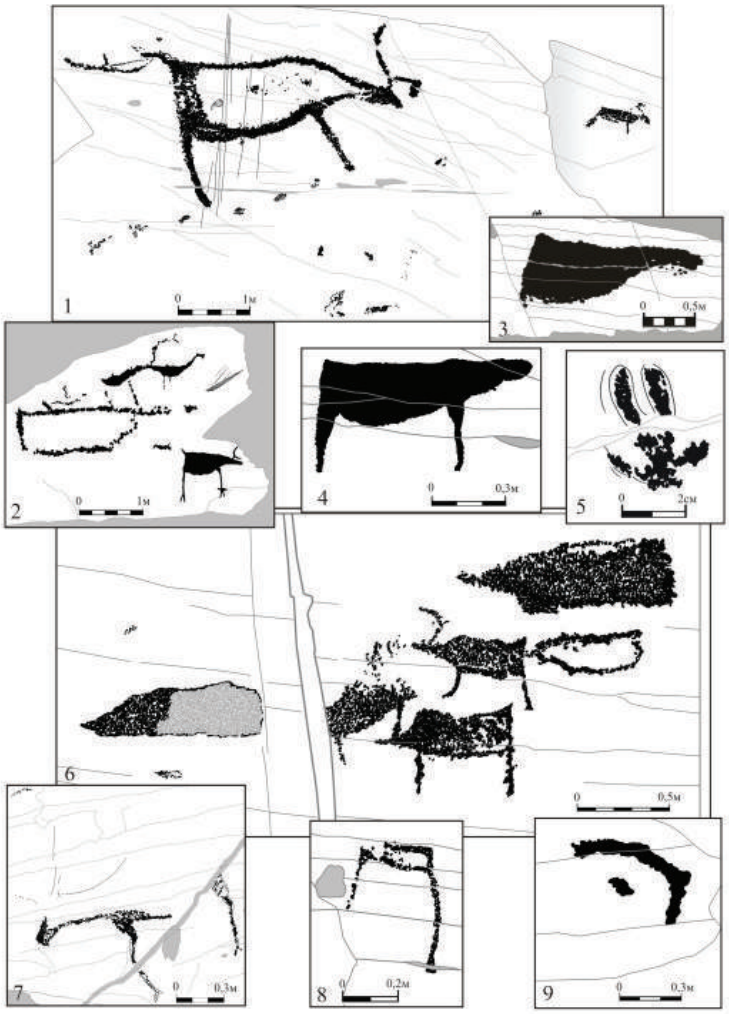


Рис. 11. Примеры незавершенных изображений, демонстрирующие варианты последовательности их выполнения (Пегтымель, Чукотка)

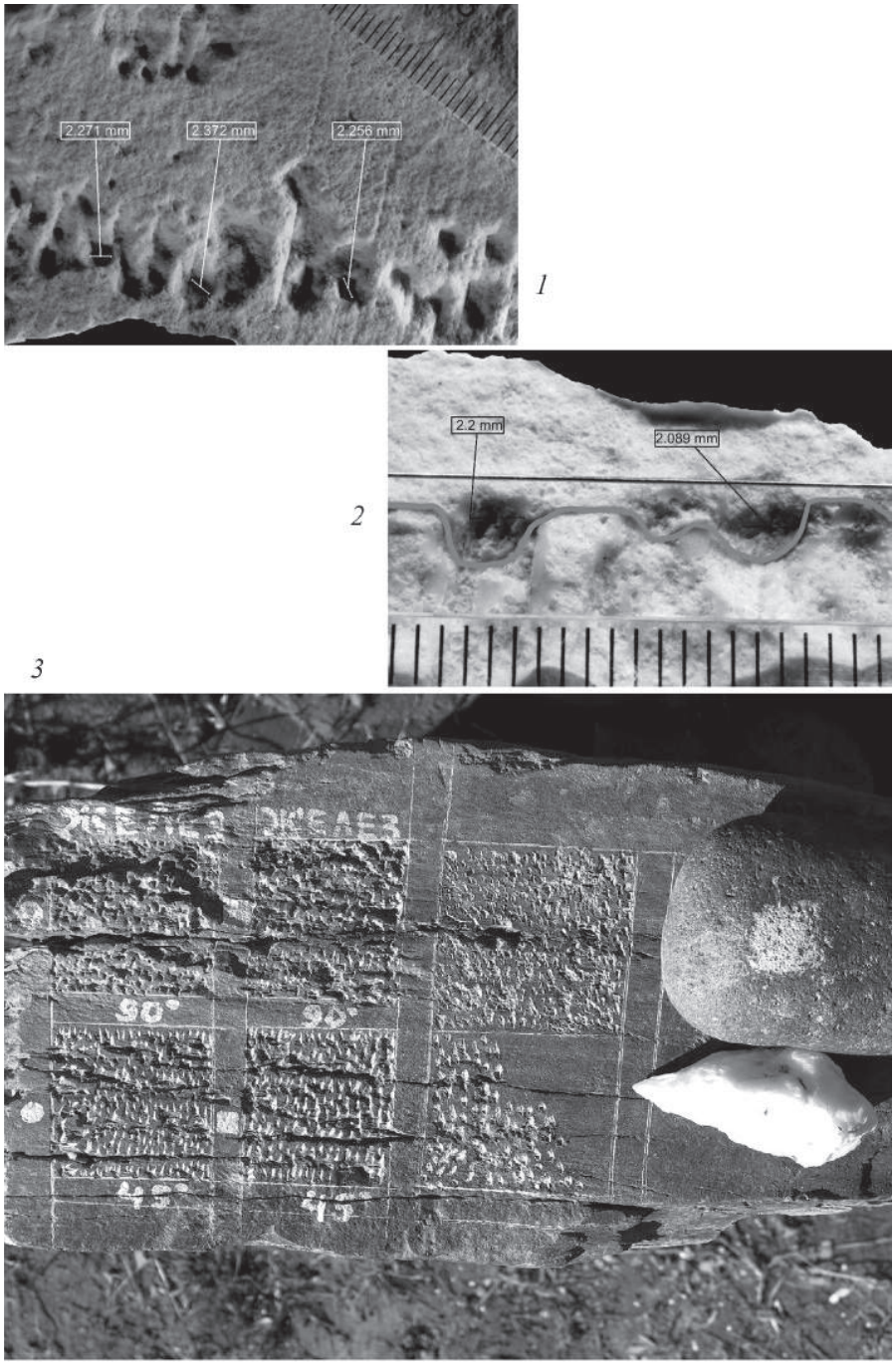
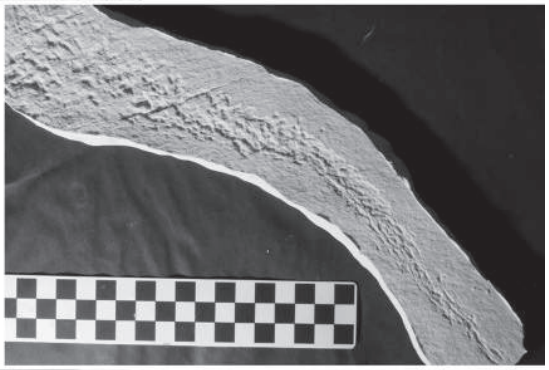
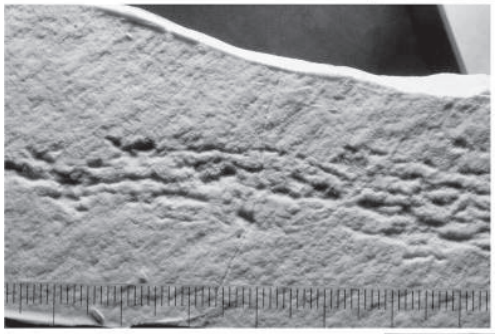


Рис. 12. Элементы экспериментальной программы и лабораторного трасологического изучения петроглифов (Пегтымель, Чукотка):
1–2 — измерение ширины и глубины лунок пикетажа по отливке; *3* — эксперимент по исследованию специфики следов от ударов, нанесенных под углом в 90 и 45°

1



2



3

4

Рис. 13. Зооморфное изображение, выполненное с помощью каменного посредника (Шалаболино, Красноярский край).

1 – общий вид; *2* – гипсовая копия фрагмента изображения, выполненная по силиконовому оттиску; *3* – вид следов пикетажа в плане; *4* – теневое сечение поверхности пикетажа.

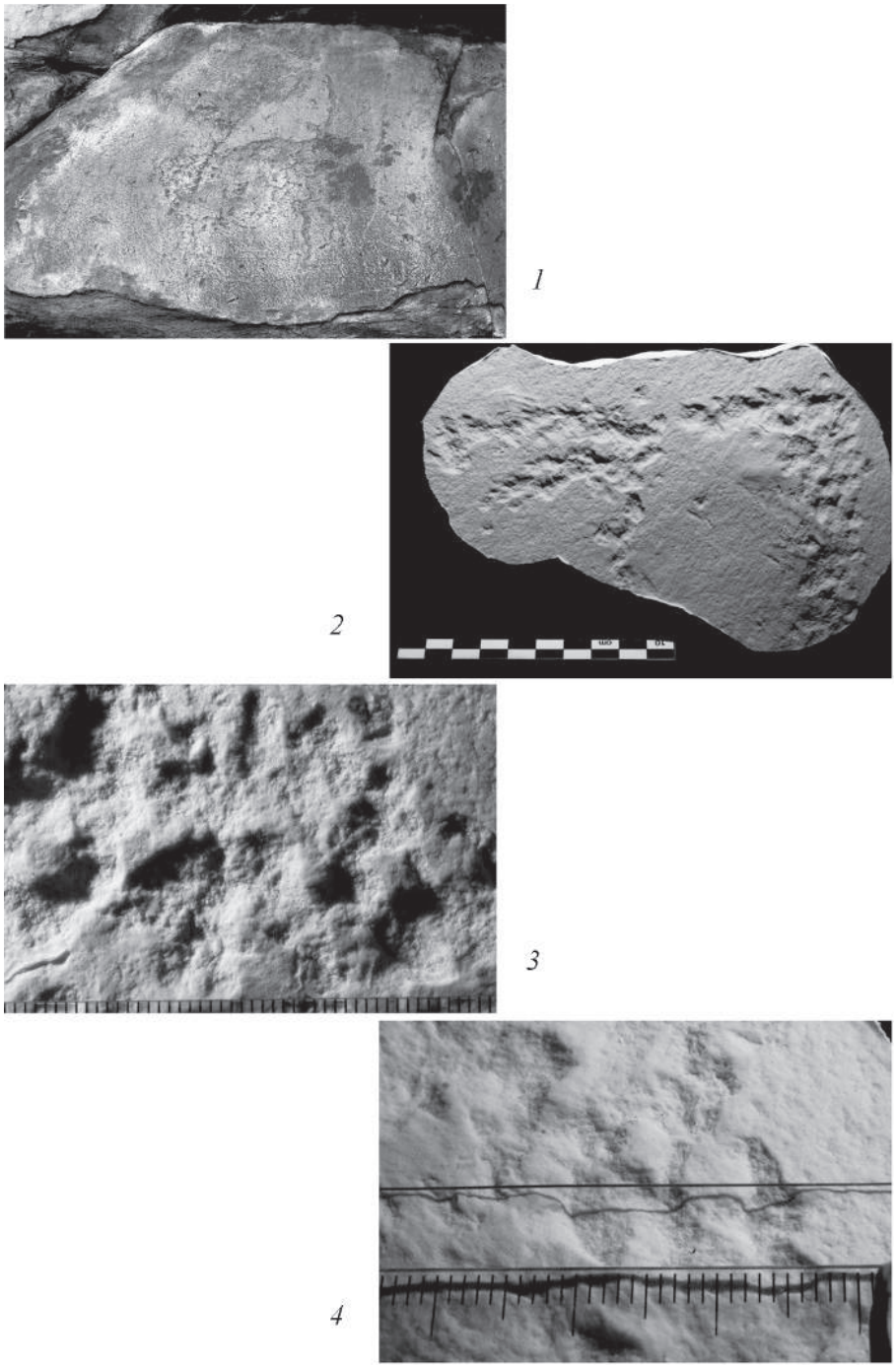
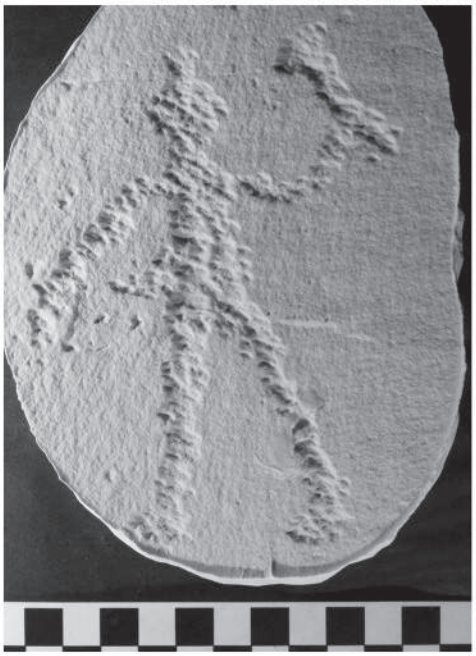
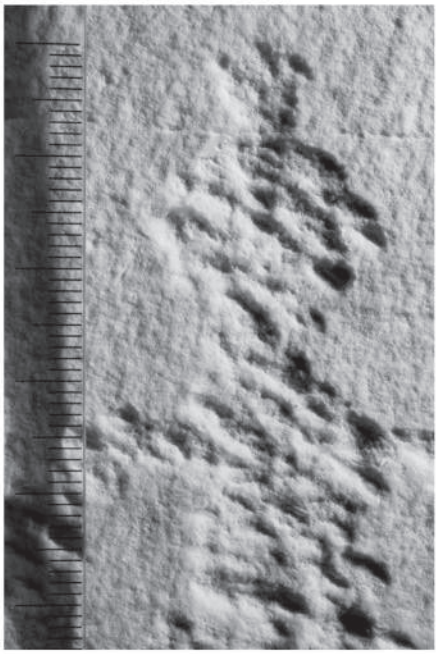


Рис. 14. Зооморфное изображение, нанесенное с помощью каменного посредника (Шалаболино Красноярский край).
1 – общий вид; *2* – гипсовая копия фрагмента изображения, выполненная по силиконовому оттиску; *3* – вид следов пикетажа в плане; *4* – теневое сечение поверхности пикетажа.

1



2



3

Рис. 15. Антропоморфное изображение, выполненное с помощью металлического посредника скошенными ударами (Шалаболино, Красноярский край).
1 – общий вид изображения на скальной поверхности; *2* – гипсовая копия изображения, выполненная по силиконовому оттиску; *3* – вид следов пикетажа в плане

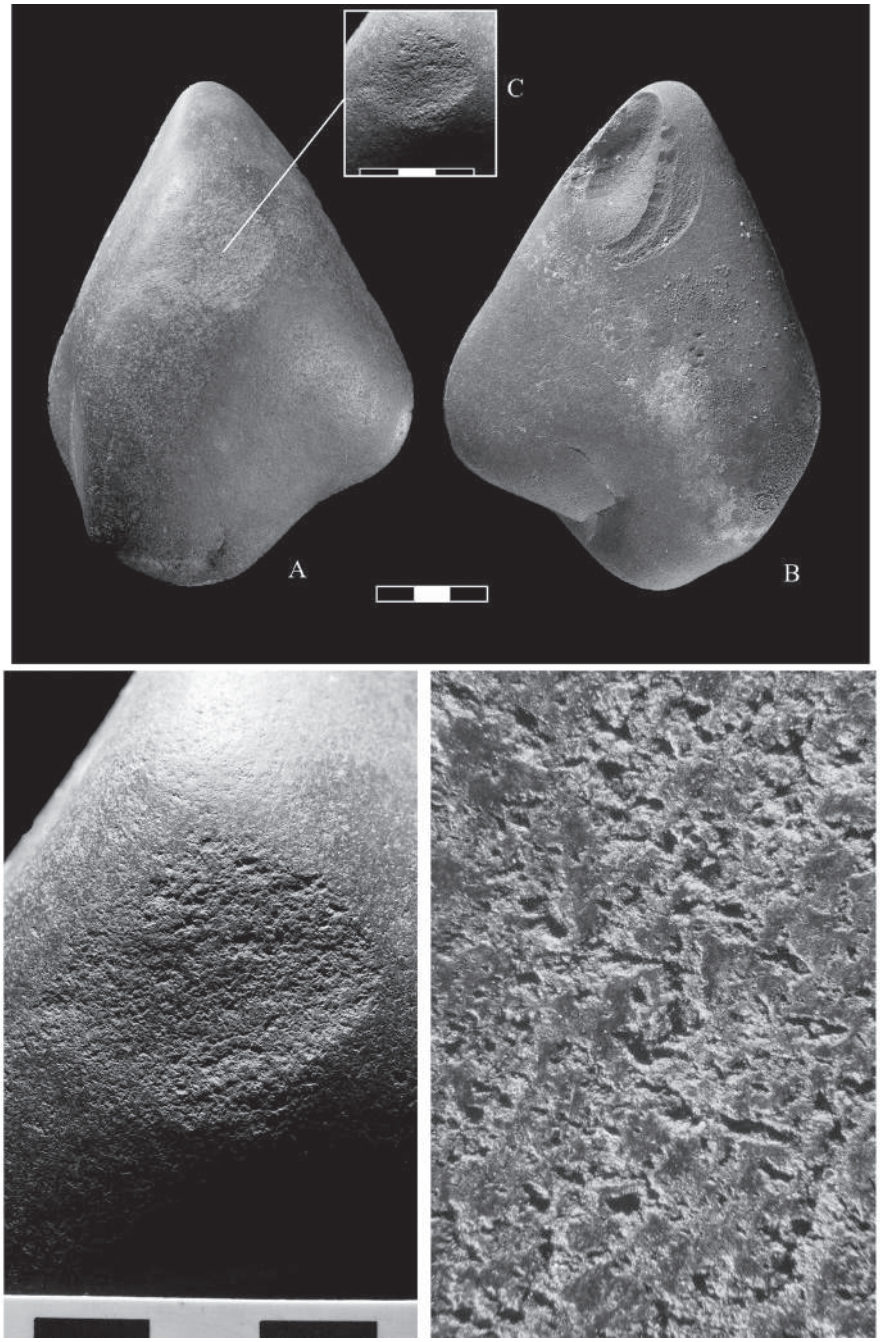


Рис. 16. Каменный ударник – одно из орудий выполнения пикетажа (Пегтымель, Чукотка).

1 – общий вид с указанием рабочего участка; *2* – следы износа на рабочем участке (косое одностороннее освещение); *3* – следы износа на рабочем участке (освещение через объектив, x 50)

ЛИТЕРАТУРА

Вяткина К. В. 1949: Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения // Сборник МАЭ. Т. XII, 417–484.

Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. 2008: Трасологическое исследование петроглифов Пегтымеля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III, 12–15.

Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. 2010: Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. 1(26), 107–118.

Диков Н. Н. 1971: Наскальные изображения древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.

Дэвлет Е. Г. 2007: Петроглифы Пегтымеля: застывший миф // Чукотка в прошлом и настоящем. Наследие народов Российской Федерации. М.

Дэвлет Е. Г. 2010: Новое в исследовании наскального искусства Северной Евразии // III Северный археологический конгресс: 8–13 ноября 2010. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 180–208

Дэвлет Е. Г. 2010а: Проект по исследованию наскальных изображений // Институт археологии. Новые полевые проекты / Н. А. Макарова (ред.). М., 40–43.

Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И. 2005: Исследование Шалаболинских петроглифов (итоги работ 2004 г.) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН С. В. Киселева (Минусинск, 20–26 июня 2005 г.). Красноярск, 152–155.

Кочанович А. В., Дэвлет Е. Г. 2006: Об изготовлении резервных и выставочных копий петроглифов Кайкуульского обрыва // Пегтымельская тетрадь, 47–50.

Окладников А. П. 1971: Петроглифы Нижнего Амура. Л.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. 1985: Шалаболинские петроглифы. Красноярск.

Савватеев Ю. А. 1983: Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск.

Семенов С. А. 1957: Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). // МИА. 54, 240.

Семенов С. А., Щелинский В. Е. 1971: Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях // СА. 1, 19–30.

Фараджева М. Н. 2009: Наскальное искусство Азербайджана. Баку.

Шумкин В. Я. 2009: Новые уникальный петроглифический комплекс Лапландии // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Н. А. Макарова (отв.). М., 95–105.

Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. 2010: Der Skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz.

PETROGLYPH TECHNIQUE STUDY

Ye. Yu. Girya, Ye. G. Devlet

The article deals with possible trasology study of petroglyphs. Over fifty stationing experiments with stone and metal tools were performed on pegtymel petroglyphs on Chukchi siltstone and sandstone to work out the procedure. The material of other Eurasian rock carvings supplements observation. Petroglyph technique study involved a variety of sources. Experiment material may prove useful for other petroglyphs if they are similar in texture and mechanical type to pegtymel rock.

Key words: petroglyph, trasological study, rock carving.

© 2012

Г. Н. Гарустович, В. В. Овсянников

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СВЯТИЛИЩЕ НА ГОРЕ УКЛАКАЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В статье анализируются археологические материалы с горы Уклыкая (Гафурийский р-н Республики Башкортостан), расположенной в долине р. Зилим, в отрогах Южного Урала. На склоне горы найдено более 100 наконечников стрел. Полевые исследования позволили реконструировать обряд, в ходе которого с большого расстояния обстреливался восточный склон горы. По наконечникам стрел святилище датируется VIII — нач. XIII вв. Наиболее вероятная культурная принадлежность – караякуповская и чияликская культуры, оставленные населением угорского происхождения и вошедших впоследствии в состав башкир. Обряд почитания гор также фиксируется у башкирского народа по этнографическим данным.

Ключевые слова: археология, святилище, караякуповская культура, чияликская культура, домонгольский период, Южное Предуралье.

Еще в XVIII веке государственные чиновники и сотрудники академических экспедиций Российской академии наук обратили внимание на повсеместное почитание башкирами отдельных горных вершин Южного Урала. Даже процесс принятия башкирами ислама не смог положить конец этим явно выраженным пережиткам языческого прошлого. Еще в начале нашего столетия С. И. Руденко наблюдал, как в различных местах Башкортостана на горных вершинах в жертву духу горы башкиры оставляли предметы украшения, на деревьях навешивали лоскутки материи и т. п.[1] Подобные жертвенные ленты и сейчас можно увидеть на почитаемых в народе вершинах (гора Масем в Бурзянском р-не РБ и др.). Такие священные горы наделялись в народе сакральной значимостью, люди приходили на них и молились о здоровье, заступничестве, о ниспослании детей, в широком смысле — о плодородии и благополучии родовых коллективов.

На вершинах гор совершались общественные жертвоприношения, жглись костры и производились коллективные трапезы[2]. Следы подобных обрядовых действий археологи и этнографы фиксируют на вершинах таких гор-святилищ, как Тура-Тау (Ишимбайский р-н Республики Башкортостан), Юрактау (Стерлитамакский р-н РБ), Ауш (Учалинский р-н), Рейской (Караидельский р-н), Масем (Бурзянский р-н), Толкас (Ишимбайский р-н), Магаш (Белокатайский р-н) и др. Однако специалистам известен и иной тип гор-святилищ, проводимые на них обряды значительно отличались от вышеназванных объектов своим своеобразием.

Гарустович Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: atliural@yandex.ru

Овсянников Владимир Владиславович — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: atliural@yandex.ru

[1] Руденко 1955, 317; Мажитов 1977, 127–128.

[2] Нефедов 1960, 184–186; Мажитов 1977, 128.

Святилище на горе Уклыкая расположено к северу от дер. Таш-Асты (Гафурийский р-н РБ), точнее — это деревня находится у подножия конусовидной горы (высотная отметка 350), на правом берегу р. Зилим (рис. 1, 1). Местное название «Уклыкая» (башкир. — «Стреляная гора»). Священная гора вытянута по линии юго-запад — северо-восток. В обнажении горы Уклыкая есть пещера и несколько гротов (рис. 1, 1). Эти объекты были обследованы в 1960 году экспедицией О. Н. Бадера, в трех из них были выявлены фаунистические остатки, но археологических следов не обнаружено[3]. Восточная и юго-восточная стороны горы — обрывистые и скалистые, а западный и северо-западный склон более пологий, практически полностью задернован. Именно на западном склоне находят наконечники стрел, а у подножия этой стороны горы размещается дер. Таишево. На вершине горы Уклыкая, в 1 км к востоку от дер. Таишево, были обнаружены три кучи из камней (обо?), диаметром около 8 м, высотой свыше 0,5 м, развернутых по линии северо-запад-запад — юго-юго-восток (рис. 1, 2).

Еще в 1911 году чиновник и литератор С. Р. Минцлов писал о находках на священной горе: «В Дуван-Табынской волости, над небольшой башкирской деревушкой Таш-Асты, как бы втянувшейся в чрезвычайно живописное ущелье, по которому выходит из гор широкий, синий Зилим, возвышается громадная гора Уклогая. В осыпях ея изредка попадаются железные наконечники стрел и человеческие кости; пару таких наконечников, — один широкий и один узкий, — мне удалось купить у отыскавших их башкирят»[4]. Продажа наконечников стрел местными жителями туристам, сплавляющимся по р. Зилим, продолжается до сих пор.

Об этом памятнике писала И. А. Талицкая[5], упомянут он также в «Археологической карте Башкирии»[6]. Сколько всего наконечников стрел было найдено на территории святилища Уклыкая за все прошедшие годы, мы уже никогда не узнаем. Большая часть древних артефактов, к сожалению, для науки пропала бесследно. Нам удалось собрать для анализа 128 наконечников стрел, которые хранятся в фондах Национального музея РБ (г. Уфа), Стерлитамакского краеведческого и Красноусольского районного (Гафурийский р-н РБ) музеев, а также в частных коллекциях. Из всех этих наконечников 123 были железными (96,1 %) и еще 5 — костяными (3,9 %), все они относятся к эпохе средневековья.

Небольшие раскопки на территории святилища проводились в 1997 г.[7] Разведочная траншея размещена В. В. Овсянниковым на склоне горы (параллельно вытянутой вершине хребта), примерно на уровне завершения полета стрелы, выпущенной с берега реки (рис. 1, 1). Траншея площадью 16 кв.м состояла из четырех квадратов 2х2 м (рис. 1, 3). Если перепад высот по длине раскопа (по линии север-юг) составил всего около 20 см на восьми метрах, то в коротких стенках (по линии восток-запад) он достигал уже 74–75 см на двух метрах. Траншея была размечена на месте находки железного наконечника на поверхности. Всего в траншее обнаружено четыре железные стрелы, на небольшой глубине (немногим ниже дерна, под суглинком, начиналась скальная порода). Важно то, что все пять нако-

[3] Бадер 1960; 1962, 15.
[4] Минцлов 1911, 26.
[5] Талицкая 1952, 75.
[6] АКБ, 145, № 1235.
[7] Котов, Овсянников 1998.

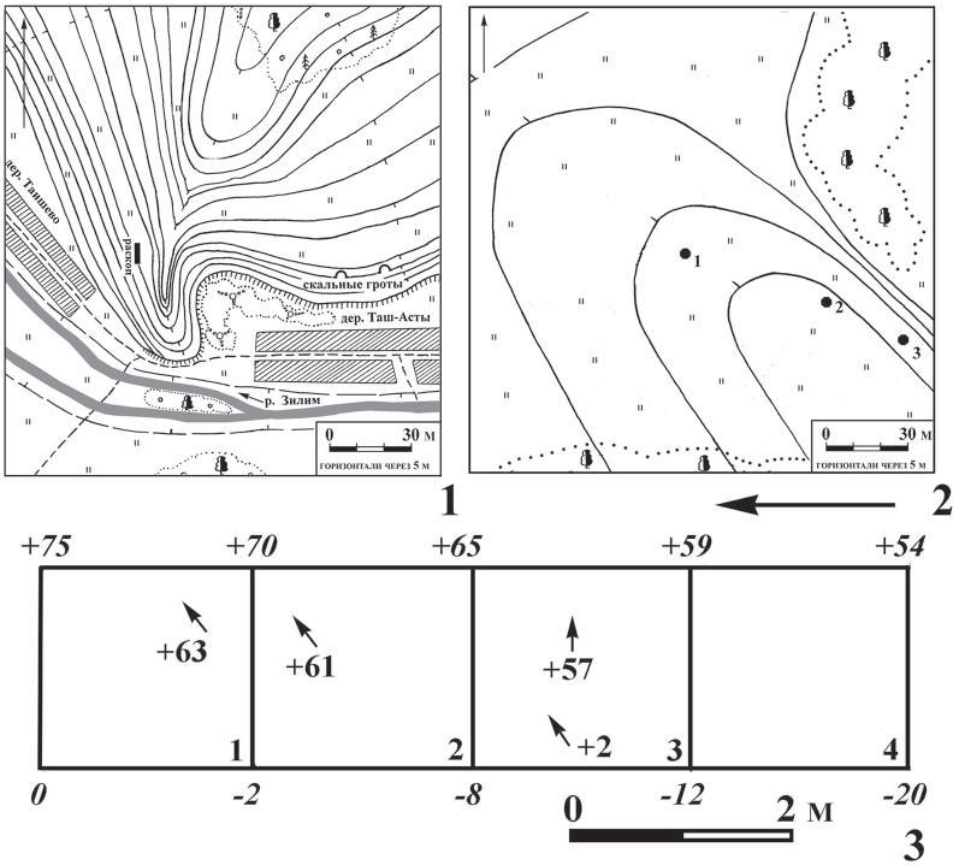


Рис. 1. 1 — План святилища на г. Уклыкая; 2 — план каменных выкладок на г. Уклыкая; 3 — план раскопа на святилище.

нечников имели разворот острия к северо-востоку или к востоку. Таким образом, есть все основания говорить, что стреляли вверх с реки или от подошвы горы. Мы рассмотрим эти наконечники особо, поскольку они происходят из закрытого комплекса.

1) Тип 84 (с поверхности). Наконечник бронебойный с короткой пирамидальной головкой квадратного сечения, с длинной шейкой. Острие боевой головки сломано (рис. 2, 1). А. Ф. Медведев выделяет два варианта данного типа, и рассматриваемая нами стрела относится к первому из них. Дата артефакта приходится на X — начало XI века[8]. Подобные наконечники встречаются на Руси, в Волжской Булгарии и в соседних пределах. **2)** Тип 83 включает бронебойные наконечники с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний, ромбических в сечении, с выделенной шейкой (рис. 2, 9). Время бытования артефакта приходится

[8] Медведев 1966, 81.

на XI в.[9] Находки подобных стрел многочисленны на Руси, на Средней Волге, у финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. **3)** Тип 97 (найден под дерном). Наконечник бронебойный, с кинжаловидным пером (ромбического сечения) и выраженным перехватом (рис. 2, 10). А. Ф. Медведев выделяет несколько разновидностей с разной хронологией. Найденная на горе Уклыкая стрела принадлежит к первому варианту, относящемуся к IX–X вв.[10] Ареал распространения подобных наконечников включает огромную территорию Евразии. **4–5)** Названные выше стрелы найдены в одном экземпляре и лишь к типу 100 относятся два наконечника (рис. 2, 11–12). Это бронебойные долотовидные наконечники с выделенным перехватом. Наконечники Башкортостана относятся к первому варианту данного типа. Для курганов великого пояса евразийских степей подобные стрелы не характерны, но они являются обычными находками в государствах Восточной Европы. Хронологические рамки приходятся на вторую половину XI — первую половину XIII века[11].

Таким образом, все наконечники, обнаруженные в раскопе, относятся к домонгольскому времени, в основном к X — началу XIII в. Обращаем внимание на то, что перед нами исключительно боевые стрелы и едва ли они использовались на охоте. Наше обследование горы в 2007 г. показало, что на поверхности и в промоинах нет костей животных и фрагментов керамики, зольных выходов также не видно.

Далее мы рассмотрим **классификацию** всех доступных нам находок с территории святилища. Как говорилось выше, артефакты памятника делятся на две группы — железные и костяные наконечники стрел. Из пяти костяных наконечников (минимум 4 разных типа) четыре были черешковыми и лишь один — втульчатым (похожим на томары) с треугольным острием (тип 5 по Медведеву[12]). Томары повсеместно использовались для охоты на белку и другого пушного зверя, однако при случае они могли применяться против человека. Для одного наконечника мы не нашли аналогии, отметим лишь, что он являлся усложненным вариантом стрел с вытянутым ромбическим пером. В целом, хронологические рамки этих наконечников согласуются с датировками железных стрел горного святилища. Другими словами, все найденные на горе Уклыкая наконечники, вне зависимости от их типов, составляют единый комплекс.

Большая часть доступных для анализа наконечников изготовлены из железа методом ручной ковки, все эти стрелы относятся к разряду черешковых, железных втульчатых наконечников на горе не найдено. Все 120 стрел принадлежат к 35 разным типам по классификации А. Ф. Медведева, и еще для трех наконечников (2,3 %) мы у этого автора не нашли аналогий.

Статистика распределения по типам наконечников горы Уклыкая выглядит таким образом: тип № 3 (3 экз.=2,3 %), 18 (2 экз.=1,6 %), 21, 24, 34 (2 экз.), 35, 37, 38, 39 (2 экз.), 40, 41, 45 (2 экз.), 46, 48; тип № 52 (13 экз.=10 %), 53, 54 (3 экз.), 67 (2 экз.); тип № 76 (7 экз.=5,5 %), 77, 78, 81 (2 экз.), 82 (2 экз.), 83 (28 экз.=21,9 %), 84 (3 экз.), 87, 88; тип № 90, 91 (6 экз.=4,7 %), 92 (3 экз.), 93, 95 (3 экз.), 97 (11

[9] Медведев 1966, 81.
[10] Медведев 1966, 85.
[11] Медведев 1966, 85.
[12] Медведев 1966, 87.

экз.=8,6 %), 98; тип № 100 (10 экз.=7,8 %). Наконечники неопределенного типа — 3 экз. (2,3 %). Всего: 128 экз. (100 %).

Следует сказать, что рассматриваемые нами наконечники часто в деталях отличались от выделенных А. Ф. Медведевым типов. Скажем, они имели более вытянутое перо или круглое, а не квадратное сечение черешка; особый вид уступа от черешка к боевой головке и т.д. Это и понятно, ведь мы имеем дело не с конвейерной продукцией, а с ручной работой. Для нас достаточно, чтобы общие контуры и размеры предмета совпадали.

Отметим, что наконечников, встречающихся лишь в одном экземпляре (17 типов, 17 стрел — 14,2 % от 120 желез. након.), явно меньше, нежели типов стрел, обнаруженных в нескольких экземплярах (18 типов, 103 наконечника — 85,8 %). Однако среди «серийных» типов преобладают небольшие группы в два–три наконечника. Самым массовым типом был номер 83 (28 экз.=21,9 % от 128 након.), другие представительные группы сильно ему уступали в количестве: тип № 52 (13 экз.=10 %), № 97 (11 экз.=8,6 %), № 100 (10 экз.=7,8 %), № 76 (7 экз.=5,5 %), и № 91 (6 экз.=4,7 %).

Тип 83 включает бронебойные наконечники с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний (рис. 2, 19–20). Существует несколько вариантов этого типа, имеющих одинаковую хронологию. Данные наконечники особенно характерны для XI в. и они распространены по всей лесостепной зоне Восточной Европы, в том числе встречаются на Руси, в Волжской Булгарии и на окрестных финно-угорских землях[13].

Тип 52 включает ромбовидные наконечники с прямыми сторонами и плечиками, с наибольшим расширением в верхней половине длины пера (рис. 2, 53). Имели распространение в VIII–XIII вв. по всей Восточной Европе, но чаще всего встречались в IX–XI вв. Существует несколько вариантов этого типа, имеющих близкую хронологию[14].

Тип 97 включает бронебойные наконечники (в виде кинжальчиков) ромбического сечения, с перхватом (рис. 2, 77). Существует несколько вариантов этого типа, имеющих разную хронологию. Наш вариант наконечников близок стрелам, датирующимся IX–X вв.[15] Ареал распространения данного вида метательного оружия дальнего боя очень широк.

Тип 100 включает бронебойные долотовидные наконечники, варианта при котором имеется утолщение возле перехвата у черешка (рис. 2, 40,67). Дата стрел этого типа приходится на промежуток со второй половины XI и до первой половины XIII века. Подобные наконечники нехарактерны для степной полосы, в лесостепной зоне встречаются повсеместно[16].

Тип 76 включает бронебойные наконечники с пирамидальной трехгранной головкой, с перехватом на переходе к черешку (рис. 2, 27). А. Ф. Медведев выделяет три варианта данного типа, но все наши наконечники относятся к третьему варианту (с короткой головкой)[17]. Дата: со второй половины XI по XIV век вклю-

[13] Медведев 1966, 81.
[14] Медведев 1966, 69–70.
[15] Медведев 1966, 85.
[16] Медведев 1966, 86.
[17] Медведев 1966, 86.

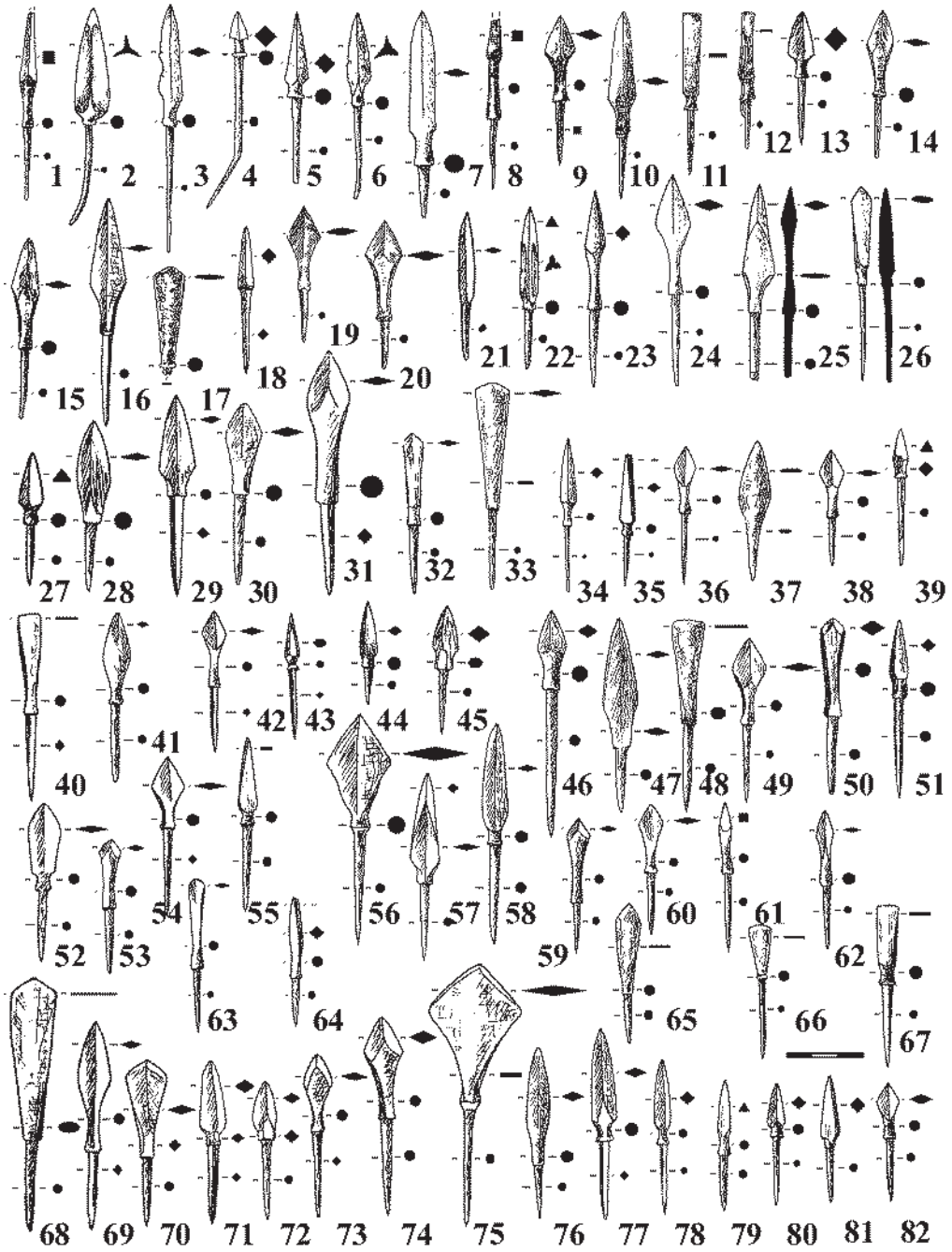


Рис. 2. Наконечники стрел с г. Уклыкая. 1,9–12 — из раскопа, остальное — подъемный материал разных лет.

чительно. Ареал распространения подобных стрел, восновном, включает лесостепную зону Восточной Европы и территорию Азии.

Тип 91 объединяет схожие по виду бронебойные наконечники с пирамидальной массивной короткой боевой головкой, но квадратного или ромбического сечения. Короткий черешок отделен перехватом (рис. 2, 45). Подобные боевые наконечники имели широкое распространение на Руси, в Волжской Булгарии и на окрестных землях[18]. Датируются они в пределах X–XIV веков.

Как видим, так называемые «массовые типы» наконечников, в основном, приходятся на начало II тысячелетия, в пределах домонгольского времени. Остальные типы стрел подтверждают эту закономерность.

Хронология святилища. Основными датирующими вещами с территории святилища являются железные наконечники, поскольку костяные стрелы имеют достаточно широкий период бытования: по А. Ф. Медведеву это IX–XIV вв., X–XIV вв. или XII–первая половина XIII века.

Для железных стрел мы выделяем несколько хронологических групп, основными из которых считаются: **а)** VIII–IX вв. (типы 18, 34, 35, 38, 39, 53. Всего 6 типов); **б)** X–начало XIII вв. (типы 24, 45, 77, 81, 82, 83, 84, 87, 88, 92, 98, 100. Всего 12 типов); **в)** XIII–XIV вв. (типы 37, 67. Всего 2 типа). Легко заметить, что абсолютно преобладают стрелы начала II тыс. н.э.

Однако помимо «основных» хронологических типов, на святилище Уклыкая выявлены стрелы «промежуточных» периодов, с длительным временем бытования или со сквозной датировкой из разных хронологических периодов: **г)** VIII–XI вв. (включает типы с датами: VIII–X вв., VIII–XI вв., IX–X вв.) (типы 21, 41, 45, 52, 78, 97. Всего 6 типов); **д)** VIII–XIV вв. (включает типы с датами: IX–XIV вв., X–XIV вв.; XI–XIV вв.; VIII–XIII вв.) (типы 3, 40, 46, 48, 52, 54, 76, 90, 91, 93, 95. Всего 11 типов). Как нам кажется, подобные «исключения» лишь подтверждают правило: несмотря на теоретическое длительное время их бытования, абсолютное большинство данных наконечников попали в землю также в период с X и до начала XIII веков.

Теперь то, что касается трех наконечников, для которых мы не обнаружили аналогий в систематизации А. Ф. Медведева. Они однотипные: узкие бронебойные, с вытянутым пером и с упором (рис. 2, 50). Наконечники близки типу № 100 (долотовидные), но их боевая головка не прямая, а имела заострение (с заточкой граней). Схожие стрелы типичны для материалов Волжской Булгарии, в своей классификации К. А. Руденко относит их к типу А2 или А6[19]. Датировки этих типов близки: XI–XII вв. или вторая половина XI–начало XIII вв. Вновь мы имеем дело с домонгольским временем! Чтобы излишне не загружать статью ссылками, мы не приводим аналогии нашим наконечникам в материалах Волжской Булгарии, однако именно там можно обнаружить аналогии всем(!) стрелам с горы Уклыкая. В этом легко убедиться, ознакомившись с находками в каталоге булгарских стрел, подготовленном К. А. Руденко[20].

Таким образом, святилище начало функционировать в VIII–IX вв., в караякуповское время. Присутствие караякуповского населения в окрестностях священ-

[18] Медведев 1966, 86.
[19] Руденко 2003, 76–77, табл. I, 11; IV, 52.
[20] Руденко 2003.

ной горы подтверждается археологическими материалами. В нескольких километрах от г. Уклыкая, на горе Таш-Баш расположен распахиваемый могильник данной культуры. Пик ритуального использования памятника приходится на период X — начала XIII вв., когда в лесостепном Предуралье расселялись угорские племена чияликской археологической культуры (раннего — мрясимовского этапа; по Е. П. Казакову — постпетрогромской культуры). Отметим, что в 2 км ниже по течению реки Зилим (т.е. к западу от горы) известно Имендяшевское городище, на котором имеется слой начала II тысячелетия. Конец сакрализации горы и обрядовых действий на ней приходится на время монгольского нашествия (XIII–XIV вв.). К слову сказать, наконечники «монгольских видов» в Башкортостане могли появиться несколько раньше, нежели на остальной территории Восточной Европы, поскольку монголы вплотную продвинулись к границам расселения южноуральских племен еще во время разгрома меркитов. Однако мы не настаиваем на том, что прекращение молений на горе Уклыкая связано исключительно с экспансией монголов (хотя оно, несомненно, сыграло свою роль). Анализ археологических материалов показывает, что к началу XIII в. предки башкир в основной массе уже приняли мусульманскую религию, что положило конец языческой ритуальной практики.

Наличие на горе Уклыкая комплекса боевых стрел подводит нас к мысли, что перед нами воинское святилище, жертвенная практика на котором возобновлялась при каждом походе приуральских племен в степь, или перед отражением набегов неприятелей — степняков (печенегов, огузов, особенно кыпчаков).

Обряд, который реконструируется по данным археологии и этнографии, состоит в том, что в западный склон горы стреляли от подножия горы или с реки. Не совсем ясно, что было объектом стрельбы: «священное дерево» или идол. Тонкий слой гумуса и скальные выходы вроде бы исключают возможность прорастания там дерева. Значительный разброс стрел также свидетельствует, что стреляли не в одно какое-то место. Небольшой наклон воткнувшихся в землю наконечников говорит о том, что стрелы находились на излете и, значит, стрельба велась с большого расстояния, а не от самого подножия холма. Значительное число найденных наконечников указывает на то, что стреляли в склон холма на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Никаких находок на южной и восточной сторонах горы (вблизи пещер и гротов) не было обнаружено. Таким образом, объектом почитания был именно подъем на «священную» гору. Наличие выкладок на вершине горы является дополнительным свидетельством того, что гора была объектом культа.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О. Н. 1960: Отчет о работе Уральской палеолитической экспедиции / НА ИА РАН. Р–1. № 2207, № 2207а. М.

Бадер О. Н. 1962: Новое о палеолите Урала // 3-е Уральское археологическое совещание в гор. Уфе. Уфа.

Котов В. Г., Овсянников В. В. 1998: Археологические, этнографические свидетельства о почитании гор у башкир // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI Междунар. науч. семинара. Ч. 1. Омск; СПб.

Мажитов Н. А. 1977: Южный Урал в VII–XIV вв. М.

Медведев А. Ф. 1966: Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М.

Нефедов Ф. Д. 1960: На восточной окраине // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа.

Руденко К. А. 2003: Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии (Исследование и каталог). Казань.

Руденко С. И. 1955: Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.;Л.

Талицкая И. А. 1952: Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. 27. М.;Л.

UKLYKAY MOUNTAIN MEDIEVAL SANCTUARY IN SOUTH URALS

G. N. Garustovich, V. V. Ovsyannikov

The article presents the analysis of archeological material from Uklykay mountain (Gafuryisk district, Bashkortostan) in the Zilim river valley in South Urals. More than 100 arrowheads were found on the hillside. Fieldwork made it possible to reconstruct the ritual of long distance shooting at the eastern side of the mountain. Arrowheads help to date the sanctuary as far back as the 8th — early 13th c.c. The most likely cultural identity is that of Karayakup and Chiyalik cultures left by Ugric population who later integrated with Bashkirs. Ethnographic data also attest to Bashkirs' worship of mountains.

Key words: archeology, sanctuary, Karayakup culture, Chiyalik culture, pre-Mongol period, Southern Preduralye.

© 2012

Д. С. Коробов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ЗУБЧИХИНСКОЙ БАЛКЕ БЛИЗ КИСЛОВОДСКА

В статье представлены результаты исследования раннесредневековых поселений в балке Зубчихинской, расположенной в долине р. Березовой в окрестностях г. Кисловодска. Здесь были найдены два крупных поселения со следами фортификации и многочисленными остатками архитектурных сооружений, на которых проведены предварительные полевые исследования. Обнаружена керамика III–VIII вв. н.э. Поблизости от поселений находится сельскохозяйственная зона, представляющая собой небольшие по площади наделы подпрямоугольной формы с каменными межевыми стенками. С помощью приемника глобального спутникового позиционирования было картографировано более 9 га подобных наделов, на которых устроены почвенные разрезы, давшие керамический материал эпохи раннего средневековья. В результате комплексных исследований реконструируется потенциальная зона сельскохозяйственной активности населения, проживавшего на данных поселениях.

Ключевые слова: раннее средневековье, Северный Кавказ, поселения.

Археологические древности Кисловодской котловины уже более ста пятидесяти лет привлекают внимание исследователей[1]. На сегодняшний день в результате проведенных в регионе масштабных разведочных работ, ведущихся с 1996 г. Кисловодской экспедицией ИА РАН, известно более 900 археологических памятников, значительная часть из которых относится к эпохе раннего средневековья. Среди последних особую роль играют укрепленные поселения региона, оставленные аланскими племенами и служившие им основными местами обитания в V–VIII вв. н.э.[2] На сегодняшний день нам известно 146 раннесредневековых укреплений, причем 55 было открыто к моменту начала работ Кисловодской экспедиции, а 91 было обнаружено нами (рис. 1).

Предварительная информация об археологических памятниках в сочетании с краткой справкой об истории их изучения вошли в свод древностей Кисловодской котловины[3]. Основное количество памятников было зафиксировано автора-

Коробов Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела охранных раскопок Института археологии РАН, руководитель группы «АГИС». E–mail: dkorobov@mail.ru

[1] Афанасьев, Савенко, Коробов 2004, 9–49.

[2] Афанасьев, Савенко, Коробов, 65.

[3] Афанасьев, Савенко, Коробов 2004.

ми свода к 2000 г., когда была завершена рекогносцировочная разведка в регионе. Начиная с 2001 г. нами ведется систематическое мультидисциплинарное исследование раннесредневековых укрепленных поселений котловины и их хозяйственной округи, которая продолжается по сей день[4]. Оно представляет собой поиск и пространственный ГИС-анализ поселенческих памятников, который проводится с использованием данных аэрофотосъемки, а также космоснимков CORONA, LANDSAT и КФА-1000. Результаты ГИС-моделирования постоянно проверяются в ходе полевых археологических работ. Сотрудниками экспедиции проводится пространственная привязка памятников с помощью навигационных приемников GPS, инструментальная теодолитная и лазерная тахеометрическая съемка поселений региона, шурфовка, сбор подъемного материала, геофизическое обследование (георадарное и магнитометрия), почвенно-археологические и инженерно-геологические изыскания. На поселениях и укреплениях отбираются образцы на фосфатный, фитолитный, химический и бактериологический анализы. Проводятся почвенно-археологические исследования на участках древнего и средневекового земледелия. Анализируются археозоологические и макроботанические образцы из шурфов и зачисток.

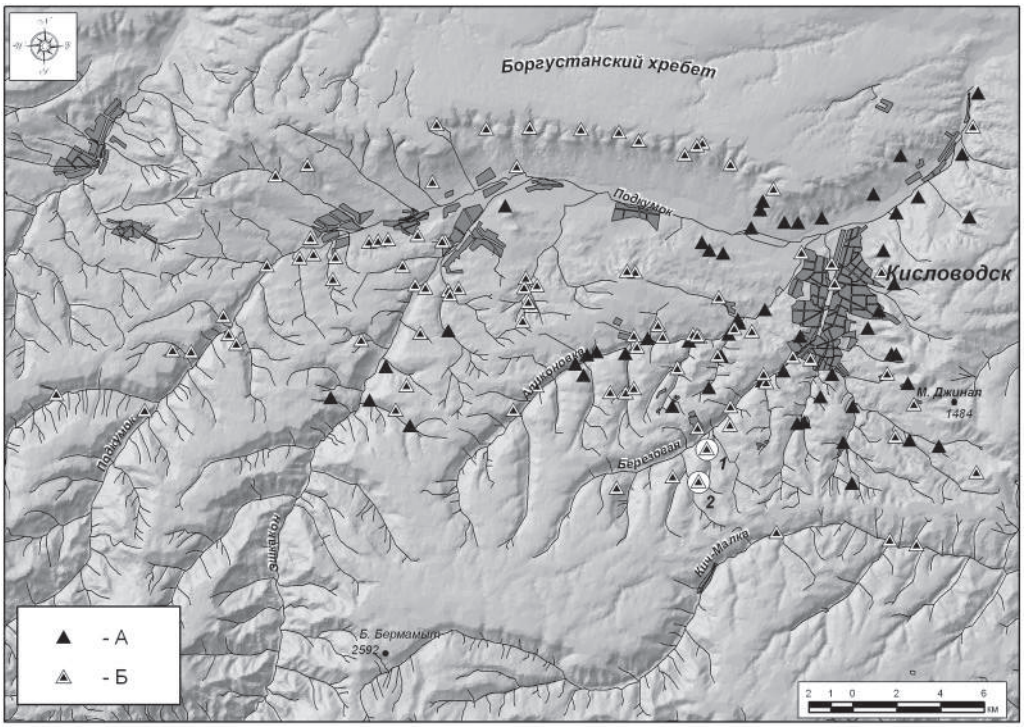


Рис. 1. Укрепленные поселения Кисловодской котловины эпохи раннего средневековья А — известные к 1996 г.; Б — открытые в процессе авторской разведки 1996–2010 гг.. Цифрами обозначены: 1 — укрепление Зубчихинское 1; 2 — поселение Зубчихинское 3.

[4] Коробов 2001; Reinhold, Korobov 2007, 197–200; Коробов 2010.

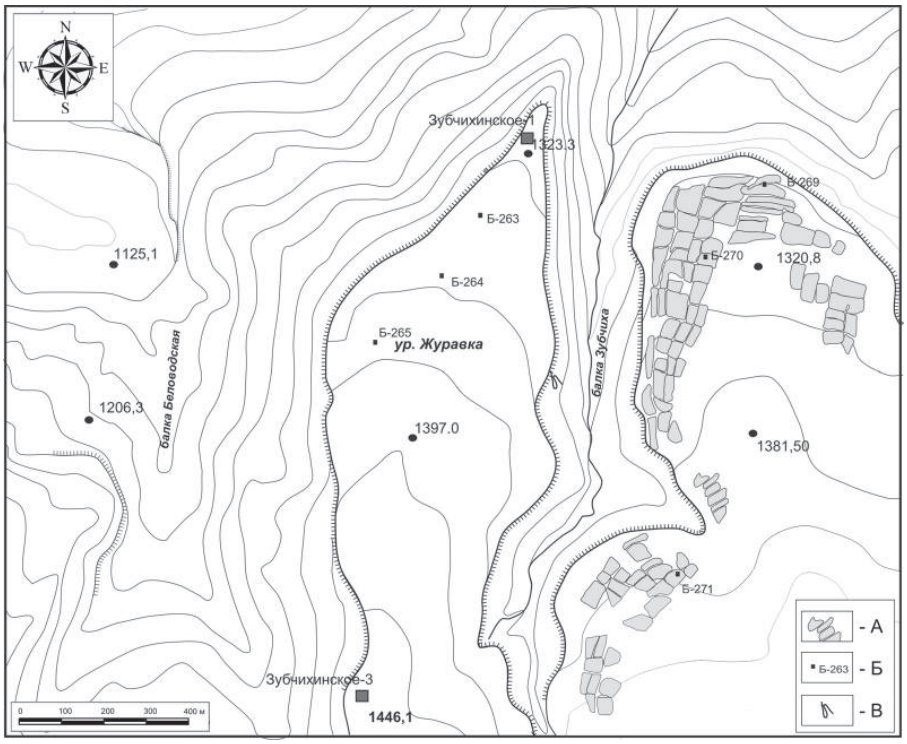


Рис. 2. Ситуационный план расположения укрепления Зубчихинское 1 и поселения Зубчихинское 3 и прилегающей к ним округи. А — границы земельных наделов с межевыми стенками; Б — почвенные разрезы; В — древняя дорога

Настоящая работа посвящена публикации результатов полевого обследования двух поселений, обнаруженных в балке Зубчихина к югу от Кисловодска, на правом берегу р. Березовой (рис. 1, 2). Ранее мною публиковалась предварительная информация о найденных в этом месте в 1996 и 1998 гг. памятниках — укреплении и шести поселениях, а также предполагаемой курганной группе[5]. В 2006 и 2009 гг. были проведены более детальные обследования укрепления Зубчихинское 1 и поселения Зубчихинское 3 по описанной выше методике.

Укрепление Зубчихинское 1. Памятник был обнаружен в долине р. Березовой на ее правом берегу Д. С. Коробовым и С. Н. Савенко в 1996 г. Тогда же было составлено его первичное описание, вошедшее в отчет 1996 г.[6] На тот момент у нас отсутствовали известия об этом памятнике, поэтому он считался впервые открытым нами. Однако благодаря устному сообщению Я. Б. Березина нам стало известно, что памятник в 1970-е годы посещался А. П. Руничем, в 1980-е годы — Я. Б. Березиным; он был известен другим кисловодским краеведам и археологам. Тем не менее, подробное научное описание памятника никем не составлялось. Таким образом, наши работы на укреплении Зубчихинском по описанию, шурфовке, топосъемке и отбору проб для различных анализов можно считать первыми[7].

[5] Коробов 2001, 47–50.
[6] Коробов 1996, 52; Афанасьев, Савенко, Коробов 2004, 155–156, № 439.
[7] Коробов 2006б, 77–101.

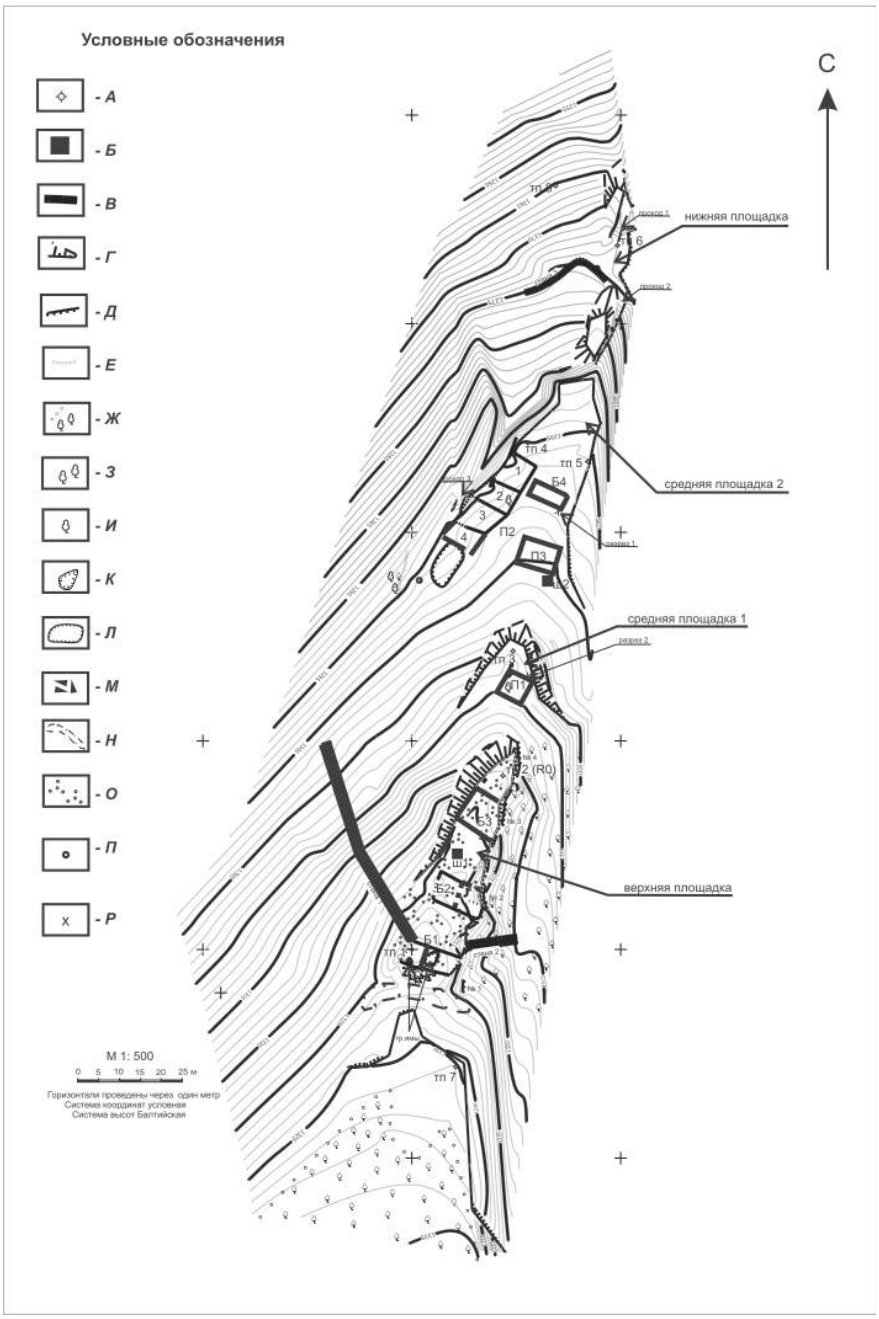


Рис. 3. Топографический план укрепления Зубчихинское 1. А — точки стояния прибора; Б — разведочные шурфы; В — остатки каменных стен; Г — скальные выходы; Д — скальные навесы; Е — следы древней дороги; Ж — посадки лиственного леса (береза); З — лиственный лес; И — отдельные деревья; К — грабительская яма; Л — западина; М — каменный развал; Н — следы рва; О — заросли кустарника; П — место находки поворотного камня; Р — почвенные разрезы

Укрепление Зубчихинское 1 занимает четыре уступа на вершине одноименного мыса, ограниченного с правой стороны Зубчихинской балкой, с левой — Беловодской балкой (рис. 3). Верхняя часть мыса занята многочисленными искусственными посадками леса — березы, сосны и елей — и относится к лесничеству под названием «урочище Журавка».

Верхняя площадка укрепления размерами 60 × 15 м отделена от основного мыса рвом, вырубленным в материковой скальной породе. Он имеет в длину 17,60 м, ширину в центре до 10 м. Восточная часть рва имеет большую ширину из-за выборки камня, который, скорее всего, использовался при строительстве построек на памятнике.

Ко рву с северной стороны на верхней площадке примыкает башня 1 прямоугольной формы. Внешние стены башни с западной и восточной стороны не сохранились, поэтому размеры ее можно восстановить лишь приблизительно. Общая длина башни по линии запад-восток достигает 14,5 м, ширина по линии север-юг — 7,7 м. Ширина стен башни прослеживается на 2,2 м. Они сооружены из аккуратных тесаных каменных блоков. Башня имеет два внутренних помещения, разделенных внутренней стеной-перегородкой. Эта стена проходит в 4,6 м к востоку от западной стены башни. Восточное помещение 1 имеет сохранившуюся длину 10,8 м и ширину 3,0 м; западное помещение 2 — длину 5,7 м и ширину 3,2 м.

Наилучшим образом сохранилась южная стена башни 1 (рис. 4, *1*; 6, *1*). Она сложена в один ряд из обработанных каменных блоков, которые имеют разные размеры, достигая параметров 2,6 × 1,15 × 0,6 м. В западной части южного фасада южной стены на поверхности прослеживается кладка из хорошо обработанных блоков прямоугольной формы, имеющая в высоту до шести рядов, спускающихся вниз по склону уступами. Максимальная высота кладки 2,6 м. Длина этого участка кладки достигает 5,9 м, ширина ее около 1,0 м. Крупные щели между блоками заложены мелкими камнями, другого заполнения между ними нет — лишь рыхлая супесь серого цвета, сухие листья и остатки современного дерева.

Далее к востоку прослеживается мощный каменный развал башни 1, потревоженный грабителями (рис. 4, *1*). Среди крупных камней этого развала обнаружен фрагмент стенки кружечки с орнаментом в виде лощеных полосок (рис. 8, *4*), предположительно датируемый II–IV вв. н.э.[8]

С северо-западной стороны южной стены башни 1 на поверхности видно несколько обработанных каменных блоков, положенных в виде кладки, размерами 1,0–1,6 × 0,3–0,5 × 0,2–0,3 м; кладка насчитывает в высоту не менее шести рядов. Заполнение между камнями в виде мелкого каменного щебня и рыхлой серой супеси, встречаются кости животных. Прослеживается также южный фасад стены с северо-западной стороны, где друг на друге в виде ступенек лежат крупные каменные блоки размерами 0,7–1,1 × 0,3–0,4 × 0,2–0,3 м.

С западной стороны башни 1 к ее северо-западному углу примыкает задернованный развал каменной стены 1, перегораживающей подход к верхней площадке с напольной стороны по склону. Стена имеет весьма большую длину — она прослежена вниз по склону примерно на 50 м. Ориентирована она по линии северо-запад — юго-восток. Видимая на поверхности ширина стены достигает 1,5 м,

[8] Выражаем глубокую благодарность В. Ю. Малашеву за помощь в атрибуции керамического материала с рассматриваемых памятников.

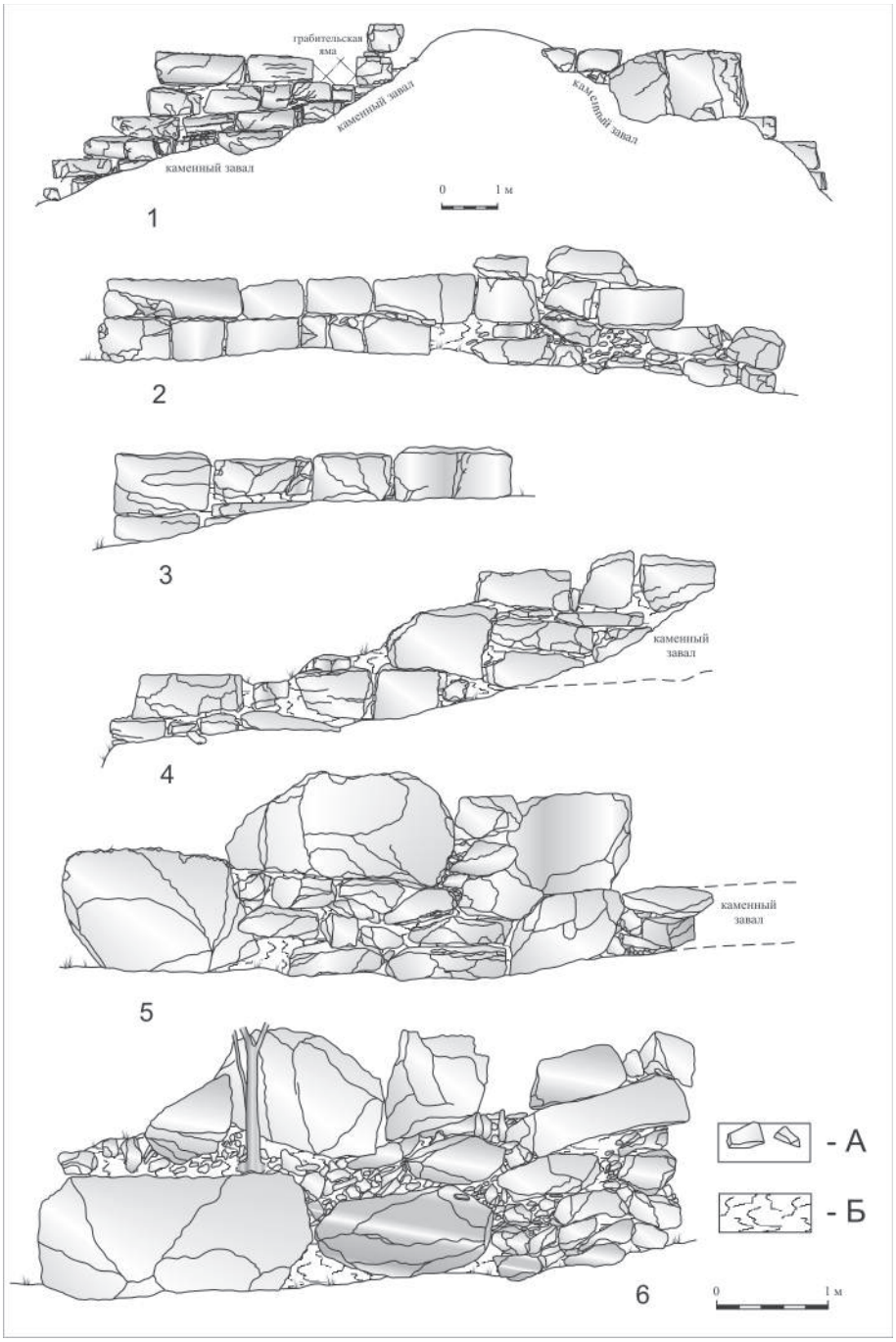


Рис. 4. Фасы каменных стен построек укрепления Зубчихинское 1: 1 — южная стена башни 1, южный фас; 2 — северная стена башни 4, северный фас; 3 — южная стена башни 4, южный фас; 4 — северная стена помещения 2 постройки 2, южный фас; 5 — стена 3, северный фас; 6 — стена 3, западный фас. А — камни; Б — забутовка из мелкого камня.

сохранившаяся высота до 1,5 м прослеживается в западной части стены, где обнаружена кладка из четырех рядов крупных тесаных каменных блоков размерами до 0,9 × 0,65 × 0,3 м.

С северной стороны башни 1 площадка резко понижается за северной стены этой постройки. К северу от башни 1 прослеживается ее мощный развал высотой до 2,5 м, далее в 10 м видны две стены башни 2. Она ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Северная и южная стены башни сохранились лучше, западная стена частично разрушена, но читается ее угол, а восточная стена башни не сохранились. Поэтому ее размеры по внешней стороне фиксируются приблизительно — общая длина южной стены сооружения достигает 6,3 м, ширина — 6,4 м. Максимальная высота развала каменных стен наблюдается внутри постройки с южной стороны, она достигает 0,8 м; ширина стены башни — 1,6–1,7 м. Здесь стена представляет собой кладку из мощных каменных тесаных блоков. Возможно, внутреннее пространство башни было разделено на два помещения.

С западной стороны верхняя площадка имеет скальный обрывистый край высотой до 9 м, под которым встречается подъемный материал. С восточной стороны ото рва до южной стены башни 2 склон в балку Зубчихина достаточно крутой, но не обрывистый. Далее также идет скальный обрыв высотой до 8 м.

С восточной стороны верхней площадки имеется ложбина, являющаяся как бы продолжением рва, которая имеет достаточно крутой спуск вниз, в балку Зубчихина. К северу от нее имеются выходы каменной кладки, перегораживающей доступ к укреплению по склону с восточной стороны и обозначенной нами как стена 2 (рис. 3). Блоки стены крупные, тесаные, прямоугольной формы. Они имеют размеры до 1,15 × 0,9 × 0,45 м. Стена ориентирована по линии запад — восток и идет в виде ступенек вниз по склону. Она доходит практически до обрыва в балку Зубчихина, где прослеживается два подобных блока. Лучшая сохранность стены наблюдается выше по склону, сплошь заваленному каменной осыпью от располагавшихся на верхней площадке построек. Стена 2 прослеживается в длину на 5,0 м, в ширину на 0,9 м, максимальная высота достигает 1,7 м.

Таким образом, северная часть верхней площадки имеет естественную защиту в виде скальных обрывов, а с южной стороны в местах более пологих склонов подходы к площадке перегорожены стенами 1 и 2, рвом и внешней (южной) стеной башни 1 (рис. 3).

На северном краю верхней площадки располагается геодезический репер с отметкой абсолютной высоты 1323,3 м над уровнем Балтийского моря в виде врытой в землю полой железной трубы, который был принят в качестве нулевого. Возле репера на северо-восточном краю площадки ближе к краю прослеживаются остатки башни 3, которая находится в 14,4 м к северо-востоку от башни 2. Развалы на поверхности дают мало представлений о ее форме и размерах. Видимо, она была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Наилучшим образом сохранилась юго-западная поперечная стена. Реконструируемая длина башни — 7,3 м, ширина — 6,0 м, высота — до 0,4 м. С западной стороны стена башни идет по краю скальной площадки, где наблюдается 5–6 рядов кладки из обработанного камня средних размеров, сохранившейся на высоту до 0,9 м. Прослеживается также ширина развала южной стены башни, достигающая 0,9 м.

На верхней площадке укрепления между башнями 2 и 3 был заложен шурф 1

размерами 2×2 м, ориентированный по сторонам света. Раскопки шурфа выявили достаточно несложную стратиграфию: под слоем дерна залегал слой горного чернозема мощностью около 20–25 см, под которым прослеживалась небольшая прослойка светло-коричневого суглинка с мелкими камнями мощностью до 13 см. Ниже находится материковая скала (рис. 7, *2*). При раскопках было найдено около 120 костей животных и более 100 фрагментов керамики, из которой 18,3% может быть определено как кухонная, а 81,7% — как столовая (в том числе 17,3% покрыта лощением). Следует оговорить предварительный характер данного разделения обнаруженной керамики на столовую и кухонную. Если отнесение фрагментов, покрытых лощением, к столовой посуде сомнений не вызывает, то отличить нелощеную столовую посуду от кухонной по фрагментированным стенкам сосудов бывает достаточно проблематично. Поэтому в приводимых нами статистических подсчетах стенок кухонной и нелощеной столовой керамики аланской культуры присутствует некоторая условность. К кухонной посуде отнесена керамика с грубой поверхностью и толщиной черепка 0,5–1,4 см; столовая посуда характеризуется тщательно заглаженной поверхностью и толщиной черепка 0,3–0,7 см. Для более детальной характеристики керамики эпохи раннего средневековья, обнаруженной на поселениях Кисловодской котловины, требуются специальные исследования.

Большинство керамических фрагментов, найденных в шурфе 1, может быть широко датировано в пределах I тыс. н.э. Встречаются венчики и донца сосудов, а также стенки, орнаментированные лощеными полосками (рис. 8, *7*, *10*). Помимо керамики, было найдено несколько металлических предметов: кованая пластина с загнутым в виде крючка краем и пробитым круглым отверстием на противоположной стороне, по-видимому, относящаяся к новому времени (рис. 9, *1*); фрагмент железного рыболовного крючка (рис. 9, *10*) и фрагмент небольшого железного кольца (рис. 9, *11*).

Осмотр склонов с восточной стороны верхней площадки выявил несколько скальных навесов, которые расположены в небольшом лиственном лесу, покрывающем весь склон. На склоне встречается подъемный материал. Под навесами обнаружено несколько грабительских шурфов, сделанных, по-видимому, с целью найти здесь скальные захоронения. Следов захоронений обнаружено не было, но возле шурфов найдены кости животных и фрагменты керамики, в основном относящиеся к I тыс. н.э. Найдены также фрагмент донца с отпечатком от гончарного круга на внешней стороне (рис. 8, *9*), предположительно датируемого II–IV вв. н.э., а также черепки из красной глины с ангобом, возможно, относящиеся к VIII–X вв. н.э.

Средняя площадка 1 находится ярусом ниже верхней площадки к северу от нее. Она ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад, имеет небольшие размеры (26×26 м) и ограждена скальными выходами практически с трех сторон. Примерно по центру площадки на поверхности прослеживаются развалины каменного сооружения подквадратной формы размерами 6,6×6,3 м (постройка 1). С внутренней стороны постройки в ее юго-восточном углу видна каменная кладка стены, устроенная из небольших подтесанных блоков размерами 0,2–0,3×0,1–0,2×0,1 м, сохранившаяся на высоту 1,4 м и образующая 3–4 ряда камней. С внешней стороны северной стены постройки 1 сделан почвоведческий

разрез № 2 для отбора образцов на почвенные анализы. Под слоем горного чернозема была обнажена кладка постройки, ниже которой расположен культурный слой — легкий суглинок серого цвета.

На уступ ниже располагается *средняя площадка 2*, ориентированная также по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Размеры ее больше — максимальная длина площадки по центру достигает 60 м, ширина в северной части 11 м, в южной — 38 м. С трех сторон площадка ограничена крутыми скальными обрывами. Северная часть ее отделена в виде вертикально стоящего скального останца высотой 15 м.

Примерно по центру площадки наблюдаются развалины каменных построек. Ближе к северному краю площадки находится башня 4 прямоугольной формы. Она ориентирована длинной стороной по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Северная стена имеет длину 6,0 м, ширину 0,6 м, ее фас сохранился на четыре ряда каменных тесаных блоков, он имеет высоту до 1,05 м (рис. 4, *2*; 6, *3*). Западная стена башни сохранилась на длину 4,2 м, имея в ширину 0,5 м и высоту до 0,83 м. Южная стена сохранилась на длину 3,6 м при ширине 0,6 м и высоте до 0,7 м. Ее фас также неплохой сохранности — на поверхности видны три ряда каменных блоков (рис. 4, *3*). Восточная стена башни не сохранилась. В юго-западном углу башни на поверхности расположен крупный каменный блок размерами 0,8 × 0,68 × 0,52 м. Он имеет выемку с внутренней угловой стороны размерами 30 × 18 см.

Внутри башни 4 с южной стороны северной стены был сделан почвоведческий разрез № 1 размерами 0,5 × 0,5 м для отбора образцов на почвенные анализы. При его прокопке было установлено, что под слоем дерна находятся камни, расчищен внутренний фасад стены. Под стеной идет культурный слой в виде серого легкого суглинка. В нем найдено 13 фрагментов стенок сосудов и 15 костей животных, среди которых обнаружена костяная проколка с отверстием на плоской стороне (рис. 8, *1*), а также фрагмент свода черепа ребенка возрастом до одного года (определение Н. Я. Березиной).

В западной части площадки находится многокомнатная постройка 2, располагавшаяся в 2,5 м к западу от юго-западного угла башни 4. Постройка ориентирована длинной стороной по линии северо-восток — юго-запад, ее общая длина 21,2 м. Она граничит со скальным обрывом в балку р. Березовой своей практически несохранившейся юго-западной стеной. От стены осталось два участка кладки в 2–3 ряда высотой до 1,0 м, выполненной из небольших подработанных камней. В северной части постройки внутри нее видны помещения, разделенные стенами-перегородками. Всего наблюдается четыре помещения. Внутренние размеры помещений, пронумерованных с севера на юг: № 1 — 6,0 × 6,0 м; № 2 — 5,2 × 5,5 м; № 3 — 3,8 × 5,0 м; № 4 — 4,0 × 4,0 м. Большинство стен сохранилось на небольшую высоту, всего на 1–2 ряда подработанных камней. Однако внутри помещения № 2 видна прекрасно сохранившаяся каменная кладка из обработанных блоков (южный фас северной стены). Стена имеет два панциря с забутовкой посередине, ее длина 5,5 м, ширина 1,3 м; кладка сохранилась на 3 ряда, достигая в высоту 0,9 м (рис. 4, *4*; 6, *6*).

К юго-западу от постройки 2 в 4,5 м от нее располагается проход в скале № 3 длиной 3,0 м и шириной 1,2 м. В рыхлом слое, ссыпавшемся сверху, под скальны-

ми выходами с западной стороны площадки, встречается подъемный материал: фрагменты керамики и кости животных, в том числе керамический кругляш из стенки сосуда и крупная кость свиньи.

Рядом с постройкой 2 находится большая западина подпрямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток — юго-запад. Ее длина 10,0 м, ширина 5,0 м и глубина около 1,5 м. Далее к юго-западу на склоне растет отдельное дерево, возле которого был обнаружен участок древней дороги. Он проходил между двумя крупными скальными обломками, прослеживаемая длина его 11,0 м, ширина между скальными выходами — 2,4 м. Поверхность здесь представляет собой ссыпавшийся сверху рыхлый грунт с обломками камня, фрагментами сосудов и костями домашних животных. Возможно, дорога была мощеной или шла по подработанной поверхности скалы. К северу от участка древней дороги на склоне был обнаружен фрагмент расколотого поворотного камня длиной 55 см, шириной 23–25 см и высотой 20 см. Отверстие в камне имело глубину 20 см при диаметре 10–15 см (рис. 6, *7*).

Таким образом, весьма вероятно, что постройка 2 представляла собой нечто вроде многокомнатного каземата, расположенного над идущей вверх по склону дорогой на укрепление и контролировавшего ее.

Примерно по центру площадки имеется постройка 3 подпрямоугольной формы, выходящая на поверхность в виде каменного развала. Она расположена в 5,5 м к югу от башни 4. Постройка ориентирована по линии запад — восток, ее прослеживающиеся размеры 7,3 × 5,0 м, сохранившаяся высота развала 0,6 м. Очертания постройки прослеживаются нечетко.

К югу от постройки 3 разбит разведочный шурф 2 размерами 2 × 2 м, ориентированный по сторонам света. Он доведен до материковой скалы, лежавшей на глубине 30 см от современной дневной поверхности. При раскопках шурфа было найдено 197 фрагментов керамики, из которых 144 (73,1 %) может быть предварительно отнесено к столовой (в том числе 43 фрагментов, покрытых лощением, что составляет 21,8 %) и 53 (26,9 %) — к кухонной посуде. Найденные фрагменты могут широко датироваться в пределах I тыс. н.э.; среди них встречаются венчики, донца и стенки с орнаментом в виде лощеных полос (рис. 8, *3, 5, 6, 13*). Помимо керамики обнаружено несколько фрагментов железных ножей (рис. 9, *2–5*) и около 120 костей животных.

На уровне материковой скалы в юго-восточном углу шурфа найдена яма 1, заглубленная в материковую скалу и заполненная серым легким суглинком с мелким камнем (рис. 7, *3*). Прослеженная ширина ямы 60 см, она уходит в северный, восточный и южный борта шурфа 1 (рис. 7, *1, 4*). Дно ямы неровное, понижается к северу; яма достигает глубины в 47 см возле юго-восточного угла шурфа. В верхнем слое заполнения ямы найден один фрагмент красноглиняной керамики — расслоившаяся стенка амфоры VIII–X в. Примерно по центру ямы в заполнении на глубине около 50 см от уровня дневной поверхности найден фрагмент керамической кружечки с узкими лощеными полосками (рис. 8, *14*), который относится к III этапу эволюции керамики могильника Мокрая Балка I и может датироваться второй половине VII — первой половине VIII вв.[9] Всего в заполнении

[9] Малашев 2001, 32–33, рис. 65.

ямы был обнаружен 31 фрагмент сосудов, из которых примерно половина (46,7 %) относится к кухонной и половина (53,3 %) к столовой посуде, в том числе покрытой лощением (16,7 %). В северной части ямы найдена проколка, сделанная из кости лошади (рис. 8, *2*); помимо нее, обнаружено 46 костей животных и 3 зуба.

В юго-западном углу шурфа обнаружена яма 2 — небольшое заглубление в материк размерами 30 × 90 см, глубиной около 20 см, заполненное однородным серым легким суглинком (рис. 7, *1, 3, 4*). В заполнении ямы практически отсутствует камень и находки (найдено всего 3 фрагмента керамики и 3 кости животных), но есть включения мелких угольков и золы.

Таким образом, в шурфе 2 на средней площадке 2 была выявлена следующая стратиграфия: под слоем дерна залегал слой горного чернозема мощностью от 10 до 20 см, в котором встречаются крупные каменные блоки от развалившихся построек. Далее идет слой разрушения укрепленного поселения: серо-коричневый суглинок с камнем разных размеров, имеющий мощность от 10 до 20 см. Ниже лежит материковая скала; в северном и южном бортах шурфа она имеет понижения, зафиксированные в виде ям 1 и 2, заполненных слоем серого легкого суглинка с включением камней мелких и средних размеров (рис. 7, *1*). Данный слой и является культурным слоем поселения.

Нижняя площадка укрепления находится на уступе ниже средней площадки 2, доступ на нее ограничен из-за большого количества огромных камней, отколовшихся в этом месте от скалы и образовавших скальный останец в виде столба, описанный выше. Поэтому площадка неровная и неправильной формы, приблизительные размеры ее 50 × 30 м. Северный край площадки выступает в долину р. Березовой в виде прямоугольного мыска, ограниченного высокими скальными обрывами. К югу от него располагается стена 3. Она сложена из крупных необработанных камней больших размеров, достигающих 2,2 × 1,0 × 0,5 м. Стена имеет полукруглую форму, она ориентирована по линии запад-восток, далее с восточной стороны она делает поворот на юг. Сохранилось два фаса стены, между которыми завал из очень крупных обломков скалы. Северо-западный фас стены примыкает к скальному останцу в виде столба, он идет по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток на длину 7,0 м при высоте 1,7 м. В этой части стены прослеживается два крупных каменных блока неправильной формы. Далее идет кладка из 4–5 рядов подработанных камней более мелких размеров, уложенных «насухо». На них сверху уложен еще один крупный блок неправильной формы размерами (рис. 4, *5*). В нижней его части имеется три подтески полукруглой неправильной формы, возможно — следы подработки, связанные с его переноской. Длина подтесок 25 см, ширина — 3–6 см.

В северо-восточной стороне стена закругляется на юго-восток. Угла ее не прослеживается, поскольку в этом месте находится каменный завал, однако форма стены в плане полукруглая. На юго-восток идет кладка из необработанных камней, сохранившаяся на разную высоту. Длина этого западного фаса стены достигает 11,6 м при высоте до 1,9 м. Она, как и предыдущая, уложена в один ряд камней на нескольких крупных скальных обломках. В юго-восточной части стены камни меньших размеров, прослеживается до шести рядов кладки; в северо-западной части находится большой обломок скалы длиной до 2,5 м и высотой до 1,1 м (рис. 4, *6*).

С восточной стороны от скального мыска с северного края нижней площадки прослеживается узкий проход в скале, по всей вероятности служивший древней дорогой на укрепление (проход № 1). Длина его прослеживается на 5,0 м, ширина от 1,1 до 1,6 м. Южнее с восточной стороны вертикального останца в виде столба наблюдается еще один проход в скале (№ 2), по которому можно наиболее удобным способом достичь сверху нижней площадки (рис. 3). Он имеет длину 11,0 м, ширину 1,0–1,1 м. Расщелина в скале здесь заполнена мягким рассыпчатым грунтом, в котором встречается подъемный материал — фрагменты керамики и кости животных.

Ниже на западном склоне имеется несколько крупных обломков скалы, скорее всего естественного происхождения, как бы перегораживающих подступы снизу к нижней площадке. Они ориентированы по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток и прослеживаются в длину на 7,6 м при высоте до 2,4 м. Рядом с ними было обнаружено донце кружечки с орнаментом в виде узких лощеных полосок (рис. 8, *8*), относящейся к III этапу эволюции керамики могильника Мокрая Балка I и датирующейся второй половиной VII — первой половиной VIII вв.[10]

Таким образом, первичный анализ обнаруженного материала показывает, что жизнь на укреплении Зубчихинское 1 протекала в рамках достаточно широкого хронологического диапазона. По предварительным данным, первое поселение могло возникнуть еще в раннеаланский период, поскольку обнаружено как минимум два фрагмента сосудов II–IV вв. н.э. — донце (рис. 8, *9*) и стенка (рис. 8, *4*). Два фрагмента относятся ко второй половине VII — первой половине VIII вв., имея аналогии среди керамики, обнаруженной в могильнике Мокрая Балка I (этап III по В. Ю. Малашеву). Один из них найден в виде подъемного материала (рис. 8, *8*), а другой происходит из заполнения ямы 1, обнаруженной в шурфе 2 на средней площадке 2 (рис. 8, *14*). Примечательно, что в верхнем слое заполнения этой ямы и в лежащем выше пласте 3 найдено 3 фрагмента сосудов, которые могут датироваться более поздним временем — VIII–X вв. н.э. Еще один фрагмент с розовой поверхностью, датируемый тем же временем, найден в качестве подъемного материала.

Предварительная датировка времени основного существования укрепления Зубчихинское 1 относится ко второй половине I тыс. н.э., хотя не исключено, что жизнь на поселении возникла раньше, во II–IV вв. Дальнейшие более детальные исследования помогут уточнить эти хронологические рамки.

Полученная остеологическая коллекция с укрепленного поселения Зубчихинское 1 была проанализирована Ек.Е. Антипиной. Ею установлено, что около 29 % определимых образцов остеологического спектра принадлежали крупному рогатому скоту (Bos taurus), 23 % — лошади (Equus caballus), 38 % — мелкому рогатому скоту (Ovis aries и Capra hircus) и около 10 % — свинье (Sus scrofa f. Domestica). Дикие животные представлены единичными костями — коренным нижним зубом благородного оленя (Cervus elaphus) и тремя фрагментами одной нижней челюсти лисы (Vulpes vulpes). В целом же полученных остеологических материалов пока явно недостаточно для проведения детальных реконструкций животноводческого хозяйства обитателей поселения. Можно лишь отметить, что

[10] Малашев 2001, 32–33, рис. 65.

помимо скотоводства и, возможно, охоты жителями практиковалось рыболовство, о чем говорит найденный в шурфе 1 фрагмент железного рыболовного крючка (рис. 9, *10*), имеющий аналогии в синхронных памятниках Восточной Европы[11] и древностях салтово-маяцкой культуры[12].

Поселение Зубчихинское 3. Памятник обнаружен нами в 1998 г., тогда же составлено его первое описание[13]; информация о памятнике и собранный подъемный материал были опубликованы в краткой форме[14]. В 2009 г. на памятнике были проведены более детальные разведочные работы, включавшие в себя инструментальную тахеометрическую съемку, шурфовку, фиксацию и обмер видимых на поверхности каменных сооружений, сбор подъемного материала[15].

Поселение находится к юго-юго-западу от описанного выше укрепления Зубчихинское 1, на расстоянии 1,5 км (рис. 2). Оно занимает две площадки — высокий скальный останец, ограниченный скальными обрывами с западной и южной стороны, и ровную местность к югу от него (рис. 5). На останце на западном краю скального обрыва в балку Беловодскую находится геодезический знак в виде железной трубы, вмонтированный в скальный грунт, с отметкой абсолютной высоты 1446,1 м над уровнем Балтийского моря. Этот геопункт был принят за нулевой репер памятника.

Верхняя площадка поселения ограничена обрывами скалы в балку Беловодскую с западной стороны и скальным выходом высотой 3,8 м с южной стороны. Она ориентирована по линии север-юг и имеет размеры 137 × 30 м. С южной стороны вдоль скального обрыва, ограничивающего верхнюю площадку поселения, идет тропинка в балку Беловодскую. Здесь под юго-западным краем площадки находится небольшой грот, в котором обнаружен подъемный материал — два фрагмента красноглиняной керамики, возможно, датирующиеся X–XII вв.

С северной стороны на верхней площадке проходят лесопосадки березы, ограниченные противопожарной траншеей. Подъемный материал в траншее практически отсутствует, однако с помощью металлодетектора удалось обнаружить фрагмент кованого железного шила или иглы (рис. 9, *8*). Площадка постепенно понижается в восточном направлении, где она граничит с балкой — ответвлением балки Зубчихинской, край которой также занят лесопосадкой и проселочной дорогой. На площадку поднимается старая дорога, возможно, устроенная еще в XIX или начале XX в. для выборки камня с поселения. Косвенно в пользу этого предположения говорит практически полное отсутствие каменных развалов от построек на поверхности. Здесь можно проследить лишь задернованные контуры стен построек, сохранившиеся на минимальную высоту в 10–30 см.

Южную часть верхней площадки у обрыва занимает постройка 1, состоящая, скорее всего, из двух помещений, разграниченных внутри каменной стеной (здесь и далее все размеры и ориентировка прослеживаемых каменных построек вынесены в Табл. 1). От юго-восточного угла постройки отходит небольшая каменная стенка в восточно-юго-восточном направлении, прослеживаемая на длину 2,6 м.

---

[11] См. например: Die Vandalen 2003, 318–320. Abb. 6, 7.
[12] Плетнева 1967, 151, рис. 39, 10–14.
[13] Коробов 1998, 32–33.
[14] Коробов 2001, 50; Афанасьев, Савенко, Коробов 2004, 164, № 511.
[15] Коробов 2009, 64–85.

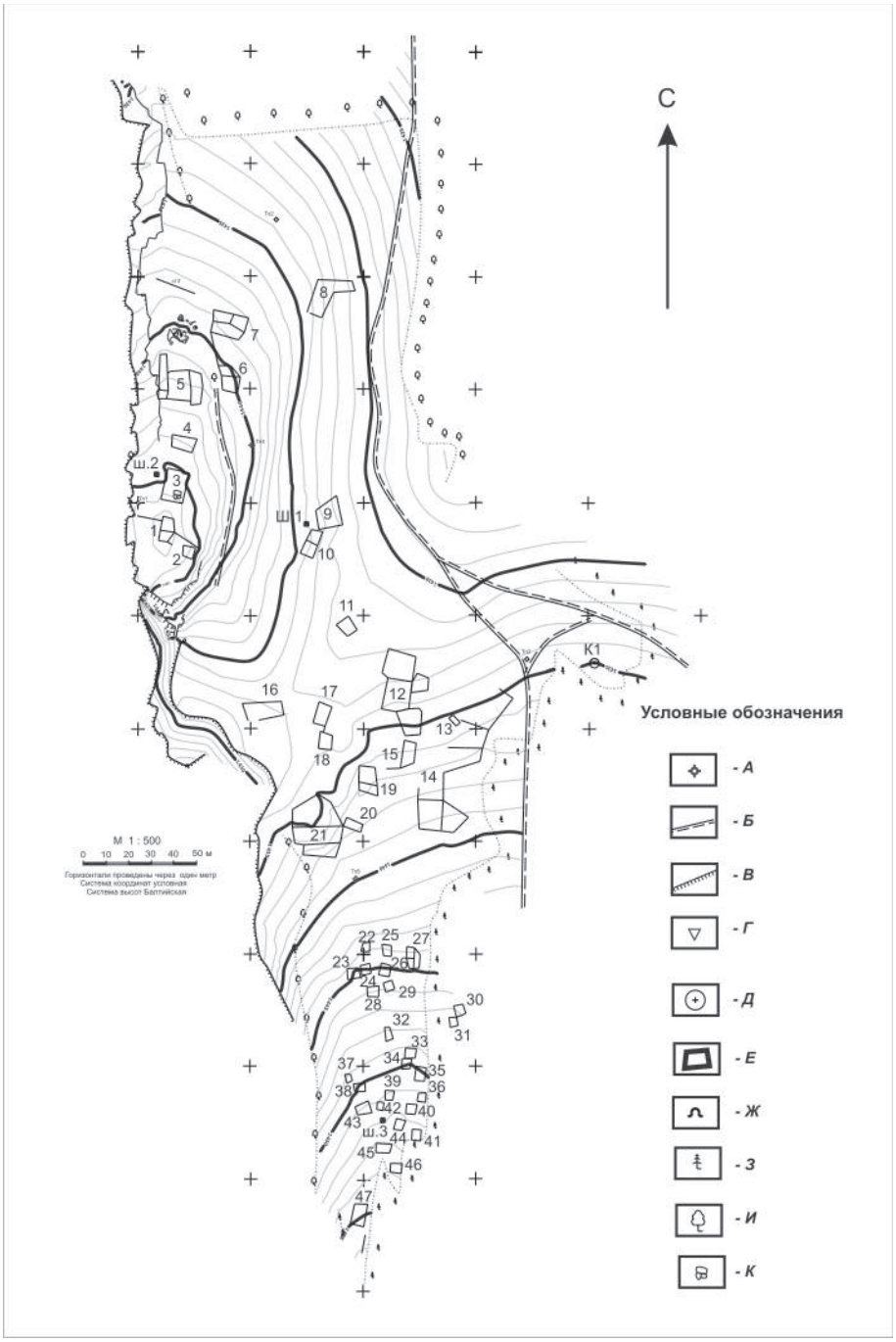


Рис. 5. Топографический план поселения Зубчихинское 3. А — точка стояния прибора; Б — проселочные дороги; В — скальный обрыв; Г — почвенный зондаж; Д — курганная насыпь; Е — развалы каменных построек; Ж — пещера; З — посадки сосны; И — посадки березы; К — крупные камни.

От каменной стены внутри постройки, служащей границей помещений, в восточном направлении отходит стена 1, прослеживаемая на длину 13,9 м; примерно от середины западной стенки северного помещения в западном направлении до края обрыва идет стена 2, имеющая в длину 11,2 м. Ширина развала стен около 1 м.

Наличие двухкомнатной постройки с отходящими от нее поперечными стенами, перегораживающими край верхней площадки возле скального обрыва, может свидетельствовать в пользу того, что здесь находилась башня или постройка башенообразного типа, и, таким образом, поселение Зубчихинское 3 имело фортификационные сооружения и может рассматриваться в ряду укрепленных поселений Кисловодской котловины. К сожалению, практически полное отсутствие каменных развалов, не сохранившихся в результате выборки камня, не позволяет утверждать это с уверенностью до проведения археологических раскопок.

К югу от стены 1 располагается небольшая постройка 2 квадратной формы, сохранившаяся в виде каменного развала. К северу от постройки 1 располагается крупная постройка 3 квадратной формы. В южной ее части находится три крупные каменные плиты (рис. 6, *4*), составленные наподобие стола, размерами 2,2 × 1,2 × 0,2 м, 1,4 × 1,15 × 0,45 м и 0,45 × 0,25 × 0,5 м. Не исключено, что данное сооружение является алтарем, а сама крупная постройка выполняла функции святилища. Рядом с ней прослеживается больше подъемного материала — керамики эпохи раннего средневековья и один фрагмент от сосуда кобанской культуры. Среди подъемного материала обнаружен фрагмент ручки от небольшого столового сосуда с полукруглым сечением (рис. 8, *15*), характерным для сосудов V–VI вв. н.э.[16]

К западу от постройки 3 был разбит шурф 2 размерами 2 × 2 м, ориентированный по сторонам света. Материковая скала в данном шурфе залегала неглубоко, практически сразу под слоем горного чернозема мощностью около 0,5 м (рис. 7, *6*). Всего в шурфе было обнаружено 142 фрагмента керамики, из которой 27,3 % может быть атрибутировано как кухонная и 72,7 % как столовая (в том числе 12,8 % лощеная). Найдено также 232 кости и 10 зубов животных, пока что не получивших остеологического определения. Обнаруженная при раскопках керамика относится к эпохе раннего средневековья и датируется в пределах I тыс. н.э. Некоторые фрагменты могут иметь более узкую дату: ручка столового сосуда VI–VII вв. (рис. 8, *17*), стенка с лощеным орнаментом V–VI вв. (рис. 8, *18*) и фрагмент кружечки второй половины VII — первой половины VIII в. н.э. (рис. 8, *19*)[17]. Обращает на себя внимание большое количество мелких расколотых костей животных, побывавших в огне, что может косвенно подтверждать ритуальное использование постройки 3 в качестве святилища.

К северу от постройки 3 располагается прямоугольная в плане постройка 4. Далее на север видны каменные развалы стен еще двух сооружений — многокомнатной постройки 5 с западной стороны примерно по центру верхней площадки и двухкомнатной постройки 6 с восточной стороны площадки, ближе к ее восточному краю. От северо-западного угла постройки 6 отходит стена 4, идущая в северо-

[16] Малашев 2001, 28, рис. 71.
[17] Малашев, 28, 32–33, рис. 64, 65, 71.

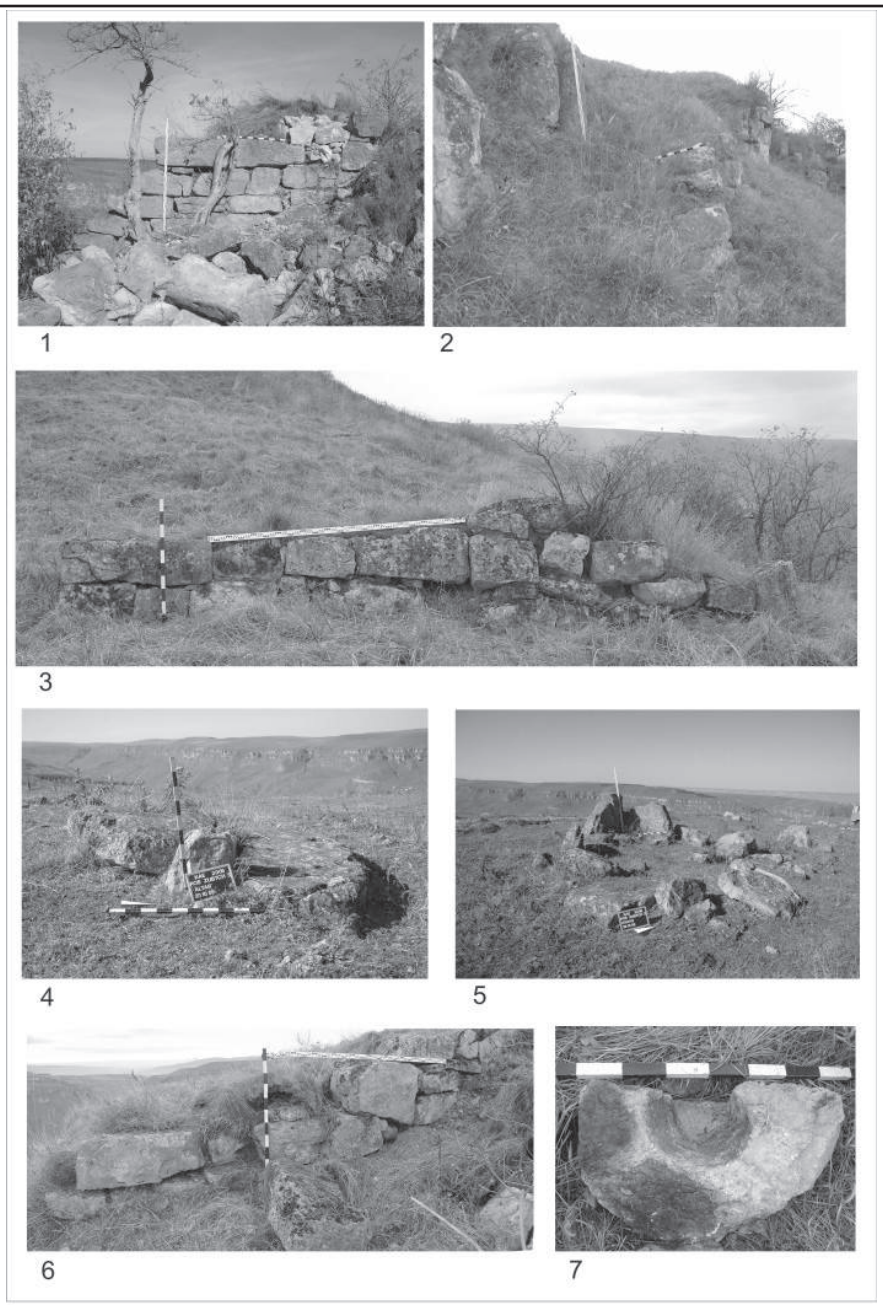


Рис. 6. Остатки каменных сооружений на поселениях Зубчихинское 1 (1, 3, 6, 7) и Зубчихинское 3 (4, 5). 1 — южный фас южной стены башни 1, вид с юга; 2 — участок древней дороги с подпорной каменной стеной на левом берегу балки Зубчихина, вид с юго-юго-запада; 3 — северный фас северной стены башни 4, вид с северо-востока; 4 — каменный «алтарь» в постройке 3, вид с востока; 5 — «ныхас», вид с юго-востока; 6 — южный фас северной стены помещения 2 постройки 2, вид с юго-запада; 7 — фрагмент воротного камня.

западном направлении на длину 15,4 м и соединяющая ее с юго-западным углом постройки 7. Последняя состоит из трех видимых на поверхности помещений.

К северо-западу от постройки 7 прослеживается стена 3, перегораживающая проход с западной стороны верхней площадки и сохранившаяся на длину 18,4 м и в высоту до 0,6 м. Между этой стеной к северо-востоку от нее и проселочной дорогой, идущей вдоль края балки, занятой посадками березы, находится постройка 8, которая имеет форму буквы «Г». С юго-западной стороны в южной стенке постройки имеется проход шириной 1,2 м.

Между северной стороной постройки 5, юго-западным углом постройки 7 и стенами 3 и 4 находятся горизонтально лежащие и вертикально стоящие крупные камни, оформленные в виде двух кругов. Эти скопления камней имеют явное искусственное происхождение и напоминают известные по этнографии места проведения собраний (осет. *«ныхас»*; кар.-балк. *«ныгыш»*)[18]. Аналогичные скопления камней, напоминающие известные по этнографии «ныхасы», были зафиксированы нами на укрепленных поселениях Правоберезовское 2 и 5[19].

Южный круг камней овальной формы (рис. 6, 5); длина сооружения с востока на запад составляет 5,8 м, с севера на юг — 4,7 м. В западной части находятся два крупных вертикально поставленных обломка каменной плиты, образующие прямой угол. Они сохранились на высоту 1,3 м; размеры плит 1,4 × 1,05 × 0,2 м и 1,8 × 1,2 × 0,3 м. К этим плитам примыкает 14 крупных камней, положенных на землю, которые образуют места для сидения размерами от 0,3 до 1,3 м и высотой 0,15–0,6 м.

Северный круг камней расположен в 4 м от вышеописанного. Он имеет меньшие размеры, диаметр его 2,0 м, камни стоят на высоту 0,8 м. В западной части развала две плиты примыкающие друг к другу и стоящие на ребре, размерами 0,8–1,3 × 0,25–0,3 м и высотой 0,3–0,85 м. Рядом с ними три плиты лежат на боку, их размеры 0,55–0,8 × 0,7–0,9 м и высотой 0,15–0,3 м. От них по прямой линии на восток уходит два камня, далее следует развал из трех камней аналогичных размеров. Еще три плиты, одна из которых стоит на ребре, другая лежат на боку, а третья имеет наклонное положение, имеют размеры 0,7–1,4 × 0,45–1,2 × 0,2–0,4 м.

Нижняя площадка памятника примыкает с южной стороны к скальному обрыву, ограничивающему с юга верхнюю площадку. С западного края она ограничивается скальным обрывом в балку Беловодскую, вдоль которой идут искусственные посадки березы. С восточной и южной стороны площадку окаймляют искусственные посадки сосны, при насаждении которых, возможно, были разрушены некоторые постройки. Однако проведенный нами осмотр показал, что внутри этих посадок также прослеживаются каменные развалы построек, при этом посадки их окаймляют, оставляя развалы нетронутыми. Не исключено, что при устройстве посадок неудобные для культивации места, занятые каменными развалами сооружений, просто оставлялись без обработки, и, таким образом, границы сосновых посадок в целом отражают границы поселения. С восточной стороны по краю поселения проходит проселочная дорога, имеющая развилку и ответвление на восток. К востоку от развилки видна небольшая насыпь, возможно, курганная, диаметром около 15 м и высотой 0,6 м.

[18] Калоев 1971, 136, 200; Скаков 2004, 172.
[19] Коробов 2006а, 207.

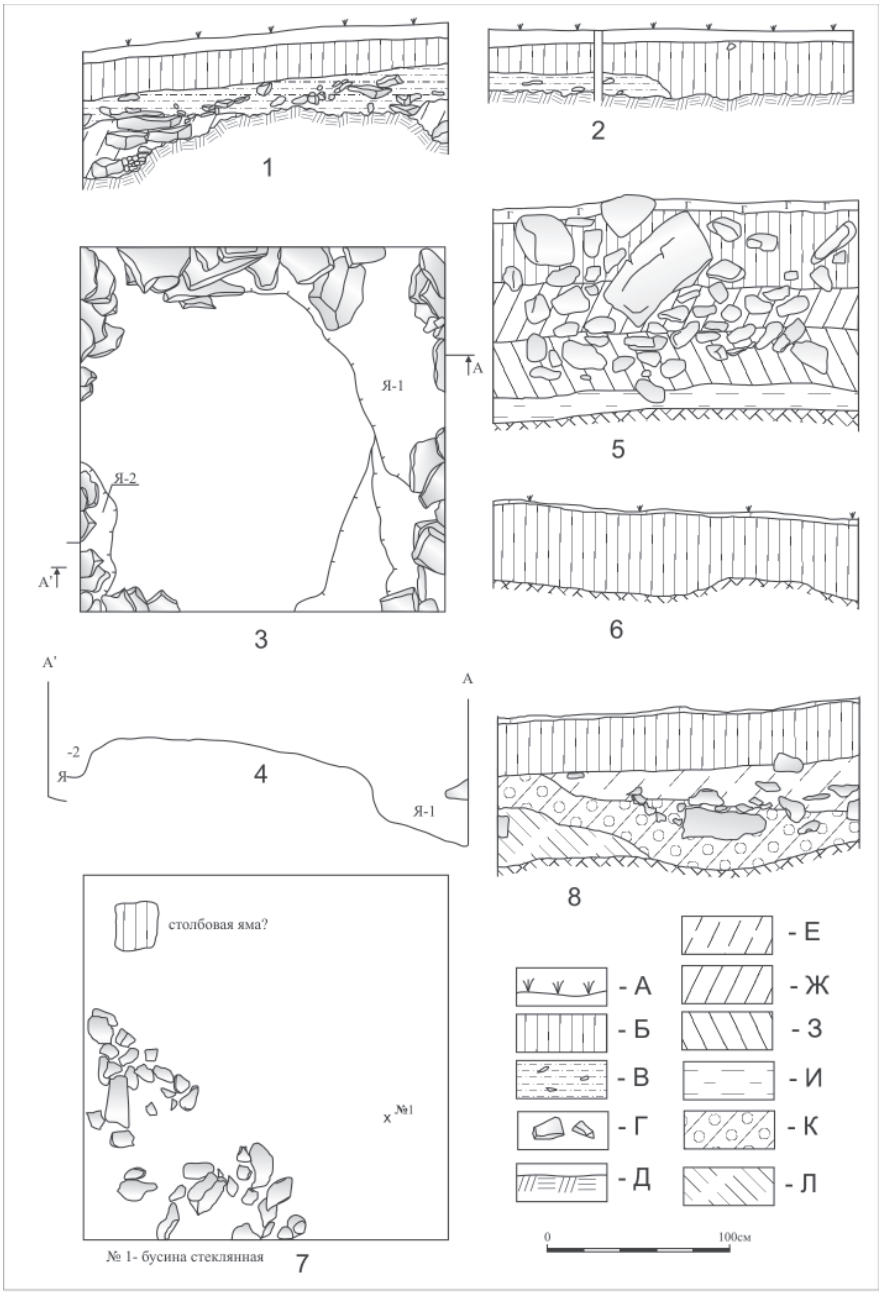


Рис. 7. Планы и профили бортов шурфов с поселений Зубчихинское 1 (1–4) и Зубчихинское 3 (5–8). 1 — южный борт шурфа 2; 2 — северный борт шурфа 1; 3 — план шурфа 2 на уровне материка; 4 — разрез шурфа 2; 5 — восточный борт шурфа 1; 6 — западный борт шурфа 2; 7 — план шурфа 3 на уровне пласта 2; 8 — восточный борт шурфа 2. А — дерн; Б — горный чернозем; В — светло-коричневый суглинок; Г — камень; Д — материковая скала; Е — темно-коричневый суглинок; Ж — темно-серый суглинок; З — светло-серый суглинок; И — коричневато-зеленый суглинок; К — темно-коричневый суглинок с щебнем; Л — желтый супесчаный суглинок.

Рис. 8. Находки с поселений Зубчихинское 1 (1–10, 13, 14), Зубчихинское 3 (11, 12, 15, 17–20, 22, 23) и с участков земледелия (16, 21). 1–2 — костяные проколки; 3–23 — фрагменты керамических сосудов.

Прослеживаемые развалы каменных построек занимают практически все пространство между обрывом в балку Беловодскую и сосновыми посадками, размеры которого 180 × 160 м. При осмотре кротовин был собран подъемный материал, который концентрировался в основном в северной стороне нижней площадке, примыкающей к верхней площадке. Именно здесь в 1998 г. был обнаружен железный нож[20] (рис. 9, *7*). В 2009 г. здесь также была найдена керамика эпохи раннего средневековья, в том числе фрагменты донцев и венчиков, а также керамический кругляш подквадратной формы (рис. 8, *23*). При проверке кротовин на наличие металла с помощью металлодетектора были обнаружены железный кованый костыль небольших размеров (рис. 9, *6*) и небольшое железное кованое кольцо, скорее всего являющееся рамкой пряжки (рис. 9, *9*), определить культурно-хронологическую принадлежность которых затруднительно.

С южной стороны от скального обрыва, ограничивающего с юга верхнюю площадку, наблюдается небольшая терраса, возможно, искусственного происхождения, устроенная для расположенных рядом с ней построек 9 и 10. На террасе был заложен шурф 1 размерами 2 × 2 м, ориентированный по сторонам света. При раскопках шурфа было расчищено несколько уровней каменного завала от разрушенных в окрестностях построек, который лежал на материковой скале на глубине около 1,0 м. Найдено 175 фрагментов керамики, из которых 172 можно отнести к эпохе раннего средневековья и предварительно датировать в рамках I тыс. н.э. 47 фрагментов сосудов нами определены как кухонные (27,3 %), 125 фрагментов (72,7 %) — как столовые, в том числе 22 лощеных (12,8 %). Было обнаружено также более 120 костей животных, определение которых пока не получено. Некоторые из керамических фрагментов имеют аналогии в катакомбных могильниках Кисловодской котловины и могут быть датированы более точно. К ним относится фрагмент ручки V–VI вв. н.э. с круглым сечением (рис. 8, *20*)[21], а также стенки с орнаментом в виде лощеных полосок от сосудов V–VIII вв. (рис. 8, *22*).

Прослеженная стратиграфия на данном участке поселения представляет собой следующее (рис. 7, *5*): под слоями дерна и горного чернозема мощностью от 30 до 40 см залегает слой темно-серого суглинка, под которым лежит слой светло-серого суглинка. Мощность каждого из этих слоев составляет от 20 до 40 см. Ниже находится материковая скала, на которой лежит прослойка коричневато-зеленого суглинка мощностью 10–20 см. Все слои чрезвычайно насыщены камнем разных размеров — остатками разрушенных построек поселения.

Постройка 9 подквадратной формы находится с восточной стороны террасы. К югу от нее находится постройка 10 прямоугольной формы, состоящая из двух помещений примерно одинаковых размеров. К югу от террасы прослеживается невысокий каменный развал стен постройки 11.

Постройка 12 представляет собой сложное многокомнатное сооружение. Небольшая постройка 13 находится к востоку от постройки 12. Далее к востоку идет обширная постройка 14, которая занимает пространство в длину в 61 м с севера на юг и примыкает с восточной стороны к лесопосадкам. На поверхности это сооружение прослеживается в виде серии западин с невысокими каменными

[20] Коробов 2001, 50, рис. 6, 1.
[21] Малашев 2001, 28, рис. 71.

стенками, разграничивающими помещения, которые в большинстве случаев незамкнуты с западной стороны и не всегда имеют правильную форму. Постройка 15 неправильной прямоугольной формы находится к югу от постройки 12. От ее северо-восточного угла в восточном направлении отходит небольшая каменная стена длиной 5,3 м.

Серия построек занимает пространство ближе к западному краю нижней площадки, ограниченному обрывом в балку Беловодскую. Здесь находится постройка 16 прямоугольной формы, с юго-западной стороны которой имеется проход шириной 4,8 м. К востоку от нее прослеживается каменный развал стен постройки 17, а к югу от последней находится постройка 18 квадратной формы, середина северной стены которой соединена с юго-западным углом постройки 17 с помощью стены длиной 1,9 м.

К юго-западу от постройки 18 и к югу от постройки 15 находится состоящая из двух помещений постройка 19, устроенная из крупных обломков скалы, имеющих высоту до 1,0 м. Южнее ее находится постройка 20, также сложенная из крупных каменных обломков скалы. Эта постройка своей западной стеной примыкает к обширной западине, низ которой разграничен каменными стенками, прослеживаемыми в виде невысоких задернованных развалов. Данное сооружение получило условное название постройка 21, оно состоит из трех помещений. Отдельные каменные блоки стен, выступающие на поверхность, имеют высоту до 0,4 м.

Южнее находится несколько небольших построек квадратной формы, сгруппированных друг возле друга (№№ 22–26, 28 и 29). Они видны на поверхности в виде невысоких задернованных развалов от каменных стен. Постройка 27 находится с восточной стороны от этого скопления построек, она имеет прямоугольную форму.

К юго-востоку от этого скопления построек внутри лесопосадки находятся постройки № 30 и 31. Они квадратной формы, примыкают друг к другу углом. Постройка 32 отстоит от них к западу и находится примерно посередине нижней площадки. К югу от постройки 32 расположены постройки 33 и 34 подквадратной формы. Постройка 35 находится к юго-западу от них и имеет прямоугольную форму. К юго-западу от нее расположена постройка 36. Она окаймлена посадками сосны, не тронувшими каменного развала постройки, который включает в себя крупные обломки скалы высотой до 0,46 м.

Несколько построек сконцентрированы на западной стороне нижней площадки ближе к скальному обрыву. Они имеют квадратную и прямоугольную форму и ориентированы по линии север-юг, иногда с отклонением к западу (постройки №№ 37–39, 42 и 43). К юго-востоку от этого скопления построек находится постройка 44 прямоугольной формы. Стены ее сложены из крупных обломков скалы, с сохранившейся высотой до 0,31 м. Между этой постройкой и постройкой 36 располагается постройка 40.

К юго-востоку от отписанных выше сооружений прослеживаются развалы построек, окаймленные посадками сосны. Постройка 41 находится с юго-восточной стороны поселения и представляет собой каменный развал из крупных обломков скалы высотой до 0,47 м. К юго-западу от нее находятся постройка 46 квадратной формы и постройка 45 прямоугольной формы. Наконец, в южной части поселе-

ния между посадками сосны расположена постройка 47 прямоугольной формы, от юго-восточного угла которой отходит каменная стена длиной 8,5 м.

В южной части нижней площадки поселения между постройками 43 и 44 был заложен шурф 3 размерами 2 × 2 м, ориентированный по сторонам света. Он имел глубину около 0,75 м и представлял следующую стратиграфию: под слоем дерна и горного чернозема от 10 до 20 см залегал слой темно-коричневого суглинка мощностью от 20 до 30 см. С северной и восточной стороны данный слой подстилался слоем темно-коричневого суглинка с мелким щебнем мощностью до 30 см, под которым в северо-восточном углу находился слой желтоватого супесчаного суглинка мощностью до 30 см (рис. 7, *8*).

В юго-восточной части шурфа на глубине около 30 см от дневной поверхности концентрировались следы каменного развала построек, в северо-западном углу шурфа под слоем горного чернозема было расчищено пятно более темного гумусированного грунта прямоугольной формы размерами 22 × 26 см (рис. 7, *7*). В слое темно-коричневого суглинка возле восточного борта шурфа на глубине 36 см от дневной поверхности была найдена бусина из глухого зеленого стекла (рис. 9, *12*). Помимо этого, в шурфе обнаружено 14 фрагментов керамики, из которых 11 могут быть отнесены к I тыс н.э., а три фрагмента венчика миски с загнутым внутрь бортом датируются второй половиной III — началом V вв. н.э.[22] (рис. 8, *11, 12*). Обращает на себя внимание полное отсутствие костей животных в данном шурфе.

Таким образом, обследованное нами поселение представляет собой один из крупнейших памятников эпохи раннего средневековья в Кисловодской котловине. Общая площадь занятых видимыми на поверхности каменными постройками на двух площадках достигает 3 га. По всей вероятности, жизнь на поселении Зубчихинском 3 возникла в южной части поселения в III–V вв. и продолжалась вплоть до VIII в. в центральной и северной части. Не исключено также, что данная территория была обитаема и в более позднее время (IX–XII вв.), однако большинство обнаруженного материала может быть датировано в пределах раннего средневековья.

Визуально на поселении прослеживается не менее 47 каменных построек, которые разделяются на несколько групп по своим размерам и формам (табл. 1). 29 из них представляет собой небольшие однокамерные сооружения, скорее всего, жилого характера. Они имеют квадратную или прямоугольную форму и площадь от 9,2 до 37 м^2. Очевидна концентрация этих построек в южной части поселения.

Табл. 1. Данные о каменных постройках поселения Зубчихинское 3

Номер постройки	Номер помещения	Ориентировка	Длина, м	Ширина, м	Высота, м	Площадь, кв.м
1		С-Ю	11,0	3,9	—	42,9
	1	С-Ю	4,6	3,9	—	17,9
	2	С-Ю	6,4	3,9	—	25,0
2		С-Ю	4,6	5,5	—	25,3
3		С-Ю	14,0	9,7	—	135,8
4		З-В	9,4	5,2	—	48,9
5		З-В	24,3	19,4	—	471,4
	1	З-В	10,5	5,0	—	52,5
	2	З-В	4,0	3,8	—	15,2

[22] Габуев, Малашев 2009, 116–117, рис. 127.

Номер постройки	Номер помещения	Ориентировка	Длина, м	Ширина, м	Высота, м	Площадь, кв.м
	3	С-Ю	15,6	4,2	—	65,5
	4	С-Ю	6,7	4,3	—	28,8
	5	С-Ю	8,9	5,3	—	47,2
	6	З-В	10,6	8,9	—	94,3
6		З-В	10,7	6,8	—	72,8
	1	З-В	4,7	5,6	—	26,3
	2	З-В	6,0	6,8	—	40,8
7		З-В	12,8	9,7	—	124,2
	1	З-В	12,8	4,8	0,8	61,4
	2	З-В	7,3	4,9	0,8	35,8
	3	З-В	7,6	4,4	0,8	33,4
8		С-Ю	15,3	6,8-15,2	—	168,2
9		СЗ-ЮВ	10,7	8,5	—	91,0
10		СВ-ЮЗ	12,6	6,2	—	78,1
	1	СВ-ЮЗ	6,2	6,7	—	41,5
	2	СВ-ЮЗ	6,2	5,9	—	36,6
11		С-Ю	7,1	5,1	—	36,2
12		С-Ю	33,4	20	—	668,0
	1	С-Ю	16,0	10,8	—	172,8
	2	С-Ю	16,8	12,5	—	210,0
	3	С-Ю	5,5	3,3	—	18,2
	4	С-Ю	10,1	6,7	—	67,7
13		СЗ-ЮВ	4,8	2,4	—	11,5
14		СВ-ЮЗ	61	15,3		933,3
	1	СВ-ЮЗ	15,7	5,5	—	86,4
	2	СВ-ЮЗ	12,2	9,9	—	120,8
	3	СВ-ЮЗ	15,4	5,9	—	90,9
	4	С-Ю	13,7	8,6	—	117,8
	5	С-Ю	13,7	18,8	—	257,6
	6	СВ-ЮЗ	13,6	11,4	—	155,0
15		С-Ю	13,6	10,9	—	148,2
16		З-В	16,0	6,0	—	96,0
17		СВ-ЮЗ	9,2	5,7	—	52,4
18		С-Ю	5,7	6,6	—	37,6
19		С-Ю	11,9	8,5	—	101,2
	1	С-Ю	4,9	8,5	1,0	41,7
	2	С-Ю	7,0	8,5	1,0	59,5
20		З-В	7,8	4,1	0,4	32,0
21		С-Ю	27,5	22,5	—	618,8
	1	З-В	20,3	7,0	—	142,1
	2	З-В	22,5	7,3	—	164,3
	3	З-В	11,8	7,9	—	93,2
22		С-Ю	4,2	3,9	—	16,4
23		С-Ю	5,9	4,3	0,27	25,4
24		С-Ю	4,0	4,4	—	17,6
25		С-Ю	4,8	3,5	0,3	16,8
26		С-Ю	5,0	4,5	0,19	22,5
27		С-Ю	9,2	6,2	—	57,0
	1	С-Ю	9,2	2,6	0,25	23,9
	2	С-Ю	5,1	3,5	0,25	17,9
	3	С-Ю	4,4	3,3	0,25	14,5
28		С-Ю	4,8	4,9	—	23,5
29		С-Ю	4,3	4,1	—	17,6
30		С-Ю	4,3	4,5	—	19,4
31		С-Ю	4,5	3,8	—	17,1
32		С-Ю	5,4	3,5	—	18,9
33		З-В	4,7	4,6	—	21,6
34		З-В	4,7	3,7	0,2	17,4
35		С-Ю	6,4	4,5	—	28,8
36		С-Ю	3,8	3,7	0,46	14,1

Номер постройки	Номер помещения	Ориентировка	Длина, м	Ширина, м	Высота, м	Площадь, кв.м
37		С-Ю	3,5	2,7	—	9,5
38		С-Ю	4,8	4,0	—	19,2
39		С-Ю	4,4	3,3	—	14,5
40		С-Ю	4,2	4,4	0,4	18,5
41		С-Ю	5,0	4,0	0,47	20,0
42		С-Ю	3,3	2,8	—	9,2
43		С-Ю	6,6	5,6	0,3	37,0
44		З-В	4,7	3,7	0,31	17,4
45		З-В	5,9	3,9	—	23,0
46		З-В	4,9	4,5	—	22,1
47		С-Ю	10,2	6,1	—	62,2

В центральной части поселения располагаются в основном многокамерные сооружения, среди которых есть обширные постройки площадью в 600–900 м^2 (№№ 12, 14, 21). Здесь же находятся довольно крупные по площади однокамерные постройки №№ 10, 15 и 16 площадью около 100 м^2 и более. Не исключено, что данные сооружения использовались в качестве помещений для содержания скота. Аналогичный характер, по всей видимости, имеют постройки 6–8 площадью от 72 до 168 м^2, расположенные в северной части поселения. Наибольший интерес вызывают постройка 5, представляющая собой шестикомнатное сооружение общей площадью около 470 м^2 и постройка 3 — однокамерное прямоугольное строение площадью 135 м^2 с каменной конструкцией в виде стола внутри. Возможно, постройка 3 представляет собой святилище, а постройка 5 — общественное здание. В пользу первого предположения говорят находки измельченных обожженных костей и многочисленные фрагменты столовой посуды, обнаруженные в шурфе 2. В пользу второго предположения — фиксируемые на поверхности круги из стоящих на ребре и уложенных горизонтально камней, представляющие собой места собраний («ныхасы»), известные по этнографическим данным. Разумеется, функциональный характер видимых на поверхности построек поселения Зубчихинское 3 может быть определен лишь в ходе будущих археологических раскопок. Первые шаги в данном направлении были сделаны нами в 2009 г.: специалистом в области почвенно-археологических исследований А. В. Борисовым было устроено 20 почвенных зондажей внутри построек разного вида, из которых отбирались пробы для фосфатного анализа и определения уреазной активности почв. Результаты данной работы будут в скором времени опубликованы.

Следы хозяйственной деятельности в окрестностях поселений. По всей вероятности, жизнь на укреплении Зубчихинское 1 и поселении Зубчихинское 3 не ограничивалась пространством описанных выше площадок, но проходила и на мысу между укреплением и поселением, в настоящий момент занятом под посадки березы и сосны. При предварительном осмотре этого мыса и его окрестностей было обнаружено несколько объектов.

На поверхности мыса к югу от укрепления Зубчихинское 1 наблюдается несколько небольших повышений рельефа, напоминающих задернованные развалины стен. Не исключено, что эти повышения имеют позднее происхождение и связаны с механическими работами по плантажу при устройстве искусственных лесопосадок. Однако более вероятно, что в данном случае мы имеем дело с межевыми стенками, ограничивавшими земельные наделы, занимавшие ровную

поверхность мыса к югу от укрепленного поселения Зубчихинское 1. Нами прослежено три каменных стены, имевших в длину от 40 до 75 м и сохранившихся на высоту 0,3–0,7 м. К сожалению, земельные наделы с межевыми стенками в данной местности не сохранились, поскольку они лежат под искусственными лесопосадками. Однако проведенные в 2009 г. почвенно-археологические исследования показали, что эта территория, скорее всего, использовалась в качестве пахотных угодий в эпоху раннего средневековья. А. В. Борисовым было заложено 3 почвенно-археологических разреза Б–263 — Б–265 (рис. 2), в которых обнаружен 21 керамический фрагмент: 14 стенок, одно донце и 2 венчика от столовой и 3 стенки и одно донце от кухонной посуды эпохи раннего средневековья, а также 2 обожженных кости животных. Данные почвенные разрезы позволяют подтвердить существование пашенных угодий эпохи раннего средневековья на ровной местности в непосредственной близости от укрепленного поселения этого времени.

Кисловодским краеведом К. М. Магомедовым были найдены следы древней дороги, проходившей с восточной стороны от мыса, занятого укреплением и поселением Зубчихинскими. Она спускается в балку Зубчихина с ее левого берега и поднимается на противоположном берегу балки (рис. 2). Обследование участка этой дороги показало, что она идет по левому берегу балки на расстояние до 90 м, спускаясь серпантином вниз. Прослеживается два поворота этого серпантина, имеющих подрубку в выходах скалы шириной до 2,0 м (рис. 6, *2*). Рядом находятся подпорные стенки дороги, сложенные из необработанных камней на высоту до 2,0 м. На поверхности видна кладка в 5 рядов, а также подтески материковой скалы в виде ступенек.

Осмотр местности в окрестностях показал, что данная дорога ведет на многочисленные участки земледелия с видимыми на поверхности межевыми стенками. Они расположены на ровном мысу, ограниченном с северной стороны течением р. Березовой, а с запада — балкой Зубчихинской и располагаются, таким образом, в 600–1400 м к востоку от поселения Зубчихинское 3 и в 400–1400 м к юго-западу от укрепления Зубчихинское 1 (рис. 2). В этом месте в 1998 г. нами были зафиксированы предположительные курганные группы эпохи позднего средневековья Правоберезовская 3 и Зубчихинская 2, а также менгир Зубчихинский[23]. Уже тогда было отмечено, что появление данных каменных сооружений может являться результатом уборки камней с поля. В текущем сезоне были прослежены невысокие задернованные валики, представляющие собой небольшое количество убранных с полей камней. Используя навигационный приемник GPS, было картографировано 69 наделов общей площадью 9,6 га. Большинство наделов имели площадь в пределах 0,1–0,2 га. На участках А. В. Борисовым были сделаны почвенные разрезы Б-269 — Б-271 (рис. 2). В разрезах обнаружена керамика — 19 стенок и одно донце столовой и 9 стенок кухонной посуды эпохи раннего средневековья, а также две стенки от сосудов, культурно-хронологическая атрибуция которых вызывает затруднение. Среди них фрагмент стенки с орнаментом в виде налепных валиков (рис. 8, *21*). Один фрагмент стенки сосуда с нижним прилепом ручки найден на поверхности в качестве подъемного материала (рис. 8, *16*). Обнаруженные фраг-

[23] Коробов 1998, 29–31; ААфанасьев, Савенко, Коробов 2004, 159–160, 164, №№ 473, 476, 513.

менты, безусловно, относятся к эпохе раннего средневековья и могут датироваться в пределах V–VIII вв.

К востоку-юго-востоку от поселения Зубчихинское 3, примерно в 470 м находится родник, вытекающий в балку Зубчихинскую из небольшой боковой балки ее левого берега. Этот родник прекрасно функционирует в настоящее время, и мог являться источником водоснабжения для жителей поселений в эпоху раннего средневековья. Косвенным подтверждением этому являются задернованные развалины каменной постройки, находящейся в 75 м на северо-запад от родника, на окраине засаженного лесопосадками березы мыса. Постройка имеет ограду размерами с внешней стороны 10,1 × 5,9 м; размеры ее каменного развала внутри ограды 6,2 × 4,0 м, высота развала достигает 0,6 м. Подъемного материала в данной местности выявлено не было.

Кроме того, в окрестностях укрепления Зубчихинское 1 в 1998 г. были выявлены загоны для скота, зафиксированные в 1998 г. как поселение Зубчихинское 2[24]. Загоны располагаются в 500 м на северо-восток от укрепления Зубчихинское 1, внизу на склоне левого берега одноименной балки. Они представляют собой круглые и прямоугольные в плане строения с каменными стенками, сложенными «насухо» без видимых следов раствора из необработанных камней. В одном из загонов в 2007 г. А. В. Борисовым был устроен почвенный микрошурф глубиной около 60 см. На поверхности возле шурфа под развалами стен встречалась керамика эпохи раннего средневековья. Результаты измерения уреазной активности почв показали, что наибольшие значения характерны для слоя 20–40 см (верхний горизонт погребенной почвы) — 10 мкг NH3/мл. В слое 0–20 см (современная почва) уреазная активность составляла 3 мкг NH3/мл, в слое 40–60 см — 2 мкг NH3/мл. Столь высокая уреазная активность, зафиксированная в слое 20–40 см, указывает на то, что в прошлом в данном месте располагался загон для скота. Точно установить время функционирования данной постройки, по мнению А. В. Борисова, невозможно, но, судя по мощности перекрывающей толщи, загон использовался достаточно давно, предположительно с эпохи средневековья.

В окрестностях укрепления Зубчихинское 1 рядом с предполагаемыми участками земледелия в 1998 г. была найдена железная крица, переданная в Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость». Данное местонахождение было зафиксировано под названием «поселение Зубчихинское 5»[25].

Таким образом, проведенное комплексное полевое обследование поселений в балке Зубчихина возле Кисловодска продемонстрировали хорошую, порой уникальную сохранность сооружений эпохи раннего средневековья, как в зоне обитания аланского населения, так и в их хозяйственной округе. Несомненно, данный комплекс памятников должен стационарно изучаться в процессе более детальных раскопок. Однако уже сегодня очевидны перспективы изучения аланских раннесредневековых поселенческих памятников, проводимые с минимальным разрушением и максимальным использованием современных методов полевого обследования.

---

[24] Афанасьев, Савенко, Коробов 2004, 159, № 474.
[25] Афанасьев, Савенко, Коробов 2004, 164, № 514.

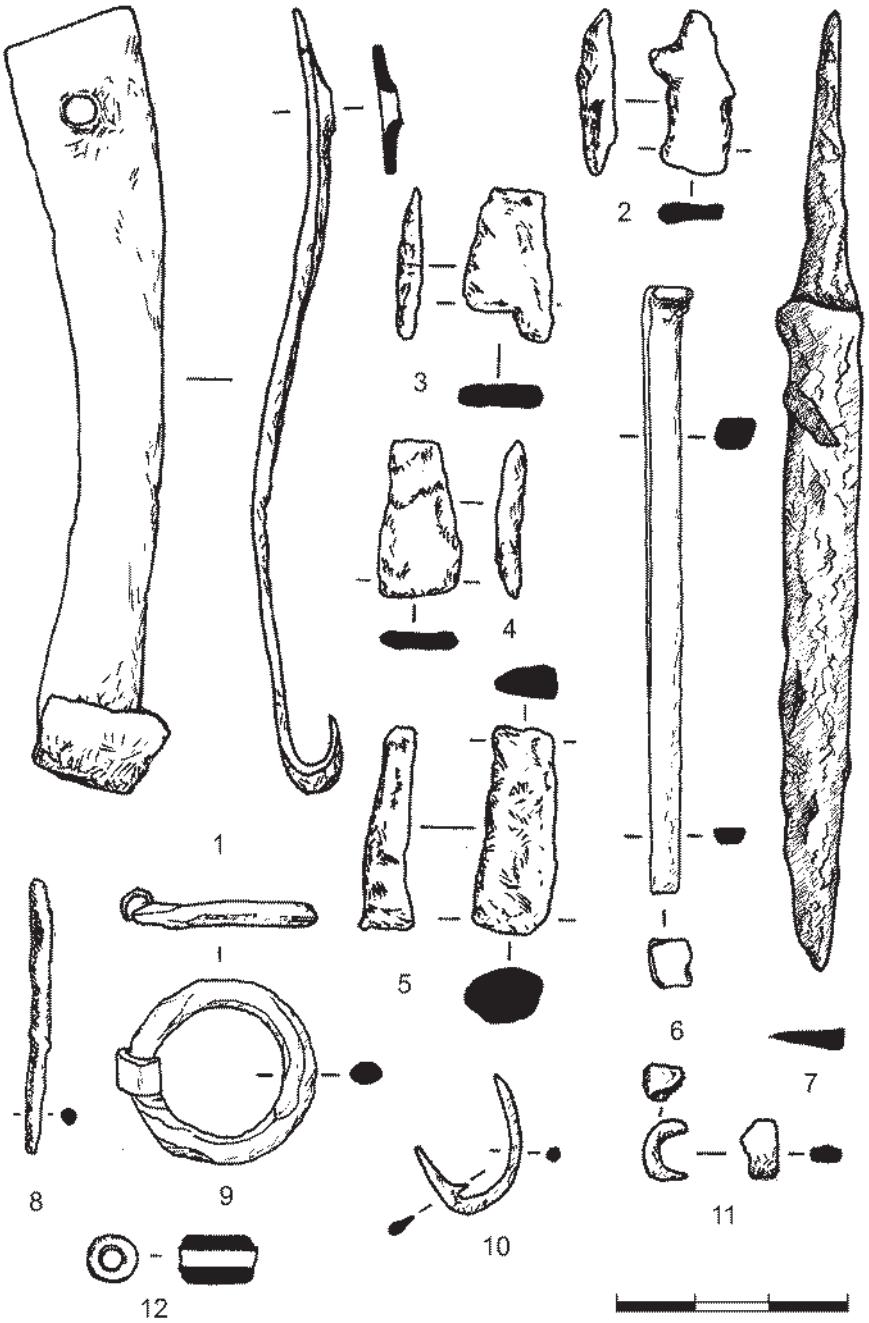


Рис. 9. Находки с поселений Зубчихинское 1 (1–5, 10, 11) и Зубчихинское 3 (6–9, 12). 1 — пластина с загнутым краем; 2–5 — фрагменты ножей; 6 — кованый костыль; 7 — нож; 8 — шило; 9 — рамка от пряжки; 10 — рыболовный крючок; 11 — фрагмент кольца; 12 — бусина. 1–11 — железо; 12 — стекло.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. 2004: Древности Кисловодской котловины. М.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009: Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.

Калоев Б.А. 1971: Осетины. М.

Коробов Д.С. 1996: Отчет об археологической разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23074.

Коробов Д.С. 1998: Отчет о разведке в окрестностях г. Кисловодска в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 23072–23073.

Коробов Д.С. 2001: Некоторые итоги работ Кисловодского археологического отряда в 1996–1999 гг. // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок. М., 44–55.

Коробов Д.С. 2006а: Новые материалы о раннесредневековых укреплениях Кисловодской котловины // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Материалы. Сухум, 206–209.

Коробов Д.С. 2006б: Отчет об археологических раскопках и разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р–1.

Коробов Д.С. 2009: Отчет о разведке в окрестностях г. Кисловодска в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р–1.

Коробов Д.С. 2010: Укрепления эпохи раннего средневековья на Боргустанском хребте близ Кисловодска // ПИФК. 1, 560–593.

Малашев В.Ю. 2001: Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Плетнева С.А. 1967: От кочевий к городам. М.

Скаков А.Ю. 2004: К вопросу о нартовских ныхасах Кавказа // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. / Тез. докл. М., 169–172.

Die Vandalen. 2003: Die Vandalen: die Könige, die Eliten, die Krieger, die Handwerker. Nordstemmen.

Reinhold S., Korobov D. 2007: The Kislovodsk basin in the North Caucasian piedmonts — archaeology and GIS studies in a mountain cultural landscape // Preistoria Alpina. Vol. 42. Trento, 183–207.

EARLY MEDIEVAL SETTLEMENTS IN ZUBTCHIKHINSKAYA BALKA NEAR KISLOVODSK

D.S. Korobov

The article presents some results of our study of the early medieval settlements in Zubtchikhinskaya Balka (wash) in the valley of the Berezovaya river (Kislovodsk basin). Here they found two large settlements with fortification traces and numerous ruins of buildings that became the object of preliminary field study. Test excavation revealed pottery of the 3rd — 8th c.c. An agricultural zone adjoins the settlements. It comprises small oblong plots with stone landmarks. GPS was instrumental in mapping over 9 hectares of similar fields with trenches that revealed early medieval pottery. This assumption allows to reconstruct a possible zone of agricultural activity around the investigated sites.

Key words: early medieval period, the Northern Caucasus, settlements.

© 2012

А. Г. Иванов

СОВЕТСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЯХ КАНАДЫ
второй половины 1950-х — начала 1960-х гг.

Статья посвящена изучению реакции канадского общества на достижения советской науки и образования в 1950–1960-х гг. На материалах печати автор представляет рецепцию этих событий на уровне научно-педагогической общественности Канады, политической элиты и рядовых обывателей.

Ключевые слова: СССР, Канада, советская наука и образование, холодная война.

1950-е — начало 1960-х гг. без преувеличения можно назвать эрой достижений советской науки. В эти годы ученые СССР, опередив США и другие страны Запада, сделали целый ряд имеющих важное значение открытий: в 1954 г. была пущена первая в мире атомная электростанция, в 1957 г. — построен первый в мире атомный ледокол «Ленин» и создан самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц — синхрофазотрон. Запуски первых в мире искусственных спутников Земли в 1957–1958 гг. и полет Ю. А. Гагарина в космос открыли новую эпоху в истории человечества — эпоху «завоевания межпланетных пространств». Эти и другие достижения продемонстрировали научно-техническое превосходство Советского Союза и в условиях холодной войны шокировали весь западный мир. Задача данной статьи в том, чтобы показать, как отреагировало канадское общество на указанные события[1].

Запуск СССР первого искусственного спутника Земли вызвал мгновенную реакцию в Канаде. Аналитики были потрясены обнаружившейся способностью Советского Союза доставлять баллистические ракеты в любую часть мира. Газеты трубили о стратегической уязвимости Запада перед лицом ракетно-бомбового удара со стороны «врага свободы». «Спутник бросает вызов демократии» — так называлась статья в одной из канадских газет[2].

Иванов Алексей Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета, руководитель Центра изучения истории Канады при МаГУ. E-mail: a-ivanov79@mail.ru

[1] Основным источником для данной работы послужили материалы канадской прессы.

[2] The Leader-Post 04.11.1957, 15.

Большое количество публикаций было пропитано страхом и пессимизмом относительно будущего западной цивилизации. К примеру, известный канадский физик-ядерщик, декан факультета физики Университета Британской Колумбии Гордон Шрум в декабре 1957 г. в одном из своих выступлений предрекал скорый закат США, их превращение в колонию Советского Союза[3]. Грядущие перспективы некоторым интеллектуалам казались настолько мрачными, что ужасным последствиям советского ядерного удара они предпочитали политическую жизнь Канады под контролем СССР. Таким было, в частности, мнение преподавателя философии из Университета Британской Колумбии Аврума Стролла[4].

Советские успехи и угроза безопасности подстегнули канадскую элиту осмыслить состояние науки и образования через призму опыта СССР в этой сфере. Национальная рефлексия была настолько значима, что в ней в той или иной степени приняли участие такие видные политические фигуры, как лидер либеральной партии Лестер Пирсон и премьер-министр от консерваторов Джон Дифенбейкер.

В процессе анализа многие эксперты пришли к убеждению, что система образования в Канаде пребывает в состоянии кризиса, что она совершенно не соответствует современным нуждам[5]. Подобные суждения рождались на фоне неспособности учебных учреждений поглотить многочисленную молодежь, рожденную в условиях послевоенного «бейби-бума», нехватки квалифицированной рабочей силы в промышленности, отставания страны в научных открытиях общемирового значения. Наибольшую критику вызывала система высшей школы и политика государства в этой области. Указывалось, что высшее образование в Канаде остается практически недоступным для широких масс из-за недостаточного числа университетов, из-за стереотипов, распространенных в прошлом, что высшее образование — это удел аристократических элит, а главное — из-за неудовлетворительного финансирования образования со стороны государства, вследствие чего талантливая молодежь из малообеспеченных семей остается за стенами университетов[6]. Немало упреков прозвучало и в адрес канадского студенчества. Известные педагоги и ученые страны критиковали его за леность, недисциплинированность, безразличное отношение к учебе, желание проводить время в развлечениях, отсутствие стремления двигаться вперед[7].

В этой обстановке научно-педагогическая общественность Канады обратила взоры на советский опыт организации науки и образования, который наглядно демонстрировал всему миру свою эффективность. На страницах газет и журналов появилось большое количество публикаций об образовательной системе СССР, в университетских аудиториях проводились лекции о последних достижениях советской науки и образования, им посвящались конференции и съезды различных организаций[8]. Наибольшую активность в актуализации советского опыта прояв-

[3] Saskatoon Star-Phoenix 07.12.1957, 14.
[4] The Sunday Sun 08.10.1960, 54.
[5] The Leader-Post 31.08.1956, 17.
[6] The Windsor Star 15.02.1960, 16.
[7] Saskatoon Star-Phoenix 07.12.1957, 14.
[8] Кстати сказать, большую роль в распространении знаний о достижениях советской науки и образования сыграло Посольство СССР в Канаде. Оно задействовало всевозможные ресурсы — от визитов Ю. Гагарина (1961) и Г. Титова (1962) в Канаду до лекционных поездок Посла А. Арутюняна по канадским университетам — для презентации успехов Советского Союза в этой сфере. В это же

ляли те канадские ученые и преподаватели, которым удалось побывать в СССР. В их числе были такие крупные менеджеры образования, как вице-президент Университета Торонто, а с 1959 г. президент Йоркского университета Мюррэй Росс[9], ректор Макгилльского университета Франк Сирил Джеймс[10] и президент Университета Британской Колумбии Джон Макдональд[11].

В первую очередь обращает на себя внимание то, что канадские педагоги в той или иной степени признавали эффективность социалистических принципов организации образования.

Некоторые из них высоко оценили функционирование советской системы массового образования, которая по степени охвата населения явно превосходила канадскую. «В создании массового образования Советский Союз вышел на уровень, о котором мы даже не мечтали» — отмечал Г. Шрум[12]. «Причина феноменального масштаба советского образования, — объяснял Отто Фишер, — в действительности очень проста — государство набирает студентов вузов и оплачивает их обучение»[13]. Эта сторона советской модели оказалась столь притягательной, что зазвучали призывы пойти по примеру СССР и ликвидировать все финансовые барьеры для получения знаний и даже ввести бесплатное государственное образование в Канаде[14].

Других канадских экспертов привлекал советский механизм планирования, при котором государство проводило наборы и подготовку специалистов в соответствии с современными потребностями экономики[15]. В этой связи под иным углом зрения стала рассматриваться и принятая в СССР система единых государственных учебных планов и программ, позволявшая формировать у студентов конкретной специальности универсальный объем знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного решения производственных задач на любом предприятии любой точки страны. И если раньше советская унификация и стандартизация образования являлась объектом критики, то теперь многим она казалась более перспективной и рациональной в сравнении с ситуацией в Канаде, где каждый университет имел собственный учебный план, в результате чего канадские выпускники получали разный образовательный багаж.

Многие интеллектуалы советовали правительству Канады взять на вооружение сам советский подход к развитию образования и науки. Они поясняли, что в Советском Союзе эта сфера считается приоритетным направлением государственной политики и вложения в нее рассматриваются как инвестиции в обеспечение экономического благосостояния страны и ее безопасности в будущем[16]. Авторы наперебой писали о том, как в СССР щедро финансируются фундамен-

---

время Посольство прилагало большие усилия для организации научно-образовательных обменов между СССР и Канадой (См: The Montreal Gazette 03.03.1960, 8; The Leader-Post 07.04.1960, 27). Впрочем, эти темы заслуживают отдельного детального исследования.

[9] Посетил Советский Союз летом 1958 г.

[10] В СССР побывал весной 1959 г.

[11] Поездка в Советский Союз состоялась в 1964 г.

[12] The Calgary Herald 02.02.1959, 17.

[13] The Calgary Herald 06.06.1957, 14.

[14] The Calgary Herald 24.10.1960, 25; Saskatoon Star-Phoenix 30.08.1962, 15.

[15] The Windsor Daily Star 11.10.1957, 22; The Calgary Herald 16.02.1959, 4.

[16] Saskatoon Star-Phoenix 13.06.1959, 17.

тальные научные исследования, создание научно-исследовательских институтов и лабораторий, оплата труда работников вузов, выплата стипендий студентам[17]. «Я не знаю ни одной другой страны, — писал ректор Макгилльского университета Ф. С. Джеймс, — где образование и наука получали бы такую большую долю из национального бюджета и ему отводилось бы такое важное место в обществе»[18].

С нескрываемыми симпатиями канадские наблюдатели рассказывали об усилиях советского государства, направленных на поощрение молодежи получать высшее образование. Молодых людей в СССР, как отмечало одно из изданий, стимулируют поступать в университеты стипендиями и пособиями во время обучения, перспективами получения хорошей работы, достойной зарплаты и высокого социального статуса после окончания вуза[19].

Изучение опыта функционирования системы высшего образования в СССР показало многим специалистами из Канады, что советский студент имеет более высокий уровень подготовки, чем канадский. По словам педагогов из страны кленового листа, этот уровень достигался, благодаря двум ключевым факторам: во-первых, большому объему учебной нагрузки[20] и во-вторых, дисциплинированности и трудолюбию самих советских студентов. Любопытно, что некоторые канадские преподаватели, как Артур Портер, восхищаясь усердием учащихся советских вузов, ставили их в пример канадским, которых они упрекали в пустой растрате времени в погоне за всевозможными развлечениями и не серьезном отношении к учебе[21].

Само собой разумеется, наибольшие впечатления на канадцев производили качество и масштабы подготовки инженерно-технических кадров. Для них было очевидно, что лидерство в космосе, атомной промышленности и ряде отраслей электротехники СССР обеспечил себе, придавая большое значение развитию естественных наук. «Советское правительство, — отмечал либерал Л. Пирсон в одном из своих выступлений 1957 г., — делает намного больший акцент на этих разделах образования, чем мы. Они выпускают больше дипломированных специалистов в естественных науках и инженерии, чем вся Северная Америка и Западная Европа вместе взятые»[22]. Хрестоматийным, переходящим из одного канадского издания в другое стало упоминание о том, что СССР выпускает в 3 раза больше инженеров, чем США[23]. Некоторые газеты приводили точные цифровые показатели. Так, «Калгагри Хералд» указывала, что в 1957/1958 учебном году СССР выпустит 60 тыс. инженеров, Канада — 1800, Британия — 3 тыс.,

[17] Ottawa Citizen 02.07.1959, 48.

[18] The Montreal Gazette 22.02.1960, 3.

[19] The Calgary Herald 06.06.1957, 14.

[20] На это указывали многие. Г. Шрум в одном из своих публичных выступлений отмечал, что в СССР продолжительность «университетского курса дольше, некоторые составляют 10 месяцев, в противоположность нашим 8-ми месячным, при этом они (советские студенты — А.И.) обучаются 6 дней в неделю» (The Vancouver Sun. 20.01.1958, 2). А Д. Новак в продолжении темы, как бы, уточнял, что учащиеся вузов в Советском Союзе проводят в университете в 2 раза больше времени в неделю, чем студенты Канады, а разница в учебной нагрузке за академический год составляет 8-10 недель (The Leader-Post 24.02.1959, 13; 21.02.1959, 17).

[21] The Calgary Herald 06.06.1959, 20.

[22] The Windsor Daily Star 11.10.1957, 22.

[23] The Spokesman-Review 21.01.1956, 28; The News and Eastern Townships Advocate 31.10.1963, 7; The Calgary Herald 13.03.1965, 51.

а США — 22 тыс.[24] Достижения советского научно-технического образования на фоне отставания Канады в этой сфере казались просто ошеломляющими. На ежегодном конгрессе Химического института Канады эксперт в области образования, работавший на оборонное исследовательское управление в Оттаве, Отто Фишер заявил: «40% студентов советских университетов обучаются на инженерных и естественнонаучных специальностях, в то время как в Канаде только 20%... К 1960 г. Советский Союз подготовит в 5 раз больше гражданских ученых и инженеров в пропорции на душу населения, чем Канада»[25]. Пожалуй, характерное для всех канадских педагогов отношение к советскому опыту выразил руководитель одного из колледжей при Университете Саскачеван Артур Портер: «Важность инженеров была признана в Советском Союзе, и им пришлось сыграть самую важную роль в запуске спутников и широкомасштабном внедрении автоматики в советской промышленности»[26].

Был еще один момент в техническом образовании СССР, который подкупал канадцев. Им импонировала государственная политика, нацеленная на то, чтобы привлекать женщин к поступлению в технические вузы. Стратегия Советского Союза, как объясняли канадские специалисты, ориентирована на насыщение растущих потребностей промышленности в высококвалифицированных кадрах, она основывается на принципах экономической целесообразности и в лучшую сторону отличается от подхода западных стран, где еще распространены предрассудки, что инженер — это чисто мужская профессия[27].

Наивно полагать, что осмысление советского опыта организации науки и образования сопровождалось исключительно позитивными оценками и отзывами. Некоторые эксперты Канады выступали с небезосновательной критикой советской системы. Ее обвиняли, в частности, в том, что она не обеспечивает свободы научно-педагогического творчества и тотально контролируется государством. Канадские преподаватели предъявляли претензии и к педагогическим технологиям, применяемым в учебных учреждениях СССР. Так, Дерри Новак[28] и Марк Гайян[29] утверждали, что в советских школах и вузах процесс обучения основывается на зубрежке лекционного материала, а не на развитии у учащихся навыков самостоятельного мышления, как это принято на Западе. Среди других упреков были недокомплект учителей в школах, нехватка учебников, недостаток лабораторий и пр.

Некоторые из аспектов советской науки и просвещения вызвали острейшие дискуссии в научно-педагогической общественности Канады. Ярким примером могут служить споры о качестве преподавания гуманитарных дисциплин. Если высокий уровень обучения естественным наукам в школах Советского Союза ни у кого не вызывал сомнений в силу того, что многочисленные научные открытия сами подтверждали это, то в оценке состояния обществоведческой подготовки среди канадских специалистов не было единства мнений. Одна часть педагогов доказывала, что советские учащиеся школ и вузов серьезно изучают гуманитар-

[24] The Calgary Herald 26.09.1957, 3.
[25] The Calgary Herald 06.06.1957, 14.
[26] The Leader-Post 16.06.1960, 39.
[27] The Calgary Herald 05.07.1962, 30; 19.10.1961, 63.
[28] The Leader-Post 24.02.1959, 13; 21.02.1959, 17.
[29] The News and Eastern Townships Advocate 31.10.1963, 7.

ные науки и в их знании совершенно не уступают учащимся в Канаде[30]. Другая часть экспертов придерживалась мнения, что в СССР преподавание общественных дисциплин осуществляется на недопустимо низком уровне вследствие того, что они жестко подчинены официальной идеологии. Так, история в школе, по словам М. Гайяна, это «пародия», она представляет собой «политическую инъекцию с большим акцентом на историю коммунистической партии»[31]. Некоторые педагоги в качестве подтверждения слабости советского гуманитарного образования приводили тот факт, что школьников в Советском Союзе обучали лишь одному иностранному языку[32].

Как уже говорилось выше, в дискуссиях о советской науке и образовании принимали участие не только профессионалы, но и политики, часто использовавшие данную тему для получения дополнительных политических дивидендов. В этом смысле показательно то, как отреагировал премьер провинции Квебек М. Дюплесси на выступления ректора Университета Макгилла Ф. С. Джеймса о просвещении в СССР.

Франк Сирил Джеймс — фигура достаточно известная как в Канаде, так и за ее пределами. Он родился в 1903 г. в Великобритании, но большую часть жизни прожил в Северной Америке: сначала в США, где сделал карьеру ученого-экономиста, а с 1939 г. в Канаде, став ректором старейшего квебекского университета Макгилл и завоевав репутацию успешного менеджера науки и образования. Одновременно, Джеймс преуспел и на поприще политики. Так, в годы войны, в 1941–1943 гг., по приглашению премьер-министра Маккензи Кинга он возглавлял правительственный Консультативный комитет по вопросам Реконструкции. Стоит сказать, что уже к этому времени Джеймс сформировал устойчивые симпатии к Советскому Союзу[33], которые еще более окрепли после поездки в СССР весной 1959 г.[34] Увиденное за «железным занавесом» произвело на ректора Мак-

[30] Eugene Register-Guard 13.10.1964, 6b; Vochenblatt 01.01.1959, 3.

[31] The News and Eastern Townships Advocate 31.10.1963, 7.

[32] The Leader-Post 24.02.1959, 13; 21.02.1959, 17.

[33] Известно, к примеру, что зимой 1944 г. Джеймс вместе со студенческим советом университета инициировал компанию по сбору помощи воюющему СССР — студенты собрали одежду для советских учащихся и передали ее в Фонд канадской помощи России (The Montreal Gazette 21.01.1944, 19). В 1948 г., в самом начале холодной войны, ректор Макгилла в прессе доказывал необходимость создания в вузах Канады центров славистики и курсов русского языка, что, по его словам, должно было помочь налаживанию отношений с Советским Союзом с целью сохранения мира во всем мире (The Leader-Post 06.01.1948, 8).

[34] Эта поездка в СССР осуществлялась на средства, выделенные Фондом Форда. Джеймс в составе делегации американских ученых и педагогов побывал в учебных учреждениях Москвы, Владимира, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Ташкента, Самарканда, Свердловска, Омска, Новосибирска, Иркутска и еще ряда городов. Несомненно, ректор Макгилла испытал на себе воздействие того, что современные историки Г. Б. Куликова, А. В. Голубев и др. называют советскими «технологиями гостеприимства». Его и других членов делегации обеспечили самыми комфортными условиями проживания, возили по образцовым школам и университетам, попросили прочитать лекцию о Канаде в Институте мировой экономики АН, удостоили чести личной встречи с А. Микояном в Кремле. И делалось это для того, чтобы гости из Северной Америки оставили исключительно благоприятные впечатления от пребывания в Советском Союзе и повлияли на формирование положительного общественного мнения об СССР у себя в стране. Насколько эффективно сработали эти «технологии гостеприимства» в случае с Джеймсом, позволяет судить запись в его дневнике от 10 мая 1959 г.: «Если кто-то захочет быть каверзным, то он найдет здесь вполне достаточно того, что покритиковать, но разочарования почти не сравнимы с тем громадным удовольствием побывать

гилла сильное впечатление, и по возвращении он посвятил советскому образованию и науке целую серию статей и выступлений. В них он обосновывал достаточно оригинальную мысль о том, что высокий уровень развития просвещения и науки в Советском Союзе — это не результат строгого следования марксистско-ленинским заветам, а наоборот, это итог внедрения принципов и механизмов рыночной экономики в научно-образовательный процесс. Джеймс, как экономист, объяснял, что подготовить такое большое число высококвалифицированных специалистов СССР удалось благодаря щедрому государственному финансированию науки и образования и внедрению системы финансовых стимулов. К примеру, для студентов таковыми, по его словам, выступают дифференцированные стипендии, а для профессорско-преподавательского состава вузов высокие зарплаты, позволяющие им приобретать дорогостоящие автомобили, комфортабельные дома и даже нанимать прислугу. «СССР, — писал Джеймс в «Оттава Ситизен», — в духе своей коммунистической философии принял основные принципы капитализма. Русские глубоко убеждены в необходимости подготовки большого количества мужчин и женщин с высшим образованием, не только в естественных науках и технологии, но и во всех областях культуры и гуманитарных наук. Чтобы развить лучшую из возможных образовательных систем, они хотят привлечь к преподаванию в университетах и других институтах самых способных мужчин и женщин со всех концов страны. Чтобы привлечь этих мужчин и женщин они предлагают на много более высокие зарплаты, чем те, которые выплачиваются в промышленности или на административных должностях за сравнимый талант... это столь же просто как, обращение к самой простой философии капитализма, действовавшей в Канаде и США, каждый раз, когда мы действительно хотели, чтобы выдающиеся мужчины и женщины развили наши естественные ресурсы и нашу экономику»[35].

Первые публикации и лекции Джеймса вызвали подчеркнуто враждебную реакцию премьера провинции Квебек Мориса Дюплесси. И без того отличавшийся неприятием всего, что было связано с Советским Союзом, премьер крайне негативно воспринял рассказы Джеймса о преимуществах советской системы образования и науки. А заявления главы Макгилла о том, что «многие вещи, которые делаются в этой области в СССР, делаются гораздо лучше, чем те, которые мы видим в настоящее время в Квебеке»[36], были расценены им как покушение на один из традиционных столпов квебекского общества — религиозное образование. Через подконтрольные издания, такие как «Утренняя песнь» и «Романист», Дюплесси обрушил на Джеймса шквал обвинений, назвав его «пропагандистом ядо-

здесь. Мне нравятся люди, с которыми я имел шанс посидеть рядом и разговаривать весь путь от Ленинграда до Самарканда и Иркутска. Я восхищаюсь тем, что представляет собой Старая Россия (и счастлив, что так много ценного сохранилось не только в Кремле и Эрмитаже, но и самих старых зданий), и я глубоко восхищаюсь этим поколением русских, которые пытаются делать многое во всех областях экономики и образования. Я уеду с большой неохотой — потому, что мне, действительно, хотелось бы остаться и узнать больше, а также насладиться балетом и оперой, и я очень надеюсь, что я обязательно вернусь» (Frost 1991, 255).

[35] Ottawa Citizen 02.07.1959, 48.

[36] The Montreal Gazette 02.06.1959, 4.

витой теории»[37], инициатором заговора против религиозного образования[38] и еще бог знает кем и требовал немедленно прекратить восхваление образования СССР. В стремлении нейтрализовать действие выступлений Джеймса и подчеркнуть совершенство существующей в Квебеке системы просвещения Дюплесси обрушился с критикой на советское образование, упрекая его полном отсутствии свободы выбора у учащихся и в том, что оно полностью подчинено государству. Самое интересное, что эти нападки Дюплесси на ректора одного из ведущих университетов провинции газета «Оттава Ситизен» объясняла ни чем иным, как желанием премьера еще раз показать себя жителям Квебека защитником традиционных устоев и набрать дополнительные политические очки на испытанной «антикоммунистической» теме в преддверии провинциальных выборов 1959 г.[39]

Впрочем, многие правые политики эксплуатировали эту тему в стиле худших времен начала холодной войны, нагнетая в обществе антисоветскую истерию. Так, член федерального парламента Чесли Картер, вообще, в любых упоминаниях о превосходстве советской системы образования над канадской и предложениях учитывать опыт СССР в этой сфере усматривал происки коммунистов, которые, как ему казалось, наводнили университеты страны[40].

Характерно, что даже на уровне простых обывателей существовали как ярые апологеты советской системы науки и образования, так и ее категорические противники. Об этом свидетельствует, в частности, письмо пастора греческой православной церкви Св. Георгия в Эдмонтоне Амброса Жианнукоса, опубликованное в журнале «Эдмонтон Джоурнал», в рубрике «Письма читателей» весной 1959 г. Как указывал автор, написать в редакцию его заставила деятельность в Эдмонтоне некоего Майского, который на ряде местных собраний занимался пропагандой успехов и достижений науки и образования СССР. В своем письме священник в категорической форме требовал прекратить апеллировать к советскому опыту и в связи с этим принижать канадскую систему просвещения. Последняя, по его словам, значительно превосходит образование в СССР, как «демократия превосходит коммунизм»[41].

Главным следствием активного обсуждения советской системы организации образования и науки стали проекты реформирования этой сферы в Канаде. В первую очередь успешный пример СССР вдохновил канадскую общественность активизировать борьбу за построение массового высшего образования. Сценарии достижения этой цели чаще всего строились на двух составляющих. Первая подразумевала увеличение количества высококлассных специалистов через удешевление платы за обучение в колледжах и университетах, увеличение размера стипендий, создание льготных образовательных кредитных программ, специальных фондов и даже введение полного бесплатного образования[42]. Всем было очевидно, что в том случае, если не будут созданы равные возможности в получении высшего образования, если государство не будет стимулировать молодежь посту-

[37] The Montreal Gazette 02.06.1959, 4.
[38] Ottawa Citizen 02.06.1959, 6.
[39] Ottawa Citizen 02.06.1959, 6.
[40] Ottawa Citizen 26.06.1959, 4.
[41] Edmonton Journal 17.03.1959, 4.
[42] Axelrod 1982, 24–26; Axelrod, Reid 1989, 24.

пать в вузы и не увеличит бюджетное финансирование, если талантливые молодые люди по-прежнему будут сталкиваться с финансовыми барьерами, то отечественная экономика и наука в ближайшее время окажутся в состоянии коллапса. За расширение государственного участия в организации и финансировании высшей школы и научно-исследовательских учреждений выступали Гордон Шрум, Брюс Роусон, Мюррей Росс, Джон Макдональд и др.

В качестве другого важного направления образовательной политики мыслилось открытие новых университетов. Интересно, что эти меры многим казались единственным средством спасения канадского образования от разрушительной конкуренции со стороны южного соседа и полностью отвечавшими национальным интересам. Так, к примеру, Л. Пирсон, обосновывая необходимость открытия новых вузов, доказывал, что это поможет трудоустроить многих ученых и преподавателей, заинтересовать молодежь обучаться дома и таким образом остановить «утечку мозгов» в США[43]. Задача открытия новых университетов большинством экспертов возлагалась на государство, которое должно было профинансировать строительство зданий, закупку необходимого оборудования, обеспечить заработную плату преподавателям и стипендии студентам[44].

Достаточно востребованным в Канаде оказался и опыт советской педагогики, особенно в сфере естественнонаучного образования. Советские методики преподавания физики, математики и химии активно изучались канадскими учителями и внедрялись в учебные учреждения[45]. По примеру СССР в Канаде стали уделять намного больше внимания подготовке инженерно-технических кадров[46]. В целом ряде университетов и колледжей открылись факультеты инженерии. Советское влияние можно обнаружить в увеличении учебной нагрузки в образовательных учреждениях Канады, во внедрении новых методов работы с одаренными детьми в школах и талантливой молодежью в университетах и пр.[47]

Подводя итог, можно сказать следующее. Достижения советской науки 1950-х — начала 1960-х гг. всколыхнули весь западный мир. Они стали потрясением и для канадского общества, которое в условиях «холодной войны» почувствовало свою крайнюю уязвимость перед лицом СССР. Первоначально существовавшие настроения пессимизма и отчаяния быстро сменились поисками причин сложившейся ситуации и путей выхода из нее. В результате этой общенациональной рефлексии большая часть интеллектуалов пришла к выводу о необходимости модернизации отечественной науки и образования с учетом позитивного опыта, накопленного Советским Союзом. Последний стал предметом тщательного изучения научно-педагогической общественности Канады. Наиболее востребованной у канадских ученых и педагогов была советская практика организации системы массового высшего образования и подготовки высококвалифицированных инженерно-технических кадров. И можно с полной уверенностью говорить о том, что реформы высшей школы, которые проводились в 1960-х гг. в Канаде, проводились в процессе осмысления советского опыта.

---

[43] Saskatoon Star-Phoenix 07.10.1957, 13. См. также: The Leader-Post 06.01.1960, 20.
[44] The Montreal Gazette 13.05.1964, 37; The Windsor Star 13.05.1964, 56.
[45] The Leader-Post 27.10.1961, 30.
[46] Massolin 2001, 145–146.
[47] The Vancouver Sun 20.01.1958, 2.

ЛИТЕРАТУРА

Axelrod P. 1982: Scholars and Dollars: Politics, Economics, and the Universities of Ontario 1945–1980. Toronto.

Axelrod P., Reid J. 1989: Youth, University, and Canadian Society: Essays in the Social History of Higher Education. Montreal.

Frost S. B. 1991: The man in the ivory tower: F. Cyril James of McGill. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http: // books.google.com/books?id=qDVyaR9O0GQC&hl=ru&sitesec=reviews Montreal.

Massolin P. 2001: Canadian Intellectuals, the Tory Tradition, and the Challenge of Modernity, 1939–1970. Toronto.

PUBLIC DEBATES ON SOVIET SCIENCE AND EDUCATION IN CANADA IN THE LATE 1950-s — EARLY 1960-s

A. G. Ivanov

The article deals with Canadian society reaction to the achievements of Soviet science and education in the 1950–1960-s. Relying on the press material, the author presents the reception of the events from Canadian scientists, educationalists, political elite, and ordinary people.

Key words: the USSR, Canada, Soviet science and education, Cold war.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2012

В. А. Шаповалов

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО И ВЫРАБОТКА ПРОЕКТОВ РЕФОРМЫ ОТМЕНЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на примере Центрального Черноземья)*

В статье рассматривается проблема социопсихологического восприятия реформы отмены крепостного права провинциальным поместным дворянством, его социальные прогнозы и ожидания от предстоящей реформы в контексте работы в дворянских губернских комитетах. Особо акцентируется внимание на социопсихологическом феномене сословного традиционализма в период кардинального социального переустройства общества.

Ключевые слова: история России, XIX век, отмена крепостного права, дворянство, крестьянство, Центральное Черноземье, социальная психология.

Вопросы подготовки проектов отмены крепостного права столичной бюрократией и представителями дворянских фамилий, близким к высшим эшелонам власти, отдельными дворянскими губернскими комитетами разработаны в отечественной историографии довольно подробно[1]. Но фактически не изучена социопсихологическая сторона разработки проектов отмены крепостного права, особенно в провинции, с учетом губернской и уездной специфики. Изучение данной проблемы дает возможность проанализировать общее и особенное в эволюции дворянского традиционализма в конкретном регионе в переломную эпоху, каковой и являлся конец предреформенного периода. Социопсихологический подход поможет выявить широкий спектр социальных ожиданий у представителей отдельных страт и групп поместных дворян в рамках восприятия потенциальной возможности отказа от «крещеной собственности». Особо нас здесь интересует тот факт, что личность помещика, как представителя и любой другой сословной общности, являлась открытой саморазвивающейся системой, где границы между внешним и внутренним в психологическом облике дворянина были достаточно прозрачны[2].

Шаповалов Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории БелГУ. E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

[1] Захарова 2011; Литвак 1991; Христофоров 2002; Долбилов 2000; Баграмян 1962.

[2] Нартова-Бочавер 2001, 203.

Накануне отмены крепостного права весь жизненный уклад подавляющей части дворян-помещиков центрально — черноземных губерний находился в рамках сословно-корпоративного традиционализма, на котором базировались все сферы жизнедеятельности поместья. Основной сферой, которая «корректировала» социальный статус поместного дворянина, оставалась хозяйственная. Поэтому во внутрикорпоративном понимании помещиков значимость собственного «Я» находилась в прямой зависимости от имеющегося количества крепостных душ. В отличие от сословно-корпоративных привилегий, наличие которых не зависело от конкретной личности отдельного дворянина, материальное благополучие в его обыденном сознании обеспечивалось им сами[3].

Способов улучшения материального благосостояния в дворянской среде было много: начиная от рациональной хозяйственной деятельности, усиления эксплуатации крепостных крестьян до прямой протекции всесильного родственника или удачной женитьбы. Но данная вариативность в Центральном Черноземье для широкого круга поместных дворян, основу которых составляли мелкопоместные (около 80 %), была ограничена в основном хозяйственной деятельностью, которая имела свою специфику, сдерживающую расширение спектра предпринимательской деятельности.

Черноземье являлось одним из центров барщинной системы и крепостнического земледельческого хозяйства. В производственном отношении это был район классического трехполья, крайней распаханности, исключительного господства зернового хозяйства и «серых хлебов» — ржи и овса, почти полного отсутствия посторонних крестьянских заработков, а вместе с тем отсутствия и «посторонних» доходов помещика, кроме земледельческого барщинного хозяйства. Отрезанный от внешних рынков отсутствием путей сообщения и ржаным направлением своего производства, этот район связан был практически исключительно с внутренним рынком. Но и на нем помещик не только не находил достаточного простора для увеличения своего производства, но, наоборот, стал больше встречаться с конкуренцией южных районов. Недаром уже в 1840-х гг. некоторые помещики начинают говорить о необходимости установления внутренних таможенных пошлин для ограждения черноземного центра от конкуренции юга[4].

Таким образом, не состоя на государственной службе, для большей части поместного дворянства, нельзя было рассчитывать на дополнительное материальное обеспечение. Земля и бесплатный труд крепостных были основой их благополучия. Личные дворяне, составлявшие в центрально-черноземных губерниях накануне отмены крепостного права 35,3 % от числа представителей всего сословия, не имея привилегий потомственных дворян, в целом серьезно не влияли на сословную психологию дворянства как целой корпоративной единицы. Они конечно привносили в нее элементы социальной психологии других сословий, но те быстро трансформировались, хотя бы внешне, под влиянием стереотипов общекорпоративных ценностных ориентиров[5]. Отсюда, с точки зрения поместного дворянства их привычный жизненный уклад, достаток непосредственно были связаны с крепостным правом. А. А. Корнилов справедливо отмечал: «Русское

[3] Шаповалов 2002, 124.
[4] Лященко 1952, 571.
[5] Шаповалов, Шаповалова 1998, 63.

дворянство сложилось и развивалось на почве крепостного права. Весь быт его, все его значение в государстве опиралось на право владеть населенными имениями. Не приобретя никаких политических прав, никакого участия в государственной власти, дворянство тем более дорожило своей привилегией владеть крепостными крестьянами»[6].

К моменту отмены крепостного права в России большая часть помещиков Центрального Черноземья психологически была подготовлена как прессой, слухами, так и разговорами о скором открытии дворянских губернских комитетов к неизбежным кардинальным социально-экономическим переменам. В то же время предстоящая реформа личного освобождения крестьян ставила дворянина-помещика в сложную психологическую ситуацию. Несмотря на планируемый временнообязанный период, помещик уже переставал быть полновластным господином своих бывших крепостных крестьян. А ведь весь его жизненный уклад строился на почти безраздельном господстве и эксплуатации последних. Весь микромир помещика, представленный границами поместья, замыкался в социальной структуре — «Я» и «Они», то есть, крестьяне. Следовательно, пусть даже и отдаленная перспектива полной утраты контроля над крепостными крестьянами не давала психологически четкой перспективы дальнейшего хозяйствования. Тем более, навыков самостоятельной хозяйственной деятельности, без использования принудительного труда, у подавляющего большинства помещиков не было, как не было в достаточном количестве собственного инвентаря и рабочего скота. Помещичье сознание не понимало и не принимало, в своей основе, целесообразность данной реформы, которая в корне должна была разрушить их привычный мир. Как отмечают социальные психологи, объективная реальность существует независимо от нас, но наблюдаем мы за ней через призму собственных убеждений, установок и нравственных ценностей. И это обстоятельство — одна из причин исключительной важности наших убеждений: они формируют интерпретацию всего остального. То есть, помещичий хозяйственный традиционализм не мог выйти за рамки института крепостничества и базировался на убеждении исторической справедливости и целесообразности этих отношений.

До конца неизвестное, тем более, ожидаемое с нескрываемым страхом, вызывало чувство тревоги, давило на психику. Автор известного цикла «Оскуднение», тамбовский помещик С. Н. Терпигорев (С. Атава), в связи с этим подчеркивал: «Это очень скверное состояние. В такое время люди живут только настоящим, прирастают к нему и только думают о том, чтобы не отняли хоть этого скудного настоящего, чтобы оно протянулось еще, ну, хоть денек. В такое время люди ни за что серьезное не берутся, ничего не начинают, потому что не знают, придется ли им видеть плоды этих начинаний. Такое время, если оно продолжительно, непременно производит массу трусов, эгоистов и лентяев. Это очень скверное время.

Такого общего пьянства, вызванного у одних потерей веры в свое будущее и обманутыми надеждами на скорое наступление лучшего будущего у других, кажется, в России еще никогда не было ни до, ни после этой эпохи. И это продолжалось вплоть до появления манифеста об улучшении быта помещичьих крестьян»[7].

---

[6] Корнилов 1905, 119.
[7] Терпигорев, 1899, 13.

Эмоциональная разгрузка помещиков, по свидетельству современника, была связана с «традиционной» формой психологического расслабления — пьянством, что являлось показателем определенной социальной деградации, из которой не каждому удавалось выйти.

Таким образом, в конце 1850-х гг., в социопсихологическом плане помещики ожидали реформу освобождения крепостных крестьян как что-то неизбежное, но, по крайней мере, нежелательное, которое как можно дальше необходимо было отложить. И это хорошо было видно из ответов губернских дворянских предводителей, по поводу рескрипта на имя генерал-губернатора трех западных (литовских) губерний В. И. Назимова от 20 ноября 1857 г., на имя министра внутренних дел С. С. Ланского: «Полного безусловного сочувствия и желания приступить к освобождению крестьян, на указанных правительством основаниях, не обнаружилось ни в одной губернии. Отовсюду поступали отзывы о затруднениях, препятствиях и даже совершенной непримиримости опубликованных начал устройств крестьянского быта». Особенно неприятны были отзывы, наполненными зловещими страхами, приходившие от губернаторов и предводителей центральных губерний… Тамбовский (губернский дворянский предводитель — В.Ш.) выражал опасения за нерушимость прав дворян, заявляя о неподготовленности реформы, о долгах помещиков, о чересполосности владений и проч. Он прибавлял, что дворяне «благодарны за доверие», но желают обождать, чтобы «воспользоваться уроками опытности». Воронежский (кн. Гагарин) писал о тревожных слухах среди крепостных, о святости прав дворян и о неисполнимости рескрипта… Орловский (Апраксин) писал, что вошел в сношение с соседними предводителями и что сам считает «священной обязанностью склонять всякого дворянина к содействию видам правительства, если не по убеждению, то по чувству личного самосохранения»[8].

Тем не менее, к августу 1858 г. все губернские предводители дворянства на имя императора подали адреса с просьбой разрешить им участвовать в разработке проектов предстоящей реформы, исходя из основных принципов, представленных правительством. По мере поступления адресов император давал разрешения, где указывалось о необходимости открытия дворянских губернских комитетов для составления проекта освобождения крепостных крестьян. В соответствии с данным рескриптом в состав каждого комитета входили: губернский предводитель дворянства в качестве председателя, дворяне, по два представителя от каждого уезда, выбираемые собственной сословной корпорацией, и два представителя от коронной администрации, назначаемые губернатором. Комитетам было предписано в шести месячный срок составить проекты освобождения крестьян для представления их в Главный комитет[9].

Сам моносословный состав губернских комитетов и обращение верховной власти к поместному дворянству в содействии и детализации разработки реформы отмены крепостного права объективно способствовали тому, что у помещиков зарождалась определенная уверенность быть услышанными, а, главное, понятыми, исходя из своих «законных» прав душевладельцев. Сомнений в обратном,

[8] Корнилов 1905, 176–177.
[9] Макаров 1911, 300.

вероятно, у большинства не было. То есть у подавляющей части поместных дворян на уровне сознания ощущалось проявление конформизма[10], когда большая часть сословной корпорации отвергала тех, кто выражал сомнения относительно справедливости их социальных ожиданий, включая и отдельных представителей коронной администрации. В данном аспекте необходимо учитывать и то, что систематическое внешнее выражение в устной или письменной форме неприязни к «мерзости» крепостничества нередко на деле не подтверждалось реальными поступками. Другими словами, несмотря на внутреннее отрицание права владения крепостными, их владельцы, сталкиваясь с постоянной необходимостью поддерживать привычный жизненный уровень, не только не пользовались имеющимися законными основаниями для отпуска крепостных крестьян на волю, но не сокращали даже размеры и объемы барщины, оброка. Так, известные своим общественным порицанием крепостничества и тяжкой доли крепостных крестьян виднейшие представители славянофильства А. С. Хомяков и А. И. Кошелев как помещики ничем не отличались от своих собратьев по владению «крещеной собственностью». Как отмечал В. И. Семевский: «В Ефремовском уезде Тульской губернии у Хомякова было 230 душ (кроме 20 дворовых), составлявших 82 тягла. Здесь почти вся земля имения была отдана в пользование крестьян, и ее приходилось по 4,8 дес. на душу, за что они платили помещику оброка по 32 руб. с тягла или по 11 руб. с души и еще, кроме того, отдавали помещику 1/5 часть сена со всех лугов и 1/5 часть ржаной соломы, караулили и чинили господский дом. При сравнении с 10 другими оброчными имениями Ефремовского уезда, о которых мы имеем сведения, оказывается, что имение Хомякова занимало первое место и по величине надела, и по высоте денежных платежей, но если принять во внимание, что на крестьянах Хомякова тяготели еще, как было указано, и некоторые натуральные повинности, то будет совершенно ясно, что их положение было весьма нелегко», добавляя: «Главное имение Кошелева в Сапожсковском уезде Рязанской губернии; во второй половине 50-х гг. в нем числилось 2682 души крестьян мужского пола и 114 душ дворовых. Из крестьян 858 тягол состояло на барщине и только 86 на оброке; эти последние платили по 25 руб. оброка с каждого тягла. Из всех 13 имений Сапожсковского уеза, относительно которых размер оброка нам известен, в 10 оброк был ниже, чем у Кошелева, а в 2 одинаков с его имением; относительно же величины надела имение Кошелева (2,75 дес. на душу) занимает среднее место. Таким образом, и тут, как у Хомякова, положение крестьян было тяжелее среднего уровня, да еще следует помнить, что огромное большинство крестьян оставалось на барщине»[11].

Социальные представления, во многом убеждения, в хозяйственной сфере не всегда регулировали повседневные поведенческие стереотипы, которые, в свою очередь, определялись материальными и физиологическими потребностями. Подобные владельцы имений в принципе были не против упразднения крепостного права, но только с определенной компенсацией, которая не позволила бы снизить привычный уровень повседневного комфорта.

---

[10] Майерс 2011, 367.

[11] Семевский 1888, 399, 411.

Приступив к выборам в губернские комитеты, как отмечал М. Марков, «Правительство не ошиблось в своих ожиданиях относительно составов комитетов. Уже на уездных дворянских совещаниях, которые были разрешены правительством при выборе членов в комитеты, было видно, что большинство в комитетах будет принадлежать к партии крепостников. Так и оказалось», продолжая: «Черноземные комитеты собственно признавали только личную свободу крестьян и наделяли крестьян возможно малым земельным наделом, да и то только на срочно-обязанный период, в надежде, что и эта земля после окончания этого периода поступит в полное распоряжение помещиков»[12].

Сословный традиционализм не приемлил перспективу хозяйствования без использования бесплатной рабочей силы, тем более передачи части своего земельного фонда крестьянам. Здесь необходимо учитывать, что традиция всегда имеет коллективную природу. Коллективный характер традиции, в свою очередь, способствует сплочению отдельных звеньев любой социальной общности[13]. Воронежское дворянство пыталось даже объединиться с помещиками соседних губерний, чтобы создать нечто вроде «единого фронта» для отстаивания своих интересов[14]. В отношении дворянства традиции, с одной стороны, способствовали возникновению определенных норм поведения, хозяйственно-бытовой деятельности, с другой стороны, они давали каждому представителю дворянского сословия ощущение оправданности и целесообразности существовавших корпоративных норм поведения[15]. Это хорошо иллюстрирует монолог мелкопоместного дворянина из рассказа «Дворянин Евстигней Чарыков» С. Н. Терпигорева (С. Атавы): «…дворянин без слуги своего быть не может. Какой же после этого он может быть дворянин, когда слуга его будет равный с ним. И на что он, дворянин, нужен после этого? Дворянин — высокое слово. Он отец — все равно, худой или добрый — своим детям, людям своим; но если у него этих детей, людей его берут, — зачем и кому тогда он нужен? Что он без них?.. Торговать ему пойти?.. Служить?.. На что он служить будет? Из-за жалованья? На это чиновники есть… Землю частью, говорят, оставляют. Что он с землей будет делать? Сам пахать ее не может. Нанимать, — как это делается теперь у купцов на их хуторах, — да разве это дворянское дело?»[16].

В этом монологе раскрыт весь драматизм предреформенного поместного дворянства, сознание помещиков было дезориентировано предстоящими коренными социальными преобразованиями.

Центрально-черноземное дворянство, как, собственно, и все российское имело внутренние разногласия в ходе разработки проекта реформы в губернских комитетах. Так, в курском губернском дворянском комитете существовали три группировки: «большинство», «меньшинство 7 членов», «меньшинство 10 членов», но различия между ними небыли непреодолимыми, в основном, они касались размера крестьянского надела и характера помощи мелкопоместному дворянству[17].

---

[12] Марков 1911, 303, 306.
[13] Шкуратов 1997, 116–119.
[14] Шевченко, Бригиневич 1961, 12.
[15] Шаповалов 2002, 119.
[16] Терпигорев 1988, 286.
[17] Проект положения быта помещичьих крестьян Курской губернии Б.г.

Исходной базой решения земельного вопроса для всех группировок была неприкосновенность дворянского земельного фонда. Воронежское дворянство, опираясь на действующее законодательство, настаивало на том, чтобы за помещиками было сохранено неограниченное право собственности на поместные угодья, включая леса, луга, воды и чтобы это право гарантировалось правительством и защищалось силой закона[18]. Эти предложения легли в основу проекта воронежского губернского дворянского комитета. В этом и состояла специфика требований центрально-черноземного дворянства, в отличие от помещиков промышленных регионов, земля имела приоритет перед размерами выкупных платежей. Аграрный менталитет местного дворянства, опосредованный региональной спецификой барщинного хозяйства, сельскохозяйственной специализацией и высокими ценами на черноземы, не допускал возможного сокращения фонда помещичьих земель, главного материального богатства рассматриваемого региона.

Практически не было возражений у местного дворянства в отношении уступки усадеб в собственность крестьян, с небольшими вариациями на данную тему. Например, орловский губернский дворянский комитет в двух своих проектах: «… различали в крестьянском наделе два разряда земель: полевые (пашню и сенокос) и присельные. Под последним разрядом разумелись отделяемые в проектах от усадьбы: внутренний выгон, конопляник… и весь излишек овощного огорода и прочих усадебных угодий, остающийся за уменьшением настоящего размера усадеб до положенной нормы 600 саж. на двор. Орловский комитет не признавал не признавал этих присельных земель подлежащими выкупу вместе с усадьбами и оставлял в пользовании крестьян в счет положенной нормы полевого надела»[19]. В целом помещики понимали, что требование лишения права крестьян на эту часть земли обречено на провал. Это был тот минимум, который мог гарантировать неприкосновенность остальной части помещичьего земельного фонда. С другой стороны, они осознавали, что лишение крестьян усадебной земли в перспективе лишило бы их дешевых рабочих рук из-за массовой миграции последних в этом случае. Но в тоже время чувство собственника требовало максимальной концентрации в своих руках лучших земель имения, к которым, несомненно, относились и усадебные земли. Отсюда дворяне в своих проектах требовали узаконить право помещика на перенесение усадеб без согласия крестьян. Размеры усадеб в Воронежской губернии предполагались в зависимости от характера почв от 1/4 до 3/4 дес. В Курской губернии помещики устанавливали размер крестьянской усадьбы в 840 саж., а в случае, если было меньше, — оставить в том же размере. При этом, при переносе усадьбы без согласия крестьян предлагалось выдавать им единовременное пособие от 20 до 25 руб. серебром. В этом случае помещики выигрывали на каждой десятине усадебной земли до 50–60 руб. серебром, так как 1 саж. ее оценивалась в 10 коп. серебром и выше[20].

---

[18] Свод предметов обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. Б.г., 10–12.

[19] Скребицкий II, 1863, ч.2, 214–215.

[20] Свод предметов обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. Б.г., 10–12; Проект положения быта помещичьих крестьян Курской губернии. Б.г., II.

Проблема размера крестьянского надела, которая непосредственно касалась будущего сокращения дворянских земель, больше всего вызывало споров среди помещиков. Ведь вопрос мог идти о сокращении земельного фонда воронежских дворян на 699 377 дес., или на 39% от общего фонда поместных земель губернии, у курских помещиков — на 868 993 дес. (50%), если принять в 2,2 дес. предлагаемый Редакционными комиссиями средний надел крестьян в этих губерниях[21].[22] При определении размера крестьянского надела несомненную роль играл и социально-психологический фактор непосредственного ощущения давления со стороны верховной власти. Помещики в ходе подготовки проектов отмены крепостного права продолжали оставаться владельцами своих крепостных и это накладывало отпечаток на их предложения. Но, с другой стороны, правительство однозначно предписывало освобождение крестьян с землей и с этим нельзя было не считаться. Помещичье сознание должно было найти «золотую середину», но чувства социально-экономического самосохранения и собственника объективно делали крен в сторону минимизации размера крестьянского надела.

Определенное единодушие по данному вопросу было у курских помещиков. В их проекте реформы устанавливался единый размер в 1,1 дес. на ревизскую душу. Курские дворяне мотивировали оптимальность этого количества земли тем, что крестьяне, большую половину года не занятые земледелием, получат больше времени для промыслов и ремесла, а тем, кто хотел бы заниматься хлебопашеством, можно было арендовать земли у помещиков[22]. В среде воронежского дворянства были разногласия на уездном уровне. Помещики Воронежского, Бобровского, Коротоякского уездов добивались определения количества, условий и срока наделения землей только по обоюдному согласию с крестьянами. Это, вероятно, было связано с тем, что в указанных уездах крестьяне имели больше всех усадебной земли и помещики рассчитывали во время торгов о размере надела поставить вопрос, в случае неуступчивости отдельных членов губернского комитета или крестьян, о сведении участка усадебной земли к проектируемому минимуму. Дворяне Острогожского уезда настаивали на едином размере надела в 3 дес. на тягло. В Новохоперском уезде помещики требовали оставить размер надела прежним — в 6 дес. на тягло, тем самым выигрывая 3 дес. с каждого тягла. В остальных уездах предполагаемый размер земельного надела колебался от 1 до 2 дес. на ревизскую душу. Всех их объединяло требование наделить крестьян землей только на период временнообязанного состояния, после чего она должна была быть возвращена помещикам[23]. Мизерные предлагаемые крестьянские наделы указывают на определенную неуверенность в исполняемости требования возврата земель после выхода крестьян на выкуп. Чувство корпоративной солидарности и сословной исключительности могли придавать этой акции определенную уверенность. Тем более, корпоративная солидарность по данному вопросу придавала помещикам осознание законности и исторической оправданности требования возврата земель.

---

[21] Обручев 1871, 189; Скребицкий 1868, 1234.

[22] Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Курской губернии Б.г., IV.

[23] Свод предметов, обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. Б.г., 12–13.

На последних уездных совещаниях дворяне Воронежского, Павловского и Нижнедевицкого уездов Воронежской губернии предложили с некоторыми вариациями, альтернативную правительству идею освобождения крестьян посредством полного их освобождения с землей. При этом их проект, с точки зрения либерально-буржуазного подхода, шел значительно дальше правительственного. Крестьяне сами должны были выкупать землю у помещика, но с содействием правительства. По их мнению, предлагаемый способ разрешения крестьянского вопроса имел ряд преимуществ по следующим причинам: 1. Он заменит для крестьян право пользования землей правом собственности на землю и создаст в государстве новое сословие землевладельцев; 2. Оградит права недвижимой собственности помещиков, обеспечив надлежащее вознаграждение за принадлежащую им землю. Но для этого необходимо три года переходного периода только для приведения крестьянского надела к одному месту[24]. Данные предложения резко дистанцировали на фоне проектов основной массы центрально-черноземных помещиков. Вероятно, эта была та часть поместных дворян, которая окончательно осознала и приняла неотвратимость буржуазной модернизации русской деревни и, исходя, из принципа пожертвовать малым ради оставления большего, однозначно решила пе6редать в собственность крестьянам часть своей земли. Однозначно, основным мотивом дворян, предлагавшим этот проект, была вторая названная ими причина. Хотя и первая причина органично вписывалась в общую канву их рассуждений. Необходимо отметить, что эти предложения во многом предвосхитили основные положения Столыпинской аграрной реформы. Указанные предложения не получили поддержки у основной массы воронежских помещиков.

Дворянская солидарность проявилась в вопросе о судьбах мелкопоместных усадеб, где было менее 100 дес. земли и 21 ревизской души. Эти хозяйства составляли около 85 % от всех поместий в Центральном Черноземье. По проекту реформы курского губернского дворянского комитета предлагалась крестьян у мелкопоместных помещиков выкупить в казенное ведомство с выдачей владельцам по 100 руб. серебром за каждую ревизскую душу, и по усмотрению правительства пересилить их в многоземельные губернии. Планировалось также и переселение мелких дворян по их желанию в другие губернии с гарантией предоставления им земли не менее 100 дес. В проекте реформы воронежских дворян звучало требование, в первую очередь, выдачи значительной денежной компенсации, с вариациями в зависимости от числа ревизских душ и качества земли в этих хозяйствах[25].

Естественно, большая часть предложений местных помещиков, исходивших из региональных и сословных интересов, не вошли в правительственный проект отмены крепостного права, но они отразили определенный спектр социопсихологических воззрений поместных дворян на ущемление своих традиционных привилегий и потенциальную возможность межсословной эмансипации.

Как показывали пореформенные высказывания консервативных дворянских публицистов, отражавших широкие настроения помещиков, в реформе отмены

[24] Свод предметов обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. Б.г., 12–13.

[25] Свод предметов обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу об устройстве быта помещичьих крестьян. Б.г., 12–13; Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Курской губернии. Б.г.

крепостного права благородное сословие ощущало себя жертвой брошенной на алтарь России, а отсюда, оно требует к себе особого отношения. Н. П. Семенов в работе «Наше дворянство» особо подчеркивал: «Служа верой и правдой Престолу и Отечеству поместное дворянство, при этой реформе, принесло в жертву, за себя и потомство, даровую рабочую силу своих крепостных людей и отдало отошедшие от него в надел крестьянам земли за весьма скромное выкупное вознаграждение»[26]. Ему вторил А. Пазухин: «Несмотря на то, что в экономическом отношении реформа сопровождалась для дворян самыми суровыми мерами, закрытием обязательным погашением долгов при выкупе и свободною продажею дешевого вина, дворянство переносило экономический кризис спокойно… В материальных жертвах приносимых ради государственных целей дворянство видело лишь временное экономическое стеснение»[27]. Чувство жертвенности всегда имеет под собой какой-либо элемент социальной неудовлетворенности, ожидание определенной компенсации, а при лучшем раскладе — возврате утраченного.

ЛИТЕРАТУРА

Баграмян Н. С. 1962: Помещичьи проекты освобождения крестьян // Революционная ситуация в России в 1859–61 гг. М.

Долбилов М. Д. 2000: Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // ВИ. 6, 32–51.

Захарова Л. Г. 2011: Александр II и отмена крепостного права в России. М.

Корнилов А. А. 1905: Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб.

Лященко П. И. 1952: История народного хозяйства СССР. Т. I. М.

Майерс Д. 2011: Социальная психология. СПб.

Марков М. 1911: Губернские комитеты // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. СПб., 297–311.

Нартова-Бочавер С. 2001: Психология личности и межличностных отношений. М.

Обручев Н. Н. (ред.) 1871: Военно-статистический сборник. Вып. IV. СПб.

Пазухин А. 1885: Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. 175, 5–57.

Проект положения быта помещичьих крестьян Курской губернии. Б.г. Б.м.

Свод предметов обративших на себя внимание дворянства Воронежской губернии на уездных совещаниях по вопросу обустройства быта помещичьих крестьян. Б.г. Б.м.

Семевский В. И. 1888: Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. СПб.

Семенов Н. П. 1899: Наше дворянство. СПб.

Скребицкий А. 1863: Крестьянское дело в царствование императора Александра II. II. Ч. 2. Бонн-на-Рейне.

Скребицкий А. 1868: Крестьянское дело в царствование императора Александра II. IV. Бонн-на-Рейне.

Терпигорев С. Н. (С. Атава) 1899: Собрание сочинений. Т. I. СПб.

Христофоров И. А. 2002: «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850-середина 1870-х гг. М.

Шаповалов В. А. 2002: Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород.

[26] Семенов 1899, 34–35.

[27] Пазухин 1885, 11.

Шаповалов В. А., Шаповалова С. П. 1998: Социальная психология черноземного дворянства накануне отмены крепостного права // Материалы международной научно- практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, 63–64.

Шевченко М. М., Бригиневич В. Н. (ред.) 1961: Крестьянское движение в Воронежской губернии (1861–1863 гг.). Документы и материалы. Воронеж.

Шкуратов В. А. 1997: Историческая психология. М.

PROVINCIAL NOBLES AND SERFDOM ABOLITION PROJECT: SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECT (BASED ON CENTRAL CHERNOZEMYE)

V.A. Shapovalov

The article deals with social and psychological issue concerning provincial landowners' perception of the abolition of serfdom, their social forecasts and expectations of the forthcoming reforms within the framework of local nobility committees' activity. The article highlights social and psychological phenomenon characterizing class traditionalism during critical reorganization of the social system.

Key words: Russian history, the 19th c., abolition of serfdom, nobility, peasantry, Central Chernozemye, social psychology.

© 2012

А. Г. Дорожкин, В. В. Переверзев

ПЕРВЫЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ» В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье рассматриваются первые войны между социалистическими странами в освещении советской прессы на примере газет «Правда» и «Магнитогорский рабочий». Сопоставляется позиция, занятая советской периодикой в интерпретации советско-китайского и китайско-вьетнамского конфликтов. Выявляется общее и особенное в подаче материала за 1969 и 1979 годы.

Ключевые слова: история России, международные отношения, СССР, Китай, Вьетнам, маоизм, социализм, периодика.

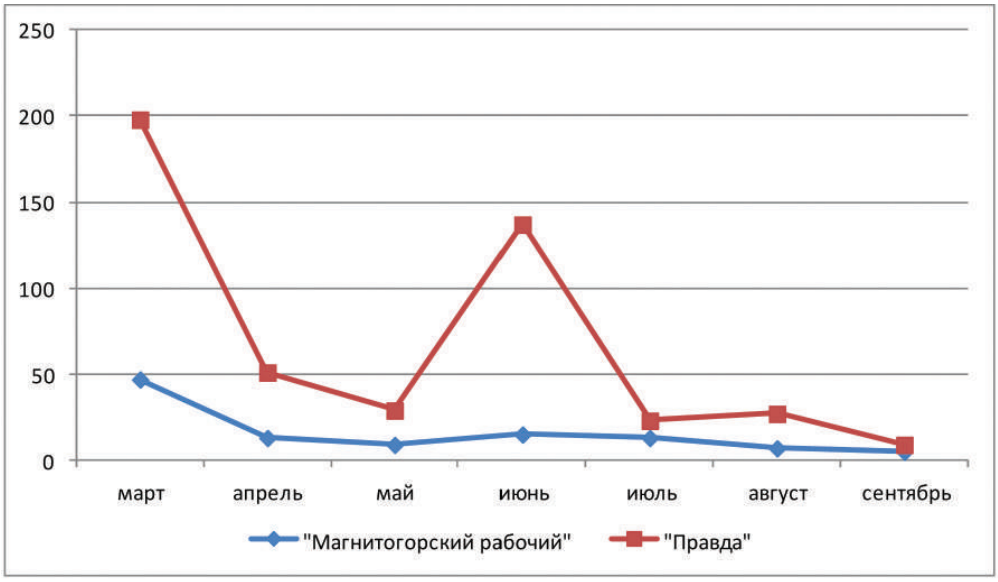
Советско-китайские пограничные столкновения 1969 г., а также полномасштабная война между КНР и Вьетнамом десятилетием позже явились первыми в истории военными конфликтами между социалистическими странами. Первый

Дорожкин Андрей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: c_hist@masu.ru

Переверзев Валерий Владимирович — аспирант кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: c_hist@masu.ru

из этих конфликтов стал большой неожиданностью для советского общества, которое десятилетием ранее воодушевлялось клятвами в вечной дружбе Москвы и Пекина и верило в единый путь КПСС и КПК. Значительный общественный резонанс вызвала и китайско-вьетнамская война 1979 г. В этой связи представляет интерес отражение данных вооруженных столкновений между недавно еще «братскими социалистическими странами» в советской периодической печати. Это позволит выявить пропагандистский образ Китая в СССР в период почти полного разрыва двусторонних отношений.

В рамках предлагаемой статьи представляется целесообразным проследить реакцию советской периодики на указанные события по материалам двух ежедневных газет — центральной («Правда») и периферийной («Магнитогорский рабочий»). Нами были проанализированы публикации в указанных газетах за период со 2 марта по 4 октября 1969 г. и с февраля по конец июня 1979 г. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в первом случае именно весной — летом 1969 г. произошли все крупные военные столкновения на советско-китайской границе (2 и 15 марта — на о. Даманский, 8 июля — на о. Гольдинский, 13 августа — у озера Жаланашколь), итогом которых стали переговоры Председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина с главой китайского правительства Чжоу Эньлаем, прошедшие в Пекине. Нижняя граница позволяет проследить изменения, которые должны были произойти в публикации материалов по китайской тематике в советской периодической печати после встречи двух высокопоставленных лиц. Во втором случае выбор хронологических рамок определяется началом продолжавшейся в течение месяца китайской агрессии (17 февраля 1979 г.) и, с другой стороны, началом второго тура китайско-вьетнамских переговоров по нормализации отношений (28 июня). Это отнюдь не означало снятия напряженности между КНР и СРВ, равно как и прекращения советско-китайской пропагандистской войны, но все же знаменовало некоторый рубеж в развитии критической ситуации в Индокитае, что заметно по публикациям в советской прессе того времени.



Данные о частоте подачи материалов по Китаю, полученные по итогам анализа газет «Правда» и «Магнитогорский рабочий» за период со 2 марта по 4 октября 1969 г., можно обозначить в виде диаграммы (см. выше).

Как видно, интенсивность публикаций материалов о Китае была довольно высокой. За указанный период в «Правде» было опубликовано 474 материала по китайской тематике. Из них 148 сообщений относились непосредственно к конфликтам на границе, 219 характеризовали внутреннюю политику группы Мао Цзэдуна, а 93 сообщения излагали реакцию советских людей на конфронтационную политику китайского руководства в отношении СССР. Лишь 14 материалов можно отнести к нейтральным. В газете «Магнитогорский рабочий» содержалось всего 109 публикаций, относящихся к Китаю. Пограничным столкновениям посвящено 35 материалов, ситуации в КНР — 43 материала, 27 публикаций содержали отклики советских граждан и 4 сообщения носили нейтральный характер.

Наибольшее число антимаоистских материалов в советской периодической печати (198 и 47 в «Правде» и «Магнитогорском рабочем» соответственно) приходится на март 1969 г., что связано с событиями на Даманском. Большое внимание к инцидентам на острове вызвано тем, что они были первыми вооруженными столкновениями между СССР и КНР. Согласимся с мнением крупнейшего отечественного синолога Ю. М. Галеновича, что события 2 марта 1969 г. «прозвучали как гром среди ясного неба, потрясли тогдашних руководителей КПСС-СССР»[1]. В этой связи советскому обществу было необходимо объяснить причины случившегося, так как до начала марта война между социалистическими странами не представлялась возможной.

Первым упоминанием о вооруженных столкновениях на советско-китайской границе является публикация 4 марта 1969 г. в газетах «Правда» и «Магнитогорский рабочий» Ноты Советского правительства правительству КНР.[2] Отдельного внимания заслуживает и 67-й номер газеты «Правда» за 1969 г., который вышел 8 марта. В нем, несмотря на праздничный день, было опубликовано 9 материалов, посвященных китайской тематике. 67-й номер является особенным по двум причинам: во-первых, он дал старт публикациям серии откликов советских граждан на события, произошедшие на советско-китайской границе и, во-вторых, с этого номера начали печататься подробные материалы о конфликте на Даманском. Так, очень информативной была заметка «Провокационная вылазка пекинских властей», помещенная на второй странице 67-го номера. В ней давалась краткая характеристика провокации, произошедшей 2 марта 1969 г., говорилось о тщательно спланированном ее характере. Вся ответственность за кровопролитие возлагалась на маоистов, которые стремились «вызвать дальнейшее обострение советско-китайских отношений, вновь поднять волну антисоветизма, разжечь шовинистические настроения на потребу авантюристическим великодержавным устремлениям Мао Цзэдуна и его группы»[3]. Кроме того, в заметке проводилась мысль о заигрывании Пекина с ФРГ и США, а также давалась картина внутриполитического развития КНР в годы «культурной революции». 11 марта 1969 г. эта заметка была

[1] Галенович 2011в, 94.
[2] Правда 4.03.1969; Магнитогорский рабочий 4.03.1969.
[3] Правда 8.03.1969.

перепечатана и дополнена информацией спецкора ТАСС П. Баранова «Они сражались на острове Даманском» в газете «Магнитогорский рабочий»[4].

В дальнейшем материалы о пограничном конфликте, как правило, печатались на 6-й странице газеты «Правда» в рубрике «Репортаж с дальневосточных рубежей»[5]. Здесь публиковались интервью с советскими пограничниками — участниками столкновений («Стойкость и мужество», «Восхищены вашей отвагой», «На границе, как на границе», «Экипаж БТР», «Провокаторы получили отпор», «Богатыри с Даманского» и др.). «Магнитогорский рабочий» зачастую перепечатывал из «Правды» материалы, освещавшие вооруженный конфликт на острове. Однако, публикуя эти материалы и подробно повествуя о героизме и доблести советских пограничников, обе газеты не упоминали о применении установок залпового огня «БМ–21» — они в то время являлись секретным оружием. Поэтому на фотографиях, которые довольно часто помещались на последней полосе «Правды», изображались только советские пограничники и бронетранспортеры.

Не в полной мере была представлена информация о боевых потерях в результате столкновений на Даманском. Первоначально газеты ограничивались лишь формулировкой, содержащейся в ноте советского правительства правительству КНР от 2 марта 1969 г.: «…В результате этого бандитского налета имеются убитые и раненые советские пограничники»[6]. В дальнейшем на страницах рассматриваемых нами газет стали появляться имена погибших и раненных советских пограничников, но в них не указывалась общая цифра потерь. Информация о погибших и раненых китайских солдатах вовсе отсутствовала.

С 8 марта 1969 г. в газетах начали публиковаться как отдельные отклики советских граждан на случившееся, так и материалы с митингов. При этом география подобного рода сообщений в «Правде» была очень обширной: от Владивостока до Мурманска. В «Магнитогорском рабочем», как правило, печатались сообщения локального характера — о митингах, происходивших в городе. Наиболее распространены были публикации, отражающие настроения трудящихся различных цехов Магнитогорского металлургического комбината.

Названия полос, под которыми публиковались мнения советских граждан и сообщения с митингов, говорили сами за себя. «Гневный протест и возмущение», «Безрассудные действия китайских властей», «Рубежи Родины неприкосновенны», «Подлинное лицо раскольников», «Советский народ клеймит пекинских провокаторов» — таков далеко не полный перечень этих заголовков. Содержание откликов и материалов с митингов было почти трафаретным. Сначала выражался гневный протест против действий китайских военных на границе, затем шло одобрение действий советского правительства и в заключении — призыв укреплять обороноспособность страны с уверенностью в том, что любым провокациям будет дан должный отпор[7].

Кроме того, довольно интенсивно публиковалась информация о внутриполитической ситуации в Китае — обычно в рубрике «События в Китае» на пятой странице газеты «Правда». В «Магнитогорском рабочем» этот материал перепе-

[4] Магнитогорский рабочий 11.03.1969.
[5] См., например: Правда 9.03.1969; 10.03.1969; 13.03.1969; 17.03.1969; 18.03.1969.
[6] Магнитогорский рабочий 4.03.1969; Правда 4.03.1969.
[7] См., например: Правда 21.03.1969.

чатывали со ссылкой на ТАСС и помещали в «подвале» третьей страницы. В марте сообщения такого рода в основном содержали информацию о трудностях работы советского посольства в КНР, о разжигании антисоветизма, о «культурной революции» и о грядущем съезде КПК. Так, 13 марта газеты «Правда» и «Магнитогорский рабочий» информировали читателей, что «11 марта возобновились антисоветские сборища у здания советского посольства в Пекине»[8], 20 марта обе газеты опубликовали информационное сообщение ТАСС от 18 марта следующего содержания: «В Пекине заметна подготовка к большому слету маоистов, который они называют IX съездом»[9], а 26 марта советские люди узнали, что «группа Мао объявила о победе культурной революции»[10].

Обращает на себя внимание, что во всех критических материалах о внутреннем положении в Китае и о пограничных конфликтах за период марта-сентября 1969 г. советская печать постоянно проводила грань между китайским народом и группой Мао: «… наш народ не ставил и не ставит знака равенства между шовинистической, авантюристической кликой Мао и китайским народом… Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство, следуя принципам пролетарского интернационализма, неизменно выступают за нормализацию государственных отношений с КНР, руководствуясь чувствами дружбы к китайскому народу… Политика Мао неизбежно потерпит крах»[11].

В апреле и мае 1969 г. количество материалов о Китае в газетах «Правда» и «Магнитогорский рабочий» значительно уменьшилось. В первом издании за два месяца содержалось 80 публикаций, посвященных Поднебесной, а во втором за этот же период помещено 22 публикации. Во-первых, это объяснялось тем, что крупные вооруженные столкновения на границе были позади, а во-вторых, советское руководство пыталось склонить китайские власти к продолжению пограничных переговоров, прерванных по вине Мао в 1964 г.

Среди всех материалов, посвященных Китаю в апреле-мае 1969 г., явно выделяется тема IX съезда КПК, проходившего с 1 по 24 апреля. Съезд состоялся в обстановке секретности, поэтому в апреле в советской периодической печати публиковались лишь короткие сообщения, посвященные этому событию. На первый взгляд они были нейтральны по характеру: «Вчера в Пекине открыт «IX съезд КПК» (от 3 апреля)[12], «Восьмой день продолжается «Всекитайский съезд КПК»… На нем присутствует лишь 44 человека из 180 с прошлого съезда» (10 апреля)[13]. Однако во всех этих сообщениях словосочетание «IX съезд» или «Всекитайский съезд» помещалось в кавычки. Тем самым советская периодическая печать уже формировала определенный негативный настрой в обществе относительно этого съезда. В мае 1969 г. в «Правде» и «Магнитогорском рабочем» публиковались материалы, содержавшие оценку итогов IX съезда КПК. Почти каждый майский номер «Правды» давал сведения об изменениях во внутриполитическом развитии Китая, произошедших после 24 апреля.

---

[8] Правда 13.03.1969; Магнитогорский рабочий 13.03.1969.
[9] Правда 20.03.1969; Магнитогорский рабочий 20.03.1969.
[10] Правда 26.03.1969; Магнитогорский рабочий 26.03.1969.
[11] Правда 17.03.1969.
[12] Правда 3.04.1969.
[13] Магнитогорский рабочий 10.04.1969.

Вместе с тем публикации материалов о пограничных конфликтах и сообщения об откликах советских граждан на пограничные столкновения отнюдь не прекратились и в апреле-мае 1969 г. Так, по-прежнему печатались репортажи непосредственно с советско-китайской границы: «День на заставе Нижне-Михайловка»[14], «Памяти героя-пограничника»[15], «Пограничник всегда начеку».[16] Продолжали публиковаться и сообщения, выражавшие настроения советских людей. Например, в «Магнитогорском рабочем» напечатали «Письмо на границу», в котором мальчики из школы-интерната №1 г. Магнитогорска писали, что они гордятся подвигами пограничников, «клеймят позором клику Мао Цзэдуна» и уже готовятся к службе в армии, чтобы заменить советских бойцов[17]. Кроме того, «Магнитогорский рабочий» в статье «Уральская закалка» упоминает о том, что на советско-китайской границе служит магнитогорец О. В. Джиганчин. Он в своей службе «проявляет двойную бдительность в ответ на провокации маоистов»[18].

В июне 1969 г. в «Правде» существенно возросло количество публикаций о Китае (до 137). В «Магнитогорском рабочем» этого не произошло — здесь Поднебесной было посвящено за этот месяц 15 материалов (в мае — 9). Представляется, что главной причиной роста числа антимаоистских публикаций в «Правде» было не очередное обострение ситуации на советско-китайской границе, а Международное совещание коммунистических и рабочих партий, которое состоялось в Москве 5–17 июня 1969 г. На следующий день после открытия Совещания «Правда» стала знакомить советских читателей с выступлениями лидеров коммунистических партий. С этого времени данному форуму отводилась большая часть газетного материала.

Газета «Магнитогорский рабочий» информировала своих читателей о высказываниях лидеров компартий в отношении политики Мао Цзэдуна гораздо менее интенсивно, ограничившись лишь публикацией в двух номерах газеты выступления Л. И. Брежнева на Московском совещании «За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы»[19].

Ряд публикаций в «Магнитогорском рабочем» был посвящен откликам советских граждан на ход Международного Совещания и его итоги. При этом говорилось о поддержке позиции Брежнева в китайском вопросе и выражалась озабоченность политикой группы Мао[20]. Не были забыты магнитогорской газетой и события на Даманском. 3 июня в газете опубликовано небольшое интервью с Василием Бырдиным — магнитогорцем, участвовавшим в мартовских боях на советско-китайской границе, и с его родителями. Он рассказал о поддержке, которая была оказана пограничникам простыми советскими людьми[21]. Заслуживает внимания и номер газеты «Магнитогорский рабочий» за 13 июня. В нем помещен отрывок из стихотворения «О. Даманский»[22], написанного слесарем-монтажни-

[14] Магнитогорский рабочий 4.04.1969.
[15] Правда 20.05.1969.
[16] Правда 28.05.1969.
[17] Правда 28.05.1969.
[18] Магнитогорский рабочий 22.04.1969.
[19] Магнитогорский рабочий 10.06.1969; 11.06.1969.
[20] См., например: Магнитогорский рабочий 12.06.1969.
[21] Магнитогорский рабочий 3.06.1969.
[22] Так в тексте.

ком Федором Резником. С ним он выступил на конкурсе-смотре художественной самодеятельности:

А в сердце народа память жива
О каждом погибшем сыне.
С болью и гневом рвутся слова:
«Позор! Позор, вам, убийцы в Пекине!»[23]

Через неделю после окончания Совещания коммунистических и рабочих партий стала заметной тенденция к уменьшению количества публикаций, посвященных китайской тематике в периодической печати. И если в «Магнитогорском рабочем» это почти не проявилось–13 публикаций в июле 1969 г., то в «Правде» она просматривалась очень ярко — всего лишь 29 публикаций. Все чаще появлялись газетные выпуски, в которых отсутствовали материалы о Китае. Мало внимания в советской периодике было уделено очередному пограничному столкновению между Китаем и СССР, которое произошло 8 июля 1969 г. на о. Гольдинский (р. Амур). «Правда» ограничились лишь двумя публикациями сообщений ТАСС. Одной из них была нота МИД СССР посольству КНР в Москве[24].

Определенное оживление в публикации антимаоистских материалов наметилось с середины августа 1969 г. Безусловно, это объяснимо пограничным конфликтом у населенного пункта Жаланашколь (Семипалатинская область, Казахстан), произошедшем 13 августа. Уже 16 августа «Правда» опубликовала репортаж из газеты «Красная звезда» — «Китайские провокаторы получили отпор. Что произошло восточнее населенного пункта Жаланашколь». В этой публикации довольно подробно сообщалось о ходе боев и выражалась уверенность в том, что любые провокации маоистов будут отбиты[25].

Тем не менее, несмотря на новое обострение советско-китайских отношений, тема Жаланашколя не стала доминирующей и столь широко обсуждаемой, как события на Даманском. В августе «Правдой» было опубликовано в общей сложности 27 антимаоистских материалов, из которых 13 — по новому конфликту. В «Магнитогорском рабочем» Жаланашколю было посвящено в августе 1969 г. пять сообщений из семи, связанных с китайской тематикой. С одной стороны, отсутствие большого внимания к конфликту в районе Жаланашколя, вероятно, объяснялось тем, что он, в отличие от мартовских столкновений, не являлся неожиданным для нашей страны. Советской пропаганде уже удалось создать определенные представления о причинах малой пограничной войны и о виновниках ее. Поэтому в августе 1969 г. уже не требовалось подробно рассказывать об этом. С другой стороны, Москва и Пекин, по мнению Ю. М. Галеновича, стремились поскорей «закрыть» инцидент под Семипалатинском и перевести двусторонние отношения на новый уровень[26].

В первой декаде сентября 1969 г. газеты «Правда» и «Магнитогорский рабочий» по инерции продолжили публикацию антимаоистских материалов. Однако их число еще более уменьшилось по сравнению с предыдущим месяцем. До 12 сентября в «Правде» опубликовали 6 антимаоистских материалов, а в «Магнито-

[23] Магнитогорский рабочий 13.06.1969.
[24] Правда 10.07.1969; 14.07.1969.
[25] Правда 16.08.1969.
[26] Галенович 2011в, 98.

горском рабочем» за соответствующий период–3 сообщения. В снижении интенсивности антимаоистской пропаганды очевидно, проявилось желание руководства СССР разрядить обстановку.

11 сентября 1969 г. в Пекинском аэропорту состоялась встреча А. Н. Косыгина с его китайским коллегой Чжоу Эньлаем. В этой связи особый интерес представляет собой реакция советских газет на данное событие. Официально в Советском Союзе утверждалось, что после переговоров в прессе прекратилась публикация всех материалов антимаоистского содержания. Во многом это соответствовало действительности. 11 сентября в «Правде» и 12 сентября в «Магнитогорском рабочем» были опубликованы объемные материалы ТАСС, в которых описывались все конфликты, произошедшие на советско-китайской границе в марте-сентябре 1969 г., а также фотографии китайских документов с изложением планов военных действий против советских пограничников. Эти материалы ТАСС как будто подвели черту под антимаоистскими публикациями в советской прессе[27].

Через день после переговоров в пекинском аэропорту в «Правде» на первой странице было напечатано информационное сообщение, из которого явствовало, что состоялась встреча между А. Н. Косыгиным и Чжоу Эньлаем. На ней «стороны откровенно разъяснили свои позиции и провели полезную для обеих сторон беседу»[28]. 13 сентября 1969 г. это сообщение было опубликовано в «Магнитогорском рабочем», а днем позже — вновь непечатно в «Правде». Из данной публикации читатель мог сделать вывод, что переговоры между Москвой и Пекином были очень сложными. Сторонам удалось лишь частично снять напряженность в межгосударственных отношениях. До октября в советской периодике не публиковали подробности переговоров. Вместе с тем 24 сентября в «Правде» и «Магнитогорском рабочем» неожиданно вновь появилась критика пекинской политики. Но она носила менее острый, чем ранее, характер[29]. Впоследствии антимаоистские материалы полностью исчезли со страниц обеих газет.

Следует сказать, что далеко не всегда публикации «Магнитогорского рабочего» повторяли материалы «Правды». Так, магнитогорская газета 3 сентября опубликовала интервью с китайским солдатом, попавшим в плен после боев на Даманском («История болезни №519»). Из него советский читатель мог составить вполне конкретное представление о простых китайцах того времени. Приведем краткую характеристику военнопленного, названного «Песчинкой в постаменте самого красного из солнц»: его вес 45 кг, он не знает, что такое любовь, кино, фотография; он считает только до 11, читает 5 иероглифов, не любит мыться, никогда не ел мяса и масла и т.д[30].

Из всего вышеизложенного следует, что советско-китайские пограничные столкновения периода марта-сентября 1969 г., продемонстрировавшие мировому сообществу возможность войн между социалистическими государствами, получили широкое освещение на страницах газет «Правда» и «Магнитогорский рабочий». При этом наибольшее число публикаций антимаоистского содержания приходится на март 1969 г., когда на границе СССР и КНР прозвучали первые

[27] Правда 11.09.1969; Магнитогорский рабочий 12.09.1969.
[28] Правда 12.09.1969.
[29] Магнитогорский рабочий 24.09.1969; Правда 24.09.1969.
[30] Магнитогорский рабочий 3.09.1969.

выстрелы. В дальнейшем интенсивность выхода материалов, посвященных Поднебесной, стала снижаться (за исключением июня 1969 г.). Тематика публикаций была самой разнообразной. Периодическая печать информировала советскую общественность непосредственно о ходе боевых действий на советско-китайской границе, о внутриполитическом развитии КНР, а также о реакции простых людей на военные действия.

Кроме того, выделим некоторые особенности антимаоистских материалов. Во-первых, они были очень информативны, объективны и адекватны реальности. Во-вторых, публикации в советской периодической печати никогда не переходили определенную грань в критике политики Мао Цзэдуна. Так, в «Правде» и «Магнитогорском рабочем» за период с марта по сентябрь 1969 г. полностью отсутствовали карикатуры на маоистов, а китайские руководители никогда не сравнивались с фашистами, при том, что в тот период тенденция к сближению Пекина и Бонна была очевидной[31]. Это демонстрировало готовность Москвы к скорейшему урегулированию напряженности в двусторонних отношениях.

Как и конец 1960-х гг., последние годы следующего десятилетия были ознаменованы новым всплеском советско-китайской конфронтации. Своего апогея она достигла в 1979 г. в связи с китайско-вьетнамской войной, также нашедшей широкий отклик на страницах советской печати — как центральной, так и периферийной. Следует отметить, что «Правда» уделяла пристальное внимание китайско-вьетнамским отношениям уже с конца 1977 г., по мере роста конфронтационных тенденций. Интерес к теме находил отражение не только в прессе, но и в теле- и радиопередачах; в фильме «Маоизм — трагедия Китая», показанном впервые по советскому телевидению в конце 1978 г., о китайско-вьетнамской границе говорилось уже как о «линии фронта»[32]. Обострение напряженности на этой границе в феврале 1979 г. сопровождалось ростом количества антимаоистских публикаций в советской прессе — за период с 10 по 17 февраля 1979 г. центральный орган КПСС опубликовал 19 материалов соответствующей направленности[33]. Лишь в выпуске от 14 февраля 1979 г. не содержалось публикаций подобного рода. 16 февраля, за день до начала агрессии, «Правда» напечатала меморандум вьетнамского министерства иностранных дел, появившийся «в связи с усилением

[31] В конце 60-х годов в Западной Германии вследствие сложной экономической и политической обстановки активизировались реваншистские и неонацистские силы. В госаппарате страны было много бывших нацистов. Так, сам канцлер К.-Г. Кизингер, занимавший этот пост с конца 1966 г. по осень 1969 г., с 1933 г. был членом НСДАП и работал в органах пропаганды Третьего рейха. Большую тревогу в СССР вызывали уклонение Бонна от присоединения к договору о нераспространении ядерного оружия, укрепление его позиций в НАТО, а также наличие промаоистских симпатий в реваншистских кругах ФРГ. Они проявились уже в книге члена правительства Кизингера, реваншиста Ф. Й. Штрауса «Вызов и ответ. Программа для Европы». Неонацистская же «Дойче национаь-цайтунг» спустя некоторое время после событий на Даманском вышла со статьей: «Мао Цзэдун — спаситель Германии?».

[32] Сжатую рецензию на этот фильм см.: Литературная газета 10.01.1979.

[33] Здесь и далее не учитываются (если они только не содержат прямых выпадов в адрес политики КНР) материалы по Кампучии (Камбодже), значительная часть которых была посвящена разоблачению полпотовского режима и/или борьбе новой власти в Пномпене с формированиями сторонников этого режима, свергнутого в начале 1979 г. при непосредственном участии вьетнамцев. С учетом фактически антимаоистской направленности такого рода материалов, реальное количество критических в отношении Пекина публикаций было еще большим.

вооруженных действий на китайско-вьетнамской границе». В нем, в числе прочего, содержались экскурсы в историю и излагались сюжеты, впоследствии неоднократно развивавшиеся советской пропагандой — многократные нарушения вьетнамского водного пространства китайскими кораблями в 1957–1977 гг., захват КНР Парасельских островов (это именовалось «вопиющим актом беззакония»[34]), крупные пограничные инциденты, участившиеся с 1978 г. Указывалось и на угрозы в адрес СРВ со стороны китайских официальных лиц, в том числе заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина — в связи с этим напоминались его заявления о возможности начала войны против Вьетнама, прозвучавшие в ходе визита Дэна в США[35].

Критика политического курса КНР присутствовала и на страницах «Магнитогорского рабочего». Как и ранее, международная информация в нем подавалась обычно на первой странице (в колонке «Мир за 24 часа»), а также на последней, четвертой, странице (в разделе «Международный экран»). Впрочем, после начала военных действий информация о «второй социалистической войне» давалась не только на этих полосах «Магнитогорского рабочего». В течение недели, предшествовавшей началу войны между двумя недавними «братскими странами», это издание опубликовало пять материалов антимаоистской направленности, причем практически во всех присутствовали сюжеты, связанные с китайско-вьетнамскими отношениями. Важно отметить, что при этом критиковалась и «особая», отличная от СССР, позиция в конфликте отдельных социалистических стран, особенно Югославии — «Правда» обратилась к данной тематике позднее, уже после начала войны. Визит И. Б. Тито в Пекин[36] и ответное пребывание в Югославии тогдашнего китайского лидера Хуа Гофэна[37] означали нормализацию китайско-югославских отношений как по государственной, так и по партийной линии, что не могло радовать Москву. Воздерживаясь от персональной критики белградского руководства, советская печать в начале 1979 г. осуждала «антивьетнамские» и «пропекинские» публикации на страницах югославских изданий — так, 24 января 1979 г. «Магнитогорский рабочий» в этой связи поместил сообщение обозревателя ТАСС с критикой статьи такого рода, опубликованной в загребской газете «Виесник».

Количество антимаоистских публикаций в советской прессе, в т.ч. в рассматриваемых нами изданиях резко увеличилось после начала китайско-вьетнамской войны. Уже 19 февраля 1979 г. «Правда» опубликовала 8 материалов о начавшейся войне, содержавших резкую критику агрессора. В следующем выпуске было помещено 17 таких материалов, в том числе одна карикатура, где «пекинский агрессор» прямо сравнивался с Гитлером, три отклика советских граждан (в ру-

[34] Интересно, что на издававшихся в СССР в начале 1970-х гг. географических картах эти острова обозначались как принадлежащие КНР. Указывалось и их китайское название — Сиша. В качестве китайских обозначались и острова Наньша, в последующем именовавшиеся в советской литературе как Спратли. См.: Терехов, Колосова 1972, 93–94. О «двухдневной войне» КНР с Южным Вьетнамом за Парасельские острова см.: Степанов 1980, 36–39.

[35] Визит состоялся 29 января–5 февраля 1979 г. и оживленно комментировался советскими СМИ в контексте планов Пекина образовать единый антисоветский фронт.

[36] 30 августа — 8 сентября 1977 г.

[37] 21–29 августа 1978 г.

брике «Мнение читателя») и 11 корреспонденций ТАСС[38]. Кроме того, резкая критика политики китайского руководства в связи с развязанной войной содержалась в публикации о заседании Президиума Верховного Совета СССР и в сообщении о встрече с избирателями Д. А. Кунаева — в связи с назначенными на 4 марта 1979 г. выборами в Верховный Совет проходили «встречи с избирателями» высших партийных и государственных руководителей страны. После начала военных действий все эти встречи сопровождались яростной критикой руководства КНР. При этом особо отмечалось нападение маоистов на Вьетнам, но ни в этих выступлениях, ни в прочих публикациях «Правды» ни тогда, ни позднее не предпринималось попыток осмыслить сам феномен войны между социалистическими странами[39]. Забегая вперед, следует сказать, что попытки такого рода уже после окончания китайско-вьетнамской войны были предприняты на страницах довольно популярной и авторитетной «Литературной газеты», но и она ограничилась противопоставлением маоизма «истинному социализму» и увязыванием первого исключительно с китайской великодержавной традицией и отчасти с немарксистскими моделями социализма[40].

В течение последней недели февраля 1979 г. «Правда» постоянно информировала своих читателей о китайско-вьетнамской войне. При этом публиковались материалы о военных действиях, бесчинствах китайских оккупантов, решимости вьетнамцев дать отпор агрессору. Помимо корреспонденций ТАСС, репортажей собкоров с места событий, сообщений политических обозревателей «Правды», давались обзоры зарубежной прессы, публиковались отклики читателей (вплоть до середины марта 1979 г. все материалы, публикуемые в рубрике «Мнение читателя», были посвящены обличению китайской агрессии против СРВ), фотодокументы, карикатуры. Существенное внимание уже тогда уделялось реакции на начавшуюся войну за рубежом — в связи с этим и в феврале 1979 г., и позднее не было недостатка в публикации сообщений о международной солидарности с народом Вьетнама. При этом подчеркивалось осуждение китайской политики как различными международными организациями (часто левого толка, так или иначе зависимыми от СССР), так и зарубежной общественностью и особенно коммунистическими партиями ряда государств, в т.ч. и не придерживавшихся политической линии брежневского руководства. Так, несмотря на сохраняющееся у СССР отсутствие отношений с Албанией, «Правда» уже 22 февраля 1979 г. ознакомила своих читателей с точкой зрения правящих кругов этой балканской страны — недавнего союзника КНР. С явным удовлетворением было указано, что заместитель

[38] Правда 20.02.1979. Наряду с этим в данном выпуске «Правды» была опубликована заметка о том, что министр иностранных дел Индии А. Б. Ваджпаи, находившийся 17 февраля в Пекине, прервал свой визит в связи с начавшейся войной против СРВ.

[39] Это приводило к определенным несуразностям в советской пропаганде. Так, в «Правде» 13 марта 1979 г. была опубликована статья В.Корионова под заглавием «Мироутверждающая миссия социализма», где содержалась резкая критика китайской внешней политики, и последняя, в точном соответствии с выступлением Брежнева 2 марта 1979 г., характеризовалась как «серьезнейшая угроза миру во всем мире». При такой характеристике политики социалистического государства название статьи было явно неуместным — автор, однако, так и не снял очевидного противоречия, ограничившись суждением об «измене пекинских лидеров делу социализма».

[40] Литературная газета 14.04.1979; 23.05.1979; см также: Бурлацкий 1979, 356–392. Раздел в книге Ф. М. Бурлацкого («Против магии слов») представлял собой расширенный вариант его одноименной статьи, опубликованной в указанном номере «Литературной газеты» от 23 мая.

председателя албанского правительства Доде в своем выступлении в Народном собрании резко осудил «китайских социал-империалистических агрессоров»[41]. Действия китайской стороны против СРВ были осуждены также на съездах Рабочей партии Турции и компартии Ирландии[42]; в последний день февраля в «Правде» был опубликован и призыв индийских коммунистов в поддержку своего правительства, также занявшего провьетнамскую позицию.

И в последующие месяцы на страницах «Правды» (как отчасти и «Магнитогорского рабочего») публиковались многочисленные материалы о солидарности «мировой общественности» с вьетнамским народом; в связи с этим, в частности, «Правда» не без удовлетворения освещала работу XV съезда компартии Италии (март-апрель 1979), XXIII съезда Французской коммунистической партии (май 1979), а также очередного пленума ЦК компартии Японии (май 1979). Все три компартии отнюдь не имели репутации организаций, безоговорочно лояльных Москве; ИКП вообще являлась основным рупором еврокоммунизма. Тем не менее, на съездах ИКП и ФКП, а также на пленуме ЦК КПЯ действия Китая в отношении Вьетнама подверглись осуждению, а позиция СССР во время конфликта, напротив, оценивалась положительно[43].

В целом советская пресса, в т.ч. рассматриваемые нами издания, пыталась создать у своего читателя представление о широкой поддержке СРВ международной общественностью. Вместе с тем резко критиковалась позиция влиятельных кругов Запада, особенно США, приверженных идеологии и практике «холодной войны» (следует напомнить, что вплоть до конца 1980х гг. 70-е гг. XX в. отнюдь не отождествлялись с «холодной войной», а оценивались как «период разрядки международной напряженности»). Позиция этих кругов не отождествлялась с официальной линией ведущих стран капиталистического мира[44] — исключение отчасти составляли США и Великобритания, а также Япония. Критика политики каждой из этих стран имела свои нюансы. Так, руководство США, незадолго до этого официально установивших дипотношения с КНР, критиковалось за игнорирование разницы между агрессором и жертвой агрессии; такой подход наложил свой отпечаток и на обсуждение новой войны в Индокитае в Совете Безопасности ООН[45]. Вместе с тем, публикуя материалы о китайско-американских отношениях, «Правда» отмечала определенную уступчивость Пекина, в т.ч. в тайваньском вопросе[46]. В дальнейшем указывалось также на осведомленность администрации президента Картера о предстоящем нападении на Вьетнам[47]. Японское правительство осуждалось, главным образом, за заключенный в августе 1978 г. договор

[41] Сам албанский лидер Э.Ходжа охарактеризовал вторжение во Вьетнам как «авантюру типичного гитлеровского, фашистского, типа». См.: Ходжа 1986, 515. Интересно отметить, что в августе 1968 г. тот же Э.Ходжа оценил вступление войск ОВД в Чехословакию как «фашистскую агрессию», советскую армию — как «фашистскую» и указал, что «советский ревизионизм переродился в милитаризм фашистского типа». Ходжа 1986, 227, 229, 234, 236.

[42] Правда 26.02.1979; 27.02.1979.

[43] Правда 31.03.1979; 31.03.1979; 2.04.1979; 11.05.1979; 13.05.1979; 28.05.1979; 30.05.1979.

[44] «Литературная газета», к примеру, еще в 1978 г. четко разграничивала отношение к КНР реваншистских кругов ФРГ и тогдашнего социал-демократического правительства, возглавлявшегося Г.Шмидтом. См.: Литературная газета 20.09.1979.

[45] Правда 2.03.1979; 18.03.1979.

[46] Правда 4.03.1979.

[47] Правда 24.04.1979.

о мире и дружбе с КНР, содержавший особо беспокоившую советское руководство «антигегемонистскую» статью, и в целом за попустительство агрессору[48]. Официальный Лондон критиковали за намерение развивать военное сотрудничество с КНР[49].

Об отсутствии единства в самом «социалистическом лагере» по вопросу о китайско-вьетнамской войне оба рассматриваемых нами издания писали весьма глухо. Роль «диссидентов» в этом лагере играли тогда Румыния и Югославия, поддерживавшие оживленные связи с КНР по государственной и партийной линии; обмены визитами руководителей обеих балканских стран и Китая[50] в обстановке острой вражды между Москвой и Пекином говорили за себя. Вместе с тем брежневское руководство не желало обострять отношения с Бухарестом и Белградом, и «особая» позиция последних по «второй социалистической войне» подавалась (и критиковалась) завуалированно[51], путем намеков и отчасти умолчаний.

И в феврале 1979 г., и в последующие месяцы в «Правде» преобладали материалы по китайско-вьетнамским отношениям с информацией конкретного характера (в «Магнитогорском рабочем» как в периферийном издании иных материалов на эту тему и не было). Аналитическая информация содержалась в ряде статей «Правды», публиковавшихся в эти месяцы[52]. Некоторые из них впоследствии вошли в сборник «Опасный курс»[53], регулярно выходивший с 1969 по 1981 г. В целом, однако, необходимо отметить преимущественно конкретную информацию сообщений центрального органа КПСС о событиях в Индокитае зимой-весной 1979 г.

Накал антимаоистской (отчасти и антикитайской) пропаганды не ослабевал в советской прессе в течение марта-апреля 1979 г. Она продолжалась и после начавшегося отвода китайских войск с вьетнамской территории, о котором в Пекине было заявлено 5 марта. При этом основную часть антимаоистских материалов, печатавшихся на страницах «Правды», по-прежнему составляли публикации, связанные с китайско-вьетнамской войной, ее последствиями и осуждением. Динамика же публикаций этих материалов в течение марта-июня 1979 г. выглядит следующим образом[54]:

---

[48] Правда 19.03.1979; 13.04.1979.

[49] Правда 16.04.1979. См. также: Литературная газета 21.02.1979; 14.03.1979. «Правда» с тревогой писала и об интересе КНР к продукции американской авиапромышленности. См.: Правда 16.03.1979.

[50] Н.Чаушеску посетил КНР 15–20 мая 1978 г. Ответный визит Хуа Гофэна в Румынию состоялся 16–21 августа того же года.

[51] «Литературная газета», для сравнения, позволяла большую откровенность. Так, 14 марта 1979 г. она опубликовала подборку суждений зарубежной прессы о китайско-вьетнамской войне, в т.ч. выдержку из итальянской «Коррьере делла сера», где говорилось, что «ни одна страна коммунистического мира не выступила в защиту Пекина…исключение составляют отчасти Югославия и Румыния, которые пытались занять сначала нейтральную позицию. Однако, с течением времени, их положение стало более затруднительным, а их реакция — более критической».

[52] См., например: Правда 26.02.1979; 28.02.1979; 5.03.1979; 26.04.1979; 1.05.1979.

[53] Орлова 1979.

[54] Следует учесть, что здесь приняты во внимание и публикации, связанные с резким обострением напряженности на китайско-лаосской границе весной 1979 г. В большинстве из них упоминалась китайская агрессия против СРВ; кроме того, все публикации на эту тему были напрямую связаны с китайско-вьетнамским конфликтом. Учитывая, что советское руководство с конца 1975 г. рассматривало Лаос в качестве социалистической страны, есть основания полагать, что весной

Дата	Количество публикаций материалов, связанных с китайско-вьетнамским конфликтом, в «Правде»	Количество публикаций в «Магнитогорском рабочем»
Первая декада марта	144	27
Вторая декада марта	121	41
Третья декада марта	97	22
Первая декада апреля	46	7
Вторая декада апреля	28	4
Третья декада апреля	18	6
Первая декада мая	38	6
Вторая декада мая	19	6
Третья декада мая	28	3
Первая декада июня	12	3
Вторая декада июня	8	1
Третья декада июня	13	—

Накал антимаоистской пропаганды, таким образом, оставил далеко позади даже то, что имело место десятилетием ранее. При этом март 1979 г. был отмечен (что неудивительно) особо значительным количеством публикаций на тему китайско-вьетнамской войны в обеих газетах. В дальнейшем их число снижается, но интерес к теме продолжает сохраняться — заметна определенная волнообразность в обращении к ней. В «Правде» об устойчивой тенденции к снижению количества публикаций говорить не приходится — до 18 мая не было выпуска этой газеты, не содержащего материалов антимаоистского характера. Всплеск интереса к проблеме конфликта между недавними «братскими социалистическими странами» в мае и отчасти в июне 1979 г. объясняется началом китайско-вьетнамских переговоров, позиция КНР на которых[55] дала новый повод к критике на страницах газеты, а также раздуванием проблемы беженцев из Индокитая вашингтонской и пекинской пропагандой.

Следует сказать, что публикации о китайско-вьетнамском конфликте занимали значительную (а в отдельные дни — и большую) часть международных разделов обеих рассматриваемых нами газет, особенно в феврале-марте 1979 г. В конце зимы — весной 1979 г. обличение «китайского гегемонизма»[56] вышло на первый план на страницах советской печати, отодвинув на время в сторону

1979 г., еще до окончания «второй социалистической войны», теоретически мог встать вопрос и о третьей — между КНР и ЛНДР, в которой, в случае ее начала, неизбежно принял бы участие и Вьетнам, а косвенным образом (как и во «второй социалистической») — Советский Союз. 2 марта 1979 г. последовало опубликованное на следующий день Заявление советского правительства, предостерегавшее Китай от нападения на ЛНДР. Последней (как, разумеется, и Вьетнаму) была оказана значительная помощь, в т.ч. и военного характера.

[55] Эта позиция в сущности повторяла линию китайской делегации на переговорах с СССР в 1964 и 1969–1970 гг., а также предвосхитила поведение китайской стороны на переговорах в Москве об улучшении двусторонних отношений осенью 1979 г. См.: Галенович 2011а, 88–130, 225–272, 294–328; 2011б, 436–463; 2011в, 123–175, 244–262; Песков 2002, 25–31, 39–42.

[56] В связи с этим хотелось бы отметить определенную симметричность в оценках политики друг друга СССР и Китаем в указанный период, на которую уже указывалось в отечественной литературе (см., например: Вахрамеев 1991, 253). Обличение «советского гегемонизма» было излюбленной темой китайской пропаганды 1970-х гг., и КНР при заключении договоров о дружбе с другими

даже традиционную критику империализма. Последний, о чем уже говорилось, нередко осуждался в эти месяцы именно за потворство «пекинскому агрессору». Основными же сюжетами китайско-вьетнамской войны, рассматривавшимися на страницах «Правды» и «Магнитогорского рабочего» в течение февраля-марта 1979 г., были, как уже упоминалось, ход военных действий, зверства китайских войск на оккупированной территории СРВ и «гневное осуждение агрессоров» международной общественностью и руководством ряда стран. В первых двух случаях на страницах «Правды» публиковались сообщения ее собственного корреспондента во Вьетнаме В.Скворцова[57], а также перепечатывались материалы из зарубежных (в т.ч. вьетнамских) газет; об откликах «мировой общественности» можно было судить по многочисленным корреспонденциям из различных стран, из материалов о встречах советских руководителей с зарубежными политиками[58], из публикаций, посвященных различным акциям солидарности с вьетнамским народом[59]. Публиковались также заявления советских руководителей, а в изложении — и вьетнамских официальных лиц[60] — при этом подчеркивалось полное совпадение их точки зрения с позицией СССР.

«Магнитогорский рабочий» как периферийное издание перепечатывал на своих страницах сообщения ТАСС и АПН, а также материалы из центральной прессы, связанные с китайско-вьетнамской войной. Их тематика была аналогична публикациям «Правды»; вместе с тем, подобно тому, как это было десятью годами ранее, ведущая газета Магнитогорска опубликовала уже 20 февраля 1979 г. репортажи с основных предприятий города (металлургического комбината, метизного и калибровочного заводов, завода железобетонных изделий) о прошедших там митингах протеста против китайской агрессии. Как и в «Правде», публиковались выдержки из писем трудящихся в редакцию газеты с осуждением политики КНР[61]. Среди них особо хотелось бы отметить письмо в адрес тогдашнего магнитогорского пединститута, отправленное сотрудником этого вуза, доцентом кафедры педагогики и начального обучения Б. Б. Максимовым, находившимся в СРВ в качестве специалиста[62].

странами часто выдвигалось требование включения в эти договоры статьи о «совместном противодействии гегемонизму» (с явно антисоветской направленностью).

[57] О работе корреспондентов советской и отчасти не только советской прессы во Вьетнаме в указанный период, а также в целом о китайско-вьетнамской войне интересная информация содержится в книге М. Ильинского, бывшего в 1979 г. собкором «Известий» в СРВ. См.: Ильинский 2005, 583–660.

[58] См., например, речи Л. И. Брежнева и Я. Кадара на обеде в Кремле, данном в честь посетившего СССР венгерского лидера (Правда 8.03.1979), отчет о переговорах А. Н. Косыгина с индийскими руководителями (Правда 11.03.1979), материалы о пребывании главы советского правительства в Индии (Правда 12.03.1979), сообщение о встрече Л. И. Брежнева с Э. Гереком (Правда 16.03.1979), выступление А. Н. Косыгина на обеде в честь таиландского премьер-министра К. Чаманана (Правда 23.03.1979).

[59] Правда 07.03.1979; 09.03.1979; 31.03.1979. См. также: Магнитогорский рабочий 13.03.1979.

[60] См., например: Правда 19.03.1979 (сообщение о приеме генеральным секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном советского посла в СРВ Б. Н. Чаплина); Правда 29.03.1979. (корреспонденция «Сердечная благодарность» — о приеме секретарем ЦК КПВ Сюан Тхюи делегации советской общественности) и др.

[61] Магнитогорский рабочий 21.03.1979.

[62] Магнитогорский рабочий 13.03.1979.

Ретроспективные обращения непосредственно к теме войны Китая с СРВ (особенно в контексте «преступлений китайской военщины») имели место и в апреле-июне 1979 г. на страницах обеих рассматриваемых нами изданий. Вместе с тем на первый план вышли иные сюжеты. Обе газеты много писали о сохраняющейся напряженности на китайско-вьетнамской границе, о фактическом затягивании Пекином вывода войск с территории СРВ, о провокациях на границе с Лаосом; значительное внимание уделялось, как уже говорилось, и деструктивному поведению китайской стороны на переговорах с Вьетнамом. В апреле-мае 1979 г. оба издания особо отметили результативность традиционного Всесоюзного ленинского субботника. 75% средств, полученных от его проведения, решением советского руководства были переданы в фонд помощи Вьетнаму[63].

Следует отметить, что антимаоистские публикации на страницах «Правды» весной-летом 1979 г. отнюдь не ограничивались одной лишь темой конфликта между КНР и СРВ, хотя последняя безусловно превалировала. Изредка встречались и сообщения «нейтрального» характера — о культурных[64] и дипломатических связях КНР с другими странами, в т.ч. об обмене нотами с СССР и СРВ по поводу переговоров, об открытии сессии Всекитайского собрания народных представителей (июнь 1979), о совещании в Пекине по проблемам окружающей среды в столице КНР[65]. Количество «нейтральных» материалов в «Правде» несколько увеличилось в июне 1979 г. Вместе с тем в марте этого года ведущая советская газета опубликовала 9 материалов антимаоистской направленности, не связанных с китайско-вьетнамской войной, в апреле — 39, в мае — 13 и в июне — 12. В «Магнитогорском рабочем» количество таких публикаций составило: в марте — 7, в апреле — 8, в мае — 2, в июне — 3. Всплеск материалов подобного рода на страницах «Правды» в апреле 1979 г. отчасти был связан с решением китайского руководства не продлевать действие Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, заключенного в 1950 г. сроком на 30 лет между СССР и КНР[66]. Это решение вызвало резкую реакцию советского руководства и негодование в печати СССР. Другими широко (и критически) освещаемыми темами были подрывная деятельность этнических китайцев (хуацяо) в ряде стран (здесь проводились прямые аналогии с действиями гитлеровской Германии в 30-х годах[67]), поддержка КНР антиправительственных сил в Афганистане, экономические и политические связи Пекина с западными державами и Японией, его сотрудничество с постоянно предаваемыми анафеме в советской пропаганде режимами в Чили и ЮАР, а также общественное движение в самом Китае, весьма активное в 1978–1979 гг. Последнее оценивалось на страницах советской печати, в т.ч. и рассматриваемых

[63] Правда 22.04.1979; 25.04.1979; 2.05.1979; 5.05.1979; 6.05.1979; Магнитогорский рабочий 20.04.1979; 21.04.1979; 24.04.1979; 8.05.1979.

[64] Иногда они могли носить, впрочем, характер скрытой критики в отношении стран, поддерживающих тесные связи с КНР. Так, публикация в «Правде» 14 апреля 1979 г. двух материалов под общим заголовком «Югославская выставка в Пекине», несмотря на нейтральные тона, носила характер завуалированной критики Белграда — только так в контексте советско-китайских отношений можно было истолковать тогда утверждение, что данное мероприятие явилось наиболее крупной промышленной выставкой, когда-либо устраивавшейся СФРЮ за рубежом.

[65] Правда 9.06.1979.

[66] Об обстоятельствах денонсации Договора 1950 г. см.: Песков 2002, 32–39.

[67] См., например: Магнитогорский рабочий 4.04.1979.

изданий, как в целом антимаоистское. Здесь особо отмечалось распространение в КНР дацзыбао и листовок с осуждением агрессии против Вьетнама; говорилось и о репрессиях против участников антимаоистского движения и других недовольных.

Резко осуждая внутреннюю и внешнюю политику пекинского руководства, советская печать в 1979 г., как и ранее, отнюдь не отождествляла правящие круги КНР с китайским народом. Хотя в некоторых публикациях «Правды» и «Магнитогорского рабочего», особенно связанных с подрывной деятельностью хуацяо, и звучали антикитайские нотки, в целом проводилась четкая грань между народом КНР и «фашистствующей пекинской верхушкой»[68]. Последнее суждение свидетельствует о более резком тоне советской прессы в первой половине 1979 г. даже по сравнению с периодом советско-китайского пограничного конфликта 1969 г. В ходе китайско-вьетнамской войны советская печать говорила о «фашистствующих агрессорах»[69], неоднократно сравнивала их зверства с преступлениями гитлеровцев, воспроизводила на своих страницах подобные оценки своих читателей[70]. Отождествление маоизма с фашизмом встречалось и позднее в советской публицистике[71]. При этом, правда, не допускалось увязывания такого рода оценок с персональными выпадами в адрес китайского руководства — на страницах советской печати, к примеру, и в феврале-июне 1979 г. отсутствовали суждения о «фашистской клике Хуа-Дэна»[72] (по аналогии с тезисом о «фашистской клике Тито-Ранковича» в период советско-югославского разрыва тремя десятилетиями раньше). Более того, не произошло и полного «отлучения» КНР от социализма — в выпусках сборника «Международный ежегодник. Политика и экономика», вышедших в 1979 и 1980 гг., Китай по-прежнему значился среди социалистических стран.

Подводя итоги, необходимо отметить, что и в 1969, и в 1979 гг. советская печать достаточно подробно и оперативно информировала своих читателей о вооруженных столкновениях между социалистическими странами, как и о политике китайского руководства. В обоих случаях преобладала конкретная информация; и в центральном, и в периферийном издании публиковались отклики советских граждан на агрессию. Бросается в глаза и чрезвычайное жанровое разнообразие материалов об обеих «социалистических войнах». Вместе с тем первая из них представляла собой серию разрозненных пограничных вооруженных провокаций,

---

[68] Из выступления Ф.Кастро, цитируемого «Правдой». См.: Правда 23.02.1979.

[69] Правда 25.02.1979.

[70] Правда 26.04.1979. Было бы неверно усматривать в подобных откликах советских граждан характер исключительно «заказных» материалов. Один из авторов данной работы, будучи в 1979 г. школьником, помнит, что китайско-вьетнамская война была весной того года весьма обсуждаемой темой и среди его сверстников, и среди лиц более старших возрастных категорий. Сочувствие вьетнамцам было несомненным и вполне искренним — сказывались как память об их многолетнем противостоянии США, так и сохранение в обществе и в конце 1970х гг. своеобразного «негативного консенсуса» в отношении Китая, отмеченного применительно к более раннему периоду Дж.Боффой (см.: Боффа 1996, 52–53, 59–60).

[71] Генри 1980, 95–97.

[72] Хуа Гофэн вообще крайне редко выступал в 1979 г. объектом для нападок и критики в советской печати. В ряде работ, вышедших в СССР в 1979 г., Дэн Сяопин назывался фактическим руководителем КНР; на него возлагалась и ответственность за войну с СРВ. См., например: Бурлацкий 1979, 356.

а вторая — полномасштабную военную акцию, в ходе которой боевые действия велись непрерывно в течение месяца. Это предопределило некоторые особенности в подаче китайско-вьетнамского конфликта на страницах отечественной периодики, в т.ч. «Правды» и «Магнитогорского рабочего». Подробно освещались военные действия, с удовлетворением констатировалось поражение агрессоров; вместе с тем существенно большее внимание уделялось откликам «мировой общественности» и критике правых кругов Запада за их флирт с Пекином. Значительно большим, по сравнению с 1969 г., был накал антимаоистской пропаганды — это проявлялось и в количественном, и в качественном отношении. Вместе с тем и в 1979 г. антимаоистская кампания в советской прессе не перерастала в антикитайскую истерию; более того, несмотря на косвенное (а иногда прямое) отождествление политического режима в тогдашней КНР с фашистским, полного отлучения Китая от социализма не произошло. Здесь, очевидно, сказались как нежелание советской стороны еще более обострять и без того до предела натянутые отношения с Пекином, так и отмеченное в отечественной литературе отсутствие единства среди советских экспертов-китаеведов, что оказывало определенное воздействие на позицию политического руководства страны[73].

ЛИТЕРАТУРА

Боффа Дж. 1996: От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М.
Бурлацкий Ф. М. 1979: Мао Цзэдун и его наследники. М.
Вахрамеев А. В. 1991: Не идя в ногу, но следуя примеру. М.
Галенович Ю. М. 2011: 50 лет с Китаем. М.
Галенович Ю. М. 2011: История взаимоотношений России и Китая. Кн. 3. Ч.1. М.
Галенович Ю. М. 2011: История взаимоотношений России и Китая. Кн. 3.Ч.2. М.
Ильинский М. М. 2005: Вьетнамский синдром. Война разведок. М.
Лукин А. В. 2007: Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.
Орлова Л. С. (ред.) 1979: Опасный курс. Китай после Мао Цзэдуна. Вып.9. М.
Песков Ю. С. 2002: СССР-КНР: от конфронтации к партнерству. М.
Степанов Е. Д. 1980: Экспансия Китая на море. М.
Терехов Н. М., Колосова Л. Н. (ред.) 1972: Малый атлас мира. М.
Ходжа Э. 1986: Сверхдержавы. 1959–1984. Из политического дневника. Тирана.

FIRST “SOCIALIST WARS” IN SOVIET PERIODICALS

A. G. Dorozhkin, V. V. Pereverzev

The article deals with the Soviet press coverage of the first military conflicts between socialist countries by the example of “The Pravda” and “The Magnitogorsky Rabochy”. It compares Soviet press standpoints concerning Soviet-Chinese and Chinese-Vietnamese conflicts. It also reveals common and specific features of material presentation in 1969-1979.

Key words: Russian history, USSR, international relations, Maoism, socialism, China, Vietnam, periodicals.

[73] Лукин 2007, 252–260, 262–267.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2012

С. Н. Пузанкова

НАДПИСЬ «НА САРСКОЕ СЕЛО» М. В. ЛОМОНОСОВА: АРХИТЕКТУРНО-ПЕЙЗАЖНЫЙ ЭКФРАСИС

В статье анализируется надпись М. В. Ломоносова 1764 года «На Сарское село». В надписи автор выражает поэтический комплимент правящей императрице Екатерине II через мифопейзажный и пейзажно-архитектурный экфрасис. Пейзаж становится смыслообразующим элементом похвальной надписи.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, М.В. Ломоносов, жанр надписи, экфрасис.

М. В. Ломоносовым было написано 68 надписей, 67 из них опубликовано в известном академическом издании[1]. Во всех этих сочинениях обнаруживаются общие признаки, которые позволяют условно разделить тексты на девять групп: похвальные надписи к дням тезоименитства и дням рождения императрицы Елизаветы Петровны (11); надписи к дням коронования и годовщинам восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны (16) + надпись ко дню коронации императрицы Екатерины II, обнаруженная позднее Степановым В.П. (1)[2]; надписи к дням рождения членов императорской семьи (6); надписи на события политического и военного назначения (3); надписи на новый год (7); надписи на маскарады (3); надписи к статуям, изображениям, гравюре, придворному календарю (9); надгробные надписи (4); надписи «на случай» (9). Одним из сочинений, принадлежащих к последней группе, и является надпись «На Сарское село».

Надпись «На Сарское село», вероятно, была написана Ломоносовым после посещения им Екатерининского имения 24 августа 1764 года. В это время Ломоносов работал над «Краткой историей о поведении Академической канцелярии». Этот документ должен был быть предоставлен вниманию Екатерины II, поэтому одной из целей при написании этого текста было «обеспечить благосклонный приём» императрицы[3]. Закономерно, что для осуществления своих замыслов поэт адресует Екатерине комплиментарные стихи, но комплимент этот выражен опосредованно: через описание сада и дворца Царского Села — пейзажно-архитектурный экфрасис. Пейзаж становится смыслообразующим элементом похвальной

Пузанкова Светлана Николаевна — ассистент кафедры культурологии Магнитогорского государственного технического университета. E-mail: puzankowa.svetlana@yandex.ru

[1] Ломоносов VIII, 1959.

[2] Степанов 1978, 111–115.

[3] Ломоносов VIII, 1959, 1190.

надписи. Проследить особенности его поэтического воплощения является основной задачей данной статьи.

Надпись «На Сарское село» создавалась в то время, когда Екатерина уже вступила на престол, но ещё не успела внести изменения в структуру парка, фасада и интерьеров помещений Царскосельского дворца, что произойдёт позже[4]. Все красоты (архитектурные и пейзажные), описанные поэтом в надписи, относятся ко времени правления Елизаветы Петровны[5]. Свои восторженные отзывы об этом имении Ломоносов запечатлел в 16 строчках:

Луга, кустарники, приятны высоты,
Пример и образец Едемской красоты,
Достойно похвалить я ныне вас желаю,
Но выше по чему почтить, еще не знаю.
Не тем ли, что везде приятности в садах
И нежны Зефиры роскошствуют в цветах?
Или что ради вас художеств славных сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?
Или что мещет с вас златая блеск гора,
Откуда видим град Великого Петра?
Гора, или то дом, Богам земным пристойной,
К отдохновению Величества спокойной?
Всех больше красит сей Екатерина край:
При Ней здесь век златой и расцветает рай.
Она все красоты присудством оживляет,
Как свет добротами и славой восхищает[6].

Поэтическое описание Царскосельского сада и находящегося в нём дворца представляет собой квинтэссенцию того, о чём было сказано в «Оде, в которой ея величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе августа 27 дня 1750 года» в двухстах тридцати строчках. Но в ней «царскосельские впечатления, которым уделено много места, являются лишь внешними прикрасами, основная тема оды — практическая польза науки»[7]. В надписи же в более лаконичной форме поэт размышляет о самих «*красотах*», в чём они заключаются и кто способствует (способствовал) их «*расцветанию*».

Поэтический текст начинается с экфрастического «входа», с того, что *видит* входящий в сад. «*Луга, кустарники, приятны высоты*» — это реально существовавшие (и существующие) предметы созерцания. На протяжении всего текста поэт указывает на них, трижды употребляя местоимение «*вас*». «*Луга*» и «*кустарники*» включают в себя «геометрически правильно подстриженные боске-

[4] Ионина 2001, 365.

[5] Первоначально в том месте, где Нева впадает в Финский залив, Екатериной I были выстроены каменные палаты и разбит первый сад. В дальнейшем, во времена правления Елизаветы Петровны, Царскосельский дворец достиг наибольшей монументальности и роскоши. Екатерина II внесла свои коррективы в жизнь дворца: «исчезло нарядное оформление его фасада, были сняты лепные украшения, а позолота заменена покраской». Происходили изменения и в садово-парковой архитектуре. Артемьева, Прохватилова 1997; Туманова 1997; Лихачёв 1998; Ионина 2001.

[6] Ломоносов VIII, 1959, 806.

[7] Ломоносов VIII, 1959, 984.

ты регулярного парка, его газоны, чёткие линии дорожек и водоёмов», а также ореховые и «розановые» кусты, малину, смородину, крыжовник, барбарис, сирень (и т.д.), произраставшие в Дикой роще[8].

Под «*приятными высотами*» подразумеваются разные уровни парка. Это и деревья, впервые появившиеся ещё в ранний период строительства, и «стриженые зеленые стены», «зеленые коридоры» или «галереи», образовывавшиеся по мере роста деревьев, ветви которых привязывались к деревянным каркасам[9]: «Где ветьви преклоняясь, / В союз взаимной сопряжены, / Отводят жаркие лучи»[10]. И висячий сад, уничтоженный в 1774 году[11]. «Общее впечатление от этого висячего сада было, вероятно, фантастическое <…> С обеих сторон вглубь уходили *колоннады* внутренних сторон с их раззолоченными капителями, орнаментами и статуями. Всю глубину этого странного *зала без потолка* занимал фасад церкви с её полуколокольней, а над ним сверкали в воздухе *золоченые купола и кресты*»[12]. Исследователи отмечают, что в садово-парковом искусстве главная идея — это превращение мира в некий интерьер. Здесь «материалом служат не только деревья, кусты и сады, но и все *другие искусства* и частично природа за пределами сада, например, *небо*, видимое, то в больших, то в малых размерах через деревья и над деревьями»[13]. Обо всех этих «интерьерных» высотах Ломоносов пишет в нескольких строчках. Называя «*луга, кустарники, приятны высоты*» «*примером и образцом Едемской красоты*», Ломоносов говорит, что это не просто натуральная красота, где «всегда роскошствует природа»[14] и где «редкости растительного и животного мира сочетались в садах с редкостями минералогическими, с редкими и ценными античными скульптурами», архитектурными сооружениями, но и рукотворная «попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой», поэтому «сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом»[15]. «*Эдем*» как мифологический пространственный образ часто используется в одах XVIII века, в том числе и в оде 1750 года Ломоносова:

Мои источники венчает
Эдемской равна красота,
Где сад богиня насаждает,
Прохладны возлюбив места <…>

Образ «*Эдема*» в надписи — это комплимент преображённой искусством природе. С топоса «*рая*» начинается надпись, им же и заканчивается. «*Достойно похвалить*» «*луга, кустарники, приятны высоты*», «добрую и идеальную сущность» сада, высшее значение которого стать «раем, Эдемом»[16], Ломоносов стремится и во втором двустишии. Только как воспеть такой сад, и какие ещё подо-

[8] Иогансон 1971, 335.
[9] Бенуа 1910, 96, 130–131, 145.
[10] Ломоносов VIII, 1959, 397.
[11] Позже, в 1780-х годах, по распоряжению Екатерины Великой на месте старого висячего сада была выстроена галерея по проекту Камерона, и устроен новый сад.
[12] Анисимов 2005, 96, 130–131, 145.
[13] Лихачёв 1998, 11.
[14] Ломоносов VIII, 1959, 396.
[15] Лихачёв 1998, 11, 39.
[16] Лихачёв 1998, 24.

брать сравнения, которые могли бы описать его неземную красоту, если он уже назван Эдемом? Как перевести эту действительность на язык поэтический («*достойно похвалить*»), и является задачей Ломоносова.

Решить её автор пытается в следующих восьми строчках, в которых он составляет «реестр» красот Царскосельского Эдема. Это своеобразный вопросительный экфрасис из четырёх двустиший. Они рисуют рукотворную природу сада. Так выглядит первое из них:

Не тем ли, что везде приятности в садах
И нежны Зефиры роскошествуют в цветах?

Здесь черты реального пейзажа соседствуют с мифологическими персонажами. Дело в том, что садов в Царском селе во время правления Елизаветы Петровны действительно было несколько. Первый из них — регулярный парк, возникший ещё во времена Петра и до самого последнего времени носивший официальное название Старого, или Голландского, сада. Второй сад — Новый, который создавался во время правления Елизаветы Петровны. Третий и четвёртый — это Дикая роща и висячий сад. Для Старого сада было характерно обилие цветников, что соответствовало голландскому стилю[17]. В построенных оранжереях 1710, 1722 и 1744 годов выращивались не только плодовые деревья, цветущие в разное время (в Дикой роще — только в соответствующий сезон), но и «богатейшая коллекция южных растений»[18]. Исследователи предполагают, что образ одной из «оранжерейных зал» Ломоносов включает в свою оду 1750 года, посвящённую Царскому селу: «И солнце восходя дивится, / Цветы, меж коих Инд крутится, / Увидев при моих ключах»[19]. Таким образом, Ломоносов даёт возможность читателю мысленно представить цветущие сады Царского села.

Присутствие в надписи античного образа «*Зефиров*», западного ветра, первоначально в мифологии известного своей губительностью, а позднее мягкостью и нежностью, указывает и на климатические особенности месторасположения Царского села. Западный ветер является преобладающим для Санкт-Петербурга и его окрестностей, и может быть как разрушающим, так и «*нежным*»[20]. Данное двустишие демонстрирует ломоносовскую технику составления экфрасиса: поэт называет несколько узнаваемых реальных объектов (цветы, сады), а затем расцвечивает эту приближённую к действительности картину мифологическими деталями и образами зефиров.

Ломоносов в рассматриваемой надписи не забывает упомянуть и архитекторов, художников, резчиков по камню и дереву, кузнецов и камнетёсов, а также садовых мастеров, которые принимали участие в создании Царского села, потому что его «природа» «искусством рук побуждена»[21]. Их имена есть в истории садово-паркового искусства: Яков Рахлин и Корнелиус Шрейдер, Ян Розен, Яган-Каспар Фохт, Растрелли и многие другие, в том числе и те, которые остались забытыми или неизвестными[22]. Чтобы избежать длительного перечисления имён, и в то

[17] Бенуа 1910, 16–17.
[18] Лихачёв 1998, 11–39.
[19] Ломоносов VIII, 1959, 397, 985.
[20] Нежиховский 1981, 47–49.
[21] Ломоносов VIII, 1959, 396.
[22] Артемьева, Прохватилова 1997; Туманова 1997; Лихачёв 1998.

же время охватить все искусства, которые послужили цельному созданию образа Царского села, Ломоносов объединяет всех «царскосельских» творцов во втором двустишии вопросов:

Или что ради вас художеств славных сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?

В третьем и четвертом двустишиях, рассуждая о красоте «зелёной архитектуры» Царского села, Ломоносов вводит в надпись образ «*мещущей*» «*златой блеск горы*», которая украшает собою императорскую резиденцию. Эта метафора имеет двойное значение. С одной стороны, это указание на особенность природного ландшафта — возвышенность. С другой стороны, это сам «*дом*»: Царскосельский дворец «с его наружной и внутренней позолотой, с его сказочной и даже разнузданной роскошью»[23], который по своему масштабу напоминает «*гору*». Он «должен был давать представление о каком-то сверхчеловеческом богатстве», а также «служить прежде всего отдохновению и развлечению от тягот государевой службы»[24]. Эта идея звучит и в ломоносовских стихах: «*Гора, или то дом, Богам земным пристойной,/ К отдохновению Величества спокойной?*» Под «*земными*» «*Богами*» автор разумеет монарших особ Елизавету Петровну и Екатерину II (Ср. в оде: «сад *богиня* (Елизавета Петровна. — П.С.) насаждает,/ Прохладны возлюбив места»). Как видим, нейтральное именование архитектурного сооружения и природного объекта (гора, дом) вновь соединяется с мифологической образностью («земные боги»).

Размышления, заключённые в этих вопросах, нужны для того, чтобы возвеличить Екатерину II. Это императрица творит из «Сарского села» «*рай*»:

Всех больше красит сей Екатерина край.
При Ней здесь век златой и расцветает рай.

Екатерина II — это душа сада, его главный создатель и вдохновитель. Именно «*она все красоты присудством оживляет, / Как свет добротами и славой восхищает*». В последних строчках, которые носят одический характер, содержится и так называемый «выход» из экфрасиса. В нём есть оценка времени правления Екатерины — традиционной одической формулой «*век златой*», означающей «благополучное состояние» России во времена правления просвещённого монарха и одновременно прямое указание на описываемый сад, обобщение «*всех красот*», а также его пространственное обозначение: «*сей*» «*край*», «*здесь*» «*расцветает рай*».

Таким образом, Царскосельский пейзаж с мифологическим антуражем — это всего лишь поэтический комплимент правящей в то время Екатерине Великой. Надпись «На Сарское Село», написанная на закате жизненного и творческого пути учёного-поэта, «вторична» по отношению к его же надписям и одам 1750-х гг. Ломоносов здесь составляет мифопейзажный экфрасис из поэтических топосов и формул, найденных им во времена Елизаветы Петровны.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е. В. 2005: Елизавета Петровна. М.

[23] Анисимов 2005.
[24] Лихачёв 1998, 401, 408.

Артемьева Ю. В., Прохватилова С. А. 1997: «Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. СПб.

Бенуа А. 1910: Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб.

Ионина Н. А. 2001: 100 великих дворцов мира. М.

Иогансон Б. В. (гл. ред.) 1971: Искусство стран и народов мира // Краткая художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. М.

Лихачёв Д. С. 1998: Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. М.

Ломоносов М. В. 1959: Полное собрание сочинений: в 10 томах. Т. VIII. М.; Л.

Нежиховский Р. А. 1981: Река Нева и Невская губа. Л.

Степанов В. П. 1978: Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 2, 111–115.

M. V. LOMONOSOV'S INSCRIPTION "NA SARSKOYE SELO": ARCHITECTURE AND LANDSCAPE ECPHRASIS

S. N. Puzankova

The article analyzes the inscription of 1764 "Na Sarskoye Selo" in which M. V. Lomonosov pays a poetic compliment to Catherine II, the Great empress of Russia, through architecturally landscaped mythological ecphrasis. The landscape becomes a meaning-making element of a laudatory inscription.

Key words: Russian literature of the 18th century, M. V. Lomonosov, inscription genre, ecphrasis.

© 2012

В. В. Соколова

ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ МАНИФЕСТЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ «КАК ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ ЖЕНЩИНЫ»

В статье анализируется одно из примечательных произведений русской поэзии XIX в. — «Как должны писать женщины» Е. П. Ростопчиной. Гендерный подход позволил выявить основные различия между мужской и женской поэзией, заявленные в поэтическом манифесте российской поэтессы. Главным императивом этого программного стихотворения, обращенного к «пишущим женщинам», является требование скромного, робкого и таинственного выражения чувств.

Ключевые слова: литературоведение, Е. П. Ростопчина, поэтический манифест, гендерный подход, женская поэзия.

Соколова Валентина Владимировна — соискатель кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: classiclit@masu.ru

Стихотворение «Как должны писать женщины» (1840) графини Е. П. Ростопчиной — примечательное явление в истории русской поэзии XIX века. Оно представляет интерес и как программное произведение, в котором нашли отражение размышления поэтессы о стихотворном творчестве; и как поэтический манифест, обращенный к женщинам-поэтам; и как философское размышление о сущностных различиях мужской и женской поэзии. Несмотря на то, что наследие талантливой поэтессы все чаще становится объектом современных научных исследований[1], лирика графини Ростопчиной остается загадочным феноменом русской культуры. В данной статье мы попытаемся приблизиться к его разгадке и предложить собственный взгляд на творческую деятельность Ростопчиной, заявившей о себе не только как о поэтессе, но и как о проектёре литературы, о создателе поэтического манифеста.

История литературы знает немало примеров, когда манифесты определяли развитие отдельных литературных групп или целых литературных направлений на несколько лет или десятилетий. Так, стихотворный трактат «Поэтическое искусство» (“L’art poétique”, 1674) Н. Буало-Депрео предписывал законы творчества для европейских авторов. Вслед ему А. П. Сумароков сочиняет «Эпистолу о стихотворстве» (1747), формулируя, как должны писать российские поэты, дабы достичь Парнасских высот. Особо богатым на манифесты оказался конец XIX — первая четверть XX века, когда создаются «литературные законодательства» символистов, акмеистов, футуристов. Названные манифесты, написанные в разное время на разных языках, объединены гендерной принадлежностью: они написаны проектёрами-мужчинами и ориентированы (пусть и негласно) на литераторов-мужчин.

Манифест «Как должны писать женщины» Ростопчиной в этом ряду «мускулинных» литературных воззваний занимает особое положение. Оно обусловлено тем, что поэтессе как будто открыты результаты будущих гендерных исследований — о различиях социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским». Следует отметить, что гендерное междисциплинарное направление в науке имеет как своих апологетов, так и своих критиков. Английский термин *gender*, обозначающий грамматическую категорию рода, был перенесен в исследовательское поле других наук (философию, социологию, политологию и др.), чтобы «уйти от термина *sexus* (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и полоролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную «ценность» лиц в зависимости от их пола. Термин *гендер* был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий»[2]. В этом ракурсе тем более любопытно произведение середины позапрошлого века, в котором различия мужской и женской культуры рассмотрены на примере поэтического творчества.

Манифест Ростопчиной предваряет эпиграф из стихотворения современного ей французского поэта-романтика Шарля Огюстена де Сент-Бёва (*Charles Augustin de Sainte-Beuve)*, писавшего под псевдонимом *Жозефа Делорма*:

[1] Щеблыкина 1994; Шевцова 2007.
[2] Кирилина 2005, 8.

de celles
Qui gardent dans leurs douces etincelles
Qui cachent en marchant la trace de leurs pas,
Qui soupirent dans l'ombre, et que l'on n'entend pas...

Joseph Delorme

[О тех, кто хранит в груди нежные искры, кто скрывает следы своих шагов, кто вздыхает в тени и кого не слышно...

Жозеф Делорм]

Эпиграф, традиционно выполняющий роль камертона, настраивающего читателя на определенный эмоциональный тон, в данном стихотворении задает к тому же и своеобразную интригу. В нем дана характеристика «тех», кто нежно чувствует, но чувствует «в тени», но «те» не названы. Конечно, сопоставив эпиграф и заглавие стихотворения, читатель легко может «вычислить» «тех», о ком говорит поэт. Однако именно эпиграф со своей недосказанностью и некоторой таинственностью является тем ключом, с помощью которого вскрывается основной смысл стихотворения.

В начале стихотворения поэтесса делиться своим читательским опытом, для которого характерна сопричастность читателя творчеству, настроенность на диалог с автором произведения:

Как я люблю читать стихи чужие,
В них за развитием мечты певца следить,
То соглашаться с ним, то разбирать, судить
И отрицать его!.. Фантазии живые,
И думы смелые, и знойный пыл страстей –
Всё вопрошаю я с внимательным участьем,
Всё испытую я; и всей душой моей
Делю восторг певца, дружусь с его несчастьем,
Любовию его люблю и верю ей[3].

В этих строках об эстетическом удовольствии от процесса чтения содержится антитеза «свои»/«чужие» (стихи), благодаря которой становится понятно, что Ростопчина — не просто читатель, но и сочинитель в одном лице. Стихи мужчин-поэтов вызывают у поэтессы разные чувства: она присоединяется к мнению поэта-мужчины, восхищается вместе с ним, проникается бедами его героев, примеривает их на себя, пытается разрешить их проблемы, а также разделить их сердечные привязанности. Отсюда в стихах обилие сказуемых-глаголов, передающих движение, работу мысли поэта.

Однако необычное наслаждение Ростопчиной доставляет чтение женской лирики:

Но женские стихи особенной усладой
Мне привлекательны; но каждый женский стих
Волнует сердце мне, и в море дум моих
Он отражается тоскою и отрадой.

[3] Здесь и далее стихотворение «Как должны писать женщины» Е. П. Ростопчиной цитируется по следующему изданию без указания страниц: Ростопчина II, 1857, 33–34.

Мужской поэзии Ростопчина противопоставляет женскую поэзию, на этой антитезе поэтесса и строит свое стихотворение. Если мужской поэзии свойственны «фантазии живые», «думы смелые», «знойный пыл страстей», то женскую поэзию характеризуют противоположные по значению сочетания: «эхо страсти томной», «мысль скромная», «чувства нежные». От читательского опыта Ростопчина переходит к предписанию основ женской поэзии, создавая программу женщине — поэту.

Её требования к женщине-поэту отличаются от отношения к поэту-мужчине, которому Ростопчина позволяет иметь большую свободу в выражении собственных мыслей и чувств. Женская же душа, способная и на высокую любовь, и на самопожертвование и прощение, должна оставаться скромной. Если мужская поэзия — это «стихи чужие», то женская лирика — это «лучшие сны свои». Антитеза свое/чужое, понимаемая как читатель/автор, меняет значение на женское/мужское. Анастрофа «стихи чужие» способствует логическому и интонационному выделению слова «чужие». Анастрофы «фантазии живые», «думы смелые» характеризуют широту и глубину содержания мужской поэзии. Особую экспрессию создаёт повтор однокоренных слов «любовию», «люблю», который характеризует попытку героини понять мужскую любовь, «примерить её на себя». Таким образом, противоположность мужского и женского начал распространяется Ростопчиной не только на область поэзии, но и на область чувств.

Но вернемся к манифестированию законов женской поэзии в стихотворении Ростопчиной. Лирическая героиня в женской поэзии — это чувственная героиня, «певица робкая», «стыдливая», возвышенная и мечтательная. Женская поэзия должна быть застенчива, сдержанна, покрыта тайной. Поэтесса даёт наказ женщинам — не разглашать своих сердечных тайн:

Но только я люблю, чтоб лучших снов своих
Певица робкая вполне не выдавала…

Истинное чувство должно быть сокровенным. Сила любви меняет женщину, делает её скромной, чуткой, нежной. Мысль, по мнению Ростопчиной, должна быть тщательно обдумана, а потом высказана. Собственно требования поэтессы сводятся к одному главному императиву: женская поэзия должна быть глубокой, мудрой и потаенной.

Несмотря на сильные чувства, женщина-поэт не должна открывать свои чувства слишком явно и смело, как это делают поэты-мужчины:

Чтоб имя призрака её невольных грёз,
Чтоб повесть милую любви и сладких слёз
Она, стыдливая, таила и скрывала;
Чтоб только изредка и в проблесках она
Умела намекать о чувствах слишком нежных…

Можно сказать, что Ростопчина требует увеличить степень суггестивности женской поэзии по отношению к мужскому творчеству: «изредка» «в проблесках» «намекать» на свои чувства — таково кредо женщины-поэта, по Ростопчиной. Далее поэтесса выстраивает эстетику намека, правда, в особом метафорическом ключе.

Душа любимого невольно присутствует в мире героини («Чтоб имя призрака её невольных грёз»). Мысль поэтессы остаётся незаконченной, ограничивается

намёком. Предоставив возможность читателю подумать, поэтесса применяет тавтологию, добиваясь, таким образом, спонтанной речи лирической героини. Ростопчина создаёт монашеский образ лирической героини-поэтессы, для которой чувство любви свято:

Чтобы туманная догадок пелена
Всегда над ропотом сомнений безнадежных,
Всегда над песнию надежды золотой
Вилась таинственно; чтоб эхо страсти томной
Звучало трепетно под ризой мысли скромной…

При чтении строк «чтоб эхо страсти томной» невольно вспоминается история истаившей Эхо от любви к Нарциссу. У каждой певицы (поэтессы) мысли и желания должны быть сокровенными, интимными переживаниями. Тайное чувство должно гореть в душе, но не проявляться открыто:

Чтоб сердца жар и блеск подёрнут был золой,
Как лавою волкан; чтоб глубью необъятной
Её заветная казалась нам мечта…

Оксюморон «Чтоб речь неполная улыбкою понятной,/ Слезою тёплою дополнена была» создаёт новое представление: «слеза тёплая», «улыбка понятная» дополняют скромную, немногословную, неполную речь женщин-поэтов.

Мужская и женская любовь понимается Ростопчиной по-разному. Мужская любовь — это «знойный пыл страстей». И если мужская любовь испепеляющая, иссушающая, то у женщин «сердца жар и блеск» должен быть «подёрнут золой», «как лавою волкан». Женская любовь, по мнению поэтессы, более искромётная, горячая, но быстро остывающая и повторяющаяся. Женская лирика обретет глубину, если будет отражать искренние чувства сдержанно.

В недосказанности и недоговорённости и состоит главное достоинство женской поэзии, ее отличие от мужской поэзии. Утишая собственные страсти, женщины-поэты как бы возвышаются над миром и хранят целомудрие Жизни:

Чтоб внутренний порыв был скован выраженьем,
Чтобы приличие боролось с увлеченьем
И слово каждое чтоб мудрость стерегла.

Это требование к женщинам Ростопчина распространяет не только на поэзию, но и на все сферы жизни:

Да! Женская душа должна в тени светиться,
Как в урне мраморной лампады скрытой луч,
Как в сумерки луна сквозь оболочку туч,
И, согревая жизнь, незримая, теплиться.

Женская поэзия, по мнению поэтессы, должна быть созидательной, духовно просветлённой.

Графине Е. П. Ростопчиной суждено было родиться под «одной звездою» и идти дорогою одной с М. Ю. Лермонтовым, с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, достойно представив в Золотом веке русской культуры женскую поэзию. Она прекрасно осознавала своё особое предназначение, выразив свой завет русским поэтессам в заключительных четырёх стихах стихотворения «Как должны писать женщины».

Обращаясь к теме поэта и поэзии, Е. П. Ростопчина подчёркивает, что произведения, созданные женщиной, отличаются от поэзии мужской: женщина тоньше чувствует, находит выражения более мягкие и в то же время более яркие, чем мужчина. Поэтесса отмечает, что чувства женщины более глубокие, чем у мужчин, но женщины-поэты не должны высказывать до конца свои мысли и чувства. С приходом Е. П. Ростопчиной русская поэзия обрела новые темы, связанную не только с судьбой женщины-поэта, но и с женским мировосприятием как таковым. Следует констатировать, что амбициозное смелое заглавие стихотворение, предполагающее свод жестких предписаний для женщин-поэтов, не оправдывает себя. Графиня Ростопчина последовательно проводит идею о том, что женское чувство и в жизни, и в поэзии должно оставаться «в тени» (мужской?) и таким образом согревать мир.

ЛИТЕРАТУРА

Кирилина А. В. (ред.) 2005: Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М.

Ростопчина Е. П. 1857: Стихотворения графини Ростопчиной. СПб.

Шевцова Л. И. 2007: Лирика Е. П. Ростопчиной (проблемы поэтики). М.

Щеблыкина Л. И. 1994: Лирика Е. П. Ростопчиной: Проблемы поэтики: дисс…на соискание канд. филол. наук. Москва.

MALE AND FEMALE ASPECTS IN YE. P. ROSTOPCHINA'S MANIFESTO "HOW WOMEN SHOULD WRITE"

V. V. Sokolova

This is the analysis of Ye.P. Rostopchina's Manifesto "How Women Should Write" that is a most remarkable piece of Russian poetry of the 19th century. Gender approach helped to reveal principal differences between male and female poetry that are declared by the Russian poetess in her manifesto. The message of the poem tells writing women to express their feelings modestly, meekly, and enigmatically.

Key words: literary criticism, Ye. P. Rostopchina, poetic manifesto, gender approach, female poetry.

© 2012

Т. Б. Зайцева

ЧЕХОВ И КИРКЕГОР: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ

В статье рассматриваются подходы к изучению типологических и генетических связей творчества Чехова и Киркегора, кратко освещается история вопроса и обосновывается его актуальность. Главное внимание уделяется точкам соприкосновения художественно-философской антропологии Киркегора и Чехова.

Ключевые слова: литературоведение, экзистенциализм, С.О. Киркегор, А.П. Чехов, генетические и типологические связи, человек.

Впервые переклички Чехова с датским мыслителем Киркегором были замечены русской литературной критикой: в начале XX века почти случайно возникает упоминание о Киркегоре в статье о Чехове Ю. Айхенвальда, размышлявшего о феномене повторения в творчестве датского философа и русского писателя[1]. В начале восьмидесятых годов чеховского героя как «посткультурного человека» через призму философии Киркегора рассматривал А. Ю. Суконик в своем художественно-публицистическом эссе, включенном позже автором в книгу «Театр одного актера»[2]. В конце XX — начале XXI века тема «Чехов и Киркегор» всерьез привлекла внимание зарубежных и отечественных ученых: интересные научные подходы к ее исследованию были намечены в отдельных статьях и выступлениях на конференциях. М. Сендерович находила концептуальные и текстовые переклички произведений русского писателя и датского философа[3], Р. Нойхаузер выявлял киркегоровскую парадигму эстетик-этик в русской литературе от Карамзина до Чехова[4], С. Б. Рубина обнаруживала сходство иронического взгляда Киркегора и Чехова на мир[5], С. В. Земляная рассматривала духовный феномен *страха* в одноименном рассказе Чехова («Страх») частично через призму философии Киркегора[6].

Обращение к теме «Чехов и Киркегор» действительно имеет серьезные типологические основания. Не так давно С. Г. Бочаров обратил внимание на то, что «в европейской философии Кьеркегор возник на фоне Гегеля как философского «генерала». Чехов в русской литературе явился на фоне Толстого и Достоевского»[7].

Чехов никогда не претендовал на знание объективной *абсолютной* истины: «Все великие мудрецы деспотичны, как генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности <…> Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же

Зайцева Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы МаГУ. E-mail: tbz@list.ru

[1] Айхенвальд 1994.
[2] Суконик 2001.
[3] Senderovich 1997.
[4] Neuhauser 1997.
[5] Рубина 2004.
[6] Земляная 2004, 118–127.
[7] Бочаров 2007, 335.

Диоген, которого в участок не поведешь и в газетах не выругаешь. Итак, к чёрту философию великих мира сего!»[8], — читаем в одном из его писем. В своем творчестве Чехов не решил ни одного вопроса, поскольку считал, что гораздо важнее уметь правильно поставить вопросы, и сознавал своей обязанностью оставаться просто человеком, писателем, избегая пророчеств и учительства. По сравнению с Л. Толстым, Чехова можно назвать, подобно Киркегору, «частным мыслителем» или «субъективным экзистирующим мыслителем» (как принципиально называл себя сам датский философ), находящимся в постоянном поиске истины.

Художественная литература, не теряя своего изначального предназначения и специфики, становится способом экзистенциального философствования, начиная с трудов Киркегора, который, несомненно, был блестящим писателем и оставил заметный след в истории европейской литературы («Повторение», «Дневник обольстителя», «Афоризмы эстетика»). Философия Чехова, как подчеркивает В.Б. Катаев, «несводима к философским суждениям, логическим тезисам», и именно это обстоятельство, по его мнению, сближает Чехова с философами-экзистенциалистами. «Современные философы (например, Ричард Рорти) признают, что не философия, а литература с сюжетами и образами скорее способна рассказать истину о нашей природе и мире в целом. Романисты и поэты могут сказать нам гораздо больше, чем философы: повествование предпочтительнее споров и теорий»[9].

Состояние современного Киркегору искусства и философии, характеризующееся разрывом между высокими идеями и экзистенциальной практикой, отвлеченностью от самых насущных проблем конкретного индивида (как формулировал их сам философ: «Что делать человеку? как жить?»[10]), не могло удовлетворить датского мыслителя. Идеалы расходились с повседневностью применительно к личности, Киркегор же с полной самоотдачей искал такую философию, которая бы исходила из реального существования человека так, чтобы он мог оставаться «философом» в своем повседневном существовании. «Философия для Киркегора становится сферой, где он решает вопрос «быть или не быть», и решает его для себя, ибо никто не может решить такой вопрос для другого. В этом смысле очень точно определил экзистенциальную философию Киркегора Л. Шестов: «Свою философию он называл экзистенциальной — это значит: он мыслил, чтобы жить, а не жил, чтобы мыслить»»[11]. Датский философ был убежден, что «самое важное для нас <…> обрести такой взгляд на человеческую жизнь и на этот мир, с которым можно было бы жить»[12], пишет биограф Киркегора. И так же, как Киркегора, Чехова тревожил вопрос, как и чем жить человеку, причем не герою, не выдающемуся представителю людского рода, а самому обыкновенному, заурядному человеку, который бьется в тисках повседневности, томится будничной тоской, поглощаемый собственной временностью и сознающий свою конечность.

Пауль Тиллих, известный философ-экзистенциалист XX столетия, исследуя общественно-исторические обстоятельства, повлиявшие на творчество Киркегора, констатировал дегуманизирующее воздействие технического прогресса на все

[8] Чехов IV, 270.
[9] Катаев 2008, 70.
[10] Кьеркегор 1998, 219.
[11] Гайденко 1997, 18–19.
[12] Роде 1998, 261.

индустриальное общество XIX века, важным последствием которого «стало то, что Ницше назвал «смертью Бога», а именно исчезновение христианского опыта и христианских символов из массового сознания западной цивилизации»[13].

«Время и люди становятся все более и более недействительными»[14], — размышляя о своей эпохе, тревожился датский философ, назвавший смертельную болезнь духа и души своих современников, утративших подлинную связь с Богом, *отчаянием*. Киркегор диагностировал симптомы этой, как он подчеркивал, *всеобщей* болезни или, по его определению, «*болезни к смерти*»: «большая часть людей живет, не особенно задумываясь над своим духовным предназначением… отсюда и вся эта ложная беззаботность, это ложное довольство жизнью и так далее — то, что как раз и есть само отчаяние»[15].

По Киркегору, «отчаяние» представляет собой сложный экзистенциальный феномен, характеризующийся комплексным переживанием безотчетного страха, бессмысленности и абсурдности собственного существования, иллюзорности жизни, конечности бытия, чувством заброшенности в чуждый человеку мир. Категория «отчаяния» в произведениях Киркегора представлена развернутой типологией разновидностей отчаяния и «человека отчаявшегося».

Общественные процессы, охватившие Европу с начала XIX века, с некоторым опозданием проявились и в России. Отход от христианской религии, массовое увлечение позитивизмом, материализмом, вера в естественные науки и прогресс, утилитаризм, радикализм были характерны для русского общества второй половины XIX века, вплоть до рубежа веков. «Вся история русской интеллигенции проходит в прошлом веке под знаком религиозного кризиса»[16], в тридцатые годы XX столетия отмечал прот. Г. Флоровский, особо выделяя шестидесятые годы XIX века как «историческую “нетовщину”»[17], определяя распространенный в этот период нигилизм как всеобщее решительное отрицание, тотальный разрыв с прошлым.

На рубеже XIX–XX веков подвергаются ревизии и секулярные ценностные основания, характерные для 60-х годов. В частности, в конце XIX века неоспоримые для деятелей середины века (в том числе и для Достоевского, и для Л. Толстого) идеи, придающие смысл жизни, а именно апелляция к народу как высшей истине и идея «служения народу» и обществу, перестали играть роль универсальной опоры индивидуального бытия.

Характеризуя свою эпоху, в письме к А. С. Суворину 25 ноября 1892 г. Чехов отмечал значимое противоречие: с одной стороны, бурным ходом идет развитие научно-технического прогресса («наука и техника переживают теперь великое время»), с другой стороны, новое время требует новых идеалов и новых «общих идей», иных духовных обоснований человеческой жизни и деятельности («у нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь <…> Да, я умен по крайней мере на-

[13] Тиллих 1994, 455.
[14] Киркегор 2005, 367.
[15] Кьеркегор 1993, 265.
[16] Флоровский 1991, 292.
[17] Флоровский 1991, 288.

столько, чтобы не скрывать от себя своей болезни и не лгать себе и не прикрывать своей пустоты чужими лоскутьями вроде идей 60-х годов и т. п.»[18]). Чехов поставил диагноз своему поколению задолго до того, как наличие болезни было осознано русским обществом. Только в начале XX века стало очевидно, что «в сознании интеллигенции <…> заколебались те конечные цели цивилизации и просвещения, которые прежде представлялись несомненными и из-за которых шла борьба»[19]. Духовную болезнь современного ему человека, потерю духовных ориентиров и чувство пустоты и обессмысливания жизни Чехов в своих произведениях нередко тоже называет «отчаянием».

Самоосознание человеком своей погруженности в отчаяние является, по убеждению Киркегора, главнейшим условием преодоления болезни к смерти и пробуждения подлинного человеческого Я: «отчаяние — не разрыв, а просветление личности»[20], поскольку ведет к осознанию человеком своего духовного предназначения[21]. Осознанное отчаяние свидетельствует о стремлении восстановить потерянную в XIX столетии связь человека с Богом.

Всем своим творчеством Киркегор решал высочайшую и всеобъемлющую для себя жизненную задачу: как стать христианином, «рыцарем веры», как совершить прорыв к вере. Датский теолог, религиозный писатель, несостоявшийся пастор, основатель *христианского* экзистенциализма целенаправленно, хотя и непрямыми путями, вел своего читателя к Богу, резко критикуя современную церковь и современное христианство. В этом смысле в русской литературе к нему ближе всего Гоголь, Достоевский, Толстой, на что давно обратили внимание философы.

Подчеркнутая религиозная направленность философских размышлений Киркегора, казалось бы, может поставить под сомнение правомерность его сопоставлений с принципиально нерелигиозным Чеховым.

«Христос есть путь <…> И путь этот узок»[22], — предупреждал Киркегор. Датский философ настаивал на том, что современное ему общество потеряло христианство не только потому, что многие отошли от религии, но и потому (а в этом заключалась более серьезная опасность, по мнению Киркегора), что «значение слова «христианин» стало пустым звуком, безделицей, чем-то таким, чем может явиться всякий без труда»[23]. Выход из ситуации виделся ему только в том, что «каждый в отдельности, со всей искренностью перед Богом должен смиренно преклониться перед значением истинного вступления в христианство в его строжайшем смысле, искренно признаться перед Богом, какое положение занимает»[24].

Через пятьдесят лет, ничего не зная о религиозно-философских исканиях датского философа, Чехов приходил к подобному убеждению: «Нужно веровать в бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью»[25].

---

[18] Чехов V, 133–134.
[19] Половинкин 2005, 16.
[20] Кьеркегор 1998, 280.
[21] Кьеркегор 1993, 264.
[22] Киркегор 1995, 367.
[23] Кьеркегор 1995, 324.
[24] Кьеркегор 1995, 323.
[25] Чехов X, 142.

Значение философии Киркегора далеко не исчерпывается его христианскими убеждениями. «Если отвлечься от религиозной атмосферы, в которой прошла вся жизнь Киркегора, вопрос о субъективном, то есть о месте индивида в качестве единичного субъекта, остается отправным пунктом в философии многих более поздних мыслителей. Как субъективность может раствориться в истории? Каким образом может происходить ее отрицание общественными институтами? Эти вопросы актуальны и сегодня»[26], отмечает Р. Хесс. «Оставаясь в <…> секулярном измерении, мы можем точнее определить практический смысл творчества Киркегора как *экзистенциальную реабилитацию современности*, понимая под этим трансформацию эпохи *через* экзистенциальное преобразование единичных индивидуумов. Суть этого преобразования заключается в восстановлении способности (читателя) становиться этической самостью, или самоопределяться в своей конкретно-исторической ситуации»[27], — утверждает другой современный исследователь творчества Киркегора.

По мнению многих, философские поиски Киркегора приобретают необычайную актуальность в наше время. Сегодня «рушится система ценностей, и более всего теряет ценность сам *человек* — и в своих собственных глазах, и в общественном сознании. Человек как личность, человек как индивидуум, человек как образ и подобие Божие — все это *обесценивается*. Одновременно с этим происходит и еще один процесс — все *обессмысливается*»[28], замечает протоирей Алексий Уминский.

Киркегор же решительно отстаивал, защищал Единицу, единичного человека, неуклонно ставя его выше общего. «Если бы мне предложили выбрать себе надпись на могиле, я бы не просил никакой другой, кроме — «Единица». Если эту категорию еще не поняли, то поймут со временем»[29], — писал философ в своих дневниках. Даже если бы Единицы сплотились, они потеряли бы для датского мыслителя свое значение, поскольку слияние с массой избавляет человека от насущности личного выбора и мужественной ответственности *быть*: «существует концепция Жизни, полагающая, что там, где большинство, там и Истина, что в самой Истине заложена потребность в большинстве. Но есть и другая концепция Жизни. Она полагает, что там, где большинство — там истина отсутствует, ибо большинство не-Истина… Масса — не выражает Истину, ибо несет в себе безответственность и не испытывает угрызений совести, или, по крайней мере, ослабляет ответственность индивидуума, делая его/ее всего лишь маленьким винтиком»[30].

Экзистенциальная антропология Киркегора, учение о трех сферах человеческого существования (эстетической, этической и религиозной) является средоточием его философии. По нашему убеждению, киркегоровский взгляд на человека близок чеховской концепции самоактуализации личности. В конце XIX века Чехов особенно остро ощущал кризис человеческого существования: гарантией от духовной катастрофы могло стать только постоянное напряженное усилие отдель-

[26] Хесс 1999. 209.
[27] Щитцова 2006, 86.
[28] Уминский 2009, 7.
[29] Цит. по: Роде 1998, 354.
[30] Цит. по: Басс 2004, 86.

ной личности *осуществиться*, ее устремленность к самостоянью. «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна…»[31]. Все творчество писателя, подобно киркегоровскому, было обращено к отдельному человеку, к Единице, осознающей себя как личность.

Чехов как художник и человек отличался, по свидетельству современника (И. Бунина), — «чувством личной свободы»[32], по убеждению современного исследователя, разделяющего мнение многих чеховедов, — «духовной самостоятельностью», которая была не только «резкой и определяющей чертой натуры, но и основным принципом, чистоту которого он оберегал ревниво, даже с примесью подозрительности <…> сознательно культивировал ее в своей душе»[33].

Чехов, изображая жизнь человека как сложный процесс постоянного выбора, не давал ни малейшей поблажки своим героям, без сочувствия разоблачая всевозможные иллюзии и мнимые надежды, позволяющие человеку уклоняться от главного труда своей жизни — становиться личностью, *быть*, не смотря ни на какие внешние обстоятельства. В этом проявлялась оригинальность его авторской позиции: «Никаких надежд на историю, на социальные или иные внешние перемены — только вопреки им человек становится самим собой»[34]. Простая *инерция существования*, лишенная полноты персональности, предстает в чеховских произведениях, особенно в последние годы творчества, с выраженной пейоративной оценкой — как *анти*норма человеческой жизни.

Художественная антропология Чехова сродни киркегоровской в том, что акцент в ней тоже ставится «на личном присвоении некой истины, на напряженном, личностном переживании и конструировании смыслов»[35]. Размышляя о тенденциях развития духовной жизни человечества в XX веке немецкий философ писал: «…когда релятивизм отныне перестал быть уделом одинокого мышления и начал разлагать объективные жизненные порядки, неминуемо должна была пробудиться потребность в окончательной, безусловной опоре, которая была бы неподвластна стихии этого всеобщего распада. Поскольку же человек разочаровался в любой объективной вере и для него всё стало сомнительным, поскольку все содержательные смыслы жизни <…> были поставлены изменчивостью под вопрос, остался лишь возврат к собственному внутреннему, чтобы здесь, в окончательное предшествующей всем содержательным установкам глуби, добыть ту опору, которая более не принадлежала бы объективному миропорядку»[36].

И Чехов, и Киркегор почувствовали необходимость обратиться к глубинному ядру человека задолго до того времени, когда процесс распада традиционных ценностей, которые считались нерушимыми и не подвергались сомнению, и всех прочных порядков стал очевидным.

---

[31] Чехов VIII, 101.
[32] Бунин 2011, 168.
[33] Дерман 1929, 74–75.
[34] Мильдон 1996, 157.
[35] Исаев, Исаева 2005.
[36] Больнов 1999, 19.

На рубеже столетий человек вынужден был повернуться к себе самому, непривычному и неизвестному до сих пор. Для этого в художественном мире Чехова последовательно устранялись все иллюзии и опоры, и герой оставался лицом к лицу с истиной бытия. Единичный человек в поисках подлинного бытия, в поисках самого себя — главная тема размышлений Киркегора и Чехова.

«Субъективность — это истина», а значит, существует множественность истин, утверждал Киркегор, и потому «духовный человек всегда что-то не договаривает, он признается, что еще не все понял»[37]. «Настоящей правды не знает никто», считал Чехов, а потому «пишущим людям, особливо художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она всё знает и всё понимает; и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед»[38].

Сближает Чехова с Киркегором и косвенный метод, ставший для обоих не просто способом изложения, но «способом существование в писательстве»[39], как справедливо полагала Марена Сендерович. Косвенный метод проявляется, по ее мнению, прежде всего в псевдонимности Чехова и Киркегора как особой коммуникативной позиции по отношению к своему авторству и к читателю. «Для обоих характерен дуализм в отношении к своим творениям: разделение на псевдонимное творчество и на открытое, никак не скрываемое и не вуалируемое авторство <…> Хотя явление псевдонимности коренилось в бытующей традиции (романтической в случае Киркегора, журналистской по преимуществу в случае Чехова), его актуальный смысл из нее не объясняется <…> Здесь находит выражение пристрастие обоих авторов к изощренным мистификациям, к игре в сокрытие, с последующим узнаванием, а то и самораскрытием. Другим аспектом косвенного метода Киркегора явилось его выражение в иронической манере письма, иронической манере общения с читателем, с публикой в широком смысле, что было более чем стилистической особенностью. Это было выражением мироощущения, способом существования»[40]. Ирония как стиль и способ существования в творчестве, несомненно, отличает и Чехова.

Насколько перспективен путь исследования генетической связи между Киркегором и Чеховым? Был ли Чехов непосредственно знаком с сочинениями датского философа? Отдельные труды Киркегора, возможно, были известны ему по первым русским переводам П. Г. Ганзена, страстного пропагандиста трудов Киркегора в России. В 1885 году Л. Я. Гуревич поместила в своем журнале «Северный Вестник» перевод большого отрывка книги «Или — или» (1843), спустя год другой отрывок из этой книги — «Афоризмы эстетика» — напечатал в «Вестнике Европы» за 1886 г. (№ 3, кн. 5) М. М. Стасюлевич, а в начале 1890-х гг. П. Г. Ганзен переработал оба своих перевода и добавил к ним еще один — «Дневник обольсти-

[37] Ахутин 1992, 262.
[38] Чехов II, 280–281.
[39] Senderovich 1997, 31.
[40] Senderovich 1997, 31.

теля», и в 1894 г. издательство М. М. Ледерле выпустило книжку «Наслаждение и долг» в серии «Моя библиотека»[41].

Таким образом, первое предполагаемое знакомство Чехова с Киркегором могло состояться еще в 1885 г. Достоверно известно, что Чехов читал четвертый номер «Северного вестника» за 1885 г., где было опубликовано окончание второй части книги «Наслаждение и долг», под названием переводчика «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал». Об этом факте мы узнаем из письма Чехова В. В. Билибину от 1 февраля 1886 г.: «Как-то <…> я назвал Вам Короленко <…> Если хотите познакомиться с ним, то возьмите «Северный вестник» и прочтите в IV или V книге статью «Бродяги»»[42]. Очерк Короленко был напечатан как раз в четвертом номере.

И хотя нигде в письмах мы не найдем прямых указаний или явных намеков на то, что Чехов был хоть как-то заинтересован датским автором, тем не менее между проблематикой книги Киркегора «Наслаждение и долг» (впервые опубликованной в 1885–1886 гг. и вышедшей отдельным изданием в 1894 г.) и творчеством Чехова конца восьмидесятых и первой половины девяностых годов существует заметное сходство.

Впервые на генетическую связь обратила внимание М. Сендерович, прокомментировавшая «концептуальное и текстуальное влияние» Киркегора и его философских взглядов на чеховскую «экзистенциальную трилогию», как ее выделила и назвала сама исследовательница («Степь», «Припадок», «Скучная история»)[43]. Замечательно, что исследователь обнаруживает в одном из писем Чехова вполне вероятный *скрытый* отклик на афоризм Киркегора. В «Афоризмах эстетика» есть изречение, намекающее на особенность поэтического и философского зрения Киркегора: «Мой взгляд на жизнь лишен всякого смысла, — мне кажется, что какой-то злой дух надел мне на нос очки, одно стекло которых увеличивает все до чудовищных размеров, а другое до такой же степени уменьшает»[44]. А в июне 1896 г. Чехов сообщал А.С. Суворину: «Был в Москве у глазного врача. Один глаз у меня дальнозоркий, другой близорукий»[45]. «Что Чехов обладал разными глазами, поразило меня не как офтальмический курьез» — поясняет М. Сендерович — «а потому, что эта физиологическая особенность соответствует чеховскому видению: одним глазом — в крупном плане, а другим — с близкого расстояния пристальное разглядывание. Особенность эта предполагает специальный подход к Чехову: чтобы разглядеть его, необходима двойная перспектива»[46].

Несомненно, во многом близость экзистенциальных исканий Чехова и философских воззрений Киркегора объясняется не столько генетической связью или сознательным заимствованием, сколько сходными философскими основаниями взгляда на мир и человека. Как верно пишет М. Сендерович, обращение к писательской позиции Киркегора, его мировоззрению, манере общения с читателем может прояснить некоторые важные стороны творческой личности Чехова: его

[41] Лунгина 1996, 168.
[42] Чехов I, 191.
[43] Senderovich 1997.
[44] Кьеркегор 1998, 21–22.
[45] Чехов VI, 161.
[46] Senderovich 1997, 43–44.

отношение к самому себе и к своему писательству, его мироощущение, характер его диалогичности, поэтику и стиль.

Как бы и чем бы ни объяснялись «странные сближенья» между Чеховым и Киркегором (генетически или типологически), они существуют и существенны, и заочный культурный диалог мировоззрений и экзистенциальных позиций датского философа и русского писателя, безусловно, заслуживает серьезного внимания.

ЛИТЕРАТУРА

Айхенвальд Ю. 1994: Силуэты русских писателей. М.

Ахутин А.В. 1992: Примечания // Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М., 237–294.

Басс И. (сост.) 2004: Сёрен Кьеркегор. Жизнь. Философия. Христианство. СПб.

Больнов О.Ф. 1999: Философия экзистенциализма. СПб.

Бочаров С.Г. 2007: Филологические сюжеты. М.

Бунин И.А. 2011: Чехов // Писатели о писателях. Литературные портреты / Романенко А.Д. (сост.). М., 159–171.

Гайденко П.П. 1997: Прорыв к трансцендентному. М.

Дерман А. 1929: Творческий портрет Чехова. М.

Земляная С.В. 2004: Концепция личности в прозе А.П. Чехова 1889–190-х годов: дисс. … канд. филол. наук. М.

Исаев С.А., Исаева Н.В. 2005: Косвенное сообщение: шифрованное письмецо вечности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // magazines.russ.ru/vestnik/2005/16/is23.

Катаев В.Б. 2008: Истинный мудрец // Философия Чехова: Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 27 июня — 2 июля 2006 г.) / А.С. Собенников (ред.). Иркутск, 68–75.

Киркегор С. 1998: Христос есть путь // Роде П.П. Сёрен Киркегор, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск, 367–378.

Киркегор С. 2005: Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». Минск.

Кьеркегор С. 1993: Страх и трепет. М.

Кьеркегор С. 1995: Введение в христианство // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / И.Т. Фролов (отв. ред.). М., 295–323.

Кьеркегор С. 1998: Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону.

Лунгина Д.А. 1996: Узнавание Керкегора в России // Логос. Философско-литературный журнал. 7, 168–183.

Мильдон В.И. 1996: Чехов сегодня и вчера («Другой человек»). М.

Половинкин С.М. (ред.) 2005: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М.

Роде П.П. 1998: Сёрен Киркегор, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск.

Рубина С.Б. 2004: Природа иронии Чехова // Ирония и пародия: Межвузовский сборник научных статей / С.А.Голубков, М.А. Перепелкин, В.П. Скобелев (ред.). Самара, 98–116.

Суконик А.Ю. 2001: Театр одного актера. М.

Тиллих П. 1994: Киркегор как экзистенциальный мыслитель // С. Киркегор. Наслаждение и долг. Киев, 452–456.

Уминский А. 2009: Предисловие // Кьеркегор С. Беседы. М., 6–9.

Флоровский, Г. 1991: Пути русского богословия. Киев.

Хесс Р. 1999: 25 ключевых книг по философии. Челябинск.

Чехов А. П. 1974–1983: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.

Щитцова Т. В. 2006: Экзистенциальная терапия, или как практикуют философию: к актуальности Киркегора в современную эпоху // «Логос». 5 (67), 84–99.

Neuhauser R. 1997: Cechov und das Kierkegaard'sche Paradigma // Anton P. Cechov — Philosophische und religiose Dimensionen im Leben und Werk / V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Noheil (Herausg.). Munchen, 45-58.

Senderovich M. 1997: Чехов и Киркегор // Anton P. Cechov — Philosophische und religiose Dimensionen im Leben und Werk / V. B. Kataev, R.-D. Kluge, R. Noheil (Herausg.). Munchen, 29-44.

CHEKHOV AND KIERKEGAARD: ON THE ISSUE OF TYPOLOGICAL AND GENETIC LINKAGE

T. B. Zaitseva

The article considers different approaches to the study of typological and genetic links between the creative work of Chekhov and Kierkegaard, outlines the background, and substantiates its importance. The emphasis is on points of similarity between Chekhov's and Kierkegaard's philosophic anthropology.

Key words: literary criticism, existentialism, S. O. Kierkegaard, A. P. Chekhov, genetic and typological linkage, human being.

© 2012

Е. Г. Постникова

МИФЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ ГЛУПОВСКОГО МИФА (по роману М. Е. Салтыкова Щедрина «История одного города»)

Автор доказывает, что в «Истории одного города» М. Е. Салтыков-Щедрин подходит к проблеме мифологизации русской истории и ставит перед собой задачу ее реконструкции, дешифровки и перекодировки. Легенда «о корени происхождения глуповцев» играет для глуповцев роль Прасобытия, фундаментального истока и базового формирующего события глуповской истории. Аналогичную роль в русской мифологии истории играет легенда о «призвании варягов на Русь». Легенда о призвании варягов на Русь была спародирована Щедриным.

Ключевые слова: русская литература XIX в., М. Е. Салтыков-Щедрин, власть, история, миф.

Постникова Екатерина Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Миф о Власти, как и миф о Государстве, являются частью национальной мифологии. Говоря о национальной мифологии, невозможно оставить в стороне национальную историю, ведь, по мнению современных ученых, «нация, понимаемая сквозь призму мифа, определяется через архетипически понимаемую историю»[1]. Замечательное определение дает В. Полосин: «Национальная мифология есть совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт самосохранения, внутренней организации и развития сообщества в качестве одной великой Семьи. Мифология нации — это иносказательный образ ее нравственного идеала, ее “крови” и “почвы”, это аллегорическая автобиография нации»[2]. У А. Кольева читаем: «Нацией можно считать ту часть населения, которая владеет наследием предков (национальным мифом), а также чувством перспективы, в которой традиция предков оживает в дееспособных формах (национально-государственная идеология). Нация — семья народов, соединенная идеей прошлого и пониманием миссии в настоящем и будущем»[3]. Все современные исследователи сходятся в одном: история любой нации — это история мифологизированная. То есть каждая нация создает миф о самой себе, свою мифологизированную автобиографию, и без этого невозможно построение и существование сколько-нибудь автономного и сильного Государства. Когда-то произошедшие в действительности, но рассмотренные сквозь призму мифа и особым образом интерпретированные исторические события становятся строительным материалом для современных национально-политических мифологий. И действительно, оказывается, что «все яркие, с точки зрения нации, события насквозь мифологичны»[4].

В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин вплотную подходит к проблеме мифологизации русской истории и, на наш взгляд, ставит перед собой задачу ее реконструкции, дешифровки и перекодировки. По сути дела, перед нами авторская интерпретация официальной версии текста прошлого России. В борьбе с официальной («помпезной») имперской историко-политической мифологией Щедрин создает собственный миф об истории России, который, по сути, является контрмифом, антимифом по отношению к господствующей версии. Известно, что современники восприняли щедринскую историю Глупова как пародию на историю России. Щедрину пришлось опровергать это мнение. Он пишет многочисленные письма об «Истории одного города», в том числе знаменитое письмо в редакцию «Вестника Европы» и письмо к А. Н. Пыпину. Обращаясь к рецензенту «Вестника Европы», автор замечает: «Прежде всего, г. рецензент совершенно неправильно приписывает мне намерение написать «историческую сатиру» (…) Не историческую, а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характерных черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною»[5]. Но для некоторых русских мыслителей, исследователей национальной истории щедринский текст до сих пор остается примером негативно-субъективной оценки прошлого Российской империи: «Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны — ущерб-

[1] Хюбнер 1996, 327.
[2] Полосин 1999, 83.
[3] Кольев 2003, 333.
[4] Почепцов 2000, 216.
[5] Салтыков-Щедрин 1973, 452.

ная, изувеченная, но все же великая история»[6]. Действительно, история города Глупова — это не история России. Скорее речь можно вести о демифологизации исторического прошлого в сатире Щедрина.

На наш взгляд, щедринский текст представляет собой не столько пародию на официальную историю России, в чем обычно упрекали сатирика, сколько пародию на современную автору историографию. Особенно это проявляется в главе «О корени происхождения глуповцев», живописующей начало «исторических времен» в Глупове («С этим словом начались исторические времена»)[7]. Известно, что в основу этого рассказа писатель положил предание о добровольном «призвании» в страну трех варяжских князей (Рюрика, Синеуса и Трувора), решение о котором было принято на новгородском вече по совету древнего старца Гостомысла. Это предание стало частью официальной исторической мифологии. Начиная с Н. М. Карамзина именно в нем видели исток счастливого введения монархической власти в России. Известно, что именно это предание вызывало резко противоположную реакцию у представителей консервативного лагеря и их оппонентов — представителей революционной демократии. По этому поводу развернулась ожесточенная журнальная полемика, например, между М. П. Погодиным, сторонником варяжской теории происхождения государства, «маститым московским сатириком», как именовал его Щедрин, и Добролюбовым.

Щедрин ясно осознавал, что сказание о призвании варягов играет роль краеугольного камня официальной исторической мифологии и используется современной историографией для поддержки самодержавного образа правления. Доказательством такого предположения является выдержка из письма И. В. Павлова Салтыкову-Щедрину от 13 августа 1858 г., в котором содержится следующая мысль: «Сказание о призвании варягов *не факт, а миф*, который гораздо важнее всяких фактов». На наш взгляд, русские мыслители второй половины XIX века, такие как М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский, вплотную подошли к открытию явления современной политической мифологии и ее роли в жизни общества. Особенности мифологизации русской истории в ее официально-политическом варианте подмечены Щедриным в «Истории одного города», в цикле «Помпадуры и помпадурши», в «Современной идиллии».

Пародируя официальную историографию, Щедрин концентрирует внимание на нескольких ключевых моментах (идеологемах) легенды о призвании варягов на Русь. Во-первых, глуповская социальная история тесно связана с историей власти. Скажем более: история Глупова — это и есть история его власти (в ее взаимоотношениями с подвластными). Космическое организованное время («исторические времена») начинается только после установления власти единоличного Правителя, «умного-преумного» князя. До этого момента «истории» не было, как не было социальной вселенной. Существовал лишь «хаос», выражавшийся в том, что «ни вероисповедания, ни образа правления эти племена не имели, заменяя все сие тем, что постоянно враждовали между собою. (…) Таким образом взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими женами и девами и в то же время гордились тем, что радушны и гостеприимны»[8]. «Дикие племена», одна-

[6] Кольев 2003, 332.
[7] Салтыков-Щедрин 1973, 277.
[8] Салтыков-Щедрин 1973, 270.

ко, приходят, наконец, к мысли о необходимости самоорганизации общества с целью упорядочения социального космоса («головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидною целью добиться какого-нибудь порядка»)[9]. Но без руководящего действия власти разумный человеческий космос не организуется («Нет порядку, да и полно»)[10]. Так головотяпы приходят к идее сильной Власти: «Тогда надумали искать себе князя. — Он нам все мигом предоставит, — говорил старец Добромысл, — он и солдатов у нас наделает, и острог, какой следовает, выстроит! Айда, ребята!»[11]. Власть, как и порядок, и иерархия оказываются неотъемлемым качеством космоса. Конечно, подобные идеи Щедрин мог почерпнуть из официальной историографии и государственной мифологии Российской империи. Но отметим здесь, что, подрывая основы консервативно-либерального реформаторского дискурса, пародируя «охранительную» риторику, в этом пассаже Щедрин случайно выходит на древнейшую особенность мифологического мышления — корреляцию между Властью и течением времени. Как утверждают современные исследователи: «Любой культурный субстрат пространственно-временных представлений предполагает довольно устойчивую *корреляцию между Властью и течением Времени*»[12]**.** И у Щедрина время («исторические времена»), как и власть, появляются в момент победы социального «космоса» над «хаосом». Тогда как любой момент «безначалия» грозит обернуться возвратом хаоса — «анархией» (См., к примеру, главу «Сказание о шести градоначальницах»).

Во-вторых, родоначальник глуповской власти, «Первопредок», приглашенный головотяпами на царство «умной-преумной» князь совершает несколько знаковых поступков-актов, которые в дальнейшем становятся фундаментальными парадигматическими действиями не только глуповской, но и русской власти вообще. Имеются в виду следующие семиотически отмеченные акты, организующие текст «помпадурского» и «градоначальнического» поведения.

1. Установление сильной власти, что возможно только при наличии у «подчиненных» двоякой эмоции: страха и обожания («священного трепета»). Первый князь, «помахивая сабелькой», да «в ружьецо попаливая», запугивает головотяпов («И тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать; прочих же всех — казнить») и одновременно ласково им улыбается («и таково ласково усмехнулся, словно солнышко просияло!» — замечает летописец»)[13].

2. Князь-первопредок устанавливает так называемую «дань», которая с этих пор будет традиционно маркировать властные отношения в обществе: «И будете вы платить мне дани многие, — продолжал князь, — у кого овца ярку принесет, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разломи его начетверо: одну часть отдай мне, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду на войну — и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!»[14]

---

[9] Салтыков-Щедрин 1973, 271.
[10] Салтыков-Щедрин 1973, 271.
[11] Салтыков-Щедрин 1973, 271.
[12] Бочаров 2006, 255.
[13] Салтыков-Щедрин 1973, 274.
[14] Салтыков-Щедрин 1973, 275.

3. Властитель совершает акт номинации, переименования «головотяпов» в «глуповцев»: «А как не умели вы жить на своей воле и сами, глупые, пожелали себе кабалы, то называться вам впредь не головотяпами, а глуповцами»[15]. Отметим здесь, что само это «переименование» указывает на древнюю связь обряда установления власти с обрядами инициации, перехода. Установление сильной власти описывается Щедриным как «перерождение» социума, переход его на некий более высокий уровень: от «дикого», «звериного обычая», от племенной стадии развития (напомним, что головотяпы у Щедрина — это «племя») к более высокой стадии организации культурного сообщества (город Глупов).

4. Следующей традицией, установленной князем-Первопредком в самом «начале исторических времен», является ритуал «кормления» и «одаривания» народа при вступлении «на престол» («Затем приказал князь обнести послов водкою да одарить по пирогу, да по платку алому, и, обложив данями многими, отпустил от себя с честию»)[16]. Интересно, что обряд «кормления народа» сопровождал воцарение каждого нового русского правителя

5. Окончательно власть в новопостроенном городе Глупове устанавливается только после произнесения первым князем сакраментальной фразы: «Запорю»: «И прибых собственною персоною в Глупов и возопи: — «Запорю!» С этим словом начались исторические времена»[17].

Важно, что все ставшие сакральными действиями глуповской Власти поступки Первопредка совершаются до «начала исторических времен», т.е. во время «Оно», мифическое время первотворений и первопредков. Салтыков-Щедрин ясно прочувствовал мифологичность истории о «призвании варягов на Русь» для официальной русской историографии. Это проявляется в мифологичности его «Сказания о корени происхождения глуповцев» и в той роли, которую это сказание играет во всей глуповской истории. Глуповский миф, как и вообще всякий миф, повествует о какой-либо священной истории, т.е. о каком-либо первичном событии, произошедшем в Начале Времени[18]. Главная его функция заключается «в установлении образцовых моделей всех обрядов и всех значимых человеческих деяний»)[19]. Для нас важно, что сказание о «корени происхождения…» играет роль «архе» в «Истории города Глупова», т.е. роль изначального события, являющегося сакральным образцом и вечно повторяющегося в человеческой истории. Под «архе», вслед за Куртом Хюбнером, мы будем понимать вечно повторяющуюся историю происхождения: «Архе — это история происхождения. Когда-то некое нуминозное существо впервые совершило определенное действие, и с тех пор это событие идентично повторяется[20]. Архе является единственным в своем роде событием, которое постоянно и неизменно повторяется».[21] Согласно Хюбнеру, архе является не только схемой любого процесса, в том числе и исторического, но и конструирует его временной ход. «Являющаяся в архе временная последовательность событий наполняет его содержание. Архе является, так сказать, пара-

[15] Салтыков-Щедрин 1973, 275.
[16] Салтыков-Щедрин 1973, 275.
[17] Салтыков-Щедрин 1973, 277.
[18] Элиадэ 2006, 296.
[19] Элиадэ 2006, 298.
[20] Хюбнер 1996, 122.
[21] Хюбнер 1996, 126.

дигмой этой последовательности, повторяющейся бесчисленным и идентичным образом», — отмечает исследователь[22].

Мы можем утверждать, что все перечисленные выше поступки-акты первого «умного-преумного» князя, как поступки некоего нуминозного первосущества, творившего в мифическое время «Оно», становятся парадигматическими образцами, задают архетипы, бесчисленное количество раз идентичным образом воспроизводятся в последующей глуповской истории. Все глуповские властители стараются вызвать у подчиненных смешанные чувства страха и обожания, «священный трепет». В традиционной политической культуре глуповских обывателей, как и в русских, содержится схема, согласно которой идеальный Властитель даже «сечет» обывателей и отнимает у них недоимки с «ласковой улыбкой». Так, к примеру, о первых годах правления Фердыщенко читаем: «А ну, братик-сударик, ложись! — говорил он провинившемуся обывателю. Или: — А ведь корову-то, братик-сударик, у тебя продать надо! потому, братик-сударик, что недоимка — это святое дело!»[23]. «Сечение» обывателей каждый раз воспроизводит архетипический жест «умного» князя, сопровождавшийся первым «Запорю». Поэтому уже в предисловии «От издателя» оно отмечается как знаковое действие градоначальников, «владевших судьбами города Глупова»: «Все они секут обывателей, но первые секут абсолютно, вторые объясняют причины своей распорядительности требованиями цивилизации, третьи желают, чтоб обыватели во всем положились на их отвагу»[24]. В зависимости от того, как именно «секут» градоначальники, различаются и оттенки «трепета», являющегося стереотипной поведенческой реакцией управляемых (подвластных): «в первом случае, обыватели трепетали бессознательно, во втором — трепетали с сознанием собственной пользы, в третьем — возвышались до трепета, исполненного доверия»[25]. Таким образом, «сечение», с одной стороны, как и «трепет» — с другой, маркируют этикет взаимодействия между соподчиненными элементами в глуповском обществе, установленный в самом начале «исторического времени».

Обряды собирания «дани», как и «кормления» народа, также неоднократно повторяются в глуповской истории. Не повторяется только акт номинации, переименование «головотяпов» в «глуповцев». Возможно, потому что такое «переименование» отменит действия «призванного» князя, и начнется новая история, упраздняющая цикличность космогонического времени. Но, по мысли Щедрина, глуповцы не готовы к ответственности, которую влечет за собой линейное (историческое) восприятие времени, так же как не готовы они к обряду инициации, «перехода» на другую стадию социального и духовного развития. Наименование «глуповцев» закрепилось за «обывателями», так как отражает их родовую и духовную сущность. Акт номинации, переименования Глупова (в Непреклонск), воспроизводится только в последней главе «Истории одного города» перед самым концом «истории» («История прекратила течение свое»)[26]. Возможно, именно это событие и провоцирует появление апокалипсического «Оно».

---

[22] Хюбнер 1996, 128.
[23] Салтыков-Щедрин 1973, 308.
[24] Салтыков-Щедрин 1973, 265.
[25] Салтыков-Щедрин 1973, 265.
[26] Салтыков-Щедрин 1973, 423.

В-третьих, фундаментальным истоком и базовым формирующим событием русской исторической мифологии, русским Прасобытием, по Щедрину, оказывается отказ от свободы. Здесь следует отметить, что великие исторические поражения или победы хранятся в коллективном бессознательном нации в виде мифологически осмысленных травм или побед. По Щедрину же получается, что в основе национальной мифологии лежит травма, которую глуповцы, в силу своей ущербности и по недомыслию, воспринимают как «победу». (Кстати, побед у глуповцев совсем нет, этим они отличаются от русских.) Чуткий читатель имел возможность провести аналогии и прийти к выводу, что столь разрекламированная официальной историографией легенда о «призвании варягов на Русь» является трагической ошибкой нации, зафиксированной, хранящейся в коллективном бессознательном и определяющей дальнейший «кривой путь» русской национальной истории.

Причину бесконечного национального плутания Щедрин видит в отказе от русской демократии новгородского и псковского типа, который понимается автором как отказ от свободы и самобытности. Сразу после первой встречи с «призванным» князем глуповцы осознают собственный промах («проруху»): «Были между ними, — говорит летописец, — старики седые и плакали горько, что сладкую волю свою прогуляли»[27]. Новгородцы свою волю «такали, такали, да и протакали»[28]. Опираясь на современный либеральный миф о «свободе воли», Щедрин в популярной «помпезной» официальной истории видит сюжет, достойный древнегреческой трагедии. Свобода глуповцам была дана только в выборе, но после выбора в глуповской истории действительной силой становятся Рок и Судьба. «Термин «свобода» неопределим вне мифологии, которая ставит ему жесткие рамки, вне которых действует рок, судьба, неотвратимый закон. Свобода — в выборе («налево пойдешь — …, направо пойдешь…»), но после выбора (точка бифукации) срабатывает жестко детерминированная причинно-следственная связь», — отмечает современный исследователь[29]. Используя характерные для русской сказки и эпоса структурные особенности, Щедрин создает новую «демократическую» сказку о «богатыре», который отказывается от собственной свободы и ответственности, не хочет взрослеть. История Глупова оказывается историей отказа от свободы.

Итак, мы установили, что легенда «о корени происхождения глуповцев» играет для глуповцев роль Прасобытия, фундаментального истока и базового формирующего события глуповской истории. Аналогичную роль в русской мифологии истории играет легенда о «призвании варягов на Русь».

ЛИТЕРАТУРА

Бочаров В. В. 2006: Власть и время в культуре общества // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе / В. В. Бочаров (ред.). СПб., 225–237.

Кольев А. 2003: Политическая мифология: реализация социального опыта. М.

*Полосин В.*1999: Миф. Религия. Государство. Исследование политической мифологии. М.

[27] Салтыков-Щедрин 1973, 275.
[28] Салтыков-Щедрин 1973, 275.
[29] Кольев 2003, 91.

Почепцов Г. 2000: Психологические войны. М.; К.
Салтыков-Щедрин М.Е. 1973: собр. соч. в 20 тт. Т.8. М.
Хюбнер К. 1996: Истина мифа. М.
Элиаде М. 2000: Миф о Вечном возвращении. М.

RUSSIAN HISTORY MYTHS AND THE HISTORY OF GLUPOV MYTH (BASED ON M. YE. SALTYKOV SHCHEDRIN'S NOVEL)

Ye. G. Postnikova

The author proves that M. Ye. Saltykov Shchedrin in his novel "The Story of a Town" approaches the issue of Russian history mythologization and tackles the problem of its reconstruction, decoding and recoding. The legend of their roots is that of Primordium for Glupov inhabitants, their basic source and historically significant event, which is similar to the legend of inviting Vangerians to Rus. Saltykov Shchedrin made a brilliant parody on this legend.

Key words: Russian literature, the 19th century, M. Ye. Saltykov Shchedrin, power, history, myth.

© 2012

В. С. Севастьянова

МОДЕЛЬ МИРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1900–1920-х гг. (В. БРЮСОВ, Е. ЗАМЯТИН)

В статье выявляется специфика художественного миросозидания в русской литературе 1900–1920-х гг. На примере произведений В. Брюсова и Е. Замятина автором прослеживается эволюция образов мира и устанавливается характер взаимоотношений базовой для литературы русского модернизма оппозиции «бытия» и «не-бытия».

Ключевые слова: русская литература, модернизм, миросозидание, бытие, не-бытие, художественная вселенная.

В истории русской литературы начало XX в. известно как время напряженного духовного поиска и небывалых художественных открытий. Но прежде всего это была пора невиданного ранее сближения и соединения противоположностей, когда мечты о преображении жизни не только не исключали мыслей о гибели, разрушении и уничтожении, но, напротив, вступали с последними в самое тесное взаимодействие. Оборотными сторонами творческого подъема становились упадок веры в ценность жизни как таковой и самый мрачный пессимизм. А идеи истины и идеального мироустройства оказывались в нерасторжимой связи с явле-

Севостьянова Валерия Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Магнитогорского государственного университета. E-mail: valec@mail.ru

нием, занимавшим центральное место в построениях поэтов и писателей рубежа двух столетий. Например, в рассуждениях по поводу того, что бытие длится лишь мгновение, тогда как не-бытие длится вечно. В символистских теориях самодвижения не-бытия, которое воплощается в бытие, претворяющееся, в свою очередь, в иное не-бытие. А также в антисимволистских призывах к борьбе против засилья пустоты и не-бытия.

Еще более явно присутствие не-бытия ощущается в модернистских художественных мирах, наполненных «волнами небытия», освещающихся «сиянием небытия», погружающихся во «мрак небытия», стремящихся к «покою небытия», исчезающих в «пустоте небытия».

«Играя» временами и пространствами, русские поэты устремлялись из обыденности, тусклой и грубой, к мечте, сладостной и прекрасной, грезили об иных странах, где к воплощениям стремятся утопии. Но едва лишь устранялось все неясное, и перед грезящими неясными очертаниями вставала новая жизнь, как только думалось, что достигнута вершина счастья, и уже идти выше нельзя — некуда и незачем, чудесный край окутывался в облак дымный, покрывался серой пеленой. Когда же пелена развеивалась, оказывалось, что в первом саду мерцает неживой свет неживой луны, бесшумно скользят ничего не желающие неживые люди. И становилось понятно, что нет чуда и никто не победил смерть. А есть лишь Разум человечества, вечно ведущий его вперед к незакатному свету Истины. Только верховный разум, который уводит от бытия в эфирные области чистой мысли, противополагая как обыденности нашего мира, так и действительности инобытия то, что «ни здесь, ни там, нигде, никогда»[1].

Один из наиболее наглядных образцов превращения подобного рода представлен в текстах В. Брюсова, где практически идеальный мир постигаемой истины располагается в точке, за которой — лишь небытие, мрак, пустота. Так, в «Замкнутых», с одной стороны, утверждается возможность безопасного, устойчивого бытия, надежно огражденного от невзгод и опасностей:

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном городе. От мира оградясь...[2]

Новое пространство, избавленное от каких-либо перипетий, лишенное резких контрастов, в том числе световых и звуковых колебаний, –

Весь Город был овеян тайной лет.
Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.
На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен[3],

— оказывается как нельзя более благоприятным для совершенствования онтологических и гносеологических способностей. Ведь здесь имеется возможность активного, творческого воздействия на замкнутую реальность, в процессе которого вспоминаются забытые «чертежи», а вера в себя становится более необходимой, нежели вера в бездонное и бесконечное:

Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.

[1] Сологуб 1991; Белый 1994, 384.
[2] Брюсов 1989, 103.
[3] Брюсов 1989, 104.

В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога[4].

К подлинности теперь приближает не забвение всего бытийного, а постоянное воспоминание, обеспечивающее непрерывность и преемственность существования:

Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца[5].

Самодостаточное единство, раскрывшееся в результате работы строгой мысли и не нуждающееся для своего существования в какой-либо поддержке извне, представляет собой достойную альтернативу «черным пропастям»:

И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно смелом,
Вершилось здание свободным острием,
И было конченым, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.

В четко организованном, отделенном от безграничных темных пространств мире имеется также и возможность, совершенствуясь, приобщаться к достижениям человеческой мысли прошедших эпох:

В музеях запертых, в торжественном покое,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны –
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.

Однако нельзя не заметить, что не только вещи из прошлого, но и вообще все бытийное воспринимается в Городе исключительно в качестве отжившего музейного экспоната. Наиболее же актуальными оказываются пустота и тишина:

И все в себе былую жизнь таило,
Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший нож!..
А все кругом пустынно-тихо было.

Поскольку «ветрило истлело», а ветра нет, как нет и тех рук, которые могли бы прикоснуться к ножу, жаждущему действия, то и в размышления обитателя Города закрадывается ужасное сомнение: что, если его мир не живет, а гибнет, что, если он уже погиб, и тишина, повисшая над миром, — это Тишина мертвых болот, и блуждающий по ним путник столь же близок к падению, как и искатели, спускавшиеся по ненадежным ступеням:

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой — предвестие веков?

[4] Брюсов 1989, 105.
[5] Брюсов 1989, 105.

Что, если Пошлость — роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой — прообраз, первый, малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?

А за «роковой чертой» уже поднимается страшный результат рационалистического поиска:

И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по числам,
Обязан жизнию (машина из машин!)
Колесам, блокам, коромыслам,
Предвидел я тебя, земли последний сын!

Логически выверенный плод новой мечты оказывается едва ли не более враждебным по отношению к своим обладателям, чем тьма, подстерегавшая их на пути самоотречения. Механизированный монстр является также и пределом всех возможных устремлений (Город — последнее, что может быть сотворено на земле). И в этом своем свойстве он сближается со своей противоположностью — бездной мистиков. Ведь пустота (ранее только обозначившаяся при описании замкнутого пространства) теперь характеризуется как пустота последняя, весьма схожая с последней природой Эриугены — концом творения и бытия как такового:

Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,
Их думы, сжатые познаньем, их мечты,
Мечтам былых веков подвластные, как тени,
Весь ужас переставшей пустоты!

Наметившееся сходство станет еще более очевидным, если обратить внимание на развернутое описание «переставшей пустоты», данное в стихотворении о тех «счастливых», которыми должны ощущать себя постигшие истину «замкнутые»:

Единый Город скроет шар земной,
Как в чешую, в сверкающие стекла,
Чтоб вечно жить ласкательной весной,
Чтоб листьев зелень осенью не блекла;

Чтоб не было рассветов и ночей,
Но чистый свет, без облаков, без тени;
Чтоб не был мир ни твой, ни мой, ничей,
Но общий дар идущих поколений.

Может показаться, что прозвучавшее в «Замкнутых» пророчество о появлении города-монстра, стеклянного чудища, не сбывается. И обретаемый героями Брюсова сверкающий светом и чистотой мир является подлинным воплощением мечты о красоте, гармонии, истине. Однако «Дар», о котором здесь сообщается,

на самом деле является очень сомнительным, так как в словах о «ничейности» мира подчеркивается не столько отсутствие у мира «хозяина», сколько перспектива отсутствия мира вообще — мечта о том, чтобы последнего попросту *не было*. Участь «поколений», принимающих такой подарок, является предопределенной еще и потому, что (как и его прообраз из «Замкнутых») инобытие, в котором, «нет ни дней, ни смены времен», где «ничто не приходит и не уходит», поскольку идти некуда и незачем, ибо здесь все уже достигнуто и постигнуто —

Разоблаченных тайн святой родник
Их упоит в бессонной жажде знанья,
И Красоты осуществленный лик
Насытит их предельные желанья…

— это уже «почти *ничто*»[6].

Тема совершенного мира будущего — мира, в котором достигается предельная точка на пути познания и творения, будет позже реализована в романе Е. Замятина «Мы». Уже внешние атрибуты созданного здесь оригинального художественного бытия указывают на родственную природу замятинского Единого Государства и брюсовских «замкнутых» и «счастливых» миров. Проведем лишь несколько наиболее очевидных параллелей.

Возникший у Брюсова образ Единого Города, где счастливое человечество, надежно защищенное крепкими стенами и стеклянным куполом от холода, печалей и вообще всех невзгод, наслаждается вечно чистым, немеркнущим светом и неблекнущей зеленью, по сути дела, предвосхищает появление замятинского стеклянного города, огражденного Зеленой Стеной. Обитатели этого «стеклянного рая» — 0,2 процента избранных, переживших Великую Двухсотлетнюю Войну и составляющих теперь все население земного шара — «вкушают блаженство» среди своих прозрачных, словно сотканных из сверкающего воздуха, стен под ничем не омраченными стеклянно-прозрачными небесами: «Синее, не испорченное ни единым облаком (до чего были дики вкусы у древних, если их поэтов могли вдохновлять эти нелепые, безалаберные, глупотолкущиеся кучи пара). Я люблю — уверен, не ошибусь, если скажу: мы любим только такое вот, стерильное, безукоризненное небо. В такие дни весь мир отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки»[7].

Одной из основных характеристик брюсовского Города-дома является «замкнутость» — отделенность этой специфической реальности от прочих областей художественной вселенной. Тем же качеством отличается и Единое Государство, граждане которого, уже несколько столетий не бывавшие за Стеной, являются в той же степени замкнутыми от неразумного, дикого мира деревьев, птиц, животных: «Но, к счастью, между мной и диким зеленым океаном — стекло Стены. О великая, божественно ограничивающая мудрость стен, преград! Это, может быть, величайшее из всех изобретений. Человек перестал быть диким животным только тогда, когда он построил первую стену. Человек перестал быть диким человеком только тогда, когда мы построили Зеленую Стену, когда мы этой Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир...»[8]

[6] Августин 2005, 6755.
[7] Замятин 1989, 308.
[8] Замятин 1989, 368.

Как следует из приведенного фрагмента, базовым принципом существования сотворенного Замятиным художественного бытия, наряду с его изолированностью, является механистичность («машинность»), которой, собственно говоря, и определяется совершенство стеклянного полиса. Последнее свойство также отсылает нас к построениям Брюсова. Ведь замкнутый, счастливый мир его Единого Города — это «машина из машин», геометрическое пространство блоков и колес, исключающее какое-либо проявление чувств, не вписывающихся в «разумное» мироустройство. Существование замятинского поколения «счастливых» нумеров, ощущающих себя частью «миллиононогого Левиафана» — единого, могучего организма, уподобляется ходу великой миллионоклеточной «Машины»: «Но Часовая Скрижаль каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы. Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту мы, миллионы, встаем как один. В один и тот же час единомиллионно начинаем работу — единомиллионно кончаем. И, сливаясь в единое, миллионорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду... ...И я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни, увидел все: непреложные прямые улицы, брызжущее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг»[9].

Достигнутая же в мире Единого Государства «квадратная» гармония, противопоставляемая нелепой какофонии жизни прошлого — «оглушительно пестрой толчее людей, колес, животных, афиш, деревьев, красок, птиц...», а также всем мечтам, туманам и грезам, воспевавшимся художниками прошлого, позволяет обозначить еще одну параллель с текстами поэта-предшественника.

Брюсовский последний приют человечества, строго «размеченный по числам», является воплощением подлинной, уже состоявшейся («осуществленной») красоты. Как свидетельствует же одна из записей главного героя замятинского романа нумера Д–503, в Едином Государстве мыслим только один род красоты — красота цифр, формул, уравнений и возможен лишь один путь к совершенству — путь математических вычислений. Ибо «...таблица умножения мудрее, абсолютнее древнего Бога: она никогда не ошибается... И нет счастливее цифр, живущих по стройным вечным законам таблицы умножения. Ни колебаний, ни заблуждений. Истина — одна, и истинный путь — один...»[10]

При этом рассуждения двух художников об идеале подводят нас к следующему, более глубинному уровню родства, связывающего их творения. Ведь в обоих случаях обретаемое совершенное бытие при ближайшем рассмотрении оказывается фактически своей противоположностью. В текстах Брюсова мир воплотившейся Красоты — это мир осуществившихся желаний (утоленной «жажды знанья» и разоблаченных «тайн»), мир без мечты, без движения, без развития. Автор характеризует его как мир «переставший», остановившийся. Перед читателем замятинского романа разворачивается мир математически рассчитанной истины, не нуждающийся в мечтах и желаниях (поскольку абсолютно счастливым людям желать уже нечего): «Ведь желания — мучительны, не так ли? И ясно: счастье —

[9] Замятин 1989, 310.
[10] Замятин 1989, 351.

когда нет уже никаких желаний, нет ни одного»[11]. И в каждом из названных случаев отсутствие желаний находится в прямой связи с такой особенностью творимых реальностей, как замедление всех протекающих в них процессов. Ведь если, как убежден Д–503, мы уже практически «достигли высочайших, возможных для человека вершин», и предельные желания уже почти исполнены, то всякое движение становится излишним[12]. А это означает, что замедление, а затем и полная неподвижность становятся основными отличительными признаками совершенного, разумного бытия: «Ведь ясно: вся человеческая история, сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм ко все более оседлым. Разве не следует отсюда, что наиболее оседлая форма жизни (наша) есть вместе с тем и наиболее совершенная (наша). Если люди метались по земле из конца в конец, так это только во времена доисторические, когда были нации, войны, торговли, открытия разных америк. Но зачем, кому это теперь нужно?»[13]

Наиболее совершенной формой жизни здесь становится форма наименее подвижная; отсутствие движения оказывается превыше его наличия; отсутствие изменений — превыше развития, поскольку в мире, погружающемся в состояние энтропии, никакие открытия уже не требуются. И если в «счастливом» бытии Брюсова все «предельные желания» уже насыщены, то и замятинское замкнутое бытие чрезвычайно близко к своему пределу: «...даже у нас процесс отвердения, кристаллизации жизни еще не закончился, до идеала еще несколько ступеней. Идеал (это ясно) там, где уже ничего не случается...»[14]. И, как свидетельствуют следующие записи Д–503, оставшиеся до полного воплощения идеала ступени будут преодолены в самом ближайшем будущем. А дальше — «Ничего нет дальше! Точка. Во всей Вселенной — равномерно, повсюду разлито...» Последняя фраза остается незаконченной, но мы вполне можем быть уверены в том, что вскоре и в пространстве Единого Государства, и во всей вселенной разольется не что иное, как сияние не-бытия. Ведь определение, данное Замятиным той вершине, на которую взошли счастливые нумера, не оставляет сомнений: «Человеческая история идет вверх кругами — как аэро. Круги разные — золотые, кровавые, но они все одинаково разделены на 360 градусов. И вот от нуля — вперед: 10, 20, 200, 360 градусов — опять нуль. Да, мы вернулись к нулю — да. Но для моего математически мыслящего ума ясно: нуль — совсем другой, новый. Мы пошли от нуля вправо — мы вернулись к нулю слева и потому: вместо плюса нуль — у нас минус нуль...»[15]

Представленная здесь своеобразная циклическая концепция мирового развития, в соответствии с которой человечество, преодолев последний круг своей истории, в последний раз возвращается к исходной точке мирового процесса, заставляет вспомнить и об особенностях мандельштамовского возвращения к первооснове. Ведь если в стихах «Tristia» путь к истоку бытия приводит ищущих в чад небытия, то есть к результату, обратному ожидаемому, то и новый «нуль», становящийся итогом эволюции замятинской разумной вселенной, — это про-

[11] Замятин 1989, 427.
[12] Замятин 1989, 430.
[13] Замятин 1989, 313.
[14] Замятин 1989, 322.
[15] Замятин 1989, 384.

тивоположность того нуля, который являлся точкой отсчета в бытийной системе координат: «Этот Нуль мне видится каким-то молчаливым, громадным, узким, острым, как нож, утесом. В свирепой, косматой темноте, затаив дыхание, мы отчалили от черной ночной стороны Нулевого Утеса. Века — мы, Колумбы, плыли, плыли, мы обогнули всю землю кругом, и, наконец, ура! Салют — и все на мачты: перед нами — другой, дотоле не ведомый бок Нулевого Утеса, озаренный полярным сиянием Единого Государства...»[16] Другой бок Нулевого Утеса — другой, отрицательный нуль — в замятинском тексте представляет собой, по существу, «другое» бытия, противоположное природе последнего. Достигнутый колумбами Единого Государства «минус Нуль», фактически, равен Ничто. И если древние, «дикие» путешественники «предпочитали видеть хоть какое-нибудь, хоть глиняное, хоть игрушечное небо, чем синее ничто», то близкие к идеалу нумера являются достаточно взрослыми для того, чтобы открыто взглянуть на источник сияния, озаряющего открывшееся им новое пространство: «Вечер. Легкий туман. Небо задернуто золотисто-молочной тканью, и не видно: что там — дальше, выше. Древние знали, что там их величайший, скучающий скептик — Бог. Мы знаем, что там хрустально-синее, голое, непристойное ничто»[17].

Таким образом, художественная вселенная, сотворенная художником, на первый взгляд, далеким от опытов с безднами и мраком, и полностью подчиненная культу осмысленности любого действия, практически в той же мере, что и брюсовский Единый город, является бытием, стремительно трансформирующимся в не-бытие. Здесь полностью подтверждаются самые страшные предчувствия Брюсова: кошмарные сны, о которых поэт пишет в своих «Замкнутых», оборачиваются реальностью, а земное бытие оказывается лишь страшным сном пробуждающегося разума.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. 1994: Символизм как миропонимание. М.
Брюсов В. 1989: Стихотворения. Поэмы. М.
Замятин Е. 1989: Избранное. М.
Сологуб Ф. 1991: Творимая легенда. М.

WORLD IMAGE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 1900–1929s (V. BRYUSOV, YE. ZAMYATIN)

V. S. Sevastyanova

The article reveals specific world image building in Russian literature of the 1900–1920s. The works of V. Bryusov and Ye. Zamyatin help the author to trace world image evolution and determine correlation between being and non-being that are key issues for Russian modernistic literature.

Key words: Russian literature, modernism, world image building, being, non-being, artistic universe.

[16] Замятин 1989, 384.
[17] Замятин 1989, 346.

© 2012

Н. А. Хуббитдинова

ПРОИЗВЕДЕНИЕ БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕГО ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВАРИАНТЫ
(к вопросу об обратной связи литературы и фольклора)

В статье на примерах из тюркско-башкирской средневековой литературы рассматривается вопрос об обратной связи литературы и фольклора. В результате письменное литературное произведение, получив широкую популярность в народе и передаваясь из уст в уста, продолжает свое существование в устной форме.

Ключевые слова: башкирская литература, фольклор, сказка, народный хикайат, сюжет, литературно-фольклорные связи, устное творчество.

В филологической науке проблема междисциплинарных связей в целом, литературы и фольклора в частности, изучена достаточно подробно. Наиболее значительными в этом отношении являются исследования А. М. Веселовского, М. К. Азадовского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, У. Б. Далгата, О. А. Нурмагамбетовой, Б. Н. Путилова, Д. Н. Медриша, Э. В. Померанцевой, А. И. Лазарева, С. Н. Азбелева и т.д. В них широко рассматривались и изучались традиционная сторона проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей и взаимообогащений, соотношения литературных произведений и их фольклорных прототипов и источников и т.д.

В ходе исторического развития художественно-эстетической культуры связь фольклора с литературой претерпевает определенные видоизменения. Процесс их взаимосвязи с историко-типологической точки зрения, к примеру, в татарской, казахской литературах можно было бы проследить по таким периодам: а) параллельное функционирование фольклора и литературы; б) активное «притяжение» между ними; в) «отталкивание» литературы от фольклора; г) сознательное обращение литературы к фольклору[1]. В узбекском литературоведении выделяются следующие типы связи фольклора и литературы: 1) генетические связи этих двух форм искусства слова, подразумевающие «возникновение литературы, формирование ее жанров в процессе исторической эволюции художественного мышления человека и этапы развития форм речи»; 2) «вторичные формы» по К. В. Чистову, «т.е. связь литературы с устным народным творчеством посредством фольклоризмов», которые, в свою очередь, подразделяются на аналитические, синтезированные и стилизованные виды». Каждая из подразделов отражает механизм своеобразий фольклорно-литературных взаимосвязей[2]. Многообразие связей между художественной литературой и фольклором в башкирском литературоведении можно было бы обобщить следующим образом: 1) «в одних литературных произведениях развиваются идеи, коренящиеся в фольклоре»; 2) «в других получают

Хуббитиднова Нэркэс Ахметовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: narkas08@mail.ru

[1] Нурланова 1987, 95–149.

[2] Саримсаков 1984, 270–271.

творческое переосмысление, дальнейшую разработку фольклорные сюжеты и образы или ощутимо только опосредованное их влияние»; 3) «сказывается близость к фольклорному стилю, используются, так или иначе, народно-поэтические принципы и приемы изображения действительности…»[3] и т.д.

При всем многообразии взаимосвязи фольклора и литературы она может иметь и другую сторону, когда литературный сюжет, полностью адаптируясь в фольклоре, «получает в нем» второе дыхание, приобретает широкую известность в народе и сохраняется устно, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение. Происходит переход «произведений литературы письменной, авторской в устную стихию». Однако этот аспект проблемы междисциплинарных связей в филологической науке, в башкирской в частности, остается актуальным и по сей день. Вместе с тем «исследование этой обратной связи, литература–фольклор, важно для понимания литературных процессов у многих народов Востока»[4]. Целью нашей статьи является попытка рассмотреть проблему литературно-фольклорных связей на примере произведений средневековой башкирской литературы, развивавшейся на основе традиций восточной словесности.

Поэма тюркско-башкирской литературы средневековья «Кисса-и Йусуф» Кул Гали первоначально была написана в XIII в. и, до своего издания в 1839 г., в рукописной форме была широко распространена среди народов Урало-Волжского региона (Н. Т. Зарипов, Г. Б. Хусаинов), сюжет о прекрасном Йусуфе вошел в Коран. Однако, как утверждают ученые, отдельные сказители, мастера слова перенимали книжный сюжет, «переделывали и пересказывали его», «превращая произведение письменного в устное». Об этом свидетельствуют существующие фольклорные версии и варианты поэмы, собранные башкирскими фольклористами и литературоведами во время экспедиций, осуществленные в разные годы в районы республики Башкортостан и за его пределами и опубликованные в последствии в многотомных изданиях «Башкирского народного творчества». Все они в той или иной степени отличаются от оригинала как по форме, так и по содержанию. Однако сюжетная линия в основном сохранена. Так, варианты информаторов Г. Гумеровой «Книга Йусупа» и Г. Исянбаевой «Кисса-и Йусуф Галиассалям» сюжет Кул Гали сохранен полностью, вплоть до поэтических вставок, исполняемых на распев, нотированные образцы которых включены в соответствующем томе «Башкирского народного творчества»[5]. Среди эпических вариантов поэмы зафиксированы ее сказочные версии, по форме и стилю повествования напоминающие народные сказки. Согласно признаниям самих информантов, они еще в детстве услышали это произведение от своих родных и близких, среди которых были такие, которые знали наизусть книгу о Йусуфе, т.е. «Кисса-и Йусуф» Кул Гали. Сами же могли либо воспроизвести текст целиком, либо с небольшими изменениями или дополнениями вспомнить поэму и исполнить ее и как хикайат (повествовательное произведение в прозе. — Н.Х.), и как сказку.

---

[3] Сафуанов 1978, 64.

[4] Рифтин 1969, 324.

[5] Вариант Г. Гумеровой был записан в 1977 г. в Уфе ее дочерью Н. Гумеровой; вариант Г. Исянбаевой был записан в 1985 г. в дер. Махмутово Белорецкого района Республики Бащкортастан Г. Хусаиновым (См.: Зарипов, Сулейманов, Хусаинов, Шарипова 2002, 172–192, 537–540).

Следовательно, в народе получили широкое распространение устные версии поэмы — народные хикайаты, его версии сказок. Книжное произведение и коранический сюжет, таким образом, передаваясь из уст в уста, качественно видоизменялись, обрастали новыми художественными элементами, поэтическими, музыкальными напевами. Так литературно-коранический памятник превратился в достояние коллективного творчества. Подобной творческой процедуре, фольклоризации, были подвергнуты также литературные произведения древности «Тахир и Зухра», «Алдар и Зухра», «Бузегет» и т.д.

В башкирском сказочном фольклоре известна сказка «Как Ерэнсэ-сэсэн невесту для сына искал», повествующая о том, как один из самых полюбившихся народу героев по имени Ерэнсэ-сэсэн[6] необычным способом искал жену для своего сына. Надо сказать, что у башкир есть целый ряд сюжетов сказок о мудром и находчивом Ерэнсэ-сэсэне. Параллели этих сказок можно найти в казахских, каракалпакских, киргизских сказках о Джиренше-шешене или Джээренче-чечене и в сказках-анекдотах многих тюркоязычных и ираноязычных народов о Насреддине и т.д.

В упомянутой сказке, как уже отмечалось, речь идет о Ерэнсэ-сэсэне, который занимался поиском умной и смекалистой невесты для своего сына. Для достижения своих целей он избирает необычный способ: в соседнем ауле подъезжает к дому, где живет девушка, и начинает хлестать своего сына кнутом. На недоуменный вопрос потенциальных невест он отвечает, мол, «за послушание», т. е. послушен во всем, все делает только по указке, по подсказке. Когда же девушки восклицали: «Разве человека бьют за послушание?.. Ведь послушный — значит умный…», — Ерэнсэ со своим сыном уходили прочь. Потерпев ряд неудач, сэсэн со своим сыном в последний раз решил испытать удачу. У следующего дома все повторилось. Появившаяся девушка, услышав сказанное Ерэнсэ-сэсэном о причинах истязаний своего сына, стала подначивать старика, мол, бей, дедушка его сильней, «уже егетом (юношей — Н.Х.) стал, хватит ему только чужим умом жить, пора и свой иметь». Эти слова понравились старику, и он незамедлительно послал сватов к родителям умной девушки.

Сюжет этой сказки слово в слово повторяется в произведении другого писателя тюркско-башкирской литературы XIV в. Насретдина бине Бурханетдина Рабгузи «Киссас аль-анбийа» («Киссы[7] о пророках»), написанном на основе суры о пророках из священного Корана. Отличие состоит в том, что здесь вместо народного героя Ерэнсэ-сэсэна выступает святой Лукман Хаким. Другими словами, Рабгузи, будучи писателем, не ограничился строгим словом суры (т.к. в Коране речь идет лишь о том, как Лукман дает наставления своему сыну — Н.Х.), а пошел дальше и литературно освоил легенду о мудром святом, построив свое повествование на определенную сюжетную линию. В результате вошедшие в книгу сюжеты кисс, образуя художественную законченность, подчинены законам литературного произведения.

Однако, учитывая тот факт, что, согласно исследованиям башкирского ученого Мухамметши Бурангулова, Ерэнсэ-сэсэн был исторической личностью и в 1730 г.

---

[6] Сэсэн — народный сказитель, певец-импровизатор.

[7] Кисса — поэтическое литературное произведение религиозного характера.

во времена казахского хана Абулхаира был еще молодым юношей[8], встает следующий вопрос: сюжет первично был литературным, затем перешел в фольклор или он был плодом коллективного творчества, позже был переосмыслен в литературе?

Надо сказать, что о мудрости и бессмертии Лукмана Хакима повествуется в древнеарабских сказках, легендах, латифах (в переводе с арабского: анекдот, шутка). Позже он был возведен в ранг святых пророков и увековечен в священном Коране[9]. Следовательно, можно предположить, что сюжет киссы Рабгузи является наиболее древним, в его центре изначально стоял легендарный Лукман Хаким. Новеллистический сюжет дидактического характера не раз пересказывался в народе в форме сказки. В какой-то определенный момент, в результате различных социально-политических перемен, в духовном мире людей, конкретного народа также происходили изменения, переосмысления эстетических ценностей, что привело к замене главного героя: вместо святого пророка устойчивое место занял более близкий по духу народу Ерэнсэ-сэсэн — сторонник простого люда и разоблачитель богачей-невежд.

Возможно, нельзя утверждать, что Луман Хаким был известен башкирам только из Корана. О нем в народе также слагали сказки, примером которого может послужить новеллистическая сказка «Лукман Хаким»[10]. В одном из рассматриваемых произведений Рабгузи также есть произведение, в котором сюжет этой сказки приведен дословно. Следовательно, преобразование литературного сюжета в народный, где идейная значимость первоисточника сохранялась, было явлением традиционным. Однако в то же время нельзя не отвергать и той мысли, что образ Лукмана Хакима мог быть известен башкирам из того же священного писания. В данном случае, как и в случае с поэмой «Кисса-и Йусуф», можно вести речь о троичности связи сюжета из священного писания, литературы и фольклора.

Таким образом, сюжет литературного памятника средневековья «Кисса-и Йусуф» Кул Гали стал популярным в народе и начал передаваться из уст в уста, в результате чего зародились его устные варианты и версии. Сюжет киссы Насретдина Рабгузи о святом Лукмане Хакиме также был широко распространен в народе и стал существовать в устной форме в жанре сказки с обновленным главным героем. Однако в обоих случаях основная сюжетная линия, главные идейно-художественные, эстетические ценности сохранились и точно передавались в народе. Следовательно, литературный памятник, когда-то зародившись на основе народного устно-поэтического творчества, художественно перенимал традиции, сюжеты, мотивы, образы последнего, усиливая и углубляя тем самым фольклорно-литературные связи. При этом эта связь не была односторонней, взаимообогащение и взаимосвязь происходили и в обратном литературно-фольклорном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

Бурангулов М. 1995: Завещание сэсэна. Уфа.

Зарипов Н., Сулейманов А., Хусаинов Г., Шарипова З. 2002: Башкирское народное творчество. Эпос: Киссы и дастаны. Уфа.

[8] Бурангулов 1995, 53.
[9] Пиотровский 1991, 150.
[10] Пиотровский 1991, 88.

Нурланова К. Ш. 1987: Эстетика художественной культуры казахского народа. Алма-Ата.

Пиотровский М. Б. 1991: Коранические сказания. М.

Рифтин Б. Л. 1969: Литературное произведение и его народные варианты // Теоретические проблемы восточных литератур / З. Берзинг (отв. ред.). М., 324–332.

Саримсаков Б. 1984: О типологии фольклоризмов // Фольклор, литература и история Востока: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции / Х. Зияев (отв. ред.). Ташкент, 270–272.

Сафуанов С. Г. 1978: Мотивы башкирского фольклора в татарской литературе // Вопросы башкирской филологии / Л. Бараг (отв. ред.). Уфа, 64–74.

WORK OF BASHKIR LITERATURE AND ITS FOLKLORE VERSIONS (LITERATURE FEEDBACK ON FOLKLORE)

N. A. Khubbitdinova

Using Turk-Bashkir medieval literature as an example the author considers literature feedback on folklore. The result is that a widely circulated literary work persists in its oral form.

Key words: Bashkir literature, folklore, fairy tale, folk Hikayat, plot, literature and folklore ties, oral creation.

© 2012

Д. Н. Жаткин, О. С. Милотаева

Д. Е. МИН — ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ У. МОРРИСА «ЗЕМНОЙ РАЙ»*

В статье анализируется русский перевод второй из двенадцати новелл первой части стихотворного цикла У. Морриса «Земной рай» (1868–1870), осуществленный Д. Е. Мином и опубликованный в 1869 г. в «Русском вестнике». Данный перевод, ставший первой попыткой осмысления моррисовского творчества в России, отразил характерное стремление русского общества 1860–1870-х гг. к изменениям, решению социальных противоречий, поиску гармонии человеческого существования в согласии с окружающим миром.

Жаткин Дмитрий Николаевич — заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. E-mail: ivb40@yandex.ru

Милотаева Ольга Сергеевна — преподаватель кафедры иностранных языков Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. E-mail: milo124@rambler.ru

*Статья подготовлена по проекту 2010–1.2.2–303–016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований группами под руководством кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).

Предлагая переводу оригинальное название – «Человек, рожденный быть королем», Мин подчеркивал свое внимание к небольшой части панорамного художественного полотна, отличающейся относительной обособленностью и сюжетной завершенностью. В статье утверждается, что основной причиной интереса к «Земному раю» Морриса стало общее предпочтение русским переводчиком произведений историко-мифологической тематики, по духу и настрою соответствовавших тенденциям современного общественного развития.

Ключевые слова: литературоведение, Д. Е. Мин, русско-английские литературные и историко-культурные связи, художественный перевод, традиция, межкультурная коммуникация, художественная деталь, рецепция.

Повесть в стихах «Человек, рожденный быть королем», представляющая собой интерпретацию второго («The Man Born to Be King») из двенадцати произведений первой части цикла стихотворных новелл У.Морриса «Земной рай» («The Earthly Paradise», 1868–1870), была опубликована Д. Е. Мином в «Русском вестнике» (1869, № 5) и предварена статьей переводчика, рассказывавшей не только о «Земном рае», но и о достоинствах подготовивших его появление более ранних книг английского поэта — «Защита Джиневры и другие стихотворения» («The Defence of Guenevere and Other Poems», 1858), «Жизнь и смерть Язона» («The Life and Death of Jason», 1867). Статья, основанная на материалах современных английских журналов («Фортнайтли ревью» («Fortnightly Review»), «Атеней» («The Athenaeum»)), во многом лишь транслировала читателю суждения зарубежных критиков, выполняя функцию своеобразного введения в тему моррисовского творчества, имевшего в те годы небывалый резонанс в английском обществе, который проявился, в частности, в сравнении Морриса с «отцом английской поэзии» Дж. Чосером, а также в заведомо преувеличенных похвалах в адрес «Земного рая» («произведение, выказывающее столько глубокого пафоса, столько живой силы в описаниях и столько тонкого чутья относительно всего прекрасного», «создание, которым, по справедливости, может гордиться творец его, и за которое все любители английской поэзии останутся навсегда ему благодарны»[1]) и его создателя, проявившего «высокие качества гения», «неистощимые богатства в изобретении», «силу фантазии, проникающей в бытие не только человеческих, но и сверхъестественных деятелей»[2]. Приводя мнение о «Земном рае», высказанное анонимным рецензентом «Атенея», русский переводчик дополнил его собственной характеристикой этого произведения как «блестящего всею свежестью жизни», «цветущего», «исполненного приключений и перипетий всякого рода и в то же время соединяющего в себе все качества как бы достоверной истории»[3]. Именно эти несомненные достоинства английского оригинала должны были, по мнению Мина, побудить читателя ознакомиться с его переводом, представлявшим собой первую попытку осмысления моррисовского творчества в России.

Английский поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, художник, дизайнер, гравер, автор теоретических трудов и лекций по искусству, переводчик «Одиссеи» Гомера, «Энеиды» Вергилия, «Старшей Эдды», исландских саг и старофранцузских рыцарских романов Уильям Моррис, в силу многообразия и мас-

[1] Мин 1869, 293.
[2] Мин 1869, 293.
[3] Мин 1869, 293.

штабности творческих интересов, уже при жизни воспринимался как ренессансная личность. Ныне он более известен как основоположник современного героического фэнтези, чьи романы, действие которых происходит в вымышленных мирах, стилизованных под европейское Средневековье («Дом Вольфингов» (‘‘A Tale of the House of the Wolfings’’, 1889), «Корни гор» (‘‘The Roots of the Mountains’’, 1890), «Лес за пределами мира» (‘‘The Wood Beyond the World’’, 1892), «Колодец на краю мира» (‘‘The Well at the World’s End’’, 1896) и др.), оказали существенное влияние на писателей последующих поколений, прежде всего Дж. Толкиена, К.-С. Льюиса, Э. Дансени. Также Моррис был одним из основателей «Братства прерафаэлитов» и его литературного органа — «Оксфордского и Кембриджского журнала» (‘‘The Oxford and Cambridge Magazine’’), создал ряд новых шрифтов и полиграфических приемов в духе первопечатников, что позволило подготовить к выпуску в издательстве «Келмскотт-пресс» знаменитый том «Кентерберийских рассказов» (‘‘The Canterbury Tales’’, 1387–1400) Дж. Чосера, до настоящего времени воспринимающийся в качестве одного из шедевров европейского полиграфического искусства. Моррис являлся одним из первых английских социалистов, основателем Социалистической лиги, а также лидером «Ассоциации по восточному вопросу», боровшейся против вступления Англии в войну с Россией в 1870-е гг.[4].

Именно благодаря «Земному раю», циклу из 24 поэм, построенному по образцу «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и продолжающему традиции поэтов эпохи Возрождения, Моррис как поэт получил широкое признание у себя на родине. Действие моррисовского произведения разворачивается на далеком острове, где отправившиеся на поиски земного рая норвежские путешественники XIV в. обнаруживают издавна живущих потомков греков; островитяне и странники встречаются каждый месяц в течение года и рассказывают легенды из античных, средневековых кельтских и скандинавских источников. Следует отметить, что тема «земного рая» является одной из основополагающих для всего литературного творчества Морриса, пришедшего в конце жизни к убеждению, что «“земной рай” — реальная, общественная цель, достижение которой исторически возможно и доступно для человечества»[5], и отождествившего свою гуманистическую утопию грядущего золотого века с социализмом; ранний Моррис, автор «Земного рая», искал «этот золотой век в фантастической области мифа и сказки»[6]. Все поэмы Морриса, вне зависимости от того, заканчиваются в них поиски земного рая удачей или, напротив, печальным исходом, проникнуты грустными настроениями, мотивами разочарования, осознанием того, что если некоторым людям и удается достигнуть заветной цели, то для всего человечества рай недосягаем и остается несбыточной иллюзией, призрачной фантазией. По наблюдению А. А. Елистратовой, в них проявляется «противоречие между гуманистическими стремлениями поэта, мечтающего о гармонической, прекрасной человеческой жизни, и его представлением о невозможности реального воплощения этой мечты»[7]. Об этой искусственности своего произведения Моррис рассуждал уже в прологе «Земного

[4] Аринштейн 1973, 72.
[5] Елистратова 1958, 299.
[6] Елистратова 1958, 300.
[7] Елистратова 1958, 300–301.

рая», иронически называя себя «праздным певцом бессодержательного дня» («the idle singer of an empty day»).

Перевод фрагмента «Земного рая», выполненный Мином, во многом отразил стремление российского общества 1860–1870-х гг. к изменениям, решению социальных противоречий, поиску гармонии человеческого существования в согласии с окружающим миром. Однако впоследствии интерес к раннему Моррису в России был в значительной мере утерян и сменился характерным вниманием к его позднему творчеству, отразившему эволюцию мировоззрения писателя, его движение к социалистическим идеям. Причем Моррис интересовал русских переводчиков прежде всего как романист: в 1906 г. под псевдонимом А. П. увидел свет перевод романа-утопии «Вести из ниоткуда, или Эпоха счастья / мира / спокойствия» (‘‘News from Nowhere’’, 1891), выдержавший вплоть до 1918 г. четыре переиздания; новый перевод этого романа, осуществленный Н. Н. Соколовой, был напечатан в 1923 и 1962 гг.; другой роман Морриса «Сон про Джона Болла» (‘‘A Dream of John Ball’’, 1888), опубликованный в России в 1911 г. в переводе А. В. Каменского, выдержал два переиздания; романам «Воды дивных островов» (‘‘The Water of the Wondrous Isles’’, 1897) и «Повесть о сверкающей равнине» (‘‘The Story of the Glittering Plain’’, 1891) суждено было появиться на русском языке лишь в конце XX в. в переводах С. Лихачевой — соответственно в 1996 и 1998 гг. Также публиковались отдельные рассказы, например, переведенный в 1906 г. Н. Шишло и пользовавшийся популярностью в период революционного движения рассказ «Как я стал социалистом», стихотворения из сборника «Стихотворения кстати» (‘‘Poems by the Way’’, 1891). В 1973 г. издательство «Искусство» напечатало сборник теоретических трудов Морриса «Искусство и жизнь», дававший достаточно полное представление об его эстетических исканиях. Вместе с тем представительного издания сочинений Морриса в России не предпринято до сих пор, причем большинство произведений, принесших ему славу на родине, так и остаются непереведенными на русский язык. Среди этих произведений и «Земной рай», так и не привлекший после Мина ни одного из русских переводчиков.

Предлагая переводу иное название, отличное от оригинала, — «Человек, рожденный быть королем», Мин как бы подчеркивал, что переводит не все произведение Морриса, а только одну его небольшую часть, отличающуюся относительной обособленностью и сюжетной завершенностью. В этой связи закономерно опускались стихи, представлявшие собой «связующее звено» данного фрагмента с последующими частями цикла, а также фрагменты текста, предлагавшие своего рода «анонсирование» дальнейших событий, создававшие своеобразную интригу (например: ‘‘It was foretold to a great king, that he who should reign after him should be low-born and poor; which thing came to pass in the end, for all that the king could do?’’[8] [Великому королю было предсказано, что тот, кто будет править после него, будет низкого происхождения и беден; что же получилось в конце концов, несмотря на все предпринятые королем действия?]). Тем самым, не забегая вперед, переводчик предлагал читателю последовательно узнавать о том, как король трижды пытался убить своего безродного «наследника» — утопить младенца в реке, заколоть подростка в лесу, казнить юношу в замке принцессы.

[8] Morris 1958, 137.

Создавая образы короля и старика-предсказателя, Мин нагромождает эпитеты, характеризующие героев, при этом общая тональность каждой из характеристик оказывается выраженной лишь благодаря всей совокупности использованных эпитетов. В частности, «государь» (именно так русифицированно именуется правитель в русском переводе) оказывается *могучим*, *богатым*, *славным*, *гордым*, *смелым*, *счастливым* («В одной стране далекой, встарь / Жил-был ***могучий*** государь. / ***Богат*** и ***славен***, ***горд*** и ***смел***, / Обширным краем он владел / И так им мирно управлял, / Что век его ***счастливым*** звал»[9], а предсказатель — *сгорбленным*, *дряхлым*, *хилым*, *угрюмым*, *таинственным*, *молчаливым* («…старика / С лицом столь бледным и худым, / Что, мнилось, много лет над ним / Уже промчалось: так он был / Годами ***сгорблен, дряхл и хил***! / <…> / ***Угрюм, таинствен, молчалив***, / Сидел, двух слов не проронив, / Старик суровый…»[10]. Также Мину принадлежит интересное сравнение взгляда старца с лучом света, который, в свою очередь, сопоставляется с острым кинжалом: «Но несмотря на то, из глаз, / Глубоко-впалых, каждый раз, / Когда он взглядывал, сверкал / ***Луч света, острый как кинжал***»[11]; в оригинальном тексте внимание акцентировано на внешних особенностях предсказателя (“little” («маленький»), “wizened” («морщинистый»), “beardless” («безбородый»), “bald” («лысый»)), чья голова сравнивается с зимним деревом, потерявшим листву (“…a little wizened man / With face grown rather grey than wan / From lapse of years, ***beardless was he, / And bald as is the winter tree***”[12] […маленький морщинистый человек / С лицом, ставшим скорее серым, чем бледным / От хода лет, ***безбородый был он / И лыс, как дерево зимой***]), при этом описание глаз героя, усиленное у Мина при помощи сравнений, у Морриса вполне традиционно и призвано подчеркнуть лишь некоторую мистичность образа: “But his two deep-set, glittering eyes / Gleamed at the sight of mysteries / None knew but he <…>”[13] [Но его два глубоко-посаженных сверкающих глаза / Светились при виде тайн, / Которые никто кроме него не знал <…>]. В описании образа правителя Моррис также избегал прямых характеристик, акцентируя лишь довольство жизнью, выражаемое троекратным повтором отрицания «nor» («ни»): “A king there was in days of old / Who ruled wide lands, ***nor*** lacked for gold, / ***Nor*** honour, ***nor*** much longed-for praise, / And his days were called happy days”[14] [В былые времена жил король, / Который правил обширными землями, не испытывал недостатка ***ни*** в золоте, / ***Ни*** в чести, ***ни*** в слишком долгожданном восхвалении, / И его эпоха была названа счастливым периодом].

Моррис наделяет короля и предсказателя рядом интересных черт, в частности король, несмотря на свою молодость, оказывается опытным в хитрости (“…the king, young, yet old in guile”[15] […король, юный, все же опытный в хитрости]), — в данном случае лексема “guile” в значении «обман, хитрость, коварство, вероломство, ложь», явно не имея положительных коннотаций, ничуть не придает негатива образу героя; все это тонко подметил Мин, в своем русском переводе

[9] Мин 1869, 294.
[10] Мин 1869, 294.
[11] Мин 1869, 294.
[12] Morris 1868, 139.
[13] Morris 1868, 139.
[14] Morris 1868, 138.
[15] Morris 1868, 139.

превознесший «искусного» правителя: «…И король, / Хотя был юноша, но столь / Искусен мысль в сердцах читать»[16]. Таинственная улыбка на лице предсказателя, знавшего о судьбе правителя (“…a flickering smile / Upon his face, as now and then / He turned him from the learned men / Toward the king’s seat…”[17] […мелькавшая улыбка / На его лице, когда время от времени / Он отворачивал его от ученых / На место короля…]) обрела у Мина оттенок мистичности, чему способствовали как сослагательность в описании («как будто <…> пробуждал», «как бы хотел»), так и использование синтагм «вещий взор», «изречь удел»: «С какой улыбкой странный гость / Глядел на всех, ***как будто злость / В нем пробуждал весь этот двор***, / И как бросал он вещий взор / На короля, ***как бы хотел / Изречь ему его удел***»[18].

Для оригинального произведения значимы описания отдельных мест, являющихся ключевыми для развития действия, таких, как сторожка лесника, где родился Михаил, мельница, где он провел детство, лес, где его пытались убить. Картина, представляющая жилище бедняка, нарочито насыщена страшными образами социального дна, такими, как утоптанный земляной пол (“trodden earthen floor”), некрепкая и плохая доска на скамье (“board on trestles weak and poor”), три пня, используемых в качестве табуреток или стульев («three stumps of tree for stool or chair»), наполовину покрытый лаком ковш (“half-glazed pipkin”), блюдо с кашей (“bowl of porridge by the wife”), деревянные тарелка и чашка (“platter and a bowl of wood”), а также стоявшие в дальнем углу лук, сделанный из ильма (“bow cut from the wych-elm tree”), дубина из падуба (“holly club”) и три тупые, тяжелые, связанные ниткой стрелы (“arrows three ill pointed, heavy, spliced with thread”); все это, совокупно с обликом мертвой бедной женщины, лежащей на соломе, создает впечатление полной обреченности, потерянности. У Мина описание комнаты, где лежал «бездушный труп», не столь красноречиво и при этом очевидно приближено к российской действительности — «*глиняный* <…> пол», «постель *на шатких козлах*», «*котел*, висевший у огня», «горшок с *похлебкой*», «*кленовый* старый лук», *клюка*; в завершении описания следует вывод, суммирующий перечисленную множественность деталей: «Вот все, что Бог дал бедняку!»[19]. Следует отметить, что мотив нищеты был усилен Мином посредством характерного повтора в стихах, предварявших описание и непосредственно следовавших за ним: «…из ***нищеты / В приюте*** бедности, куда / Не входит радость никогда / <…> / <…> долго будешь помнить ты, / Король, ***приют сей нищеты***»[20]; у Морриса те же самые мысли были выражены при помощи различных лексем: “…that nest of poverty / Where nought of joy he seemed to see / <…> / <…> well remembered / Was that unblissful wretched home”[21] [«…это гнездо <этот дом> нищеты, / Где радости он, кажется, не увидел / <…> / <…> хорошо запомнил / Этот несчастный бедный дом»].

В каждом из эпизодов Моррис предстает мастером художественной детали, умеющим не только натуралистически подметить любой сколько-нибудь значи-

[16] Мин 1869, 294.
[17] Morris 1868, 139.
[18] Мин 1869, 294.
[19] Мин 1869, 305.
[20] Мин 1869, 304–305.
[21] Morris 1868, 150.

мый нюанс описания, но и интерпретировать его с учетом всей совокупности иных деталей, формирующих целостный портрет героя, полное впечатление об окружающем его мире. Например, обед косарей, встреченных Михаилом на пути к замку принцессы, предстает во всем своем великолепии: ‘‘Slices of white cheese, specked with green, / And greenstriped onions and ryebread, / And summer apples faintly red, / Even beneath the crimson skin; / And yellow grapes, well ripe and thin, / Plucked from the cottage gable-end’’[22] [Ломтики белого сыра с зелеными крапинками, / И лук с зелеными полосками, и ржаной хлеб, / И летние яблоки, слегка красные / Даже под темно-красной кожицей; / И желтый виноград, спелый и сочный, / Сорванный с фронтона дома]. В переводе Мина утрачены многие штрихи оригинальной картины (в частности, то, что сыр был белым с зелеными крапинками, а летние яблоки имели темно-красную кожицу), ржаной хлеб стал пшеничным, спелый и сочный желтый виноград — прозрачным и зрелым, яблоки — румяными, сладкими, наливными; наконец, упомянуты и новые продукты — «густой» творог, чеснок: «Блестящий сыр, густой творог, / И хлеб пшеничный, лук, чеснок, / И груды яблок золотых, / Румяных, сладких, наливных, / И только что снятый с оград, / Прозрачный, зрелый виноград»[23].

В описании неудачной попытки короля утопить новорожденного ребенка Моррис использовал противопоставление двух лексем — «ark» («ковчег») и «boat» («лодка»), ассоциирующееся с двумя вариантами исхода для малыша — спасением или гибелью: ‘‘Adown this water shall he float / With this rough box for ***ark*** and ***boat***’’[24] [Вниз по воде поплывет он / В этом грубом коробе, ***ковчеге*** и ***лодке***]; Мин, изначально восприняв эту авторскую находку («Пусть этот короб будет ***челн***, / Или ***ковчег*** ему средь волн»[25]), развил ее в последующих стихах, что, на наш взгляд, оправдано и во многом способствует восприятию подлинника, ср.: ‘‘…the cradle hurrying by, / Whirled round and sinking, but as yet / Holding the child, nor overset’’[26] […колыбель, быстро проплыв, / Кружилась и тонула, но все же / Держа ребенка, не перевернувшись] — «…словно ***челн***, / Поплыл ***ковчег*** его, кружась, / Но все ж на дно не погрузясь»[27].

Говоря о чистоте и невинности принцессы, еще не познавшей любви, Моррис подробно описывал чувства, возникавшие у нее на пути к замку Роз (‘‘the Castle of the Rose’’), — «бледнеющее утро» (‘‘waning morn’’) ее жизни не было проникнуто любовью, не о любви были и «высокие думы» (‘‘high thoughts’’) большого дня, наконец, на закате любовь должна «осветить вечер» (‘‘light the eve’’), но и этого не произошло: ‘‘The moon no melancholy brought, / The dawn no vain, remorseful thought’’[28] [Луна не принесла грусти, / Рассвет не принес самовлюбленности, полной раскаяния мысли]. Эмоциональность эпизода вела к некоторой «рыхлости», спонтанности изложения, что не было в полной мере прочувствовано Мином, попытавшимся ввести материал в стройные логические рамки; однако анафорическое «Но не любовью <…> Но не любовь <…> Но не огнем любви» в сочетании

[22] Morris 1868, 158.
[23] Мин 1869, 345.
[24] Morris 1868, 155.
[25] Мин 1869, 310.
[26] Morris 1868, 156.
[27] Мин 1869, 311.
[28] Morris 1868, 180–181.

с параллельными конструкциями позволило четко выделить три составляющие описания: «Пред ней восток уже алел, / Над нивой жаворонок пел; / ***Но не любовью*** позлащен / В ее глазах был небосклон. / Сияло солнце с высоты; / В ней зрели гордые мечты, / ***Но не любовь*** рождала их. / Коснулось солнце волн морских; / ***Но не огнем любви*** зажглась / Звезда любви в вечерний час. / ***Взошла луна; но грустных дум*** / Не приходило ей на ум. / ***И ночь настала; но в тиши*** / Невозмутим в ней мир души»[29].

Привлекает к себе внимание русификация многочисленных деталей английского произведения, осуществленная Мином; например, вместо «ржаного хлеба и вина» (''rye-bread and wine'') лесник в русском переводе предложил королю, заблудившемуся в лесу, «хлеба ***каравай***, воды и ***водки***». В рассказе подростка о своей жизни на мельнице переводчик заменил английскую реалию — ***Barnaby***, известную ярмарку на Барнаби-стрит в Лондоне, славянским праздником ***Юрьев день***; сохраняя упоминание флорина (''florins white'' («серебряные флорины»)), монеты, не имевшей хождения в славянских государствах, Мин вместе с тем говорил и о «червонцах», брошенных леснику в уплату за ребенка (вместо ''gold''(«золото»)). Кроме того, Мин использовал значительный пласт старославянской, древнерусской лексики, например, «ланиты», «уста», «чело», «челн», «купы», «хоры», «спуд», «десница», «юлы», «очи», «дщерь», «перст», «смерд», «злато», «взор», «ярем», «алтан», «хоругвь», «град», «ветр», «нисходить», «попрать», «прочить», «объемлить», «лобызать», «откушать», «сподобиться», «приять», «зреть», «златой», «миновавшийся», «оный», «древле» и др. Помимо придания переводу русской самобытности, эти архаизмы способствуют и созданию соответствующей сюжету оригинального произведения средневековой атмосферы. Учитывая, что после завоевания Британии норманами именно французы составляли правящую элиту, действие, разворачивавшееся при дворе короля, не могло быть в полной мере представлено без заимствований французской лексики. Здесь Мин пошел по пути сочетания двух начал — русского и французского; например, лексема ''king'' среди множества вариантов перевода — *властитель*, *властелин*, *владыка*, *его величество*, *милорд*, *монарх*, *государь* — в основном интерпретируется как «король» и «царь», ''princess'' — как «принцесса» и «княжна», ''earl'' или ''lord'' — как «граф» и «лорд», а также «вельможа» и «маршал», ''captain'' — как «мирмидон» и «урядник»; ''squire'', ''chamberlain'' и ''seneschal'' переведены лексемами как французского («сквайр», «граф»), так и иного («слуга», «камергер», «сенешаль», «сэр») происхождения, а эквивалентом английского ''dame'' («дама») выступает русское слово «барыня». Кроме того, в русском переводе очевидны вкрапления просторечной лексики, имеющиеся даже в речи короля; в этом плане особенно заметны наречия «отколь», «доколь», «досель», «нынче», «пущей».

Очевидная небрежность Мина привела к критическим оценкам перевода «Человека, рожденного быть королем» современниками, в частности, И. С. Тургеневым, который в письме А. М. Жемчужникову от 20 февраля (4 марта) 1869 г. сравнил Мина с Козьмой Прутковым: «Как же это Вы умолчали, что достохвальный Прутков собирается участвовать в «Русском вестнике» под именем Дмитрия

[29] Мин 1869, 333–334.

Мина? Прочтите в 1-м №-е перевод его английской поэмы Морриса: там на каждом шагу попадаются перлы!.. «Туманный призрак без причин?», «К берегам сомнительным судьбы», «...шерешпёр / Всё ловит мух, могуч и скор!» и т. д. и т. д. Я давно так не хохотал!»[30]. В отправленном в тот же день письме Я. П. Полонскому И. С. Тургенев в общих чертах повторил свою мысль: «А каков г-н Д.Мин в 1-м № «Русского вестника»? Это совершенный Прутков! Я давно так не хохотал, как от этих поистине небывалых вирш! «...Шерешпёр / Всё ловит мух, могуч и скор!»[31]

В письме И. С. Тургенева приведены и стихи из заключительной речи короля, осознавшего всю бесплодность своих попыток предотвратить осуществление предсказания старца после того, как принцесса, полюбив пажа, подменила королевский указ о его казни и вместо нее устроила свой брак с ним. Перевод этого фрагмента действительно изобилует у Мина множеством привнесенных нелепых деталей, значительно увеличивающих объем эпизода, ср.: “***But now — but now***, my days wax dim, / And all this fairness *have I lost* / Unto the winds, and all have lost / ***For nought, for nought!*** yet *will I strive* / My little end of life to live; / ***Nor*** *will I look* ***behind*** me more, / ***Nor forward*** to the doubtful shore”[32] [А теперь — а теперь, мои дни меркнут, / И всю эту справедливость я развеял / На ветер, и все потерял / Из-за ничего, из-за ничего! все же я буду стараться / Мой небольшой остаток жизни жить; / Не посмотрю ни назад больше, / Ни вперед на сомнительный берег] — «…***А теперь? / Теперь*** средь множества потерь, / Померкла слава дней моих / И прахом ветр развеял их. / А из чего? из-за один / Туманный призрак без причин! / ***Теперь*** остаток дней моих / Я посвящу для дел иных, / ***Не стану взор бросать назад, / Стремить вперед не стану взгляд*** / К брегам сомнительным судьбы, / Среди бесплодной с ней борьбы!»[33] Как видим, повторы и антонимичная конструкция повторены в русской интерпретации, равно как и инверсия английского оригинала, не имеющая у Мина какого-либо смыслового подтекста. Привлекает внимание и нелепая грамматическая ошибка переводчика, который, желая сохранить благозвучность стиха, отказался от согласования сразу нескольких лексем в родительном падеже, употребив синтагму «из-за один туманный призрак» (вместо «из-за одного туманного призрака»).

Следует отметить, что другая часть пространной королевской речи была переведена Мином, несомненно, более удачно, с соблюдением как синтаксических особенностей оригинала (анафоры “How many <…> / <…> / How many <…>”, “What <…> / <…> / What <…>”, параллелизмы), выполняющих эмоциональную, экспрессивно-усилительную, изобразительную функции, так и его лексического своеобразия, проявившегося в использовании книжных, возвышенных слов: “***What*** noble deeds I might have done, / ***What*** bright renown my deeds have won; / ***What*** blessings would have made me glad; / ***What*** little burdens had I had; / ***What*** calmness in the hope of praise; / ***What*** joy of well-accomplished days”[34] [***Какие*** благородные дела я совершил бы, / ***Какую*** бы блестящую славу мои дела приобре-

[30] Тургенев 1964, 314.
[31] Тургенев 1964, 316.
[32] Morris 1868, 214–215.
[33] Мин 1869, 365–366.
[34] Morris 1868, 214.

ли; / ***Какие*** бы благодеяния меня обрадовали; / ***Какие*** бы незначительные тяготы у меня были; / ***Какой*** покой в надежде восхваления; / ***Какая*** радость от прожитых во благо дней] — «***О, сколько б*** создал мудрых дел, / ***О, как бы*** трон мой просветлел, / ***Каким бы*** счастьем я сиял, / ***Каких бы*** скорбей избежал, / ***И сколько б*** был невозмутим / Мой мир волнением земным»[35].

Как видим, только отдельные языковые неточности и некоторую неуместную вольность в выборе стилистических средств можно поставить в упрек Мину как переводчику «Земного рая». Другие нюансы, вызвавшие очевидное неприятие И. С. Тургенева, обусловлены не столько недостатками русского перевода, сколько качеством английского оригинала, место и значение которого в истории литературы было чрезмерно преувеличено современниками Морриса скорее в силу объема произведения, нежели его поэтических достоинств. На это указывал и сам И. С. Тургенев в письме Я. П. Полонскому от 20 февраля (4 марта) 1869 г.: «Да и <…> английский оригинал — весьма обыкновенная и даже пошлая волшебная сказка»[36]. Известно резко отрицательное отношение русского романиста к поэтическому творчеству «прерафаэлитов», в рядах которых был и ранний Моррис, автор «Земного рая»[37]. И тем не менее, следует отдать должное Мину, познакомившему русского читателя с фрагментом книги, по сей день не переведенной в России. Анализируя переводы Мина, Ю. Д. Левин в своей книге «Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода» приходит к выводу, что «Мина-переводчика в основном привлекали прославленные литературные памятники, которые он стремился сделать доступными своим соотечественникам», причем в их отборе он «руководствовался личными вкусами и пристрастиями», питая особое пристрастие «к памятникам Средних веков и Возрождения»[38]. Именно стремлением к обработке средневековых легенд и сюжетов и можно объяснить интерес Мина к отдельным произведениям писателей XIX в. на историко-мифологические темы, в том числе и к «Земному раю» Морриса.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М. П. 1996: Русские встречи Вильяма Морриса // Россия, Запад, Восток: встречные течения: К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб., 3–24.

Аринштейн Л. М. 1973: Русская тема в «Демократических сонетах» Уильяма Россетти // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 70–90.

Елистратова А. А. 1958: Моррис и литература социалистического движения конца XIX — начала XX в. // История английской литературы: в 3 т. М.

Левин Ю. Д. 1985: Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л.

Мин Д. Е. 1869: Человек, рожденный быть королем. Повесть в стихах из поэмы Уилльяма Морриса «Земной рай» // Русский вестник. 5, 291–366.

Тургенев И. С. 1964: Полное собрание сочинений и писем: в 28 т.

Morris W. 1868: The Earthly Paradise. L.

[35] Мин 1869, 365.
[36] Тургенев 1964, 316.
[37] Алексеев 1996, 16.
[38] Левин 1985, 226.

D. Ye. MIN'S TRANSLATION OF W. MORRIS'S POEM "THE EARTHLY PARADISE"

D. N. Zhatkin, O. S. Milotayeva

The article analyzes D. Ye. Min's translation into Russian of "The Man Born to Be King", the second of twelve novelettes from the first part of W. Morris's poetic cycle "The Earthly Paradise" (1868-1870), which was published in "Russian Bulletin" in 1869. The translation as the first attempt in Russia to understand Morris's works reflected Russian society of the sixties-seventies seeking to introduce changes, to resolve social contradictions, to achieve perfect harmony with the surrounding world. Giving the title "The Man Born to Be King" to his translation in contrast to the original Min focused on a relatively isolated fragment of the whole work of Morris with a completed plotline. The article states that Min's interest in Morris's "Earthly Paradise" is due to his preference for historical and mythological themes, which was in line with the spirit of contemporary social trends.

Key words: literary criticism, D. Ye. Min, Russian-English literary, historical and cultural contacts, literary translation, tradition, cross-cultural communication, literary detail, reception.

© 2012

М. В. Ломовцева

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА МОЛЬЕРОВСКОГО ДОН ЖУАНА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СВЯЗАННЫХ С НИМ МОТИВОВ В КОМЕДИЯХ У. КОНГРИВА «СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК» И «ЛЮБОВЬ ЗА ЛЮБОВЬ»

Мольеровский Дон Жуан и джентельмены-остроумцы английского комедиографа У. Конгрива обнаруживают целый комплекс общих мотивов, что дает основание говорить о влиянии мольеровского гения на художественный мир У. Конгрива.

Ключевые слова: литературоведение, Ж. Б. Мольер, У. Конгрив, мотив, образ, Дон Жуан.

Комедия Мольера «Дон Жуан, или Каменный гость» была написана им в кратчайший срок. В начале 1665 года мольеровская труппа переживала репертуарный кризис, и нужно было срочно исправлять положение. Вероятно, оттого, что мастер создавал свое произведение наспех, пьеса написана не стихами, а прозой. Но, несмотря на все эти обстоятельства, она вошла в число лучших произведений Мольера. Заинтересованный в том, чтобы дать своему театру как можно более доходную пьесу, мастер избрал всем известный и очень популярный в то время у парижской публики сюжет — историю о Дон Жуане. Пьеса испанского драматурга Тирсо-де-Молина «Севильский соблазнитель», написанная около 1620 года,

Ломовцева Марина Владимировна — ассистент кафедры культурологии и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: Sergeeva_marina1@mail.ru

имела много драматургических обработок, ее ставили на парижских сценах и испанские, и итальянские, и французские театральные труппы. Но только великому мастеру было под силу, взяв за основу известный всем сюжет, доработать его таким образом, чтобы превратить в цельное художественное произведение, в котором ярко выражается его авторская индивидуальность.

Мольер сохранил традиционную сюжетную линию. Это история о развратнике и богохульнике, соблазняющем всех приглянувшихся ему женщин и жестоко расправляющемся со всеми, кто встанет на его пути. В конце действия Дон Жуан гибнет от руки статуи некогда убитого им Командора. При этом многие эпизоды Мольер изменил или переставил, а также создал несколько дополнительных, из которых наиболее значительными являются сцена с нищим (III, 2) и сцена с кредитором господином Диманшем (IV, 3). Он также изменил имена всех героев, кроме Дон Жуана. Но основное, что отличает мольеровскую комедию от ее первоисточника и многочисленных вариаций, — это коренное изменение характера пьесы и ее идейной направленности. До Мольера Дон Жуана изображали как вневременной тип развратника и безбожника, а он изобразил его как представителя определенного класса общества. Это истинный дворянин, со всеми плюсами и минусами своего происхождения. Такой подход к главному герою привел, в свою очередь, к более реалистическому изображению происходящего на сцене. Ведь до Мольера эту пьесу играли в фантастическом, гиперболизированном ключе. Мольеровский Дон Жуан вполне живой человек, рассуждающий, действующий и объясняющийся как реальные люди того времени и среды, к которой он принадлежит. И все же образ Дон Жуана — это не портрет какого-то одного человека, а обобщенный образ аристократа XVII века.

Известно, что образ джентльмена-остроумца был характерным для английской комедии нравов. И в каждой комедии У. Конгрива мы встречаем подобных героев, основной чертой которых является остроумие, их речь изобилует всевозможными сравнениями, метафорами, удачными каламбурами, в них проявляется циничность натур и свободомыслие персонажей. Естественно, что джентльмены-остроумцы стремятся к вниманию со стороны дам, они галантные кавалеры. Однако некоторые из них, кроме остроумия и свободомыслия, проявляют чрезмерный интерес к женскому полу, их жизнь превращается в калейдоскоп плотских утех, в погоню за очередным трофеем. Именно такие герои родственны мольеровскому Дон Жуану.

В «Старом холостяке» (1693) мы находим образы, удивительно похожие на мольеровского героя. Это образы двух молодых аристократов, Вейнлава и Беллмура, которые, как и Дон Жуан, развратны, циничны и жестоки по отношению к другим людям. Вейнлав более изыскан в своих вкусах, ему больше нравится сам процесс соблазнения женщины, чем процесс обладания, а Беллмур, наоборот, всеяден.

Вейнлав: Я всегда вспугиваю для тебя зайцев, а ты их подстреливаешь. Мы, без сомнения, дополняем друг друга. Я бросаю женщину там, где ее подбираешь ты[1].

[1] Конгрив 1977, 12.

Действительно, Беллмур с удовольствием питается «дичью», подстреленной Вейнлавом, доказательством этого может быть сцена с Летицией. Молодая жена богатого, но старого банкира, олдермена Фондлуайфа, Летиция, написала письмо покорившему ее сердце Вейнлаву. В этом письме она назначила ему свидание у себя в доме, когда мужа не будет в Лондоне, осмотрительно предложив ему переодеться священником, чтобы не вызвать подозрения у слуг. Вейнлава подобное послание сразу охладило. Он показал это письмо Беллмуру.

Вейнлав: Видишь ли, я не терплю, когда мужчине что-нибудь навязывают — будь то любовь или выпивка, а тут я ничего не домогался[2].

Беллмуру же, наоборот, такое послание пришлось по душе, он сразу же заинтересовался этим делом.

Беллмур: (читает). М-м... «не будет в городе сегодня вечером, и он обещает прислать мне для компании мистера Спинтекста; но я постараюсь, чтобы Спинтекста не оказалось дома.» Превосходно! Спинтекст?..А, кривой проповедник-пуританин!... «Беседа с вами будет куда приятней, если вы сумеете принять его обличье, чтобы ввести в заблуждение слуг». Очень хорошо! Значит, я должен прибегнуть к переодеванию? Готов от всего сердца…Это придаст любви остроту, усиливая ее сходство с воровством, а для нас, любострастных смертных, грех тем слаще, чем тяжелей[3].

Мотив похищения чужой женщины, который так возбуждает воображение Беллмура, присутствует и у Мольера. Дон Жуан снаряжает небольшой корабль, приготавливает пистолеты, берет с собой своего слугу и отправляется похищать чужую невесту. Накануне этого события он рассказывает Сганарелю.

Дон Жуан: Особа, о которой я тебе говорил, молодая невеста, наиприятнейшая в мире; ее привез сюда человек, за которого она должна выйти замуж. Случайно мне удалось видеть эту влюбленную пару за три-четыре дня до их поездки. Никогда я не видел людей более довольных друг другом, любовь которых настолько бы бросалась в глаза. Нежные доказательства их обоюдного жара привели меня в волнение; я был поражен в самое сердце, и любовь моя началась с ревности. … Этот претендент в супруги сегодня должен угостить свою возлюбленную морскою прогулкой. Я тебе ничего не говорил, но все приготовлено для того, чтобы удовлетворить мою любовь. У меня есть небольшое судно и люди, с которыми я весьма легко рассчитываю похитить красавицу[4].

Мы видим, что для Дон Жуана главным фактором в этом деле является именно недоступность девушки, более того, она любит другого, но именно взаимная любовь этой пары и задевает самолюбие Дон Жуана. Он настолько эгоцентричен, что руководствуется лишь своими желаниями и готов на обман, разбой, убийство — и все это ради того, чтобы насытить свое извращенное эго.

Поодиночке и образ Вейнлава, и образ Беллмура не дотягивают до этого образа дворянина-злодея, но вместе, дополняя друг друга, они отражают все его грани. Вейнлав — теоретик в любви, его сердце слишком холодно, чтобы загореться настоящим пламенем чувства. Он ухаживает за Араминтой, но его интерес к ней, так же как и у Дон Жуана, основан на ее недоступности. Как только он видит

[2] Конгрив 1977, 12.
[3] Конгрив 1977, 13.
[4] Мольер 1995, 504.

проявление ее чувств к нему, он сразу же отступает и замыкается. Его поведение в любовных отношениях имеет извращенную форму, так же, как и у Дон Жуана.

Вейнлав: Любовь-божество; следовательно, ему подобает служить и молиться[5].

Характер Вейнлава хорошо раскрывается из разговоров о нем других героев комедии. Вот, например, Хартуэлл:

Как! Вейнлав был здесь? Вот уж с кем любовь играет каждый день первоапрельскую шутку: он вечно в бесплодных поисках, вечно ищет приключений и никогда не приходит в порт.

Беллмур: Право, не знаю. Характер, которым он наделен, очень для него удобен: он дорожит женщиной, пока она его интересует, и бросает ее, как только любовь утрачивает прелесть новизны и превращается в докуку.

Шарпер: Что обличает в нем неспособность к страсти, сильный ум и дурной нрав.

Хартуэлл: А также свидетельствует о том, что глупости Вейнлав делает с большой осмотрительностью[6].

То есть, если мы будем говорить о Вейнлаве и Беллмуре как героях, дополняющих друг друга и разными своими сторонами характера «восходящими» к Дон Жуану, то Вейнлав — это рассудок и осмотрительность. А Беллмур — полная противоположность ему, он настоящий «труженик» любви, практик своей теории наслаждения, страстный и жизнерадостный.

Беллмур: До чего ж я ненасытен в любви! Кто другой, не довольствуясь тем, что он раб высокой страсти и одновременно услаждается с полудюжиной самолично приобретенных любовниц, принял бы на себя еще и заботы Вейнлава только потому, что их груз слишком тяжел для его плеч? Таким образом, я не только вынужден спать с чужими женами, заменяя мужей, но и взвалить на себя более трудную задачу — ублаготворить чужих любовниц. Пора, пора остановиться, иначе не выдержу: плоть моя и кровь тоже не вечны[7].

Но загадка его неутомимости проста, он сам не единожды восклицает: «Разрази меня бог, если я не люблю весь женский пол!»[8].

Вот в этом и кроется его принципиальное отличие от Вейнлава, который поклоняется Любви, а Беллмур — Женщине, причем, подобно Дон Жуану, он каждый раз влюблен, пусть и на несколько минут. Его жизненная философия как две капли воды похожа на философию Дон Жуана.

Дон Жуан: Нет, нет; постоянство годится только для чудаков; все красавицы имеют право нас очаровывать, и преимущество оказаться первой по счету никак не должно похищать у других справедливых притязаний, которые они все имеют на наши сердца. Что касается меня, красота восторгает меня всюду, где бы я ее ни встретил, и я легко поддаюсь сладкому насилию, с которым она нас увлекает. Пусть я связан словом; любовь, которую я питаю к прекрасной, нисколько не обязывает меня быть несправедливым к остальным…в конце концов… все наслаждение любви заключается в перемене. …Но раз уже ты сделался господином, тебе

[5] Конгрив 1977, 26.
[6] Конгрив 1977, 15.
[7] Конгрив 1977, 13.
[8] Конгрив 1977, 14.

ничего больше не остается ни говорить, ни желать; вся красота страсти окончена, и ты засыпаешь в спокойствии подобной любви, если только какой-нибудь новый предмет не явится пробудить твои желания и не представит твоему сердцу привлекательных прелестей предстоящего завоевания[9].

Мы видим, что мировоззрение конгривских аристократов близко мировоззрению Дон Жуана, они, как и он, последователи философии наслаждения.

В светских кругах XVII века была распространена философия либертинажа, ее последователи разделились на два лагеря: либертены-философы и либертены-аморалисты. Первые возвышенно понимали эпикуреизм, они проповедовали чистоту нравов, умеренность, воздержание. В эту группу входили многие прогрессивные люди того времени, это и Гассенди, и Бернье, и Ламот-Ле-Вейе, и, в том числе, Мольер. А вторая группа, состоящая из аристократов, проявляла атеизм в демонстративной форме, то есть видела в безбожии лишь возможность сбросить с себя всякую узду и отдаться всевозможным развлечениям. Представителями этой группы как раз и являются Вейнлав, Беллмур и, несомненно, сам Дон Жуан. Естественно, что по сравнению с этими двумя английскими аристократами Дон Жуан представляется намного значительней и проблематичней. Но мотив в основе этих трех образов один и тот же — мотив развратника-дворянина.

Еще один образ, родственный, как нам думается, мольеровскому Дон Жуану, — это Скэндл из комедии «Любовь за любовь» (1695). Он большой критикан и искусный обольститель. Например, сцена соблазнения им миссис Форсайт. Она замужем за чудаковатым стариком, поэтому является легкой добычей для Скэндла. Важно, с каким блеском и изяществом он уговаривает ее совесть пойти на измену.

Миссис Форсайт: Ну, где видана такая наглость: объясняться в любви под носом у моего мужа! Ей-богу, я расскажу ему!

Скэндл: Что ж, я лучше умру мучеником, чем откажусь от своих чувств. Но доверьтесь мне, прошу вас, и я открою вам, как нам от него избавиться, чтобы я мог свободно приходить к вам.

Миссис Форсайт: О, вы чудовище! А как же, по-вашему, честь и совесть?!

Скэндл: Честь — это общественный надзиратель, а совесть — обыкновенный домушник; и если кто хочет радоваться жизни, он должен подкупить первого и войти в долю со вторым. Что до чести, тут у вас надежная защита: вы обзавелись неисчерпаемым источником наслаждений[10].

Миссис Форсайт пытается противостоять его напору, однако это сопротивление лишь формальность, ведь внутренне она готова совершить измену. Тем более что, по слухам, она обладает странной особенностью — наутро забывать мужчину, с которым провела ночь. Эту особенность пришлось испытать на себе и соблазнившему ее Скэндлу.

Скэндл: Тсс! А восторги прошлой ночи, моя прелесть!..Их не скоро забудешь!

Миссис Форсайт: Прошлой ночи?..Это на что вы изволите намекать? Прошлая ночь была, по-моему, такая же, как все предыдущие.

Скэндл: Вы что же, не заметили разницы между мной и своим мужем, черт возьми?!

[9] Мольер 1995, 500.
[10] Конгрив 1977, 181.

Миссис Форсайт: Вся разница, что он суеверный, а вы, по-моему, полоумный[11].

В лице миссис Форсайт Скэндл нашел достойного партнера. Он был настолько обескуражен подобным поведением, что не нашелся сразу что ответить. Необходимо добавить, что конгривские героини совсем непохожи на соблазненных и страдающих жертв Дон Жуана, так как они не питают иллюзий по отношению к мужчинам. Их гнев на неверного любовника длится до тех пор, пока они не найдут себе другого.

Дон Жуан, как известно, проявлял живой интерес к крестьянкам. Вспомним сцену соблазнения им Матюрины и Шарлотты. На каждой он обещает жениться, причем умудряется вывернуться из щекотливого положения, даже когда они обе, вместе задают ему прямой вопрос: «Так на ком же, вы, сударь, женитесь?» И лишь неблагоприятное для Дон Жуана стечение обстоятельств — он вынужден был бежать от погони — спасло честь и, может быть, жизни этих наивных девушек.

Тяга Скэндла к простым женщинам из народа тоже придает ему поразительное сходство с небезызвестным героем. Узнав, что к Валентину пришла кормилица одного из его внебрачных детей, он интересуется:

Скэндл: Никак, это толстушка Марджери с моим крестником?

Джереми: Она самая, сэр.

Скэндл: Скажи ей, что я благословляю малыша, и передай вот это в знак моих нежных чувств. (Протягивает ему деньги.) Да еще, слышишь, попроси Марджери положить в постель матрас помягче, дважды в неделю менять белье и поменьше работать, чтоб от нее не разило потом. Я скоро ее навещу[12].

Такая неразборчивость в связях у Скэндла и Дон Жуана носит извращенный характер, они не только не желают умерить своих желаний, но и не могут этого сделать в силу патологической распущенности своей натуры.

Скэндл соблазняет женщин, опираясь на свою философию нигилизма, он вообще склонен к саркастическим заявлениям о нравах современного ему общества. Он пишет пасквили, сатиры, эпиграммы, нравоописания …в общем, видит все пороки общества: «спесь и глупость, похотливость и жеманство, жадность и ветреность, лицемерие, злоба и невежество — и все в одном лице»[13]. Однако, осуждая свет, он является его неотъемлемой частью. Правдолюбие для него всего лишь удобная и модная маска.

Дон Жуан не пытается досконально разобраться в пороках общества, потому что слишком занят своими желаниями, но он нашел маску, с помощью которой можно уйти от любого наказания. В последней своей встрече с отцом он делает вид, что искренне раскаялся в своих злодеяниях, но это лишь маска, чтобы заручиться поддержкой своего влиятельного отца. И после этой встречи он принимается рассуждать о лицемерии.

Дон Жуан: Нынче в этом стыда нет: лицемерие — модный порок, а все модные пороки сходят за добродетели. Роль благомыслящего человека теперь — лучшая из всех, которую можно играть, и профессия лицемера доставляет удивитель-

[11] Конгрив 1977, 190.
[12] Конгрив 1977, 145.
[13] Конгрив 1977, 154.

ные преимущества…Словом, это верный способ делать безнаказанно все, что тебе угодно[14].

Конгривский Скэндл как бы дополняет своим образом портрет Дон Жуана, отражая еще одну сторону его личности: нигилист, критикан, не верящий ни во что на свете.

В этой комедии есть еще один схожий мотив — мотив требующего отдачи долга кредитора, это сцена с кредитором, в которой имеются места просто один в один схожие с комедией «Дон Жуан, или Каменный гость», настолько реалистично удалось Мольеру показать «финансовую практику» аристократа. Валентин, осаждаемый кредиторами, придумывает различные уловки, чтобы отделаться от них. Но от одного из них избавиться не удается, он пришел уже не один, а с судебными приставами, поэтому Валентину ничего не остается, как принять его.

Джереми: Сударь, там Трэпленд, процентщик, а с ним два подозрительных детины, как есть переодетые приставы, такой дотронется своим карманным жезлом — тебя и не стало!

Валентин: Если б удалось как-нибудь заткнуть ему глотку, я бы хоть свободно вздохнул.

Джереми возвращается с Трэплендом.

Валентин: Мистер Трэпленд, дорогой друг! Рад вас видеть! Джереми, стул, быстро! Бутылку хереса и поджаренный хлеб, живо![15].

Валентин пытается напоить своего кредитора, чтобы отвлечь его от дела, он расспрашивает процентщика о семье, о дочери, потом переключается на сплетни о нем, вспоминает про «чернявенькую вдовушку с Полтри», с которой якобы Трэпленд имел отношения, но, несмотря на все эти уловки, ему приходится выплатить долг.

А вот «выбить» долг из Дон Жуана практически невозможно. Его кредитор, господин Диманш, уходит ни с чем. Он даже не успевает открыть рта о том, что пришел за долгом. Дон Жуан и Сганарель, как по нотам, разыгрывают эту сцену, что указывает на то, что практики в подобном деле у них хоть отбавляй. Сцена эта разыграна по той же схеме, что и у Конгрива, с той лишь разницей, что Дон Жуан, постоянно уверяет Диманша в своем дружеском расположении.

Дон Жуан: (*церемонно раскланиваясь*) А, господин Диманш, пожалуйте! Как я рад вас видеть! Мне так досадно, что мои люди сначала вас не впускали! Я отдал распоряжение, чтобы мне ни о ком не докладывали, но оно не касалось вас, и вы имеете право на то, чтобы всегда мои двери для вас были открытыми.

Дон Жуан: Как! Сказать вам, что меня нет дома! Вам, господину Диманшу, лучшему моему другу![16].

И далее он расспрашивает его о здоровье, о здоровье его супруги, о дочери, о сыне, о собачке. И как только Диманш, в сотый раз уже, пытается объяснить причину своего визита, он протягивает ему руку и произносит:

Дайте вашу руку, господин Диманш. Ведь вы действительно мне друг?

Господин Диманш: Сударь, я ваш покорнейший слуга.

Дон Жуан: Черт побери! Я всей душой люблю вас.

[14] Мольер 1995, 578.
[15] Конгрив 1977, 147.
[16] Мольер 1995, 556.

Господин Диманш: Слишком много чести. Я…

Дон Жуан: Нет ничего, чего бы я для вас не сделал.

Господин Диманш: Сударь, вы слишком добры ко мне.

Дон Жуан: И совершенно бескорыстно, прошу вас верить.

Господин Диманш: Я, конечно, не заслужил такой милости. Но, сударь…

Дон Жуан: Господин Диманш, без всяких церемоний, хотите со мной поужинать?

Господин Диманш: Нет, сударь, мне надо сейчас идти домой. Я…

Дон Жуан: (*поднимаясь*) Эй, скорей сюда факел! И проводите господина Диманша! Пусть четверо или пятеро моих слуг с мушкетами проводят его[17].

Вот таким виртуозом общения с кредиторами предстает перед нами мольеровский Дон Жуан. Мольер направляет свою сатиру против дворян, которые не приносят никакой пользы обществу, а бессмысленно прожигают свою жизнь и чужие деньги.

Все эти конгривские герои близки Дон Жуану, во-первых, потому что относятся к одной социальной категории, во-вторых, обладают качествами, присущими ему: это и острый ум, и галантность в обращении с женщинами, и умение вести себя в обществе, умение себя подать в выгодном свете, храбрость, циничность, нигилизм. К сожалению, отрицательные качества перевешивают, но и положительные присутствуют. Однако стоит заметить, что всеми «хорошими» качествами — храбростью, остроумием, изяществом — они лишь утверждают свое дворянское достоинство, направленное на попирание прав других личностей и всех человеческих моральных законов. Естественно, что подобное сходство мольеровского и конгривских героев проявляется в целом комплексе общих мотивов (мотив развратного дворянина, мотив похищения чужой женщины, мотив маски, мотив требующего отдачи долга кредитора) ведущий из которых — мотив развратного дворянина. Этот мотив несет в себе конструктивную и продуцирующую функции, то есть не только ведет за собой другие мотивы, но и рождает новые оттенки их значений. Таким образом, влияние творчества Ж. Б. Мольера на художественный мир У. Конгрива становится очевидным.

ЛИТЕРАТУРА

Конгрив У. 1977: Комедии. М.

Мольер Ж. Б. 1995: Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.

THE IMAGE OF MOLIERE'S DON JUAN AND ENSUING MOTIFS IN W. CONGREVE'S COMEDIES "THE OLD BACHELOR" AND "LOVE FOR LOVE"

M. V. Lomovtseva

Moliere's Don Juan and witty gentlemen of W. Congreve, English comedy dramatist, share a number of motifs, which makes it possible to speak of the impact of Moliere's genius on the artistic world of W. Congreve.

Key words: literary criticism, J.B. Moliere W. Congreve, motif, image, Don Juan.

[17] Мольер 1995, 561.

ЛИНГВИСТИКА

© 2012

Т. Н. Амирян

КОНСПИРОЛОГИЯ: ДИСКУРС И ЖАНР

В статье исследуется конспирологический дискурс как важный механизм формирования жанра конспирологического детектива. Показаны типы репрезентации «исторического знания» в «ситуации постмодерна». Конспирология интерпретируется с помощью теоретических работ Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, Й. Р. фон Биберштайна и др. для выявления «позиций» формирования подобного дискурса и его трансформации в фикциональное пространство.

Ключевые слова: лингвистика, конспирология; теория заговора; дискурс; жанр; детектив; Ж.-Ф. Лиотар; М. Фуко; Й.Р. фон Биберштайн; историческое знание.

Популярность, которую приобрел конспирологический детектив в последние десятилетия, вызывает необходимость в филологических дисциплинах выработать исследовательский подход, с помощью которого можно интерпретировать или идентифицировать новый «гибридный» жанр массовой литературы[1]. Структурно конспирологические романы (начиная от романа У. Эко «Маятник Фуко» (1988) и заканчивая бестселлером Д. Брауна «Код да Винчи» (2004)) представлены как точка пересечения детективного нарратива и конспирологического дискурса и тем самым являются экспериментальным и/или комбинаторным типом письма и продолжают сохранять лидирующие позиции в иерархии популярной литературы. Изучение жанра конспирологического детектива на сегодняшний день может быть основано на нескольких теоретических подходах.

Несомненный интерес представляет сама детективная структура, нарративная модель детективного рассказа, претерпевающая мутации в динамике современного литературного процесса. Детектив оказывается наиболее удачной структурной основой, формулой для репрезентации особой временной конструкции конспирологического романа, регулярно обращающегося к таким категориям, как «история» и «историческое прошлое», «документ» и «документальность». А главная цель в повествовательном ходе детектива — разоблачение преступления — интегрируется в акт разоблачения заговора. Помимо общих тенденций развития подобных паралитературных практик «сюжетного» повествования о «теории заговора», сегодня можно наблюдать и «ответную реакцию», т. е. художественную прозу, которая, используя детективную структуру, бросает вызов массовому кон-

Амирян Тигран Норайрович — аспирант кафедры литературы народов стран зарубежья Университета РАО. E-mail: tigran.amiryan@gmail.com

[1] Такая попытка была предпринята нами ранее, см.: Амирян 2009.

спирологическому роману, криптодетективу, фиксируя и/или пародируя приемы жанра[2].

Другую область интересов составляет «параноидальный стиль», в рамках которого принято интерпретировать конспирологический детектив в западных теориях[3]. Для того чтобы изучать конкретный литературный жанр или произведение в той плоскости, где теория вырабатывает понятие «параноидальности», необходимо усвоить эти теоретические воззрения, разнообразно представленные в психоанализе, литературоведении и т.д.

В данной статье наш интерес связан не с нарративной основой жанра конспирологии и не с исследованием параноидальности как важнейшего механизма производства конспирологического мифа или текстопроизводства соответствующего жанра. Здесь мы сузим предмет исследования и попытаемся выявить «конспирологию» как своеобразный дискурс, эксплуатируемый в общей механике постмодернистской культуры, имеющий предпосылки к формированию в исторической перспективе.

1. Научное знание и знание делегитимизирующее

Конспирологический детектив как литературный жанр и культурный феномен, с одной стороны, напрямую связан с проблемой существования такой ментальной структуры, как «конспирология». В то же время «конспиративное мышление» — изначально продукт не сферы художественного творчества, а в первую очередь результат развития политических и общественных систем (следовательно, актуализируется генетическая проблема возникновения и развития «теории заговора» в разных эпохах). Одним словом, наш интерес составляет дискурс как жанр (ван Дейк)[4].

[2] Амирян 2010.

[3] На сегодняшний день такой подход остается наиболее уязвимым, так как сам перенос психоаналитического словаря и понятия «параноидальности», совершенный в свое время Ричардом Хофштадтером (Hofstadter 1996), кажется весьма неосторожным и отвергается современными американскими исследователями (Найт 2010), но чаще всего метод Хофштадтера продолжает осваивать теоретическое пространство американских университетов (Barkun 2003). Кроме того, существуют разные психоаналитические традиции (во Франции и США), которые понимают паранойю совершенно различно, что еще больше усложняет работу по идентификации «параноидального» жанра.

[4] Дискурс — одно из сложнейших понятий современных гуманитарных наук. В основном сложность заключается в расхождении множества значений этого понятия, порой прямо противоположных. Но если попытаться кратко охарактеризовать работы, ведущиеся по объяснению этого понятийного элемента, то можно сказать, что основная часть исследователей предлагает лингвистическое понимание дискурса, основываясь на практиках аналитического рассмотрения наиболее значимых речевых актов. Другие исследователи, пытаясь отойти от такой формы лингвосемиотического понимания дискурса, предлагают понимать под дискурсом нечто, содержащееся не в речевом отрезке, а находящееся за речевым актом, «не только «данность текста», но и некая стоящая за этой «данностью» система» (Т. А. ван Дейк). Так, дискурсом чаще всего называют не конкретные отрезки текста или речи, а выявленные важные формулировки и формы, характеризующие механизм генерирования целого ряда высказываний («мир дискурса» (Демьянков 2005)), сводимых к некоему общему механизму или модели порождения значений. Со временем ученые стали понимать дискурс не просто как некоторое число значений, группирующихся вокруг предложения или речевого акта, теперь концентрация значений сводилась к концепту, а не к предложению или фразе. Здесь следует упомянуть американского исследователя ван Дейка, так как именно он попытался расширить понятие дискурса и предложил более крупные, чем речевые акты, элементы текста называть дискурсом (одним из таких элементов и является жанр). Подробнее об этом см.: (Степанов 1995). Но было бы неверно утверждать, что американские исследователи являлись основателями исследовательского аппарата литературного дискурса. Сегодня литературоведение, использующее это французское

Конспирологический детектив, состоящий из сплетений детективного нарратива и конспирологического (параноидального) мифа, конечной своей целью ставит переворот, революционный отказ от старого прочтения известных исторических мифов и, маскируясь демифологизацией и деконструктивистским актом, представляет собой «кризис большого рассказа» или «недоверие по отношению к метанарративам» (по Лиотару)[5], следовательно, мы рассматриваем этот жанр (а шире — дискурс) как аспект или структуру постмодернистской модальности. Конспирологический жанр всегда содержит некий вектор «желания» — желание постичь истину, тайну, раскрыть секрет и пр. В бесконечно повторяющихся конспирологиях мы можем легко распознать путь и конечную цель, к которому стремится подобное «желание» в теории заговора: это движение к «знанию». Но здесь мы сталкиваемся с тем дифференциальным механизмом, который замечает Лиотар в процессе анализа состояния постмодерна, а именно: с конфликтом двух разных типов «знания», одно из которых является научным, а «другой сорт знания» — более близким и наиболее понятным, соответственно, наиболее популярным и часто эксплуатируемым массовой словесностью и медиа: «его модель связана с идеями внутреннего равновесия и дружелюбия (*convivialité*), в сравнении с которыми современное научное знание имеет бледный вид, особенно, если оно должно подвергнуться экстериоризации по отношению к «знающему» и еще более сильному, чем прежде, отчуждению от своих пользователей»[6]. Этот конфликт развернут там, где встает вопрос о легитимности, где «статус знания теряет устойчивость, а его спекулятивная целостность расколота»[7]. Информационные потоки, пытающиеся принять те или иные структурные ячейки, попадают в поле противостояния, где в борьбу за легитимность вступают как получатель с отправителем (автор/читатель), так и референт (конспирологический миф как послание), что можно проследить в ряде текстов, относящихся к жанру конспирологического детектива, на примере отдельных «приемов». Утрата легитимности постмодернистской экономией приводит к конфликту знаний, который упирается в компетенцию субъекта. Лиотар пишет не только/не просто об утрате легитимности «большого рассказа»,

слово, не заимствует у структурной лингвистики некий аппарат исследования, а возвращает то, что еще с XVIII века являлось частью литературного или философского текста. См., например, краткий экскурс в семантику понятия «дискурс» у В. З. Демьянкова (Демьянков 2005). И, наконец, если говорить о нелингвистическом понимании дискурса, к которому мы прибегаем в данном случае, чтобы выделить «конспирологию» как повторяющуюся модель конструирования некоторого количества современных (и не только) популярных текстов, — если говорить о таком понимании дискурсивности — то необходимо отметить, что Мишель Фуко, исследовавший дискурсивные практики и дискурсивные формации, опирался не на речевые акты, а на определенный исторический, социальный опыт (expérience), не всегда артикулированный в речевых актах, а часто выявляемый философом в литературе, в текстах, несущих приметы эпохи, языка эпохи, характеризующих эпистему. Ведь археология Фуко это не путешествие в поисках смысла высказывания, короткого речевого акта, а поиски той модели исключения, которая всегда обходится умалчиванием и шепотом, это археология, ищущая поверхность эпистемы и ее ядро (Фуко 1996). Среди множества определений «дискурса» мы отдаем предпочтение именно тому методу, который занимается не «высказыванием» в качестве дискурсивного ядра, а исследует «позиции», при которых могли быть сформулированы (обладали подобной потенцией) те или иные «высказывания», лежащие в глубине «дискурсивных формаций» (Серио 2001, 551–552).

[5] Лиотар 1998, 9–11.

[6] Лиотар 1998, 26.

[7] Лиотар 1998, 87.

но о более глубинной «утрате ностальгии по утраченному большому рассказу»[8], что весьма характерно для современных конспирологий, которые на фоне утраченных больших нарративов («христианство», «коммунизм», «Европа», «Америка», «Византия», «Сталин», «Гитлер» и пр.) все чаще повествуют о персонажах, которые не просто «оглядываются», чтобы реконструировать/реанимировать тот или иной нарратив, а пытаются вести дальнейшую игру с языком, и в этой игре «ностальгическая оглядка назад» превращается в игру с Историей или с Историческим знанием.

Помимо этого, важно заметить, что в случае «теории заговора» мы имеем дело с неденотативным типом знания. Так или иначе, говоря о конспирологии как об объекте изучения, мы сталкиваемся с терминологическим аппаратом, не имеющим четко зафиксированных форм и значений. В данном исследовании мы сталкиваемся с тремя понятиями или тремя разными типами понятий: «конспирология», «конспирологическая теория» и «теория» (иначе: «заговоры», «теория заговора» и «теория»). Определив неденотативный характер конспирологии, мы можем говорить о прескриптивном, спекулятивном характере конспирологии, поэтому сами «конспирологии» и/или «заговоры» остаются за пределами нашей компетенции (иначе пришлось бы создавать еще один делегитимирующий рассказ о кризисе того или иного большого рассказа). Основным «элементом» языковой игры, порождающей необходимость научного анализа, становится «теория заговора», поэтому далее мы обращаемся к теории/теоретическим аппаратам, которые уже гипотетически или напрямую являются интерпретативными механизмами «теории заговора».

2. Конспирология и тайна истории

Если «знание» становится неким объектом спекулятивных конспирологических теорий, то история выступает одновременно и как объект наррации (исторический дискурс, историческое знание), и как тип наррации (повествование об истории, история от момента конспирации до разоблачения заговора). В целом в ситуации постмодерности история является одним из типов знания (в том значении понятия «знание», которое мы выделили ранее).

Сегодня в произведениях, которые принято относить к историческим, «заговорщическим» или конспирологическим романам, затрагивающим мировую историю, читатель не расчленяет репрезентацию «истории» на отмеченные умозрительные конструкции, а воспринимает как целое повествование «об истории», где стратегическая задача нарратора — вовлечь субъект в динамику представленного «исторического процесса» и выстроить идеальную картину «исторического», где субъекту отведена роль «активного участника». Заголовки конспирологических романов типа «Код Микеланджело», «Код Каббалы», «Код Моисея», «Код Апокалипсиса» (сема «кода»), «Имена» Д. Деллило, «Маятник Фуко» У. Эко (сема «плана») и т.д. являются своеобразным способом моделирования Знания как читательской компетенции. Такое моделирование, производящееся на фоне постмодернистской ситуации, чаще всего создает целостные упрощенные модели «знания», доступные широкой аудитории. Такова биполярность постмодернисткого нарра-

[8] Лиотар 1998, 100–101.

тива, где, с одной стороны, в полюсе текста-произведения (автор и его стратегии письма) знание подвергается деструктуризации, деиерархизации и моделирует упрощенные формы, которые, однако, будут наиболее успешно функционировать в полюсе текстуального, в процессе рецепции (читательской интерпретации), где смоделированные формы знания (истории) должны получать — напротив — наиболее структурированную форму. Так, лиотаровская ситуация постмодерности как механизма порождения культурного текста переходит в стадию обмена символическим капиталом в бодрийаровском значении. Мы застаем момент функционирования жанра конспирологического детектива в стадии, когда в «обществе потребления» настает конец понятия «история», поскольку сам субъект, так долго конструировавшийся в европейской цивилизации, в «конце истории»[9], оказывается отсутствующим[10].

Но вопрос соотношения литературы и истории всегда остается одним из важнейших и наиболее нерешенных, открытых моментов литературной теории. Подробный компаративистский анализ постоянного столкновения этих двух понятий дает А. Компаньон[11]. Ученый описывает противостояние истории литературы и теории литературы (диахроническое и синхроническое изучение литературных текстов / разные способы метатекстуального рассматривания литературы / литература как документ или монумент и т.п.), а также понимание истории и литературы как внутритекстовых механизмов, и все эти конфронтации происходят в той подвижной и постоянно меняющейся плоскости, что у А. Компаньона именуется литературной теорией[12].

Возникают как минимум два вопроса. Как объяснить присутствие «исторического» времени в теоретической разработке конспирологического детектива и какой путь может иметь аналитическое изучение этого жанра в ее синхронической плоскости, т. е. как можно определить аксиологическое значение изначально криптоисторического паралитературного жанра?

Если попытаться систематизировать существующие способы «исторической репрезентативности» в конспирологическом жанре, то можно выделить два основных вида: часть конспирологических романов повествует о больших нарративах, и здесь историческая перспектива более актуализирована и обладает масштабностью (Византия, Христианство, Ислам, Египет, Иудаизм, Европейская культура, Просвещение, «холодная война»…); второй тип конспирологических текстов, казалось бы, совершенно отличающихся от первого, все же строится на тех же механизмах повествовательности, отличаясь лишь меньшей масштабностью «исторического мифа», но при этом большей актуальностью и даже злободневностью

[9] Фукуяма 2004.

[10] Бодрийяр 2006, 118–119.

[11] Компаньон 2001, 227–258.

[12] А. Компаньон разделяет понимание литературы на два типа металитературности: историю и ценность. История вступает в силу и является активным элементом в той аналитической оптике, где по умолчанию присутствует восприятие диахронической истории, времени. Отсутствие же временной константы означает направленность оптического прицела теории на ценность литературы. Неудивительно, что конспирологический детектив, занимающийся бесконечной репрезентацией «истории» в фикциональном пространстве, жертвует теми качествами, которые могли бы отнестись к «ценности» литературы/литературности и чаще всего воспроизводится в пределах паралитературы.

(«Секретные материалы», неопознанные летающие объекты, ВИЧ…). Современная романная форма конспирологии часто смешивает эти два типа «историчности» внутри одного произведения. Например, массовая конспирология в романе «Код да Винчи» — это одновременно миф о заговоре в историческом контексте (крупный нарратив, вовлеченный в игровую модальность постмодернистской паралитературности — христианство), но в то же время читателю предлагается современная (детективная) история «заговорщичества» (последние члены тайного общества). Таким образом, можно говорить и о третьем, смешанном, типе репрезентации истории в конспирологическом тексте.

В любом случае, такая попытка типологизации «исторического нарратива» конспирологического романа основана на тех представлениях об истории, что широко развернуты в теории постмодернизма. Классическое представление о линейной истории в культуре XX века часто ставится под сомнение различными исследователями (релевантность исторического знания), когда в силу вступают такие категории научного анализа, как «общество потребления» или «общество спектакля».

«История», как и «знание», являют собой один из важнейших типов постмодернистского дискурса. И здесь мы сталкиваемся с таким характерным для заговорщических романов приемом, как цитирование «горячих» фактов. Постоянная отсылка к тем или иным историческим «реалиям», наиболее известным аудитории, отсылка к текстам, подтверждающим «реальный» статус повествуемых событий — все это есть ни что иное как якобсоновские шифтеры исторического дискурса, изученные Р. Бартом. Но сам исторический дискурс, сколько бы он не стремился к «реальности», «объективности» повествования или же к мнимой линейности исторического процесса в повествовании с помощью специфических эксплицитных знаков, отделен от литературного дискурса почти невидимой линией лингвистических приемов[13]. Четкость границ исторического и литературного дискурсов, столь тщательно охраняемая позитивистскими представлениями о «линейной истории», этот гарант научности или точности Истории, подвергшийся атаке со стороны семиотики и деконструктивизма, неоднократно становилась объектом критического анализа современных ученых. Нет необходимости повторять операции по выявлению специфических приемов, создающих видимость различий этих двух типов, нет нужды и в том, чтобы в очередной раз демонстрировать способы разделения исторического дискурса на «научный» и «литературный» типы, тем более что подобные исследования регулярно ведутся в современных отечественных институтах[14]. Для нас представляет интерес, как в современных формах паралитературного жанра, подобных конспирологическому детективу, реализована двойная дехронологизация репрезентации «истории» внутри литературного произведения, а если быть точнее, культурно-исторического дискурса в массовой словесности. Те шифтеры, знаки или приемы, которые исторический дискурс так долго отвоевывал, и которыми литературный дискурс,

[13] Так, Ролан Барт, анализируя исторический дискурс в лингвистических терминах, приходит к выводу, что время исторического дискурса — это «…время сложно-параметрическое, отнюдь не линейное, по пространственной глубине напоминающее мифическое время древних космологии, которое тоже было сущностно связано с речью поэта или прорицателя» (Барт 2004, 431).

[14] Колодинская 2004.

на первый взгляд, пренебрегал, а на самом деле всегда содержал в себе в имплицитной форме (речь идет об обращениях к «читающему субъекту» и прочих специфических знаках-шифтерах в историческом дискурсе, выявленных Р. Бартом), возвращаются или присваиваются авторами конспирологических романов (чаще всего во вступительных частях произведений), коннотируя все дальнейшее повествование. Такая двойная нагрузка делает максимально возможной «отмену истории с помощью шоу»[15].

В указанном эссе «Дискурс истории» Р. Барт анализирует разные типы «исторического высказывания». Семиологический анализ организации таких дискурсивных практик приводят ученого к мысли о том, что История всегда находится на грани двух функциональных плоскостей и в зависимости от выбранного типа нарративной стратегии представляет собой либо метафорическую, лирическую, формацию, либо формацию метонимическую, приближаясь к эпопее, либо рефлексивный способ повествования (Макиавелли)[16]. Поэтому исторический дискурс представляется Р. Барту идеологическим письмом, то есть «воображаемым» конструктом, самоуничтожающим постоянно цитируемые или описываемые «факты», на которые и уповает этот вид дискурса. «Факт» перестает существовать в качестве того иллюзорного «реализма», каковым его представляют в дискурсе истории, и становится элементом языковым, элементом дискурса[17]. Языковое воплощение того, что принято называть историей, приближается к перформативному высказыванию (лжеперформативный дискурс), формируя «речевой акт как акт власти»[18]. Это во многом объясняет, почему сегодня авторы конспирологического романа маркируют свои произведения (причем в «сильных» паратекстуальных отрезках текстов) властными элементами языка (а не «реальности»). Здесь действительно начинает работать «престиж утверждения *это было*», так как «вся наша цивилизация питает пристрастие к эффекту реальности» (роман, дневник, документ, фотография и пр.)[19]. «Так замыкается парадоксальный круг: повествовательная структура, выработанная в мастерской вымышленных рассказов (в процессе создания мифов и эпопей), становится знаком и одновременно доказательством реальности»[20].

Ведь таким образом фразами «все дальнейшее повествование в этой книге основано на реальных событиях» или «Приорат Сиона — реально существующая организация» массовая словесность возвращает не ту специфически позитивистскую надежду на реальность как объективность и, соответственно, истинность, а ту «реальность», которая после Лакана вовсе отсутствует. Паралитература возвращает не стратегию, а лишь шифтеры, не отказываясь от известного способа завоевания читательской аудитории. При этом было бы наивно полагать, что механика постмодернистского текста забывает про современный статус «реального» или «истинного»: мы имеем дело с весьма надежной стратегией паралитературы, где невозможность «реального» подразумевает максимальное обеспечение безо-

[15] Ильин 1998, 177.
[16] Барт 2004, 437.
[17] Барт 2004, 438.
[18] Барт 2004, 439.
[19] Барт 2004, 440.
[20] Барт 2004, 441.

пасности и чувства комфорта читающему «субъекту», тот «психологический комфорт», который можно выявить, штудируя теорию детективного жанра.

Вопрос «заговоров» и «тайных обществ» в социокультурных системах актуализован в связи с кризисными периодами, часто возникающими на протяжении XVIII–XIX веков, мировыми войнами, революциями, социальными и политическими катастрофами XX века, причины которых удобнее видеть не в известных исторических процессах, а в неких скрытых, тайных механизмах. Это стремление интерпретировать исторические процессы как «тайный замысел», как результат «сговора» получает дополнительную актуальность и важность в пространстве постмодернистского культурного поля. Постмодернизм, основанный на таких ментальных (и культурных) структурах, как деконструктивизм, эпистемологическая неуверенность, симулякризм, общее недоверие и утрата «больших рассказов», становится благоприятной почвой для развития культурных и общественных ментальных структур и моделей конспирологии. Принято считать, что конспиративизм возникает из-за страхов, сомнений, из-за постоянной тяги культуры к мифологизации, к означиванию (дистанцированность слов и вещей в современной эпистеме по М. Фуко[21]). Кроме того, становящийся мультикультурным европейский логоцентризм, пытаясь структурировать и позитивно описать/понять окружающую действительность, приводит к тому, что субъект стремится воспринимать катастрофичность и кризисы века как мифологизированную «реальность», выстраивая виртуальную реальность, более структурированную и понятную. Все это способствует конспирологизации истории и политических явлений.

3. XVIII век как эпистемологическое ядро конспирологического дискурса

В одном из своих недавних эссе Умберто Эко[22] говорит, что почти все произведения о тамплиерах, о Граале и т.п. мало отличаются друг от друга, и это не просто переписывание авторами известных текстов, а некая функция в развитии культуры, постоянно возвращающая публику и авторов к константам, сравнимым с психическими функциями. Научная и околонаучная литература, исследующая конспирологию, вступает в тот же процесс переписывания, дальнейшей мифологизации, повторения, подражания как закрепления жанра. В этом плане выгодно отличается одна из последних работ Р. фон Биберштайна, рассматривающая конспирологию не в попытках выстраивания еще одной конспирологии, не вовлекающаяся в параноидальную машину, а придерживающаяся, насколько это возможно, научной объективности.

Работа фон Биберштайна «Миф о заговоре»[23] — переработанный «Тезис о заговоре, 1776–1945» (1976) является объективным научным экскурсом в историю мысли, а именно в историю и исторические пласты, где существовали предпосылки и условия развития заговорщических идей. Однако, придерживаясь строго научного подхода в исследовании антропологии вопроса заговоров, фон Биберштайн предупреждает: «Границы между такими текстами, которые надо воспринимать всерьез, и откровенно конспирологическими публикациями […] размы-

[21] Фуко 1994.
[22] Есо 2010.
[23] Рогалла фон Биберштайн 2010.

ты»; «[…] конструируется некий мета-мир, где факты неотделимы от вымыслов, что субкультурных приверженцев подобных [конспирологических] конструктов отнюдь не смущает»[24].

Для фон Биберштайна развитие конспирологии как конструирования крайне упрощенного исторческого мифа предполагает специфическое видение «планомерного развития исторических событий, которые исходят из дуалистического представления о борьбе добра со злом»[25]. Такой способ мифологизации предполагает «редуцирование сложной реальности», оккультность и верование в то, «что за внешней видимостью повседневного мира можно найти доступ в некую скрытую реальность, где и происходит самое главное»[26].

Таким образом, «конспирология» носит в себе тот антропологический процесс «поиска истины», что стоит в основе детективного жанра. Если «приверженцы конспирологических мифологических представлений/конструктов» ищут удовлетворение в разгадке «реальных», «настоящих», а не видимых рычагов властных инстанций, то в детективном жанре этот механизм политического дискурса зеркально отображается в «поиске истины», а именно в разгадке преступления (или в обнаружении преступления). XVIII век, к которому обращается фон Биберштайн, по мнению Фуко, является периодом, когда весь государственный аппарат напряженно пытается выявить/наказать так называемые «подрывные элементы», личностей, ставящих под сомнение существующую власть; это век, когда «подозрительность» возрастает (иногда до маниакальности), «мнительность» приобретает дуалистический характер: тот, кто вознамерился посягнуть на абсолютную власть суверена, должен быть наказан, и не только за конкретное преступление, но и за саму возможность ставить под сомнение авторитет и абсолютную власть монарха; с другой стороны, сама власть, а вместе с ней и существующий общественный и политический порядок, страшась потерять контроль, впадают в некий режим «подозрений» и часто наказывают не конкретного цареубийцу/отцеубийцу («отцеубийцами» у Фуко метафорически называются преступники, посягнувшие на устоявшийся миропорядок, традиционный общественный договор), а преступника-знаковую-фигуру для демонстрации той ужасной участи, которая может постичь любого потенциального преступника: возникает задача не просто наказать преступника, а наказывать, чтобы предотвратить преступность, подрывающую власть суверена. Если М. Фуко говорил о возникновении конкуренции между двумя различными формами «противозаконностей» (противозаконности крестьян и низших слоев, конкурирующие с противозаконностями высших сословий), одна из которых основывалась на нарушении порядков собственности, другая же строила свою противозаконную деятельность на манипуляции правом (точнее пробелами правовой системы), то Р. фон Биберштайн приводит в пример «Памятные записки» Баррюэля, где одним из этапов возникновения подрывных элементов, анархизма как такового и заговоров против Христа, является возникновение идей, направленных против «любой формы собственности»[27]. Это показывает политические и экономические предпосылки возникновения образа

[24] Рогалла фон Биберштайн, 10.
[25] Рогалла фон Биберштайн, 12.
[26] Рогалла фон Биберштайн 2010.
[27] Рогалла фон Биберштайн 2010, 18.

«заговорщиков», существующих неотрывно от семы «врага», «преступника», как сказал бы Фуко, монстра и чудовища.

Мы прибегаем к методологии Мишеля Фуко, используя выводы его книги «Надзирать и наказывать», где можно найти тот «исторический фон» и объяснение механики рождения дискурсов[28], который становится необходимым в процессе построения умозрительной конструкции, анализирующей конспирологию. Такая позиция обусловлена двумя основными потребностями изучаемого жанра. Фуко демонстрирует, как в XVIII–XIX вв. невидимый, анонимный голос артикулирует дискурсы (правосудие, закон, тюрьма, школа, университет, экзамены, медицина, психология, психиатрия и пр.), в конечном счете возникающие лишь с целью дисциплинировать человека. Многие исследователи говорят об особой социокультурной атмосфере викторианской эпохи (1837–1901) (рациональность, законопослушность и стремление граждан к правопорядку), ставшей плодотворной почвой для возникновения детективного жанра, однако глубинный генезис детектива заключается в том опыте производства дисциплинарного дискурса государством, который изучал Фуко. Вероятно, детектив как нарративная модальность встроена в процесс производства дисциплинарного дискурса. Не случайно и исследования конспирологии ведут ученых в XVIII век[29]. Именно эта эпоха, породившая всяческие системы контроля, создает систему рационального распределения — и что самое важное — распространения знания. Конспиративный миф выступает одновременно как способ объяснения политического процесса с помощью отсылок к мифическому образу «врага», «заговорщика», с другой стороны — осужденный «заговорщик» выступает наглядным примером, демонстрирующим власть суверена.

Важно подчеркнуть, что в «режим подозрения» вовлекалось не только государство, но и церковь: «Благодаря тому, что в XVIII в. церковь и христианство все больше втягивались в мирские идеологические дискуссии, процесс секуляризации ускорился. Поскольку просветительский рационализм отличался утилитаристским характером, религия оказалась перед угрозой, что ее лишат автономии, на которую она претендовала, станут оценивать исходя из ее социальной и моральной полезности и, наконец, в крайних ситуациях используют как инструмент чисто мирской идеологической борьбы»[30]. Итак, XVIII век рассматривается Р.

[28] Книга «Надзирать и наказывать» заканчивается сноской Фуко: «Здесь я прерываю книгу, которая должна служить историческим фоном для различных исследований о власти нормализации и формирования знания в современном обществе» (Фуко 1999).

[29] См., например, как А. Пятигорский начинает свой отсчет «истории вольных каменщиков» от XVIII века (конституция 1717 года и основание ложи), когда, по мнению ученого и его коллег, благодаря институционализации масонской ложи как важнейшей социокультурной и политической структуры в европейской жизни того времени возникают и мифы о масонах. Но возникновение таких мифов о «закрытой/секретной» организации происходит не из-за закрытости масонов, а наоборот — в связи с большим влиянием и, что самое важное, в связи с широкой и разветвленной распространенностью литературы о масонах. Изначально весь этот механизм конспирации и постоянных попыток разоблачения сопровождался именно литературными документами разных жанров. Для Пятигорского масонская ложа, зародившаяся в начале XVIII века — это реальная организация, рассматриваемая современной гуманитарной мыслью как религиозный феномен с двумя присущими парадоксами: «распахнутая для всех секретность» и «антиисторическая история» (Пятигорвский 2009, 8–9).

[30] Рогалла фон Биберштайн 2010, 29–30.

фон Биберштайном как время, когда Просвещение бросает вызов церковной традиции, и «этот вызов стал конституциональным для тезиса о заговоре»[31].

По-видимому, эпистемологическое ядро, рождение дискурсивных практик — не просто смена одной модели и языка властных инстанций другими. Описанная модальность культурных и социальных отношений находится вне исторических представлений, а историчны постольку поскольку они относятся не только к конкретному историческому периоду (XVIII или XIX в.), а порождают целую плоскость и вектор культурных практик, повторяющихся в разные времена. Но все же можно сказать, что эти властные отношения обусловлены некоторым числом исторических знаков, событий. Одним из таких значимых мест в истории развития конспиративистской культуры является институционализация масонской ложи в Европе (Пятигорский).

Нельзя сказать, что масонские организации возникают самостоятельно и существуют вне исторического процесса, вне семиозиса — определенную роль играют и церковь, и государство, и те дискурсивные формации, которые они вырабатывают в процессе регулярной демонстрации и артикуляции «власти». Все эти процессы словно объемная картина, где разыскиваемый конспиратор всегда отсутствует, будь то из-за «открытости» закрытой организации, будь то из-за механизмов подавления и властвования, «произнесенных шепотом» или чаще умалчиваемых. Отсутствует самое главное: «был изъят сам субъект»[32] — субъект, в поисках которого «общество заговорщиков» и «разоблачителей» подозревает, оглядывается, расследует и разыскивает то, что на самом деле не изображено. Так работает целая делёзианская машина[33], где неизбежно происходит присоединение к телам без органов, где возможен шреберовский фантазм пожирания собственной гортани[34], где каждый *оглядывается* назад, чтобы увидеть то, что изначально отсутствует, увидеть свой страх.

Конспирологический дискурс, или параноидальный стиль, формируется и семиотизируется в рамках социокультурного обмена XVIII века. Сегодня исследователям литературы становится очевидно, что век Просвещения — это не только время появления произведений, насыщенных философской рефлексией, не только время «высокого» и «элитарного», но это еще и эпоха «формирования романтической беллетристики — прообраза массовой литературы в ее современном виде»[35]. Здесь можно вспомнить, как герой Умберто Эко говорит об упомянутых «Памятных записках» аббата Баррюэля как о «самом настоящем романе-фельетоне»[36]. Да и сам детективный рассказ, оформившийся как жанровое целое на своей романной стадии в XIX веке, по мнению исследователей, имеет корни уже в барочном романе[37]. На наш взгляд, массовая словесность с тех пор продолжала укрепляться (легитимироваться) и прибегать к дискурсивным формациям (например, конспирология), рожденным в той же эпистемической плоскости. Конспирология и массовая словесность формируются в одной эпистеме и развиваются парал-

[31] Рогалла фон Биберштайн 2010.
[32] Фуко 1994, 69.
[33] Делёз 2008, 13–33.
[34] Делёз 2008, 13–33.
[35] Пахсарьян 2001.
[36] Эко 2001, 563.
[37] Чекалов 2008, 10.

лельно, в XIX веке становятся охваченными «властью письма», пока в XX столетии не пересекаются в контексте одного жанра (опыт У. Эко), а в начале XXI века эти два механизма, сталкиваясь и интерферируясь, воплощают идеальную (популярную) паралитературную формулу[38] — конспирологическоий детектив дэн-брауновского типа.

ЛИТЕРАТУРА

Амирян Т.Н. 2009: Роман Д. Брауна «Код да Винчи» как опыт популярного конспирологического детектива // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Седьмых Андреевских чтений / Н. Т. Пахсарьян (ред.). М., 314–325.

Амирян Т.Н. 2010: Кристева и Кристева: Опыт метадискурсивной конспирологии // Литература XX века: итоги и перспективы изучения / Материалы Восьмых Андреевских чтений / Н. Т. Пахсарьян (ред.). М., 317–340.

Барт Р. 2004: Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.

Бодрийар Ж. 2006: Общество потребления. Его Мифы и структуры. М.

Делёз Ж., *Гваттари Ф.* 2008: Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург.

Демьянков В.З. 2005: Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // «Язык. Личность / В. Н. Топоров (ред.). М., 34–55.

Ильин И.П. 1998: Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.

Кавелти Дж. Г. 1996: Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 22, 33–64.

Колодинская Е.В. 2004: Историческое прошлое как предмет высказывания: современная англоязычная проза и постмодернистская историография (Г. Свифт, Дж. Барнс): автореф….дисс. канд.филог.наук. М.

Компаньон А. 2001: Демон теории. М.

Лиотар Ж.-Ф. 1998: Состояние. СПб.

Найт П. 2010: Культура заговора. М.

Пахсарьян Н.Т. 2001: «Ирония судьбы» века Просвещения: обновленная литература или литература, демонстрирующая «исчерпанность старого». М.

Пятигорский А. 2009: Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.

Рогалла фон Биберштайн Й. 2010: Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. М.

Серио П. 2001: Анализ дискурса во французской школе [дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / Ю.С. Степанов (сост.). М.; Екатеринбург, 549–562.

Степанов Ю.С. 1995: Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 35–73.

Фуко М. 1994: Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.

Фуко М. 1996: Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.

Фуко М. 1999: Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.

Фукуяма Ф. 2004: Конец истории и последний человек. М.

Чекалов К. А. 2008: Формирование массовой литературы во Франции XVII — первая треть XVIII века. М.

Эко У. 2001: Маятник Фуко. СПб.

Barkun M. A 2003: Culture of Conspiracy. Apocaliptic Visions in Contemporary America. Berkeley; Los Angeles.

[38] Кавелти 1996.

Eco U. 2010: Dans la bataille WikiLeaks: tous fantassins. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // www.liberation.fr/medias/01012306284-dans-la-bataille-wikileaks-tous-fantassins

Hofstadter R. 1996: The paranoid style in American politics // Richard Hofstadter. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. Cambridge, 3–40.

CONSPIRACY THEORY: DISCOURSE AND GENRE

T. N. Amiryan

This is a study of conspiracy discourse as an underlying mechanism of conspiracy detective genre. It shows typology of historical knowledge representation within post-modernist context. To reveal the mechanism forming conspiracy genre and the latter transformation into fictional space the author resorts to theory worked out by J. F. Lyotard, M. Foucault, J. R. Biberstein, and others.

Key words: linguistics, conspiracy theory, discourse, genre, detective, J. F. Lyotard, M. Foucault, J. R. Biberstein, history knowledge.

© 2012

А. Н. Зарецкая

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПОДТЕКСТА В АВТОРСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье рассматриваются средства создания подтекста в авторском кинематографе. Автор считает, что в авторском кинематографе используются как специальные приемы, практически отсутствующие в массовом кино, так и традиционные для кино как вида искусства.

Ключевые слова: лингвистика, англоязычный кинодискурс, кинодиалог, подтекст.

Исследователи сходятся во мнении, что в кинодискурсе можно выделить две неравные части: кино массовое и авторское[1]. Обратимся к феномену последнего с целью найти нетривиальные способы создания подтекста, а в качестве примера рассмотрим фильм «Догвилль» режиссера Л. фон Триера (“Dogville”, 2003).

«Догвилль» — это фильм-притча, фильм-аллегория, отсылающий зрителя к ветхозаветному преданию о Содоме и Гоморре. Будучи притчей, он является примером кинодискурса с моделированным подтекстом, то есть с таким, в котором последовательно за внешней сюжетной канвой прослеживается внутренний сюжет[2], а именно сказание о «грешных городах». Эта моделируемость подтекста

Зарецкая Анна Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Международные коммуникации» ЮУрГУ. E-mail: azar9000@mail.ru

[1] Кузнецова 2008, 76–77; Кулахмедова 2008, 22; Салынский 2005, 175–204.

[2] Корман 1977, 508–513.

необычна для кино, поэтому неудивительно, что для создания подтекста здесь используются средства, редкие в других фильмах.

Прежде всего, подтекст актуализируется при помощи минус-приема, но касается этот минус-прием именно визуального ряда, благодаря чему акцент смещается к вербальному компоненту, который как раз является в данном кинодискурсе безусловно преобладающим с точки зрения смысловой нагруженности.

Минус-прием в «Догвилле» представляет собой минимизацию всех декораций и реквизита: вместо домов и улиц — лишь белые линии на черном полу, вместо кустов и деревьев — их нарисованные очертания, нередко с подписями *("Gooseberry Bush")*, и даже вместо собаки — силуэт на полу рядом со словом *"DOG"*. Отсутствуют спецэффекты, съемка ведется ручной камерой, но часть необходимых для восприятия фильма компонентов все-таки сохранена: тщательно выставлен свет и звучат все необходимые звуки (лает незримая собака, звонит невидимый колокол, скрипят открываемые актерами в пустоте двери).

Кино как вид искусства вообще метонимично, оно говорит на «языке вещи»[3]. В данном кинодискурсе прием метонимии доведен до абсурда, знаками дверей становится их скрип, знаком собаки — ее лай и силуэт на полу и т.д. Благодаря шокирующему отсутствию декораций особый вес приобретает все остальное, каждая деталь нагружается символическим значением (так, например, расставаясь со своей прошлой обеспеченной жизнью, главная героиня, Грейс, передает деревенской девушке шикарное меховое манто, которое становится символом богатства, благополучия по сравнению с нищетой Догвилля).

Минус-прием, примененный к декорациям, кодирует подтекст: фильм не реальность и не иллюзия реальности, к которой он и не делает попыток приблизиться. Это всего лишь модель, схема, суть которой необходимо разгадать, и которая предназначена не для развлечения зрителя, а для того, чтобы заставить его задуматься, что подтверждается и на вербальном уровне употреблением слов, противопоставляющих идеальное реальному: *ideals and reality, realistically, sincerity and ideals*.

При практически полном отсутствии декораций особое значение приобретают другие значимые компоненты кинодискурса, которые становятся особенно заметными: вербальный компонент (построен на сочетании закадрового метатекстового комментария и кинодиалога), актерская игра и, не в последнюю очередь, элементы паратекста.

Метатекстовый комментарий от лица рассказчика в «Догвилле» выполняет несколько функций: восполняет недостающую визуальную информацию (точно так же, как это происходит при чтении книг), создает микроподтексты отдельных сцен и выполняет функцию экспликации подтекста, то есть разъяснения зрителю мотивов и чувств персонажей, что опять же аналогично использованию метатекстового комментария в книгах и призвано, очевидно, развлечь зрителя.

Уже с первых минут фильма метатекстовый комментарий при помощи иронии *("good, honest people")* кодирует подтекст: город обманчив, не следует даже искать в нем вязы на улице Вязов: *"The residents of Dogville were good honest folks and they liked their township, and while a sentimental soul from the East Coast had*

[3] Туркин 2007, 34.

once dubbed their main street ELM STREET though no elm tree had ever cast its shadow in Dogville they saw no reason to change anything". Таким образом, уже с первых минут создается впечатление, что Догвилль — неискренний город.

Примером экспликации подтекста является следующий пассаж: *"Tom was angry. And in the midst of it all he discovered why. It was not because of he'd been wrongly accused, but because the charges was true!"* Обычно для передачи всей содержащейся в данном комментарии информации в фильме не требуется слов, нужный подтекст отражает актерская игра.

Метатекстовые комментарии вступают во взаимодействие с элементами паратекста, а именно названиями глав, на которые, подобно роману, разбит фильм. Названия глав снабжаются кратким содержанием, что позволяет облегчить зрителю путь к пониманию внешнего сюжета: *"Prologue; Chapter 1 in which Tom hears gunfire and meets Grace <…> Chapter 9 and ending in which Dogville receives the long-awaited visit and the film ends."*

Символическим смыслом нагружен образ главной героини, Грейс. Грейс с точки зрения внешнего сюжета — молодая женщина, характеризуемая в данном кинодискурсе как *высокомерная* (слово *"arrogant"* употребляется в фильме 14 раз, и этот лексический повтор создает подтекст: высокомерие — худший грех, по мнению автора). С точки зрения внутреннего сюжета — она ангел-искуситель, призванный проверить моральные устои жителей города, а затем смести его с лица земли. Параллельное развитие этих двух планов позволяет говорить о том, что в данном фильме присутствует моделированный подтекст. «Высокомерие» Грейс, с точки зрения ее отца, проявляется в том, что она смиренно переносит страдания, оправдывая то, что нельзя оправдать, и прощая тех, кого прощать не следует по ее же собственным моральным стандартам. В финале фильма Грейс отвергает всепрощение и смирение и принимает решение о возмездии Догвиллю.

Итак, внешний сюжет выстроен очень четко и проводится через метатекстовые комментарии, кинодиалог и элементы паратекста. Второй же план, библейская история о Содоме и Гоморре и разрушившем их ангеле-искусителе, развивается через подтекст, то есть в данном кинодискурсе мы имеем дело с полноценным «внутренним сюжетом» в терминологии Б. О. Кормана. Связующим звеном между внутренним и внешним сюжетом, организующим переход на другой уровень интерпретации, является, на наш взгляд, такой элемент структуры фильма, как название, а также лексика, отсылающая к библейской тематике.

Название «Догвилль» могло бы переводиться как «город собак». Люди в этом городе не выдерживают испытания на милосердие, они ведут себя, как собаки; в огне, разрушающем город, единственным выжившим существом остается именно собака, носящая человеческое, более того, библейское имя Моисей[4]. Итак, название в совокупности с интертекстуальными отсылками помогает создать подтекст.

Центральной для данного кинодискурса, построенного полностью как аллегория, то есть интертекстуальная отсылка, является идея безбожности, грешности «города собак» при всей внешней респектабельности его жителей. Эта мысль преподносится через подтекст, создаваемый на сюжетном уровне при помощи мета-

[4] Чухнова 2009, 317–320.

фор: Грейс прибывает в город, где нет священника; в молельном доме проводятся собрания горожан, а не читаются проповеди; даже единственный в городе орган не работает — вся эта информация сообщается через метатекстовый комментарий, а затем поддерживается средствами кинодиалога: *“We can be spiritual without singing or reading from the Bible”*.

Библейский подтекст создается при помощи лексического повтора, то есть неоднократного обращения к таким словам, как *hell, mercy, spiritual, the Bible, soul;* даже имя собаки — *Moses*. Вроде бы в шутку в начале фильма звучит ироничное: *“Are there any news from the freight industry? Is everything going to hell there too?”*, но дальнейшее развитие событий превращает эту малозначительную реплику в элемент подтекстовой структуры. Когда Грейс собирается устроить побег, в метатекстовом комментарии как бы мимоходом звучит следующая мысль: *“The fact was that Ben would have driven to the gates of Hell and back for ten dollars”*. Побег действительно становится для Грейс путешествием к вратам ада, в который превращается ее жизнь после вынужденного возвращения в Догвилль. Жители Догвилля своими действиями заслуживают ада, в который в конце концов превращается город, сожженный «ангелом-искусителем».

Подтекст в фильме «Догвилль» создается не только вышеперечисленными способами, но и таким элементом паратекста, как финальные титры, которые идут на фоне документальных фотографий американских бедняков («метатекстовый слой» в терминологии О. А. Тюляковой[5]), что создает подтекст: фильм — лишь аллегория, есть и живые, настоящие люди, какова же их природа? Ответ зрителю предоставляется дать самому.

ЛИТЕРАТУРА

Корман Б. О. 1977: О целостности литературного произведения // Известия Академии наук СССР. 6, 508–513.

Кузнецова Н. В. 2008: Прекрасное как эстетическая категория в современном российском кинематографе // XV Международная научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых. Ломоносов, 76–77.

Кулахмедова Е. М. 2008: Феномен массового искусства: идентификация в современной художественной культуре : автореф. дисс. … канд. филос. наук. М.

Салынский Д. А. 2005: Наброски к проблеме жанров в кино // Киноведческие записки. 69, 175–204.

Туркин В. К. 2007: Драматургия кино. М.

Тюлякова О. А. 1993: Интерпретация фильма : прагма-семиотический подход // Проблемы современной кинопедагогики П. А. Черняев, И. С. Левшина (ред.). М., 41–46.

Чухнова И. А. 2009: Эстетическая концепция датского кинематографического движения «Догма» в контексте постмодернистской теории // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 5, 317–320.

[5] Тюлякова 1993, 41–46.

SUBTEXT MEANS IN ARTHOUSE CINEMA

A.N. Zaretskaya

The article deals with the analysis of subtext means in arthouse films. It states that arthouse films employ both special devices not to be found in the mainstream film discourse, and the ones that are conventional for the cinema as the art of making motion pictures.

Key words: linguistics, English cinema discourse, film dialog, subtext.

© 2012

О. М. Лунцова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯДРА ГРАДИЕНТ-КОНЦЕПТА ДРУЖБА-МИР-ВРАЖДА

Статья посвящена описанию ядерной зоны градиент-концепта дружба-мир-вражда. В результате семантического анализа имен, составляющих наименование градиент-концепта, автором определены семантические связи между компонентами данного концептуального комплекса и его структурная форма – градуальная оппозиция.

Ключевые слова: лингвистика, концепт, концептуальный комплекс, градуальная оппозиция, градиент-концепт, дружба, мир, вражда.

В концептологии на современном этапе актуальной проблемой является изучение соотношений концептов в концептосфере. В данной статье описывается ядерная зона концептуального комплекса, состоящего из трех концептов, объединенных в градуальную оппозицию, получившего наименование «градиент-концепт *дружба-мир-вражда*»[1].

Непосредственное описание градиент-концепта *дружба-мир-вражда* начинается с традиционного семантического анализа его номинантов, поскольку, во-первых, имя концепта представляет его ядро, а, во-вторых, исходя из положения о том, что «по отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере»[2], можно сделать вывод о том, что семантический анализ имен концептов *дружба, мир* и *вражда* определит их семантические связи между собой.

Из трех компонентов исследуемого градиент-концепта первым мы подвергаем изучению концепт *вражда*. Несмотря на то, что в аксиологии принято рассматривать отрицательный член оппозиции как производный от положительного[3],

Лунцова Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета. E-mail: olga-luntsova@yandex.ru

[1] Лунцова 2007.
[2] Попова, Стернин 2003, 12.
[3] Арутюнова 1988, 235–236.

в данном исследовании отрицательный компонент является отправной точкой, что обусловлено таким универсальным свойством антонимов, как асимметричность[4]: отрицательный член антонимической пары оказывается семантически более важным[5]. Отрицательные оценки обладают более сильным валентностным потенциалом[6]. Например, в исследуемом концептуальном комплексе было выяснено, что *вражда* вступает в отношения противопоставления одновременно и с *дружбой*, и с *миром*, хотя традиционно в лексикографии принята только одна антонимическая пара — *дружба-вражда*[7]. По мнению Д. Н. Шмелева, сложностью отношений между явлениями действительности определяется и сложность антонимических противопоставлений соответствующих лексических обозначений[8]. Таким образом, вектор данного исследования исходит от *вражды* к *дружбе*, а затем — от *вражды* к *миру*.

По данным толковых словарей, слово *вражда* обозначает ‘отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью’[9]. Словообразовательное гнездо с вершиной *вражда* представлено следующими словами: *враг, вражеский, вражий* — устар. и народно-поэт., *враждебный, враждебно, враждебность*.

В ядре концепта *вражда* можно выделить функционально-семантическую триаду *враг-враждовать-вражда*, раскрывающую ситуацию вражды. *Враг* — субъект или участник ситуации, *враждовать* — предикат или функциональное наименование ситуации, *вражда* — абстрактное имя или интерпретация ситуации вне модально-временного фактора. Семантический анализ субъекта и предиката ядерной триады *враг-враждовать-вражда*, выявляет дополнительные семантические признаки всей ситуации вражды — *война, ссора, вред, зло* и др.[10]

Изучение лексической сочетаемости слов *враг* и *вражда* позволяет сделать следующие выводы: 1) враждебные отношения свойственны любому уровню социального взаимодействия — от межличностного (*кровная вражда*, вражда *учеников/игроков*, вражда *между сотрудниками/соседями*) до межгруппового, вплоть до межгосударственного (вражда *партий / государств*, вражда *между странами / институтами, религиозная / классовая / национальная / семейная* вражда); 2) вражда содержит сильный эмоциональный заряд: *питать вражду к кому-либо* (питать чувства)[11]; 3) вражда длится в течение очень долгого времени: *жить во вражде*[12]; *вековая, вековечная, глубокая, давняя, закоренелая, многолетняя, глубокая, исконная* вражда; 4) вражда неподвластна человеку и представляет огромную опасность для него: *неистовая, непримиримая, ярая, яростная, жестокая, злая, злобная, кровавая, ожесточенная, острая, страшная, смертельная* вражда; 5) вражда может явно проявлять себя, а может и скрываться — *открытая, нескрываемая, скрытая, тайная* вражда; 6) вражда может иметь идеологические предпосылки — *идейная, идеологическая, классовая, религиозная* вражда; 7) вражда

[4] Апресян 1995, 286.
[5] Новиков 2001, 78.
[6] Арутюнова 1999, 218–219.
[7] Тихонов 2001; Львов 1985; Введенская 1995.
[8] Шмелев 2003, 147.
[9] Тихонов 2001; Евгеньева 1986–1988; Кузнецова 2000; Ушаков 1935.
[10] Лунцова 2007, 57–58.
[11] Тихонов 2001; Кузнецова 2000; Ушаков 1935.
[12] Дерибас 1975.

часто персонифицируется: *глухая, злобная, упорная, безмолвная, нетерпеливая* вражда[13]; 9) вражда не начинается сама по себе; всегда находится тот, кто будет *вызывать / разжигать / сеять вражду*[14]. Полярную точку на градационной шкале по отношению к *вражде* занимает *дружба*. Семантический состав слова *дружба* можно представить следующими признаками: 1) взаимность; 2) расположение; 3) тесное знакомство; 4) приятельские отношения; 5) близкие отношения; 6) взаимное доверие; 7) привязанность; 8) духовная близость; 9) общность интересов.

Словообразовательное гнездо с вершиной *дружба* представлено достаточно обширно: *друг, дружок, дружище, подруга, дружить, дружиться, подружиться, дружный, дружеский, (по-)дружески, дружественный, дружественно, дружественность, дружество, дружба, дружелюбие, дружелюбный, дружелюбно*.

Ядерным центром концепта *дружба* является функционально-семантическая триада *друг-дружить-дружба*. Наиболее емко раскрывает ситуацию дружбы ее субъект — *друг*. Согласно толковым словарям, *друг* — это: 1) близкий приятель, человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы // Любимый человек, возлюбленный; 2) кого-чего. Сторонник, приверженец, защитник — *'друг угнетенных', 'друг животных'*; 3) доброжелательное обращение. «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» выделяет очень важные семантические признаки для характеристики всей ситуации дружбы: *близость, максимальная степень знания человека, преданность, готовность помогать, потребность в друге как в родственной душе, любовь, понимание, обязательства, совместное преодоление трудностей, уникальность данных отношений, постоянство*[15]. Предикат *дружить* обозначает следующее: 1) находиться с кем-либо в дружбе, приятельских отношениях; 2) перех. устар. Делать друзьями[16].

Дружеские отношения, как и враждебные, затрагивают не только межличностные отношения людей, но и межгрупповые: *друг детства, дружба одноклассников, дружба народов, дружественные нации*.

При изучении лексической сочетаемости слов *дружба* и *друг*, были выявлены дополнительные семантические признаки:

1) настоящая дружба проверена временем — *жить в дружбе*[17]; *вековая, вечная, давняя, долгая, долголетняя, многолетняя, старая, стародавняя* дружба; 2) для настоящей дружбы важны верность, искренность и истинность — *беззаветная, бескорыстная, неподкупная, верная, истая, истинная, клятвенная, надежная, настоящая, подлинная, ясная, чистая, чистосердечная, непорочная, прямая, светлая, сердечная* дружба; 3) настоящая дружба крепка и непоколебима — *всепобеждающая, крепкая, незыблемая, неизменная, необоримая, непоколебимая, нерушимая, несокрушимая, прочная*; 4) дружеские отношения теплые и эмоциональные — *волнующая, горячая, добрая, живая, задушевная, нежная, простая, простодушная, тесная, трогательная дружба*; 5) дружба указывает на совместную деятельность, совместное времяпрепровождение, помощь и взаимовыручку (в большей степени характерна для мужчин) — *боевая, солдатская,*

[13] Горбачевич 1979.
[14] Дерибас 1975.
[15] Апресян 2000.
[16] Евгеньева 1986–1988; Кузнецова 2000; Ушаков 1935.
[17] Дерибас 1975.

фронтовая, братская, мужская, закадычная дружба; 6) дружеские отношения могут быть исключительными и уникальными — *единственный, первый, бесценный, драгоценный, интимный, исключительный, неразлучный* друг; 7) дружба может быть идеологически окрашена — *братская, идейная* дружба[18]. 8) дружеские отношения складываются не сами по себе, человеку приходится *завязывать* или *снискивать дружбу*; кроме того, над дружбой необходимо работать — *поддерживать, укреплять дружбу*[19].

Итак, чувства и эмоции, которые испытывают друзья, прямо противоположны тем, что испытывают враги. Взаимность в дружеских отношениях раскрывает свое созидательное начало и реализуется в совместной деятельности, духовной близости друзей, а во враждебных отношениях — разрушительное. В этом и заключается суть антонимических отношений вражды и дружбы. Однако данная оппозиция не является полностью симметричной. Например, интенсивность враждебных отношений на межличностном и межгрупповом уровнях может быть одинаковой. Дружба на межгрупповом уровне никогда не будет такой же близкой, какой она может быть на межличностном уровне (*дружественные страны* не могут быть связаны такими же узами дружбы, как два человека, прошедшие всю жизнь *рука об руку* и *съевшие вместе пуд соли*). Представляется, что выражение *дружба народов* подразумевает, прежде всего, *мирные отношения*, а помощь, часто оказываемая *дружественным нациям* как символ дружбы, детерминируется межгосударственной политикой.

Концепты *дружба* и *мир* тесно связаны, имеют множество точек соприкосновения и могут рассматриваться вместе в зоне положительной сферы градиент-концепта *дружба-мир-вражда*. С одной стороны, *мир* — это то, что наряду с *дружбой* противостоит *вражде*. С другой стороны, *мир* (а также *согласие* и *лад*) — это такое состояние отношений, которые не могут быть охарактеризованы ни как дружеские, ни как враждебные. В таком случае концепт *мир* уравновешивает крайние точки оппозиции и выступает в качестве нормы, относительно которой можно определять какие-то отношения как дружественные или враждебные.

Семантический состав слова *мир* определяется следующим образом: 1) дружеские отношения; 2) согласие, отсутствие разногласий, вражды и ссоры ; 3) отсутствие войны, вооруженных действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов; 4) соглашение между воюющими сторонами об окончательном прекращении военных действий; мирный договор; 4) в знач. нареч. *миром. разг.* — мирно, полюбовно; 5) покой, спокойствие[20].

Семантический признак ‘отсутствие вражды’ у слова *мир* позволяет противопоставлять *мир вражде*.

Словообразовательное гнездо представлено следующими словами: *мирный, мирной, мирно, мирить, примирить, примирение, примиритель, примирительный, мириться, примириться, помирить, помириться, мировой, миролюбие, миролюбивый, миролюбиво, миролюбец, миролюбивость, миротворный, миротворец, миротворство, миротворческий*.

---

[18] Горбачевич 1979.
[19] Дерибас 1975.
[20] Евгеньева 1986–1988; Ушаков 1935; Кузнецова 2000.

Концепт *мир* занимает не только нейтральное положение на шкале между *дружбой* и *враждой*, но и вступает в антонимические отношения с *враждой* и пересекается с концептом *дружба*, что подтверждается наличием общих сем у имен *мир* и *дружба – дружественность*, *приязнь*, которые определяются при толковании слов словообразовательного гнезда с вершиной *мир*: например, *мирный* – ‘исполненный дружеского согласия, не враждебный, не неприязненный’[21], *мир* — ‘дружеские отношения’[22].

В ядре концепта *мир*, как и в ядре концепта *дружба*, можно выделить функционально-семантическое триединство. Вследствие неоднозначного положения концепта *мир* на градационной шкале между крайними точками оппозиции (центр и смещение в сторону *дружбы*), в данном концепте выявляются два субъекта. Имея в виду тесную связь концепта *свой-другой-чужой* с концептом *дружба-мир-вражда*, в качестве наименования субъекта отношений в ситуации *мира*, мы выбираем лексему *другой*, под которой понимается тот, кто не является ни другом, ни врагом. Однако данный субъект играет лишь пассивную роль, характеризуя *мир* только как состояние. *Мир* может рассматриваться еще и как активные отношения. Следовательно, в ситуации *мира* есть и активное начало, способное восстанавливать согласие и лад — *миролюбивый человек* или *миролюбец*, *примиритель*, а также *миротворец*. Рассматривая *мир* и как состояние, и как отношения, выявляются следующие предикаты: 1) *ладить* (‘иметь хорошие или терпимые отношения друг с другом’[23], ‘жить согласно, дружно’ [24]) для выражения состояния нормальных отношений; 2) *мирить* (‘восстанавливать мир, согласие между ссорящимися, враждующими’[25]) для выражения активного действия.

Таким образом, ядерным триединством концепта *мир* является следующее: *другой*, *миролюбец/примиритель* (субъект) — *ладить*, *мирить* (предикат) — *мир* (абстрактное имя). Наличие двух субъектов и двух предикатов обусловлено тем, что *мир*, находясь между *дружбой* и *враждой*, выступает в качестве регулятора крайних отношений. Важно также отметить и то, что путь от *вражды* к *дружбе* лежит через *мир*, а именно — *примирение*.

Двойственность в определении ситуации *мира* (пассивность и активность) подтверждает положение о том, что норма (центральная часть аксиологической шкалы) характеризуется неоднозначностью, размытостью, и наряду с крайними членами оппозиции заключает в себе оценку.

Лексическая сочетаемость слова *мир* с прилагательными также показывает расположение концепта *мир* на градационной шкале, где выделяется: 1) нейтральная зона — *бескровный*, *справедливый*, *выгодный*, *общий*, *демократический* мир; 2) положительная зона — *благополучный*, *благотворный*, *добрый*, *желанный*, *светлый*, *святой*, *священный* мир; 3) отрицательная зона — *вооруженный*, *корыстный*, *насильнический*, *несправедливый*, *позорный*, *постыдный*, *тяжкий*, *унизительный*, *худой* мир. В связи с положительным и нейтральным *миром* говорят о его прочности и продолжительности: *вечный*, *временный*, *длительный*, *долгий*,

[21] Евгеньева 1986–1988.
[22] Ушаков 1935.
[23] Апресян 2000.
[24] Кузнецова 2000.
[25] Евгеньева 1986–1988; Кузнецова 2000.

долговечный, неколебимый, нерушимый, продолжительный, прочный, твердый, устойчивый мир[26].

В результате изучения каждого компонента тернарной оппозиции *дружба-мир-вражда* в русском языке можно заключить следующее: *вражда* вступает в антонимические отношения и с *миром* и с *дружбой*, но ни одна из данных антонимических пар не является полностью уравновешенной. В целом, *мир* и *дружба* дополняют друг друга в своем противопоставлении *вражде*, находясь в разной степени контрадикции со словом *вражда*, поэтому рассматривать данные отношения лучше всего в едином комплексе. В первом столбце таблицы приведены общие основания для представления трех концептов в едином градиент-концепте *дружба-мир-вражда*:

Таблица 1

имя	дружба	мир	вражда
субъект	друг	другой, миролюбец, примиритель и т.д.	враг
предикат	дружить	ладить, мирить, примирять	враждовать
Основные семантические признаки			
чувства, эмоции	расположение, приязнь, доброжелательность, привязанность, любовь, преданность, доверительность, духовная близость и т.д.	приязнь, дружелюбие, миролюбие, безразличие (нейтральность чувств)	неприязнь, ненависть, жестокость, ярость, злость и т.д.
отношения	отношения, построенные на взаимности, понимании, доверии, духовной близости, преданности, обязательствах, готовности помогать, и характеризующиеся как уникальные, постоянные, близкие отношения, приятельство и т.д.	лад, согласие, отсутствие ссоры, вражды, войны	взаимная вражда: ‘вражда между соседями, партиями’ и т.д.
действия	совместная деятельность, помощь (физическая и моральная), совместное преодоление трудностей и т.д.	примирение, миротворство	действия, проникнутые неприязнью, ненавистью (‘питать вражду’, ‘враждовать’)

Согласно проведенному исследованию, *дружба* и *вражда* занимают крайние позиции на градационной шкале, а *мир*, занимая промежуточное положение между двумя полюсами, во-первых, уравновешивает крайние члены данной оппозиции, занимая ее центральное положения (*мир* как *состояние покоя, отсутствие ссоры, вражды, войны*); во-вторых, распространяется на положительную зону шкалы, приближаясь к *дружбе* (*мир* как *лад, дружеские отношения*), и, следовательно, выступает в качестве оппозита *вражды*, хотя и не такого сильного, как *дружба*. Кроме названных двух позиций *мира* на градационной шкале, необходимо также отметить его проникновение в зону отрицательного полюса, которое было выявлено в ходе анализа сочетаемости существительного *мир* с такими прилагательными, как *худой, постыдный, корыстный, вооруженный* и т.д., что может быть наглядно представлено на градационной шкале:

[26] Горбачевич 1979.

Таким образом, в результате анализа семантических связей между именами концептов *дружба, мир* и *вражда* определилась особая структурная форма взаимоотношений данных концептов — градуальная оппозиция, что расширяет представление об оппозиции *дружба-вражда* как о дуальной, демонстрируя достаточно плавный переход от одного полюса к другому.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. 1995: Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М.

Апресян Ю.Д. 2000: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.

Арутюнова Н.Д. 1988: Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.

Арутюнова Н.Д. 1999: Язык и мир человека. М.

Введенская Л.А. 1995: Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону.

Горбачевич К.С. 1995: Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.

Дерибас В. М. 1975: Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.

Евгеньева А.П. (ред.) 1986–1988: Словарь русского языка: в 4-х т. М.

Кузнецова С.А. (ред.) 2000: Большой толковый словарь русского языка. СПб.

Лунцова О.М. 2007: Градиент-концепт *дружба-мир-вражда* в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): дисс. … канд. филол. наук. Магнитогорск.

Львов М.Р. 2000: Словарь антонимов русского языка: более 2000 антонимических пар. М.

Новиков Л.А. 2001: Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.

Попова З.Д., Стернин И.А. 2003: Язык и национальная картина мира. Воронеж.

Тихонов А.Н. (ред.) 2001: Комплексный словарь русского языка. М.

Ушаков Д.Н. 1935: Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.

Шмелев Д.Н. 2003: Очерки по семасиологии русского языка. М.

SEMANTIC PRESENTATION OF THE NUCLEUS OF THE GRADIENT-CONCEPT “FRIENDSHIP-PEACE-ENMITY”

O. M. Luntsova

The article is an analysis of the nucleus of the gradient-concept friendship-peace-enmity that results in defining the semantic structure of the object under study as a gradual opposition.

Key words: linguistics, concept, conceptual complex, gradual opposition, gradient-concept, friendship, peace, enmity.

© 2012

Н. А. Козько

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «СПИРТНЫЕ НАПИТКИ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются лингвокультурные особенности концепта «спиртные напитки» в английском языке. Рассматривается структура концепта «напитки». Основной метод исследования – концептуальный анализ.

Ключевые слова: лингвистика, концепт, структура концепта, лингвокультурный концепт, концептуальный анализ.

Процесс научной интеграции, характерный для последних десятилетий, породил серию направлений, возникших на стыке нескольких дисциплин и превратившихся в самостоятельные науки. В языкознании стали популярны социолингвистические, психолингвистические, лингвокультурологические исследования, которым уделяется большое внимание, поскольку в настоящее время проблемы изучения культуры, а вместе с ней и языка как одного из важнейших показателей культуры являются наиболее актуальными.

Изучение проблемы взаимодействия языка и культуры предполагает выявление специфических особенностей языка, которые позволяют ему быть оптимальным средством трансляции достижений культуры.

Языковые средства закрепляют специфические, присущие различным национально-культурным общностям способы членения окружающей действительности. В культуре каждого народа сосуществуют универсальный и национальный компоненты, а семантика каждого языка одновременно отражает общее и национально-специфическое, присущее той или иной культуре. Так как в большинстве случаев человек имеет дело не с самим миром, а с его репрезентациями, с когнитивными картинами и моделями, то мир предстает через призму культуры и языка народа, который видит этот мир.

Это связано с тем, что мы думаем о мире и воспринимаем его только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, т.е. разные языки (или разные варианты одного языка) по-разному осуществляют концептуализацию действительности[1]. Именно это является основой возникновения национально-специфических концептов, что приводит к появлению национально-специфической лексики.

Идею о специфичности национальных концептов можно проиллюстрировать на примерах обозначения предметов материальной культуры. Например, *drunk tank* — тюремная камера для пьяниц[2]; *nineteenth hole* — место, где можно купить спиртное после игры в гольф (игра заканчивается на 18 лунке, затем игроки на-

Козько Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Магнитогорского государственного университета. E-mail: kozko_natalia@mail.ru

[1] Маслова 2001, 38.

[2] Спиерс 1991, 109.

правляются в 19)[3]; *filling station* — магазин спиртных напитков (от старого названия автозаправочных станций)[4].

Можно говорить о том, что концепт обладает целым рядом характеристик, которые иногда называют компонентами или концептуальными признаками. Эти признаки отражают в нашем сознании объективные и субъективные характеристики предметов и явлений и различаются по степени абстрактности.

Среди этих компонентов выделяют общенациональный (принадлежность к определенной нации), групповой (принадлежность к определенной социальной, возрастной, профессиональной и др. группе), региональный и индивидуальный компоненты[5]. Несовпадение каких-либо компонентов приводит к ситуации, когда люди вкладывают в одно и то же слово разный смысл[6].

Ю. С. Степанов выделяет три компонента, или слоя, концепта. К первому слою относится основной, актуальный признак, который отвечает современности. Второй слой представляет собой дополнительный, «пассивный» признак, который является неактуальным, «историческим». Третьим слоем является внутренняя форма, которая не осознается людьми и запечатлена во внешней словесной форме[7].

В своем основном слое концепт существует для всех пользующихся данным языком как средством взаимопонимания и общения. В дополнительных признаках концепт актуален только для некоторых групп; в этом случае актуализируются исторические признаки концепта при общении людей внутри отдельной социальной группы. Третий признак открывается лишь исследователям, а для всех пользующихся данным языком этот слой концепта существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся все остальные слои[8].

Другие исследователи предлагают рассматривать слои концепта как отдельные концепты различного объема. В связи с этим актуальный признак считается частью общенационального концепта, пассивный признак входит в концептосферы отдельных субкультур, а внутренняя форма является одним из его культурных элементов[9].

Содержание концепта не является постоянной величиной, оно постоянно изменяется; его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик. Это, в первую очередь, связано со спецификой человеческого знания, которое постоянно изменяется, отражая новые сведения об окружающем мире и всех происходящих в нем изменениях. В связи с этим единица хранения и передачи знания должна быть достаточно подвижной. Н. Н. Болдырев, например, сравнивает концепт с катящимся комом снега, который постепенно обволакивается новыми слоями[10].

Структура и содержание концепта могут быть исследованы и описаны при помощи методов концептуального анализа, который заключается в рассмотре-

[3] Спиерс 1991, 253.
[4] Спиерс 1991, 122.
[5] Нефедова, Пасынкеева 2003, 56.
[6] Серова 2002, 18.
[7] Степанов 2001, 48.
[8] Нефедова, Пасынкеева 2003, 55.
[9] Карасик, Слышкин 2001, 77–78.
[10] Болдырев 2002, 30

нии способов языкового выражения концептов, а также реконструкции структуры концептов и стоящих за ними фрагментов языковой картины мира с помощью языковых и культурно-языковых данных.

В. Б. Гольдберг считает, что более точным является название не концептуальный, а лингвоконцептуальный или лингвокогнитивный анализ, который допускает в исследовании два подхода. Первый направлен от выбранного концепта к языковым средствам его выражения и на базе их анализа к реконструкции характеристик концепта; второй — от выбранного ключевого слова, его семантики, контекстов его употребления к реконструкции на базе этих данных изучаемого концепта. Эти подходы дополняют друг друга[11].

Объектом концептуального анализа являются смыслы, которые передаются отдельными словами, словосочетаниями, высказываниями, а также отдельными текстами и целыми произведениями. Сопоставление всех языковых средств репрезентации концепта в системе языка и в речи и позволяет выявить основное содержание концепта[12].

Метод концептуального анализа предполагает использование различных приемов обнаружения концептов и их характеристик. Сначала выбирается ключевое слово — имя концепта, а затем все последующие операции производятся над ним. К таким операциям относят:

1) составление картотеки контекстуальных примеров с этим словом, описание лексической сочетаемости слова и на этой основе определение ряда характеристик концепта;

2) анализ словарных толкований ключевого слова по достаточно большому числу словарей; на базе толкований выявляются возможные характеристики концепта;

3) построение лексико-семантического поля вокруг ключевого слова как ядра поля. Элементы поля (синонимы, гипонимы и т.д.) в комплексе выявляют характеристики в содержании концепта; причем, чем больше единиц репрезентируют данный концепт, тем более значимым он является;

4) построение деривационного поля ключевого слова;

5) анализ пословиц и поговорок (паремий), включающих ключевое слово или выражающих оценки называемого ими концепта, который дает информацию о содержании интерпретационного поля концепта; они выражают оценки и трактовки концепта разными группами людей. Эти характеристики концепта, извлеченные из интерпретационного поля, изменяются с течением времени и сменой обстоятельств;

6) контрастивный анализ эквивалентных слов разных языков, позволяющий выявить национальные концепты или национальные характеристики в содержании концепта[13].

7) Некоторые лингвисты (Н. Н. Болдырев, И. А. Стернин) считают, что концептуальный анализ предполагает описание ядра концепта, или его базового слоя (на основе словарной дефиниции), и его периферии.

Структура вербально выраженного концепта центрирована вокруг «ядра», ко-

[11] Гольдберг 2003, 46, 49.
[12] Болдырев 2002, 35.
[13] Гольдберг 2003, 49–50.

торое, как правило, содержит базовое значение слова и раскрывается при помощи дефиниций в толковых словарях[14]. Языковая или речевая единица, с помощью которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта[15].

В ядро концепта входит знак универсального предметного кода как наиболее яркий образ, кодирующий концепт. Он носит индивидуальный чувственный характер и может выявляться и описываться только психолингвистическими методами[16].

Гипотезу о существовании в сознании любого здорового человека универсального предметного кода, который составляет базу мышления, выдвинул отечественный психолог Н. И. Жинкин. Этот код невербален, он представляет собой систему «знаков», в основе которой лежит чувственное отражение действительности в человеческом сознании. Это набор образов, логических схем, двигательно-осязательных, обонятельных и других отпечатков реальности в сознании[17].

Универсальный предметный код также является базовым компонентом мышления, который не зависит от национальных языков и культур. Наличие этого компонента делает возможным понимание людей, принадлежащих разным культурам и языкам. Но мышление носителей разных языков сходно лишь в основе, а все то, что выходит за рамки универсального предметного кода, то, что можно назвать периферией, национально обусловлено и специфично[18].

Так как концепт сосредоточен вокруг ценностно маркированной точки сознания, от которой расходятся различные векторы, то наиболее значимые для носителей отдельного языка ассоциации формируют его ядро, а менее важные и значимые — периферию. По мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций.

Периферию концепта составляет интерпретационное поле, которое представляет собой различные суждения, интерпретации отдельных концептуальных признаков. Интерпретационное поле, в отличие от базового слоя, более подвержено изменению и зачастую отражает противоречивые признаки. Для носителей языка наиболее актуальными являются ассоциации, которые составляют ядро концепта, так как они являются общими для национального менталитета. Менее значимыми, в свою очередь, являются ассоциации, относящиеся к периферии, так как они отражают индивидуальное видение вещей.

Периферия состоит из нескольких слоев. К ближней периферии относятся те слои, которые являются минимально удаленными по степени абстрактности от базового слоя. Остальные слои образуют дальнюю и крайнюю периферию, которые могут, как отсутствовать в структуре концепта, так и быть представлены, не дифференцировано. Но базовый слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может функционировать в универсальном предметном коде как мыслительная единица.

Изменчивость периферии сигнализирует о неустойчивости, открытости, неуравновешенности структуры концепта в целом. Вербально выраженный концепт

[14] Попова, Стернин 2002, 17.
[15] Мухутдинова 2004, 25.
[16] Попова, Стернин 2002, 17.
[17] Горелов, Седов 1997, 75,110.
[18] Корнилов 2003, 120–122.

способен перестраиваться, меняться. Внутри него возможны смысловые флуктуации и взрывы. Это происходит в том случае, если ассоциации из периферии проникают в ядро, закрепляясь в нем. В этом случае ядро вербально выраженного концепта может существенно изменяться, перестраиваться. Одно и то же слово (словосочетание) национального языка может со временем выражать иные концепты[19].

Рассматривая структуру концепта, некоторые лингвисты (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов) занимаются разработкой структуры именно лингвокультурного концепта. В частности, Ю. С. Степанов выделяет в концепте понятийную сторону и «все то, что делает его фактом культуры»[20]. С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин признают у лингвокультурного концепта наличие трехслойной структуры и предлагают его членение на ценностную (значимостную, деятельностную), понятийную и образную составляющие[21].

Понятийная составляющая соответствует ядерной части концепта, в которой отражена его признаковая и дефиниционная структура. Это своеобразный «каркас» концепта, который в процессе его формирования оформляется лексическими единицами и обрастает ассоциациями[22].

Ценностная составляющая лингвокультурного концепта обусловлена его культурологической сутью, в связи с чем она является наиболее значимой характеристикой, вокруг которой группируется концепт. Ценностный элемент несет в себе наиболее актуальную для носителя языка информацию и напрямую связан с аксиологической важностью концепта для лингвокультурной общности[23].

Образный элемент концепта составляют ассоциативные признаки, расходящиеся от ядра концепта к периферии[24].

Рассматривая лингвокультурную специфику концептосферы «спиртные напитки» на материале английского языка, необходимо заметить, что в английском языке слово *drink* обозначает как напитки вообще, так и только спиртные напитки.

Слово *drink* — концепт, выраженный в вербальной форме. Ядро концепта — иерархия базовых значений концепта, зафиксированная в энциклопедиях и исторических справочниках разных эпох. Базовый слой концепта совпадает со значением слова; но концепт не тождественен значению слова, так как значения отражают часть концепта, подтверждением чему служит существование большого количества синонимов, различных определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Например, в Collins Paperback Thesaurus можно найти следующие синонимы слова *drink*:

To drink: *1) absorb, drain, gulp, guzzle, imbibe, partake of, quaff, sip, suck, swallow, swig, swill, toss off, wash down, wet one's whistle; 2) bend the elbow, bevy, booze, carouse, go on a binge or bender, hit the bottle, indulge, pub-crawl, revel, tipple, tope, wassail.*

A drink: *3) beverage, liquid, potion, refreshment, thirst quencher; 4) alcohol, booze , hooch or hootch, liquor, spirits, the bottle; 5) cup, draught, glass, gulp, noggin, sip,*

[19] Зинченко 2003, 76.
[20] Степанов 2001, 43.
[21] Воркачев 2004, 45, Карасик 2002, 129, Слышкин 2000, 12–13.
[22] Кондаков 1975, 456.
[23] Артемова 2004, 69.
[24] Карасик, Слышкин 2001.

snifter, swallow, swig, taste; 6) the drink, the briny, the deep, the main, the ocean, the sea[25].

Как видно из вышеперечисленных примеров, 2 группы из 6 (2 и 4) подчеркивают употребление именно спиртных напитков. Можно обратить внимание на то, что в этом словаре соблюдается частеречный принцип. В основе выделения групп слов и словосочетаний лежит деривационный принцип. В этом словаре представлены следующие группы слов, вербализующие концептосферу «спиртные напитки»: *Drunk, Drunkenness, Drunkard, Drunken, Drink to, Drinker, Drink.*

Другой словарь, The New Roget's Thesaurus, предлагает, в свою очередь, другой вариант группировки лексем и словосочетаний, вербализующих концептосферу «спиртные напитки»: *Drink, Drinking, Beverage, Soda, Thirst, Alcoholic liquors, Intoxicant, Highball, Brandy, Beer, Wine, God of wine, Viniculture, Alcohol, Distillery, Tavern, Bartender, Drinking liquor, Imbiber, Drinking party, Toast, Distill, Vinous, Drunkenness, Alcoholism, Drunkard, Hangover, Sobriety, Teetotalism, Teetotaler, Seriousness, Make serious, Serious.*

Здесь также соблюдается частеречный принцип и все слова разделены на существительные и глаголы: Drink: *drink, gulp, quaff, sip, swig, swill, draught, potation, potion*; to drink: *drink, imbibe, ingurgitate, partake, quaff, gulp, guzzle, bib, sip, swig, swill, toss off, consume, lap, toast*[26]. Очень широко в этом словаре представлены смежные области, такие как *трезвость, виноделие* и т.д.

Таким образом, можно утверждать, что синонимический ряд слова *drink* является богатым и разнообразным по своему наполнению.

Анализ словарных дефиниций позволяет выделить ряд общих и частных концептуальных признаков в структуре концепта «drinks»/«напитки».

В словаре Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language выделены следующие значения лексемы *drink — 1. to take water or other liquid into the mouth and swallow it; imbibe; 2. to imbibe alcoholic drinks, esp habitually or to excess; tipple (syn tope); 3. to be savored or enjoyed by drinking; 4. to propose or participate in a toast to (a person, thing, event) (syn toast); 5. to show one's respect, affection or hopes with regard to a person, thing or event by ceremoniously taking a swallow of wine or some other drink; 6. to take (a liquid) into the mouth and swallow (syn quaff); 7. to take in (a liquid) in any manner, absorb; 8. to take in through the senses, esp. with eagerness and pleasure; 9. to swallow the contents of (a cup, glass); 10. any liquid that is swallowed to quench thirst, for nourishment, beverage; 11. liquor, alcohol; 12. excessive indulgence in alcohol; 13. a swallow or draft of liquid, potion; 14. a large body of water as a lake, ocean, river*[27]. Можно заметить, что 4 значения из 14 (2, 5, 11 и 12) подчеркивают употребление спиртных напитков, а остальные — любой жидкости.

В словаре Macmillan English Dictionary for Advanced Learners лексема *drink* характеризуется следующей семантической структурой: *drink — 1. to take liquid into your body through your mouth, 2. to drink alcohol, especially regularly or too often*[28]. Второе значение этого слова также акцентирует употребление спиртных напитков.

---

[25] Collins 1996, 186.
[26] Roget 1976.
[27] Webster 1996.
[28] Rundell 2003, 245.

Структура значения соответствующего имени существительного в том же словаре включает: *drink — 1. an amount of liquid that someone drinks, a particular kind of liquid for drinking, drinks in general, 2. an alcoholic drink, the habit of drinking alcoholic drinks*[29]. Так же, как и в предыдущем случае, из двух значений этого слова второе подчеркивает употребление спиртных напитков.

Longman Dictionary of English Language and Culture перечисляет следующие значения глагола *drink*: *1. to move (liquid) from the mouth down the throat; swallow, 2. to use alcohol, esp. habitually or too much, 3. to have an alcoholic drink in order to wish someone success, health, etc., 4. to bring to a stated condition by drinking alcohol*[30]. В отличие от вышеупомянутых словарей, в этом словаре из четырех значений этого слова три подчеркивают употребление спиртных напитков и лишь одно обозначает употребление любой жидкости.

Имя существительное *drink* имеет следующие значения: *1. (an amount of) a liquid suitable for drinking, 2. (a glass, measure, etc. of) alcohol for drinking*[31]. Как видно из примеров, у существительного *drink* меньше значений, чем у глагола, но оно сохраняет сему *спиртные напитки*.

Анализ русских словарей отражает такую же ситуацию. В частности, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *напиться* — имеет значение *попить вдоволь, утолив жажду; опьянеть, стать пьяным*[32]. А в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *пить, пивать* имеет значение *напиваться, упиваться, по привычке, страстно любить хмельные, пьяные напитки, пьянствовать*[33].

Во всех проанализированных словарях значения слова *drinks* противопоставляются по принципу «спиртные напитки (alcohol) — жидкость для питья (liquid for drinking)». Таким образом, анализ как англоязычных, так и русских словарей демонстрирует одинаковую тенденцию: во всех случаях в слове *пить* (*drink*) актуализируется общее значение, а затем значение, конкретизирующее употребление спиртных напитков (*пить спиртные напитки регулярно, спиртные напитки — to drink alcohol, especially regularly, liquor or alcohol)*.

Наличие различных словарных дефиниций свидетельствует о том, что содержание концепта до конца неисчислимо. Каждое слово репрезентирует только часть концептуальных характеристик, которые являются значимыми для коммуникации. Именно благодаря этим характеристикам слово включает данный концепт в мыслительную деятельность, обеспечивает к нему доступ, в результате чего могут быть активизированы и другие концептуальные характеристики (скрытые, вероятностные, ассоциативные), которые этим словом непосредственно не передаются[34].

Внутренняя форма концепта «drink» определяется как «*to take any liquid into the mouth or any liquid taken into the mouth and swallowed*». Можно сказать, что это

[29] Rundell 2003, 245.
[30] Longman 1992, 389.
[31] Longman 1992, 389.
[32] Ожегов 1996.
[33] Даль 2000.
[34] Болдырев 2002, 35.

и является ядром концепта «напитки». В ядро концепта «спиртные напитки» входит значение *«to drink alcohol, especially regularly, liquor or alcohol»*.

Если в ядре концепта сконцентрирована информация о постоянных характеристиках, то актуальный слой сформирован иначе. Актуальный слой концепта составляют ассоциации современных потребителей культуры.

К ближней периферии относятся следующие характеристики концепта «спиртные напитки»: *to show one's respect, affection or hopes with regard to a person, thing or event by ceremoniously taking a swallow of wine or some other drink; excessive indulgence in alcohol; the habit of drinking alcoholic drinks; to bring to a stated condition by drinking alcohol*.

Анализ периферии концепта «спиртные напитки», в которую входят пословицы, поговорки, крылатые выражения, то есть так называемые «прецедентные микротексты» (дальняя периферия), демонстрирует некоторую противоречивость признаков концепта «drink». Это связано с тем, что признаки концепта, находящиеся в интерпретационном поле, характеризуются в первую очередь такими свойствами, как диффузность, плавучесть, смещаемость когнитивных слоев, образующих периферию концепта[35]. Противоречивость признаков концепта объясняется тем, что средства его объективации появляются в разные периоды времени, и часто благодаря разным группам носителей данной культуры[36]. Кроме того, специфика концепта в определенной культуре объясняется культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентациями, принятыми в данной лингвокультуре[37].

Отношение к пьянству и спиртным напиткам может быть положительным: *Bronze is the mirror of the form; wine of the heart*; *Wine is constant proof that God loves us and loves to see us happy*[38]. Но с другой стороны, пьянство и спиртные напитки являются источником зла: *Drink is the source of evil*; *There is poison in good wine*; *Drunken days have all their tomorrow*[39].

Тем не менее, согласно исследованиям В. И. Карасика, слово «пьяница» относится в английском языке к пейоративам. Подавляюще число пейоративов осуждает поступки и качества, в основе которых лежит неуважение к людям, презрение к системе ценностей общества. Без сомнения, пьянство относится именно к таким качествам. Причем это неуважение, презрение является пассивным, так как выражается в невыполнении обязанностей и пренебрежении мнением людей[40]. В отечественной культуре пьянство выходит на уровень национальной проблемы и вечной трагедии.

Интерпретационное поле концепта, отражающее интерпретацию отдельных признаков данного концепта в виде стереотипов, утверждений и установок сознания, входит в структуру концепта как его отдельная смысловая зона. Оно обширно, субъективно и не поддается строгому упорядочиванию. Оно объективируется при помощи пословиц, поговорок, афоризмов и различными суждениями оценоч-

[35] Мухутдинова 2004, 26.
[36] Попова, Стернин 2003, 11.
[37] Евтушок 2004, 13.
[38] Goodman 1998, 47.
[39] Кунин 1967, 233.
[40] Карасик 2002, 237–238, 255.

ного характера. Интерпретационное поле слабо структурировано, но очень важно для реконструкции когнитивной картины мира, так как именно оно во многом определяет особенности вхождения концепта в культуру[41].

Является очевидным тот факт, что природа и структура концепта представляют трудность для изучения вследствие его комплексного характера. Доминирующее значение при этом приобретает тот факт, что в концепте соединяются лингвистическое и экстралингвистическое знания. Сложная структура концепта, содержание которой лишь частично может быть выявлено через средства его репрезентации в языке, в свою очередь, обусловливает выбор методов анализа. Анализ словарных дефиниций способствует вычленению точного значения концепта, анализ паремий выявляет зафиксированные языковым сознанием морально-нравственные ориентиры, в которых задействован концепт «спиртные напитки». Нельзя заявлять об окончательном становлении этого концепта, так как изменения в осмыслении концепта, его наполнении, структуре происходят параллельно с изменениями в мире, которые влияют на отдельный этнос, и соответственно затрагивают язык.

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О. Е. 2004: Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра *лимерик*: дис…. канд. филол. наук. Уфа.

Болдырев Н. Н. 2002: Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов.

Воркачев С. Г. 2004: Счастье как лингвокультурный концепт. М.

Гольдберг В. Б. 2003: Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования. Тамбов.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. 1997: Основы психолингвистики. М.

Даль В. 2000: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. *Евтушок Ю. Г.* 2004: Языковая репрезентация концепта CRIME: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. 2001: Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Волгоград, 75–80.

Карасик В. И. 2002: Язык социального статуса. М.

Кондаков Н. И. 1975: Логический словарь-справочник. М.

Корнилов О. А. 2003: Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.

Кунин А. В. 1967: Англо-русский фразеологический словарь: в 2 кн. М.

Кусковская С. 1987: Сборник английских пословиц и поговорок. Минск.

Маслова В. А. 2001: Лингвокультурология. М.

Мухутдинова Ф. Б. 2003: Концепт “женщина” во французском языковом сознании на материале французской афористики // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. 1, 62–65.

Нефедова Л. А., Пасынкеева В. В. 2003: Когнитивный аспект французско-русской межкультурной коммуникации // “Свое” и “чужое”: Межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте / Л. А. Шкатова (ред.). Челябинск, 42–90.

Ожегов С. И. 1986: Словарь русского языка. М.

Попова З. Д., Стернин И. А. 2003: Проблема моделирования концептов в лингво-

[41] Попова, Стернин 2003, 10.

когнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: коллективная монография / М. В. Пименова (ред). Кемерово, 6–16.

Попова З. Д., Стернин И. А. 2002: Язык и национальная картина мира. Воронеж.

Серова И. Г. 2002: Современные проблемы филологии. Тамбов.

Слышкин Г. Г. 2000: От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.

Спиерс Р. А. 1991: Словарь американского сленга. М.

Степанов Ю. С. 2001: Константы: словарь русской культуры. М.

Collins W. 1996: Collins Paperback Thesaurus. Glasgow.

Goodman T. 1998: The Forbes Book of Business Quotations. 14173 Thoughts on the Business of Life. New York.

Longman 1992: Longman Dictionary of English Language and Culture. London.

Roget 1976: The New Roget's Thesaurus. New York.

Rundell M. 2003: Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford.

Webster N. 1996: Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York.

LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF THE CONCEPT "ALCOHOL" IN ENGLISH

N. A. Kozko

The article, based on the method of conceptual analysis, presents the study of linguocultural peculiarities of the concept "Alcohol" in the English language and its structure.

Key words: linguistics, concept, concept structure, linguocultural concept, conceptual analysis.

© 2012

О. А. Корда

ЛОКАТИВНОСТЬ КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА (на примере публикаций журнала «Русский репортер»)

В статье рассматриваются некоторые особенности визуализации информации в современных креолизованных текстах. Особое внимание уделено отражению пространственных отношений при помощи иконических средств. Проанализированы примеры использования локативности в качестве основы организации креолизованного журналистского текста.

Ключевые слова: лингвистика, креолизованный текст, локативность, визуализация, иконические средства

Корда Ольга Анатольевна — аспирантка кафедры русского языка и стилистики Уральского государственного университета. E-mail: nvkor@mail.ru

Термин «креолизованные тексты» был предложен в 1990 г. Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым: «Креолизованные тексты (КТ) — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)»[1]. В лингвистике помимо вышеназванного термина для обозначения данного явления используют и другие термины. К ним относятся: «поликодовые тексты», «лингвовизуальный комплекс», «изоверб», «видеовербальные тексты»[2]. Вместе с тем современные исследователи чаще всего используют в качестве рабочего термин «креолизованный текст».

Креолизованные тексты чрезвычайно разнообразны: это газетные и журнальные тексты, тексты-инструкции, научно-технические, рекламные, художественные тексты с иллюстрациями, афиши, листовки, комиксы и т.д.[3] В их состав входят два основных компонента. Вербальная часть: вербальный текст, надпись, подпись. И невербальная, иконическая часть: рисунок, фотография, схема, таблица, карта, цветовое выделение и т.д. В результате взаимодействия этих компонентов креолизованный текст становится сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата[4].

Рассмотрим один из типичных современных приемов построения креолизованного текста. Обратимся к публикациям еженедельного журнала «Русский репортер». Каждый выпуск этого журнала содержит три традиционных разворота, сходных по организации невербальной информации. Два из них — «Мир в заголовках» и «По всей России на будущей неделе» (последний дается под рубрикой «Афиша» и анонсирует наиболее интересные события из области культуры и спорта) — не меняют своей тематической направленности из номера в номер. Третий разворот, размещаемый под рубрикой «Тренды», каждый раз посвящен новой, узконаправленной теме.

Непременным иконическим (изобразительным) элементом, объединяющим разноплановую информацию, на всех этих страницах является карта мира или карта России. Таким образом, для создания экспрессивных приемов подачи информации журналисты «Русского репортера» используют локативность креолизованных текстов. Она может быть истолкована «как категория, отражающая пространственные отношения как с помощью вербальных, так и с помощью невербальных, прежде всего иконических средств»[5]. Говоря о пространственных отношениях в упомянутых примерах, мы имеем в виду физико-геометрическое пространство, которому в качестве традиционных средств визуализации соответствуют карты, схемы, чертежи, рисунки, фотографии. В языковом плане локативность в этих примерах реализуется при помощи географических названий.

Рассмотрим подробно эти примеры. Разворот «Карта мира в заголовках» представляет собой яркий пример креолизованного текста, поскольку в его оформлении использован целый комплекс приемов визуализации.

[1] Сорокин 1990, 180–181.
[2] Большиянова 1987; Ейгер 1974; Михеев 1987; Пойманова 1997.
[3] Анисимова 2003, 8.
[4] Ворошилова 2006, 184.
[5] Анисимова 2003, 42.

На сером фоне желтым цветом выделены очертания материков и островов. Карта мира в свою очередь является фоном для примерно сорока прямоугольников, включающих в себя логотип печатного средства массовой информации и короткий текстовой фрагмент. Каждый текстуальный блок соединен тонкой черной линией с определенной точкой на карте.

Карта мира является элементом визуализации, отражающим локативность на уровне физико-геометрического пространства. Он обращен к фоновым знаниям читателя — знанию и узнаванию знакомой с детства картографической проекции планеты. Конкретизация географического местоположения реализуется в языковом плане указанием названия города и страны в том месте на карте, которое соединено линией с текстуальным блоком. Таким образом, карта с указанием географических мест выполняет информативную функцию.

Верх текстуального блока занимает логотип цитируемого печатного издания. Их использование выполняет эстетическую функцию и в то же время является своего рода ссылкой на первоисточник. Названия газет, данные в большинстве случаев латиницей или кириллицей, в основном узнаваемы той частью российской аудитории, которая следит за мировыми новостями. Таким образом, авторы рубрики вновь обращаются к фоновым знаниям читателя. Исключения составляют логотип японской газеты, набранный иероглифами, и логотип алжирской газеты, набранный арабской вязью. Прочесть и идентифицировать их смогут, несомненно, только носители языка.

Под логотипом на черном фоне белым шрифтом представлен текст цитаты. Выворотный шрифт текста выполняет аттрактивную и эстетическую функции. Сразу отметим, что данные тексты в большинстве случаев лишь условно можно назвать заголовками. Многие из них являются, скорее, лидовыми абзацами к публикациям либо частью хроникальных заметок. Вместе с тем данные тексты выполняют одну из функций заголовка — информационную. В предельно краткой форме они сообщают читателю суть события, послужившего информационным поводом для публикации.

Нельзя не отметить и образовательную функцию, которую выполняет данный элемент визуализации тематического разворота. Даже в профессиональной среде далеко не все журналисты могут с уверенностью определить принадлежность иностранных изданий к той или иной стране. Периодическое изучение описываемой рубрики журнала «Русский репортер» со временем в какой-то мере сможет заполнить этот пробел у журналистов и расширить кругозор остальной аудитории.

В каждом выпуске журнала на странице «Мир в заголовках» обязательно присутствует текстуальный блок большего размера, чем другие, с более значительным объемом текста, который представляет собой, по сути, полноценную заметку. В этом блоке шрифт белого цвета размещен на красном фоне. Так редакция выделяет наиболее важную либо наиболее интересную, на ее взгляд, информацию. Тем самым достигается реализация смысловыделительной функции, для которой характерно применение красного цвета шрифта или фона.

Отметим интересные особенности: количество и уровень мировых изданий, представленных под рубрикой. Всего на развороте помещено от 40 до 45 текстуальных блоков, как правило, — не более одного или двух на страну. Исключение

составляют США (представлено до четырех изданий) и Россия (представлены пять-шесть изданий). Все издания являются ведущими в своих странах.

Рассматриваемая рубрика журнала в оглавлении обозначена как «Карта мира в заголовках». Непосредственно на развороте размещен заголовок «Мир в заголовках». Его текст дублирует невербальную информацию — это действительно мир в «заголовках» (кратких сообщениях). Множественность элементов визуализации содержания для читателя не сразу складывается в единую картину. Заголовок вносит конкретику, поясняет, номинирует, служит своего рода вербальным комментарием. Вербальный элемент здесь вторичен, он участвует лишь в поддержании визуального комплекса. Таким образом, между вербальным компонентом — заголовком, и визуальным — картой мира, складываются отношения взаимодополнения.

Вместе с тем текст в текстуальных блоках напрямую не всегда связан с визуальным компонентом. Например, газета «Sowetan» сообщает: «Тюремный надзиратель уволен за роман с молодой женщиной, отбывавшей наказание за кражу, — об их отношениях стало известно, когда женщина забеременела»[6]. Только графический вынос с указанием точного географического положения указывает на место, где произошло данное событие (Претория). Поэтому взаимодействие вербального и визуального компонентов может осуществляться как на уровне взаимодополнения, так и на уровне взаимозависимости.

Отметим недостатки данной формы подачи информации. Ни в тексте, ни на изображении нет временного компонента — даты не указаны. Лишь основываясь на периодичности издания, можно сделать вывод, что все эти события произошли в течение прошедшей недели. Несмотря на то, что тексты, размещенные на развороте, очень кратки, прочитать их сразу все оказывается весьма затруднительным. Информационные сообщения не сгруппированы тематически, не систематизированы, не имеют связи между собой. Светские новости, любопытные факты соседствуют с сообщениями об извержении вулканов или важными политическими заявлениями.

Процитируем для примера несколько текстуальных блоков, стоящих друг за другом в одном столбце: «В Красноярске поставят памятник Ельцину» («Сегодняшняя газета», Красноярск), «Народная партия Пакистана выдвинула своего сопредседателя Асифа Али Зардари кандидатом на пост следующего президента страны» («Pakistan Times» Исламабад), «Правительство будет пересматривать цены на топливо каждые 15 дней, чтобы побыстрее снизить их в случае дальнейшего падения мировых цен на нефть» («The Star Online» Петалинг Джайя), «В северной Корее изобрели новый вид лапши, которая надолго притупляет голод» («The Straits Times» Сингапур)[7]. Мы видим, что не только по форме, но и по содержанию разворот отражает пестроту информационной картины мира. Пестротой в сознании читателя он и остается. Информация, которую получил читатель, вероятнее всего, окажется для него в большинстве случаев бесполезной и будет в ближайшие минуты забыта.

Описанная форма подачи выполняет аттрактивную функцию, привлекая внимание читателя. Форма подачи информации на развороте узнаваема современным

[6] Русский репортер 28.08.–04.09.2008.
[7] Русский репортер 28.08.–04.09.2008.

читателем и идентифицируется им как аналог гипертекста: точка на карте с указанием географического места немедленно дополняется коротким сообщением, «случайно» выбранным из всего информационного потока в определенном месте планеты. Редакции достаточно, если читатель проведет нескольких таких «интерактивных» экспериментов — его внимание привлечено.

Отметим также, что помимо основы для создания экспрессивного приема наглядной подачи информации, несомненно, привлекающего внимание читателя, локативность в данном примере является обязательным элементом формирования текстообразующих признаков. Вербальные элементы, размещенные на развороте, — заголовок и текстуальные блоки — сами по себе оказываются недостаточными для формирования текстообразующих категорий. Отдельно в них нет ни цельности, ни завершенности, ни связности. Только использование карты мира с географическими названиями, связывающей все вербальные элементы, завершает формирование текста. Читатель видит целостную картину, ему понятно, что журналисты более или менее равномерно «просканировали» мир в поисках случайных, самых разнообразных и неожиданных новостей, с которыми и предложили познакомиться аудитории.

Еще один пример, в котором присутствует псевдогипертекстуальность, — разворот «По всей России на будущей неделе», размещенный под рубрикой «Афиша». Здесь анонсируются события из области культуры и спорта.

На сером фоне белым цветом выделен контур России, легко узнаваемый читателем. Кольцами яркого оранжевого цвета обозначено географическое местоположение крупных российских городов. Их количество колеблется в разных выпусках журнала от 12 до 15. Названия городов набраны полужирным шрифтом черного цвета. Каждому городу соответствует группа колец менее яркого цвета, но больших по размеру. Эти группы соединены с точкой на карте сходящими на нет линиями. На фоне групп размещена текстовая информация об анонсируемых событиях. Красным цветом шрифта выделена дата события, черным полужирным — место, где пройдет анонсируемое мероприятие. Черным — само событие. Кроме того, в каждой группе в одном из больших колец размещена фотография, изображающее одно из узнаваемых мест представленного города.

Как и в рассмотренном выше примере, карта отражает локативность на уровне физико-геометрического пространства и выполняет информативную функцию. Читатель, опираясь на фоновые знания, непременно узнает очертания родной страны, примерно пропорциональное размещение крупных городов, а также некоторые из известных мест, представленные на фотографиях.

Фотографии более или менее равномерно распределены по площади страницы, наполняя собой «слепую» карту, они выполняют эстетическую функцию. Помимо этого, они привлекают внимание читателя, выполняя аттрактивную функцию. Читатель, открывая разворот, замечает, прежде всего, свой город по знакомой фотографии. Далее взгляд читателя следует по стрелке-указателю к названию города. Он убеждается, что не ошибся в идентификации визуального образа, и возвращается к текстовым блокам, где получает информацию.

Интересна подача вербальной информации. Текстовые блоки предельно минимизированы по объему. Например: «25 сентября, Клуб Fashion, Группа Synapscape» (Казань), «25 сентября, Филармония, Ирина Аллегрова» (Самара), «20

сентября, Стадион «Звезда», Матч чемпионата России по футболу: «Амкар» — «Крылья Советов»[8]. Три обязательных информационных элемента в каждом текстовом блоке расположены один под другим и имеют традиционное шрифто-цветовое выделение, выполняющее смысловыделительную функцию, а также формирующее своего рода аттрактивную иерархию среди наиболее значимых в смысловом отношении элементов вербального компонента. Элемент, отвечающий на вопрос «когда?», выделен наиболее ярко — красным цветом и полужирным начертанием шрифта. Элемент «где?» находится на втором месте и выделен полужирным черным шрифтом. Наконец, элемент «что?» находится в самом невыгодном положении — в самом низу текстового блока и набран простым черным шрифтом. Вспомним, что в традиционном рекламном плакате, анонсирующем подобные события, иерархия привлекательности информационных компонентов является обратной: сначала «что?» и только потом «где и когда?». Кроме того, информация об анонсируемых событиях, размещенная на рассматриваемом тематическом развороте, явно недостаточна: не указано ни время, ни адрес, ни телефон, ни цена билета. Заинтересовавшемуся читателю она может служить лишь отправной точкой для дополнительного поиска информации. Можно предположить, что редакция журнала и не стремилась к достижению высокой информативности разворота, который выполняет, скорее, лишь эстетическую функцию. При этом из всех остальных страниц журнала, объединенных рубрикой «Афиша», рассмотренный разворот является, пожалуй, самой цельной и привлекающей внимание своей необычностью страницей. Таким образом, перед нами еще один пример удачного эксперимента с экспрессивными формами подачи информации.

Вербальные элементы в рассматриваемом примере лишь в редких случаях содержат информацию о городе, в котором будет проходить то или иное событие. Только линия, соединяющая текстуальный блок с точкой на карте, и фотография, передающая знакомый визуальный образ, дают указание на географическое положение. Без этих элементов визуализации вербальные элементы в большинстве случаев не несли бы никакой конкретной информации вообще. То есть рассматриваемый пример является текстом с полной креолизацией, в котором «вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изобразительной части — между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения»[9]. Визуальный элемент выступает в качестве облигаторного, обязательного элемента текста, а вербальная часть ориентирована на изображение.

Как и в первом рассмотренном примере, локативность здесь принимает участие в формировании текстообразующих категорий. Содержание заголовка «По всей России на будущей неделе» не соответствует сумме содержаний всех вербальных элементов разворота. Анонс примерно 50 событий из 12–15 городов не является исчерпывающей информацией для такого заголовка. Автор заголовка использует в нем синекдоху, перенос с части на целое. В этом ему помогают невербальные элементы оформления разворота. Карта всей страны более или менее равномерно заполнена текстовыми блоками. Обилие колец того же цвета, что и кольца, которым обозначены географические пункты, создает у читателя иллюзию, что на развороте представлено большее количество городов, чем есть на

[8] Русский репортер 18–25.09.2008.
[9] Анисимова 2003, 15.

самом деле. Этот комплекс формирует в сознании читателя целостную картину, соответствующую заголовку.

Примером текстов с частичной креолизацией, представленных в журнале «Русский репортер», является разворот, размещаемый под рубрикой «Тренды». Отметим многообразие тем, которым посвящается этот традиционный разворот. Вот лишь несколько из них:

— «Самый зеленый рейтинг» (об экологической обстановке)[10];
— «Поедатели килокалорий» (о калорийности питания)[11];
— «Кому не светит» (о солнечных затмениях в ближайшие 22 года)[12];
— «Пиратские миллиарды» (о пиратском программном обеспечении)[13];
— «Пора по пиву» (о потреблении пива)[14];
— «Чей шпиль выше?» (о лучших университетах мира)[15];
— «Жилая площадь планеты» (об обеспеченности жилплощадью)[16];
— «Где легче делать деньги» (об особенностях ведения бизнеса)[17];
— «Безработный ландшафт» (об уровне безработицы)[18];
— «География взятки» (о коррупции в России)[19];
— «Зоны риска» (о политических, военных рисках, а также рисках насильной национализации собственности)[20].

В подавляющем большинстве случаев на развороте помимо карты присутствуют следующие вербальные и иконические элементы: заголовок, подзаголовок, лидовый абзац, небольшой информационный (или аналитический) текст, подписи, расшифровывающие цветовой код карты, таблицы или графики, сопутствующая информация (факультативно), а также иллюстрация, относящаяся к теме разворота.

В этом примере восприятие информации читателем осуществляется по следующему «алгоритму»: читатель, прежде всего, обращает внимание на главный визуальный элемент разворота — карту. Ее восприятие совместно с красочной дополнительной иллюстрацией, броским заголовком и разъясняющим подзаголовком дает читателю общее представление о теме публикации. Обилие краткой информации, поданной в удобной форме, «вынуждает» читателя обратить внимание на небольшой вербальный текст, чтобы получить код для понимания информации, заключенной в визуальных элементах. Затем, при условии, что тема интересна читателю, он приступает к изучению статистической и визуальной информации. Отметим, что на развороте всегда присутствует информация, характеризующая ситуацию по теме в России. Она служит своего рода точкой опоры для читателя, необходимым элементом для адекватного сравнения с ситуацией в других странах или регионах.

[10] Русский репортер 21–28.02.2008.
[11] Русский репортер 03–10.07.2008.
[12] Русский репортер 21–28.08.2008.
[13] Русский репортер 08–04.09.2008.
[14] Русский репортер 04–11.09.2008.
[15] Русский репортер 18–25.09.2008.
[16] Русский репортер 02–09.10.2008.
[17] Русский репортер 09–16.10.2008.
[18] Русский репортер 16–23.10.2008.
[19] Русский репортер 23–30.10.2008.
[20] Русский репортер 27.11.–04.12.2008.

Вербальная часть на развороте автономна, независима от изображения, текст сам по себе является завершенным. При этом смысл изображения, несмотря на его богатую информационную насыщенность, без вербальных элементов остается неясным и может быть неоднозначно истолкован. Вербальный комментарий в этом случае выполняет первичную, основную функцию. Таким образом, между вербальной и изобразительной частями устанавливаются отношения взаимозависимости.

Одновременно с этим, если рассматривать отношения между вербальными и иконическими элементами в зависимости от характера передаваемой информации[21], то мы видим, что изображение выражает здесь денотативную информацию, тогда как вербальный комментарий передает скорее коннотативную информацию. Т.е. изображение здесь доминирует над словом. Текст определяет лишь общее направление внимания читателя, кратко сообщая о тенденциях того или иного рассматриваемого явления, дает читателю готовые формулировки, клише, которые он будет бессознательно применять, изучая остальную статистическую и визуальную информацию. Таким образом, можно сказать, что иконические элементы привносят в текст значительную дополнительную информацию, т.е. в отношениях вербальных и невербальных элементов налицо аддитивная корреляция[22].

Дополнительные иллюстрации являются декоративными, служащими украшению текста и выполняющими эстетическую функцию. Например, в тексте о распространении нелицензированного программного обеспечения в качестве иллюстрации использовано изображение пиратского флага[23]. В тексте «Поедатели килокалорий» — изображение гамбургера[24]. В тексте об университетах мира — коллаж из узнаваемых фасадов нескольких университетов[25].

Можно отметить, что дизайнеры журнала представили значительное количество различных стилей передачи картографической проекции. Карта всегда сопровождается подписью, декодирующей информацию, заключенную в цветовом делении стран мира. Цвет здесь выполняет смысловыделительную, а в некоторых случаях символическую функцию: чем насыщеннее цвет заливки контура той или иной страны, тем более ярко выражается степень развития явления, вынесенного в качестве темы публикации. В случаях, когда речь идет о негативном явлении, например о распространении пиратского программного обеспечения, черный цвет обозначает страны, где ситуация наихудшая. Он же является априорно негативным символом пиратства.

В зависимости от характера передаваемой информации цветовое оформление карты может различаться. Так, например, в тексте «Кому не светит», посвященном прогнозу солнечных затмений, контур материков дан общим белым цветом на темно-сером фоне. А цветом выделены полосы земной поверхности, где можно будет наблюдать данное астрономическое явление. При этом цветовая дифференциация означает годы: чем насыщеннее цвет, тем скорее произойдет затмение[26].

---

[21] Анисимова 2003, 12.
[22] Анисимова 2003, 16.
[23] Русский репортер 28.08–04.09.2008.
[24] Русский репортер 03–10.07.2008.
[25] Русский репортер 18–25.09.2008.
[26] Русский репортер 21–28.08.2008.

Подписи на тематическом развороте выступают в качестве вспомогательного, но функционально емкого компонента текста, помогающего идентифицировать изображение и связать его с основным текстом. Они выполняют прежде всего информативную функцию, а также когерентную, заключающуюся в том, что с помощью подписи осуществляется связность креолизованного текста. По своей информационной функции в отношении к основному тексту подписи можно квалифицировать как подписи-связки. Данная подпись отличается минимальной информативностью, ее назначение ограничивается установлением связи между изображением и основным вербальным текстом. Обычно она содержит сокращения, цифры, буквы и т.д. Данный тип связи широко представлен в научных, научно-технических, инструктирующих текстах.

По способу включения текста в плоскость изображения, рассматриваемые креолизованные тексты относятся к интегрированным: в них используются различные варианты наслоения или обтекания текстом изобразительных элементов.

Завершая описание рассмотренных примеров креолизованных текстов, отметим, что во всех трех случаях использование стилизованной картографической проекции земного шара или России в качестве средства выражения пространственных отношений позволяет завершить формирование текстообразующих признаков. Локативность связывает элементы креолизованного текста, дает обобщение впечатлений, расширяет узкую информацию, заключенную в вербальных элементах текста, до понимания ситуации по заявленной теме в стране или во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. 2003: Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.

Большиянова Л.М. 1987: Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 167–172.

Ворошилова М.Б. 2006: Креолизованный текст: аспекты изучения // Политический дискурс. Вып. 20. Екатеринбург, 180–189.

Ейгер Г.В. 1974: К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. I. / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт (ред.). М., 103–110.

Михеев А.В. 1987: О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 191–199.

Пойманова О.В. 1997: Семантическое пространство видеовербального текста: дис. … канд. филол. наук. М.

Сорокин. Ю.А. 1990: Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 180–186.

LOCATIVENESS AS A BASIS FOR CREOLIZED PRESS MATERIAL
(based on “The Russky Reportyor” Magazine Publications)

O. A. Korda

The article considers peculiarities of information visualization in present-day creolized texts, with particular emphasis on iconic representation of spatial relations. It gives the analysis of examples with locative properties that are inherent in creolized media texts.

Key words: linguistics, creolized text, locativeness, visualization, iconic means.

© 2012

И. В. Смолин

МЕТОДЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ЧУЖОГО» РОССИЙСКИМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЗАТЯЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА
(на примере текстов, посвященных отношениям России и Грузии)

Автор анализирует некоторые особенности подачи информации о боевых действиях и политическом конфликте в современных российских печатных средствах массовой информации. Особое внимание уделено подаче образа «чужого» при помощи языковых средств.

Ключевые слова: лингвистика, толерантность, журналистский дискурс, оппозиция «свой — чужой», конфликт в Южной Осетии.

Пресса сегодня структурирует любое событие, направляет внимание общества на те или иные его аспекты, предлагает адресату различные оценки происходящего. Носителями этих оценок выступают сами журналисты, а также различные персонажи в журналистских произведениях.

При этом одним из ведущих принципов описания персонажей являются отношения различия. В случаях, когда персонаж характеризуется как член определенной социальной группы, его принадлежность к ней часто определяется дистанцированностью от членов других, чужих для него групп. Таким образом, сегодня одним из актуальных противопоставлений оказывается оппозиция «свой» — «чужой». Согласно точке зрения Л. Н. Гумилева, именно оппозиция «свой — чужой» конституирует «коллектив людей, которые противопоставляют себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства подсознательного ощущения близости на основе простого противопоставления: «мы — они»[1].

Смолин Игорь Владимирович — аспирант кафедры русского языка и стилистики Уральского государственного университета. E-mail: smolin-iv@mail.ru

[1] Гумилев 1992, 16.

Такая оппозиция помогает адресату упорядочить его картину мира. Группа «чужих» определяет группу «своих»: «Другая группа является той самой воображаемой противостоящей стороной, тем противовесом, который необходим нашей группе для самоидентификации, для ее согласованности, внутренней сплоченности и эмоциональной безопасности»[2].

Исследование методов репрезентации «своих» и «чужих» в текстах СМИ тесно связано с одной из актуальных проблем современности — толерантностью. Под толерантностью, как правило, понимается «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности <…> Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене «культуры» войны культурой мира»[3]. Кроме того, «толерантность — это уважение к непохожести и осознание того, что непохожесть — это залог развития. Толерантность — это готовность к диалогу, к творческому поиску»[4]. Как тонко уловил сущность этого феномена американский антрополог М. Уолцер, «терпимость (*толерантность*) делает возможным существование различий; различия же обуславливают необходимость терпимости»[5].

В российском обществе существует неоднозначное отношение к этому понятию. Одна часть общества принимает его и считает, что толерантность должна стать составной частью нашей ментальности. Представители другой части общества относятся к призывам к толерантности как к составной части политики глобализации, навязываемой нам Западной Европой и США. Несмотря на описанное противоречие, необходимо признать, что только толерантность в современном мире может выступать в качестве долгосрочной основы социальной безопасности.

Особенно актуальной эта тема становится во время острых социальных и политических конфликтов, межнациональных столкновений, войн. В такие периоды бывает сложно достигнуть баланса между «единением нации» в стремлении защитить интересы страны с одной стороны и соблюдением толерантного отношения к представителям страны-противника.

Важнейшую роль в установлении или нарушении этого баланса играет пресса. В современном мире при увеличившемся темпе жизни и возросшем потоке информации формируемые средствами массовой информации стереотипы «закрепляют информацию об однородных явлениях, фактах, предметах, процессах, людях и т.д.; позволяют людям обмениваться информацией, понимать друг друга, участвовать в совместной деятельности, вырабатывать общие взгляды, одинаковую ценностную ориентацию, единое мировоззрение; ускоряют возникновение поведенческой реакции на основе прежде всего эмоционального принятия или непринятия информации. Стереотип способствует созданию и сохранению положительного «Я-образа», защите групповых ценностей, объяснению социальных отношений, сохранению и трансляции культурно — исторического опыта»[6].

---

[2] Бауман 1996, 48.
[3] http: // www.shkolaprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm
[4] Медведев 2002, 7.
[5] Уолцер 2000, 15.
[6] Скорнякова 2004, 225.

При этом, готовя публикации, осуществляя репрезентацию «своих» и «чужих», журналисты СМИ вынуждены учитывать как политику издания, так и неоднородность менталитета и системы оценок у своей целевой аудитории. Авторы публикаций в своих материалах демонстрируют не только богатство используемых языковых средств, но и разнообразие традиционных контекстуальных оценок, содержательных элементов. Различия в подходах, которые выбирают для решения данной задачи журналисты качественных и массовых изданий (на примере «Российской газеты» и «Комсомольской правды») будут рассмотрены в данной статье.

В целом анализ оппозиции «свои» — «чужие» выступает как часть исследования более широкой проблемы — репрезентации Другого в различных дискурсах, в том числе в дискурсе СМИ. Философскому осмыслению проблемы Другого посвящены работы известных философов и социологов, таких как З.Бауман[7], Р. Штихве[8], Г. Гадамер[9], П. С. Гуревич[10], О. Н. Павлова[11], Э. Тоффлер[12].

Проблемы толерантности находят свое отражение в работах исследователей журналистики И. М. Дзялошинского[13], Б. Н. Лозовского[14], Ю. В. Казакова[15] и многих других. Среди российских лингвистов, посвятивших свои исследования проблеме толерантности, можно назвать Л. В. Енину[16], Н. А. Купину[17], О. А. Михайлову[18], Л. М. Майданову[19], Э. В. Чепкину[20] и др.

Материалом для данного исследования послужили публикации СМИ, посвященные вооружённому конфликту в Южной Осетии (2008) и дальнейшему развитию отношений двух стран — Российской Федерации и Грузии. Сегодняшняя ситуация характеризуются углублением противоположных тенденций. С одной стороны, географическое расположение двух стран требует налаживания и развития добрососедских связей. С другой стороны, непримиримый политический конфликт, пик которого пришелся на август 2008 года, приобрел характер затяжного. Следствием этого кризиса становятся политические противоречия, например, по вопросам вступления России в ВТО, периодические «шпионские» скандалы между двумя странами и «экономические войны», связанные с запретом распространения на российских рынках некоторых товаров грузинского производства.

Были отобраны по 20 публикаций, размещенных в период с мая по октябрь 2011 года, в двух общероссийских газетах — качественном, официальном издании «Российская газета» и массовом издании «Комсомольская правда». Кроме

[7] Бауман 1996.
[8] Штихве 1998.
[9] Гадамер 1997.
[10] Гуревич 1992.
[11] Павлова 2001.
[12] Тоффлер 1986.
[13] Дзялошинский 2002.
[14] Лозовский 2001.
[15] Казаков 2001.
[16] Енина 1997.
[17] Купина 2002.
[18] Михайлова 2002.
[19] Майданова 2004.
[20] Чепкина 2002.

того, в качестве примеров для сравнения будут рассмотрены несколько публикаций этих изданий, увидевших свет в период с августа по сентябрь 2008 года.

Методика проведенного исследования строится на понятиях дискурса и дискурсивной практики. Дискурс рассматривается как социально упорядоченный механизм порождения речи, организации коммуникации[21]. Энциклопедический словарь трактует дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах из сознания (когнитивных процессах)»[22]. Под дискурсивной практикой понимается «процесс структурирования текста (как адресантом, так и адресатом) в пределах определенного дискурса»[23]. Такие практики определяют не только правила создания текста, но и общие способы передачи смыслов в одном или нескольких текстах.

В рассмотренных публикациях обе газеты в качестве «чужих» персонажей репрезентуют военнослужащих грузинской армии, президента Грузии Михаила Саакашвили, представителей титульной нации Грузии, а также обобщенные образы стран — Грузии и США. При этом построение образа «чужого» рассматриваемые издания строят на освещении событий, так или иначе связанных со следующими негативными информационными трендами:

— Грузия — источник криминала;
— Грузия — источник терроризма;
— Грузия — страна-агрессор, нарушающая нормы международного права;
— Грузия — страна, в которой нарушаются права человека;
— президент Грузии — больной, неадекватный человек.

Анализ исследованных публикаций показал, что «Российская газета», будучи официальным изданием, проявляет сдержанность в способах выражения негативной оценки в адрес противоположной стороны конфликта, передает интолерантные смыслы в основном на уровне текстового содержания. При этом зачастую объект, на который направлено интолерантное отношение, напрямую не называется, а скрывается за обобщенными формулировками. Исключением является, пожалуй, лишь один герой публикаций — президент Грузии.

Ряд публикаций газеты посвящен жестокому разгону демонстрации оппозиции, произошедшему в Тблилиси в ночь с 25 на 26 мая 2011 года. Владислав Воробьев в своей статье «Парад на крови» стремится к объективности, оценивая действия грузинской полиции: *«С одной стороны, полиция первоначально действовала согласно букве закона. В заявке оппозиции на проведение акции протеста четко было прописано, что люди собираются митинговать с 21 по 25 мая. И все эти пять дней грузинская полиция действовала почти безупречно. Но за несколько часов до завершения отведенного на демократию в Тбилиси времени стало очевидно: протестующие постараются сорвать парад, заблокировав и проспект Руставели, и президентскую трибуну. И тогда Саакашвили отдал приказ действовать <…> Но, с другой стороны, нужно ли было избивать де-*

[21] Чепкина 2009.
[22] Ярцева 1998, 136–137.
[23] Чепкина 2000, 8.

монстрантов, недовольных нынешним режимом, так неистово и остервенело. Существует огромное количество вариантов цивилизованного блокирования и оттеснения митингующих <…> Но на этот раз в Тбилиси был выбран самый кровавый сценарий»[24].

При описании действий полиции автор использует усиливающие эпитеты: *неистовый* — необычайно сильный в проявлении чего-н., буйный, безудержный[25]; *стервенелый* — пришедший в остервенение, буйный, бурный[26]; *кровавый* — кровопролитный, сопровождающийся множеством жертв, гибелью людей[27]. Однако, из контекста понятно, что «автором» кровавого сценария является Саакашвили, а вина полицейских косвенна.

В публикации «Белый дом вступился за оппозицию» газета также сдержанно критикует грузинское руководство, приводя слова американского дипломата: «*Представитель дипломатического ведомства США Марк Тонер заявил о том, что Саакашвили необходимо уважать право сограждан на мирное выражение своего мнения. О необходимости соизмерять применение силы с реальной угрозой правопорядку предупредил грузинского президента Евросоюз.*

Практически все наиболее известные неправительственные правозащитные организации резко осудили действия грузинского спецназа в отношении демонстрантов. Впрочем, все в Грузии понимают: приказ о беспощадном подавлении выступлений оппозиции на проспекте Руставели отдал сам Саакашвили»[28].

В приведенном ниже примере российский дипломат прямое обвинение в адрес грузинской стороны по поводу нарушения обязательств заменяет уклончивой конструкцией: «*Разгон демонстрации оппозиции в Тбилиси является вопиющим нарушением прав человека, заявил в четверг на брифинге официальный представитель МИД РФ Александр Лукашевич*»[29].

Несколько более резкие высказывания «Российская газета» публикует в интервью Максима Марычева «Наша борьба правая», приводя прямую речь одного из лидеров оппозиционного «Народного собрания» Нино Бурджанадзе: *« <…> то, что случилось, было самой настоящей карательной операцией. Людям, попавшим в кольцо оцепления, не было разрешено выйти с площади. Их избивали как во время разгона демонстрации, так и потом в полицейских участках. <…> Известно, что когда в государстве нет правосудия, нет свободы массовой информации, как в сегодняшней Грузии, это называется диктатурой. Сейчас грузинская власть решила окончательно закрыть любую возможность для проявления протестов. <…> Поэтому и принимается такой закон. Он, во-первых, противоречит конституции Грузии и, во-вторых, не соответствует европейским и мировым юридическим стандартам. Согласно принятым поправкам в Грузии теперь просто нельзя проводить любые митинги и манифестации»*[30].

Мы видим, как устами экс-спикера грузинского парламента «Российская газета» обвиняет руководство Грузии в нарушении международных правовых норм.

[24] Воробьев 2011 а.
[25] Шведова 2008, 510.
[26] Шведова 2008, 580.
[27] Шведова 2008, 381.
[28] Евгеньев 2011.
[29] Российская газета 26.05.2011.
[30] Макарычев 2011 б.

В отличие от «Российской газеты», массовое издание «Комсомольская правда» не уводит негативную оценку «чужих» в подтекст, а сразу конкретизирует ее, избегая неоднозначного толкования текста. Разгону митинга оппозиции газета посвятила репортаж Владимира Ворсобина «После разгона оппозиции Тбилиси отмыли от крови и устроили парад», насыщенный красочными описаниями и яркими образами.

Вступительная часть репортажа насыщена элементами, создающими религиозно-мистическое предощущение ужасных событий: *«За два часа до полуночи в Тбилиси все говорило о том, что скоро грянет буря. В небе — раскаты грома. На новостных лентах — заявления мэрии об истечении срока заявки митинга оппозиции (она заканчивалась в зловещие 0.00) <…> Но самое важное — агентства цитировали американского посла, который по-отечески призывал демонстрантов соблюдать закон и не срывать 20-летие независимости. В переводе на грузинский это означало страшное — индульгенция на побоище. В честь праздника Саакашвили получил долгожданный подарок — ему разрешили выпороть оппозицию...»*[31]

Для описания главного виновника случившегося, М. Саакашвили, автор репортажа использует прием демонизации персонажа. Грузинский президент выступает в роли некоего темного божества: *«Это было так очевидно, что бравурная музыка в лагере революционеров, их упрямое сидение под проливным дождем, бесконечные выступления Бурджанадзе — все перечисленное казалось высокопарной формой безумия. Люди пришли на заклание, и Саакашвили нетерпеливо принял жертву. Избивать оппозиционеров он принялся в 0.10»*[32].

Последнее предложение в переносном смысле отводит Саакашвили роль главного виновника происшедшего. Понятно, что лично он никого не избивал. Но из контекста следует, что приказ об избиении дал именно он. В следующих частях репортажа грузинские полицейские выступают не безликими исполнителями воли своего президента, а вполне самостоятельными персонажами, азартно исполняющими приказ: *«Жаль, что я не уберег свою камеру... Во время ареста грузинские полицейские вывернули мне руки и вырвали ее, родимую... На ней остались тяжелые кадры — как по-садистски жестоко спецназ разогнал демонстрацию оппозиции у парламента...»*[33]

Автор использует негативно-оценочное прилагательное *садистски*, образованное от слова *садизм*, которое словарь трактует как «Извращенную и изощренную жестокость»[34].

«Такого количества спецназа, который налетел на демонстрантов, я не видел никогда! И никогда (даже в Белоруссии) я не видел такой запредельной жестокости!»[35]

Здесь автор использует форму глагола *налетать:* «быстро двигаясь, наброситься, напасть»[36]. В контексте статьи этот глагол вызывает у читателя устойчи-

[31] Комсомольская правда 27.05.2011.
[32] Комсомольская правда 27.05.2011.
[33] Комсомольская правда 27.05.2011.
[34] Шведова 2008, 849.
[35] Комсомольская правда 27.05.2011.
[36] Шведова 2008, 484.

вую ассоциацию с распространенными зоосемантическими метафорами «*налетел как коршун, как ястреб*».

В публикации это не единственная метафора подобного рода: «*Выхожу из подворотни, иду по проспекту. Пытаясь быть спокойным. Спецназ — это как собаки, побежишь — догонят...*»[37].

Автор использует еще одно сравнение, понятное целевой аудитории издания: «*Полетели дымовые шашки. Над головами, смешиваясь с дождем, заревели струи водометов. Хлебнув газа, останавливаюсь, включаю камеру. И вижу, как в метрах сто от меня черная масса «робокопов» поглощает люд*ей»[38].

«Робокопы» — в данном случае образ, сформированный серией американских фильмов, в которых живой человек превращается в робота-полицейского, механически и неотвратимо исполняющего свою работу. В этом контексте приведенная цитата отражает авторскую репрезентацию оппозиции «живое — неживое»: люди — «свои», грузинские «робокопы»-полицейские — «чужие». Усиливает оппозицию использование глагола поглощать: «принять, вобрать в себя»[39].

В тексте репортажа частотно использование различных форм слова *жестокий*: «крайне суровый, безжалостный, беспощадный»[40]. Однако, этим автор не ограничивается, добавляя в текст детали, конкретизирующие жестокость поведения полицейских: «*Люди уже не сопротивлялись. Они бросили свои несчастные палки, которыми бахвалились перед журналистами — они пытались бежать, они хотели жить, но их забивали, втаптывали в асфальт...*

— Х...ли стоишь — бежим! — орет, по-моему, грузинский журналист и как-то странно скачет — на его джинсах расплывается пятно крови. Пластиковая пуля.

— Пресса! Пресса! — хрипло стонет по виду российский коллега. И бежит зигзагами. У него разбито лицо, от синяка закрыт глаз и, похоже, сотрясение мозга»[41].

Обсценная лексика в прямой речи в данном случае использована журналистом для усиления ощущения подлинности описываемых событий. Полицейские в этом описании выступают как носители антигуманного поведения, однозначно «чужие» персонажи.

Одной из особенностей журналистского дискурса о войне в Осетии является использование параллелей со Второй мировой войной. Особенно часто газеты прибегают к этому приему в первые дни после начала конфликта. Журналисты опираются при этом на мощные стереотипы и фоновые знания, сформированные у читателей за последние шесть десятилетий. Несмотря на то, что в мире не прекращаются попытки каким-либо образом переоценить ту войну, в России события сороковых годов двадцатого века большинством населения оцениваются однозначно.

«*Саакашвили использует приемы Гитлера <…> Есть и еще один пример использования грязных политических технологий во благо всей цивилизации. И имя*

[37] Комсомольская правда 27.05.2011.
[38] Комсомольская правда 27.05.2011.
[39] Шведова 2008, 660.
[40] Шведова 2008, 233.
[41] Комсомольская правда 27.05.2011.

этому примеру — Адольф Шикльгрубер. <…> Запад тоже очень долго терпел и прощал Гитлеру ему шалости вроде ввода войск в демилитаризованный Саар или претензий на Судеты. <…> Конечно, Саакашвили — не Гитлер. Мелок. Но очень старается. Он использует ту же риторику и те же приемы»[42]. Автор последовательно уподобляет Саакашвили Гитлеру. В сознании читателя такая параллель вызывает однозначные ассоциации и резко отрицательную оценку грузинского президента.

Параллели со Второй мировой войной используются и в характеристике «чужих», данной через образ «своих»: «*Дед часто рассказывал, что ему до сих пор война снится, — говорит Саша. — Я теперь понимаю, что это такое. Перед глазами стоит Сережа Шевелев, другие наши ребята. Не могу поверить, что их уже нет. Виновные должны ответить за их смерть, за то, что лишили жизни тысячи мирных граждан»*[43].

«Как известно, российские войска вышли за рубежи республики и вели боевые действия на грузинской территории, что также вызвало вопросы у некоторых экспертов. В 1945 году советские войска, а также американцы, англичане и французы вошли в Берлин, не остановившись на освобождении своих территорий. Тогда хотели наказать агрессора, то же произошло и месяц назад, подчеркнул премьер»[44].

Из подтекста понятно, что русские солдаты и российская армия в целом здесь уподобляются воинам Великой Отечественной войны, следовательно, «чужие», грузинские военные — фашистским оккупантам.

«Российская газета» продолжает использовать параллели со Второй мировой войной и спустя три года после конфликта: «*В школе на уроках истории меня, человека одного с Саакашвили поколения, больше всего потрясали рассказы о трагедии стертого с лица земли Сталинграда и о заживо сожженных фашистскими огнеметами жителях белорусских деревень. Спустя 65 лет подобное практически повторилось на мирной югоосетинской земле <…> 7 августа в этом тихом и мирном городе начался ад. Прямая речь тех, кто выжил в этом аду, тогда, в Осетии лета 2008 года, не просто шокировала меня. Она заставила меня надолго замолчать. От безысходности. От неверия в то, что подобные зверства, такая жестокая охота на людей, воскресившая в памяти «обыкновенный фашизм» Второй мировой, возможны в нашем «цивилизованном» XXI веке. Это была бойня вне любых законов человеческой логики, вне всего того колоссального массива горького опыта и знаний, испитого миром к началу нового тысячелетия <…> Город подвергся сначала массированному варварскому обстрелу, а затем карательной зачистке, которая и напомнила эпизоды Второй мировой войны»*[45].

В первые дни после начала конфликта обе газеты активно использовали этнонимы *грузины*, *грузинский* для обозначения «чужих», как правило, военнослужащих Грузии.

***«Грузины** пытались занять высоты с востока от Цхинвала, но сегодня они активизировались на западных окраинах <…> Власти Южной Осетии доложи-*

[42] Комсомольская правда 14.08.2008.
[43] Комсомольская правда 20.08.2008.
[44] Российская газета 19.09.2008.
[45] Российская газета 05.08.2011.

ли, что в зоне конфликта появились ***грузинские*** *гаубицы. <…>* ***Грузия*** *вполне может получить на свою голову еще один фронт — абхазский»*[46].

Спустя три года «Российская газета» продолжает последовательно использовать этнонимы *грузины*, *грузинский*, а также словосочетание «*уроженец Грузии»*, но уже в публикациях, посвященных криминальной хронике и «шпионским скандалам»: «*В тюрьме оказались несколько* ***грузинских «воров в законе»*** *<…> Каплан проходит как фигурант расследуемого в Испании уголовного дела в отношении* ***грузинского криминального авторитета*** *Захария Калашова»*[47];

«Недавно Савеловский суд приговорил трех членов банды борсеточников, уроженцев Грузии, к различным срокам заключения»[48];

«При этом во время обыска у уроженца Грузии и жителя Ессентуков Михаила Беридзе были найдены и изъяты бланки с факсимильными подписями членов Совета Федерации, чиновников различного уровня <…> По данным правоохранительных органов, часть полученных средств он даже якобы переправлял в Грузию местным преступным группировкам»[49].

Также последовательно «Российская газета» формирует у читателя представление о Грузии как источнике терроризма, направленного против нашей страны. В приведенном ниже примере автор публикации указывает Грузию как место пребывания одного из известных террористов Доку Умарова. В качестве источника информации при этом журналист использует слухи: «*Напомним, что Умаров взял на себя ответственность за организацию взрывов в московском метро и в аэропорту Домодедово <…> Месяц назад российские спецслужбы разбомбили его лагерь в Ингушетии, но Умарова среди погибших не оказалось. Говорят, что он в Грузии»*[50].

Приведем еще один пример, в котором газета использует устойчивый одиозный образ террористической организации «Аль-Каиды», ставя ее на один уровень с Грузией: «*ФСБ не исключает атаку террористов из Грузии <…> развивая тему международного терроризма, Бортников недвусмысленно намекнул на то, что терроризм иногда используется и подпитывается целыми государствами для решения своих целей.*

— Мы располагаем оперативной информацией, что отдельные лидеры банд-групп, которые находятся на территории других государств, вынашивают намерения использовать территорию Грузии для просачивания к нам на Северный Кавказ, — заявил Бортников»[51].

Отметим, что обе газеты в публикациях о российско-грузинских отношениях, формируя образ «чужого», наибольшее внимание уделяют президенту Грузии М. Саакашвили. При этом в его характеристике превалирует семантика болезни, психической патологии. «Российская газета» использует подобные оценки только в тех случаях, когда они звучат в речи официальных лиц. Например, в интервью главы МИД России Сергея Лаврова: «*А мы все знаем, как <…> безапелляционное*

---

[46] Комсомольская правда 8.08.2008.
[47] Российская газета 20.05.2011.
[48] Российская газета 20.07.2011.
[49] Российская газета 28.07.2011.
[50] Российская газета 16.06.2011.
[51] Российская газета 08.07.2011.

решение <…> о том, что Грузия будет членом альянса, повлияли на психику Михаила Саакашвили. Я убежден, что все понимают, какую вредную роль все это сыграло при принятии им авантюрного решения напасть на Южную Осетию»[52].

Или в интервью президента РФ Дмитрия Медведева: «*В ночь с 7-го на 8-е число мне позвонил министр обороны и сказал, что наш грузинский сосед начал активные боевые действия. Я, честно скажу, абсолютно, предельно откровенно, вначале очень засомневался и говорю: «Знаешь, надо проверить. Он что, совсем сумасшедший? Сбрендил, что ли? <…> Чушь это все собачья. Господин Саакашвили много чего говорит. Он вообще свою речь зачастую не контролирует*»[53].

Комсомольская правда, говоря о президенте Грузии, помимо семантики болезни, активно использует устойчивый штамп, сформировавшийся три года назад. Тогда телеканал BBC в прямом эфире показал, как М. Саакашвили при разговоре по телефону нервно покусывает свой галстук. Это событие нашло отражение в книге Олега Панфилова «Россия-Грузия: информационная война»:

«*История с «галстуком Саакашвили» помогла в августе 2008 года поднять дух россиян, выдав незначительный поведенческий промах самого Саакашвили за образ «неадекватного, психически неуравновешенного человека» <…> Сейчас о «галстуке Саакашвили» вспоминают разве что в частных разговорах или комментаторы в блогах и Интернет-форумах. Спустя два года история с галстуком стала неактуальной и о ней стали постепенно забывать, приводя только тогда, когда у критиков Саакашвили заканчиваются другие аргументы*»[54].

Однако автор ошибается, массовое российское издание «Комсомольская правда» продолжает интенсивно эксплуатировать эту тему: «*Выступая в понедельник в городке Анаклия близ границы с Абхазией, Миша не на шутку распалился. <…> Вряд ли «колхидский европеец» Саакашвили имел в виду абхазов. … Мишико махнул ручонкой куда дальше — в «монголоидные варвары» этот потомок древнейшей цивилизации, судя по всему, записал всех тех, кто населяет сегодня Россию <…> В общем, если у кого-то и были раньше сомнения, то теперь, наверное, всем ясно: с мозгами у поедателя галстуков большие проблемы. И нынешнее обострение у него явно не последнее. Так, может, политврачи из Америки и Европы, которым Миша всецело доверяет, наконец-то займутся лечением своего буйного пациента?*»[55]

Мы видим, что в приведенном примере автор статьи прибегает, помимо прочего, к иронии и панибратству, используя неполную форму имени президента Грузии. Ирония присутствует и в следующем примере: «*Профессор Государственного университета Илии (Грузия) создал съедобный галстук. Основа обновки — паста из сливы ткемали. В память о казусе, который показали по всем каналам: в августе 2008-го президент Грузии Саакашвили жевал галстук на нервной почве. Теперь уже даже самые ярые критики не смогут сказать, что батоно Мишико одет безвкусно*»[56].

---

[52] Российская газета 11.07.2011.
[53] Российская газета 08.08.2011.
[54] http: // www.inosmi.ru/caucasus/20101115/164258398.html
[55] Комсомольская правда 25.08.2011
[56] Комсомольская правда 08.09.2011

Также массовое издание для характеристики «чужого» персонажа использует свой традиционный жанр, анекдоты: «*Личные фотографы Саакашвили передавали российским спецслужбам информацию о том, сколько галстуков съедает на завтрак президент Грузии*»[57].

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что у качественного издания «Российская газета» и массового издания «Комсомольская правда» существуют значительные различия в выборе средств и методов характеристики «чужих» в публикациях, посвященных войне в Южной Осетии.

Так, в большинстве текстов «Российская газета» предпочитает использовать содержательные средства для отрицательной характеристики «чужих» персонажей. Негативно-оценочные языковые средства используются, как правило, в публикуемых высказываниях официальных лиц. «Комсомольская правда» в равной степени использует как языковые, так и содержательные средства для негативной характеристики «чужих». В публикациях «Российской газеты» превалирует имплицитная оценка событий и их участников. «Комсомольская правда», как правило, дает эксплицитную оценку «чужим». Прямая речь в «Российской газете» представляет собой выверенные, сдержанные, за редким исключением, цитаты из речи официальных лиц или литературно правленый текст от имени рядовых участников событий. В публикациях «Комсомольской правды» прямая речь занимает большие массивы текста. Это так называемый «язык улицы» — разговорная речь, подвергшаяся минимальной правке. В этих диалогах и монологах газета передает эмоциональную оценку событий.

Вместе с тем у исследуемых изданий существуют и общие черты в подходах к характеристике «чужих». Прежде всего, «чужой» представлен как враг, агрессор — в соответствии с контекстом описываемой ситуации. Либо как больной, неадекватный человек, если речь идет о президенте Грузии.

ЛИТЕРАТУРА

Бауман З. 1996: Мыслить социологически. М.

Гадамер Г. 1997: Человек и язык // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 130–141.

Гумилев Л. Н. 1992: От Руси до России: очерки этнической истории. СПб.

Гуревич П. С. 1992: Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина // М. М. Бахтин как философ. М., 83–96.

Декларация принципов толерантности 1995: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // www.shkolaprav.ryazan.ru/declaracia_tolerantnosti.htm

Дзялошинский И. М. 2002: Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия / Л. М. Макушин (ред.). Екатеринбург, 15–38.

Казаков Ю. В. 2001: На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтос как территория поиска. М.

Купина Н. А., Михайлова О. А. 2002: Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 5, 22–27.

[57] Комсомольская правда 13.07.2011

Купина Н.А., Енина, Л.В. 1997: Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / Н.А. Купина (ред.). Екатеринбург, 26–38.

Лозовский Б.Н. 2001: «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию. Екатеринбург.

Майданова Л.М., Соломатов С.И. 2004: Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах. Екатеринбург.

Медведев Н.П. (ред.) 2002: Толерантность как основа социальной безопасности. М.

Павлова О.Н. 2001: Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М.

Панфилов О. 2010: «Россия-Грузия: информационная война». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // www.inosmi.ru/caucasus/20101115/164258398.html

Рябцев А. 2008: Добровольцы окапываются у Цхинвала // Комсомольская правда. 28.08.2008.

Скорнякова С.С. 2004: Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 225–231.

Тоффлер Э. 1986: Раса, власть и культура // Новая технократическая волна на Западе / П.С. Гуревич (ред.). М., 276–288.

Уолцер М. 2000: О терпимости. М.

Чепкина Э.В. (ред.) 2009: Дискурсивные практики СМИ и проблемы информационной безопасности. Коллективная монография. Екатеринбург.

Чепкина Э.В. 2000: Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург.

Чепкина Э.В. 2002: Этнические характеристики персонажей как показатель степени толерантности автора публикаций // Диагностика толерантности в средствах массовой информации / В.К. Малькова (ред.). М., 240–252.

Шведова Н. Ю. 2008: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.

Штихве Р. 1998: Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1, 41–53.

Ярцева В.Н. (ред.) 1998: Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.

RUSSIAN MASS MEDIA MEANS OF PRESENTING ANOTHERS IN A PROLONGED POLITICAL CONFLICT (based on Russia-Georgia Relations)

I. V. Smolin

The author analyzes nowadays-Russian media presentation of combat operation peculiarities and political conflict with emphasis on linguistic means of presenting the image of anothers.

Key words: linguistics, tolerance, journalistic discourse, opposition ‘us-them’, conflict in South Ossetia.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2012

И. В. Антонов

БАШКИРЫ И ВЕНГРЫ В «СБОРНИКЕ ЛЕТОПИСЕЙ» РАШИД АД-ДИНА

В статье доказывается, что Рашид ад-Дин называет башкирами не только самих башкир, но и венгров. Башкир он часто упоминает наряду с келарами. «Келар» — искаженный титул венгерского короля. Рашид ад-Дин этот титул принял за название народа, отличного от башкир. Название келаров у него превратилось в название буларов, с королем которых сражался Бату-хан. Буларов Рашид ад-Дин отождествил с булгарами, рядом с которыми жили башкиры. Однако сравнение с другими персидскими авторами показывает, что речь идет о вторжении монголов в Венгрию и сражении Бату-хана с венгерским королем.

Ключевые слова: этнология, Рашид ад-Дин, башкиры, келары, булары, булгары, венгры, монголы.

Рашид ад-Дин ат-Тиб Фазлаллах ибн Имад ад-доуле Абу-л-Хайр Яхья ал-Хамадани — крупнейший средневековый историк и государственный деятель, находившийся на службе у монгольских правителей Ирана из династии Хулагуидов. Рашид ад-Дин родился в Хамадане (Западном Иране) около 1247/48 г. Он был очень образованным человеком, знал персидский, арабский, иврит, монгольский и европейские языки. В 1298 г. Рашид ад-Дин был назначен везирем Газан-хана (1295–1304). Эту должность он сохранил и в период правления Улджайту-хана (1304–1316). В царствование Абу Саида (1316–1335) вследствие интриг врагов Рашид ад-Дин был освобожден от своего поста, а затем в 1318 г. казнен в Тебризе по обвинению в отравлении Улджайту. В 1300/01 г. Рашид ад-Дин по приказу Газан-хана начал, а в 1310/11 г. закончил грандиозный труд под названием «Джами ат-таварих» («Сборник летописей» или «Собрание историй»). Это сочинение включает всеобщую историю мира с древнейших времен с изложением истории монголов до 1303/04 г. Для нас наиболее интересен первый том под названием «Тарих-и Газани», который содержит обзор тюркских и монгольских племен, их разделений, генеалогий и легенд, истории самого Чингис-хана и его потомков, правивших в Восточной Европе, Средней Азии, Китае и Иране. В распоряжении автора находились все государственные архивы и помощь всех тех людей, кто были знатоками истории монголов[1]. Подобно большинству других арабо-персидских авторов, Рашид ад-Дин выступает как компилятор, который обычно точно,

Антонов Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: igan73@yandex.ru

[1] Арсланова 2002, 33–34.

а зачастую даже текстуально, «передает изложение своих первоисточников»[2]. В числе этих первоисточников необходимо отметить «Золотую книгу» («Алтан дебтер») — официальную историю Чингис-хана, его предков и преемников, которая была написана на монгольском языке и не сохранилась до наших дней, так что данные этого источника известны нам только в передаче Рашид ад-Дина[3]. Башкиры и страна башкир неоднократно упоминаются в разных местах «Джами ат-таварих»[4]. Однако большая трудность при работе с этим источником состоит в том, что башкирами Рашид ад-Дин называет не только самих башкир, но и венгров.

Рашид ад-Дин знал о существовании страны башкир[5] или области башкир[6], но не имел ясного представления о ее локализации. Он пишет, что «народы, которые с древнейших времен и до наших дней называли и называют тюрками, обитали в степных пространствах, в горах и лесах областей Дешт-и Кипчака, русов, черкесов, башкиров, Таласа и Сайрама, Ибира и Сибира, Булара и реки Анкары»[7]. Эта характеристика в принципе верна, так как башкиры обитали именно на стыке степной, лесной и горной зон. Таким образом, башкир Рашид ад-Дин (наряду с русами и черкесами!) относит к тюркам. Тюрками он называет все кочевые скотоводческие народы Азии, поэтому «у нашего автора «тюрки» — термин не столько этнический, сколько социально-бытовой»[8].

Рашид ад-Дин часто упоминает башкир наряду с келарами. Так, он пишет: «Когда же пришла очередь ханствования и господствования над миром Чингиз-хану, его знаменитому роду и его великим преемникам, то они замирили и сделали покорными себе все государства населенной части мира, [состоящей] из Северного Китая и Южного, из Индии и Синда, Мавераннахра и Туркестана, Сирии и Византии, стран асов и урусов, черкесов и кипчаков, келаров и башкир, — короче говоря, все то, что простирается от востока на запад и с севера на юг»[9]. «Келар», как известно, искаженный титул «король», причем имеется в виду венгерский король, воевавший с монголами. Стало быть, это название относится к мадьярам как подданным венгерского короля[10]. «Келар» и был королем башкир, т. е. венгров, а Рашид ад-Дин принял этот титул за название народа, отличного от башкир. Возможно, в тексте, которым пользовался Рашид ад-Дин, речь шла именно о короле или королевстве башкир. Надо обратить внимание и на перечисление стран, покоренных монголами, с востока на запад. Келары и башкиры оказываются в конце этого списка, т. е. на крайнем западе территории, охваченной монгольским нашествием, что соответствует местоположению Венгрии. Рашид ад-Дин также отмечает, что «еще [и поныне] в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине, в стране киргизов, келаров и башкир, в Дешт-и Кипчаке, в северных [от него] районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко [Магрибе] все тюркские

[2] Петрушевский 1952, 35–36.
[3] Петрушевский 1952, 25.
[4] Рашид-ад-дин 1952/I, 66, 73–74, 102–103; 1952б, 67–68; 1960, 35–37, 44–45, 71–72, 78–79.
[5] Рашид-ад-дин 1952/I, 66.
[6] Рашид-ад-дин 1952/I, 73.
[7] Рашид-ад-дин 1952/I, 73.
[8] Петрушевский 1952, 28.
[9] Рашид-ад-дин 1952/I, 66.
[10] Rona-Tas 1999, 300.

племена называют татарами»[11]. Здесь келары и башкиры не помещаются к северу от Дешт-и Кыпчака и, стало быть, не отождествляются с южноуральскими башкирами. Интересно и упоминание о том, что монголы «захватили области келаров, башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов [русских], черкесов и асов [осетин] до крайнего севера»[12]. Получается, что области келаров и башкир были захвачены монголами раньше других (имеется в виду поход Батыя). Таким образом, используемый Рашид ад-Дином этноним «башкиры» не имел определенной географической привязки и мог помещаться то в начале, то в конце захваченной монголами территории.

В то же время наряду с башкирами Рашид ад-Дин знал и мадьяр. О приготовлениях к походу на Запад он пишет: «И благословенный взгляд каана (Угедея — И.А.) остановился на том, чтобы царевичи Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар [поляков], маджар, башгирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали; и они занялись приготовлением [к этому походу]»[13].

Наибольший интерес для нас представляет «Рассказ о войнах, которые вели царевичи и войско монгольское в Кипчакской степи, Булгаре, Руси, Мокше, Алании, Маджаре, Буларе и Башгирде, и завоевании [ими] тех областей». Однако об области Маджар в этом рассказе никаких сведений нет. Сообщив, что царевичи, назначенные на завоевание Запада, осенью 1236 г. соединились «в пределах Булгара», Рашид ад-Дин далее пишет: «Оттуда Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов и башгирдов и в короткое время, без больших усилий, захватил их. Дело это происходило так: булары были многочисленный народ христианского исповедания; границы их области соприкасаются с франками. Услышав молву о движении Бату и эмиров, они снарядились и двинулись в поход с 40 туманами славного войска. Шейбан, составлявший авангард с 10 000 людей, послал известие [Бату], что их [буларов] вдвое больше монгольского войска и что все они бахадуры. Когда оба войска выстроились друг против друга, Бату, по обычаю Чингиз-хана, взошел на вершину одного холма и [целые] сутки смиренно взывал к богу и тяжко вздыхал, а мусульманам приказал помолиться соборно. Посредине [между обеими армиями] была большая река. Бату и Буралдай ночью переправились через [эту] реку и вступили в бой; Шейбан, брат Бату, лично вступил в сражение. Эмир Буралдай произвел нападение всеми войсками сразу. Они [монголы] устремились на шатер келара, который был их царем, и мечами перерубили веревки. Вследствие падения [королевского] шатра войско их [буларов] пало духом и обратилось в бегство. Как отважный лев, который кидается на добычу, монголы гнались за ними, нападали и убивали, так что уничтожили большую часть того войска. Те области были завоеваны, и эта победа была одним из великих дел. Булар и Башгирд являются большой страной и [представляют собою] места недоступные. Несмотря на то, что [монголы] тогда завоевали ее, [жители ее] снова восстали, и она еще не вполне покорена. Государей тамошних называют келар, и они существуют еще доныне»[14]. Таким об-

[11] Рашид-ад-дин 1952/I, 103.
[12] Рашид-ад-дин 1952/II, 67–68.
[13] Рашид-ад-дин 1960, 36.
[14] Рашид-ад-дин 1952/I, 37.

разом, Рашид ад-Дин знает, что «келар» — не этническое название, но, очевидно, воспроизводя информацию более ранних авторов, он использует его именно в таком качестве. Это свидетельствует о компилятивном характере его труда. Рашид ад-Дин сам подчеркивает, что области Булар и Башгирд на самом деле являются одной страной. Эта страна — Венгрия, государь которой назывался келар. Отсюда возникло название «Булар», якобы относящееся к другой области.

Было высказано нетрадиционное мнение, что название «Булар» у Рашид ад-Дина может относиться только к волжским булгарам[15]. Но как соотнести это мнение с утверждением самого Рашид ад-Дина, что «булары были многочисленный народ христианского исповедания; границы их области соприкасаются с франками»? А франками в представлении Рашид ад-Дина были западноевропейские народы[16]. К тому же наряду с названием «Булар» у него есть и «Булгар». Далее, в «Летописи царевичей Кипчакской степи», Рашид ад-Дин пишет, что «в год смерти Угедей-каана (1241 г. — И.А.), в весенние месяцы они [царевичи] отправились через горы Марактан (Карпаты — И.А.) к буларам [полякам] и башгирдам [венграм]». Бату «сразился с царем башгирдов, и войско монгольское разбило их». Отправившись в этот поход, «царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов и, обратив в бегство государя их, келара, провели лето на реке Тиса»[17]. Таким образом, Рашид ад-Дин рассказывает о вторичном завоевании якобы восставших буларов и башгирдов. При этом он снова раздельно упоминает башкир и мадьяр, несмотря на то, что башкир, живущих раздельно от мадьяр, в Западной Европе не было.

Все-таки предпочтения заслуживает версия более раннего персидского автора — Джувейни, труд которого под названием «Тарих-и джехан гушай» — «История миропокорителя», написанный около 1260 г., находится в числе использованных Рашид ад-Дином источников[18]. В рассказе «О войне с келарами и башгирдами» Джувейни пишет: «Когда Русь, кипчаки и аланы также были уничтожены, то Бату решил истребить келаров и башгирдов, многочисленный народ христианского исповедания, который, говорят, живет рядом с франками. Для этой цели он приготовил войска и, по наступлении нового года, выступил. Народы эти обольщались своею многочисленностью, пылом храбрости и прочностью орудий. Услышав молву о движении Бату, они также выступили с 450 000 всадников, которые все славились военным делом и считали бегство позором. Бату отправил авангардом своего брата Шибакана (Шибана — И.А.) с 10 000 человек для разведки и дозора, (поручив им) высмотреть численность их (неприятелей) и доставить сведения о степени их могущества и силы. Он (Шибакан) отправился, согласно приказанию, через неделю возвратился и дал (такое) известие: «Их вдвое больше войска монгольского и все народ храбрый и воинственный». Когда войска близко подошли друг к другу, то Бату взобрался на холм и целые сутки ни с кем не говорил ни слова, а горячо молился и громко плакал. Мусульманам он также приказал всем собраться и помолиться. На другой день приготовились к битве. Меж-

[15] Istvan 1985, 200. Аналогичное мнение недавно было высказано и в отечественной литературе (Почекаев 2006, 100). Опровержение см.: Костюков 2008, 47–49, 52–53.

[16] Петрушевский 1952, 24.

[17] Рашид-ад-дин 1960, 45.

[18] Петрушевский 1952, 25.

ду ними (обоими войсками) находилась большая река. Ночью он (Бату) отправил одну часть войска (в обход), а войско (самого) Бату с этой стороны переправилось через реку. Шибакан, брат Бату, лично двинулся в самую середину боя и произвел несколько атак сряду. Неприятельские войска, будучи сильными, не трогались с места, но то войско (отправленное в обход) обошло их сзади. (Тогда) Шибакан со всем своим войском разом ударил (на них), бросился на ограды царских палаток, и они мечами разрубили канаты палаток. Когда они (монголы) опрокинули ограды царских шатров, войско келаров смутилось и обратилось в бегство; из этого войска никто не спасся. Те области также были завоеваны. Это было одно из множества великих дел и ужасных побоищ»[19].

Рашид ад-Дин пересказал этот рассказ, но у него оказалась нарушенной последовательность событий. Поход на Венгрию и Польшу не мог состояться до того, как были разгромлены русские, кыпчаки и аланы. Джувейни пишет о сражении с келарами, а Рашид ад-Дин — с буларами, царь которых назывался келар. Кроме того, Джувейни не сообщает о последующем восстании завоеванных областей. Рашид ад-Дину это сообщение понадобилось для того, чтобы объяснить вторичный поход на буларов и башгирдов. Под башгирдами у этих авторов имелись в виду не только башкиры, поселившиеся в стране мадьяр, но и сами мадьяры. Мусульманские писатели, как заметил Д. А. Хвольсон, хотя и знали название «мадьяр» в форме «моджгар», но обыкновенно называли их, т. е. мадьяр, башкирами[20]. В данном случае надо принять к сведению и тот факт, что, по латинским источникам, венгерские башкиры приняли активное участие в вооруженном сопротивлении монголам в 1241 г.[21]. И все-таки венгры всегда называли себя мадьярами (маджарами) и никогда не называли себя тюрками или башкирами[22].

Рашид ад-Дин, видимо, располагал двумя различными источниками, поразному описывающими монгольское вторжение в Венгрию и Польшу. Одним из этих источников было сочинение Джувейни, второй же нам неизвестен. Рашид ад-Дин не соединил воедино информацию этих источников, а просто пересказал их. Вот почему из одного вторжения получилось два. Но в надлежащем месте можно было поместить только одно из них. Другое же оказалось в том месте, где у Джувейни находилось сообщение о взятии города Булгара[23], которое Рашид ад-Дин заменил описанием сражения с буларами. Значит, он действительно подразумевал в данном случае под буларами волжских булгар, что было ошибкой.

У обоих авторов встречается одно и то же недоразумение: объектом нападения монголов выступают два народа, а в битве с ними участвует только один. Джувейни пишет о келарах и башгирдах, что по сути одно и то же. Рашид ад-Дин, зная, что термин «келары» неправильный, исправил его на «булары». Последних он по созвучию отождествил с булгарами, о которых ему было известно, что рядом с ними живут башкиры. В результате арена, на которой развертывались события, была перенесена из Западной Европы в Волго-Уральский регион. Рашид ад-Дин мог знать и о том, что булгары и башкиры оказали упорное сопротивление

[19] Тизенгаузен 1941, 23.
[20] Хвольсон 1868, 709.
[21] Насыров 2000, 152.
[22] Дьени 2006, 97.
[23] Тизенгаузен 1941, 23.

монголам. Таким образом, вставленный им отрывок оказался весьма кстати. Нам не хотелось бы считать этот прием простой фальсификацией. Его можно рассматривать как косвенное отражение реального противоборства монгольскому нашествию со стороны булгар и башкир. Однако буквально переносить на них рассказ Рашид ад-Дина недопустимо.

Представляют интерес сообщения и последующих персидских авторов. Согласно Шихаб ад-Дину Абдаллаху ибн Фазлаллаху, который писал в первой половине XIV в. и был известен под прозвищем «Вассаф-и-хазрет», поход против келаров и башгирдов, исповедовавших христианство, состоялся после того, как монгольское войско прошло через пределы Булгарские и земли Русские[24]. Известно, что источниками для Вассафа явились сочинения как Джувейни, так и Рашид ад-Дина, причем под покровительством последнего находился сам Вассаф[25], но в этом случае в отношении последовательности событий он воздержался от следования авторитету своего покровителя.

В «Книге побед» (законченной в 1424/25 гг.) Шереф ад-Дина Али Йезди рассказ о походе монгольских царевичей против келаров и башгирдов передан в таком же виде, как и у Джувейни[26]. Но с сочинением Рашид ад-Дина Шереф ад-Дин тоже был знаком[27]. Аналогичным образом этот рассказ передан в «Истории четырех улусов» (не позднее 1425 г.) Мирзы Улугбека, который начало похода связывает с наступлением весны[28].

Таким образом, Джувейни, Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах, Шереф ад-Дин Али Йезди и Мирза Улугбек рассказывают о вторжении монголов в Венгрию и сражении Бату-хана с венгерским королем. Противниками монголов выступают келары и башгирды, но эти два названия относятся к одному народу. Это были венгры, называемые персидскими авторами башгирдами, а их царь назывался келар, т. е. король. Рашид ад-Дин название «келары» поменял на «булары», что созвучно с булгарами, рядом с которыми жили башкиры. Такое исправление позволило ему датировать рассматриваемые события не 1241, а 1236 г.

Никаких реальных сведений о завоевании монголами башкир Рашид ад-Дин не сообщает, что неудивительно, поскольку, по нашему мнению, такого завоевания вообще не было. Башкиры длительное время сопротивлялись монголам, но потом заключили с ними союз[29]. Рашид ад-Дин, несомненно, знал об обитании башкир на Южном Урале и понимал, что монголы не могли миновать их на своем пути. Поэтому в самом начале своего повествования о монгольском нашествии на Восточную Европу он поместил рассказ о походе на булгар и башкир, который на самом деле относится к венграм.

Таким образом, недостаточно полная осведомленность средневековых арабо-персидских авторов о народах Восточной Европы привела к смешению башкир и венгров. «Сборник летописей» Рашид ад-Дина в ряду этих источников не составляет исключения. Анализ данных Рашид ад-Дина показал, что в некоторых

[24] Тизенгаузен 1941, 85.
[25] Тизенгаузен 1941, 80.
[26] Тизенгаузен 1941, 145.
[27] Тизенгаузен 1941, 144.
[28] Мирза Улугбек 2007, 94.
[29] Антонов 2006, 140–157.

случаях под башкирами имеются в виду сами башкиры, в других случаях — венгры, но чаще всего оба народа в представлении автора сливаются в один.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов И. В. 2006: Этническая история Волго-Уральского региона в XIII — начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа.

Арсланова А. А. 2002: Остались книги от времен былых… Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань.

Дьени Г. 2006: Вопросы ранней истории протовенгров и великое переселение народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Р. Д. Голдина (ред.). Ижевск, 94–100.

Костюков В. П. 2008: «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 1, 42–96.

Мирза Улугбек 2007: Из «Тарих-и арба улус» // История Казахстана в персидских источниках. Т. V / М. Х. Абусеитова (отв. ред.). Алматы, 88–112.

Насыров И. 2000: Древние «башгирды» в Венгрии (Сообщения арабских историков и путешественников о башкирах) // Ватандаш. 5, 151–152.

Рашид-ад-дин 1952: Сборник летописей. Т. I. Кн. 1–2. М.; Л.

Рашид-ад-дин 1960: Сборник летописей. Т. II. М.; Л.

Петрушевский И. П. 1952: Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л., 7–37.

Почекаев Р. Ю. 2006: Батый. Хан, который не был ханом. М.

Тизенгаузен В. Г. 1941: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.

Хвольсон Д. А. 1868: Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста // Журнал Министерства народного просвещения. 140. Декабрь, 657–771.

Istvan Z. 1985: The first Mongol Raid Against the Volga-Bulgars // Altaistic studies / G. Jarring, S. Rosen (eds.). Stockholm, 197–204.

Rona-Tas A. 1999: Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: an introduction to Early Hungarian History. Budapest.

BASHKIRS AND HUNGARIANS IN RASHID AD-DIN'S "CHRONICLE COLLECTION"

I. V. Antonov

The article proves that Rashid ad-Din used the term Bashkir for both Bashkirs proper and Hungarians. He often mentioned Bashkirs together with Kelars. Kelar is a distorted title of the Hungarian king. Rashid ad-Din mistook this title for the name of the people different from Bashkirs. He transformed the name Kelars into Bulars whose king fought with Batu-khan. Rashid ad-Din identified Bulars with Bulgars, Bashkirs' neighbors. However, comparison with other Persian authors shows that he speaks of Mongol invasion of Hungary and Batu-khan's battle with the Hungarian king.

Key words: ethnology, Rashid ad-Din, Bashkirs, Kelars, Bulars, Bulgars, Hungarians, Mongols.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

© 2012

Е. А. Чиглинцев

АНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕЦЕПЦИИ

Академическая и массовая культура по-разному воспринимают и репрезентируют античность: если для культуры академической характерна полноценная рецепция непосредственно из античного наследия вплоть до прямого его воспроизведения, то массовая культура представляет античность в виде дискретных, стереотипных образов, которые являют собой интерпретацию, наделение новыми смыслами, определяемыми современностью.

Ключевые слова: античность, наследие, рецепция, современная культура, академическая культура, массовая культура, стереотипные образы, интерпретация.

Всякое обращение современности к наследию античности неизбежно предполагает интерпретацию этого наследия, а любая интерпретация, в свою очередь, все-таки позволяет глубже проникнуть в античность как особый тип культуры с присущими ей (античности) или ему (типу культуры) тремя чертами — понятие высокой гражданской нормы, понятие классики и понятие эстетической нормы[1].

Столь многоплановое, всеохватывающее понимание античной культуры усложняет не только сам процесс рецепции, но и его изучение, поскольку в качестве объекта рецепции античности могут выступать самые различные явления, имманентно присущие этому периоду истории человечества, а выбор их зачастую субъективен, но не случаен.

Как же черпается современной культурой то, что досталось ей от античности, особенно с учетом того, что в культурном пространстве современности присутствуют и сосуществуют как академическая, так и массовая культура?

Исследуя творчество Вяч. Иванова, М. М. Бахтин говорит о непосредственном обращении поэта к античности, к историческим корням своего творчества: «Истоки его поэзии — античность, средние века и эпоха Возрождения, … определившие основные корни его творчества. … У Вяч. Иванова эти влияния непосредственны, и они создали ему особое положение»[2]. В чем же эта «особость»? Приговор безапелляционен: «Творчество Вяч. Иванова не может идти по новым путям. … Вся его поэзия есть *гениальная реставрация* (курсив мой — *Е.Ч.*) всех существовавших до него форм»[3].

Чиглинцев Евгений Александрович — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: Evgueni.Tchiglintsev@ksu.ru

[1] Кнабе, Свенцицкая 1996, 37.

[2] Бахтин 1979, 374.

[3] Бахтин 1979, 377.

Однако представленный случай — большая редкость. Здесь рецепция античности основана на всеобъемлющем профессиональном охвате древней и не только древней культуры. В оценке М. М. Бахтиным «античной» поэзии Вяч. Иванова подчеркивается и ее «большая затрудненность», которая объясняется тем, что поэтом «образы-символы взяты не из жизни, а из контекста отошедших культур, преимущественно из античного мира, средних веков и эпохи Возрождения. Но глубокая связь основных символов и единый высокий стиль побеждают разнородность и позволяют слова из различных культурных контекстов, лексически разнородные миры объединить в единство»[4].

Подобный же вопрос о соотношении античного наследия и творческой индивидуальности звучал в начале XX в. и в полемике вокруг взаимодействия с античностью хореографии Айседоры Дункан. Для таких ведущих деятелей культуры того времени, как О. Роден, К. С. Станиславский, Андрей Белый, А. Блок, В. Ходасевич, а также и множества других «умных и серьезных» людей[5] все, что делала на сцене А.Дункан, воспринималось как истинное воплощение естественной природы античного человека. А один из наиболее доброжелательно настроенных русских балетных критиков В. Светлов утверждал, что все движения и жесты Дункан были именно заимствованы из античного танца, а сама она «не больше и не меньше, как Шлиман античной хореографии», поскольку «восстанавливает, реставрирует, возрождает античные греческие танцы»[6].

В этом отношении рецепция античности в творчестве А. Дункан в первые полтора десятилетия XX в. в чем-то схожа с рецепцией античности в поэзии Вячеслава Иванова, поскольку осуществлялась она непосредственно из античного наследия, при прямом его воздействии[7].

Предназначенное первоначально, как она сама признавалась, для избранных — артистов, скульпторов, художников, музыкантов[8] — творчество А. Дункан лишь несколько позже стало интересным и массовой аудитории и претерпело метаморфозы именно под воздействием и в интересах массовой культуры[9]. Правда, при этом от античности осталась только внешняя форма — босые ноги да легкая туника, а содержание исчезло совершенно.

Принципиально важным для понимания приведенных примеров рецепции античности и ее роли в развитии современной культуры является положение, выдвинутое Ю. М. Лотманом: «Смыслы в памяти культуры не “хранятся”, а растут»[10], — а те культуры, «память которых периодически подвергается массированному насыщению текстами, выработанными в иной традиции, тяготеют к “ускоренному развитию” (по терминологии Г. Д. Гачева)»[11]. И в очередной

[4] Бахтин 1979, 376–377.

[5] Российский философ В. В. Розанов, побывавший на выступлениях А.Дункан в Петербурге, отметил, что «… весь состав публики был явно умный и серьезный…». См.: Розанов 1990, 326.

[6] См.: Светлов 1992, 49. Парадоксальность ситуации заключается в том, что сама исполнительница отрицала непосредственное воспроизведение древнегреческого танца в своей хореографии. (См.: Дункан 1992, 207–208). «Я подпитываюсь от греческих источников, но не занимаюсь реконструкцией греческого танца. Это заставляет меня интерпретировать…» (Daly 1995, 100).

[7] Чиглинцев 2009а, 106–112.

[8] Дункан 1992, 68.

[9] См. об этом подробнее: Чиглинцев 2009б, 186–189.

[10] Лотман 2001, 675.

[11] Лотман 2001, 676.

раз следует оговорить, что такое обогащение современной культуры возможно, прежде всего, когда речь идет об академической ее составляющей. В массовой культуре взаимодействие не столь прямолинейно, а результат не столь предсказуем и положителен, поскольку в массовом сознании соседствует неограниченное число интерпретаций, доступное любому человеку в условиях массовой коммуникации. В связи с этим изучение массовых исторических представлений, стереотипов, клише в искусстве, культуре и социальном сознании в целом позволяет увидеть все многообразие рецепции античности в современном обществе.

В отличие от академической культуры, античность в массовом историческом сознании общества остается лишь в виде дискретных образов, чаще – стереотипных[12], которые представляют собой некоторую интерпретацию, наделение смыслами, определяемыми не столько прошлым, сколько современностью. Происходит практически то же, что в искусстве. «Эффект воздействия во всех видах искусства достигается через создание типичных образов или образов, впитавших в себя общественно и личностно-значимые морально-этические качества»[13]. Но художественный, пусть даже и типический, образ и образ стереотипный, или клишированный, рассчитанный на массовое восприятие, нужно различать. «Воздействие одной культуры на другую может осуществляться не только через идейно-эстетическое содержание образов, но и через клиширование элементарных элементов культуры, через внешнюю атрибутику образов»[14].

Социальный стереотип — это именно образ (или представление) упрощенный, стандартизированный, основанный на социально-культурном опыте и обладающий высокой устойчивостью[15].

Среди подобных образов есть и персонажи античности. Эти знаковые фигуры античности, которые являются исторически реальными, действительно конвенциональны, ибо их символика закладывается тем узким кругом источников, который и донес до нас достаточно ограниченные сведения об этой личности, а мы, вступая в культурное взаимодействие с античностью, изначально вынуждены принимать тот смысл, который был заложен авторами этих источников. Есть особенности в использовании таких источников при исследовании рецепции античности и при написании конкретно-исторической работы по античной истории. Если конкретно-историческое исследование все-таки обязано критически воспринять источники и отыскать какую-то единственную для данного ученого систему, то при рецепции каждый взгляд на явление, событие, исторического героя, изложенный в источнике как продукте античной культуры, имеет право на существование и может быть объектом рецепции из сегодняшнего дня. И тогда не вопрос о достоверности или недостоверности античной традиции будет главным, а вопрос, для

[12] Американский социолог Уолтер Липпман, первым применивший в научной практике термин «стереотип», в книге «Общественное мнение» (1922 г.) «пишет о штампах, создаваемых людьми для облегчения понимания конкретной ситуации или явления». По Липману, стереотипы – просты, принимаются через посредника, ложны (точнее, наверное, сказать, упрощают характеристику явления до искажения сути. – Е.Ч.) и трудноизменяемы, (т.е. живучи – Е.Ч.). См.: Трепакова 2007, 46–47.

[13] Трепакова 2007, 6.

[14] Трепакова 2007, 51.

[15] Такое определение можно дать на основе специально собранных энциклопедических материалов, приведенных в книге А.В. Трепаковой. См.: Трепакова 2007, 47.

чего именно эту традицию воспринял наш современник и посчитал необходимым предложить ее публике?

Особо следует сказать о символике мифологического пласта античной культуры, поскольку буквально на наших глазах массовая культура массированно присваивает и репрезентирует обществу свои интерпретации античной мифологии. Это требует некоторых теоретических объяснений.

Культуру, рассматриваемую в перспективе веков или тысячелетий после ее распада, можно легче всего понять по сложным группам символов, составляющих ее литературу и искусство. Люди всех культур могут общаться посредством искусства не только через творчество современных художников, но и через произведения прошлых культур, «культур-зерен» (Д. Редьяр), оставивших художественные символы как свидетельства своего внутреннего, отношения к проблеме существования и как коллективные ответы на человеческие потребности своего времени. Символ без экзистенциальной функции, т. е. символ, который не отвечает на потребность, характерную для определенной фазы в развитии сознания человека или общества, — это вообще не символ.

Символ является абстракцией в том смысле, что это «образ или последовательность образов и действий»[16], извлеченных, т.е. абстрагированных из «определенного количества действительных фактов, которые являются или являлись, существенной частью жизни людей»[17]. Слово «образ» здесь употребляется в самом широком смысле. Некоторые символы являются полностью интеллектуальными образами или понятиями; тем не менее, они созданы из элементов, которые некогда были абстрагированы из человеческого опыта и эмоциональных реакций.

Каждая эпоха дает нам такие образы-символы, которые затем на протяжении столетий способны вызывать у людей разного образования, жизненного статуса и т. д. одни и те же ассоциации. Свойства, обеспечивающие такому образу долгую и полную в смысле толкования жизнь, — это простота, его реальность, эксплуатация в различных культурах, включенность в традицию, узнаваемость и предсказуемость. Иными словами, это стереотипность или нечто близкое к тому. И именно она должна облегчить людям коммуникацию. Стереотип должен способствовать упрощению процесса коммуникации, поскольку отправителю сообщения не нужно пояснять, чем мотивируется то или иное действие, поступок героя[18].

Сошлюсь здесь на идею М.Л. Гаспарова о «золотой рамке», которая может выделить то или иное произведение, явление или персонаж из его исторического контекста. «Золотая рамка учит людей понимать друг друга: когда мы говорим “Нерон”, то это одним коротким словом рисует весьма сложный образ, одинаковый для всех, кто воспитан на европейской культуре. А снятие золотой рамки учит людей понимать самих себя: задумываться, почему именно в таком виде этот образ оказался нам нужным и был выделен нами из потока истории. Поток истории — это предмет для науки, а не для искусства… А выкристализовавшиеся из него образы соотносятся уже не с породившими их причинами, а с нашими в них потребностями: веди себя не как Нерон, а как Перикл…»[19]. Здесь тоже речь идет

[16] Радьяр 1995, 213.
[17] Радьяр 1995, 213.
[18] Трепакова 2007, 49.
[19] Хемлин 1991.

по существу о стереотипных образах, но не поверхностных, связанных с конкретно-историческими реалиями в жизни страны, а глубинных, которые неизменны длительное время[20].

В то же время этот образ — пароль, за которым скрывается целый ряд смыслов. Обнаружить значение символа — значит обнаружить сущность того, кто им пользуется. Когда говорится, что символ должен быть «интерпретирован», это означает необходимость оценить его экзистенциальное содержание. Символ связывает, физически или интеллектуально, того, кто над ним размышляет, с «широкой возможностью деятельности или событий, которые, очевидно, значимы для человека»[21].

Однако рецепция — это всегда перетолкование, т.е. интерпретация. Причем в XX веке не остается никаких фигур-символов, которые не подвергались бы интерпретации. При этом атаки на массовое сознание регулярно предпринимаются в связи с каждым значимым событием в современном мире: «… практически каждое событие, поразившее или шокировавшее в то или иное время общественность, находит свое отражение на киноэкране…»[22]. Хотя презентизм и остается важнейшей чертой массовых исторических представлений, но не только близкие по времени явления и события поражают воображение современников, а события прошлого тоже[23].

Происходят регулярные вторжения и в область сакральной символики. В XX веке были и продолжают осуществляться попытки интерпретации персонажей в этой области, хотя это, казалось бы, табу. Появляются рассчитанные на массовый интерес к сакральному образы Христа в фильмах Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», Мела Гибсона «Страсти Христовы», в книге Дэна Брауна (и одноименном фильме Рона Ховарда) «Код да Винчи». Эти интерпретаторы не задумываются над проблемой историчности Христа, она признается априорно, но при этом часто выводит авторов за пределы и эстетического, и этического[24].

Однако чаще всего интерпретатор выводит своего героя из сакральной системы, и тогда изначально сакральный символ перетолковывается уже в рамках профанного пространства. Так еще с античности было с мифическими персонажами. Приведу в связи с этим примеры двух из них — Минотавра и Прометея.

Это два конкретных историко-культурных символа, в культуре XX в. противостоящих друг другу. Прометей — покровитель человечества, принимающий муки за него (Прометей прикованный вызывает аналогии с распятым Христом) и в итоге «побеждающий». Этот символ в XX в. свидетельствует о торжестве человека. Минотавр свиреп, стремителен, непредсказуем, но всегда гибнет. Художник XX в.

---

[20] Трепакова 2007, 47–48.

[21] Радьяр 1995, 216.

[22] Трепакова 2007, 9.

[23] См., например, о массовых исторических представлениях американцев: Савельева, Полетаев 2008, 172; 179; 260–316; 319–408.

[24] В этом отношении примечательно высказывание М.Л. Гаспарова, который в интервью приводит пример с отношением Р.Ю. Виппера к вопросу об историчности Христа. М.Л. Гаспаров не разделяет, но психологически понимает позицию историка, который отказывался признать историчность Христа из чисто эстетских побуждений, ибо это признание толкало историка производить над Евангелиями то же, что и над другими источниками в поисках исторического зерна. «И оно оказывается в конце концов таким скудным, что становится жаль отшелушенного». (См.: Хемлин 1991)

наделяет Минотавра новым смыслом: он — само время. «Убивая» Минотавра, человек может видеть и призрачность собственного величия, осознавая близость своего времени и собственной природы к поверженному «чудовищу». Иногда Минотавр выглядит более человечным, и его судьба вызывает больший интерес, чем возвеличенный образ Прометея[25].

Мифические образы активно используются и в идеологических, и пропагандистских интересах. «Смыслы, аккумулируемые в исторических событиях, образуют систему символов, — мифологию или идеологию»[26]. При всем переплетении этих форм общественного сознания, особенно в обыденной ситуации, между ними есть различия: «В данном случае достаточным будет следующее различение мифологии и идеологии: мифология — спонтанно складывающийся символический универсум культуры того или иного общества, а идеология — это конструируемая интеллектуалами система образов и символов». Тем не менее, «партикулярная идеология должна строиться в соответствии с мифологией общества»[27].

Яркий пример мы видим в нашей стране в 30-х гг. XX в. В разделе «Прометей и социализм» (sic!) своей книжки «Вековые образы» автор, известный отечественный литературовед, в 1937 году написал буквально следующее: «Изумительное воплощение социалистического прометейства — жизнь и смерть Феликса Дзержинского»[28].

Образы, рождаемые в рамках мифологического сознания, сопряженные с идеологическими установками, да еще и привлекающие в качестве смысловых «наполнителей» античную мифологию, — очень жизнеспособны, в чем мы убеждаемся постоянно. И это вполне объяснимо.

«Миф — это “смыслопорождающая машина”. А так как функция смыслополагания имеет фундаментальный характер для жизни языка и культуры, то мифическое слово является культурной универсалией. … Разоблачить миф (демифологизировать действительность) невозможно, — это значило бы уничтожение способности человека действовать всерьез, способности переживать свои цели как общезначимые. … Разрушение мифологии возможно лишь на основе энергии другой, имеющейся или только нарождающейся, мифологии»[29].

Наконец, современное общество настоятельно представляет себя этически амбивалентным, как это характерно было для обществ с мифологическим сознанием. Современный человек, так же как и человек в мифическую эпоху, перестает в своих поступках поляризировать добро и зло, он не находит в реальной жизни абсолютного добра и абсолютного зла, зло немного доброе и наоборот.

Это находит яркое отражение и в массовых представлениях об античности.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. 1979: Из лекций по истории русской литературы. Вячеслав Иванов // Эстетика словесного творчества. М., 374–383.

[25] Подробнее см.: Егорова 1998, 143–148.
[26] Макаров 2001, 108.
[27] Макаров 2001, 108, прим. 2.
[28] Нусинов 1937, 178.
[29] Макаров 2001, 108–109.

Дункан А. 1992: Моя жизнь // Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин: Воспоминания. *Дести М.* Нерассказанная история. М., 3–216.

Егорова Е.Н. 1998: Прометей и Минотавр: символы древние и современные // Античность: события и исследователи / О.Л. Габелко, В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев (ред.). Казань, 143–148.

Кнабе Г.С., Свенцицкая И.С. 1996: Античность как тип культуры // Античное наследие в культуре России / Г.С. Кнабе (ред.). М., 28–51.

Лотман Ю.М. 2001: Память в культурологическом освещении // Семиосфера. СПб., 675–676.

Макаров А.И. 2001: Символическая интерпретация мифа как методологический прием // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов / Г.И. Зверева (ред.). М., 107–111.

Нусинов И. 1937: Вековые образы. М.

Радьяр Д. 1995: Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М.

Розанов В.В. 1990: Сумерки просвещения. М.

Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008: Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.

Светлов В. 1992: Дункан // Айседора. Гастроли в России. М., 48–53.

Трепакова А.В. 2007: Ценности американского кино. Жанры, образы, идеи. М.

Хемлин М. 1991: «Золотая рамка. История учит того, кто у нее учится» // Независимая газета, 02.03.1991.

Чиглинцев Е.А. 2009а: Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XXI вв. Казань.

Чиглинцев Е.А. 2009б: «Шлиман античной хореографии»: античность в творчестве Айседоры Дункан // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 30, 183–189.

Daly A. 1995: Done into Dance: Isadora Duncan in America. Bloomington.

ANCIENT WORLD IN MODERN CULTURE: RECEPTION THEORY AND PRACTICE

S. F. Chiglintsev

Academic culture and mass culture perceive and represent the ancient world in different ways. Full reception immediately from ancient heritage and its accurate reproduction is typical of academic culture. Mass culture represents antiquity as discrete stereotyped images that present new meaningful interpretations stemming from the present.

Key words: Ancient world, heritage, reception, modern culture, academic culture, mass culture, stereotyped images, interpretation.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Southeast Asian Ceramics: New Light On Old Pottery/ Ed. by John N. Miksic. Singapore: Southeast Asian Ceramic Society. Editions Didier Millet, 2009. 176 p.

Изданная к происходившей 14 ноября 2009 — 25 июля 2010 г. в Музее искусств Национального университета Сингапура выставке «Керамика Юго-Восточной Азии: новый взгляд на старую посуду» коллективная монография заслуживает пристального внимания по нескольким причинам. Во-первых, в ней собраны новейшие данные о морской археологии Юго-Восточной Азии (далее — ЮВА). Во-вторых, описываются обнаруженные в регионе гончарные печи. В-третьих, высочайшее качество цветной полиграфии позволяет максимально достоверно передать особенности выставленных предметов и убедиться в высочайшем мастерстве жителей ЮВА, создавших эти шедевры.

Коллективная монография состоит из предисловия, двух основных карт «Крупные памятники древних кораблекрушений в ЮВА» и «Гончарные печи материковой ЮВА» (p. 8–9), временной шкалы, сопоставляющей события в материковой и островной частях региона с китайской историей и датировкой обнаруженных кораблекрушений, введения, пяти глав, каталога, списка литературы и указателя.

Во введении корифей археологии ЮВА Дж.Н. Миксик излагает историю отношений Юго-Восточноазиатского керамического общества (Southeast Asian Ceramic Society/SEACS) и Музея искусств Национального университета Сингапура (Museum of Arts, National University of Singapore).

Первая глава «Новый взгляд на старую посуду: основание SEACS» П.М. Уоткинс содержит краткий обзор деятельности основателя общества Уильяма Виллетса, крупного специалиста по китайской керамике и основоположника научного изучения глиняных изделий ЮВА. Виллетсу принадлежит первый обобщающий труд по керамике региона, который был издан к первой же специализированной выставке — «Керамическое искусство Юго-Восточной Азии»[1].

Вторая глава «Вклад Роксаны Браун в изучение керамики Юго-Восточной Азии» Д.Ф. Руни описывает научные достижения трагически погибшей в 2008 г. ученицы Виллетса, с 1970-х гг. занимавшейся гончарством и гончарными изделиями региона и опубликовавшей по этой теме фундаментальное исследование[2].

Третья глава «Морская археология в Юго-Восточной Азии» М. Флеккера характеризует основные известные памятники древних кораблекрушений. Сохранность кораблей и груза, образующих закрытые археологические комплексы, далека от идеальной: как правило, их находят рыбаки и спасатели, которые в погоне за наживой достают имеющую спрос на рынке керамику. В условиях ЮВА археологам приходится довольствоваться уже повреждёнными памятниками. Тем не менее, некоторые находки можно причислить к числу крупнейших открытий археологии.

К ним относится памятник кораблекрушения Белитунг (другие названия — Бату Хитам или — по названию китайской династии — Тан) у одноимённого острова в Малайском архипелаге к востоку от острова Банка и к западу от Калимантана. Это единственный найденный в ЮВА традиционный арабский корабль *доу* (dhow). Две трети груза было разграблено в первый сезон, и М. Флеккер вынужден был работать с оставшейся частью[3]. Радиокарбонный анализ C^{14} датирует остов корабля первой половиной IX в., и эта дата подтверждается надписью на китайской чаше из Чанша — 826 г. н.э. (p. 37). Груз содержит десятки тысяч чаш из Чанша в Южном Китае и свидетельствует о значительном спросе на них в ЮВА. Чаши украшены зелёно-коричневым орнаментом в виде геоме-

[1] Willetts 1971.
[2] Brown 1988.
[3] Flecker 2000.

трического узора, цветов, растительности, свастик, китайских иероглифов, мифических созданий макар из индийской мифологии. Помимо чаш, из продукции Чанша найдены приземистые кувшины, миниатюрный кувшин с рукоятью в виде ящерицы, масляные лампы. Значительная часть керамической продукции Чанша хранилась в кувшинах производства Гуандуна. Обнаружена керамика Юе из провинции Чжецзянь с её оливково-зелёной глазурью, разнообразные изделия провинции Хэнань: чашки, чаши, кувшины. Но особенно важно обнаружение трёх нетронутых блюда с голубой подглазурью на белом фоне — древнейших образцов бело-голубой китайской керамики.

Приводимые М. Флеккером данные можно дополнить указанием на происходящие с этого корабля золотые предметы: два кольца с надписями, четыре яванские монеты *маша*, кольца с рельефом и жемчужиной, «покров целомудрия» *бадонг*[4]. В сочетании с надписью 826 г. они позволяют предполагать начало золотой чеканки на Яве как минимум в начале IX в., хотя, по мнению рецензента, более вероятна вторая половина VIII в.

М. Флеккер отмечает, что все известные корабли погибли, видимо, вследствие шторма. Он кратко описывает керамику из кораблекрушений Интан и Чиребон в Яванском море, произошедших в первой половине X в. Первое из них дало свыше шести тысяч некерамических предметов. Что до гончарных изделий, которых найдено свыше восьми тысяч[5], то они включают не только творения китайских мастеров провинций Чжецзянь, Фуцзянь и Гуандун, но и изделия тайских ремесленников — бутылки и сосуды с носиком типа *кенди*. Наличие бронзовых предметов суматранского производства, олова с Малаккского полуострова, стекла из Среднего Востока, бронзовых зеркал и серебряных брусков из Китая показывает наличие разветвлённой торговой сети. Кораблекрушение Чиребон дало более ста пятидесяти тысяч предметов. Поскольку корабль, судя по грузу, плыл на Яву, М. Флеккер задаётся вопросом: достаточно ли было людей, чтобы купить всё это обилие ремесленных изделий? По его мнению, столь значительное предложение свидетельствует о существовании значительного среднего класса, способного приобрести полный обеденный сервиз (p. 38).

В третьей главе содержится информация о кораблекрушении в Яванском море XIII в. (Java Sea Wreck), давшем свыше ста тысяч гончарных изделий из провинций Фуцзяни и Аньси, а также из знаменитого Цзиндэчженя. Описываются кораблекрушения китайских джонок начала XV в. Бакау[6] и Турианг свидетельствуют о распространении тайской керамики в Малайском архипелаге. М. Флеккер упоминает кораблекрушение в районе вьетнамского города Хойан, где была обнаружена преимущественно вьетнамская бело-голубая керамика конца XV — начала XVI в. Найденный корабль принадлежит к так называемой «традиции Южно-Китайского моря» (термин П.-И. Мангэна), сочетающей достижения юго-восточноазиатского и китайского кораблестроения.

М. Флеккер изучал кораблекрушение Биньтхуан в Центральном Вьетнаме, где была обнаружена китайская джонка начала XVII в., нёсшая груз китайской бело-голубой керамики Чжанчжоу из провинции Фуцзянь[7]. Вполне возможно, что груз предназначался для торговцев Голландской Ост-Индской компании. Исследователь упоминает кораблекрушение Ваньли (по девизу правления китайского императора Ицзюня, правившего в 1572–1620 гг.), давшее бело-голубой фарфор типа *краак* (Kraak). К сожалению, место кораблекрушения не указано на карте (p. 8).

Третья глава содержит обзор и других кораблекрушений. Среди них корабль типа *лорка* (Lorcha) в Вунгтау (Южный Вьетнам), затонувший в период правления Канси, или Сюанье (1661–1722); Камау, относящийся к правлению Юнчжэна, или Иньчжэня (1722–1735); корабль «Гельдермальсен» Голландской Ост-индской компании, затонувший в 1752 г.; местный корабль «Диана», принадлежавший англичанам и погибший в 1817 г.; китайская джонка Тек Син, отплывшая в Батавию с двумя тысячами людей и грузом более трёхсот пятидесяти тысяч керамических предметов на борту и натолкнувшаяся на Бельведерский риф рядом с проливом Геласа в Индонезии в 1822 г.; другая джонка Десару, погибшая у восточного побережья Малайзии в 1840-х гг.

Четвёртая глава «Гончарные печи Юго-Восточной Азии» Дж.Н. Миксика посвящена местному гончарному производству. В ней описываются известные гончарные печи Камбоджи, Таиланда, Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Индонезии (на острове Ява). К востоку от знаменитого храма Ангкор

[4] Ekowati Sundari 2009, 104–105.
[5] Flecker 2002.
[6] Flecker 2001.
[7] Flecker 2004.

Ват раскопаны две печи Тхнал Мрек 1 и 2, датирующиеся X в. Старше печи из района Ролуоса, расположенные в четырёх километрах к северу от храма Баконг,– они относятся к концу IX в. В целом на сегодняшний день в материковой части ЮВА известны сотни печей, тогда как островной мир пока дал лишь один памятник — Уджунгпангка около Гресика рядом с Сурабайей на Яве. В эпоху Маджапахита (XIII–XIV вв.) здесь работали гончары, и археологи обнаружили группу печей. В отличие от материковой ЮВА, где производилась глазурованная керамика, яванские находки не покрыты глазурью и обжигались при сравнительно низкой температуре (Миксик различает два вида керамики: stoneware и earthenware, характеризующиеся разной температурой обжига).

Пятая глава «Исследование торговли керамикой внутри Юго-Восточной Азии и между Юго-Восточной Азией и Китаем» Дж.Н. Миксика реконструирует историю торговых сетей в этих регионах с акцентом на роли китайской керамики. Древнейшие китайские гончарные изделия, относящиеся к эпохе Западной Хань (I–II вв.), найдены на памятнике Кхао Сам Кео в Южном Таиланде. Индийская по происхождению северная чернолощёная керамика II–III вв. найдена на том же памятнике. Из Южной Индии происходит «рулеточная» чёрнолощёная керамика I–II вв., которую Миксик называет «римско-индийской» (p. 72). Она встречается в Тьянсене и Кхао Сам Кео (Таиланд), на памятниках Южного Вьетнама, в Чакиеу и Пачунге в Центральном Вьетнаме, в районе Джакарты и на острове Бали. Тем не менее, о значительном ввозе китайской посуды не приходится говорить до IX в., т.е. эпохи Поздней Тан.

С IX в. гончарные изделия становятся одним из главных предметов китайского экспорта в островную ЮВА, что доказывается не только материалами кораблекрушений, но и археологическим изучением Суматры. В долинах рек Муси и Батангхари, где располагалось древнемалайское царство Шривиджайя, археологи нашли множество черепков эпохи поздней Тан, в том числе «зелёную керамику» (Tang green ware).

Расцвет китайского экспорта в островной ЮВА относится к династии Сун (960–1279). Росту вывоза способствовало перемещение столицы на юг, в Ханчжоу, под ударами киданей в XII в. Показательно, что основными покупателями керамики выступали жители островной части ЮВА, в то время как Ангкорская империя и другие континентальные общества, по-видимому, ввозили китайскую посуду в ограниченном объёме, вероятно, для элиты.

Дж.Н. Миксик указывает на важный памятник — кораблекрушение в заливе Хоучжу гавани Цюаньчжоу, провинция Фуцзянь, исследованный в 1974 г. Затонувший в третьей четверти XIII в. корабль нёс на борту груз юго-восточноазиатского происхождения: перец, смолу пальмы катеху (betelnuts), серую амбру, панцирь черепахи, сандаловое дерево. К продукции ЮВА археолог относит ладан, киноварь и ртуть (p. 76), но они могли иметь и переднеазиатское происхождение. Значение этого памятника состоит в том, что он документирует обратный канал торговли, показывая предметы китайского ввоза и выявляя место ЮВА в производстве и перемещении товаров.

При династии Юань (1279–1368) китайцы продолжали экспортировать керамику. Важным перевалочным пунктом в XIV в. становится Сингапур, где найден один из древнейших в ЮВА прославленный фарфор Цзиндэчженя — белый с синей подглазурью из кобальта. В XV в. ввоз фарфора в Сингапур сокращается. В эпоху ранней династии Мин (1368–≈1500) китайский экспорт резко сокращается, а порою прекращается вследствие государственного запрета внешней торговли. Это приводит к увеличению доли тайской и вьетнамской керамики на рынках ЮВА. При поздней династии Мин (1368–1644) китайский вывоз возрождается. Свидетельство тому — керамика Сватов (Swatow Ware) из Шаньтоу в Фуцзяни. Дж.Н. Миксик завершает главу обзором многообразных функций керамики в странах ЮВА, показывая её использование как в сакральных, так и повседневных целях.

После пяти глав идёт каталог выставки, составленный Дж.Н. Миксиком и Н.С.Й. Онг. Каждый предмет сопровождается подробным описанием, указываются его происхождение и датировка, размеры и местонахождение (музейные экземпляры сопровождаются официальным номером). В каталоге несколько разделов: Камбоджа, Индонезия, Малаккский полуостров, Мьянма, Филиппины, Таиланд, Вьетнам, китайская керамика из Юго-Восточной Азии, кораблекрушение Белитунг, кораблекрушение Наньхай.

Коллективная монография получилась очень содержательной. В этом большая заслуга её главного редактора Дж.Н. Миксика. Авторам удалось обобщить современные данные и создать интересную и специалистам, и любителям книгу. В отличие от предыдущей коллективной монографии

«Глиняная посуда Юго-Восточной Азии»[1], состоящей из отдельных исследований, рецензируемое издание предлагает целостный взгляд на историю керамического производства и торговли гончарными изделиями в ЮВА и в соседних странах. Хочется пожелать Дж.Н. Миксику и его коллегам дальнейших творческих успехов, а читателям — наслаждения прекрасным введением в проблемы изучения керамики Юго-Восточной Азии.

А. О. Захаров,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН

ЛИТЕРАТУРА

Brown R.M. 1988: The Ceramics of South-East Asia: Their Dating and Identification. 2nd revised edition. Kuala-Lumpur.

Ekowati Sundari 2009: Trade Ceramics from Sumatra in the collection of the National Museum (Jakarta) // Sumatra: Crossroads of Cultures / F. Brinkgreve & Retno Sulistianingdih (eds.). Leiden, 97–105.

Flecker M. 2000: A 9th Century Arab or Indian Shipwreck in Indonesian Waters // IJNA. 29. 2, 199–217.

Flecker M. 2001: The Bakau Wreck: An Early Example of Chinese Shipping in Southeast Asia // IJNA. 30.2, 221–230.

Flecker M. 2002: The Archaeological Excavation of the 10th Century Intan Shipwreck. Oxford.

Flecker M. 2004: The Binh Thuan Wreck: Containing the Complete Archaeological Report. Melbourne.

Miksic J.N. (ed.) 2003: Earthenware in Southeast Asia: Proceedings of the Singapore Symposium on Premodern Southeast Asian Earthenwares. Singapore.

Willetts W. 1971: The Ceramic Art of Southeast Asia: Introduction and Descriptive Notes, The Southeast Asian Ceramic Society, First Inaugural Exhibition. Singapore.

© 2012

Историография социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Урала в 1917–1918 гг.

Изучение периода революционных преобразований 1917–1918 гг. крайне важно для понимания проблем истории России XX–XXI вв. Именно в те годы вскрылись сущностные характеристики отечественной экономики, определявшиеся взаимовлиянием экономической и политической ситуации с культурными традициями, природно-климатическими и географическими условиями. К сожалению, большинство историков изучало революционные события на примере столицы, в которой были сосредоточены рычаги распределения экономических ресурсов страны, но не менее важно исследовать ситуацию в регионах, производивших эти ресурсы. Урал в годы революции был одним из ключевых регионов в сфере проведения новых социально-экономических и политических преобразований. Этот факт должным образом отразил в своих трудах известный советский историк Е. Н. Городецкий, назвавший Урал лабораторией рабочего контроля и последующего социалистического переустройства промышленности.

[1] Miksic 2003.

Отечественная историография социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Урала представлена довольно большим комплексом научных работ. Однако содержание большинства их них зачастую определялось идеологией советского государства, которая, как известно, претерпевала изменения в зависимости от политической ситуации в стране. Однако переход к политике гласности со второй половины 1980-х гг. не сделал изучение проблемы более объективным. Многие историки стали оценивать события советской истории с диаметрально противоположных позиций, критикуя и очерняя то, что раньше превозносилось советской идеологией. Причина этого заключалась, видимо, в традициях советского научного мышления, склонного к безапелляционным и крайним оценкам на основе принципа партийности (идеологического диктата). Эту особенность отечественной исторической науки отметили специалисты-историографы Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин[1]. Исследования, основанные на принципе замены положительных оценок на отрицательные, не ближе к истине, чем многие советские труды. Эта ситуация показала, насколько в идейном и методологическом плане отечественная историческая наука пострадала от диктата партийной идеологии. Но впоследствии, по мере свободного изучения исторических фактов и развития новых методов и теорий, ситуация начала меняться в сторону большей объективности. В целом в становлении историографии проблемы можно выделить несколько этапов:

1) В 1917–1921 гг. работы по исторической тематике имели практически-рекомендательный характер. В них осмыслялся опыт проводившихся преобразований, делались прогнозы их дальнейшего развития. В это время были написаны многие произведения лидера Советского государства и партии В.И. Ленина, определившие направление дальнейших исследований в советской историографии. Им были выдвинуты идеи политизации рабочего контроля над производством и распределением продукции, необходимости национализации промышленности и банков, демократического централизма в управлении промышленностью и др.

2) 20-е годы XX в. – этап становления советской исторической науки. В это время начинают свой творческий путь историки, подготовленные в новый советских учебных заведениях: Социалистическая академия общественных наук основана в 1918 г., Институт Маркса и Энгельса – 1920 г., Институт красной профессуры – 1921 г. и др. Начинается деятельность архивных комиссий по истории партии, собравших значительный материал по проблеме революционных преобразований.

3) 1929–1945 г. – период свертывания исторических исследований по проблеме в связи с начавшейся индустриализацией промышленности и репрессиями, а затем Великой Отечественной войной. В 1930-е гг. правительству была нужна эффективная идеология, а не историческая истина. В годы ВОВ было просто не до истории.

4) 1945 – середина 1950-х гг. – возрождение научного интереса к проблеме в связи с потребностями скорейшего послевоенного восстановления промышленности. Ведь на Урале в первой половине 1918 г. перед органами управления производством стояла такая же задача.

5) Период «хрущевской оттепели» – делаются попытки переосмыслить историю социально-экономических преобразований в промышленности России в 1917–1918 гг.

6) Конец 1960-х – середина 1980-х гг. Устанавливаются шаблоны идеологических оценок, происходивших событий. В это время идет количественное накопление знаний по проблеме, издаются обобщающие исторические труды, защищаются многочисленные диссертации. В результате архивных исследований открываются новые факты, меняющие наше представление о происходивших событиях. Создаются условия для качественного скачка в понимании происходивших преобразований.

7) Современная историография (со второй половины 1980-х гг. до наших дней) – проблемы характеризуется трудным процессом ее переосмысления, отказом от идеологических штампов, открытием новых фактов, а впоследствии формулированием более объективных теорий.

Одной из важнейших проблем на всех этапах становления отечественной историографии социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. является проблем рабочего контроля над производством и распределением продукции. В. И. Ленин считал рабочий контроль необходимым условием перехода власти в руки представителей трудящихся, а также средством преодоления экономического саботажа промышленников и предпринимателей. Идеи Ленина развил И.И. Скворцов-Степанов в свой книге «От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии», изданной в 1918 г. Он одним из первых из первых

[1] Заболотный, Камынин 2004, 16.

выделяет две формы рабочего контроля: осведомительную и распорядительную. Он делает вывод, что рабочий контроль – необходимое условие для перехода к рабочему правлению промышленностью, что это школа хозяйствования. До Октябрьского переворота контроль был осведомительным и имел цель – предотвратить саботаж предпринимателей, а после стал средством активного решения проблем национализированной промышленности. В то же время он отмечал, что органы рабочего контроля по своей сути не могли управлять заводами длительное время. Они подготовили кадры и позволили получить опыт для организации стройной системы рабочего управления национализированной промышленностью [2]. Г.В. Циперович в 1919 г. также отмечал, что рабочий контроль не мог заменить системы управления, так как это более сложный механизм. К тому же большинство правлений акционерных обществ находились в столице. Он приходит к выводу об объективной необходимости создания государственного управления промышленными предприятиями[3]. Некоторые авторы переоценивали возможности рабочего контроля. Например, в 1919 г. на Урале была опубликована статья В.Д. Галанова. Установление распорядительного контроля он сравнивал с фактической национализацией производства, что позволило ему сделать ошибочный вывод, что Симский горный округ был национализирован летом 1917 г., хотя на самом деле соответствующий декрет Совнаркома был принят 9 декабря 1917 г. [4]

С критикой распорядительного рабочего контроля в 1918 г. выступил А. Лозовский (С.А. Дридзо), разделявший в то время идеи партии меньшевиков. Рабочий контроль, который он считал «исторической необходимостью в предсоциалистический период», после установления советской власти предлагал ограничить только контролирующими, чисто осведомительными функциями, тем самым лишить его революционного содержания [5].

В 1923 году вышла книга слушательницы курсов Института красной профессуры А.М. Панкратовой. Опираясь на материалы уральских и центральных архивов, автор отмечает, что в период от февраля к октябрю 1917 г. рабочий контроль в большей степени был орудием борьбы, средством самозащиты, политическим лозунгом, способствовавшим свержению власти буржуазии. После установления советской власти рабочий контроль перерастал в государственное регулирование или даже в государственную организацию производства. Историк признает большое значение рабочего контроля в период перехода к рабочему управлению, показывает стремление фабзавкомов и профсоюзов привлечь техническую интеллигенцию не только к работе на производстве, но и к его управлению. Исследователь И.Я. Фин в 1922 г. одним из первых в историографии описал историю возникновения и деятельности фабрично-заводских комитетов и их слияния с профсоюзами. Он выявил существенные различия между этими общественными организациями[6].

В годы хрущевской оттепели большой резонанс вызвала статья В.П. Насырина «О некоторых вопросах социалистического преобразования промышленности в СССР» в журнале «Вопросы истории», в которой автор пересмотрел существовавшие оценки рабочего контроля и национализации промышленности. Историк подверг критике положения о широком и повсеместном распространении рабочего контроля и о преобладании большевиков в фабзавкомах в дооктябрьский период. Рабочий контроль после октября он считал своеобразной формой государственного капитализма, им был выдвинут тезис о карательном характере национализации промышленности в первые месяцы советской власти. Работа Насырина вызвала критику со стороны многих историков, которая во многом была реакцией на разрушение идеологических иллюзий. Статья не смогла справиться с идеологией, довлевшей над наукой, но все же вызвала к жизни дискуссии, заставила более глубоко изучать заявленные в ней проблемы, так как выяснилось, что у самих критиков позиции Насырина взгляды на проблему не совпадают. Например, был поднят вопрос о том, являлись ли органы рабочего контроля после издания Положения от 14 ноября 1917 г. государственными органами или были общественными организациями [7].

---

[2] Скворцов-Степанов 1918.

[3] Цыперович 1919.

[4] Галанов 1919.

[5] Лозовский 1918.

[6] Панкратова 1927; Фин 1922.

[7] Насырин 1956; Виноградов, Маевский 1956; Гладков 1956; Готлобер, Бабушкин 1957; Спирин 1956.

В работах уральских историков 40–50-х годов Ф. А. Александрова, Г. И. Гужвенко, Г. П. Рычковой проводится мысль о логичности перехода осведомительного рабочего контроля в распорядительную форму, что вскоре привело к национализации промышленности [8]. В работе А. Г. Егоровой большое внимание уделено анализу проблемы перехода от осведомительного к распорядительному рабочему контролю, а также рассматриваются его различные формы. В соответствии со взглядами В.И. Ленина рабочий контроль рассматривается также как одно из средств политической борьбы [9].

В 1960-е гг. возникает научная дискуссия по вопросам «широкой» и «узкой» трактовки рабочего контроля. «Широкая» трактовка отстаивалась в исследованиях В. И. Селицкого, И. И. Дорохина. В содержание понятия «рабочий контроль» они предложили включить борьбу за 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта, заключение коллективных договоров, изгнание с предприятий неугодных представителей администрации и т.д., хотя логичнее отнести данные проблемы к сфере производственных конфликтов. Также в деятельности органов рабочего контроля приоритет отдавался политической борьбе, «подрыву и уничтожению экономической и политической мощи буржуазии». Такая позиция была удобна для обоснования идеологического тезиса о широком распространении рабочего контроля в дооктябрьский период. Академик И. И. Минц и З. В. Степанов, стараясь быть более объективными, начали критиковать данную точку зрения и предложили ограничить сферу деятельности органов рабочего контроля решением вопросов, связанных со стабильной работой производства: снабжением предприятий сырьём, материалами, топливом, организационно-техническими вопросами, сбытом продукции, контролем за состоянием финансов, за производительностью труда и т.д. Однако в этой ситуации победила точка зрения о «широкой» трактовке рабочего контроля, так как она более согласовывалась с советской идеологией и политическими воззрениями В. И. Ленина [10].

Уральские историки 1960-х годов, следуя идеологическим указаниям, стали развивать «широкую» трактовку термина «рабочий контроль». Следует упомянуть З. А. Аминева, Ф. П. Быстрых, Е. И. Дударь, Л. А. Вагапову, Н. К. Лисовского, В. С. Самигулина, И. М. Шакинко, которые на местном материале исследуют проблемы установления рабочего контроля в рамках «широкого» толкования этого термина, рассматривают также процесс национализации промышленности [11].

Л. Е. Анкудинова, проанализировав работы предшественников и источниковую базу, делает вывод, что развитие рабочего контроля после установления Советской власти шло от низших форм к высшим, от контроля над приемом и увольнением к обеспечению предприятий сырьем, топливом, финансами и организации всего процесса производства. После национализации промышленности главной обязанностью органов рабочего контроля стало оказание помощи вновь созданным коллегиальным органами управлениям в налаживании ритмичной работы предприятий [12].

Ведущий советский специалист по истории революционных преобразований 1917–1918 гг., академик И. И. Минц в своем знаменитом трехтомнике делает обобщающий предшествующие исследования вывод, что рабочий контроль был одним из важных условий перехода власти в руки большевиков. По его мнению, контроль позволил трудовым коллективам получить опыт, необходимый для организации рабочего управления национализированным производством[13].

Из зарубежных авторов следует отметить М. Бринтона, составившего хронику важнейших событий по истории рабочего контроля с 1917 г. по 1921 г., в которой он предлагает читателям сравнить, как реальная политика большевиков соотносилась с их идеологическими установками. А. Гершенкрон дает отрицательные оценки рабочему контролю над производством. Он определяется им как стремление рабочих получить предприятие в собственность, а национализация объявляется процессом, направленным не только против хозяев, но и против анархо-синдикалистских устремлений рабочих. Впоследствии почти идентичные воззрения проявятся в работах Р. Пайпса. Такие оценки

---

[8] Александров 1951; Гужвенко 1941; Рычкова 1947.

[9] Егорова 1960.

[10] Селицкий 1957; Дорохин 1960; Степанов 1967; Селицкий 1968.

[11] Аминев 1966; Быстрых 1960; Вагапова 1959; Дударь 1967; Лисовский 1957; Самигулин 1959; Шакинко 1966.

[12] Анкудинова 1963.

[13] Минц 1978.

также не были свободны от идеологии, но уже западной, так как в период «холодной войны» все советское оценивалось преимущественно отрицательно[14].

В историографии 1990-х гг. были высказаны новые оригинальные теории о сущности рабочего контроля над производством и распределением продукции. Например, К.В. Титов попытался найти в рабочем контроле возможности для социального компромисса, указав на тот факт, что наиболее дальновидные уральские промышленники призывали смириться с осведомительным рабочим контролем, чтобы успокоить трудовые коллективы и ослабить влияние на них большевиков. Д.О. Чураков считал, что рабочий контроль в условиях революции и экономического кризиса был проявлением общинных традиций, еще не изжитых уральскими рабочими, которые таким способом пытались отстоять свои интересы. Являлся попыткой установления рабочего самоуправления на производстве[15].

Гораздо менее изучена в отечественной историографии проблема альтернативы рабочему контролю в форме примирительных учреждений: примирительных камер и третейских судов. Изучение социального партнерства противоречило господствующей идеологии, для которой самой важной проблемой в годы революции считалась классовая борьба. В результате немногочисленные исследования по этой проблеме выходили либо непосредственно в революционный период и первые годы советской власти, либо уже на современном этапе. В 1917 г. были изданы две брошюры И. Войтинского, С.О. Марголина, освещающие историю создания и первые результаты деятельности примирительных учреждений. В книгах анализируется их деятельность по решению производственных конфликтов, как в западноевропейских государствах, так и в нашей стране, то есть зарубежный опыт сравнивается с отечественным. Делается вывод о необходимости скорейшего распространения системы примирительных учреждений в революционной России. Авторы ставили перед собой цель раскрыть значимость их работы для сохранения стабильности и демократии в обществе. Несомненным достоинством является публикация в приложениях этих книг ряда уникальных документов по истории создания примирительных учреждений в России [16].

В конце 1920-х гг. о деятельности примирительных камер упоминается в статье Н. Дмитриева, посвященной производственным конфликтам в стране. Однако деятельность примирительных учреждений оценивается автором скептически, исходя из идеологических принципов правящей партии большевиков. Автор указывает, что, несмотря на отдельные успехи в деле разрешения производственных конфликтов, в целом их деятельность была обречена на неудачу, так как буржуазия не хотела идти на уступки, а рабочие свои классовым сознанием понимали неизбежность дальнейшей борьбы за свои права[17]. На Урале в 1927 г. издается сборник документов в трех томах «Рабочий класс Урала в годы войны и революций» под редакцией А.П. Таняева. Во втором томе этого сборника приводятся документы по истории примирительных камер на Урале.

В последующем эта тема почти не изучается в советской историографии. Примирительные камеры упоминались в трудах Н.К. Лисовского и Ф.П. Быстрых, посвященных 50-летию революции 1917 г., но лишь критически и в объеме не более полутора страниц из нескольких сотен[18].

В постсоветской России интерес к теме возродился, но, к сожалению, это историческое явление уже было стерто даже из памяти многих историков, и трудов по этой проблем за 20 лет после распада СССР вышло крайне мало. В 90-е гг. вышел ряд публикаций петербургского историка М.В. Ходякова, посвященных созданию и деятельности примирительных камер в России, но он использовал материалы, прежде всего, об их деятельности в столицах [19]. В статьях А.В. Буданова были представлены новые сведения о создании и работе примирительных камер на Урале, проанализированы сложности на пути их создания, сделан вывод, что эти организации действовали и при советской власти до середины 1918 г., а также под властью правительств демократической контрреволюции [20].

---

[14] Brinton 1962; Пайпс 1994.
[15] Титов 1991; Чураков 1998.
[16] Войтинский 1917а; 1917б; Марголин 1917.
[17] Дмитриев 1928.
[18] Лисовский 1967.
[19] Ходяков 1995; 1997.
[20] Буданов 2006.

В советской историографии также замалчивалась деятельность политических противников большевиков, несмотря на то, что представители так называемых мелкобуржуазных партий (меньшевиков, эсеров и т.д.) принимали активное участие в социально-экономических преобразованиях в стране. В советское время исследование их деятельности запрещалось даже на уровне архивов, сведения о них, выписанные историками, могли изыматься или заштриховываться. В научных трудах разрешалось лишь критика представителей этих партий. Первые специальные исследования по этой теме появились в период «хрущевской оттепели». В них помимо деятельности противостоящих большевикам социалистических партий анализировалась работа фракций внутри РКП (б) в годы революции. Это было несомненным достижением советской историографии, несмотря на то, что действия оппозиционных сил в этих работах исключительно критиковались. Следует отметить монографии К.И. Варламова, Н.А. Сламихина, М.В. Спиридонова, П.И. Соболевой. Особое внимание в историографии уделяется идейным столкновениям В.И. Ленина, большевистской партии с «левыми коммунистами» по вопросу о путях экономического строительства в нашей стране. Авторы акцентируют внимание на догматическом подходе «левых коммунистов» к проблемам социалистического обобществления средств производства, на возможности использования государственного капитализма в социалистическом строительстве, финансовой политике, повышении производительности труда, создании социалистической системы управления народным хозяйством. Авторы определили позицию «левых коммунистов» в решении организационных задач первых социально-экономических преобразований, как объективно смыкавшуюся с позицией буржуазных сил, а также меньшевиков и эсеров [21].

Большое внимание в советской историографии уделялось проблеме национализации промышленности. Основным спорным вопросом в историографии этой темы является вопрос о том, носила ли национализация промышленности карательный или планомерный характер. От решения этого вопроса во многом зависело решение проблемы определения задач, а следовательно, оценка результатов деятельности органов рабочего управления национализированным производством. Большой вклад в разработку проблемы внес В.П. Милютин. Автор делает вывод о преимущественно карательном характере национализации промышленности в первые месяцы советской власти. Он определяет ее как ответ большевиков на саботаж промышленников, но масштабы национализации явно недооценивались Милютиным, так как он опирался на неполные данные ВСНХ. Он установил, что на Урале национализация промышленности осуществлялась более высокими темпами, здесь собственностью Советской Республики стало 80 процентов всех металлургических и металлообрабатывающих предприятий. Несмотря на карательный характер национализации промышленности, В.П. Милютин подчеркивает, что «даже в этот первоначальный период национализация промышленности в общем шла по правильному пути, захватывая, главным образом, тяжелую индустрию». Он выделяет два этапа национализации предприятий в Советской Республике: с октября 1917 г. по июнь 1918 г. и с конца июня 1918 г. Милютин отмечает, что на втором этапе национализация приобретает более планомерный характер, основанный на экономической целесообразности [22].

Мнение о карательном, а потому несколько деструктивном характере национализации разделяли и другие большевики, бывшие современниками тех событий. Ю. Ларин и Л. Крицман, размышляя о специфике социалистического способа производства в России, большое внимание уделили анализу борьбы рабочего класса под руководством большевиков за предотвращение хозяйственной разрухи и налаживание ритмичной работы национализированных предприятий, железнодорожного и водного транспорта. Вместе с тем они признают, что революционно-преобразующая деятельность рабочего класса «проявилась в хаотическом изгнании капиталистов и захвате предприятий, которое неизбежно сопровождалось разрывом старых хозяйственных связей и нередко приводило к остановке предприятий» [23].

Писавший примерно в те же годы оппонент большевиков А. Лозовский (С.А. Дридзо) считал, что в России отсутствуют экономические предпосылки для социалистического преобразования народного хозяйства, автор не верил в революционный опыт рабочего класса и доказывал его неподготовленность к самостоятельному, без фабрикантов и заводчиков, руководству обобществленным

[21] Варламов, Сламихин 1964; Спиридонов 1965; Соболева 1968.
[22] Милютин 1918.
[23] Ларин, Крицман 1920.

производством. Вместо начавшейся национализации промышленности, которую А. Лозовский считал временной мерой, так как советская власть вскоре вынуждена будет от ее дальнейшего осуществления отказаться, настоятельно предлагал «пустить в ход всю торгово-промышленную машину». Недооценивая создававшееся на национализированных предприятиях коллегиальное рабочее управление, А. Лозовский (С. А. Дридзо) пытается убедить читателей в том, что оно будет постоянно расходиться с общими настроениями и требованиями трудовых коллективов. «Вот почему переход отдельного предприятия в руки рабочих не только не социализм, – подчеркивает автор, – а наоборот, это шаг назад, это укрепление капиталистического способа производства, хотя и на новых началах» [24].

Таким образом, авторы-современники процесса национализации промышленности, не зависимо от политических убеждений, сходятся во мнении о преобладании карательных мотивов в национализации промышленности над планированием. В дальнейшем под влиянием идеологии оценки историков начинают меняться. Как ни странно, к вопросу о национализации промышленности вернулись в 1930-е гг., когда историческая наука переживала не лучшие времена. Атмосфера политических репрессий заставляла замалчивать спорные вопросы. В середине 30-х годов была ликвидирована секция истории пролетариата СССР, а ведущим центром изучения истории социалистических преобразований промышленности становится Институт экономики. Одной из основных тем становится национализация промышленности. Достоинством работ 30-х является стремление установить точное количество национализированных предприятий в стране и на Урале в частности. Следует отметить публикации И. Михеева, Я. Резвушкина, М. Рубинчика, Б. М. Фрейдлина. Михеев в своей статье сделал вывод о том, что данные ВСНХ о числе национализированных предприятий в стране за май 1918 г. являются сильно заниженными. В статье Я. Резвушкина анализируется процесс национализации ряда горных округов на Урале и делается вывод о том, что рабочий контроль неизбежно должен был привести к национализации промышленности и организации рабочего управления [25]. В дальнейшем тезис о прямой логической связи рабочего контроля с национализацией промышленности и организацией рабочего управления станет практически общепризнанной в советской историографии.

В 40-е годы издаются исследования З. В. Атлас и М. С. Атлас, посвященные национализации банков и созданию финансовой системы в советской России. Они приходят к выводу, что национализация и централизация банковского дела, льготное финансирование промышленности позволили большевикам не только избежать промышленного краха сразу же после начала национализации, но и сохранить в своих руках политическую власть [26].

В последующие годы начинает все более утверждаться в качестве идеологической догмы тезис о планомерности и продуманности процесса национализации промышленности в Советской России. Историки даже начинают делать фактические ошибки либо подгонять факты, стараясь утвердить этот тезис. В качестве примера можно указать на выше упомянутые монографии Ф. П. Быстрых и Н. К. Лисовского. Лисовский утверждает, что сложный процесс национализации частных коммерческих банков завершился в конце декабря 1917 г. – январе 1918 г., на самом деле он продолжался весь 1918 г. Неверно и утверждение автора о том, что Златоустовский горный округ был национализирован в апреле 1918 г. решением Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов. На самом деле, будучи казенным, он сразу же после октябрьского переворота стал достоянием советского государства. Преувеличивал темпы национализации промышленности и Ф. П. Быстрых, говоря, что этот процесс по всей стране завершился уже к середине 1918 г.[27]

Историки периода «развитого социализма» Д. А. Баевский, Е. Н. Городецкий, Д. А. Коваленко уже твердо и безапелляционно отстаивают идеологический тезис о планомерности процесса национализации промышленности. Заслугой этих авторов является введение в научный оборот новых архивных документов и глубокий анализ ранее опубликованных источников. Это позволило Е. Н. Городецкому и Д. А. Коваленко установить более точные и достоверные данные о количестве

---

[24] Лозовский (Дридзо) 1918.
[25] Михеев 1936; Рубинчик 1936; Фрейдлин 1933.
[26] Атлас 1948; 1940.
[27] Лисовский 1967; Быстрых 1967.

национализированных предприятий в первый год диктатуры пролетариата как в целом в Советской Республике, так и в отдельных ее регионах, в том числе Уральском [28].

Однозначные суждения были высказаны в 6-томной «Истории советского рабочего класса» и в первом томе «Истории социалистической экономики СССР». В них критикуется тезис «буржуазной историографии» о стихийном и бессистемном характере национализации промышленности в советской России, подчеркивается обдуманность и взвешенность этого процесса [29].

В западной историографии отношении к национализации промышленности в России было, действительно, критическим. Например, Дж. Кип приходит к выводу о карательном характере национализации промышленности [30]. Оригинальную теорию выдвинул Э. Карр. Он считал, что рабочий контроль обладает анархо-синдикалистской сущностью, что посредством контроля рабочие стремились захватить предприятия и сделать их своей коллективной собственностью. Большевики же для борьбы с синдикализмом провели национализацию, создавая рабочее управление, подчиненное государству. В качестве примера такой схемы приводится проект организации управления национализированной промышленностью Ю. Ларина от 3 марта 1918 г., что не совсем верно, так как проект оказался неудачным, был отвергнут на местах и вскоре заменен другим. В целом теорию Кара трудно признать обоснованной [31].

В истории промышленности горнозаводского Урала в первой половине 1918 г. важнейшей проблемой является создание и деятельность органов рабочего управления национализированным производством. В советской историографии эта проблема долгое время не могла быть решена. Причин было несколько. Во-первых, история Урала рассматривалась лишь как дополнение к общероссийской истории. Однако именно на Урале был создана своя оригинальная и результативная система рабочего управления, причем появилась она гораздо раньше, чем были созданы органы управления национализированным производством в России в целом. Этот факт долгое время оставался незамеченным даже многими авторитетными советскими историками. Во-вторых, после открытия деловых советов сам факт их существования оказался в конфликте с рядом положений советской идеологии, например, о лидирующей роли центрального комитета партии большевиков в хозяйственном строительстве, об отставании организаторских способностей уральского пролетариата от рабочих центра страны. Также подспудно могла возникнуть мысль о наличии успешных альтернатив политики хозяйственного строительства проводимой руководством Советского государства.

В целом в первые годы советской власти, когда идеологический контроль еще не был всеохватывающим, в исторических статьях делались довольно откровенные выводы. Например, первый председатель ВСНХ Н. Осинский (В. В. Оболенский) писал о том, что в первые месяцы своего существования ВСНХ не справлялся в полной мере со своими обязанностями, так как находился еще в процессе формирования [32]. Эта информация подтверждает тезис о самостоятельной организации рабочего управления уральскими хозяйственными руководителями и трудящимися.

Еще более критично в начале 1920-х гг. оценивали перспективы большевистского хозяйственного строительства эмигранты. Например, в книгах Д. Далина и статьях П. Б. Струве основной мыслью является несвоевременность и невозможность проведения социалистических преобразований в России, так как революция была исключительно буржуазной. Далин высказывает мысль о скором «обуржуазивании» советской системы, но в «уродливой форме». Струве считает, что большевики не смогут организовать эффективное управление промышленностью, что приведет к её окустариванию и краху, так как на том этапе позитивных результатов могла достичь только частная промышленность [33]. Однако эти авторы не были знакомы с уральским опытом проведения преобразований.

В дальнейшем советская историография 1940-х – 1950-хх гг. шла по пути накопления научных фактов и обоснования идеологических схем. Оригинальные идеи не появлялись, так как изначально подавлялись идеологическим прессингом.

---

[28] Баевский 1974; Коваленко 1976;. Городецкий 1987.
[29] Гапоненко 1984; Виноградов, Воробьев, Гладков, Капустин 1976.
[30] Кеер 1976.
[31] Карр 1990.
[32] Оболенский 1918.
[33] Далин 1999.

Работы А. Васильковой, С. М. Бабушкина, И. А. Гладкова, П. И. Лященко[34] анализируется преимущественно работа центральных органов управления экономикой, а также утверждается тезис о планомерности социалистических преобразований в Советской России.

В конце 50-х – первой половине 60-х гг. расширился круг изучаемых явлений, исследования стали более глубокими, что во многом связано с перемещением центров научных исследований в вузы, с более частым проведением научных конференций по проблемам революции и социалистического строительства, с расширением источниковой базы. Возросло и количество научных исследований. Исследования опять-таки обошли деловые советы молчанием. В работах А. Воронецкой, Е. Н. Городецкого, С. Гершберга, В. З. Дробижева, Е. Д. Козочкиной, Ф. В. Самохвалова, Н. П. Силантьева особое внимание уделяется теме создания центральных органов управления народным хозяйством, рассматривается проблема становления принципа «демократического централизма» в управлении промышленностью и народным хозяйством в целом, который в угоду политическому моменту противопоставлялся директивным методам руководства промышленностью в сталинский период[35]. Заметный шаг в изучении проблемы сделал Ф. В. Самохвалов, проанализировав проект организации управления национализированной промышленностью, разработанный Ю. Лариным, но отвергнутый на Урале.. В работах Л. С. Механика исследованы основные составляющие политики государственного капитализма (марта – мая 1918 г.) [36]. Система государственного финансирования и кредитования промышленности в период её национализации, становлении хозяйственного расчета анализировались в работах Б. Ривкина. Исследователь акцентировал внимание на организации и организации финансового обеспечения предприятий, перешедших в собственность Советской Республики [37].

Историки 1970-х гг. Ю. К. Авдаков, Д. А. Баевский, В. А. Виноградов, Л. С. Гапоненко, Е. Г. Гимпельсон, Е. Н. Городецкий, Д. А. Коваленко, Г. А. Трукан в своих монографиях по истории рабочего класса и становлению советской системы управления народным хозяйством также не уделили внимания анализу деятельности деловых советов на Урале [38].

Г. А. Трукан упоминает деловые советы в своих работах, но подробностей их создания и деятельности не раскрывает. Автор уделяет внимание анализу социального и партийного состава советских управленцев-хозяйственников.

Е. Г. Гимпельсон процесс создания советской системы управления народным хозяйством разделяет на три периода. Первый период совпадает с началом «красногвардейской атаки» на капитал, когда вместо ликвидированного буржуазного аппарата создавались и проверялись на практике различные организационные формы рабочего управления обобществленным производством. Второй период приходится на весенне-летние месяцы 1918 года. В период временной передышки, полученной Советской Республикой в результате заключения Брестского мирного договора, вопросы хозяйственного строительства и управления экономикой становились самыми главными. Третий период начался с момента реализации декрета Совета народных комиссаров от 28 июня 1918 г. о национализации ряда отраслей промышленности, когда одновременно с дальнейшим совершенствованием системы управления экономикой на основе решений первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства шла ее перестройка, обусловленная начавшейся гражданской войной.

И. Б. Берхин, Е. Н. Городецкий и Р. М. Савицкая анализируют планы В. И. Ленина в сфере социалистического строительства. Делают вывод об их изменении и конкретизации после захвата власти большевиками [39].

---

[34] Бабушкин 1955; Василькова 1947; Гладков 1956; Лященко 1956.

[35] Воронецкая 1957; Гершберг 1957; Дробижев 1966; Козочкина 1964; Самохвалов 1964; Силантьев 1957.

[36] Механик 1961, 1957.

[37] Ривкин 1957.

[38] Авдаков 1971; Баевский 1974; Виноградов 1983; Гапоненко 1970; Гимпельсон 1977; Коваленко 1976; Трукан 1977.

[39] Берхин 1970; Савицкая 1981.

На Урале историографию революционных преобразований в 1917 – 1918 гг. разрабатывали З. А. Аминев, А. Д. Антонов, О. А. Васьковский, И. С. Капцугович, Н. К. Лисовский, Т. С. Томшич[40]. Проанализировав политические преобразования, авторы не смогли проанализировать особенности уральских органов рабочего управления национализированным производством, исследовать их деятельность.

Сложные процессы национализации промышленности, создания рабочего управления производством, повышения производительности труда, укрепления дисциплины и улучшения экономического положения трудящихся масс рассматривают в этот период К. Н. Вотинова, М. А. Дашевская, Д. А. Цейтлин, Н. П. Селиванов, В. В. Камышлейцев, С. С. Козьмин. Так, Н. П. Селиванов раскрыл организационную структуру деловых советов, показал сложности формирования хозяйственного аппарата. М. А. Дашевская и Д. А. Цейтлин одними из первых на Урале сумели показать особенности перехода от рабочего контроля к рабочему управлению производством, осветили проблему демилитаризации промышленности, борьбу рабочих за повышение производительности труда и улучшение материального снабжения. Однако статьи уральских историков были небольшими и опирались на ограниченное число источников [41]. В монографии П. Г. Матушкина подробно рассказывается о зарождении и реализации Урало-Кузбасского проекта[42].

Проблемой организации управления национализированным производством Урала занимались также историки В. С. Голубцов и Г. Г. Гараев [43]. Монографии этих исследователей охватывают довольно широкий период с 1917 г. до начала 20–х гг., что не позволило им детально изучить многообразную работу деловых советов. Одной из заслуг В. С. Голубцова является то, что в его работе собраны биографии наиболее значимых деятелей рабочего управления, уделяется внимание общему анализу составов деловых советов. В работе Г. Г. Гараева подробно описан процесс работы съездов по организации управления национализированной промышленностью, создание Областного правления национализированных предприятий и т.д.

Качественный скачок в изучении проблемы организации рабочего управления национализированным производством удалось сделать уральскому историку А. П. Абрамовскому. Исследователь изучил большое количество ранее малоизвестных архивных материалов, а также достижения предшествующей историографии и выявил, значительные проблемы в изучении проблемы. Работу историка поддержал академик И. И. Минц, ставший научным консультантом исследователя. Внеся заметный вклад в изучение рабочего контроля над производством и распределением продукции, национализации промышленности, А. П. Абрамовский обстоятельно изучил работу деловых советов Урала по демилитаризации промышленности, организации финансирования, тарифного дела, снабжения и сбыта, налаживания дисциплины, в целом восстановления нормальной работы национализированной промышленности в условиях революционного кризиса [44]. Однако в советское время автор столкнулся со значительными трудностями при публикации монографических исследований, так как идеологические органы опасались развивать тему успешного взаимодействия рабочих, инженеров и техников, сумевших самостоятельно без поддержки столичных партийных органов организовать результативную систему управления. В 90-е годы исследователем были собраны биографии многих руководителей и членов советов рабочего контроля, деловых советов, Областного правления национализированных предприятий Урала. А. П. Абрамовский изучил причины конфликтов и разногласий между уральскими хозяйственными органами и ВСНХ в 1918 г. Автором исследована проблема формулирования и подготовки к реализации перспективных планов развития уральской индустрии [45].

Под его руководством А. Л. Филоненко с новых методологических позиций рассмотрел историю создания и деятельности ВСНХ. В его монографии особое внимание уделено отношениям между Областным правлением национализированных предприятий Урала и Высовнархозом. В ра-

[40] Аминев 1967; Антонов 1975; Лисовский 1968; Капцугович 1976; Томшич 1983; Историография социалистического строительства на Урале 1982.

[41] Вотинова 1966; Дашевская 1968; Селиванов 1970; Камышлейцев 1973; Козьмин 1981.

[42] Матушкин 1966.

[43] Голубцов 1975; Гараев 1984.

[44] Абрамовский 1969а; 1969б; 1991; 1993; 1997; 1999.

[45] Абрамовский, Кобзов 2001а; 2001б; 2001в; 2003; Абрамовский 2006.

боте проанализированы попытки руководства ВСНХ установить жесткий контроль над всей уральской индустрией в рамках политики борьбы с «областничеством», рассмотрена также деятельность Уралсекции, проанализированы причины, помешавшие скорой организации Уральского Облсовнархоза, и т.д. Отдельную монографию А. Л. Филоненко посвятил деятельности Ю. Ларина, где большое внимание уделено рассмотрению его работы в ВСНХ по централизации управления промышленностью [46].

А.В. Буданов под руководством А. П. Абрамовского в начале 2000-х гг. продолжил работу по изучению истории социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. Исследователь уже не был стеснен идеологическими рамками, что позволило приступить к анализу истории создания и деятельности коллегий инженеров на казенных заводах Урала. Коллегии инженеров стали прообразом деловых советов, отработанной в революционных условиях формой организации управления промышленностью [47].

Ранее об этих структурах историки могли только упоминать. Например, во вводных очерках сборника документов «Рабочий класс Урала в годы войны и революций», написанных Е. Гольдич, А. Бессоновой. Здесь впервые упоминается о создании коллегий инженеров при горных начальниках казенных заводов Урала. Все же их деятельность освещается неоднозначно: А. Бессонова оценивает данные организации как попытку отвлечь трудовые коллективы от рабочего контроля, Е. Гольдич – видит в них прообраз деловых советов [48]. В 1967 г. в монографии Б. М. Фрейдлина о рабочем движении 1917 года поднимается вопрос о сущности коллегий инженеров на казенных заводах Урала, но в оценках и используемых фактах не идет дальше, чем А. Бессонова и Е. Гольдич [49].

В 2008 г. издается монография А. П. Абрамовского и А. В. Буданова, в которой анализируются проблемы социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Южного Урала в 1917–1918 гг.[50]

В 1990–2000-х гг. был издан ряд монографий по изучению социально-культурных характеристик уральских рабочих. Эти исследования базировались на культурологических парадигмах. Ранее подобные работы могли опираться лишь на марксистско-ленинскую идеологию. Например, в 1925 г. И. Подшивалов проанализировал социально-психологический портрет уральских рабочих, совмещавший, по мысли автора, отдельные черты крестьянской социальной психологии с менталитетом индустриальных рабочих[51]. А. Г. Рашин, проанализировав социально-экономическое положение рабочих металлистов, пришел к выводу, что у них ослабла связь с землей, основным источником существования становится труд на заводах. Делается вывод, что эта группа российского пролетариата была вполне готова к проведению революционных преобразований[52]. В советское время В. В. Адамов был близок к социокультурной парадигме. Он считал основной проблемой уральской индустрии «оригинальный строй», являвшийся наследием крепостничества, проявлением которого была горнокружная система [53].

Современные социально-культурные исследования зачастую опирались на теорию модернизации. Социокультурный облик рабочих Урала с новых методологических позиций был проанализирован в работах Ю. Д. Коробкова, С. П. Постникова, М. А. Фельдмана. Авторы рассматривают такие значимые проблемы, как менталитет, политические взгляды, социальный состав, образование, землепользование уральских рабочих и т.д.[54] В 2001 г. была издана монография М. А. Фельдмана, где на основе теории модернизации проанализирована история рабочего класса Урала с 1914 г. по 1941 г. Автор внес большой вклад в исследование проблемы установления численности уральского рабочего класса и предложил классификацию различных его слоев на основе соответствия нормам индустриального общества, проанализировал социальные трансформации, происходившие в раз-

---

46 Филоненко 1997.
47 Буданов 2005а; 2005б; 2006а; 2006б.
48 Бессонова 1927; Гольдич 1927.
49 Фрейдлин 1967.
50 Абрамовский, Буданов 2008.
51 Подшивалов 1925.
52 Рашин 1930; Таняев 1931.
53 Адамов 1972.
54 Коробков 2003; Постников. Фельдман 2006.

ных его группах и т.д.[55] Эти работы позволили выявить причины, по которым одни деловые советы действовали более успешно, чем другие.

Таким образом, на современном этапе задачей историков, изучающих социально-экономические преобразования в промышленности Урала в 1917–1918 гг., является преодолением наследия идеологического контроля над советской наукой. При этом легкого решения этой проблемы нет, так как простая замена положительных идеологических оценок на отрицательные будет не ближе к истине, чем выводы советской идеологии. Все-таки нужно признать, что ряд идеологически верных оценок может оказаться близким к истине.

В целом историческая наука за почти столетие изучения этой темы обогатилась набором теорий и огромным количеством фактов и материалов. Однако многие темы до сих пор недостаточно изучены по причине их идеологической опасности. В дальнейших исследования нуждается деятельность оппозиционных большевикам политических партий, участвовавших в социально-экономических преобразованиях (как социалистических, так и буржуазных). Необходимо дальнейшее исследование проблем создания и деятельности коллегий инженеров на казенных заводах Урала; деятельности органов социального партнерства (например, примирительных камер).

В переосмыслении нуждаются и хорошо изученные в советской историографии темы. Например, необходимо определиться с пониманием сущности и задач рабочего контроля над производством и распределением продукции (проблема политизации, «широкого» и «узкого» толкования, осведомительной и распорядительной форм). Необходимо определить степень планомерности процесса национализации промышленности, либо признать ее исключительно карательный характер, так как от этого зависит оценка деятельности органов рабочего управления национализированным производством. В результате можно будет сделать вывод, боролись ли деловые советы с последствиями экономического и политического кризиса или приступили к строительству социализма. Исходя уже из решения этой проблемы, можно будет сделать вывод о результативности их работы.

Необходимо также на уровне монографии обобщить результаты исследования проблемы создания и функционирования деловых советов – органов коллегиального управления национализированным производством Урала.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамовский А.П. 1969а: Деятельность партийных организаций и профессиональных союзов Южного Урала по выработке и осуществлению единой тарифной политики (ноябрь 1917-1918 г.) // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск.

Абрамовский А.П. 1969б: Профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты Южного Урала в борьбе за введение рабочего контроля (ноябрь 1917 г. – 1918 г.). // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск.

Абрамовский А.П. 1981: Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск.

Абрамовский А.П. 1993: Демилитаризация уральской горнозаводской промышленности: замыслы и осуществление // ВЧГУ. Сер. I. История. 2, 3-21.

Абрамовский А.П. 1995: Красногвардейская атака на капитал: национализация крупных горных округов и промышленных районов Урала // Вестник Челябинского государственного педагогического института. Исторические записки. 1, 73-84.

Абрамовский А.П. 1997: Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала (Екатеринбург, 1–5 декабря 1917 года) // Проблемы социально-экономического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск.

Абрамовский А.П. 1999: Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917- май 1918) // Урал в событиях 1917-1921гг. Актуальные проблемы изучения: Материалы регионального научного семинара 24-25 апреля 1999 г., г. Челябинск / И.В. Нарский (ред.). Челябинск.

[55] Фельдман 2001.

Абрамовский А. П. 2003: Андроников Владимир Николаевич // Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск.

Абрамовский А. П. 2006: Рассохин Константин Михайлович // Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск.

Абрамовский А. П. Буданов А. В. 2008: Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск.

Абрамовский А. П., Кобзов В. С. 2001а: Васенко Евдоким Лукьянович (1882–1918) // Челябинск: Энциклопедия. Челябинск.

Абрамовский А. П., Кобзов В. С. 2001б: Сорокин Егор Антонович (1890– ?) // Челябинск: Энциклопедия. Челябинск.

Абрамовский А. П., Кобзов В. С. 2001в: Сулимов Данила Егорович (1890–1937) // Челябинск: Энциклопедия. Челябинск.

Авдаков Ю. К. 1971: Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.). М.

Адамов В. В. 1972: Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск.

Александров Ф. А. 1951: Борьба за власть советов в Башкирии в 1917 г. Уфа.

Аминев З. А. 1966: Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа.

Аминев З. А. 1967: Историография Октябрьской революции в Башкирии // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917–1967). Свердловск.

Анкудинова Л. Е. 1963: Национализация промышленности в СССР (1917–1920 гг.). Л.

Антонов А. Д. 1975: Историография Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти на Урале (март 1917 – июль 1918). Пермь.

Атлас З. В. 1940: Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М.

Атлас М. С. 1948: Национализация банков в СССР. М.

Бабушкин С. М. 1955: О сущности социалистической национализации промышленности в СССР // Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Вып. 14. Свердловск.

Баевский Д. А. 1974: Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921). М.

Берхин И. Б. 1970: Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М.

Бессонова А. 1927: Уральские рабочие за период февраль – октябрь 1917 // Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Т. II.

Буданов А. В. 2005а: Совещательно-исполнительные коллегии Златоустовского горного округа в 1917-1918 годах // ВЧГУ. Сер. 1. История. 2, 76 – 88.

Буданов А. В. 2005б: Становление финансовой отчетности национализированных предприятий Урала в 1918 году // Актуальные проблемы железнодорожного транспорта / В.Л. Федяев (ред.). Челябинск, 96-99.

Буданов А. В. 2006а: Внесудебное рассмотрение трудовых споров на Урале в 1917–1918 гг. // Южноуральский историко-юридический вестник. 1, 227-239.

Буданов А. В. 2006б: Материалы ОГАЧО о работе примирительной камеры при Совете профессиональных союзов Челябинского района в 1918–1919 гг. // Архивное дело в Челябинской области (информационный вестник). Ч. II / А. П. Финадеев (ред.). Челябинск, 69-73.

Буданов А. В. 2006в: Становление органов рабочего управления национализированным производством Урала (декабрь 1917 — май 1918 гг.) // ПИФК. XVI/3, 163–168.

Быстрых Ф. П. 1960: К вопросу о рабочем контроле в уральской промышленности в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Ученые записки Уральского университета. 33, 3-12.

Ф.П. Быстрых (ред.). Победа Октябрьской Социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967.

Вагапова Л.А. 1959: Осуществление рабочего контроля над производством в Башкирии // Октябрьская революция и рождение советской Башкирии. Сб. ст. / Р.Г. Кузеева, Б.Х. Юлдашбаева (ред.). Уфа, 77-96.

Варламов К.И., Сламихин М.А. 1964: Разоблачение В.И. Лениным теории и практики «левых коммунистов» (ноябрь 1917 г. – 1918 г.). М.

Василькова А. 1947: Рабочий контроль над производством (февраль – октябрь 1917 г.) // ВИ. 10, 41-64.

Виноградов В.А. 1983: Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М.

Виноградов В.А., Воробьев Ф.Ф., Гладков И.А., Капустин Е.И. 1976: История социалистической экономики СССР: в 7 т. Т. I. М.

Виноградов В., Маевский И. 1956: Против извращения истории образования социалистического способа производства в СССР // Коммунист. 16, 122-128.

Войтинский И. 1917а: Примирительные камеры в России. М.

Войтинский И. 1917б: Примирительные камеры на Западе. М.

Воронецкая А.А. 1957: Организация Высшего совета народного хозяйства и его роль в национализации промышленности // Учен. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. история. 242, 3-38.

Вотинова К.Н. 1966: Социалистические преобразования в промышленности на Урале в первый период Советской власти (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь.

Галанов В.Д. 1919: Южно-Уральские заводы в дни Октябрьской революции // Уфимский сборник Октябрьской революции. 1, 29-30.

Гапоненко Л.С. 1970: Рабочий класс России в 1917 г. М.

Гапоненко Л.С. (отв. ред.) 1984: История советского рабочего класса: в 6 тт. Т. I. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний 1917–1920 гг. М.

Гимпельсон Е.Г. 1977: Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917–1920 гг.). М.

Гараев Г.Г. 1984: Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.). Томск.

Гершберг С. 1957: Демократический централизм в хозяйственном строительстве. М.

Гладков И. 1956: За научное освещение вопросов истории социалистического строительства в СССР// Вопросы экономики. 11, 135-146.

Голубцов В.С. 1975: Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923). М.

Гольдич Е. 1927: Октябрь на Урале. Вводный очерк // Рабочий класс Урала в годы войны и революций: в документах и материалах / А.П. Таянова (ред.). Свердловск, 3-58.

Городецкий Е.Н. 1987: Рождение советского государства 1917–1918 гг. М.

Готлобер В.М., Бабушкин С.М. 1957: О социалистическом преобразовании промышленности в Советской России // ВИ. 1, 63-69.

Гужвенко Г.И. 1941: Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа.

Далин Д. 1922: После войн и революций. Берлин.

Дашевская М.А. 1968: Участие профсоюзов и фабзавкомов Урала в осуществлении рабочего контроля и организации управления промышленностью (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Победа Октябрьской социалистической революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет Советской власти. Свердловск, 74-80.

Дмитриев Н. 1928: Примирительные камеры в 1917 году // Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Очерки и материалы. Л.

Дорохин И.И. 1960: Первые шаги рабочего контроля на Урале в 1917 г. // Из истории заводов и фабрик Урала. Вып. 1. Свердловск.

Дробижев В.З. 1966: Главный штаб социалистической промышленности (очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг.). М.

Дударь Е.И. 1967: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Оренбуржье (март 1917 – июнь 1918 гг.). Оренбург.

Заболотный Е. Б., В.Д. Камынин 2004: Историческая наука России в конце XX – начале XXI века. Тюмень.

Егорова А. Г. 1960: Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу октября. М.

Историография социалистического строительства на Урале в переходный период. 1982. Свердловск.

Камышлейцев В. В. 1973: Управление промышленностью Урала в первые месяцы Советской власти и разоблачение большевиками «левых коммунистов» (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Вестник Московского университета. 1.

Капцугович И. С. 1976: Историография политической гибели эсеров на Урале // Исследования по истории Урала. Ученые записки Пермского университета. 368. Вып. 5.

Карр Э. 1990: История Советской России. Кн. 1. Т. 1-2. Большевистская революция. 1917-1923. М.

Коваленко Д. А. 1976: Ленин и первые социалистические преобразования в промышленности Советской республики 1917 – 1920 гг. М.

Козочкина Е. Д. 1964: Из истории организации управления промышленностью (1918–1921 гг.). М.

Козьмин С. С. 1981: Борьба партийных организаций Урала за становление и укрепление новой дисциплины рабочих в первые годы Советской власти // Большевистские организации Урала в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1920). Свердловск.

Коробков Ю. Д. 2003: Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.

Ларин Ю., Крицман Л. 1920: Очерк хозяйственной деятельности и организация народного хозяйства Советской России. 1 ноября 1917 г. – 1 июля 1920 гг. М.

Лисовский Н. К. 1957: Октябрь на Южном Урале (Борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг.). Челябинск.

Лисовский Н. К. 1967: 1917 год на Урале. Челябинск.

Лисовский Н. К. 1968: Историография Октябрьской социалистической революции на Урале // Вопросы истории КПСС. Вып. 3.

Лозовский А. (*Дридзо С. А.*) 1918: Рабочий контроль. Петроград.

Лященко П. И. 1956: История народного хозяйства СССР. Т. III. М.

Марголин С. О. 1917: Примирительные камеры. С приложением «Положения о примирительных камерах», выработанного Отделом труда, критики этого «Положения» и проекта о примирительных камерах. Петроград.

Матушкин П. Г. 1966: Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск.

Механик Л. С. 1957: Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М.

Механик Л. С. 1961: Об использовании государственного капитализма в подготовке социалистического обобществления средств производства (конец 1917 – июнь 1918 гг.) // История СССР. Т. 5, 102-111.

Милютин В. П. 1918: Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914–1918 гг.). М.

Минц И. И. 1978: История Великого Октября. Триумфальное шествие Советской власти. Т. 3. М.

Михеев И. 1938: Национализация промышленности // ПЭ. 3, 120-131.

Насырин В. П. 1956: О некоторых вопросах социалистического преобразования промышленности в СССР // ВИ. 5, 90-99.

Оболенский В. 1918: Из первых дней Высшего Совета Народного хозяйства // Народное хозяйство. 11, 11-14.

Пайпс Р. 1994: Русская революция. Ч. II. М.

Панкратова А. М. 1923: Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М.

Панкратова А. М. 1927: Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.

Подшивалов И. 1925: Гражданская борьба на Урале 1917 – 1918(Опыт военно-исторического исследования). М.

Постников С. П., Фельдман М. А. 2006: Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург.

Рашин А. Г. 1930: Металлисты СССР. М.

Резвушкин Я. 1936: Национализация промышленности на Урале // ПЭ. 3.

Ривкин Б. 1957: Финансовая политика в период Великой Октябрьской Социалистической революции. М.

Рубинчик М. 1936: Рабочий контроль и национализация в первые месяцы советской власти // ПЭ. 1, 87-109.

Рычкова Г. П. 1947: Большевики Урала в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Свердловск.

Савицкая Р. М. 1981: Задачи победившего пролетариата. О работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». М.

Самигулин В. С. 1959: Творческая активность трудящихся масс Урала в борьбе за рабочий контроль (март 1917 – май 1918 гг.) // Тр. УПИ.

Самохвалов Ф. В. 1964: Советы народного хозяйства в 1917 – 1932 гг. М.

Селиванов Н. П. 1970: Формирование органов управления промышленностью на Урале после Октябрьской революции // Тр. УПИ.

Селицкий В. И. 1957: Первые шаги рабочего контроля над общественным производством и распределением (март-апрель 1917 г.) // Ученые записки ЛГУ. 242, 62-85.

Селицкий В. И. 1968: Ещё раз к вопросу о рабочем контроле над производством и распределением // История СССР. Т. 4, 225-228.

Силантьев Н. П. 1957: Рабочий контроль и совнархозы. М.

Скворцов-Степанов И. 1918: От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М.

Соболева П. И. 1968: Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М.

Спиридонов М. В. 1965: Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917–1920 гг.). Петрозаводск.

Спирин Л. М. 1956: О первых социалистических преобразованиях в промышленности Советской России // ВИ. 11, 72-76.

Степанов З. В. 1967: К вопросу о рабочем контроле над производством и распределением // История СССР. Т. 1, 232–235.

Таняев А. П. 1931: Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны. Свердловск; М.

Титов К. В. 1991: Проблема рабочего контроля и возможности социального и межпартийного консенсуса на промышленных предприятиях России в период с февраля по октябрь 1917 г. (К постановке вопроса) // Многопартийность на Урале: история и современность. Пермь.

Томшич Т. С. 1983: Советская историография гегемонии рабочего класса в период Октябрьской революции на Урале // Установление и упрочение Советской власти на Урале. Тезисы межвузовской региональной научной конференции. Челябинск.

*Трукан Г. А.*1977: Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М.

Фельдман М. А. 2001: Рабочие крупной промышленности Урала в 1914 – 1941 гг. Екатеринбург.

Филоненко А. Л. 1997: Время Ю. Ларина. СПб.

Филоненко А. Л. 1998: ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск.

Фин Я. 1922: Фабрично-заводские комитеты в России. Краткий очерк их возникновения и деятельности. М.

Фрейдлин Б. 1933: Экспроприация фабрик и заводов после Октября // Борьба классов. 11, 30-39.

Фрейдлин Б. М. 1967: Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М.

Ходяков М. В. 1995: Примирительные камеры в российской промышленности 1917 – первой половины 1918 гг. // Революция 1917 года в России / О.А. Поливанова, В.И. Старцева (ред.). СПб.

Ходяков М.В. 1997: Социальное партнерство в 1917 году (опыт примирительных камер Петрограда) // Материалы межвузовской научной конференции «Февральская революция в России и современность» (к 80-летнему юбилею Второй российской революции) СПб.

Цыперович Г. 1919: Синдикаты и тресты в России. М.

Чураков Д.О. 1998: Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М.

Шакинко И.М. 1966: Борьба уральских рабочих против саботажа горнопромышленников в 1917 году // Вопросы истории Урала.

Brinton M. 1972: The Bolsheviks and Workers' control 1917 to 1921. The state and Counter-revolution. London.

Gerschenkron A. 1962: Economic Backwardnen in Historical Perspective. A book of Essays. Cambridge.

Keep J.L.H. 1976: The Russian Revolution. A Study in mass mobilization. London.

А.П. Абрамовский,
доктор исторических наук, профессор
Челябинского государственного университета

А.В. Буданов,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Челябинского института (филиала) ФГОУ ВПО
«Уральская академия государственной службы»

© 2012

Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в англо-американской историографии

В истории каждой страны есть события, которые становятся значимыми не для одного поколения людей, память о которых хранится, пересматривается, постоянно привлекает к себе интерес. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. на протяжении уже более шестидесяти лет находятся в центре внимания российской и зарубежной общественности. Срыв англо-франко-советских переговоров, пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г. и секретный дополнительный протокол к нему, последующие соглашения между правительствами СССР и Германии, роль этих договоренностей в возникновении Второй мировой войны, характер отношений между Москвой и Берлином в период действия договора о ненападении, причины военного столкновения между Германией и СССР в 1941 г. – это те вопросы, которым посвящено огромное количество исследований, а обсуждение их ведётся не только на страницах научной, общественно-политической литературы, но и в средствах массовой информации. 1 сентября 2009 г. исполнилось 70 лет со дня начала Второй мировой войны. Юбилейная дата вновь побудила историков и общественность обратить внимание на события 1939 г.

Актуальность и дискуссионность вопросов, связанных с советско-германскими отношениями 1939–1941 гг., заставляют исследователей обращаться не только к собственно перипетиям этих событий, но и к опыту их изучения учеными различных стран, в том числе Великобритании и США. В отечественной историографии до конца 1980-х гг. господствовала одна, официальная версия событий 1939–1941 гг., основные положения которой не подвергались сомнению и не обсуждались; в ФРГ в течение долгих лет внимание историков было сконцентрировано на процессе «преодоления прошлого» (Vergangenheitsbewältigung), в то время как в исторической науке США и Великобритании на протяжении всех послевоенных лет сохранялся устойчивый интерес к международным отношениям кануна Второй мировой войны и ее начального периода. Неразрывная связь национальных исторических школ США и Великобритании (значительная общность взглядов, совместная

реализация исследовательских программ, регулярный обмен кадрами) позволяет говорить об англо-американской традиции изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг.

В истории изучения событий 1939–1941 гг. в Великобритании и США можно выделить несколько этапов. Первые британские исследования причин Второй мировой войны и событий, ей предшествовавших, относятся к 1940-м гг. С момента объявления войны, а особенно после ее окончания, когда страна еще переживала много трудностей, а в памяти населения были свежи преступления нацистов, первостепенный интерес вызывала проблема происхождения этого военного конфликта. В июле 1940 г. под псевдонимом «Cato» была опубликована книга журналистов М. Фута, Ф. Оуэна и П. Говарда «Guilty men» («Виновные люди»). Книга сразу стала популярной и уже к октябрю 1940 г. была переиздана более 20 раз. Резко критикуя творцов политики умиротворения, и в первую очередь кабинет Н. Чемберлена, авторы давали ответ на самый острый вопрос того времени: кто был виновен в развязывании войны?[1] Интерес исследователей к внешнеполитическим вопросам стимулировало и издание документов Форин Оффиса, начавшееся уже в 1944 г.

Большую роль в формировании официальной версии событий 1939–1941 гг. в первые послевоенные годы сыграли непосредственные участники, свидетели событий тех лет. К концу 1940-х гг. в британской историографии утвердилась концепция У. Черчилля (премьер-министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг.), суть которой заключалась в осуждении политики «умиротворения». В труде «Вторая мировая война» автор дал подробный анализ расстановки военно-политических сил накануне 1939 г. Самым роковым шагом, приблизившим мир к порогу войны, Черчилль считал расчленение Чехословакии. Единственный возможный выход из кризисной ситуации, сложившейся к 1939 г., Черчилль видел в англо-франко-советском союзе: «Гитлер не мог бы позволить себе ни начать войну на два фронта, которую он сам так резко осуждал, ни испытать неудачу. Очень жаль, что он не был поставлен в такое затруднительное положение, которое вполне могло бы стоить ему жизни»[2]. Если бы правительство Н. Чемберлена проводило более реалистичную политику, «история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае, по худшему пути она пойти не могла»[3]. Советско-германское сближение Черчилль оценивал как единственно возможный, жизненно необходимый и реалистичный в тех условиях шаг советских политических деятелей. Подписание пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., по его мнению, «знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»[4]. Сам пакт для обеих сторон был «только временной мерой, продиктованной обстоятельствами». По мнению Черчилля, «Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу «поодиночке». Невозможно сказать, кому договор внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину»[5].

Практически такой же позиции придерживался известный военный теоретик Б.Г. Лиддел-Гарт, отмечая, что Гитлер вообще не планировал большую войну: «Даже летом 1939 г. он говорил, что конфликта с Англией не будет»[6]. Ответ на вопрос, почему война все-таки началась, следует искать в той поддержке, которую так долго оказывали Германии западные державы своей уступчивой позицией, и в их неожиданном повороте к «политике гарантий» весной 1939 г., после которого война стала неизбежной. Единственная возможность избежать войны, по мнению Лиддел-Гарта, заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой России, единственной державы, которая могла сдержать Гитлера. Однако, несмотря на всю остроту положения, действия правительства Англии были «вялыми и неискренними», «Чемберлен питал чувство глубокой неприязни к Советской России, а Галифакс (министр иностранных дел Великобритании) – религиозную антипатию». В этих условиях Сталин занял позицию «сталкивания лбами» противников, а «главными виновниками этого являются те, кто был ответственен за проведение политики колебаний и спешки в обстановке, явно чреватой взрывом»[7].

---

[1] Cato 1940, 125.
[2] Черчилль 1998, 179–183.
[3] Черчилль 1998, 189.
[4] Черчилль 1998, 191.
[5] Черчилль 1998, 192–193.
[6] Лиддел-Гарт 1976, 264.
[7] Лиддел-Гарт 1976, 158.

К концу 1940-х гг. в исторической науке Великобритании формируется направление, приверженцы которого подвергли детальной критике политику умиротворения (Л. Немир, Р. Сетон-Уотсон, Э. Карр, У. Медликотт)[8]. По словам К. Роббинса, «это поколение историков отражало взгляды общественности, для которой слова «умиротворение» и «Мюнхен» стали уничижительными, а «антиумиротворение» стало общим законом внешней политики»[9]. Именно в этот период получила развитие концепция «Guilty men», которая занимала серьезные позиции до 1960-х гг. Суть этой концепции заключалась в поиске конкретных виновников развязывания Второй мировой войны, провала англо-франко-советских переговоров[10]. Крупнейший исследователь Второй мировой войны Д.К. Уатт отмечал: «Теория вины запала очень глубоко в общественное сознание свободного мира... Все представлялось как в детективе: участники войны делились на жертв и агрессоров. Чтобы истолковать проблемы внешней политики, было достаточно диагностировать грехи тех, кто ее проводил»[11].

Своеобразной была позиция крупнейшего британского историка Э. Карра. Не включаясь непосредственно в дебаты о вопросах вины, в труде «Двадцатилетний кризис, 1919 – 1939» Карр критиковал тех, кто в начале войны нашел очень легкий путь – «приписать катастрофу исключительно амбициям и высокомерию маленькой группы людей и не искать иных объяснений»[12]. Рассматривая проблему советско-германских и англо-франко-советских отношений в 1938–1941 гг., отмечал, что Гитлер долго колебался, выбирая союзника для реализации своих целей по расширению жизненного пространства. Да и в «умах советских лидеров царило глубокое и неискоренимое недоверие к немецкой политике». Лед в советско-германских отношениях начал таять только в июне 1939 г., что было связано с тупиком на переговорах с Великобританией и Францией. Проблема советских государственных деятелей была в том, что нужно было сделать выбор: война между Гитлером и советской Россией при нейтралитете западных держав или молчаливое благоприятствование Гитлеру. Союз с Западом потерпел неудачу, поэтому нейтралитет в войне между Германией и Западом или, в худшем случае, союз с Гитлером, был единственным путем. В результате в то время, когда Гитлер был все еще в нерешительности, выступить ли сначала против Востока или против Запада, советскую Россию вынудили признать очевидное банкротство ее западной политики и необходимость достижения соглашения с Гитлером. Главная цель советской внешней политики, по мнению Карра, состояла в том, чтобы избежать изоляции. Результаты воплотились в договоре августа 1939 г.: «Это была гарантия, что, если советской России пришлось бы в конечном счете бороться с Гитлером, западные державы были бы уже вовлечены, и больше не могли убежать, перемещая главный удар нападения на Россию»[13].

На англо-американскую историографию советско-германских отношений 1939–1941 гг., безусловно, оказало влияние начало «холодной войны», конфронтация с советскими историками. Переплетение истории и политики было характерной чертой историографии послевоенного периода. Ситуацию обострила публикация в 1948 г. сборника документов «Нацистско-советские отношения, 1939–1941»[14].

Одним из спорных для британских историков был вопрос о том, кто проявил инициативу заключения советско-германского договора о ненападении. Ряд исследователей консервативного направления предпринимали попытки объяснить причины провала тройственных переговоров «неконструктивной политикой Советского Союза» и его ориентацией на Германию. Еще в 1940 г. У. Медликотт заявил, что СССР «отказался в самый решительный момент от участия в эффективных мерах коллективной безопасности». Согласно точке зрения Медликотта, переговоры с Лондоном и Парижем использовались Советским Союзом как средство для достижения более выгодных согла-

---

[8] Эти исследователи тоже были непосредственными участниками событий: Л. Нэмир являлся сотрудником Форин оффиса, Э. Карр – дипломатом в прибалтийских странах, У. Медликотт – возглавлял созданное на период войны Министерство военной экономики, Р. Сеттон-Уотсон – служил в разведке.

[9] Robbins 1997, 3 – 5.

[10] Aster 1997, 62 – 78.

[11] Watt 1976, 110.

[12] Carr 1939, 8 – 10.

[13] Carr 1979, 115.

[14] Nazi-Soviet Relations 1939–1941, 1948.

шений с Германией[15]. В 1948 г. Дж. Уиллер-Беннет сравнил советско-германский пакт с Тильзитом и Брест-Литовском. По его мнению, СССР следовал тем же курсом, который Англия и Франция проводили в Мюнхене, чтобы «купить мир и время для подготовки к войне за счет малых народов»[16]. У. Ширер отмечал, что в советско-германском сближении инициатива, безусловно, принадлежала советскому правительству, в то время, как Гитлер долго колебался. В итоге был заключен «циничный сговор между двумя близкими по духу тоталитарными режимами», послуживший главным толчком для развязывания Второй мировой войны[17].

Следующий этап в развитии историографии событий 1939–1941 гг. связан с новым поколением историков: тех, кто начал профессиональную деятельность уже после окончания войны (М. Гилберт, Д. Уатт, Р.А. Паркер, и др.). В 1963 г. молодые ученые М. Гилберт и Р. Готт выпустили работу «Умиротворители», в которой сгруппировали все доводы, показывающие пагубность внешнеполитического курса Великобритании. Однако эти авторы не усматривали «злого умысла» в действиях Лондона и Парижа. В «умиротворителях» они видели прежде всего сторонников «христианских идеалов», жаждавших «европейского мира» и процветания, но абсолютно неспособных разбираться в жестокой реальности мировой политики 30-х гг.[18]. Книга привнесла много нового в дискуссии о причинах войны. Она открыла обсуждение игнорируемых ранее колониальных и экономических аспектов умиротворения. Данный труд носил скорее публицистический характер.

К исследованиям непрофессионалов относится и работа А.Дж.П. Тейлора. Он специализировался на истории Германии XIX – начала XX вв. и неожиданно для всех выпустил книгу «Происхождение Второй мировой войны», в которой общепринятый взгляд на роль британского правительства в событиях, ведущих к возникновению Второй мировой войны, ниспровергался и пересматривался[19]. Анализируя причины срыва тройственных переговоров, автор отмечал, что «стороны хотели соглашения, но далеко не одинакового. Англичане стремились к моральной демонстрации, достаточной для достижения соглашения с Гитлером на более приемлемых условиях. Русские хотели четкого военного союза на принципах взаимопомощи, который или остановит Гитлера, или обеспечит их безопасность». «По вине Лондона и Парижа, – считал Тейлор, – были обречены на неудачу переговоры в Москве»[20]. Германо-советский пакт, по мнению Тейлора, не был союзом, это был взаимный обмен обещаниями о ненападении и нейтралитете, а секретный протокол определил сферы интересов <...> Трудно сказать, какой другой курс могла избрать Советская Россия». Наибольший интерес вызвало заявление автора о том, что в развязывании войны виноват не столько Гитлер, сколько западные страны: «Объективно войну не только объявили, но и в значительной мере желали и стимулировали Англия и Франция»[21]. Таким образом, было признано, что пакт Молотова-Риббентропа был логичной реакцией на политику Запада и в известной мере имел для СССР вынужденный характер.

Книга А.Дж.П. Тейлора произвела «эффект смятения», вызвала огромный интерес и массу комментариев и возражений[22]. Полемика вокруг его концепции не затихала до начала 70-х гг. Исследование Тейлора оказало такой же эффект на историческую науку Великобритании, какой в России в начале 1990-х гг. произвела версия В. Суворова. Работа Тейлора заставила вернуться к вопросу о происхождении Второй мировой войны, многое переосмыслить. Актуальным стало обсуждение альтернатив политики британского правительства в 1939–1941 гг. Так, Р. Паркер, рассматривая международную политическую обстановку накануне Второй мировой войны, пришел к выводу, что одним из вариантов успешного противостояния агрессивной Германии было эффективное сотрудничество в рамках Лиги Наций. Однако «в правительстве, среди активных членов Консервативной партии, да и по всей стране было очень много тех, кто расценивал идею Лиги лишь как заблуждения идеалистов. Поддержка Лиги стала лишь маскировкой для изоляции. Чемберлен выбрал умиротво-

[15] Реутов 1975, 130–131.
[16] Реутов 1975, 154.
[17] Shirer 1960, 115.
[18] Watt 1965, 111.
[19] Taylor 1962.
[20] Taylor 1975, 152.
[21] Taylor 1975, 155.
[22] Watt 1976, 119.

рение, отклонив иные альтернативы и, таким образом, задушил реальные возможности предотвращения Второй мировой войны»[23].

Настоящий переворот в изучении событий 1939–1941 гг. произошел в 1970-е гг. Толчком послужило открытие документов государственного архивного фонда по предыстории Второй мировой войны (согласно закону 1967 г.), вызвавшее подлинный ажиотаж в написании работ по истории внешней политики Великобритании. Исследователи получили доступ к материалам заседаний кабинета министров и Комитета по внешней политике. По словам Д. Уатта, «публикация каждого нового выпуска документов сопровождалась всплеском интереса к событиям кануна Второй мировой войны <...> Первыми «снимали сливки» журналисты и публицисты, а потом дело доходило до историков-профессионалов»[24].

В литературе, вышедшей в свет в 1970-е гг., во многом по-новому освещались проблемы международных отношений 1939–1941 гг. и причины вступления Великобритании во Вторую мировую войну. В историографии наряду с умеренной критической оценкой действий британского правительства, которая содержалась преимущественно в работах либеральных историков, укрепилась тенденция пересмотра в оценках предвоенного политического курса. Инициатива пересмотра, исходившая от историков консервативного направления, получила в историографии условное название ревизионистского. После открытия архивных фондов консервативные историки начали искать дополнительные аргументы (в противовес доводам либеральных критиков политики «умиротворения»), которые бы доказывали, как мало возможностей для маневра имело британское правительство во взаимоотношениях с фашистскими и милитаристскими государствами накануне Второй мировой войны. Историки-ревизионисты (К. Роббинс, М. Коулинг и др.) стремились утвердить тезис о «вынужденности» подобной политики для правительства Чемберлена, который добивался поддержания европейского мира и статус-кво в Европе, достаточно реалистически оценивая сложную обстановку в Европе. Политика «умиротворения», таким образом, выглядела в их интерпретации как прагматическая (тогда как либеральные историки нередко оценивают ее как результат внешнеполитических иллюзий, идеализма кабинета консерваторов)[25]. Принимая во внимание противоречивые экономические и социальные факторы и находясь под сильным политическим давлением различных групп внутри страны, Н. Чемберлен, по мнению Роббинса, вынужден был проводить такую внешнюю политику, которая не входила в его намерения. Ситуацию мог изменить только Советский Союз. Тройственные переговоры «могли бы увенчаться успехом и преодолением взаимного недоверия, но все усилия завершились драматической новостью о заключении советско-германского пакта»[26]. В конечном счете, не снимая с консервативного правительства ответственности за «умиротворение», авторы характеризовали этот курс как часть государственной «оборонительной» политики, вполне естественной в сложившейся ситуации. «Ревизионисты» утверждали, что «ключи от мира» находились в руках советского руководства и именно Советский Союз несет ответственность за развязывание войны в Европе[27]. Большинство исследователей, тем не менее, сошлись в том, что признали толчком к сближению между СССР и Германией Мюнхенское соглашение.

Необходимо отметить, что, несмотря на волну ревизионизма, концепция «guilty men» не была полностью опровергнута. Такие историки, как Дж. А. С. Гренвилл, Л. Фуксер, Э. Адамуэйт, Г. Кеннеди, признавая важность политических, культурных, экономических детерминант в процессе принятия решений, все же продолжали обсуждать значимость личности как фактора политики[28].

К концу 1980-х гг. позиции «ревизионистов» постепенно ослабевают. Интерес к советско-германским отношениям 1939–1941 гг. заметно снижается. Как отмечает Дж. Робертс, это было связано с отсутствием новых источников: «Западные дипломатические архивы в течение 50-х, 60-х, 70-х гг. «извергли» свое содержимое. Советские архивы оставались прочно закрытыми. Комментарии по поводу советско-германских отношений 1939–1941 гг. появлялись в общих трудах по истории со-

[23] Parker 1948, 220.
[24] Watt 1976, 119.
[25] Robbins 1997; Cowling 1977.
[26] Robbins 1997, 86–87.
[27] Robbins 1997, 15.
[28] Aster 2008, 444.

ветской внешней политики, в социологических исследованиях, во время дебатов о вкладе во Вторую мировую войну. Но чаще это были лишь повторения ранее высказанных постулатов»[29].

Кардинальные перемены в международной политической жизни (и прежде всего, события в Советском Союзе) вызвали необходимость пересмотра устоявшихся концепций, переоценки многих спорных вопросов. Категоричность в трактовке тех или иных событий уступает место рассмотрению возможных альтернатив и более гибким формулировкам. Так, например, американский историк Г.Л. Вайнберг, оценивая советско-германские отношения 1939–1941 гг., пришёл к выводу, что главной целью советского правительства было стремление избежать изоляции, ради чего оно готово было заключить соглашение с любой из соперничающих группировок капиталистических государств[30].

Дж. Робертс в своей работе 1989 г. рассматривал советско-германское сближение в 1939 г. как «определенное стечение политических и дипломатических обстоятельств»[31]. Анализируя историю заключения и изучения советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и последующих соглашений, автор пришёл к выводу о том, что главным поводом к сближению Германии и СССР послужил крах тройственных переговоров. СССР преследовал цель избежать изоляции, а затем усилить безопасность посредством комбинации территориальных расширений и политического сотрудничества с Германией и как можно дольше не вступать в войну. Внезапность нападения на Советский Союз – результат неверной оценки данных разведки и уверенности в том, что Великобритания стремится разжечь конфликт между Германией и Советским Союзом[32]. С такими же оценками в 1990-е гг. выступали Д. Глантц и Дж. Хаслэм[33].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. в англо-американской историографии предвоенного периода наметились новые тенденции, что связано со сменой методологических подходов. На первый план выдвинулись новые аспекты, такие как роль ментальности и культурных факторов в процессе принятия политических решений, взаимосвязь между политикой умиротворения и национальной идентичностью, историографией событий 1930-х гг. и исторической памятью[34].

Таким образом, изучение советско-германских отношений 1939–1941 гг. в исторической науке Великобритании и США прошло несколько этапов. В 1940-е–1960-е гг., с одной стороны, преобладало критическое отношение к политике умиротворения, с другой стороны, провал тройственных переговоров объяснялся зачастую прогерманской ориентацией СССР. С начала 1960-х гг. предпринимались попытки «романтизации» политики умиротворения, объяснения ее как последовательной и в принципе верной в сложившейся внешнеполитической обстановке. В то же время появление исследования Тейлора и расширение источниковой базы оживили интерес к событиям кануна и начального этапа Второй мировой войны. Как и в СССР, развитие англо-американской историографии советско-германских отношений испытало на себе влияние политического и идеологического факторов, особенно в период «холодной войны». Несмотря на явное преобладание на разных этапах изучения начального периода Второй мировой войны и советско-германских отношений 1939–1941 гг. тех или иных тенденций, нельзя сказать, что историография развивалась линейно: от традиционной версии к ревизионизму, а затем – к постревизионизму. Разные оценки событий 1930-х – 1940-х гг. существовали зачастую параллельно и были обусловлены не только профессиональным интересом историков к этому периоду, но и влиянием политики.

ЛИТЕРАТУРА

Лиддел-Гарт Б.Г. 1976: Вторая мировая война. М.
Реутов Г.Н. 1975: Правда и вымысел о Второй мировой войне. М.
Согрин В.И., Зверева Г.И. 1991: Современная историография Великобритании. М.
*Черчилль У.*1998: Вторая мировая война: Избранные страницы. М.

[29] Roberts 1989, 15.
[30] Weinberg 1994.
[31] Roberts 1989, 24.
[32] Roberts 1989, 5-19.
[33] Glantz 1992, 55–95; Haslam 1992, 87–90.
[34] Aster 2008; Bell 1997; Finney 2011.

Aster S. 1997: Guilty men // The Origins of the Second World War. London, 62–78.

Aster S. 2008: Appeasement: before and after revisionism// Diplomacy and Statecraft. 19, 443 – 480.

Bell P.M.H. 1997: The Origins of the Second World War. L.

Carr E.H. 1939: The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. London.

Carr E.H. 1979: German-Soviet Relations between the Two World wars, 1919–1939. New-York.

Cato 1940: Guilty men. London.

Cowling M. 1977: The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933–1940. Chicago; London.

Finney P. 2011: Remembering the Road to World War Two: international history, national identity, collective memory. London.

Glantz D.M. 1992: The Military Strategy of the Soviet Union: a History. London.

Haslam J. 1992: The Soviet Union and the threat from the East. 1933–1941. Moskow, Tokyo and the prelude to the Pacific War. Pittsburg.

Nazi-Soviet Relations 1939–1941: Documents from the Archives German Foreign Office. Washington.

Parker R.A.C. 1948: Alternatives to appeasement // The Origins of the Second World War. London, 215–220.

Robbins K. 1997: Appeasemeant. London.

Roberts G. 1989: The Unholy Alliance: Stalin`s Pact with Hitler. Bloomington.

Shirer W. 1960: The Rise and Fall of the Third Reich. London.

Taylor A.J.P. 1962: The Origins of the Second World War. London.

Taylor A.J.P. 1975: The Second World War. London.

*Watt D.*C. 1965: Appeasement: the Rise of a revisionist School? // Political Quaterly. Vol. 36. 2, 192–212.

Watt D.C. 1976: The Historiography of Appeasement // Crisis and Controversy. London, 110–135.

Weinberg G.L. 1994: The Foreign Policy of Hitler`s Germany. Starting World War II, 1937–1939. New-York.

И.В. Грибан,
аспирантка кафедры всеобщей истории
Уральского государственного педагогического университета.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКБ	—	Археологическая карта Башкирии. М., 1976.
АМА	—	Античный мир и археология. Саратов
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе
БИ	—	Боспорские исследования / В.Н. Зинько (ред.). Симферополь; Керчь
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ВИ	—	Вопросы истории. Москва
ВЧГУ	—	Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск
ВЭ	—	Вопросы эпиграфики. Москва
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗАН	—	Записки Императорской Академии наук. Санкт-Петербург
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК	—	Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.; Петроград
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОРЯС	—	Известия Отделения русского языка и словесности. Санкт-Петербург
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МТЭ	—	Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
НА ИА РАН	—	Научный архив Института археологии Российской академии наук
ОАК	—	Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ОНУ	—	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПЭ	—	Проблемы экономики. Москва
РА	—	Российская археология. Москва
СА	—	Советская археология. Москва
САИ	—	Свод археологических источников. Москва
СГМИИ	—	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа
Тр. УПИ	—	Труды Уральского политехнического института им. С.М. Кирова. Свердловск
ХАЭЭ	—	Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиции. Москва
ЮТАКЭ	—	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад
AAe	—	Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Казань; Нижний Новгород; Саратов.
AC	—	Acta Classica: Proceedings of the Classical Association of South Africa. Balkema; Cape Town.
AHB	—	The Ancient History Bulletin, Calgary
AJA	—	American Journal of Archaeology. New York
AM	—	Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Berlin.
AnS	—	Ancient Society. Leuven
APA	—	Acta Praechistorica et Archaeologica. Berlin
ATL	—	Meritt, B.D., Wade-Geri, H.T., McGregory, M.F. The Athenian Tribute Lists // Vol. I–IV. Cambridge; Princeton, 1939–1953.
BCH	—	Bulletin de correspondance hellenique. Paris
BE	—	Bulletin epigraphic. Revue des études greques. Paris
BMM	—	Bulletin of Miho Museum. Shigaraki
BSA	—	Annual of the British School at Athens. London
C&M	—	Classica et Madiaevalia: revue danoise d'histoire et de philologie, Kobenhavn
CAH	—	The Cambridge Ancient History (2nd ed.). Vol. 1–14. Cambridge, 1970–2001.

CIG	—	Corpus Inscriptiones graecarum. Bd. I–IV. / A. Boeckhius, I. Franzius, E. Curtius (eds.). Berlin 1828–1856.
CIL	—	Corpus inscriptionum Latinarum
CJ	—	Classical Journal. Ashland
CPh	—	Classical Philology. Chicago
CQ	—	Classical Quartely. Oxford
CRAI	—	Comptes rendus des séances de I`Academie des inscriptions et belles letters. Paris
CVA	—	Corpus Vasorum Antiquorum. Union Academie International.
EA	—	Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn
EKM	—	Γουναροπούλου Λ., Χατζόπουλος Μ.Β. ’Επιγραφὲς Κάτω Μακεδονίας. Τ. Α΄. ’Επιγραφὲς Βέροιας. ’Αθήνα, 1998.
FGrHist	—	Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker, Berlin; Leiden
FGrH	—	Jacoby F. Die Fragmente der Griechischen Historiker. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958.
GRBS	—	Greek, Roman and Byzantine Studies. Durcham
Göteb. Palim.	—	Dreyer B. Zum ersten Diadochenkrieg. Der Göteborger Arrian-Palimpset (ms — Graec 1) // ZPE. 1999. 125, 39-60.
HSCPh	—	Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, Mass.
I. Didyma	—	Rehm A. (Hg. von R. Harder). Didyma Bd. I-II. Die Inschriften. Berlin. 1958.
I. Iasos	—	Blümel W. Die Inschriften von Iasos. Teil I-II: (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 28. 1-2). Bonn, 1985.
I. Stratonikeia	—	Ç. Şahin. Inschriften von Stratonikeia. Teil I-II (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 21). Bonn, 1981-1990.
IGBR	—	Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Michailov. I–V. Sofia, 1958–1970.
IG	—	Inscriptiones graecae. Berlin
IJNA	—	International Journal of Nautical Archaeology. London
ISE	—	Iscrizioni storiche ellenistiche / Testo critico, traduzione e commento a cura di L. Moretti. I–II. Firenze, 1967–1975.
JHS		Journal of Hellenic Studies. London
JRH	—	Journal of Roman Studies. London
JRS	—	The Journal of Roman Studies. London
Leo	—	Leonis imperatoris strategemata. E codice florentino // FGrHist 639.
LGPN	—	A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford
Lindos II	—	Blinkenberg Chr. Lindos. T. II. Fouilles de l’acropole 1902–1914. Copenhague, 1941.
MDAFA	—	Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan. Paris
Metz	—	Epitome Metz: Thomas P.H. (ed.) Epitoma rerum gestarum Alexandri et Liber de Morte eius. Leipzig. 1966, 31-49.
OGIS	—	Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. I–II. Leipzig, 1903–1905.
OGIS	—	Orientis graeci inscriptiones selectae. I–II / W. Dittενβεργερ. Λειρζιγ. 1903-1905.
PΠ	—	Lα παρολα δελ πασσατο. Ναπολι
PX	—	Wελλεs X.B. Ροψαλ Χορρεσπονδεηχε ιν τηε Hellenistic period. New Haven, 1934.
REG	—	Revue des études grecques. Paris.
RE	—	Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen ltertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–1980.
RhM	—	Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frankfurt am Main
SB Berlin	—	Sitzungsberichte der königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
SEG	—	Supplementum Epigraphicum Graecorum. Leiden
SH	—	Studia historica. München
StV	—	Bengtson H. (Hrsg.). Staatsverträge des Altertums. Bd. II. 2. Aufl. München, 1975.
Syll.3	—	Dittenberger W.: Sylloge inscriptionum graecarum. 3. ed. 4 vol. Leipzig, 1915-1924.
Tod	—	Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol 2, 2nd ed. Oxford, 1948.
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА. ЭЛЛИНИЗМ

Ефремов Н.В. (Грейфсвальд) — Кария между Пердиккой и Антигоном (Некоторые примечания к истории западной Малой Азии в ранний период диадохов, 321–317 г. до н.э.) 3
Кузьмин Ю.Н., Габелко О.Л. (Казань) — Заметки о матримониальной политике Антигонидов в 50-20-е гг. III в. до н.э. 27
Власова О.А. (Ярославль) — Сакральная сфера в деятельности римского претора..... 43
Хрусталев В.А. (Санкт-Петербург) — К вопросу о суде над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э..... 49
Федина Ю.А. (Магнитогорск) — Галатия в восточной политике Рима в I в. до н.э. 61
Жаровская А.Н. (Ярославль) — Античные способы сохранения продуктов (по «Кулинарной книге» Апиция) 68

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Журавлев Д.В. (Москва) — Фрагмент шуточного кубка с Таманского полуострова... 74
Букина А.Н. (Санкт-Петербург) — Коринфские котилы шаблонного стиля из Северного Причерноморья в собрании Государственного Эрмитажа..... 84
Могаричев Ю.М. (Симферополь) — Жития св. Херсонских епископов. Версия протографа 102

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Тихонов Р.В. (Елец) — Местные традиции и греческие новации в керамическом ремесле Бактрии эпохи эллинизма 128
Дмитриев В.А. (Псков) — Рога барана и крылья сокола: к вопросу о религиозной символике оформлении царских корон Сасанидов..... 144

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Дэвлет Е.Г. (Москва) — Об изображениях северных оленей в наскальном искусстве Чукотки..... 153
Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. (Москва) — Об исследовании техники выполнения изображений на скалах 158
Гарустович Г.Н., Овсянников В.В. (Уфа) — Средневековое святилище на горе Уклакай на Южном Урале..... 179

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Коробов Д.С. (Москва) — Раннесредневековые поселения в Зубчихинской балке близ Кисловодска 188

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Иванов А.Г. (Магнитогорск) — Советская наука и образование в общественных дискуссиях Канады второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. 216

ИСТОРИЯ РОССИИ

Шаповалов В. А. (Белгород) — Провинциальное дворянство и выработка проектов реформы отменены крепостного права: социально-психологический аспект (на примере Центрального Черноземья) 226
Дорожкин А. Г., Переверзев В. В. (Магнитогорск) — Первые «социалистические войны» в отражении советской периодической печати 236

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Пузанкова С. Н. (Магнитогорск) — Надпись «На Сарское село» М. В. Ломоносова: архитектурно-пейзажный экфрасис 254
Соколова В. В. (Магнитогорск) — Женское и мужское в поэтическом манифесте Е. П. Ростопчиной «Как должны писать женщины» 259
Зайцева Т. Б. (Магнитогорск) — Чехов и Киркегор: к вопросу о типологических и генетических связях 265
Постникова Е. Г. (Магнитогорск) — Мифы русской истории и история глуповского мифа (по *роману М. Е.* Салтыкова Щедрина «История одного города») 274
Севастьянова В. С. (Магнитогорск) — Модель мира в русской литературе 1900–1920-х гг. (В. Брюсов, Е. Замятин) 281
Хуббитдинова Н. А. (Уфа) — Произведение башкирской литературы и его фольклорные варианты (к вопросу об обратной связи литературы и фольклора) 289
Жаткин Д. Н., Милотаева О. С. (Пенза) — Д. Е. Мин — переводчик поэмы У. Морриса «Земной рай» 293
Ломовцева М. В. (Магнитогорск) — Отражение образа мольеровского Дон Жуана и функционирование связанных с ним мотивов в комедиях У. Конгрива «Старый холостяк» и «Любовь за любовь» 303

ЛИНГВИСТИКА

Амирян Т. Н. (Москва) — Конспирология: дискурс и жанр 311
Зарецкая А. Н. (Челябинск) — Средства создания подтекста в авторском кинематографе 323
Лунцова О. М. (Магнитогорск) — Семантическое описание ядра градиент-концепта дружба-мир-вражда 327
Козько Н. А. (Магнитогорск) — Лингвокультурные особенности концепта «спиртные напитки» в английском языке 334
Корда О. А. (Магнитогорск) — Локативность как основа организации креолизованного журналистского текста (на примере публикаций журнала «Русский репортер») 343
Смолин И. В. (Магнитогорск) — Методы репрезентации «Чужого» российскими средствами массовой информации в условиях затяжного политического конфликта (на примере текстов, посвященных отношениям России и Грузии) 352

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Антонов И. В. (Уфа) — Башкиры и венгры в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина 364

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Чиглинцев С. А. (Казань) — Античность в современной культуре: теория и практика рецепции 371

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Захаров А. О. (Москва) — Southeast Asian Ceramics: New Light on Old Potery / J. N. Miksic (ed.). Singapore: Southeast Asian Ceramic Society – Editions Didier Millet, 2009. 176 p. 378
Абрамовский А. П., Буданов А. В. (Челябинск) — Историография социально-экономических преобразований в горнозаводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. 381
Грибан И. В. (Екатеринбург) — Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в англо-американской историографии 398

CONTENTS

HISTORY OF ANCIENT WORLD, MIDDLE AGES AND ARCHAEOLOGY

HISTORY OF ANCIENT GREECE AND ROME. HELLENISM

N. V. Efremov (Greiswald) — Caria Between Perdiccas and Antigonus Rule. Comments on the History of Western Asia Minor in Early Diadoch Period (321–317 BC) 3
Yu. N Kuzmin., O. L. Gabelko (Kazan) — Antigonid Matrimonial Policy in the 250–220-s BC 27
O. A. Vlasova (Yaroslavl) — Sacral Activity of Roman Praetor 43
V. K. Khrustalev (Moscow) — Gaius Antonius Hybrida, Macedonian Proconsul, on Trial in 59 BC 49
Yu. A. Fedina (Magnitogorsk) — Galatia in Roman Politics of the 1st Century BC 61
A. N. Zharovskaya (Yaroslavl) — Ancient Methods of Food Preservation (based on “De Re Coquinaria” by Apicius) 68

NORTHERN BLACK SEA REGION

D. V. Zhuravlyov (Moscow) — Funny Drinking Vessel Fragment from Taman Peninsula ... 74
A. N. Bukina (St.-Peterburg) — Korinthian Template Cotilas in the State Hermitage collection from the Northern Black Sea Region 84
Yu. M. Mogarichev (Simferopol) — St. Cherson Bishops Hagiography. Protograph Version 102

THE ANCIENT ORIENT

R. V. Tikhonov (Yeletz) — Local Traditions and Greek Novations in Bactrian Ceramic of the Hellenistic Period 128
V.A. Dmitriyev (Pskov) — Ram's Horns and Falcon's Wings: Religious Symbolism in Sasanian Kings' Crowns 144

PREHISTORY

Ye. G. Devlet (Moscow) — Reindeer Images in Chukchi Peninsula Petroglyphs 153
Ye. Yu. Girya, Ye. G. Devlet (Moscow) — Petroglyph Technique Study 158
G. N. Garustovich, V. V. Ovsyannikov (Ufa) — Uklykay Mountain Medieval Sanctuary in South Urals 179

THE MIDDLE AGES

D. S. Korobov (Moscow) — Early Medieval Settlements in Zubtchikhinskaya Balka Near Kislovodsk 188

MODERN HISTORY

A. G. Ivanov (Magnitogorsk) — Public Debates on Soviet Science and Education in Canada in the Late 1950-s — early 1960-s 216

HISTORY OF RUSSIA

V.A. Shapovalov (Belgorod) — Provincial Nobles and Serfdom Abolition Project: Social And Psychological Aspect (Based on Central Chernozemye) 226
A. G. Dorozhkin, V. V. Pereverzev (Magnitigorsk) — First "Socialist Wars" in Soviet Periodicals 236

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

S. N. Puzankova (Magnitogorsk) — M. V. Lomonosov's Inscription "Na Sarskoye Selo": Architecture and Landscape Ecphrasis 254
V. V. Sokolova (Magnitogorsk) — Male And Female Aspects in Ye. P. Rostopchina's Manifesto "How Women Should Write" 259
T. B. Zaitseva (Magnitogorsk) — Chekhov and Kierkegaard: on the Issue of Typological and Genetic Linkage 265
Ye. G. Postnikova (Magnitogorsk) — Russian History Myths and the History of Glupov Myth (based on M. Ye. Saltykov Shchedrin's Novel) 274
V. S. Sevastyanova (Magnitogorsk) — World Image in Russian Literature of the 1900–1929s (V. Bryusov, Ye. Zamyatin) 281

N. A. Khubbitdinova (Ufa) — Work of Bashkir Literature and its Folklore Versions (Literature Feedback on Folklore)..... 289
D. N. Zhatkin, O. S. Milotayeva (Penza) — D. Ye. Min's Translation of W. Morris's Poem "The Earthly Paradise"..... 293
M. V. Lomovtseva (Magnitogorsk) — The Image of Moliere's Don Juan and Ensuing Motifs in W. Congreve's Comedies "The Old Bachelor" And "Love For Love"..... 303

LINGUISTICS

T. N. Amiryan (Moscow) — Conspiracy Theory: Discourse And Genre..... 311
A. N. Zaretskaya (Chelyabinsk) — Subtext Means in Arthouse Cinema..... 323
O. M. Luntsova (Magnitogorsk) — Semantic Presentation of the Nucleus of the Gradient-Concept "Friendship-Peace-Enmity"..... 327
N. A. Kozko (Magnitogorsk) — Linguocultural Peculiarities of the Concept "Alcohol" in English..... 334
O. A. Korda (Magnitogorsk) — Locativeness as a Basis for Creolized Press Material (based on "The Russky Reportyor" Magazine Publications)..... 343
I. V. Smolin (Magnitogorsk) — Russian Mass Media Means of Presenting Anothers in a Prolonged Political Conflict (based on Russia-Georgia Relations)..... 352

CULTURE

ETHNOLOGY

I. V. Antonov (Ufa) — Bashkirs and Hungarians in Rashid ad-Din's "Chronicle Collection"..... 364

CULTUROLOGY

S. F. Chiglintsev (Kazan) — Ancient World In Modern Culture: Reception Theory and Practice..... 371

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHCAL SURVEYS

A. O. Zakharov (Москва) — Southeast Asian Ceramics: New Light on Old Potery / J.N. Miksic (ed.). Singapore: Southeast Asian Ceramic Society — Editions Didier Millet, 2009. 176 p..... 378
A. P. Abramovsky, A. V. Budanov (Chelyabinsk) — Historiography of Social and Economic Changes in Ural Mining Area in 1917–1918..... 381
I. V. Griban (Yekaterinburg) — English-american Historiography on Soviet-German Relations in 1939–1941..... 398

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2012

Сдано в набор 03.02.2012. Подписано в печать 04.04.2012.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.